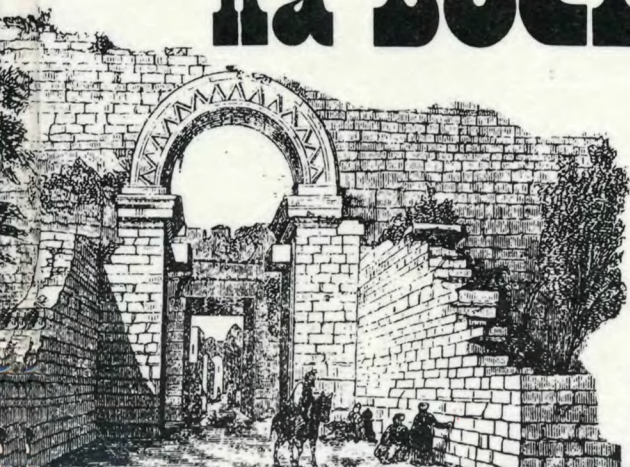
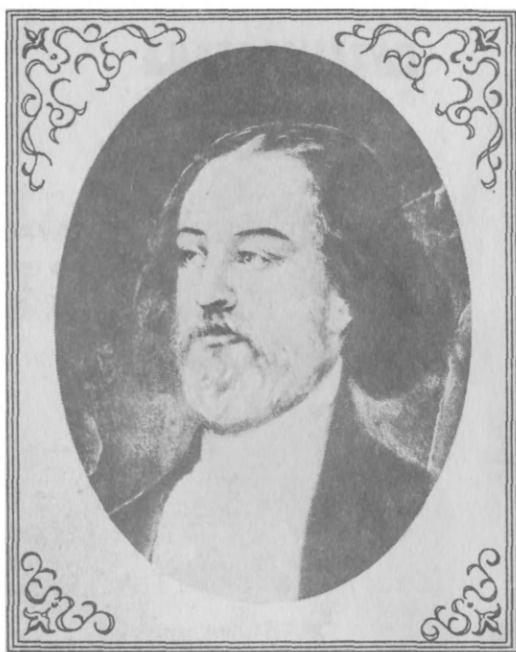

Т. Флюбер

ПУТЕШЕСТВИЕ на ВОСТОК

Г. Флобер

***Портрет работы художника Э. Бержевена
50-е годы***

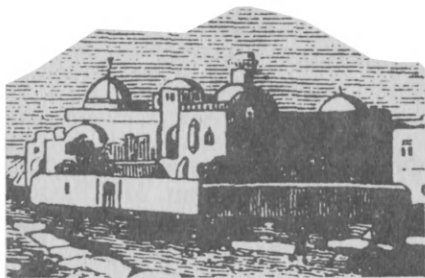
Серия
основана
в 1957 году

Российская академия наук
Институт востоковедения

А. Фрибер

ПУТЕШЕСТВИЕ на ВОСТОК

Путевые заметки

Перевод с французского

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1995

ББК 84.4 (4Фр)
Ф69

Редакционная коллегия

К.А.МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л.Б.АЛАЕВ,
Л.М.БЕЛОУСОВ, А.Б.ДАВИДСОН, Г.Г.КОТОВСКИЙ,
Р.Г.ЛАНДА, Н.А.СИМОНИЯ

Перевод с французского

И.В.РАДЧЕНКО

Предисловие и примечания

Т.В.СОКОЛОВОЙ

Редактор издательства

И.С.СМИРНОВ

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции
в Российской Федерации*

Флобер Г.

Ф69 Путешествие на Восток. Путевые заметки. Перевод с франц. И.В.Радченко. Предисл. и примеч. Т.В.Соколовой. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 480 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-016644-8

Путевые заметки великого французского писателя Гюстава Флобера сделаны во время его поездок по странам Востока в 1849—1850 и 1858 годы, когда писатель посетил Египет, Палестину, Сирию, Ливан, Малую Азию и др. Это сплав дорожных впечатлений с размышлениями по поводу увиденного и воспоминаниями о былом. Путевые заметки представляют большой литературный, этнографический и исторический интерес.

Ф 1805030000-018
013(02)-95

Без объявления

ББК 84.4(4Фр)

ISBN 5-02-016644-8

© Перевод: И.В.Радченко.
Оформление:
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН,
1995 †

Т. В. Соколова

ГЮСТАВ ФЛОБЕР — ПУТЕШЕСТВЕННИК

Путешествия писателей в разные страны, в том числе и далекие, экзотические, давно стали традицией во Франции, а XIX столетие в этом отношении — едва ли не самое богатое, плодотворное и увлекательное. «Мир во всей своей необъятности принадлежит путешественнику» — эти слова немецкого поэта Фридриха Рюккерта можно было бы сделать эпиграфом множества книг, написанных под впечатлением близких и дальних странствий: это «Коринна, или Италия» (1807) и «Десять лет в изгнании» (1821 г. — опубл. посмертно) Ж. де Сталь, «Путешествие из Парижа в Иерусалим» (1811) Ф. Р. Шатобриана, беллетризованные путеводители «Рим, Неаполь и Флоренция» (1817) и «Прогулки по Риму» (1829), принадлежащие перу Стендаля, «Путешествие на Восток» (1835) А. де Ламартина, «Путешествие в Египет» (1839) А. Дюма и А. Доза, «Сцены Восточной жизни» (1848—1850) Ж. де Нерваля, «Италия» (1852), «Константинополь» (1853) и «Путешествие в Россию» (1867) Т. Готье и др. В этом потоке очень непохожих друг на друга произведений — и «Книга путешествий» Гюстава Флобера. Она воспринимается, с одной стороны, как продолжение уже достаточно прочной национальной традиции, а с другой — как отражение личных интересов и творческой индивидуальности выдающегося французского писателя.

«Книга путешествий» не относится к числу самых известных произведений Флобера. Сама мысль о путешествиях, казалось бы, противоречит сложившемуся о Флобере представлению как об «отшельнике» из Круассе. В этом поместье, купленном отцом Флобера в 40-е годы, писатель на протяжении трех последующих десятилетий, вплоть до смерти в 1880 г., будет подолгу жить, проводя время за чтением книг и напряженной работой с пером в руках, здесь многие его творческие

замыслы воплотятся в конкретных произведениях, мысли отольются в стилистически совершенную форму, здесь он обретет сферу высоких наслаждений духа, ибо эта сфера — творчество, служение искусству. Круассе станет для Флобера чем-то вроде «бапти из слоновой кости», в которой он будет искать укрытия от окружающего его кипения низменных и презираемых им мещанских страстей. Однако это не просто «бегство» от современной жизни, это творческое уединение писателя, который стремится глубоко познать эту жизнь, изучив ее средствами искусства, и через персонажей романов и повестей выразить свое понимание сути и законов современного мира. Обособиться от повседневной суеты для него — лишь средство, подлинная же цель — познание реальности во всех ее проявлениях, а не только в сиюминутном, бытовом и часто неприглядном облике мещанства. Он хочет вырваться за пределы меркантильных интересов, которыми ограничена обыденная жизнь заурядных людей, в круг более высоких идеалов, ориентированных на вечные, универсальные законы, неподвластные меркантилизму и вообще человеческой воле, и определяющих судьбу личности, народов и мироздания в целом. «Последнее прибежище, высшее утешение — знать, что принадлежишь к Космосу, что составляешь часть системы»¹.

Космос у Флобера — понятие не строго научное, астрономическое, а самое широкое: это все, что лежит вне сферы мещанских интересов и с чем, оставаясь в своем Круассе, он связан душой. В это понятие включается весь разнообразный и подчас экзотический мир, который не ограничивается ни пределами его родной провинции Нормандии, ни Парижем, ни Францией, ни Европой, ни пространством вообще, ни историческим временем. Уединение в Круассе, как это ни парадоксально, усиливает в писателе ощущение собственной причастности к миру, а странствия представляются ему предназначением собственной жизни. «Почему так пленяют меня бродяги, в особенности музыканты? Откуда это щемящее чувство в душе при виде этих всюду проклятых существ (хотя к проклятию примешивается и уважение)? Может быть, в другой жизни я сам был таким? Ах, цыгане! Родственные души!» — записывает он в дневнике путешествия по Греции; высказываемое им предположение о «другой жизни» объясняется его верой в метемпсихоз как странствия души, многократно переселяющейся в новую телесную оболочку.

«Книга путешествий» Флобера, включающая путевые за-

¹ *Haubert G. Notes diverses.— Notes de voyages. T. 2. P., 1910, с. 356.*

метки 40—50-х годов и опубликованная посмертно², состоит из трех неравноценных частей: первая — заметки о посещении Италии и Швейцарии весной 1845 г., вторая — дневник путешествия по странам Ближнего Востока, продолжавшегося с поября 1849 по июнь 1851 г. (Египет, Палестина, Сирия, Ливан, Турция, Греция, Италия), третья — путешествие в Карфаген в 1858 г.

Первая часть — «Семейное путешествие» — воссоздает итальянские и швейцарские впечатления, полученные во время поездки 1845 г. Это было нечто вроде семейного свадебного путешествия по случаю замужества сестры писателя Каролины Флобер. По мере удаления от Парижа Флобер постепенно погружается в стихию впечатлений — вначале французских, провинциальных, а потом и заграничных. Италия и Швейцария были традиционными местами паломничества туристов, путешествие в эти страны носило характер своего рода ритуала. Флобер и его спутники едут по давно проторенному и хорошо наезженному пути и делают для себя «открытия» по следам бесчисленного множества путешественников: живописные пейзажи, характерные для разных мест обычаи, национальные костюмы, замки, художественные галереи, шедевры живописи и скульптуры.

Однако записки Флобера — не просто более или менее лаконичный перечень достопримечательностей, увиденных собственными глазами. Немалый интерес в них представляют навеянные путешествием размышления об искусстве, о некоторых «вечных» сюжетах живописных полотен, о великих людях и выдающихся современниках, с именами которых связаны многие места Италии и Швейцарии (Руссо, Вольтер, Ж. де Сталь, Гюго, Байрон, Жорж Санд, Полина Виардо и др.), о церкви и власти и др. Любопытны и некоторые ассоциации, возникающие в сознании писателя. Так, при виде обезьянки в парке он вспоминает о своем недавнем сне, в котором он оказался в окружении множества обезьян, «наших предков», и испытал нечто вроде озарения, когда его

² В XIX в. публиковались лишь некоторые эпизоды восточного путешествия 1849—1851 гг.: *Flaubert G. Par les champs et par les grèves. Voyage en Bretagne, accompagnée de mélanges et de fragments inédits.* P., 1886. Вошедший в эту книгу эпизод о плавании по Нилу в 1849 г. был издан отдельно около двух десятилетий спустя: *Flaubert G. A bord de la cange.* P., 1904. В 1912 г. одновременно выходят в Туре «Египетское путешествие» (*Flaubert G. Voyage d'Égypte. 1849—1851. — Notes de voyages.* Tours, 1912) и в Париже «Книга путешествий» целиком: *Flaubert G. Notes de voyages. Vol. 2. — Oeuvres complètes.* Ed. Conard. P., 1912. На русский язык «Книга путешествий» не переводилась.

произошло ощущение «пантеистического родства» человека с этими животными.

Посещение дворца иезуитов в Генуе побуждает писателя сказать о своем отращении к обычаю, принятому у иезуитов: ученики целуют руку своему наставнику. В этом ритуале он видит проявление сервиллизма, покорности, преклонение перед деспотической властью. В то же время Флобер говорит о двойственности человеческой природы, в силу которой он способен любить одновременно и свободу и власть. Ему претит активная, воинствующая враждебность искусству, которую проявляют иезуиты, и он говорит о своем сочувствии противникам иезуитов, а театр Ла Скала представляется ему не менее святым местом, чем церковь. Рассматривая среди реликвий церкви Monza в окрестностях Милана железную корону императора Карла Великого, Флобер удивляется ее маленькому размеру: ее нельзя надеть, а можно только положить — «возложить» на голову властелина, отчего она и держится непрочно, и это судьба всех монархов.

В Генуе, во дворце Бальби, Флобер впервые увидел картину Брейгеля-младшего «Искушение святого Антония», под впечатлением которой у него рождается замысел одноименной драмы. При посещении Миланской библиотеки Амброзиана он уже с воодушевлением воспринимает другие произведения художника, которого называет «мой Брейгель». Драма же о святом Антонии станет произведением всей жизни писателя.

В музее артиллерии в Турине самыми интересными экспонатами Флобер находит восточное оружие. Заметка об этом как бы предвещает другое путешествие — на Восток, о котором он мечтает с юности. Его манят южные края, Средиземное море, яркие краски южной природы и особенно экзотический колорит Востока. «Я рожден, чтобы жить там»³, — говорит он. Прочитав однажды о французском солдате, оставшемся в Египте по своему внутреннему побуждению, Флобер с полным сочувствием воспроизводит в дневнике его признание: «...когда ему случалось бывать одному посреди песков, верхом на верблюде, он испытывал приступы радости, с которой не мог совладать»⁴. Флобер много размышляет о судьбе этого человека, в определенной мере проецируя ее на себя. Особенно его увлекает идея: человек посреди бескрайних песков. В пустыне отчетливее ощущается бесконечность мироздания, обостряется чувство одиночества и затерянности индивида, и все это помогает осознанию себя в этом мире, считает он.

³ *Flaubert G. Souvenirs, notes et pensées intimes (1838—1841)*. P., 1965, с. 85.

⁴ Там же.

Среди писателей XIX в. Флобер был одним из тех, кто наиболее «подвержен искушению» Востоком. Его внимание к восточной теме было устойчивым на протяжении всего его творчества, начиная с ранних юношеских произведений 30—40-х годов («Смар», «Ноябрь», первое «Воспитание чувств», «Страсть и добродетель»). Жюль, герой «Воспитания чувств» (1845), пишет «Историю миграции народов Азии». В русле восточных интересов писателя в 40-е годы задуманы также «восточная повесть» Флобера под названием «Семь сыновей дервиша», оставшаяся неоконченной, и роман «Анубис». Многократно касаясь темы Востока, он предвкушает путешествие, которое, как и сам Восток, воспринимается им под непосредственным влиянием романтической эстетики. Путешествие, странствие из края в край — это и есть сама жизнь, открытие и познание мира, приобщение к нему, самопознание и в конечном счете самоутверждение личности. Что касается понятия «Восток», то оно в сознании писателя носит самый общий характер, в нем пока отсутствуют различия между странами, это нечто единое, нерасчлененное и богато украшенное, сверкающее позолотой минаретов, изумрудами и прочими драгоценными камнями, радующее глаз изощренными формами пагод, дурманящее благовониями, это ослепляющие роскошью дворцы и серали, это восточное сладострастие и коварство, одалиски, гурии, пери, это караваны, верблюды, слоны, крокодилы, охота на тигров.

В середине 40-х годов желание Флобера увидеть Восток своими глазами самому ему кажется несбыточным, так как он страдает первичной болезнью и вынужден оставаться в Руане или в Круассе. Он завидует своему другу Максиму Дюкану, который приходит попрощаться с ним перед поездкой на Восток в 1844 г.: «Счастливый! Подумать только, ты увидишь Сарды, Эфес, Константинополь, Рим, а я останусь здесь пить целебные настои, зависеть от разрешения на визиты и наблюдать, как растет трава в саду! Если бы я посмел, я бы украд деньги у отца, уехал бы с тобой и мы отправились бы в Индию; но я умру, не повидав Бенарес,— несчастье, непостижимое для мещанского сознания!»⁵ Перед расставанием друзья обменялись перстнями, скрепив таким образом дружбу, а также договоренность и надежду в будущем совершить совместное путешествие.

Вплоть до 50-х годов Флобер сохранял убеждение, что книжное знание древнего Востока равноценно непосредственному погружению в его современную жизнь. Книжные источники знакомства Флобера с Востоком были весьма разнообразными:

⁵ *Du Camp M. Souvenirs littéraires. T. 1, P., 1982, с. 254.*

это прежде всего сочинения античных историков (Плутарха, Светония) и Библия. В 1845 г. он читает труд Геродота о Египте, сыгравший фундаментальную роль в его «восточном» образовании: он открывает для себя восточные истоки древнегреческой цивилизации. Параллельно с греко-римской античностью он занимается и историей Востока, читает книги о буддизме и Коран, обращается к китайской истории, а также к запискам разных путешественников на Восток. Круг его интересов и познаний в области истории и культуры восточных стран расширяется, он намеревается освоить арабскую, индийскую, персидскую и японскую литературы. Французские исследователи приводят обширный список книг о Востоке, которые читал Флобер⁶. Наиболее активный период его восточных чтений — это 1845—1846 гг., что связано с работой над драмой «Искушение святого Антония», первая редакция которой будет закончена в 1848 г.

В процессе работы над «Искушением святого Антония» интерес к Востоку приобретает новый поворот: с наиболее броских материальных атрибутов восточной культуры он переключается на явления духовного плана. Писателя теперь привлекает не столько внешняя живописность повседневного быта, сколько специфика мышления восточного человека, нравственные и религиозные традиции, уводящие к истокам религиозных учений, а значит, в глубь веков. История религиозных верований становится главным объектом интересов Флобера уже во второй половине 40-х годов. При этом многие идеи, почерпнутые в книгах о Востоке, он воспринимает не просто как любопытную информацию, но глубоко переживает и усваивает как основу своего мирозерцания. К числу таких «красугольных кампей» относятся, в частности, индуистский пантеизм и идея метемпсихоза, зародившаяся в древнеегипетской культуре и получившая развитие в индуизме⁷.

В 1849 г., после тягостного для Флобера провала, которым увенчалось чтение в кругу друзей его драмы «Искушение святого Антония», Максим Дюкан предлагает Флоберу поехать вместе с ним на Восток, куда он должен отправиться по долгу службы. Маршрут путешествия включал Египет, Палестину,

⁶ Bruneau J. «Conte oriental» de Flaubert. P., 1973, с. 64. Ж. Брюно называет 22 книги, которые Флобер упоминает или на которые он ссылается.

⁷ «Иногда я переживаю нечто вроде исторических откровений, настолько ясно видятся мне некоторые события — наверное, метемпсихоз существует, — мне кажется порой, что я уже жил в другие времена и сохраняю о них воспоминание», — записывает он в своем юношеском дневнике. — *Flaubert G. Souvenirs...*, с. 51.

Сирью, Родос, Константинополь, Грецию и Италию. Первоначально предполагалось также посетить Персию и Армению, но от поездки в эти страны пришлось отказаться.

В октябре 1849 г. все было уже подготовлено для длительного путешествия. Дюкану оставалось освоить приемы фотографии. Три десятилетия спустя, вспоминая об этих приготовлениях в своих мемуарах, Дюкан говорит: «Фотография тогда была не та, что теперь»⁸. Еще труднее сегодня представить ее уровень: при любых обстоятельствах требовалась выдержка более двух минут, а склянки с реактивами и все необходимые приспособления составляли груз, который навьючивали на мула или верблюда. Тем не менее эта новинка, еще только вводившаяся в обиход, показалась Дюкану полезной, так как избавляла его от необходимости делать зарисовки, которые следовало прилагать к отчету о поездке, и к тому же могла дать более четкое представление об архитектурных сооружениях и прочих памятниках восточной культуры. Дюкан был едва ли не первым европейцем, привезшим с Востока фотоизображение пейзажей и памятников, чем немало гордился.

Дюкан также приложил усилия к тому, чтобы и путешествие его друга носило характер миссии (или командировки, если воспользоваться современным термином), т. е. осуществлялось от имени правительства и субсидировалось им, а значит, было связано с выполнением определенного задания. Его стараниями Флоберу было поручено собирать сведения, которые, с его точки зрения, могли быть полезны для министерства сельского хозяйства и торговли. Однако писатель не станет затруднять себя ради того, чтобы выполнить эту «миссию», в чем откровенно признается в одном из писем⁹. Тратить свое время на встречи с чиновниками, на разговоры об урожае, о способах изготовления растительного масла, о выращивании картофеля, об экспорте и импорте товаров, о тоннаже судов и т. п. он не находит возможным, даже если в награду за все эти хлопоты есть реальный шанс по возвращении получить орден.

Настоящая цель путешествия друзей определялась не поручениями каких бы то ни было министерств, а стремлением увидеть незнакомые страны. Вместе с тем Дюкан и Флобер не хотят вливаться в толпу праздных, бездумных туристов, которые путешествуют, чтобы убить время. Друзьями движет жажда познания, они хотят приобщиться к огромному, необъятному миру, увидеть его бесконечное разнообразие, прикоснуться

⁸ *Du Camp M. Souvenirs littéraires. T. 1. P., c. 423—424.*

⁹ Письмо Л. Буиле от 2 июня 1850 г.

к истокам цивилизации, найти некий идеал жизни вдали от окружающей их во Франции мещанской суеты. Этим и объясняется приподнятое настроение, которое они испытывают. Дюкан в своих мемуарах вспоминает о приступах восторга, которые охватывают его, и в то же время отмечает, что Флобер ведет себя слишком сдержанно, ему претит всякая экзальтация. Дюкан обескуражен кажущейся индифферентностью друга и даже предлагает ему вернуться во Францию, но Флобер настаивает на продолжении путешествия, хотя признается, что маршрут ему безразличен: «Мне все равно, ехать направо или налево». Созерцание пейзажей и памятников, которые он находит однообразными, навевает на него тоску, он непрерывно вспоминает о Франции, Сене, Круассе, о своей матери, которая возражала против его поездки, о недавнем провале «Искушения святого Антония». В храме Изиды в Филе он усаживается читать роман Ш. де Бернара «Жерфо», купленный в Каире, чем приводит Дюкана в изумление и раздражение.

Спустя много лет, работая над своими «Литературными воспоминаниями», Дюкан упорно задерживает внимание на слабостях своего спутника и друга, его прихотливом характере и некоторых странностях поведения. Среди последних — отношение Флобера к путешествию. Мечтая о Востоке с юности, он накануне поездки готов отказаться от нее. Уже в Египте, который был лишь первым этапом запланированного маршрута, он чувствует себя утомленным от обилия впечатлений. Незбежное посещение множества храмов, которые «падоели», приводит его к мысли о том, как досадна необходимость покоряться обстоятельствам, которые в данном случае требуют, чтобы он поступал, как подобает путешественнику. Во время путешествия он проявляет признаки скуки, а в письме к матери просит ее написать Дюкану и убедить его повернуть обратно едва ли не на полпути. Из-за всего этого приходится сократить маршрут, отказавшись от посещения Персии и Армении. Этим же, вероятно, объясняется и то, что после Египта и Палестины путевые заметки Флобера перестают быть выразительными. Дюкан утверждает, что некоторые из них «списаны» у него уже по возвращении во Францию. Впрочем, это заявление могло быть продиктовано своеобразной ревностью Дюкана к литературной славе друга. Вместе с тем при чтении заметок Флобера ощущается, что несколько оживился он только на обратном пути, особенно в Греции, восхищавшей его своими памятниками античности.

Странное и в некотором смысле «отсутствующее» поведение Флобера объясняется не его безразличием или неуравновешенным характером, а, напротив, глубокой сосредоточен-

ностью на том, что его волнует, неспособностью быстро переключиться на новые впечатления, отрешиться от своих проблем, воспоминаний, человеческих привязанностей и беспокойства о близких, особенно о матери. Доминантой же всех его размышлений в то время были поиски идеи и сюжета своего нового романа. «Он стал для меня наваждением», — признается писатель. Это «наваждение» и заставляет его воображать нормандские пейзажи во время путешествия по Египту. И наконец, созерцая водопад и Нил с горы Гебель-Абузир, он кричит: «Я пашел! Эврика! Эврика! Я пазову ее Эмма Бовари». Это была своего рода «разрядка», после которой он смог более органично погрузиться в путешествие. Да и сама его индифферентность была лишь кажущейся, внешней.

Все увиденное запечатлелось в памяти писателя и оживет в воображении, когда он спустя много лет примется за свой «восточный» роман «Саламбо». А пока он делает довольно беглые и лаконичные заметки о своих впечатлениях и лишь изредка дает волю эмоциям. Он скупится на выражение чувств — и не потому только, что перед глазами сменяются все новые и новые картины, а время для заметок можно выкроить только ночью, но также и потому, что сдержанности требуют принципы «объективного» искусства, к восприятию которых он подошел вплотную: личность писателя, его переживания, вкусы, оценки должны оставаться как бы «за кадром» произведения. При всем разнообразии индивидуальных впечатлений Флобера и варьирующем в зависимости от этих впечатлений характере заметок, посвященных каждому этапу путешествия, с самого начала собственно восточной части книги ощутим доминирующий в ней тон — объективный, спокойный, свободный от излишнего излияния эмоций. Тем большую выразительность приобретают редкие проявления непосредственных чувств автора.

Едва ли не самой интересной частью книги путешествий Флобера являются египетские заметки, сделанные по горячим следам впечатлений любознательного наблюдателя, еще не утомленного обилием наслаивающихся друг на друга картин жизни разных стран.

Незадолго до начала поездки Дюкана и Флобера в Египте произошло событие, которое должно было внести некоторые перемены в жизнь страны. В августе 1849 г. умер Мухаммед Али, наместник Египта, с 1805 г. правивший страной практически независимо, хотя формально он и подчинялся турецкому султану. Мухаммед Али был широко популярен в Египте, его личность была окружена ореолом легенды, несмотря на то что многим претила его манера одеваться по-европейски. Му-

хаммед Али стремился «привить» западную цивилизацию у себя в стране: охотно принимал на службу европейцев — ученых, инженеров, экономистов, врачей и солдат, а также построил фабрики, больницы, медицинскую школу и пытался ввести политехническое обучение. Он был решительным, смелым правителем, жестким и лишенным колебаний и угрызений совести.

После смерти Мухаммеда Али практически неограниченную власть унаследовал его внук Аббас-паша, но его правление было абсолютно иным: Аббас-паша только развлекался и больше всего любил своих собак, которых украшал бриллиантовыми ошейниками. Представление Флобера о новом правителе Египта складывается под впечатлением разговоров в доме Генерального консула и знакомства с Хартим-бесм, бывшим первым министром Аббаса-паши. Писатель дает ему уничтожающую характеристику: «Аббас-паша (скажу Вам по секрету) — кретин, почти сумасшедший, неспособный что-либо понять или совершить; он разрушает то, что создал Мухаммед; то немногое, что осталось, непрочно. Всеобщий сервилизм, который здесь царит (подлость и трусость), внушает отвращение, и в этом отношении многие европейцы превосходят восточных людей» (письмо к Ж. Клоке от 15 января 1850 г.).

Европейцы, многие из которых достаточно прочно обосновались в Египте в течение предыдущих десятилетий, отхлынули из страны, хотя и теперь их оставалось немало в Александрии и Каире. «Александрия — почти европейский край, столько здесь европейцев», — говорит Флобер (письмо матери, ноябрь 1849 г.). С некоторыми Дюкан и Флобер встречаются во время своего путешествия: это Солимап-паша, Бекир-бей, Любберт-бей, Эдрис-эффенди, Аким-баши, Ламбер-бей и др., о которых увлекательно рассказывается и в «Литературных воспоминаниях» Дюкана, и в переписке Флобера.

Первые шаги по египетской земле Флобер переживает как значительное и «торжественное» событие в своей жизни. Он не просто созерцает встающие перед ним картины, но остро воспринимает увиденное. Его творческое воображение активизируется, любая случайная встреча может послужить импульсом к созданию целого произведения. Он сам признается, что подвержен своего рода мании: «У меня страсть сочинять прямо на ходу целый роман о всяком встречном. Неодолимое любопытство заставляет меня помимо моей воли строить догадки о жизни каждого прохожего. Мне хочется знать, чем он занимается, откуда родом, как его зовут, чем озабочен в эту минуту, что потерял и чего ищет, что любил в прошлом и о чем мечтает в настоящем — словом, все, вплоть до цвета каймы

его флапелевого жилета и выражения его физиономии, когда он очищает желудок». Его взгляд фиксирует множество подробностей, вплоть до мельчайших штрихов, характеризующих местные обычаи, одежду и внешний вид людей. Некоторые зарисовки очень выразительны (экзотические пейзажи, восход и заход солнца, берега Нила, песчаные бури, описание квартала альмей и их тащев).

Пожалуй, самым впечатляющим эпизодом «Книги путешествий» в целом является рассказ о плавании по Нилу на небольшом суденышке, которое иногда садится на мель, и путешественникам приходится всем вместе толкать его. Не отличаясь стремительным темпом, путешествие тем не менее требует напряжения и постоянной смены внимания. Ведь все, что попадает в поле зрения, необычно, удивительно и впервые увидено своими глазами. Первая задача Флобера — скрупулезно зафиксировать факты. Оценки, комментарии, выражение собственных мыслей или чувств, навеянных увиденным, остаются за пределами путевых заметок, как бы оттесняются в письма, которые носят более личный и эмоциональный характер и могут служить прекрасным дополнением к «Книге путешествий», помогая воссозданию общей картины восточных впечатлений писателя во всей их полноте. «Восточные» письма Флобера, адресованные в большинстве своем матери и другу Луи Буиле, содержат множество живописных подробностей путешествия и интересных суждений, как, например: впечатления от пустыни, поражающей своим необъятным, необозримым пространством, и ее обитателей бедуинов, описания сфинксов и пирамид, рассеянные повсюду, иногда детальные упоминания о мумиях ибисов, которые путешественники собирают как одну из самых удивительных достопримечательностей Востока, об удовольствии от езды на дромадерах, о множестве костей (животных и человека), обглоданных хищниками, отполированных солнцем, ветром и песком и «окаймляющих» путь каравана в пустыне, об охоте на гиен, о случайных встречах с животными пустыни, о лепрозории и о многом другом.

Все эти зарисовки, сделанные искусным, выразительным пером, которыми изобилуют письма Флобера, отнюдь не отличаются беспристрастностью. В них запечатлеваются не только сами объекты наблюдения, но и характер их восприятия, эмоциональное переживание путешественником той или иной картины. Традиционно присущие эпистолярному жанру достоверность, личностное начало, искренний — вплоть до исповедального — характер письма абсолютно противоречат принципу «безличного» искусства и тем более наглядно оттеняют метод

«Книги путешествий», который ориентирован на новые для Флобера эстетические принципы. Это принципы «безличного», или «объективного», искусства, которые, прежде чем воплотиться в его романах, как бы опробуются им в путевых заметках о Востоке.

Любопытно, что первое путешествие Флобера в Италию и Швейцарию, которое он совершил в 1845 г., отражено в «Книге путешествий» в ином тоне — более близком к письмам.

Это говорит о том, что именно на рубеже 40—50-х годов, во время путешествия на Восток, особенно интенсивно эволюционируют эстетические взгляды писателя, что приводит к утверждению нового для него творческого метода. С течением времени, которое в путешествии заполняется разнообразными и нередко острыми впечатлениями, Флобер переживает их с нарастающей эмоциональностью, что в полной мере проявляется в его письмах, тогда как его путевые заметки парадоксальным образом становятся все более отрывочными, лаконичными и сухими.

Особенности стиля путевых заметок Флобера ярко обнаруживаются при сопоставлении с характером описания тех же экзотических достопримечательностей, о которых красочно повествуют А. Дюма в «Путешествии в Египет» (1839) или М. Дюкан в очерке «Нил» (1854). Например, излюбленной темой европейских путешественников в Египте являются танцы и нравы каирских танцовщиц — альмей. О них много раз, хотя и сдержанно, упоминает Флобер, о них с упоением пишет Дюма. Знаменитый «танец пчелы», который традиционно исполняют альмей, у Флобера лишь называется, а смысл его раскрывается вскользь, намеком, тогда как у Дюма этот своего рода восточный стриптиз описан подробно. Дюма привлекает в танце и сюжет (пчела, забравшись под платье девушки, вынуждает ее сбросить с себя всю одежду), и особенно процесс раздевания. Флобер же внимателен прежде всего к характерным движениям этого и других восточных танцев, а также к своего рода предосторожностям, сопровождающим «танец пчелы» (музыкантам прикрывают глаза, чтобы танец могли видеть только иностранные туристы, для которых он исполняется). В дневнике путешествий Флобера пахотят отражение только собственно этнографический и правописательный моменты и опускается все, что служило пикантной приманкой для праздных туристов, и все, что отражает индивидуальную реакцию автора. О своих близких отношениях с одной из альмей, Рюшук-Ханем, он дает понять скорее многоточиями, чем внятным рассказом, — и не только потому, что это деликатная и сугубо личная тема. Флобер, как это ни парадоксально,

самоустраняется из своего дневника путешествия, следуя принципу «объективного» искусства.

Однако иногда переполняющие писателя чувства заставляют его нарушить принятые установки. Например, созерцая необыкновенные краски заката около Фив, огненные волны Нила, черные пальмы и синие горы на фоне красного неба, он восклицает: «В эту минуту, глядя под звуки музыки на изгибающиеся под ветром три волны за кормой, я почувствовал, как из каких-то сокровенных глубин поднимается во мне ощущение радости и торжества, раскрываясь навстречу этой картине, и я в душе поблагодарил бога за то, что он даровал мне способность наслаждаться подобным образом; я чувствовал, что мысли переполняют меня, хотя, казалось, я ни о чем не думал; я наслаждался всем своим существом».

К концу египетских заметок описания становятся более развернутыми и красочными. Меняется тон: от рубленых фраз, преимущественно назывных предложений, с помощью которых как в стоп-кадре запечатлеваются отдельные моменты из общего потока экзотической жизни, выхваченные взглядом наблюдательного путешественника, к более динамичному и вместе с тем плавному слогу с обилием живописных деталей и развертыванием, развитием каждой сцены. Описания приобретают более выраженную эстетическую оформленность, стилистическую выразительность. Таков впечатляющий рассказ о продвижении путешественников на дромадерах через пустыню, которая простирается между Нилом и Красным морем (глава «Кусейр»). Неспешный, мерный шаг верблюдов, вызывающих ассоциацию с кораблями в океане, обжигающее дыхание хамсина, песчаные вихри, палящее солнце, удаляющиеся пальмы зеленых берегов Нила, гортанное пение погонщиков верблюдов, иногда возникающие черные линии на горизонте, через некоторое время распадающиеся как бы на точки, из которых вскоре вырастают фигуры верблюдов приближающегося каравана, проплывающего мимо как мираж, в полном безмолвии, остановка у колодца, ночлег прямо на земле и с четырех-пяти часов утра продолжение пути, наконец, показавшееся на горизонте Красное море, белые стены города на его берегах и зелень первого сада, увиденного путешественниками после долгого и трудного пути через пустыню. «Как это приятно для глаз!» — восклицает Флобер. В этом фрагменте, изобилующем многими любопытными деталями, Флобер проявляет себя не только как наблюдательный путешественник, но и как сложившийся мастер слова, писатель.

В палестинских заметках Флобера обнаруживается особый интерес писателя к библейским местам, а размышления,

которые он позволяет себе чаще, чем в Египте, касаются в основном судеб религий. Вначале записи носят довольно беглый, торопливый характер, множество мелких штрихов, сделанных как бы на ходу, подобны калейдоскопу; они хаотичны и не складываются в целостное по смыслу изображение, в них отсутствует доминанта интересов путешественника, который фиксирует все, что попадает в поле зрения, и ни во что не вглядывается пристально. Но как только он оказывается в Иерусалиме, тональность его записей меняется.

Любопытно, что первые два дня в этом священном городе трех религий он не брался за перо, так как был всецело поглощен чувствами, которые испытывал, сопоставляя увиденное с представлениями, которые у него сложились ранее при чтении Библии и других книг. На третий день он говорит прежде всего о том, что обманулся в своих предвидениях: «..пока еще я не испытал ничего из тех чувств, что предполагал испытать: ни религиозного подъема, ни взлета воображения, ни даже ненависти к священникам, а это все-таки лучше, чем ничего. Я же, глядя вокруг, ощущаю внутри себя пустоту пустой бочки. Сегодня утром посетили Гроб Господень — верно, собака и та извоновалась бы больше моего». Это впечатление еще более усиливается при втором посещении храма: «Греческий священник взял розу, бросил ее на каменную плиту, окропил розовой водой, благословил и подал мне; в эту минуту мне сделалось горько как никогда, а между тем какую усладу пролила бы она в сердце верующего! Сколько страждущих душ мечтали бы оказаться на моем месте!» Он находит убранство храма Гроба Господня безвкусным; обилие руин в Иерусалиме навевает ему мысль о том, что «над городом повисло Божье проклятие»¹⁰, что он «околевает в тоске, немощи и забвении». Тем не менее Флобер в восторге от увиденного. «На каждом шагу перед тобой оживают страницы Библии», — пишет он матери в августе 1850 г. Его переполняют противоречивые чувства, и даже искренний интерес и «мистическая радость», которые он испытывает при посещении в окрестностях Иерусалима

¹⁰ Об этом же — и в письме к матери от 9 августа 1850 г. А несколько дней спустя в письме к Л. Буиле от 20 августа Флобер позволяет себе более резкие выражения: «Все здесь гниет: мертвые собаки на улицах, религии в церквах». Он утверждает, что святые места осквернены господствующими в них безвкусной подделкой, лицемерием и алчностью. Эти впечатления пронизывают его «до мозга костей» и вызывают чувство досады и раздражения, которое ему удастся смягчить лишь благодаря Евангелию от Матфея, в котором он перечитывает страницы, пзлагающие Нагорную проповедь Христа.

Вифлеемских яслей, места поклонения волхвов, усыпальницы Богоматери, Гроба Господня, не мешают ему сделать вывод о католицизме как отживающей религии, связанной прежде всего с эпохой средневековья. Протестантская же церковь его «глубоко раздражает», и он выходит из нее «через четверть минуты» после того, как вошел.

Флобер размышляет о религии вообще как об определенном этапе эволюции человеческого сознания, а религиозные святыни интересны для него как памятники культуры. Его поражает разнообразие форм религиозного сознания и связанных с ним обрядов и обычаев. В Константинополе он с особым интересом наблюдает ритуальный танец «крутящихся» дервишей. В основе танца — вращение, которое, как считают монахи этого ордена, помогает приблизиться к Богу, способствуя тем самым очищению нравов. Как особое достоинство этого ордена Флобер отмечает доброжелательность к иноверцам и общительность его приверженцев, которые охотно говорят с непосвященными о принципах, целях и обычаях своего братства. Их терпимость, импонирующая Флоберу, основана на убеждении, что «настоящая Мекка — в сердце человека», т. е. что всякая вера имеет право на существование. Высоко оценивая эту открытость, Флобер все-таки более всего сочувствует пантеистической религии друзей, в которой находит больше родства с христианством.

Тем не менее вера как таковая представляется ему состоянием духа, не отвечающим новому уровню развития общества и человека. Даже ослабление фанатизма мусульман он считает характерным признаком нисходящей эволюции религии. В этом он видит «закат славы Магомета», т. е. утрату его учением прежней власти над людьми. Еще в юности, размышляя о религии, Флобер писал в своем дневнике: «...когда нам говорят о догме как таковой, о чистой религии, мы чувствуем себя сыновьями Вольтера»¹¹. О Вольтере он вспоминает и в связи с мусульманством, находя в его судьбе своеобразную аналогию с судьбой христианства: обе религии вынуждены отступить, и то, что в отношении христианства сделал Вольтер, мусульманство претерпевает по воле еще более сильного противника — времени. Аналогичные мысли — в письме к Л. Буиле от 19 декабря 1850 г.

Религиозный скептицизм доминирует во всех рассуждениях Флобера о вере. Как бы подводя итог своим иерусалимским впечатлениям, он приводит и комментирует арабскую поговорку: «Не верь паломнику». В самом деле, из паломни-

¹¹ *Flaubert G. Souvenirs...*, с. 93.

чества «возвращаешься неизбежно менее набожным, верующим, чем в момент отправления. Здесь видишь слишком много мерзкого, гнусного, много отвратительной спекуляции на святых реликвиях. Эти святые места тебя не трогают. Слишком много повсюду очевидной лжи. В художественном же отношении бретонские церкви по сравнению со здешними — рафаэлевские музеи» (письмо к матери от 25 августа 1850 г.).

Мысли о Франции, о привычном европейском укладе жизни заставляют Флобера и на Востоке многое видеть как бы через призму знакомого, оставленного на родине. Так, восхищаясь картинами восточной природы (особенно закатами солнца), он нередко сравнивает их с европейскими пейзажами, и даже некоторые жанровые сценки, при всем их экзотическом колорите, вызывают у него ассоциации с некоторыми явлениями французской истории. Так, наблюдая повседневную жизнь в Смирне и Константинополе, он пишет: «Это напоминает мне... наши средние века».

Восхищаясь многими чертами, присущими «восточному» характеру, в частности «метафизическим» складом ума и проникательностью арабов, не говоря уж об экзотических красотах восточного мира, Флобер тем острее ощущает себя человеком европейской цивилизации и чувствует себя растроганным всякий раз, когда вдали от Франции встречается что-то знакомое ему с детства. Одно только воспоминание о церквях своей родной провинции Нормандии приводит его в умиление. При звуках сонаты Бетховена, услышанных в доме французского консула в Иерусалиме, он не может сдержать слез: «Рыдание стеснило мне грудь, музыка эта в скверном исполнении сокрушила мое сердце смешанным чувством печали и удовольствия».

Приметы «усвоения» элементов западной цивилизации, встречаемые на Востоке, вначале воспринимаются им как досадный диссонанс, как ненужное уподобление чуждой культуре и в известной мере утрата своей самобытности. При виде турок в европейских костюмах, играющих в бильярд, он размышляет о «проникновении Европы в Азию» и задается тревожным вопросом: «Что станет с Востоком?». Встречая женщин на улицах восточных городов, он видит в покрывалах на их лицах символ их приниженного положения в обществе и думает о возможности обретения ими равноправия. При этом перспективы эмансипации по европейскому образцу представляются ему вполне реальными, хотя и несколько отдаленными: «Лет через сто на Востоке упразднят гаремы, ибо в один прекрасный день восточные женщины, по примеру европейских, начнут читать романы».

В Константинополе Флобера поражает его «невосточность»: большинство мужчин одеты по-европейски, покрывала на лицах женщин более легки и не столь непроницаемы, в театрах ставят оперу, открыты кабинеты для чтения, заведения модисток и т. п. Здесь Восток и Запад сближаются настолько, что возникает мысль об их будущем полном слиянии и взаимном уподоблении. «Приближается время, когда исчезнут всякие национальные различия. „Родина“ станет таким же археологическим понятием, как „племя“, — с тревогой предсказывает Флобер, — а путешествовать будут не в другие страны, а к звездам — с помощью специальных „аэропилюль“» (письмо к Л. Буиле от 19 декабря 1850 г.). При всей наивности формы, в которую отливаются мысли Флобера о будущем Востока и Запада, о слиянии наций и о перспективе путешествий в космос, много значит само желание писателя взглянуть в это будущее, предугадать его и понять.

Главный итог путешествия 1849—1851 гг. — не в узнавании известных по книгам достопримечательностей стран Востока, и не в «открытии» реаллий, дающем своего рода коррекцию к книжному знанию. Восприятие Флобером Востока невозможно резюмировать однозначно, только как «узнавание» или только как «открытие». О сочетании элементов того и другого говорит он сам, ассоциируя при этом «узнавание» с природой и библейскими сюжетами, а «открытие» — с повседневной жизнью людей современного Востока. Однако главный итог путешествия выявляется на уровне более высоком, чем эмпирический контакт с живой реальностью, каким бы впечатляющим ни был этот контакт. Флобер поднимается в сферу выводов мировоззренческого характера. Любование «местным колоритом», в котором он видит выражение приверженности восточного человека прекрасному и духовному в противоположность европейцу — рабу «полезного», не уводит Флобера, а скорее напротив — возвращает его к мыслям о будущем не только Востока, но и Запада, о сближении цивилизаций столь разных и по внешним проявлениям, и по сути, об исторической общности их судеб, о внутренней взаимосвязи, казалось бы, взаимоисключающих друг друга мирозерцаний и в конечном счете о единстве исторического процесса.

В целом отношение Флобера к перспективам исторического движения, прогресса восточной цивилизации носит двойственный характер. С одной стороны, Восток представляется ему воплощением неизменности человеческой природы, вечности и незыблемости раз и навсегда установленного уклада жизни общества и принципов морали. Эта мысль многократно варьируется в его переписке начала 50-х годов: «В Библии запе-

чатлены современные нравы» (письмо от 15 января 1850 г.); «На каждом шагу здесь видишь ее (Библии.— Т. С.) ожившие страницы»,— пишет он из Палестины (25 августа 1850 г.) и эту же мысль развивает спустя несколько дней: «...мы живем в библейской реальности, просто удивительно, как все неизменно: пейзажи, костюмы, небо. Женщины у источников Назарета или Вифлеема те же, что во времена Иакова. Они изменились не более, чем голубое небо над ними» (7 сентября 1850 г.).

Однако рядом с такого рода наблюдениями он высказывает мысли противоположного содержания: «...надо спешить увидеть Восток, ибо он уходит, он цивилизуется» (письмо от 14 ноября 1850 г.). Резюмируя свои восточные впечатления два с половиной года спустя (в письме к Луизе Коле от 27 марта 1853 г.), Флобер говорит, что Восток привлекает его «гармонией разнородных явлений», т. е. соединением незыблемости и движения, роковой предопределенности — и величия его неспешно разворачивающейся истории, покорности человека, его кажущейся ничтожности — и присущих ему внутренней свободы и напряженной жизни духа. Именно человек — средоточие всех этих противоположных начал, воплощение неповторимой гармонии Востока, поэтому именно человек приковывает к себе внимание писателя.

Греция запечатлена в «Книге путешествий» как средоточие памятников культуры на фоне южной природы, вызывающей в сознании путешественника ассоциации иногда с другими странами Востока (например, Палестиной), иногда — с югом Франции. Сам Флобер выступает здесь как созерцатель, перед взором которого сменяются все новые и новые картины: пейзажи, дворцы, храмы, скульптуры — все это, знакомое по книгам и впервые увиденное собственными глазами, писатель скрупулезно фиксирует в своих записных книжках.

В Греции Флобер и Дюкан встречаются с некоторыми известными в Европе личностями, например с генералом Моранди — в свое время карбонарием и другом Байрона, с которым он вместе сражался в Миссологни, а после смерти поэта и согласно его воле долгое время оставался хранителем его переписки с Терезой Гвиччоли. В Афинах путешественники посещают и другого прославленного героя войны с Турцией — знаменитого Капариса. При виде этого человека, в 20-е годы вызывавшего восхищение всей Европы, оба испытывают глубокое разочарование. Герой, вошедший в легенду, предстает перед ними шестидесятилетним политическим деятелем, сенатором (хотя, как и прежде, замечает Дюкан, он не знает грамоты, но научился ставить свою подпись) и «мещанином», как утверждает Флобер. Дюкапу эта встреча дает повод к рассуж-

дению на тему о том, что люди, как правило, идеализируют внешность героев, наделяя их в своем воображении физической красотой, которая в реальности не всегда отличает человека, прославившегося силой духа и мужеством. Флобер же в итоге этого «печального» визита категорически заключает, что слава Канариса — это в большей степени заслуга В. Гюго, воспевшего его как «полубога» в своей книге «Ориенталии» («Канарис», 1828).

Иногда вопреки требованиям «объективного» искусства Флобер дает волю чувствам, охватывающим его при созерцании греческих пейзажей, в которых все дышит античностью, например, в окрестностях Афин: «Слезы подступают к горлу, хочется кататься по земле от счастья; я бы мог сейчас ощутить блаженство молитвы...». Однако подобные вспышки чувств редки и кратковременны. И уж совсем в исключительных случаях он позволяет себе замечания иронического характера, имеющие отношение не столько к объекту созерцания, сколько к связанным с ним ассоциациям из своей парижской жизни. Так, при посещении знаменитой горы Парнас в окрестностях Афин он записывает: «Мы приветствуем Парнас, представляя себе, какую бурю чувств вызвал бы его вид в душе романтика 1832 года». В этом беглом замечании, как в капле воды, отражается то, как далеко теперь писатель от пылкого увлечения романтизмом, которым была отмечена его юность. Начиная с Египта и кончая Грецией, все большее раздражение Флобера вызывают, как он говорит, «имепа дураков», которыми путешественники оскверняют памятники. Некоторые из этих «автографов» выгравированы столь глубоко и тщательно, что видны издали и стереть их невозможно, не повредив памятник, многие повторяются в разных местах, обычно посещаемых туристами. Все они навевают Флоберу мысли о человеческом тщеславии и глупости, а также о бесполезности подобных попыток увековечить свое имя. И сам он, конечно, не стремится уподобиться тем, о ком пишет с пронией.

Итальянские заметки, по существу, представляют собой обильно и интересно аннотированный каталог картин, скульптур, барельефов, фресок и других произведений искусства, увиденных в Италии: в неаполитанском музее Борбонико, архитектурных памятников Помпеи, храмов Пестума, художественных галерей и памятников архитектуры Рима, Ватикана, Перуджи и Флоренции.

По контрасту с могуществом античного Рима и великолепием итальянского искусства Флобер с беспокойством говорит о бедственном положении Италии в XIX в.: «Бедная Италия! Возрождение прошлого не оживит тебя; что до либеральной пар-

тии, то она мечтает о протестантстве, а это, на мой взгляд, абсурдный анахронизм». В редких случаях он упоминает о своих переживаниях, как, например, при случайной встрече с незнакомой итальянской, которая с первого взгляда пробудила в нем пылкие чувства.

Путешествие, продлившееся около девятнадцати месяцев, закончилось в июне 1851 г. Представив все привезенные из поездки материалы, Дюкан получает от французского правительства орден Почетного легиона и вскоре публикует альбом фотографий и рисунков «Египет, Нубия, Палестина и Сирия» (1852) и очерк «Нил» (1854), а спустя три десятилетия посвящает путешествию 1849—1851 гг. многие выразительные страницы своих «Литературных воспоминаний» (1883). Дюкану принадлежит также роман «Записки самоубийцы» (1853), задуманный во время путешествия на Восток. В этом романе отразились не только ориенталистские увлечения автора, но и его близкое знакомство с записными книжками Флобера, отношения с которым после совместной поездки перестали быть, как прежде, тесными и дружескими. Дюкан был очень посредственным писателем, но очень активным, энергичным и предприимчивым человеком. По свидетельству французского литературоведа Э. Мейниала¹², сопоставившего конкретные фрагменты «Записок самоубийцы» и «Книги путешествий» Флобера, Дюкан не скупился на заимствования у своего друга, но, хотя и почерпнул у него немало идей, никогда не смог подняться до его уровня художественного мастерства. Однако остро критическая оценка Флобером романа Дюкана объясняется не только обидой писателя, с которым обошлись столь бесцеремонно: будучи сторонником «объективного» искусства, Флобер принципиально возражает против слишком личного, автобиографического характера «Записок самоубийцы». Эта его позиция отразилась в переписке 1852—1853 гг. с Луизой Коле.

В отличие от своего предприимчивого друга, который немедленно по возвращении во Францию активно пускает в оборот «капитал» восточных впечатлений (и не только своих), Флобер, отложив заметки о путешествии, которые он не предназначал для печати, так как рассматривал их как рабочий материал, а не готовое художественное произведение, с головой погружается в работу над романом «Госпожа Бовари». После журнальной публикации романа в 1857 г. и судебного процесса над писателем, обвиненным в безнравственности, у него возникает острое желание отойти хотя бы на время от темы современного общества. Хотя суд оправдал писателя и его

¹² *Maynial E. Flaubert orientaliste et Du Camp.*— *Revue de Littérature comparée*, 1923, janvier — mars, с. 78—108.

«сообщников» (издателя и типографа), а роман его тотчас же вышел отдельным изданием. Флобер предпочитает переключиться на материал более благородный, чем пошлая жизнь и нравы окружающих его мещан. «От одной только мысли, что я буду описывать мещан, меня тошнит... Вдохновляться господами и дамами у меня больше нет сил»¹³, — говорит он и пять лет спустя в письме от 14 июля 1862 г.

Уже в 1857 г. после нескольких месяцев упорной работы в библиотеках у него оформляется замысел нового — восточного романа, который первоначально назывался «Карфаген», затем «Карфагениянка» и, наконец, по имени героини «Саламбо». «Мало кто поймет, какую пужпо было испытывать тоску, чтобы взяться за воскрешение Карфагена. Это Фиваида, куда меня толкнуло отвращение к современной жизни»¹⁴, — говорит Флобер в одном из писем. Однако в этом признании акцентируется только одна, и притом не главная, из причин, побудивших писателя обратиться к историческим событиям эпохи 1-й Пунической войны (264—241 гг. до н. э.).

Замысел и концепция «Саламбо» сложились под непосредственным влиянием «Римской истории» (1831) Ж. Мишле¹⁵. В этом и в других трудах Мишле, в частности во «Введении во всеобщую историю» (1831), развивается идея исторической преемственности, связывающей Восток и Запад. Главное содержание человеческой истории, по Мишле, — это движение к свободе, которое началось древнейшими восточными народами. Древняя история Индии, Персии, Египта, Иудеи — это веки движения к свободе, которая развивается не только во времени, но и в пространстве: из древнего Востока свобода, постоянно совершенствуясь, расширяясь, приходит и на Запад. Первыми носителями ее в Европе стали античная Греция и Рим. В некоторых эпизодах римской истории Мишле находит символическое выражение этого процесса: так, Клеопатра, покорившая Цезаря и Антония, представляется ему символом приобщения Запада к процессу исторического движения, уходящему корнями в историю древнего Востока.

Книжное знакомство с материалом будущего романа Флобер считает недостаточным, тем более что уже во время своей первой поездки на Восток он убедился, насколько живая реальность может отличаться от представлений, полученных только на основании чтения книг. Писатель, стремящийся к достоверности, — а это требование все определеннее входит в эстети-

¹³ *Flaubert G. Correspondance. Vol. 9. P., 1926—1933. T. 5, c. 32.*

¹⁴ Там же, т. 4, с. 348.

¹⁵ *Рейзов Б. Г. Творчество Флобера. М., 1955, с. 307.*

ку романа середины и второй половины XIX столетия — должен во всех подробностях изучить то явление, которое он избрал объектом изображения. Конечно, невозможно непосредственно, своими глазами наблюдать то, что произошло в III в. до н. э., но можно осмотреть места, в которых разворачивались события, а также архитектурные и любые другие памятники, которые были свидетелями событий, — это реально и необходимо. Поэтому Флобер и принимает решение совершить поездку в Карфаген.

Начиная свое путешествие в апреле 1858 г., Флобер с раздражением реагирует на окружающих его людей «цивилизированного» мира: и в марсельском отеле, и на плывущем через Средиземное море корабле, пассажиры которого кажутся ему ничтожествами, а самый выразительный тип среди них — «гнусного вида буржуа», напоминающий Феррана из «Парижских тайн» Э. Сю. По мере удаления от Франции и погружения в восточную реальность настроение Флобера смягчается, он с интересом наблюдает приметы восточной экзотики: пустыня, оазисы, артезианские колодцы, курильщики гашиша, запахи кофе и табака вперемешку с мускусом и бензоем, пальмы на фоне специфической голубизны неба, звуки восточной музыки, переполненные кофейни, минареты, окруженные желтыми огнями; он с удовольствием описывает некоторые экзотические обычаи (охоту на гиен, церемонию целования руки бея), пересказывает легенду о происхождении реки Румель и анекдоты о полинезийских женщинах, передает свои впечатления от традиционного и популярного на Востоке зрелища, в центре которого Карагез (впрочем, разочаровавший писателя). Его самлюбие польщено тем, что и здесь, в Африке, читают «Госпожу Бовари», о чем он узнает из случайной встречи с соотечественниками в одном из алжирских ресторанов.

Первый контакт с Алжиром, который начинается с городов Константина и Филиппвиля, дает впечатление чего-то знакомого, похожего на виденное раньше, в Египте и в Палестине: «...я чувствую (и вспоминаю) сладкий аромат Востока, доносимый до меня порывами горячего ветра». Ассоциации иногда возникают и с Европой, Францией, но тотчас же на фоне, казалось бы, привычных ив, окаймляющих дорогу, или невысоких гор, напоминающих Центральную Францию, появляются львы (чаще рассказы о них) или арабы, одетые в лохмотья, и разыгрывается какая-нибудь типично восточная жанровая сценка. Все это современный Восток, живущий своей привычной и столь удивительной для европейца жизнью, которая непосредственно изумляет и восхищает человека, открытого миру.

Обилие впечатлений увлекает Флобера, но не может отвлечь от главной цели путешествия — окрестностей города Туниса, где располагался древний Карфаген, разрушенный римлянами во II в. до н. э. Он движется дальше к востоку, обозревая окрестности с маяка Сиди-бу-Саид, простирающуюся внизу равнину и совсем вдали — дромадера около колодца. «Это, должно быть, уже Карфаген», — замечает он. Наконец 7 мая 1858 г. то, что осталось от Карфагена, встает перед ним в лучах восходящего солнца. Этот момент запечатлевается в дневнике путешественника красочным описанием восхода солнца. Выразительность картины, нарисованной Флобером, — результат двух причин: реальной красоты самого явления природы и возвышенного, торжественного настроения Флобера, приблизившегося наконец к главной цели своего путешествия. Он осматривает и подробно описывает в дневнике оливковые рощи и античные руины, мысленно воспроизводя городские стены, мост Гамилькара и другие известные ему сооружения, существовавшие здесь в древности, и затем отправляется в обратный путь: Константин — Марсель — Лион — Париж — Руан — Круассе. Дописывая свои путевые заметки уже в Круассе 12 июня 1858 г., Флобер признается, что впечатления от поездки уже несколько отодвинулись, начали стираться в памяти. Все смешалось в голове, «словно бы я вышел с маскарада, продолжавшегося ни мало ни много два месяца». И все-таки путешествие послужило живым импульсом к продолжению работы над «восточным» романом. «Да пребудут во мне все стихии природы и да воплотятся они в моей книге. Вселитесь в меня, духи пластической выразительности! Воскресни, прошлое! Пусть прекрасное делается живым и подлинным». Этими патетическими словами завершаются карфагенские записки Флобера.

Роман «Саламбо», как и все другие «восточные» произведения Флобера, повествует о древнем Востоке, в котором писатель видит нечто вроде материализованной идеи вечности, хотя и вынужден признать непреложность исторического движения восточной цивилизации. Понятие «современный Восток» в его представлении — это мир, также отмеченный историческим своеобразием, но пока что не познанный им — путешественником 1849—1851 и 1858 гг. Он мечтает о третьей поездке на Восток. На склоне жизни, он все еще строит планы: «Если бы я был моложе и богаче, я бы снова отправился в путешествие, чтобы изучить современный Восток» (письмо от 10 ноября 1877 г.). Этим намерениям не суждено было осуществиться, и в художественном творчестве Флобера Восток остался запечатленным сквозь призму античности и библейской древности.

ЕГИПЕТ

октябрь 1849 — июль 1850 г.

Я выехал из Круассе в понедельник 22 октября 1849 года. При прощании только Боссьер, наш садовник, показался мне по-настоящему растроганным. Сам же я не сдержал слез в субботу, когда паковал перья (среди них и то, которым теперь пишу) и запер шкафы. День стоял не то чтобы погожий, но и не плохой. На вокзале меня провожала невестка с дочерью. Пришли также Буиле и юный Луи Белланже, который умер за время моего путешествия. В вагоне напротив меня сидела горничная префекта Нижней Сены, маленькая женщина в черных кудряшках.

На другой день обедали у Клоке. Там был Лесерек. За обедом мать все время грустила. Вечером пошел с Морисом в Комическую Оперу и прослушал один акт «Феи с розами»; в пьесе есть турок, плутовающий оплеухи.

Амар подивился, что я еду на Восток. Не лучше ли, сказал он, жить в Париже, смотреть постановки Мольера и читать Андре Шенье.

В среду в четыре часа выехали в Ножан. Папаша Парен задержался, и я боялся, что мы опоздаем на поезд: это было бы дурным предзнаменованием. Наконец, он явился, держа перед собой зонтик для своей внучки. Фиакр тронулся первым, следом я с Эжени в кабриолете, так мы пересекли весь Париж и прибыли на вокзал вовремя.

От Парижа до Ножана — ничего; в вагоне против меня ехал господин в белых перчатках. Вечером объятия домашних.

В четверг, мучительный день, худший из всех, что

мне когда-либо доводилось переживать. Я предполагал пробыть здесь еще сутки, но решил уехать немедленно, так как не в силах был дольше выносить наши с мамой (нескончаемые!) прогулки по саду. Отъезд я наметил на пять часов, стрелка, однако, не двигалась; в гостиной лежала наготове моя шляпа, чемодан я отправил заранее; одно движение, и меня нет. Помню, заходили почтмейстерша, г-жа Дене, и Морер, содержатель почтовых лошадей; он жал мне руку через решетку ограды и произносил: «Вы увидите великую страну, великую религию, великий народ» и т. д. и еще множество всяких фраз.

Наконец я уехал. Мать сидела в кресле у камина; я обнимал ее, что-то ей говорил, потом поцеловал в лоб и бросился к двери, на ходу схватил шляпу и убежал вон. Какой вопль она испустила, когда захлопнулась дверь гостиной! Так кричала она в минуту смерти отца, когда взяла его руку.

Глаза мои оставались сухими, а сердце сжалось, если я что-нибудь и чувствовал, то какое-то раздражение, род досады, взгляд мой, верно, был жестким. Я закурил сигару, тут меня нагнал Бонанфан; он сказал, что, мол, необходимо, что мне подобает составить завещание, оформить доверенность, потому как в мое отсутствие с матерью может что-нибудь случиться. Меня вдруг охватила такая ненависть, какой я еще никогда ни к кому не испытывал. Бог, надо полагать, простил ему боль, которую он мне причинил, но след от нее уже не изгладится из моей души. Он окончательно вывел меня из терпения, и я поспешил вежливо от него отделаться.

В дверях вокзала — священник и четыре монашенки: дурная примета. Все время после полудня где-то по соседству тоскливо выла собака. Я завидую людям сильным, которые в подобные минуты таких мелочей не замечают.

Папаша Парен, тот не говорил ничего — верный признак большого доброго сердца. Я признателен ему за это молчание, как за великую услугу.

В зале ожидания некий господин (связанный делами с Бонанфаном) сетовал на жалкую участь собак, перевозимых по железной дороге: «Их помещают с неизвестными псами, от которых они набираются блох; большие норовят придушить маленьких; уж лучше заплатить подороже и т. д.».

Явилась Эжени вся в слезах: «Господин Парен, госпожа зовет вас, ей дурно», и они удалились.

От Ножана до Парижа: что это была за поездка! Я закрыл окно (ехал я один) и зарыдал, уткнувшись губами в платок. Звуки моего собственного голоса (они напомнили мне стенания Мари Дорваль) привели было меня в чувство; но затем снова накатили рыдания. В какую-то минуту я ощутил головокружение и испугался: «Успокойся! Успокойся!» Открыл окно: в лужах блестела луна, а вокруг расстилался туман; было холодно. Я видел перед собой мокрое от слез, сморщенное лицо матери, опущенные уголки рта...

На станции Монтро я зашел в буфет и выпил рюмки три-четыре рому не для того, чтобы забыться, а чтоб хоть чем-нибудь себя занять.

Тоска моя обрела теперь иную форму: я подумал, не вернуться ли (я готовился сойти на каждой станции, и только страх оказаться трусом удерживал меня), и уже слышал возглас Эжени: «Госпожа, это г-н Гюстав!» Ведь я мог немедленно доставить ей громадную радость, и сознание того, что сделать это в моих силах, согревало меня; я был сломлен и утешался этой мыслью.

Прибытие в Париж. Бесконечно долгое ожидание багажа. Путь мой лежал через Маре и площадь Руаля. Решение надо было принять прежде, чем я явлюсь к Максиму. Его не оказалось дома. Встретила меня Эме, принялась разводить огонь. Придя домой в полночь, Максим нашел меня раздавленным и истерзанным сомнениями. Он принудил меня сделать выбор, и решено было, что я не возвращаюсь в Ножан. Сейчас передо мной лежит письмо (я беру его в руки и перечитываю без малейшего трепета), написанное тогда в час ночи после целого вечера слез и душевных терзаний, каких я еще никогда не испытывал при расставании; однако теперь этот листок бумаги говорит мне не больше, чем любой другой, и буквы подобны любым другим во всех иных словах! Между мной тогдашним и мной сегодняшним такое же различие, как между трупом и хирургом, производящим вскрытие.

Следующие два дня я прокутил: пирушки, попойки, женщины; чувственные радости не так уж далеки от душевных, а мои жестоко издерганные нервы нуждались в расслаблении.

В пятницу слушал в Опере «Пророка». Со мной сидел перс (как мне хотелось завязать с ним дружбу, поговорить с ним!) и двое мещан, муж и жена: они все пытались разгадать суть интриги. В партере заметил папашу Бургиньона, он смотрел на танцовщиц, красный от вожделения. Встретил в фойе Пьеделье и Эд. Моне.

Какое наслаждение доставила мне госпожа Виардо! Когда бы не страх оказаться смешным, я бы ее расцеловал. Будь же всегда благословенно, доброе сердце, пролившее бальзам в мою душу!

На другой день, в субботу, к Максиму приходили Энне, Кеслер и Фовар, говорили о социализме.

С г-жой Прадье простились у нее на лестнице.

В воскресенье утром отправляюсь встречать Буиле. Из-под деревянного моста, пересекающего вокзал, вижу прибывающий поезд.— Визит к Клоке, там застаем Прадье с сыном; Прадье даже в присутствии сына не может удержаться от непристойностей.— Заходим к Готье, приглашаем его на ужин.— Бродим с Буиле по Сен-Жермен-де-Пре, заглядываем в Лувр (в ниневийскую галерею).— Вечером ужин у «Трех братьев-провансальцев», в зеленой гостиной: Л. де Корменен, Теофиль Готье, Буиле, Максим и я.— После ужина отправились с Буиле к Антонии Герен. Буиле назначил ей свидание на первое мая 1851 года, от 5 до 6, перед Кафе де Пари; она записала дату. Я не явился на свидание, поскольку был еще в Риме, любопытно, приходила ли она. Если да (что маловероятно), это бы сильно возвысило женщин в моих глазах.

Максим провел значительную часть ночи за писанием писем, Буиле спал на медвежьей шкуре; утром провожаю его на руанский поезд; мы оба бледны, сжимаем друг друга в объятиях; затем он уходит в одну сторону, я — в другую. Слава богу, все! С расставаниями покончено, какое облегчение!

У Максима сутолока, выносят мебель, приходят прощаться друзья; Корменен, заплаканный, сидит на столе; Фовар держится суше других; Гуасталла в пенсне, бормочет сквозь слезы: «Следите за собой хорошенько!» Пройдет совсем немного времени, и он воспыхает к своему другу иными чувствами! Возможно ли, чтоб из-за пустяка так резко переменилось человеческое сердце?

Прилагаю здесь несколько страниц, писанных на Ниле, в нашей канже¹. Я предполагал, что и в дальнейшем буду в свободные часы точно так же коротенькими главками описывать все путешествие, однако замысел мой оказался неосуществимым, от него пришлось отказаться, как только кончился хамсин и мы смогли высунуть нос из каюты.

Этот отрывок я назвал «На канже».

НА КАНЖЕ

I

6 февраля 1850 года. «На канже».

1840 год, если не ошибаюсь, 12 ноября. Мне семнадцать лет. Я только что возвратился из поездки на Корсику (первое мое путешествие). Закончив описание поездки, я смотрел невидящими глазами на разложенные передо мной листки бумаги и не знал, что с ними делать. Помнится, это была почтовая бумага голубоватого оттенка, разделенная на отдельные тетради так, как она лежала под тесемками моей дорожной папки.

Я купил ее в Тулоне, в один из тех дней, когда, проснувшись поутру, ощущаешь непреодолимую жажду писать, и кажется, что сможешь писать сколь угодно долго о любом предмете. Окинув исписанные страницы прощальным взглядом, я отодвинул их в сторону и поднялся из-за стола. Я ходил по комнате взад-вперед, руки мои были погружены в карманы, голова в плечи, ноги в домашние туфли, а сердце в тоску.

Позади остался целый период жизни. Я окончил коллеж. Что будет со мной дальше? Я был полон замыслов и проектов, сотни вещей влекли меня и тысячи уже вызывали отвращение. Я мечтал изучить греческий язык. Я сожалел, что не рожден пиратом. Я воображал себя то вероотступником, то погонщиком мулов, то камальдульцем. Мне хотелось бежать из дома, бежать от себя самого и нестись наугад, как уносится дым из трубы, как разлетаются листья акации.

¹ Небольшое судно для перевозки пассажиров по Нилу (здесь и далее примечания переводчика).

Глубоко вздохнув, я снова сел за стол. Листки бумаги скрепил четверной печатью, поставил дату и написал: «Для следующего путешествия», а затем большой вопросительный знак. Убрал бумагу в ящик стола и запер на ключ.

Лежите с миром, чистые листы, предназначавшиеся для восторженных излияний и радостных возгласов освобожденной фантазии. Ваш формат оказался слишком мал, а цвет слишком нежен. Когда-нибудь дряхлеющей рукой я сорву с вас запыленные печати. Кто знает, что я тогда напишу.

II

С той поры минуло десять лет. И вот я на Ниле, мы только что прошли Мемфис.

Когда мы выходили из старого Каира, дул свежий северный ветер. Наши два соприкасающиеся углами паруса раздувались вовсю, канжа шла накренясь, с шумом разрезая воду. Плеск воды слышен и теперь, только более тихий. На носу лодки, сложив по-турецки ноги, сидел раис¹ Ибрагим, он смотрел вперед и отдавал команды матросам, не поворачивая головы. На юте, то есть на крыше нашей каюты, стоял у руля его помощник, покуривая черный чубук. Небо было голубое, и все вокруг залито солнцем. Время от времени, глядя в подзорную трубу, мы видели на берегу цапель или журавлей.

Вода в Ниле желтая — это от земли, которую она несет; эта вода показалась мне изнуренной, словно бы и впрямь она устала от бесконечно долгого пути и собственного однообразного бормотания — унылой жалобы утомленного путника. Если Нил и Нигер — одна река, из какого же далека катятся эти воды? Сколько видели они? Как по волнам океана, мысль уносится по ним в необъятные пространства; на них печать извечного томления Клеопатры и отсвет золотого солнца фараонов. На закате небо справа сделалось багряным, а слева розовым. На алом фоне отчетливо выделялись пирамиды в Саккара. Вся эта сторона неба утопала в золотом сиянии и полыхала огнем. Слева, по ту сторону реки, все было розовым; чем ближе к горизонту, тем розовый тон был гуще, по мере удаления от зем-

¹ Капитан, начальник экипажа или владелец судна.

ли он тускнел, сменялся желтым, потом зеленоватым, а тот, бледнея, через едва уловимый промежуток белого переходил в голубой свод над нашими головами; линия раздела двух цветовых масс постепенно стиралась.

Танец матросов.— Жозеф у плиты.— Канжа накрена.— В центре пейзажа Нил.— Мы на середине Нила.— Купы пальм у основания пирамид в Саккара кажутся пучками крапивы, выросшей возле каменного надгробия.

III

Далеко-далеко отсюда на берегу реки, не столь многоводной и не имеющей такой древней истории, остался мой белый домишко, он стоит с закрытыми ставнями, поскольку меня в нем нет. Подрагивают в холодном тумане обнаженные тополя, стучаются о задубевшие берега гонимые течением льдины. Коровы загнаны в хлева, шпалерники укрыты соломенными щитами, дымок с фермы тает в сером небе.

Там осталась у меня эспланада в стиле Людовика XIV, обсаженная липами, где летом я прогуливаюсь в белом утреннем халате. Месяца через полтора на липах набухнут почки: множество красных бутончиков на каждой ветке; потом трава во дворах украсится подснежниками, желтыми, зелеными, розовыми — всех цветов радуги. Милые вы мои подснежники, не растеряйте своих семян, чтобы я мог вновь увидеть вас будущей весной!

Там остались у меня высокая, увитая розами стена и павильончик у самой воды. Возле балкона вырос кустик жимолости. Сюда хорошо прийти в июле, этак в час пополудни, и смотреть, как ловятся при луне рыбешки, называемые у нас «калюй»¹.

IV

Я не стану рассказывать о том, что испытываешь в час отъезда, ни о том, как кровоточит сердце, разлучаемое со всем, что ему дорого и привычно,— это заняло бы слишком много времени.

¹ Рыба семейства сельдевых.

Добрейший Прадье пришел проститься на почтовый двор. Самый «античный» из всех современных мастеров напутствовал нас перед путешествием в античность — счастливое предзнаменование. Он приветствовал нас такими словами: «Это поразительно! Вы знаете, что показывал сегодня утром мой барометр? Устойчиво ясно! Добрый знак: я очень обрадовался, ибо суеверен».

Мы тронулись в путь, дилижанс катил по мощной набережной под цокот копыт, дребезжание стекол и лязг железа. День стоял ветреный, ясный, сухой.

На переднем сиденье между нами молча сидела дама лет пятидесяти: лицо запрятано под вуалью, тело закутано в меховое пальто с шелковым верхом. На почтовой станции ее провожали двое: молодая женщина и мужчина. Когда свернули за угол улицы Сент-Оноре, дама расплакалась. Она ехала в Бургундию и должна была добраться до места к вечеру или ночью. Всего несколько часов езды, а она рыдает. Ведь я же не лил слез, хотя путь мне предстоял несравненно более далекий и оставлял я здесь, наверное, не меньше, чем она. Откуда взялось во мне раздражение против нее? Откуда эта жалость к ней? Почему мне вдруг захотелось наговорить бедняге грубостей? Не потому ли, что для каждого из нас только своя радость всегда оправданна, только своя любовь истинна, только собственная боль достойна сострадания?

Близ Фонтенбло меня разбудили испуганные вопли, доносившиеся из-под шляпы нашей попутчицы: на моем пальто преспокойно тлела влетевшая в окно паровозная искра; бедная женщина уже воображала нас заживо сожженными, как в Медоне, и полагала, что виной всему наши сигары, хотя мы из учтивости воздерживались от курения. С наступлением темноты ее стало знобить от холода, и я укрыл ей ноги своей шубой. Потом ее вырвало в окно, которое, опять-таки из обходительности, приходилось держать открытым.

Я вышел на империал. Было холодно, форточку закрыли. Я курил, покачиваясь в такт экипажу; паровоз мчал нас по рельсам вперед. Перед нами другой дилижанс раскачивало на платформе, точно корабль; горящая угольная пыль летела по обеим сторонам дороги. Проносились мимо селения, холмы, отвесно срезанные дорогой, виноградные поля, утыканные подпорками, как булавками.

Справа от меня сидел тощий господин в белой шляпе, слева два ямщика в синих форменных балахонах поверх курток. Один из них, с оспинами на лице и пучком волос под нижней губой вместо бороды, правил нашим дилижансом. Его спутник, дюжий и жизнерадостный малый, несколько дней как вышел в отставку и направлялся в Лион, дабы отдохнуть и заняться охотой. Ямщик! Сам вид его оживляет в памяти целый рой радужных и милых сердцу картин! Вспомнятся бурная радость каникул и тяга к скитаниям в неполных семнадцать лет, мечтания под открытым небом в экипаже, запряженном пятеркой лошадей, мчащих вас галопом по прекрасной дороге, пейзажи на горизонте, запах сена, обдувающий лицо ветер, легкомысленная болтовня и громкий смех, бесконечное курение и набивание трубок, и то особое братство, что рождается за рюмкой абсента, и, конечно же, чудесные длинные корзины со снедью, появляющиеся в канун Нового года, когда вы часу в десятом завтракаете в жарко натопленной столовой.

А не случилось ли вам целую дорогу докучать вопросами этому человеку, отвечавшему вам с неизменным терпением? И неужели не сохранилось у вас в памяти все еще живое воспоминание о том, как захватывало дух при подъеме на холм, за которым простирались желанные края?

Не доводилось ли вам, сгорая от нетерпения, метаться по станции между писарем и почтальоном, укладывающим тюки, и, с тоской и завистью смотря на человека в картузе, последним забиравшегося на империал, провожать его взглядом, покуда он не скроется за поворотом?

Помню, как в первый вечер мы въезжали на косогор. Дорога шла лесом. Местами ее освещала луна. Слева, внизу, простиралась, по-видимому, обширная долина.

Фонарь, висящий под сиденьем ямщика, освещал крупы двух передних лошадей. Соседка моя заснула и, раскрыв рот, храпела у меня на плече. Мы молчали; дилижанс катил вперед.

В десятом часу остановились ужинать в Нанжи-ле-Фран; мужчины курили на кухне возле большого камина. Разъездные приказчики повели между собой разговор. Один из них уверял другого, что они знако-

мы, а тот отрицал. Ну как же, ведь они встречались в Клермоне, у Гуайе. Дело было лет восемнадцать тому назад, уж никак не меньше; тот, другой, еще поднял тогда отчаянный шум из-за того, что ему отвели слишком короткую постель. «Ну и крепко же вы тогда рассердились. Черт побери, ну и кричали же вы!» — «Возможно, сударь, не спору, все может быть, но что-то я не припомню!»

VI

Итак, от Парижа до Марселя (уже в третий раз я проделываю этот путь в ту или другую сторону, и всякий раз при столь различных обстоятельствах!) ничего такого, о чем бы стоило упомянуть.

Среди пассажиров, ехавших вместе с нами вниз по Соне, привлекала внимание юная стройная особа в итальянской соломенной шляпке под длинной зеленой вуалью.

На ней была шелковая кофта поверх мужского сюртучка с бархатным воротником и карманами по бокам, куда она прятала руки; сюртук застегивался на груди двумя рядами пуговиц и плотно облегал стан, обрисовывая бедра, платье спадало густыми складками, от ветра ломавшимися на коленях. Руки были затянuty в узкие черные перчатки; большую часть времени она стояла, опершись о поручень, и разглядывала берега.

Рядом на складном стуле сидела женщина неопределенного возраста, это могла быть ее мать или тетка, друг дома, гувернантка, горничная или наперсница; тут же вертелся — то заговаривал с ними, то отходил к другим пассажирам — невысокого роста красивый юноша с закрученными вверх усами; он курил папирсы, щебетал нежным голоском, поигрывал брелочками и корчил из себя принца. Я слышал, как, указывая на медальон, болтавшийся среди множества побрякушек на жилетной цепочке, он сказал спутницам: «Здесь волосы баронессы». Ох уж это желание покрасоваться! Вскоре, однако, он накинул поверх своего туалета какую-то дерюгу с длинным ворсом, чищеную-перечищенную, поношенную, но еще пригодную, избличающую тщательно скрываемую бережливость владельца. Если весь облик молодого человека — го-

лос, движения, речь, галстук, сапоги и трость — дышал самодовольством, если все это предназначалось и существовало для публики, то пальто, это жалкое пальтецо, напротив, принадлежало только ему, их связывали самые сокровенные нити. Надо полагать, они знали друг про друга всю подноготную и пережили вместе не один ненастный день. Бедняга! Он-то рассчитывал на солнце... а тут вдруг холода; вот и пришлось извлечь на свет эту ветошь.

Влекомый природной склонностью к установлению взаимосвязи явлений, я ходил взад и вперед по палубе, стараясь отгадать, к какому разряду общества отнести эту компанию, и по временам, дабы облегчить задачу, бросал украдкой взгляд на адреса на ящиках, чехлах, коробках, сваленных в кучу у основания трубы.

У меня страсть сочинять прямо на ходу целый роман о всяком встречном. Неодолимое любопытство заставляет меня помимо моей воли строить догадки о жизни каждого прохожего. Мне хочется знать, чем он занимается, откуда родом, как его зовут, чем озабочен в эту минуту, что потерял и чего ищет, что любил в прошлом и о чем мечтает в настоящем — словом все, вплоть до цвета каймы его фланелевого жилета и выражения его физиономии, когда он очищает желудок. А если попадетя женщина, в особенности средних лет, тут уж я прямо сгораю от любопытства. Так и хочется, не правда ли, немедля обнажить ее всю, до самого сердца! Хочется непременно узнать, откуда она идет, куда и почему сейчас она здесь, а не в другом месте. Оглядываешь ее с ног до головы и придумываешь ей похождения. Воображаешь, что она влюблена. Представляешь себе ее спальню, то, другое, третье, стоптанную домашнюю туфлю, в которую она сует ножку, вставая с постели.

Потом я спустился в общую каюту, дабы сменить место, а также направление мыслей. Примостившись кое-как на жесткой, обтянутой бархатом банкетке, я уже было задремал под шум колес и звяканье ножей и вилок о тарелки, как вдруг явился мой спутник, вылупив глаза и едва сдерживая смех; оказалось, он, зайдя по ошибке в дамское отделение, застал там наших возничих наедине с двумя модисточками; знакомцы наши стояли на коленях перед сидящими на табуретах девицами, красные от возбуждения, без

картузов, меж тем как руки их осторожно подбирались к «храму Венеры»; при этом вся компания потягивала из рюмочек анисовую водку.

VI

Мы знали, что в Лионе, у своего не то брата, не то шурина или что-то в этом роде, гостит Глэр. И вот, едва ступив на берег, мы принялись отыскивать в адресной книге всех Глэров, какие там числились. По счастью, наткнулись на того самого. Макс послал ему записку, и вечером, часов в одиннадцать, когда мы уже лежали, Глэр явился. Разговор пошел о Египте, о Нильской пустыне, он рассказывал нам о Сеннаре и пугал баснями про обезьян, которые по ночам приподнимают полог палатки и смотрят на путешественников; по вечерам там в кронах больших деревьев рассказываются цесарки, и газели стадами пробираются на водопой. Там есть саванны с высокими травами и слоны, бегущие так быстро, что стрелять в них бесполезно. Мы расстались в час ночи и до утра мечтали о Сеннаре.

Вставать пришлось в пять часов, чтобы успеть погрузиться на ронский пароход, хотя из-за тумана он отошел только в десять. Плавание оказалось не из приятных: было холодно, тоскливо, неудобно, палуба запружена людьми и бочками с маслом; грязь, глупейшая болтовня, питье абсента — все это нагоняло смертельную скуку. В четыре часа пополудни мы находились еще в Валансе; таким образом, нам предстояло провести ночь на судне и прибыть в Марсель лишь на другой день к вечеру, а то и через день.

И тут нам подвернулся случайный экипаж. Мы наскоро заглотали преотвратительный обед, прыгнули в колымагу и четверть часа спустя уже катили по направлению к Марселю.

Уже чувствовалось приближение юга, горы на закате окутались голубоватой дымкой. Дорога прямая, окаймленная оливковыми деревьями. Воздух тут прозрачнее, насыщеннее светом.

Посреди ночи остановились в каком-то городишке, я узнал Монтелимар; тотчас вспомнились коробочки с омерзительной нугой, купленные здесь однажды, и исключительной холодности завтрак в обществе покойного дю Сомрара. Помнится, он нюхал табак из

необъятных размеров самшитовой табакерки, носил широченный сюртук, имел густые брови и вид добродушный и непроницаемый.

В Авиньоне пришлось немедленно пересаживаться на поезд, так что мы даже не успели заглянуть ни в Папский дворец, ни в восхитительный музей, где можно бродить в полнейшем одиночестве, читая древние надписи на мраморных стелах под шелест садовых деревьев за окном.

Однажды в этом городе, проходя по улице, я увидел (с улицы, разумеется) комнату на первом этаже с семью кроватями, спинка к спинке. Проституция, так уж по крайней мере откровенная; окна были широко распахнуты, и девицы в розовых платьях стояли на пороге.

Отдавая дань высокому стилю, не могу не вспомнить о Шапеле и Башомоне, повстречавших на папской земле г-на д'Ассуси с его пажом. С определенностью можно сказать, что этих бойких молодцов не слишком влекли археологические находки и не экзотики искали они в своем путешествии. Другие времена, другие речи — всякому веку свои чернила.

По железной дороге с нами ехал один-единственный попугайчик, этот милейший господин, улыбался всякий раз, когда мимо проносился паровоз, и бормотал себе под нос: «Видали? Вот до чего техника дошла!»

Когда мы прибыли в Марсель, шел дождь, и, позавтракав, мы легли соснуть.

VIII

Помню, как ноябрьским утром я впервые приехал в Марсель. Солнце играло на поверхности воды, гладкой как зеркало, лазурной, искрящейся. Мы стояли на вершине холма при подъезде к городу со стороны Экса. Я только проснулся и вышел из повозки подышать воздухом и расправить ноги. Я ступал по земле, охваченный приливом сладострастия, какого с тех пор никогда не испытывал. Я пылал любовью к морю древних, о котором столько мечтал! Меня восхищали и паруса тарган, и широкие панталоны греческих моряков, и коричневатые, цвета испанского табака, чулки простолудинок. Жаркое дыхание темных улиц, зажатых высокими домами, исполняло душу восточной неги,

крупные булыжники улицы Канбьер жгли ступни сквозь тонкие подошвы туфель, мускулы ног напрягались, и я уже мысленно шагал по раскаленным пескам далеких берегов.

Однажды вечером я оказался совершенно один в школе плавания Лансака, близ бухты Урсен, где под водой расставлены обширные заколы для ловли тунца.

Я плыл в голубой воде; сквозь нее я видел камни и ковер из тонкой травы на дне. Покойно и радостно подставлял я тело струящимся ласкам наяды. Волн не было, а только размашистое колыхание, баюкавшее меня с тихим шепотом.

Возвращался я в гостиницу в подобии четырехместного кабриолета, где ехали еще директор купален и молодая белокурая особа, чьи мокрые волосы были забраны под шляпку. Она держала на коленях крохотного гаванского мопса, купавшегося вместе с ней. Песик дрожал, и она растирала его ладошками, чтобы согреть. Кучер в большой фетровой шляпе сидел на дроге.

Боже, как все это было давно! (среда, 20 февраля 1850 г.).

Здесь заканчивается моя «Канжа».

Далее переписываю блокноты.

Марсель. Остановились в гостинице «Люксембург», у Пароселя.

Визит к доктору Ковьеру; тот все говорил о политике и смене кабинета, а нам-то хотелось послушать рассказы о Востоке.

Наносим визит Клот-бею, рассыпаемся перед ним в любезностях, он принимает нас весьма радушно.— Молодой француз, его секретарь, одет на турецкий лад.

Пошел взглянуть еще раз на гостиницу на улице Дарс (теперь закрытую), да едва ее отыскал.

В четверг, на праздник всех Святых, мы зашли в полотняный балаган в порту, «Il signor Valentino»¹. Две волосатые женщины. Они ходили между рядами, и посетители, дабы удостовериться, что волосы настоящие, дергали их и теребили, запускали в них свои здоровенные, перемазанные детем ручищи.— Он спел нам арию из «Лукреции Борджа».

¹ Синьор Валентино (ит.).

В другой вечер слушали в театре два акта из «Жидовки».

Слоняемся по кабачкам в нижней части улицы Дарс; в одном играют «Господина и даму», в другом — поют, один из певцов неопределенного пола, non so come si fa¹.

Воскресенье, 4 ноября, утро.

В 8 часов вошли на борт «Нила», капитан Рей, помощник Ру.— Пассажиры: г-н Кодрика, французский консул в Маниле, его жена, малолетние сын и дочь; г-да Ламбрехт и Лагранж, направляющиеся в Индию; г-н Пелисье, консул в Триполи (Берберия), с ним его сын в феске, восемнадцатилетняя дочь — ухудшенная копия Лоры Лепуатвен — и мальчуган в гимназической форме. Вторым классом плыли цирюльники, зеркальщики, золотильщики и пр., вместе с громадным псом их везли к Аббасу²-паше в сопровождении какого-то «мамамуши»³ в феске; весь этот люд то и дело поднимался на палубу первого класса и досаждал нам своей болтовней.— «Крем дьямантёз».

Когда отплывали, дул сильный бриз, судно так и приплясывало.— Г-н Кодрика с супругой сидел на скамье.— У замка Иф меня начало мутить; выпиваю рюмку рома и незамедлительно изрыгаю ее, спускаюсь в свою каюту и лежу там весь день без движения, в состоянии оцепенения.

В понедельник мне лучше, хотя аппетита нет. Вечером проходим пролив Бонифачо. Ру на мостике, отдает приказания.

На судне всех потешало, особенно когда собирались за едой, соперничество красавца доктора Бартеlemi и второго помощника Борелли, глуповатого, грубоватого, лысого, провинциального.— Комиссар, большой педант, в сером сюртуке, с оспиной на ухе. Одноглазый капитан Рей, ни во что не вмешивался. Среди безбрежных морских просторов замкнутость мизерного судового мирка ощущалась особенно остро; от четкого, ничем не нарушаемого распорядка терялся счет времени, путались дни недели.

Старший помощник Ру сделался большим моим

¹ Не знаю, как это делается (*ит.*).

² Паша в Египте 1849 — 1854 гг.

³ Мнимотурецкое слово, сочиненное Мольером («Мещанин во дворянстве») и ставшее нарицательным для обозначения чванных вельмож.

приятелем, мы разговаривали о дальних плаваниях, он рассказывал о мысе Горн, о том, как альбатрос ударом клюва потопил в море человека.

Во вторник вечером показался остров Мареттимо. Отблеск луны качался в волнах, извиваясь, точно громадный факел.— Это море помнило пунические войны, и мне чудилось, что я вижу блестящие шлемы, поднимающиеся на гребне волны, наполняющиеся водой и исчезающие в пучине. Самочувствие хорошее.

Мальта. В среду вечером, в девятом часу, прибыли на Мальту. После ужина говорили о политике и о социализме.— Пелисье узнал Максима, которого видел во время июньских событий.

В четверг поутру ясная погода. В порту спуют лодки, покрашенные в красные и зеленые полосы, на корме — ситцевый навес с кисточками из хлопчатой бумаги. Нос завершается поставленной ребром доской. Если плывут вдвоем, то один (тот, что позади) стоя толкает весло от себя, а другой сидя тянет его на себя (т. е. гребет, как мы).

Входим в город через большую арку, а затем поднимаемся по улице, запруженной торговцами сыром и вяленой рыбой; тяжелый запах уже приобщает путешественника к зловонию греческих бакалейных лавок, которое будет сопровождать его повсюду на Леванте, от Александрии до Патр.

Городок опрятен и живописен, улочки крутые, иные в ступеньках, все вымыты.— Восточный колорит уживается здесь с английской чистоплотностью. Дома из тесаного камня, под окнами балкончики на консолях в стиле Людовика XIV; над балконами деревянные навесы, как правило, зеленого цвета.

Церковь Сан Джовани.— Пол вымощен могильными плитами и устлан циновками, точно надгробия,— это кресла, с которых по праздникам снимают чехлы. Церковь итальянская: сплошь позолота да живопись; боковые капеллы соединены между собой романскими порталами. Когда смотришь сквозь них, перед глазами возникают сцены тайного свидания в Испании XVI века: женщина стоит на коленях, склонившись в молитве, лицо закрыто черной вуалью; чьи-то глаза следят за ней из-под портала.

Справа, в одной из капелл — надгробие командора: его бюст несут на плечах негр и мавр.— Один придел отгорожен серебряной решеткой.

Адмиралтейство.— Ничего, кроме великолепных апартаментов; портрет его величества Георга IV в красном галстуке, отвратительный разряженный пепух; темные обои, турецкие ковры.

В арсенале коллекция подлинных трофеев дополнена картонными щитами; пробуем поднять два-три щита, с трудом отрываем их от земли, настолько они тяжелы.

У французского пароходства прогуливается супруга английского лоцмана, старая андалузка с пылким взором и удлиненными чертами ожиревшего с годами лица. Жир для старух что плющ для руин: и укрепляет их, и скрывает следы разрушений.

Мальтийки в большинстве своем невысоки ростом, светлокожи, ходят с покрытой головой — отсюда недалеко и до чадры.

Вышли с Мальты в четверг, в три часа пополудни.— Что за ночь! — Часам к десяти сделалась духота.— Г-н Кодрика задыхается, глотает какие-то гомеопатические пилюльки; гроза действует ему на нервы. Начинается ливень; провиантский служащий отказывается подать апельсин; Бартеlemi вызывает его и приказывает подать. Апельсин в конце концов появляется.

Корабль трещит. До двух часов утра стою на вахте с папашей Борелли; он находит, что погода недурна. Качает. Когда в просветы облаков проглядывает луна, я вижу, как встают огромные валы; руль с грохотом бьет по корме, можно подумать, что стреляют из пушки. Я спускаюсь в каюту, снова выхожу на палубу, и так несколько раз; ложусь, закутавшись в пальто, на скамью у правого борта, тяжелые тучи давят на грудь. Во все время шторма думаю об Альфреде, волны разбиваются о кожухи гребного колеса, и брызги долетают до меня. Утром Ру решил вернуться на Мальту, но сделать это оказалось не так-то просто: в три часа пополудни нас все еще носило по волнам; в течение четверти часа все, кто был осведомлен о происходящем (мы уже подошли к Мальте, но повернули обратно в открытое море, так и не найдя прохода в бухту), переживали неприятные минуты, г-н Лагранж побелел. (Ночью плакали в машинном отделении, я сам слышал, как один матрос предрекал несчастье; старший рулевой боится перехода от Александрии до Бейрута, сам не зная почему: «такое у не-

го чувство»; сейчас я с тревогой вспоминаю о его предчувствиях, мне хотелось бы знать, что корабль благополучно возвратился.) У меня же схватило живот не от страха — нам ничто конкретно не угрожало, — а от волнения, от того, что я представил себе, как мы разбиваемся ночью о мальтийские скалы.

Возвращаемся на Мальту, поселяемся в гостинице «Средиземноморье» (улица Санта Лючия). Жадно набрасываемся на еду, отогреваемся, переодеваемся. — Ощущение расслабленности и силы, переваривая пищу, чувствую в себе животную грубость нормандца. — Прошлой ночью хозяева беспокоились за нас, а хозяйка все повторяла: «La rovega varoge, la rovega varoge...»¹ После ужина на углу улицы Санта Лючия к нам подскочил какой-то юнец: «Господин не желает ли женщин?» Потом мы этого плутишку уже не нашли. — Кофейня; лимонад со льдом, не иначе как с самой Этны. Украшением помещения служат драпри в духе Реставрации.

На другое утро выходим на веранду, посмотреть, будет ли погода. Море синее, темное, на горизонте еще бурное. — Пелисье-сын в своем красном колпаке курит папиросу; Пелисье-отец, важный, как турецкий султан, рвет и мечет оттого, что приправа к кушанью ему не по вкусу.

От Читта Лавалетта до Читта Веккиа. — В Читту Веккию отправляемся на калессине. Превосходное описание этого экипажа вы найдете в книге Максима; и уж совершенно особого шика исполнена калессина, везущая священника: что за прелесть этот профиль в черной треуголке. Кюре нередко перемещаются в обществе дам; тут, наверное, можно написать не одну пикантную историю.

У городских ворот гиды наперебой предлагают услуги; мы выбрали одного в белесых штанах и с великолепными движениями гибкого тела. — Широкие дали, справа две пальмы. — Акведук. — Церковь святого Павла, собор — безынтересны. Грот святого Павла; другой грот святого Павла с небольшим алтарем в глубине, в этом полно воды. Гроты эти вырублены в некрасивом белом и очень мягком камне. — Какие-то славные люди предлагают купить у них медали.

¹ Бедный пароход, бедный пароход (ит.).

Катакомбы, проложенные в той же мягкой породе, длинная череда петляющих коридоров (намного уже и извилистей неаполитанских). По обеим сторонам — сводчатые углубления, куда кладут мертвых; рядом с большим углублением нередко выемка поменьше — для ребенка, иногда две ниши бок о бок. На перекрестках лежат плоские круглые камни наподобие жерновов. — Обнаруживаем нечто вроде колонн с каннелюрами, высеченных в камне. — Дышать нечем. — Протяженность катакомб неизвестна. Наш вожатый, черный, угрюмый служитель культа, низенький, тощий, смесь испанца, бедуина и иезуита, вспоминает, что во времена его детства один преподаватель семинарии, где он учился, не вышел из этих катакомб; а выпущенная туда свинья вылезла в Читта Лавалетте. Он полагает, что катакомбы пронизывают весь остров.

От Мальты до Александрии. — В субботу, в 6 часов вечера, после развеселого обеда на судне, снова вышли в море; я сделался здесь общим баловнем, много балагурю и слышу за человека остроумного.

Воскресенье и утро понедельника проходят относительно спокойно, на море зыбь; но в понедельник часам к трем море разыгралось, и поднялся свежий ветер; судно так и ныряет в волны, для большей устойчивости поднимаем паруса. Ночь выдалась не из легких. Г-жа Кодрика донимает мужа: «Бетные тети! Вот к чему привотит человеческая гортанья...» и т. д. Несчастный супруг обливается потом, вид побитой собаки. Растерзанный, подавленный, бледный, он вышел из каюты и, взяв меня за руку, сказал: «Вы не жены, мой друг, это большое счастье!» Я стою на палубе, уцепившись за трос на корме; вахтенный офицер едва удерживается на ногах; все рушится, трещит, дрожит; как нитка, лопаются шкот; мечется по судну пес Аббаса-паши, собака боцмана укрылась за компасом. Пытаюсь прилечь то тут, то там; капитан спит одетый на диване, дежурный официант устроился на полу в кают-компани, завернувшись в брезент. Временами на меня находит смех, настолько гротескна вся картина: там орут, тут травят, посудина трещит, мечутся бобики и бранится Кодрика. С каждым валом корабль черпает правым бортом, затем резко выпрямляется, уподобляясь ковшу.

Я чувствую, как во мне просыпается моряк, и от соленых волн пенится кровь в жилах, мне хочется вскарабкаться наверх по вантам и запеть; но минутами подступает тоска, и я думаю о том, что в море немудрено и погибнуть. Кюдрика стоит подле меня и бормочет: «Как вспомнишь, что еще две недели назад бедные детки играли на Елисейских полях!» Потом мы с ним декламируем: «горы влаги», «равнина морская» и браним Расина. Между 4 и 6 часами утра ураган стихает; судно наше в плачевном состоянии: медная обшивка поотрывалась, один из трапов смыт, котел течет и тухнет, его приходится наполнять вручную.

Штормило не меньше, а возможно, и сильнее, чем в ночь с четверга на пятницу, но не было ни огней святого Эльма, ни грома, ни ливня, ночь стояла ясная, звездная, и это вселяло бодрость, несмотря на бурю.

Во вторник, а особенно в среду распогодилось. Мы расстелили пальто и возлежим под тентом на палубе первого класса. Лагранж рисует Кюдрика, изображая его Дон Кихотом с тазиком для бритья, а Кюдрика пишет портрет Ру.

В среду вечером долго беседовали с Кюдрика по душам. Разговор начался, как обычно, с непристойностей, но затем принял сентиментальный оборот; он поведал мне о трех своих любовных похождениях: 1-е — в Париже, любовница в предместье Сент-Оноре; он перелезал через садовую ограду и нередко часть ночи топтался в снегу; 2-е — в Греции, тут ему приходилось пользоваться приставной лестницей; 3-е — в Женеве, история о том, как он расстался с женщиной, которую долго любил. Туманное утро, она стоит на балконе и смотрит ему вслед: «Так закрылась еще одна страница моей жизни, больше мы с ней не виделись». — Человек страстный, эмоциональный, больной, страдающий, живущий на широкую ногу; сколько горьких минут, сколько восторженных довелось ему, должно быть, пережить самому, сколько неприязни и страсти внушить другим; прекрасная чувствительная натура; ему недостает денег да поприща, на котором он мог бы употребить свою энергию во благо.

В четверг великолепное утро, на судне всеобщее оживление, близится час прибытия. Для прохода в гавань берем лоцмана, на голове у него белый тюрбан. (На шкафуте с нами ехали два алжирских хаджи, за

все время не двинувшихся с места.) Когда вошли в порт, он схватил Ру за бороду и потребовал у него хлеба и сыра: «Ах ты свинья, да руки-то у тебя по крайней мере чистые?»— Выгружаемся, неразбериха, крики, груды тюков. Слева, на краю причала, арабы мирно удят рыбу. Первое судно, которое я вижу в порту,— бриг из Сен-Мало, первое, что замечаю на египетской земле,— верблюд. Еще раньше, взобравшись на ванты, я видел блестящую на солнце крышу дворца Мухаммеда Али, черный купол на фоне разлившегося по морю серебряного сияния.— Негритянки, негры, феллахи.— Наша шлюпка пристает к берегу, рядом источник, погонщики верблюдов наполняют бурдюки.— Торжественная, волнующая минута: нога моя коснулась земли Египта.

Александрия. Большой город, в центре — площадь Консулов, город-гибрид: полуарабский-полуевропейский.— Мужчины в белых штанах и фесках.— Хакаким-бей, зять Артим-бей; когда слушали «Норму», зеленые очки и громадный нос придавали ему вид какого-то фантастического животного, помеси жабы с индюком.— Но какой очаровательный негритенок! — Г-жа Жорель, Галлис-бей, Жерарден, Принсто-бей, Вильмен, Солиман-паша, отец Абро из голландского консульства в Смирне, одетый на армянский манер.

Вечером, в день нашего приезда, шествие с фонарями; детишки стучают нас палками по ногам. На другой день — празднество по случаю обрезания: ведут верблюда, увешанного золотыми пластинами, шествуют представители всех ремесел, несут фаллос.— Ходили смотреть Иглы Клеопатры¹, одна стоит, другая лежит справа от города, близ караульного помещения.

Колонна Помпея; монолит с великолепной коринфской капителью, на основании аршинными буквами черной краской выведено имя «Томпсон из Сандерленда»; землисто-серого цвета надгробия, ни кустика, ни травинки.

Бани Клеопатры: маленькая бухточка, слева гроты. Вода играет разноцветными красками, бордовая кайма на подводной части скалы, как будто там пролили красное вино; босой араб, зайдя по щиколотку

¹ Обелиски из храма в Гелиополе, установленные в Александрии; в XIX в. перенесены один в Лондон, другой в Нью-Йорк.

в воду и подобрав халат, чистит баранью шкуру ножом. Немилосердно печет солнце, я храню молчание. Возвращаемся в город галопом на ослах. Несколько бедуинов из Ливийской пустыни, завернутых в серые покрывала.

Остановка в кофейне у канала Махмудия, подают гренки.— Первое посещение турецкой бани оставляет самое мрачное впечатление: вас точно собираются забальзамировать живьем.

Путешествие в Розетту. Выехали из Александрии в воскресенье 18-го, в четверть восьмого утра.

Лиловые облака, широкая дорога, загородные дома, гроздья фиников на пальмах. Вспоминается речь Санчо на свадьбе Камачо: «О прекрасная девушка с тяжелыми серьгами в ушах — ни дать ни взять пальма, увешанная финиками» — сравнение поражает меня своей точностью.

За городом сразу начинается пустыня. То тут, то там песчаный бугорок, одинокие пальмы. Небольшие подъемы сменяются отлогими спусками, дороги нет, лишь тропа, вытоптанная конскими да ослиными копытами.— Время от времени встречается араб на осле, у тех, что побогаче, над головой большие зонты.— Вереница верблюдов, погонщик одет в рубаху.

Едет женщина, лицо закрыто большим куском новенького черного шелка, на другом осле ее супруг. «Тайеб», и нам отвечают не останавливаясь: «Тайеб, тайеб». — Картина: верблюд, идущий нам навстречу, в ракурсе, позади сбоку человек, за ним, на третьем плане, две пальмы на фоне уходящей вверх пустыни.— Первый мираж.— По левую руку от нас море.

Слева, на оконечности длинной косы, Абукир. В половине одиннадцатого подъезжаем к крепости. На стене возле сторожевой будки часовой, он велит нам остановиться; два белых пса с воем выскакивают на подъемный мост. Стоит нам произнести имя Солимана-паши, как нас пропускают; у офицера и солдат-турок исключительно миролюбивые физиономии. Подкрепляемся цыпленком из наших припасов, сидя на каменных скамьях в крытом проходе, ведущем во двор крепости; это один из лучших завтраков в моей жизни. Добродушные турки разглядывают наше оружие; говорим о войне, о военных, о России; Максим вспоминает константинопольскую поговорку: «Французы хо-

рошие солдаты и т. д., русские хорошие свиньи». Превосходный кофе. Выезжаем из крепости в половине двенадцатого, следуем вдоль моря, хрустят под копытами лошадей ракушки, лижут песок лиловато-коричневые волны. То тут, то там выброшенная на берег акула; повсюду кости животных, бычий остов, наполовину засыпанный песком, нетронутая голова мумифицировалась. При выезде из Александрии мы видели на три четверти обглоданного верблюда.

В Идку переправляемся на пароме. Два верблюда лениво плетутся бродом, а выйдя из воды, ложатся обсохнуть, ревут, валяются в песке. Нам стоит большого труда затащить на паром мула (того, что везет Жозефа и продовольствие), усердствуют все, кроме разве одного хозяина мула, молодящегося старичка с крепкими икрами. Когда сошли с парома, Сассетти обнаружил, что сломал приклад. Лошади ржут, брыкаются, становятся на дыбы; у них не узда, а один недоуздок, повинуются они свистку и хоть вид имеют жалких клячонок, с голоса пускаются вскачь — словом, замечательные животные.

Едем вдоль моря; останки кораблей — следы битвы при Абукире. Стреляем бакланов и морских сорок; арабы наши (все дети, за исключением старика в тюрбанчике) бегают не хуже иной борзой и с большой охотой приносят нам подстреленную дичь.

Вокруг ни души. — Море огромно. — Свет ярок до черноты, в этом есть что-то зловещее. — Происшествие: человек с финиками, порка; куртка Сассетти, унесенная ветром, черный зад старика на фоне белых волн. Ну и крику было! Отменная взбучка!

До пяти часов вечера едем вдоль берега. Затем сворачиваем вправо; время от времени попадаются кирпичные столбы: они указывают путь к Розетте. Мягкий-мягкий песок, солнце садится: в небе разлита расплавленная позолота; потом появляются красноватые облака, вытянутые исполинскими рыбьими хребтами (была минута, когда небо казалось листом золота, а песок походил на чернила). Слева и впереди, в стороне моря и Розетты, небо окрашено в нежно-голубые пастельные тона; мы едем рядом, и две гигантские параллельные тени выступают перед нами размеренным шагом, в точности как мы, будто два громадных изваяния шествуют бок о бок.

Белые минареты Розетты. — Появляются раститель-

ность, пальмы, пригорки. Впереди шагает один из наших юных сансов¹, мы много петляем и уже в глубокой темноте подъезжаем к воротам Розетты; они открываются с невероятным скрипом, точно амбарные. Проходим по узким улочкам, на окнах резные деревянные решетки — машрабийи; улицы темны, противостоящие дома едва ли не касаются друг друга; лавки освещены подвешенными на веревках масляными светильниками. Улицы до того узки, что, если оставить ружье поперек седла, оно непременно сломается; лошадь почти целиком заполняет собой пространство между лавками. Мы пересекаем весь город и подъезжаем к казарме. Темная лестница, часовой у дверей паши (Гуссейна-паши). — Большая комната, нависающая над морем, окна на все стороны; паша восседает на подушках, вместо правой руки — кулья, похож на Бовале; присутствует также полковник Исмаил-бей, глаза полуприкрыты, вид шельмоватый и удалой. Продолжительный обмен любезностями; для ночлега нам отводят соседнюю комнату. Ужин по-турецки, превосходные сладкие лепешечки. Скверная ночь, душераздирающе воют розеттские собаки; донимают блохи, болит живот!

На другое утро, в понедельник 19-го, в то время, как я умывался, паша привел к нам доктора Колуччи; это человек невысокого роста, добрый, открытый, обходительный. Отправляемся вместе с ним на прогулку, посещаем рисовую мануфактуру: большие деревянные песты с металлическими винтами на конце. — Ручная бумагопрядильня; согнувшись в три погибели, работник ходит по кругу, вращая мотовило, как лошадь на мельнице; проходя мимо нас, он всякий раз улыбается, выпрашивая бакшиш².

В приоткрытые ворота мечети видим крашеные колонны во дворе. У входа стоит молодой турок, похожий на Луи Белланже. Посещаем что-то вроде госпиталя, где в комнатах с низкими потолками лежат на нарах больные, по-видимому, в тяжелом состоянии; пахнет жаром и потом, в щели дощатых стен проникает солнце. Поднимаемся к аптекарю, тот угощает нас трубкой. — Я умираю с голоду, возвращаемся в казарму, наносим визит паше, в очередной раз пьем ко-

¹ Слуга, который бежит впереди лошади.

² Деньги, чаевые.

фе и курим чубук.— В половине второго обед: по меньшей мере тридцать блюд (негр метелкой отгоняет от нас мух, обращенное к морю окно раскрыто; челядь многочисленна; лица и шелковые одежды всевозможных цветов); кондитерские изделия хороши, все остальное отвратительно; пробую арабский хлеб — большие лепешки из непеченного теста. Контролирую каждое свое движение, боясь совершить что-нибудь неуместное.

После обеда прогулка в Абу-Мандур, по левому берегу Нила.— Сад и заросли тростника (это единственное место на Ниле, где я видел тростник, он здесь почти не растет).— Яркий солнечный свет разливается по воде.

У Абу-Мандура Нил круто изгибается влево, и с правого берега к нему подступают высокие песчаные откосы.

Проплывает мимо барка — тартана: вот он, настоящий Восток, меланхоличный, убаюкивающий; уже я начинаю ощущать его бескрайность и вижу себя затерянным среди этой безжалостной громады.

На крепостной стене мусульманин творит молитву, бия челом в сторону заката.— Абу-Мандур — это гробница отшельника.— Сикомор, или смоковница.— Сторож дает нам попробовать ее причудливой формы плоды. То, что мы в Европе называем сикомором (разновидность клена), совсем на сикомор не похоже. Сторож дает мне еще несколько фиников, какая-то собака бредет за мной по пятам, по-прежнему мучает резь в животе. Излучина Нила, перед нами и справа от нас — пустыня; слева, по ту сторону Нила, бескрайние зеленые луга с большими лужами.— Поднимаемся на телеграф, сторож целует мне руку.

Возвращаемся в казарму. Обедаем втроем в нашей комнате, обед европейский, превосходная фасоль; прощание с пашой, покойная ночь.

На другой день, во вторник, отъезд; паша стоит у окна. Весь день холодно, не снимаем бушлатов. На берегу моря снова встречаем тех верблюдов с финиками, а малый, что получил от нас взбучку, завидев нас издали, пускается наутек.

Иджу. Пока ходят за перевозчиком, охотимся на болоте; мы с Максом подстрелили сразу пять морских сорок, две из которых потонули: это первая дичь, убитая мною.

Завтракаем на другом берегу, под стеной телеграфной станции; съедаем половину второго цыпленка и припасы, выданные нам Гуссейн-пашой. Холодно, море беспокойно, раковин попадается меньше, нежели третьего дня.

Приблизительно в миле от Александрии нас обгоняют справа негр и араб верхом на верблюдах; верблюды не нагружены, веревки перекрещены на седлах и болтаются на ляжках; седоки стоят на ногах и с хриплым хохотком хлещут верблюдов пальмовыми ветками; верблюды трусят, как индюки. Быстро скрываются из виду.— Смех дикий и вид дикарей, резкие горные звуки, размашистые движения.

Перед самым въездом в Александрию слева на холме одинокая мельница.

Пробыли в Александрии до воскресенья 25-го. Непрестанные визиты. Боли в животе.

От Александрии до Каира. Утром, в воскресенье 25-го, отплываем на суденышке, буксируемом маленьким пароходиком, состоящим из одной только машины. Плоские безжизненные берега Махмудии; вот бегут по берегу арабы, совершенно голые; иной раз увидишь всадника, закутанного в белое,— трусит себе в турецком седле.— Пассажиры на судне: г-жа Шедютан, рослая, худая, элегантная, в греческом костюме; супруг ее, французский врач, состоящий на службе у вице-короля, лежит внизу на одеялах, за ним ухаживает абиссинка; пренеприятное английское семейство, мамаша, у которой к шляпке приделан зеленый козырек, напоминает старого больного попугая; г-н Дюваль де Болье, секретарь бельгийского посольства в Константинополе; инженер-араб, говорящий по-английски и дующий за ужином портер.

Латфе. По крышам разгуливают куры, дома такие же, как у феллахов в Александрии (да и повсюду в Египте). Выглядят они уныло, особенно на закате. Погруженные в воду, стоят лодки берберов, обмазанные глиной. Солнце садится, на горизонте слева сверкают белые минареты Фувы; на переднем плане зеленые луга.

В Латфе мы входим в Нил и пересаживаемся на судно побольше.

Первая ночь на Ниле.— Я уболагодворен и полон вдохновения: расхаживаю по палубе, все не решаясь отойти ко сну, читаю стихи Буиле и думаю о Клео-

патре. Желтая вода, тишь, несколько звездочек в небе. С какой радостью засыпаю я, закутавшись в пальто, на походной кровати, которую велел разложить на палубе; просыпаюсь раньше Максима; тот спросонок вытягивает левую руку, ищет меня.

Справа от нас (на левом берегу) — пустыня, слева — зеленый луг. На лугу — смоковницы: точь-в-точь наша нормандская равнина с ее яблонями. Справа все серовато-красное. — Видны две пирамиды, потом еще одна поменьше. — На реке заградительные работы, здесь строят многоарочный мост.

Слева теснится на холме Каир; высится купол мечети Мухаммеда Али, а позади него — совершенно лысый Мукаттам.

Прибытие в Булак, суматоха разгрузки, сопровождаемая палочными ударами, впрочем, кажется, менее обильными, чем в александрийском порту.

От Булака до Каира дорога идет по насыпи, окаймленной акациями и маленькими пальмами-гасис. — Въезжаем на площадь Эзбекия, засаженную деревьями. — Деревья, зелень. — Остановились в гостинице «Восток» у Кулона.

КАИР

Наносим визит консулу г-ну Делапорту: красивый мужчина, держится чопорно. — В его дворе нельзя ходить по песку. — Бекир-бей говорит на ломаном французском. — Апартаменты изысканны, в салоне горшки с цветами и китайские безделушки. — Г-жа Мари в белом костюме и золотом тарбуше, в прошлом красавица, широкий зад. — Любер-бей. — Линан-бей показывает нам свои рисунки¹.

Вечером, в день нашего приезда, праздник какого-то святого: мужчины выстроились прямоугольником и поют молитвы, повторяя движения за человеком в центре; один, в углу, запекает мелодию. Идиотское выражение лица у юноши (тощего, губастого, с покатым лбом и крупным носом), охваченного неистовством ритма. Тут же — ребенок, поет и дергается вместе со взрослыми.

¹ Французы, обосновавшиеся в Египте; Любер-бей — в прошлом директор Парижской Оперы; Линан-бей — инженер.

Шуты на свадьбе, один изображает женщину.— Непристойные шутки в сценке с лекарем и больной: «Кто там? — Это... Нет, не открою. Кто там? — Это... — Нет. Не открою (и так несколько раз). — Кто там? — Потаскуха.— А, входите.— Что делает доктор? — ... — Где? — В саду.— С кем? — С ослом».

Вчера, 1 декабря, мы видели внизу у цитадели паяца с мальчиком лет шести-семи и двумя девчушками в голубых рубашонках рядом на земле лежали остроконечные шерстяные шапочки. Девчонки производили громкие скрипучие звуки ладошками. Мальчишка был великолепен; маленький, некрасивый, коренастый, он говорил: «Дайте мне пять пара, и вы будете... мою мать.— Желаю вам всяческих благ, а главное — длинного...» — А с каким выражением он воскликнул: «Аллах!», обнаружив вдруг горшок с пирожками.— Арабский язык показался мне восхитительным.— По площади два или три раза проезжали паши в каретах, но публика даже не оборачивалась в их сторону.— Скоморох вынимал изо рта длинную разноцветную нить; палочные удары.— Скоморох разыгрывает глухого, а мальчишка, потеряв всякую надежду на то, что тот услышит его ушами, кричит ему в зад.

По прошествии нескольких дней мы, несмотря на приятное общество г-на Невилля, переселились из «Востока» в гостиницу «Нил», которую содержали Буваре и Брошьё.— Общество: доктор Рюппель, Мурье, Делатур, барон де Готтбер. Коридор второго этажа оклеен литографиями Гаварни, вырванными из журнала «Шаривари». Когда какой-нибудь синайский шейх приходит в гостиницу заключать сделку с заморским торговцем, платье жителя пустыни соприкасается здесь с изысканными образчиками парижской моды, донесенными сюда цивилизацией (Буваре в прошлом провинциальный актер; он-то и расклеивает все эти картинки по стенам); лоретки, студенты из Латинского квартала и горожане Домье застывают на месте при виде негра, идущего опорочить ночные горшки.

Позади гостиницы «Восток» нам встречается как-то свадебная процессия. Верхом на ослах едут музыканты, играют на маленьких литаврах; богато наряженные дети сидят на лошадях; женщины, укрытые черными покрывалами (спереди они напоминают известную игрушку: бумажные шарики со скачущими лошадками внутри, только черные), толкают экипажики;

ведут верблюда, сплошь увешанного золотыми пиастрами; два борца в кожаных трусах, обнаженные тела натерты маслом, они вооружены деревянными саблями и щитами, но не сражаются, а только принимают соответствующие позы; танцовщик Хасан эль-Бильбези: одет и причесан, как женщина, волосы разобраны на пробор и заплетены, расшитая куртка, подведенные черные брови, чрезвычайно уродлив, на спину спадают золотые пиастры; с плеча наподобие перевязи спускается цепь крупных золотых амулетов; играет на трещотках, великолепные движения живота и бедер, живот перекачивается, как волна.

Узкая улочка позади гостиницы «Восток». Поднимаемся по лестнице в просторную залу, выступающую над улицей; в выступе — диван¹, по бокам от него два крошечных незакрывающихся оконца, а напротив большое окно, незастекленное и без рамы, загороженное железной решеткой, за которой видна пальма. Слева на широком диване две женщины сидят поджав ноги; подобие камина, на нем светильник и бутылка арака. Вошла «триестинка», невысокая, белокурая, краснолицая. Из тех двух женщин первая была губастой, курносой, веселой и резкой, «un poco mata, signor»², как говорила «триестинка»; у второй большие черные глаза, прямой нос, вид томный и печальный; по всей вероятности, она любовница какого-нибудь проживающего в Каире европейца. Она понимает два-три слова по-французски и знает, что такое орден Почетного легиона. Хозяйка без памяти боится полиции и запрещает шуметь. Питая слабость к мужскому полу, Аббас-паша притесняет женщин; в публичном доме не дозволено ни танцевать, ни музицировать. Одна играла пальцами на дарабукке, лежавшей на столе, а другая танцевала, повязав низко на бедрах пояс, скрученный жгутом; она исполняла александрийский танец, в котором ладони поочередно подносятся ребром ко лбу. Другой танец: руки вытянуты вперед, чуть согнуты в локтях, торс неподвижен, а таз вибрирует. Дамы совершают омовение. Целый кошачий выводок брызнул с моего плаща. Хадели не снимала корсажа, знаком объяснив мне, что у нее болит грудь.

¹ Флобер постоянно употребляет слово «диван» в его этимологическом значении, т. е. возвышение, покрытое ковром и подушками.

² Немного сумасшедшая, синьор (*ит.*).

Помню: она идет впереди, шуршание одежд, внятный неторопливый перезвон золотых монет на ее головной сеточке.— Лунная ночь. В руке у нее светильник.

На циновке: крепкое тело, ...точно из бронзы, ...; в целом ощущение, будто ты побывал в лепрозории. Она помогла мне одеться.— Она что-то говорила по-арабски, задавала вопросы из трех-четырёх слов и ждала ответа; мы смотрели друг другу прямо в глаза, отчего напряженность взгляда словно удваивалась.— Надо было видеть при этом физиономию Жозефа.— Заниматься любовью через переводчика.

Цитадель.— Войти в нее можно либо через площадь Румейла, либо с другой стороны, поднимаясь по улицам, огороженным высокими стенами.

На платформе мечеть Мухаммеда-Али: посреди двора красивый алебастровый фонтан; в углу, под хрустальным паникадиллом, временная гробница Мухаммеда-Али (мечеть еще не достроена), обнесенная деревянной решеткой и накрытая ковром.

Из крепости открывается вид на Каир.

Пирамид не видно — солнце слепит глаза; справа в долине усыпальницы халифов, прямо перед нами — Каир, чуть дальше, слева — груды руин, предвещающие въезд в старый Каир; у нас за спиной — бугристый и унылый Мукаттам.

Колодец Иосифа.— Ступени, серс-черные стены, над ними распласталась огромная акация — поистине библейский уголок. Спускаемся в глубокую, выдолбленную в скале прямоугольную яму; в правой стене проделаны отверстия, через которые поступает свет. Вода поднимается посредством гидравлического колеса. Углубление в стене, где помещается гробница Иосифа — каменная глыба с шариком наверху; постучишь — звучит глуше, чем соседние участки стены. Спускаемся в город по той самой дороге, на которой были уничтожены мамлюки; Мухаммед наблюдал за резней с массивной крепостной башни, где нынче телеграф.

Неподалеку от ворот, выходящих на площадь Румейла, нам встретился старик-турок; в свое время он уехал во Францию с наполеоновской армией, а затем вернулся в Каир.— На площади тот самый паяц с девочками и мальчонкой, которого мы видели третьего дня.

Кстати, о шутах.

Шут Мухаммеда схватил как-то бабу на базаре и совокупился с ней у входа в лавку *soqam porulo*¹. Тут люди видели мальчишку, который двавал проделывать с собой то же самое обезьяне. Один марабут ходил по улицам совершенно нагим, если не считать двух колпаков: одного на голове и другого пониже; последний он снимал, чтобы помочиться, а бесплодные женщины подставляли себя под извергавшуюся по параболе струю и омывались ею. Некоторое время назад здесь скончался святой (идиот), обессилив от непотребных ласк посещавших его женщин.

Вторник, 4 декабря, превосходный день.

По дороге из гостиницы «Восток» в поисках мастера, который чинил стойку Максимового фотоаппарата, залюбовался красивым порталом особняка тосканской миссии: романская аркада с ломаными сводами, опоры из четырех скрученных, точно веревки, колонн; во дворе разгуливали на свободе два страуса и выскивали вшей на спине.

Базар Хан Халиль.— Серебряный ряд, узкий, темный, шумный.— Парфюмерный ряд.— Возвратясь к обеду, нашел четыре письма от матери.

Прогулка верхом к усыпальницам халифов между земляной насыпью за воротами Каира и Мукаттамом.— Серая земля, серые гробницы, серые мечети; на горизонте, в стороне Суэцкой пустыни, возвышаются бугры в форме шатров.

Мечеть Х... (?).— В главном дворе дерево, облепленное птицами. Поднимаемся на минарет; источенные, выщербленные камни. На верхних ступеньках останки птиц, прилетевших сюда, чтобы умереть как можно выше, ближе к небу. Подо мной Каир; справа пустыня, по ней движутся верблюды в сопровождении скользящих рядом теней; впереди, по-над лугами, по-над Нилом — пирамиды. Нил испещрен белыми парусами; скрещенные косынкой, паруса делают лодку похожей на летящую, раскинув два громадных крыла, ласточку. Чистое голубое небо, над головой кружатся ястреба; далеко-далеко внизу беззвучно ползают крошечные людишки. Разлитый в воздухе свет, кажется, проникает сквозь поверхность внутрь предметов.

¹ При всем народе (лат.).

Максим торгует коралловое ожерелье с позолоченным шариком у женщины, кормящей младенца грудью. Снимая ожерелье, она целомудренно прикрылась, при этом «титки» ее (как сказал бы папаша Рюппель) все равно торчали наружу. Торг не состоялся.

С наступлением сумерек серовато-голубовато-фиолетовый свет пронизывает воздух.

Возвращение в город. Пьем кофе и курим в кофейне.

Начались приготовления к экспедиции на пирамиды.— Моральное и физическое состояние хорошее, живот в порядке, настроение тоже. Что ж, все идет отлично!

(Вторник, 4 декабря, 11 часов 30 минут вечера.)

ПИРАМИДЫ. САККАРА. МЕМФИС

Отъезд. В пятницу, в полдень отправились к пирамидам. Белая лошадь Максима все время кивает головой, Сассетти едет на маленькой лошадке, тоже белой, я на гнедой, Жозеф на осле.

Едем вдоль садов Солимана-паши.— Остров Рода.— Переправляемся через Нил на барке. Пока идет погрузка лошадей, мимо нас проносят на руках гроб с покойником.— Гребцы наши сильны как на подбор, они наклоняются вперед и откидываются назад, ухарски крича. Парус надут, барка бежит по воде.

Гиза. Глинобитный домик, как в Латфе, пальмовая роща. Два гидравлических колеса, одно крутит бык, другое — верблюд.

Теперь перед нами простираются бескрайние зеленые луга с квадратиками черной свежеспаханной земли, до недавнего времени еще затопленной водой; они выделяются пятнами китайской туши на ровной зеленой глади. Вспоминается молитва Исиде: «Приветствую тебя, черная земля Египта». Земля в Египте действительно черная. Кое-где пасутся буйволы; то и дело переходим ручьи, где воды уже нет, а только грязь: лошади по колено увязают в тине. Затем начинают попадаться маленькие речушки и большие стоячие лужи.

К половине четвертого добираемся до края пустыни, посреди которой возвышаются три пирамиды. Не в силах сдерживать себя долее, я пришпориваю лошадь,

и она пускается в галоп, шлепая по заболоченным низинам. Две минуты спустя Максим устремляется вслед за мной. Мчимся во весь дух. Из моей груди вырываются какие-то произвольные возгласы; укутанные облаком песка, добираемся до сфинкса. Поначалу и арабы наши скакали за нами с криками: «σφιγξ, σφιγξ! (Сфинкс, Сфинкс!) О! о! о!» Изваяние все росло и росло, выступало из-под земли, точно собака, которая лежала, а теперь поднималась на лапы.

Сфинкс Абу-эль-Хул («Отец ужаса»).— Песок, пирамиды, сфинкс — все это серое, подернутое розовым светом; небо ярко-голубое; над вершинами пирамид парят орлы. Останавливаемся перед сфинксом, взгляд его ужасен; Максим очень бледен, у меня, кажется, вот-вот голова пойдет кругом, стараюсь превозмочь себя. Обезумев, несемся прочь среди камней. Затем уже шагом объезжаем пирамиды у самого основания. Вещи наши все еще не прибыли, наступает ночь.

Разбиваем палатку (в тот вечер мы обновили ее, а сегодня, 27 июня 1851 года, с помощью Боссьера я сложил ее в последний раз, причем сложил плохо).— Ужинаем.— Свет белого полотняного фонаря, подвешенного к опорному шесту палатки.— Ружья крестнакрест сложены на подпорках; арабы сидят вокруг костра или, завернувшись в покрывала, спят в углублениях, которые они вырывают в песке прямо руками; они лежат там, как покойники, завернутые в саван. Я укутываюсь в пальто и засыпаю, смакуя впечатления этого вечера; арабы монотонно поют, а один что-то рассказывает: вот она, жизнь пустыни.

Жозеф будит нас в два часа ночи, сочтя, что уже светает: его спутало белое облако на горизонте, а Сириус арабы приняли за Венеру. Я выкуриваю трубку под открытым небом, любуясь звездами; неподалеку воет шакал.

Восхождение.— Встав первым в пять часов, умываюсь перед палаткой, черпая воду из парусинового ведра. Слышится тьяканье шакалов.— Подъем на Большую пирамиду, ту, что справа (пирамиду Хеопса). Камни, которые на расстоянии двухсот метров кажутся величиной с булыжник, оказываются не менее трех футов высотой; большинство из них по грудь. Мы поднимаемся по левому ребру (обращенному к пирамиде Хефрена); арабы толкают меня снизу, тянут сверху, сил нет, я в отчаянии от изнеможения. Оста-

навливаюсь пять или шесть раз; Максим карабкается впереди меня и продвигается быстро. Наконец я взбираюсь на вершину.

Добрых полчаса ожидаем восхода.

Солнце вставало у меня на глазах; окутанная туманом, долина Нила казалась белым застывшим морем; а за ним, подобно окаменевшему темно-фиолетовому океану, тянулась, бугрясь, пустыня. По мере того как за Аравийским хребтом поднималось солнце, сплошная пелена тумана разрывалась на клочки легкого газа; рассеченные каналами луга лежали зелеными коврами, расшитыми петлистым галуном. Господствовали три цвета: огромная зеленая равнина у наших ног; небо на переднем плане бледно-красное, цвета истершейся позолоты; дальше и справа бугристая поверхность, отливающая рыжиной, минареты Каира, проплывающие вдали лодки, кое-где пальмы и, наконец, оранжевая полоса неба в той стороне, где должно появиться солнце. Между нами и горизонтом сплошной белый океан; он постепенно отступает и поднимается. Солнце, видать, движется быстро, скользит над продолговатыми облаками, точно сплетенными из мягчайшего пуха; зеленые купы деревьев в селениях (Гиза, Матария, Бедрехейн и др.), кажется, висят в воздухе; подобный эффект, возникающий, когда смотришь с большой высоты, я наблюдал однажды с перевала Пикад в Пиренеях. Обернувшись, видим у нас за спиной пустыню — фиолетовые песчаные волны, лиловый океан.

Занимается день, и теперь глаз выделяет прежде всего две вещи: сухую пустыню позади нас, а впереди — роскошную зелень равнины, изборожденной бесчисленными каналами, с пятнышками пальм то тут, то там; а в самой глубине, чуть слева — минареты Каира и возвышающаяся надо всеми мечеть Мухаммеда-Али (подражание Святой Софии). (В той стороне, где восходит солнце, обнаруживаю нашу пригвожденную к камню вывеску: «Умбер-полотер». — Максим так торопился, когда нес ее, что захыхался до полусмерти.) Легкий спуск по противоположному ребру.

Внутри Большой пирамиды. — После завтрака осматриваем пирамиду изнутри. Вход расположен на северной стороне; спускаемся по гладкому, наподобие водостока, коридору; следующий коридор поднимается; скользим по помету летучих мышей. Возможно, ко-

ридоры эти предназначались для того, чтобы плавно спускаться по ним громадных размеров гробы. Перед камерой Царя — коридор пошире, где в камне прорезаны, точно бороной, крупные продольные борозды. — Камера Царя облицована огромными гранитными плитами, в глубине пустой саркофаг. — Камера Царицы, тоже квадратная, но меньше царской и, возможно, сообщается с ней.

Выползая на карачках из очередного коридора, сталкиваемся с англичанами, стоящими у входа в аналогичных позах; обменявшись любезностями, продолжаем ползти: мы своей дорогой, они — своей.

Пирамида Хефрена. — На нее поднимался разве что Абдаллах. «Абдаллах подниматься пять минут». Наверху еще сохранилась облицовка, убеленная птичьим пометом.

Внутри пирамиды. — Камера Бельцони. В глубине пустой саркофаг. Бельцони не обнаружил в нем ничего, кроме бычьих костей, то были, возможно, останки Аписа. Под именем Бельцони не менее крупными буквами начертано другое: Жюст де Шаслу-Лоба. Обилие подписей, оставленных повсюду дураками, приводит в бешенство: на вершине Большой пирамиды выведено черной краской: Бюффар, улица Сен-Мартен, 79, фабрикант бумажных обоев; какой-то восторженный англичанин написал там «Женни Линд»; есть тут и груша, изображающая Луи-Филиппа (почти все надписи современные), и арабская игра: прямоугольник, испещренный маленькими дырочками, в дырочки кладутся камешки — это арифметическая игра.

*Пирамида Родопии*¹. — Летучих мышей тут больше, нежели в других пирамидах; их пронзительные крики нарушают тишину потаенной обители. — Один из залов обрушился: не здесь ли покоилось тело Родопии? Потолок устроен так: две выпуклые глыбы, соприкасаясь, образуют широкий стрельчатый свод.

Эта камера соединена коридорами с другой, расположенной неподалеку, где в стенах сделаны ячейки для мумий; ячеек всего шесть: две в глубине и четыре справа.

Подземные погребальные покои позади Большой пирамиды. — По стенам рельефы: жрецы, заклятия жертвенных животных, водные состязания; есть также

¹ Супруга фараона Микерина.

отеляющаяся корова, теленка вытаскивает мужчина. Сводчатый коридор, свод из цельного выдолбленного камня.

Сфинкс.— Сидим на песке, курим трубки и рассматриваем его. Глаза его еще полны жизни, левая сторона убелена птичьим пометом (верхушка пирамиды Хефрена тоже разукрашена продолговатыми подтеками помета), он смотрит точно на восход, голова серая, большие оттопыренные, как у негра, уши, шея повытерлась и сделалась тоньше; впереди откопана большая яма, открывающая его целиком. Нос отбит, что делает его курносым, увеличивая сходство с негром. А в остальном он, безусловно, эфиоп; губы толстые.

После того как мы осмотрели вторую пирамиду, те трое англичан пришли к нам в палатку (мы их тогда пригласили): кофе, трубки, импровизация наших арабов; старый шейх весь трясется, опершись руками на посох. Наклоняясь и выпрямляясь, арабы хлопают в ладоши и поют: «Псо малем жара ледар; псо малем жара ледар», что на языке бедуинов означает: «Давайте прыгать все в круг».

В Гизе мы наняли охранника, верзилу негра, вооруженного палкой с железным кольцом на конце.

На вершине пирамиды один из наших вожатых говорил, указывая на место битвы: «Напулеун, султан Кебир, резать горло мамлюки»— и с помощью обеих рук изображал, как отрубают головы.

Ночью поднимается сильный ветер; палатку рвет с колышков, ветер ударяет в брезент, как в парус корабля.

Воскресенье. Холодное утро. Занимались фотографированием. Я позирую на вершине пирамиды, расположенной на юго-восток от Большой.

Гробницы-колодцы.— Округлая, выдолбленная в камне яма, затем площадка, в середине которой прямоугольное отверстие футов восемьдесят в длину и тридцать в ширину (если смотреть сверху). Рядом (ближе к пирамидам) прямоугольный колодец.— Восхитительная ловкость наших бедуинов.— На дне могилы саркофаг, в нем могучая фигура из гранита, от которой видно только голову. Вниз я не спускался.

У подножия холма с пирамидами маленькие гроты.— Они похожи на жилища троглодитов. Камень выкрошился от времени, приняв причудливые очертания.

ния — что-то вроде различной формы позвонков. В песке сплошь человеческие останки, почерневшие или побелевшие на солнце, кусочки мумий, бедренные кости. Подбираем некоторые из них; вчера нам попадались такие же, когда мы шли по направлению к сфинксу, к трем гранитным изваяниям, лежащим в песке. Кто-то стер часть рельефа на одном из них. — Рельефы: царь взирает на приведенных ему в дань быков и ослов (великолепно); сзади крупные фигуры сидящих Исиды и Осириса, очень красивые. Более четкие формы, чем в подземной усыпальнице. — Маленькие неглубокие ячейки и с той же стороны статуя, грубоватая, голова втянута в плечи.

Во второй половине дня верховая прогулка по пустыне. Проезжаем между первой и второй пирамидами, и вскоре перед нами открывается песчаная долина, словно бы выметенная одним порывом крепкого ветра. Большие каменные площади, похожие на застывшую лаву. — Мчимся галопом, опробуем наши рожки, кругом тишина. Не оставляет ощущение, что мы скачем по побережью и что вот-вот покажется море; усы сделались солеными, дует резкий бодрящий ветер; следы шакалов и верблюжьего каравана, наполовину уже стершиеся. Въезжая на бугор, ждешь, что за ним откроется новый вид, но всякий раз видишь только пустыню и пустыню.

Возвращаемся; солнце садится. — Вдали маячит Египет зеленый; слева совершенно белый откос, будто покрытый снегом; передний план весь фиолетовый. Камешки блестят, омытые лиловым светом; он разлит по земле, точно невидимая прозрачная жидкость, а камни застыли в ней и сверкают, как металл. Пробежал шакал и скрылся справа. С наступлением ночи слышится их тьяканье. — Возвращаясь в свою палатку, проезжаем у подножия пирамиды Хефрена, которая кажется мне теперь бесконечно высокой и совершенно отвесной; она нависает над вами как гигантский утес, она будто бы сотворена самой природой, будто бы просто гора, но в то же время таит в себе что-то жуткое, и чудится, что она вот-вот обрушится на вас. Пирамиды надо смотреть на закате. (Воскресенье, 9 декабря, половина девятого вечера, в палатке.)

От пирамид до Мемфиса. Понедельник, 10-е. Мы едем по краю пустыни, она понижается и спускается в долину. — Солнце, простор. — Пирамиды в Саккара

намного меньше тех, что в Гизе, и разрушены они сильнее. В Саккара мы потеряли наших людей и багаж; я остаюсь посреди деревни, в пальмовой роще, а Максим скачет по округе в поисках пропажи. Под глинобитной стеной курят арабы.— Двор, обнесенный изгородью из сухого тростника; куры.— Наш юный саис в синей блузе, опутанной веревками (он бегал, отставив локти назад и вытянув шею, как птица), с беленьким тюрбанчиком на голове, выгуливает шагом мою взмыленную лошадь. Арабы из местных выводят нас на дорогу, и мы прибываем в Мемфис.— Разбиваем лагерь на поросшем пальмами мыске у обширного пруда, оставшегося после разлива Нила. Слева от нас дома, и между ними — белая гробница святого, а дальше плоская зеленая равнина.

Вторник, 11-е, утро. Прогулка с ружьями вдоль озера.— Прибытие Невиля с многочисленной свитой.— Трубки и кофе; тучи горлиц на краю ямы, где покоится колосс (Сенусерт?), и на нем самом; он лежит ничком в воде.

Садимся на лошадей и по длинной пыльной дороге, проложенной среди возделанных полей, едем к пирамидам в Саккара. У подножия одной из пирамид снова наталкиваемся на господ из свиты Невиля, которого они потеряли; слышно, как он палит из ружья где-то вдалеке.— Невобразимое количество скорпионов.— Нас обступают арабы, предлагают пожелтевшие черепа и крашенные плитки. Почва, кажется, сплошь состоит из одних человеческих останков; когда потребовалось поправить уздечку, мой саис подобрал с земли обломок кости. Вся долина изрыта погребальными колодцами: то яма, то бугор, то спуск, то подъем, скакать галопом здесь было бы опасно. Между ними плетется караван верблюдов, который ведет мальчишка-негр.

Спускаемся в колодец за ибисами; низкий коридор, где приходится ползти на животе по песку и осколкам горшков; в самой глубине горшки с ибисами уложены, как головки сахара в бакалейной лавке: один прямо, следующий вверх дном и т. д.

Подземная усыпальница.— Пролезаем в узкое отверстие и падаем в песок: квадратные колонны, глубоко ушедшие в землю, следы живописи, остатки замечательного рисунка; залы со сводчатым перекрытием из продольно лежащих камней; модильоны на карни-

зах, ниши для мумий. Прелестный был когда-то уголок.

Из Абусира в Мемфис возвращаемся галопом.

Лежа на ковре, читаем наши записи о Мемфисе, и прямо по бумаге скачут блохи.— На закате прогулка в пальмовой роще; пальмы отбрасывают на зеленую траву длинные тени, какие, должно быть, ложились когда-то от колонн на давно исчезнувшие каменные плиты пола.— Пальма — дерево архитектурное.— В Египте все архитектурно: и формы земной поверхности, и растительность, и строение человеческого тела, и линии горизонта.

Среда, возвращение в Каир, почти всю дорогу едем под сенью пальм. В пыли под пальмами пятна солнечного света, проникающего сквозь крону; благоухает поле цветущих бобов; припекает солнце. Видел скарабея под самыми копытами моей лошади. В Бедрахейне переправляемся через Нил, чуть справа от нас остается Тура.

До самых гробниц мамлюков протянулась песчаная равнина; яркое солнце, ощущение движения, клубы пыли, зной. Я сжимаю коленями бока лошади, скачу сторбившись и опустив голову на грудь. Въезжаем в город со стороны Карамейдана и цитадели.

В среду 12-го был день моего рождения, мне исполнилось 28.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАИР

Мечеть Хасана: круглый вестибюль, паруса или сталактиты, завесы из длинных веревок. Надеваем пальмовые бабуши.

Мечеть Ибн Тулуна, почти целиком разрушенная; Ибрахим-паша предполагал устроить в ней госпиталь, однако Аббас-паша перебросил рабочих на строительство своей загородной резиденции, расположенной по дороге на Эль-Матария.— Огромный двор; стрельчатые своды боковых арок, опирающихся на прямоугольные столбы с колоннами по углам.

Площадь Румейла.— Застаем здесь наших старых знакомцев — артистов. Мальчишка изображал мертвого (очень искусно), собирались пожертвования на его воскресение; потом ему вставляли в рот крючок с пружиной, и он разгуливал совершенно голый. Чуть поо-

даль арабы играли на дарабукке и пели; еще дальше араб рассказывал какую-то историю, возле него курился фимиам.

Турецкие бани.— Мальчонка в красной феске меланхолично массирует мне правую ляжку.

Новобрачная на улице.— Улышав звуки свадьбы, я поспешил туда. Невесту ведут под розовым шелковым балдахинном две женщины с восхитительными глазами, особенно у той, что слева; новобрачная по обычаю укутана в красное покрывало, что в сочетании с конической диадемой делает ее похожей на колонну, передвигается она с трудом, столько на ней всего надето.

О святых.— В Розетте один святой схватил женщину и... ее при всем честном народе; женщины, стоявшие поблизости, сняв покрывала, прикрыли совокупление.— Один француз, оказавшись в Верхнем Египте без средств к существованию, решил прикинуться «святым», и ему это удалось. Но однажды он был узнан соотечественником... Дело кончилось тем, что бывший святой получил должность в военной администрации с 12 тысячами франков дохода.

(Воскресенье. 16 декабря 1849.)

Поднимаясь к себе после завтрака, услышал душевраздирающий крик Л.— Половина четвертого, лежа на диване, читаю записки Бекир-бея об Аравии.— В пять часов спустился в сад выкурить трубку. Г-жа X умерла; на лестнице я слышал, как в отчаянии стенала ее дочь. Возле бассейна, там, где сидит привязанная к мимозе обезьянка, стоял монах-францисканец, мы поздоровались, взглянули друг на друга, потом он добавил: «Еще осталось немного зэлэни»—и удалился. В саду играли дети из школы еврея, две девочки и три мальчика, один из них со скрипом крутил какую-то механическую игрушку с движущимися солдатиками. Пришел доктор Рюппель; он протянул обезьянке орех, а та на него прыгнула. «Ах ты поросенок, поросенок ты этакий!»—крикнул он и тоже удалился; судя по тому, что он был в шляпе, пошел в город. Во дворе Буваре в одной рубашке и с сигарой. «Кончено,—сказал он.—Сейчас унесут мать и уведут дочь; дочь вцепилась в нее, вопит как безумная, будто лает».

Покойница была англичанкой, воспитанной в Париже. В квартале, где она жила, она познакомилась с молодым мусульманином—он теперь каймакан (на-

местник визиря) — и перешла в мусульманскую веру. Священники, мусульманин и католик, хотели похоронить ее каждый по своему обряду; утром она исповедовалась, но уже после исповеди снова вернулась к Магомету и будет погребена по турецкому обычаю (без четверти четыре).

Начиная с понедельника 17-го целую неделю лил дождь; мы проводили время за изучением записок Бекир-бея и печатанием фотографий. Раза два мы отважились, надев высокие сапоги, выйти на улицы Каира, затопленные лужами грязи: несчастные арабы шлепают чуть ли не по колена в грязной воде и дрожат от холода. Торговля прекратилась, базары закрыты, город выглядит застывшим и угрюмым; дождь размывает дома. Грязь засыпают золой и щебенкой; так постепенно уровень земли на улицах повышается.

В субботу 22-го осматриваем гробницу Ибрахима-паши за Карамейданом в долине между Мукаттамом и Нилом. Усыпальницы всего рода Мухаммеда-Али удручающе безвкусны: рококо, Канова, смесь Европы и Востока, живопись и лепнина, как в кабаке, да бальные люстры в придачу.

Мы ехали вдоль акведука, по которому вода поступает в цитадель; бездомные псы спали или бродили на солнцепеке, в небе парили хищные птицы. — В одном месте собака грызла и рвала ослиную тушу, от которой оставалась уже только часть скелета и нетронутая голова; голова костиста и потому составляет наименее лакомый кусок. Птицы приступают к добыче с глаз, а собаки обычно с живота или с заднего прохода; и те и другие начинают с самых нежных частей, а кончают самыми твердыми.

Сад на острове Рода. — Большой, неухоженный, множество прекрасных деревьев, в том числе индийская капутная пальма. На краю сада со стороны Каира — лестница, спускающаяся в воду. — Дворец Мухаммеда-бея (справа, если стоять лицом к Каиру), того самого, который велел подковать своего саиса за то, что тот совершил прелюбодеяние. — В той части сада, что обращена к Гизе, стоит под великолепной смоковницей скрытый в зелени домик; в былые времена его сдавали консулам — этот дивный домик так и склоняет к восточной неге...

Госпиталь Каср-эль-Айни. — Содержится хорошо. — Детище Клот-бея, еще хранящее печать его деятельно-

сти.— Хорошенькие образчики оспы; в палате мамлюков Аббаса у многих поражен... По знаку врача все встали на кроватях, развязали ремни (точно исполняли военный приказ) и пальцами раскрыли задний проход, демонстрируя язвы. Чудовищные воронкообразные отверстия; у одного в заду торчал фитиль; у одного старика мужской орган начисто лишен кожи; запах оттуда исходил такой, что я отпрянул.— Рахитик: кисти вывернуты, ногти длинные, словно когти; строение торса видно на нем отчетливо, как на скелете, также и прочие части тела отличались невероятной худобой, голова в белесых язвах проказы.

Анатомический кабинет: муляжи по методу Озу, рисунки экорше на стенах, зародыш в банке; на столе труп араба с великолепной черной шевелюрой.

Аптекарь-корсиканец.

Вечером сцена Сассетти.

Понедельник, 24 декабря, провели на Муккатаме, ничего не увидев. На обед расположились между двух каменных глыб. Жозеф все это время ищет пропавших ослов. Бродим по пустыне, лежим на земле, бездумно, молча — приятный день, проведенный в бездействии и на свежем воздухе. На вершине, той, что видна из цитадели, стоит древняя мечеть. По развалившимся ступенькам поднимаемся на минарет; отсюда виден Каир, на переднем плане старый Каир, два больших минарета мечети Мухаммеда-Али, пирамиды в Саккара, долина Нила, за ней пустыня, справа вдаль — Шубра. В кофейне возле цитадели мы выпили по чашке кофе и курили длинные трубки из Мекки: «шишек». Слева, чуть позади меня, молился на скамье араб; какой-то мальчишка из шалости дунул в рожок Жозефа; в воротах стоял осел в классической позе, точно из Парфенона, одна нога выставлена вперед, чинное выражение на морде, как у Иисусова осла на фреске Фландрена в Сен-Жермен-де-Пре. Окончив молитву, старик принялся неторопливо причесывать бороду, словно какой-то синьор за туалетным столом. Крикливый осел Максима стал под конец реветь как верблюд — неужели оттого, что часто слышал верблюдов? Подражательные способности животных еще не изучены, развитие таковых может привести к изменению языка и голоса зверей.

Всенощная (латинская).— Епископ под балдахином, свечи, колонны, убранные красным дамы. Наверху

пальмовый гинекей, словно бы помимо своей воли, выпирающий, как живот; там мелькали женские вуали.— Пока священники облачались в ризы, орган исполнял какую-то танцевальную мелодию.

Во вторник 25-го, в Рождество, отправляемся с визитом к Делапорту. Г-жа Делапорт — англичанка, невысокая блондинка, нижняя часть лица, как у музы.— Ламбера¹ нет дома.— Мужель-бей².— Нескончаемая прогулка по площади Эзбекия с Любером и Бекиром.— Эти господа чрезвычайно боятся скомпрометировать себя. Что за глупая и скучная жизнь! — Сын шерифа из Мекки, верхом с большой свитой; кашемировый тюрбан, зеленый кафтан, лицо кофейного цвета.— Разговор за ужином сначала принял более чем легкомысленное направление, потом свернул в социально-философское русло; в целом он оказался, по-видимому, не слишком занимательным для публики.

26-го осмотр мечетей с Делатуром и «мосьё» Малезье: сюртук, воротник, шляпа, желтые перчатки, жалкий вид идиота. Арабская архитектура несколько не прельщала его, зато, проходя мимо негритянского базара у ворот Баб-эль-Футух, он чрезвычайно оживился и, увидев перед собой негритянку, закричал: «Скажите же гиду, чтоб он велел ей раздеться».

Мечеть аль-Азхар.— Во дворе на солнцепеке сидят прямо на земле муллы, что-то пишут, болтают; ряды колонн, а под колоннами группки белых тюрбанов. Шейх посохом раздвигал толпу, если она становилась чересчур плотной.— Наш кавас (жандарм) был очень груб: чтобы заставить посторопиться людей на ступенях мечети, он хватал обеими руками свой длинный жезл с серебряным набалдашником и лупил им направо и налево.

Сеидна-аль-Хазанейн. Гражданский госпиталь на Эзбекия.— Воют за решеткой сумасшедшие.— Старик, рыдая, умолял, чтоб ему отрубили голову.— Черный евнух великой принцессы целовал мне руки.— Одна старуха все хотела мне отдаться, она выставляла напоказ дряблую грудь, свисавшую до пупа, и хлопала по ней ладонью; склонив голову набок и обнажив зубы, она улыбалась необычайно нежно. Заметив меня во дворе,

¹ Французский инженер, директор Политехнического училища в Каире.

² Инженер, француз.

она принялась кувыряться вверх ногами «et leur monstroyt son cul»¹; так вела она себя обычно при виде мужчин.— В одиночку танцевала женщина, ударяя в железный ночной горшок, как в дарабукку.

У гостиницы «Восток» сидела обезьяна.— Дама из свиты великой герцогини голландской отдала ей свои перчатки. Даму эту сопровождал мужчина с орденом Большого льва и заколкой на галстук в виде трехпалубного корабля.— Визит к Батисье.

Вечером бал-маскарад на Валашской улице. Было всего две маски трехгрошовых проституток, черные спенсеры, отороченные мехом.— Хозяйка заведения — толстуха; игорный столик, спиртные напитки: комично, холодно, глупо.

Четверг, 27-е. Парфюмерный ряд.— Посещение католического епископа, трапезная, кормят эти господа хорошо, подавали два вида савойского пирога.— Не удалось вытянуть из них ни слова. Я говорил один в течение двадцати минут, после чего откланялся.

Максим фотографирует усыпальницы халифов.

Делатур.— Возвращаемся в Каир, повсюду уже упала тень, только в стороне старого Каира чуть золотится небо, и на его фоне чернеют минареты.

Каир при вечернем освещении.

Пятница, 28-е. Бесплодные попытки коммерческих переговоров.— Визит к коптскому епископу. Он встречает меня во дворе; Хасан, идущий впереди него, говорит ему: «Это каваджи² франсус, он путешествует по всему свету, чтобы получить премудрость, и пришел к тебе поговорить о твоей религии». Садик из нескольких деревьев и полоски темно-зеленого кустарника, плетеный диванчик по всему периметру.

Коптский епископ, белобородый старик, сидел в углу дивана, закутавшись в пальто и поджав босые ноги; он покашливал. Вокруг него были разложены книги; на почтенном расстоянии стояли три монаха в черных сутанах, они были моложе и тоже носили длинные бороды.

Когда епископ утомился, разговор продолжил другой священник, Хасан стоял посередине, руки в широких рукавах скрещены на груди. Хлыст я оставил у входа.— Сажу на диване и поддерживаю беседу.

¹ И показывала им свой зад (*старофр.*).

² Господин.

Суббота, 29-е. В 3 часа пополудни ездили в Булак с первым визитом к Ламбер-бею.— Вечером явился к нам старичок; он знал Бонапарта и описал его в точности: «Маленький, бороды не носил, лицо — красивее не сыскать, хорош, как женщина, волосы совершенно желтые; милостыню раздавал евреям, христианам и мусульманам без различия». Старичок жаловался, что изнывает от скуки, ему хотелось бы, чтобы мы увезли его в свою страну. Старик этот — курильщик опиума, который оказывает на него только то воздействие, что он может дольше оставаться на своей жене, иногда по часу. Он был когда-то очень богат, женился 21 раз, а потом разорился.

В этот день после завтрака к нам пригласили танцоров: знаменитого Хасана-эль-Бильбеси и еще одного с музыкантами; напарник Хасана был сам по себе вполне примечателен. Оба одеты в широкие шаровары и расшитые куртки, глаза подведены кохлем. Куртки очень короткие, а шаровары, поддерживаемые необъятным, много раз сложенным кашемировым кушаком, сидят на уровне лобка; таким образом, живот, поясница и начало ягодиц почти обнажены, ибо просвечивают сквозь черный газ, соединяющий верхнюю и нижнюю части костюма. При движении легкий газ ложится на бедра прозрачными волнообразными складками. Пронзительно завывает флейта, удары дарабукки отдаются у вас в груди, но все перекрывает голос певца.

Привожу перевод текста, сопровождавшего танец.

«Стройное создание турецкого происхождения обладает острыми, пронзительными взглядами.

Из-за них любовники провели ночь в оковах рабства.

Я приношу душу в жертву любви к олененку, укротившему львов.

Бог мой, как сладок нектар его уст!

Не в нем ли причина того, что я тоскую и чахну?

О полная луна, не будь такой суровой, не мучь меня доле; пора уже тебе исполнить обещание, что ты дала истомленному возлюбленному.

И да будут бесконечными милости, которыми ты его осыплешь».

Танцоры то приближаются, то удаляются. По бесстрастным заgrimированным лицам струится пот.

Эффект возникает за счет контраста между исполненным значительности лицом и похотливостью тело-

движений. Они откидываются назад, касаясь спиной пола, как лежащая женщина, а потом вдруг резким прыжком встают на ноги, подобно тому как распрямляется дерево, пригнутое к земле порывом ветра. Поклоны, реверансы, пауза; после чего вдруг их красные шаровары раздуваются наподобие продолговатых шаров, а затем, словно лопнув, выпускают наполнявший их воздух. Во время танца напарник Хасана иногда паясничает и целует его в живот. Хасан не спускает глаз со своего отражения в зеркале.

Все время танцев Мурье продолжал завтракать за круглым столиком слева.

В воскресенье отправились в коптскую церковь в старом Каире. Как сказал бы господин Вольтер: «В убогой церквушке несколько прохвостов исполняют лишённые торжественности религиозные обряды, не понимая даже слов молитвы». Время от времени кто-нибудь из прихожан произносит слово, которое не может прочесть священник.

Подземная часовня Богоматери, где, по преданию, она отдыхала с младенцем по прибытии в Египет. Свод поддерживается двумя полукруглыми арками, расположенными по бокам. В остальном интереса не представляет. Читают отрывки из Евангелия.

Мечеть Амра в старом Каире, построенная по образцу мечети в Мекке. Нам показывают колонну, которую Омар высек кнутом и прогнал из Мекки, повелев ей идти и встать здесь, что она и исполнила; следы ударов кнута сохранились. Еще показывают колодец, где недавно один алжирец нашел чашку, которую обронил в колодец Земзем. Слева у входа в мечеть две спаренные колонны: хотя они почти касаются друг друга, человек, ни единожды не солгавший, может пройти между ними, после чего они снова сомкнутся.

Визит к Бирру, адъютанту Солимана-паши; это рослый добродушный немец, он приглашает нас отобедать, но мы отказываемся.

Понедельник, день святого Сильвестра. Отправляемся на плотину верхом на дромадерах — получается неплохо. Делатур и Жозеф трусят на ослах. — Семья Можель. — Мухаммед.

Фотографируем. — По ту сторону Нила селения феллахов. — Музыкальный вечер. — Ночуем на канже. — Я шокирую Делатура.

Вторник, первый день Нового года. Холодное, туманное утро. Возвращаемся назад верхом на верблюдах.— До самой Шубры предавался жестокой хандре, не мог говорить.

В среду визит к Линан-бею. Он принимает нас в саду, где в это время подстригают живую изгородь. Цветут розы, а ведь сегодня второе января. Линан показывает нам атлас г-на Жомара, составленный им во время путешествия к оазису Аммона.

В четверг 3-го закупка семян, превосходная баня.

Матария — Гелиополь. В пятницу 4-го отъезд в Матарю. Дорога идет в тени деревьев.— Обелиск в саду Селима-эффенди.— Армянин с длинным, как у хищной птицы, носом — отличительный признак расы.— Небольшая сакия¹ при входе в сад с обелиском.— В другом саду, при въезде в Матарю, справа — дерево Богородицы; вроде как скопище поленьев, поставленных на попа, а из середины вырастает ствол. Сад полон роз.

Возвращаюсь в Каир один, в хорошем расположении духа. Утром видел белого ибиса, что-то клевавшего в зеленой траве по соседству с буйволами. Птицы эти сидят иной раз у буйволов на спине или на рогах.

Суббота, 5-е. Было так скользко, что пришлось пройти весь Каир пешком. Всю дорогу я только и делал, что слезал с осла и, раздосадованный, шел шагов сто пешком, потом снова садился верхом и так далее. Юный Мухаммед кричал что было мочи: «Хаенбраим, айбраим!», но «Брахим» все не появлялся. Изыскания, которые мы произвели возле двух каменных столбов у входа в Матарю, не дали никаких результатов, мы не нашли ничего, кроме большой глиняной вазы, круглого камня и чего-то наподобие глиняного браслета.— Возвращались в Каир через Суэцкую пустыню.— Вечером за ужином вели весьма фривольные разговоры.

Воскресенье, 6 января. Акведук Иосифа. Всю вторую половину дня охотимся на ястребов, орлов, коршунов вдоль акведука Фараона. По сему смердящему краю рыскают псы с белесой шерстью, острыми ушами, сложением весьма похожие на волков; они роют

¹ Древняя водоподъемная машина.

в песке ямы и в этих гнездышках спят.— Скелеты верблюдов, лошадей, ослов.— У некоторых псов морды сделались фиолетовыми от запекшейся и обожженной солнцем крови; брюхатые самки волочат раздувшиеся животы. Одни зверюги пронзительно лают, другие молча уступают нам дорогу — в зависимости от темперамента. Если в племя приходит чужак, его встречают весьма сурово.— Среди падали бродят в поисках червей пестрые длинноносые удоды.— Широкие плоские ребра верблюдов походят на согнутые пальмовые ветви без листьев.— Пока я подстерегаю ястребов, мимо арок акведука проходит караван из четырнадцати верблюдов. Падаль смердит на солнце; некоторые псы уже дрыхнут, переваривая пищу, другие неспешно догладывают свой кусок.

Настрелявшись в птиц, мы принялись стрелять по собакам; когда пуля падала близко от них, они медленно, шагом отступали. Мы стояли на одном холме, а они на соседнем, долина между нами потонула в тени. На солнце лежал белый пес, уши торчком.— Максим ранил одного в плечо, тот выгнулся, в судорогах покатился по земле, а затем побрел... небось подыхать в свою яму. На том месте, где его застигла пуля, мы увидели лужу крови, от которой в сторону скотобойни стекала тоненькая струйка. Скотобойня — это небольшое огражденное пространство в трехстах метрах от туда; однако вокруг загона в сто раз больше трупов, чем внутри, а там только внутренности да озеро нечистот. Больше всего птиц кружится обычно между стеной бойни и бугром позади нее. Вся земля в округе — сплошь горки пепла и осколки глиняных горшков. На одном таком осколке — капли крови.

Вдоль акведука стоят обыкновенно солдатские девки и предаются здесь любви за несколько пара. Во время охоты Максим потревожил группу девиц, и я за 60 пара (полтора пиастра, т. е. приблизительно 7 су) попотчевал утехами Венеры трех наших погонщиков ослов. Под аркой женщины с солдатами курили и ели апельсины; один солдат стоял на карауле наверху акведука. Никогда не забуду, с какой животной грубостью погонщик моего осла, старик, бросился на девушку, схватил ее правой рукой, поволок, левой лаская грудь, и все единым махом, белозубый рот его смеялся, черный деревянный чубук болтался на спине, большие ноги были обмотаны ветошью.

Понедельник, 7-е. Въезд в Каир ее высочества¹ после паломничества в Мекку. Мы отправились смотреть процессию во дворец, расположенный в Суэцкой пустыне. — Паломники слезают с верблюдов и бросаются в объятия друзей и родственников. — Двое мужчин обнимаются на глазах и тотчас отстраняются друг от друга. — В пустыне — маневры нерегулярной пехоты. — Холодно, очень пыльно; Бекир-бей проводит нас туда, где собрался генеральный штаб; оркестр играет польку. — Толстопузый капельмейстер в сюртуке и сапогах едет верхом; Нюбар-бей, юный армянин, напоминает студента из Латинского квартала; затянутые в европейские мундиры, турецкие паши выглядят весьма комично.

У верблюдов ее высочества зеркальные наколенники, окаймленные жемчужными ожерельями, на шее три ряда бубенчиков, на головах букеты цветных перьев.

Окна ее носилок сделаны в форме корабельных иллюминаторов и изнутри отделаны зеркалами.

Копья пехотинцев украшены ежиками перьев, прикрепленных к концу древка.

В среду — солнечный день; гуляю один по Каиру, в квартале между Карамейданом и воротами Булака (расположенными в самом центре Эзбекии, слева, если смотреть на север). Блуждаю по улочкам, нередко захожу в тупики. То и дело набредаю на пустыри, засыпанные обломками разрушившихся домов; куры копаются в земле, на стенах сидят кошки. — Покойная, тихая жизнь теплых широт. — Когда из улочки, до того узкой, что навесы машрабий соприкасаются у вас над головой, выходишь на открытое место, слепнешь от яркого солнца.

В четверг 10-го возвращение каравана из Мекки, въезд администрации.

С самого утра выходим на улицу и отправляемся поджидать караван к воротам Баб-эль-Футух. За машрабиями мелькают женские головки, но стоит лишь этим особам заметить, что на них смотрят, как лица исчезают под покрывалами.

Обнаженный до пояса человек едет на верблюде и, раскачиваясь в такт, молится. Нерегулярная кавалерия впечатляет своим оборванным и свирепым видом;

¹ Одна из жен отца Аббаса-паши.

обмундирование их разрозненно, запорошено пылью, но пятен нет; жалкое облачение в сочетании с довольно хорошей дисциплиной являет собой гротескную картину.

Экипировка скопирована с европейской, несчастные офицеры втиснуты в панталоны со штипками; а что за обувь!

Шама¹.— Мадемуазель Роз Жалламьон.— Случай с Бирром и бароном Готтбером.

Четверг, 17-е. Булак, Нил, лодка, солнце; дышится свободно и покойно.— Купание, тишина, благоухание, свет, распыленный стеклянными чечевицами ротонды.— Глиняные вазы.— Работаем с Хабелем-эффенди до часу ночи.

Сегодня греческое крещение. Выходим в час ночи; сидим в кофейне, ожидаем открытия церкви; она открывается в 4 часа утра.— Армянская церковь: подобие ротонды с застекленным вестибюлем, где продают свечи. Когда мы вошли, прихожане стояли спиной к алтарю, лицом к двери. Религиозная живопись в духе коптских храмов.— Удивительно красивый эффект возникает, когда хор (детский) вполголоса подхватывает органнй пункт, который фальцетом вытягивает священник. Когда органнй пункт фальцета уже на исходе, *mezza voce*² вступает хор. Одеания не блещут красотой. Крестное знамение сочетается с настоящим мусульманским челобитьем: так, сначала верующие осеняют себя крестом, а затем повергаются наземь, касаясь пола лбом.

Снова сидим в кофейне, Макс отправляется спать, у греков еще не открыли. — В третий раз сидим в кофейне, уже вдвоем: я и Жозеф; 4 часа утра.

В греческой церкви византийские иконы в русском стиле, от них словно зимой пахнуло.— Когда в предрасветном полумраке я зашел в церковь (во второй раз), у меня щипало глаза, как это бывает после бессонной ночи. В церковь вошли знатные гречанки, обдав меня волнами благоухания и свежести, вырывавшимися из-под покрывал, которые они поправляли на голове размашистым движением рук, и из-под подолов, когда их приподнимал ветер. В такие минуты я видел перед

¹ Офицер санитарной службы египетской армии; показывал Флоберу свои литературные опыты.

² Вполголоса (*ит.*).

собой розовый чулок и ножку в остроносой желтой туфле.

Служба тянулась бесконечно долго. С кафедры патриарх, глядевший гордо и жестко, два или три раза резко одергивал женщин, шептавшихся на гинеек.— Мальчонка в сюртуке целует патриарху руку и повергается к его стопам. Целование руки продолжается очень долго.— Сам патриарх целует Евангелие.— Собирают подаяния, затем омывают прихожанам руки флёрдоранжевой водой. Я ушел в восемь, а служба продолжалась до десяти!

На другое утро заключили в консульстве контракт с райсом Фергали.

Утром в понедельник визит к Солиману-паше.

Пятница, 25 января, церемония Досы.— Столпотворение.— Рябит в глазах от скопления разноцветных тюрбанов. Два экипажа заполнены иностранцами, из третьего, зеленого, выглядывает голова негра. На террасе дворца, справа, собрались евнухи. Вперед выступают две группы мужчин, они воют и раскачиваются, у иных изо рта торчит шомпол, у других железным стержнем проткнута грудь, а на концы его нанизано по апельсину. Здоровенный негр в состоянии неистовства, голова вытянута вперед, вид безумный, его держат вчетвером. Дабы освободить дорогу, евнухи обрушивают на толпу удары дубинок, сделанных из пальмовых веток; дубинки стучат по фескам, точно по шерстяным мячикам; удары сыплются так часто и равномерно, что их легко можно принять за шум дождя. Таким образом удалось наконец пробить в толпе брешь, куда ревнители веры были уложены валетом, лицом к земле. Перед тем как шерифу ступить на высланную людьми аллею, по ней проходит пеший, проверяя, плотно ли прижаты друг к другу тела и нет ли где зазора.

Шериф в зеленом тюрбане, бледный, чернобородый, выжидает какое-то время, чтобы ряды тел хорошенько уплотнились; двое саисов держат коня под уздцы, а по бокам еще двое слуг поддерживают самого шерифа. Конь под ним темно-рыжий, перчатки у шерифа зеленые. Понемногу руки его начали дрожать, и сам он к концу шествия едва не потерял сознание в седле. На глаз, лежавших было человек триста; лошадь шла неохотно, упираясь и взбрыкивая. Толпа мгновенно сомкнулась позади шерифа, и мы

не смогли узнать, был ли кто убит или ранен. Бекир-бей заверил нас, что все обошлось без жертв.

Накануне мы посетили монастырь дервишей. Нестовый бой тамбурина; человек, катавшийся по земле с ножом. А какие раскаты дарабукки! Грохот пушек куда менее устрашающ.— Вечером гуляем среди шатров, разбитых на Эзбекие, все освещено огнями, длинные вереницы поющих.

Понедельник, 28-е, представление генерального консула г-на Лемуана консульству в Каире.— Какой жалкий вид имело расшитое серебром одеяние г-на Белена, без орденов, на фоне костюмов Лемуана и Деллапорта.— Помпезность.— Г-н Дегонтанис в европейском костюме, а накануне вечером мы видели, как он, одетый египтянином, слушал песни в одном из шатров на Эзбекие.

Во вторник, 29-го, прием г-на Лемуана в цитадели.— Обширный диван из брокатели.— В дальнем углу Аббас-паша (что-то от Бодри, но крупнее).— Мамлюки выглядят жалко, походят на наемных слуг.— Убогая роскошь. Шама в панталонах с золотой полоской, верхом, с тростью.— Визит в консульство.— Зизиния выходит из кареты точно закованный в серебро; он был похож на палочку яблочного сахара, обернутую фольгой. Из кареты вылезал не сгибаясь.— Визит к Бекиру. Любер говорит: «Его светлость очаровательны».— Г-н Бенедетти и г-жа Мари.— Негритянка Бекира, закутанная по самый подбородок в белое покрывало, разносила трубки и кофе.

Вечер холодный, пасмурный.

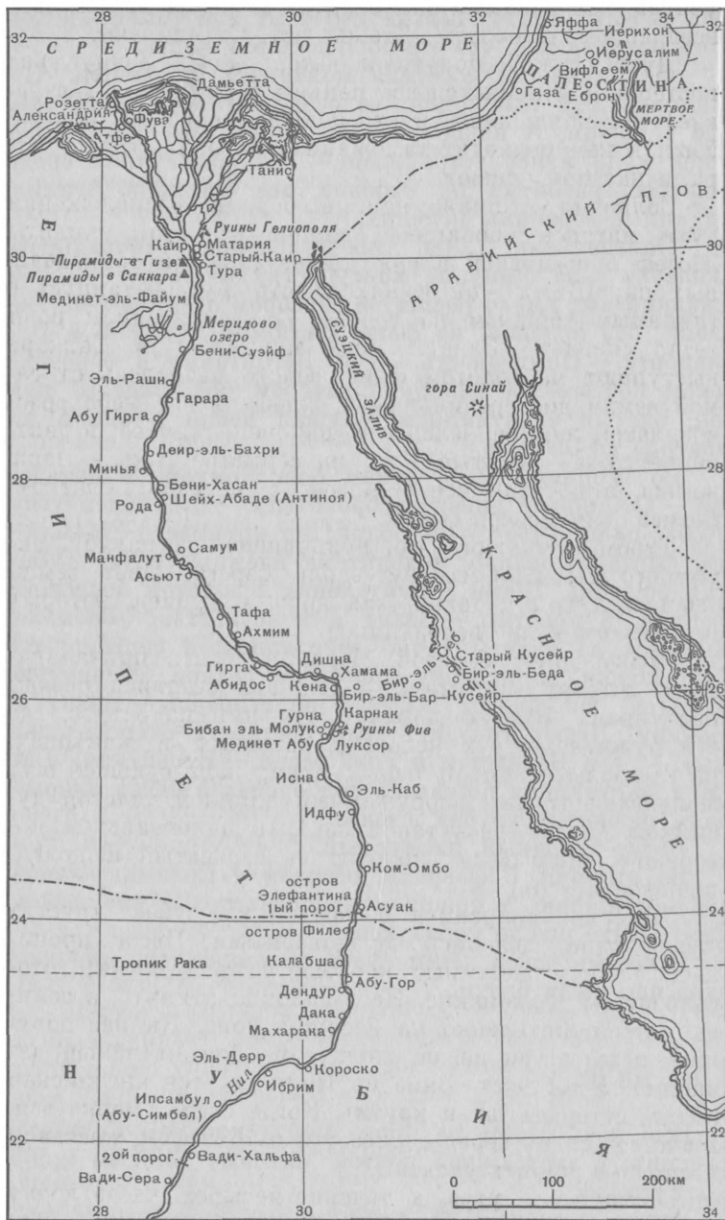
Во вторник, 5 февраля, обедали у Солимана-паши с г-ном Маршо, в прошлом преподавателем рисунка в Гизе (ныне школа упразднена).

В восемь часов легли спать на канже, где для начала нас заели блохи.

НА НИЛЕ

Всю ночь стоим на якоре перед конаком Солимана-паши; с завтрашней почтой Максиму должны привезти стекла.

Утром, в среду 6-го, слышим, как у Солимана играют в бильярд.— Отправляемся на шлюпке на стрелку острова Рода. Матросы наши диву даются,

Карта Египта и Нижней Нубии, составленная для путешествия Максима Дю Кана господином Сагансаном — географом Его Императорского Величества в 1860 году

увидев, как каваджи сам садится за весла. В два часа возвращается Жозеф... Стекол нет. Отчаливаем.

Дует свежий попутный ветер; лодок вокруг нас постепенно становится все меньше и меньше.— Завтракаем.— Канжа наша идет, накренившись на правый борт; к нам подходит таможенная шлюпка: три пиастра, и нас пропускают.

Солнечно, экипаж наш в бодром расположении духа, матросы исполняют какие-то мелодии; у плиты Жозеф с шумовкой в руке делает два-три танцевальных па; Шими — он у них вместо шута — танцует с глиняным горшком на голове. С наступлением ночи ветер спадает.— Закат. Серые пирамиды в Саккара выступают на золотом фоне, золото разлилось от самой земли до середины неба, слева от нас небо розовое, затем желтое, зеленое и, наконец, голубое; в центре пейзажа — желтый Нил, на середине Нила — наша канжа, а посреди нее — Жозеф с носовым платком, повязанным поверх фески.

Утром в четверг 7-го, поднявшись на палубу, вижу, что мы идем совсем вдоль берега. Цвет земли здесь в точности такой, как кожа у нубиек, которых я видел на рынке невольников.

Лодку тянут бечевой. Часов в десять причаливаем к острову; пирамиды в Саккара остались позади нас справа. Высаживаемся с ружьями на остров, где обнаруживаем двух человек, лежащих в камышах, уток и еще каких-то белых птиц; наш судовой шут сопровождает нас, вооруженный длинной толстой дубинкой. Песок здесь такой же, как на океанском побережье; мокрый, он походит на сероватый шоколадный крем.

Хамсин. Запираемся в каюте, на зубах хрустит песок, лица сделались неузнаваемыми. Песок проникает даже в жестяные коробки с продуктами; готовить пищу невозможно. Небо сплошь затянуто, а солнце — лишь пятнышко на бледном фоне. На нас обрушиваются вихри песка, хлещут по бортам нашей дахабии¹. Все лежат. Вниз по Нилу несется английская лодка, ветер ее так и крутит. Когда стало смеркаться, Макс сошел на берег с Сассетти и Жозефом, поставил несколько донных удочек.

Пятница. С утра в течение четырех часов лодку

¹ Канжа (араб.).

тянут на веревке. Пристаем в селении Кафр-эль-Айат, где высокий берег хоть немного защищает нас от пыли. У берега стоит несколько лодок. Весь день отсиживаемся в каюте. Вечером сходим на берег и идем охотиться на горлиц в пальмовую рощу, окружающую деревню; двадцать минут ходьбы от лодки.— Нас сопровождает мальчишка в тюрбане; он показывает нам птиц на деревьях, не переставая при этом прятать желтоватый хлопок.

Суббота. Стоим на том же месте, утром охотимся в том же лесу. Дует холодный ветер.— Встречаем в роще овец и буйволов, погоняемых мальчишками в лохмотьях или женщинами; ветер яростно треплет и прижимает к телу голубые балахоны крестьянок.— Тишина.— Вскоре нас сопровождает уже вся деревня; один парнишка взбирается на верхушку пальмы достать подстреленную горлицу. После обеда охотимся на том же месте, а потом чуть дальше, в другой пальмовой роще. Настреляли за день невероятное количество птиц. Ложимся в семь часов вечера и спим пятнадцать часов подряд.

Воскресенье. Погода скверная, весь день проводим в лодке, причалив немного выше той деревни. Араб привел поить на реку борзых Хасана-бея, держит их на поводках.— Рядом с нашей стоят еще две-три лодки.— Читал Гомера, писал «Канжу».

Понедельник. Погода смягчается.— Поутру замечаю справа от нас пирамиду Завие. Весь день лодку тянут бечевой.— Ветер слабый, Нил гладок, тих, мы идем пешком, ступая по великолепному, мелкому песку. После обеда нежимся на палубе, вечером снова сходим на берег по левую руку от нас, т. е. на правый берег Нила.

По небу, голубоватому, как шейка голубки, точно атласные подушки, разбросаны золотистые облака; солнце садится в пустыне. Слева тянется Аравийская пустыня, прорезанная расщелинами; сверху она плоская. Пальмы на переднем плане окутаны чернотой. На втором плане, по-над пальмами, проходят верблюды, два-три араба проезжают на ослах. Какая тишина! Ни звука. Бесконечные песчаные берега и солнце! Даже жутко становится, нечто подобное испытываешь при виде сфинкса.

Бени-Суэйф. 13-го прибыли в Бени-Суэйф. Как только лодка пристает к берегу, к нам заявляется ци-

рюльник с круглым инкрустированным зеркальцем и пушистыми полотенцами.— Оштукатуренный дом губернатора. Его сын одет на стамбульский манер и затянут в панталоны со штрипками.

Четверг, 14-е. Отправляемся в Мединет эль-Файюм на отвратительных ослах с еще более отвратительными седлами.

Плоская равнина, гладкий зеленый ковер под ногами, однообразие пейзажа нарушается лишь пальмовыми рощами, под сенью которых прячутся деревеньки.

Невиданное изобилие бобов, словно бы они решили отомстить человеку за свою опалу.— На обед расположились у источника в деревне Эль-Агег.— В другой деревне, побольше этой, Максим заблудился.

Разоренные гробницы в форме полукупола; в землю вдавлены клочки материи и побелевшие кости, отчего она кажется похожей на разрезанный пополам студень.

Табор бедуинов.— Красивые девушки в поле.— Вокруг оборванных палаток завывают псы.— Пересекаем участок пустыни, затем снова едем по возделанной земле.

Мединет-эль-Файюм. Кофейня «Фавориска». Монастырь. Два немца в сюртуках, но без панталон тягивают арак. Янычар Саба-Рахиль, маленький подвижный человечек, чем-то напоминающий Поттье.— Выпиваем по рюмочке, закусывая ореховыми драже.— Вечером говорим о святом Антониц, об Арии, об Афанасии Александрийском. Представители местной знати приходили посмотреть на нас.— В гостиной у Саба-Рахили развешаны по стенам: вид Кийбефа, вид Гравия, пейзаж в окрестностях Руана — все эти скверные литографии достались ему от господина Друэта.

Вечером после ужина снова выпиваем по рюмочке и во весь голос поем гимны Богородице.

Мальчик Саба-Рахили подносил нам чубуки с большим изяществом.— Падре заставляет его во искупление грехов вылизывать комнату языком.

Всю ночь чешушь и слушаю собачий лай.

На другое утро отправляемся на прогулку по берегу Бахр-Юсуфа. Смотрим, как забрасывают сеть.— На берегу полуразрушенная аркада лежащей в руи-

нах мечети; груда развалин, превратившаяся в кучу серой пыли; деревца у воды — вот он, древний Мединет. — Прогуливаемся по базару. — Наносим визит брату губернатора города, Махмуду-аге, и губернатору всего Файюма, Юсуфу-эффенди.

Поход на Меридово озеро. — Ночевали в Абу-Ганшу. — Хазир — безрукий старик с лицом полишинеля. — На ужин подавали блюдо из размоченного хлеба.

Ковер, на котором мы устроились на ночь, содержал в себе больше блох, чем ниток; комната глинобитная с двумя окнами и дверью, к которой ведет полуразрушенная лестница. Всю ночь не смыкаю глаз: накинув пальто, выхожу курить на стену слева от входа, созерцаю звезды. Небо чистое, звезды рассыпаны по нему точно ожерелья или же разломанные короны... Лают собаки, а где-то ближе плачет в ночи ребенок.

В 5 часов утра бужу Жозефа, который так и подскакивает спросонья с возгласом: «Si signore»¹; в 6 часов отправляемся на озеро во главе с шейхом.

После двух часов пути зелень кончается, теперь под ногами у нас разошедшаяся земля, равномерно прорезанная глубокими трещинами. — Канал Бахр-Юсуф зажат крутыми берегами, глубоко внизу, среди чахлой зелены, течет вода. — Горы в этом плоском краю выглядят особенно живописно.

Озеро синее-пресинее, позади него возвышаются горы. К воде не подойти, берега заболочены. Люди из свиты шейха ходят по колено в воде и ловят рыбу руками. Справа и слева озеру не видно края, видим только противоположный берег и тот, где стоим.

Возвращаемся в Абу-Ганшу. Набрасываемся на баранину. Наш славный шейх принимает тайно от своих людей четыре меджидие².

Возвращение в Мединет. Мальчишки верхом на ослах, навьюченных травой, гонят в город буйволов, баранов, коз; клубы пыли летят из-под копыт. Ужин у Саба-Рахилья; из уважения к нам добрейший падре позволяет нам есть скромное, да и сам нарушает пост. — Хозяин подтрунивает над ним по этому поводу. Я вспоминаю, как наш мэр изводил кюре, приглашая его по воскресеньям на обед. Сам хозяин постится. Жена его — сирийка, толстая, некрасивая, добро-

¹ Да, синьор (ит.).

² Турецкая золотая и серебряная монета.

душная и беременная (уж не стараниями ли падре?). Он поднимает тост за «La republica francese»¹, славный человек, религиозный, гостеприимный; его внимание трогательно.

Воскресенье. Возвращение в Бени-Суйэф.— Обедаем возле гробницы святого, под сенью развесистого дерева.— Несчастные арабы, насильственно сгоняемые на строительство дамб.— Вместо чашки пришлось использовать для питья жестянку для табака.

Понедельник. Отдых.— Повстречали лодку господина Робера и того поляка, что жил в Невшателе.— Большие плоты, которыми управляют при помощи с корнем вырванных деревьев. Матросы приводят в лодку потаскуху, просят ее танцевать. Один танец исполняется спина к спине, голова к голове.— Закат, Нил спокоен и ровен, небо розовое, земля черная; на голубой глади воды розовый отсвет неба. Вид лодки в ракурсе, она плывет в нашу сторону, матросы гребут с песней; воздух пронизан лучами заходящего солнца, лодка же вся черная; она пристает рядом с нашей. Жозеф превзошел себя в изготовлении паштета, как, впрочем, и утром в случае с омлетом.

От Бени-Суйэфа до Асьюта. Берега обрывистые, ровные горизонтальные пласты один на другом.

Белые горы (шараб) увенчаны холмиками, разрисованными серыми полосками, как спина гиены; иногда они обрываются вниз гладкой белой стеной.

Гебель-эль-Теир. Коптский монастырь. Монахи спускаются к воде совершенно голые, кричат: «Каваджи христиане, бакшиш, каваджи христиане», и эхо в гротах повторяет: «Каваджи, каваджи».— Они обступают лодку; крик, палочные удары, Жозеф отбивается щипцами. Взывают к Аллаху и Магомету, толчея.— В это время мимо нас проплывает другая лодка.

Слева (на правом берегу) Аравийский хребет подступает ближе к берегу. Кое-где бока его покаты и увенчаны верхним ярусом, а в иных местах совершенно отвесны. В профиль он имеет вид плато, вершина его совсем плоская.

Начинается жара.

Савада. Вечером в пятницу 22-го бросили якорь в Савад.— Луна, пальмовая роща (на правом берегу, по левую руку от нас). Прогуливаемся в поле сахар-

¹ Французскую республику.

ного тростника в сопровождении трех матросов, вооруженных палками. Лают собаки, журчит вода между стеблями тростника.

Нередко навстречу нам вниз по реке проплывают канжи — чаще всего с англичанами. Печальная картина: мы всякий раз встречаемся и расходимся в полном молчании. У воды цепочкой стоят журавли. Песок на берегу испещрен следами их длинных тонких ног. Взлетая, стая вытягивается извилистой линией, точно ремешок гигантской плетки; можно подумать, что ветер гонит в небе веревку.

Справа от нас, на левом берегу, гор нет, сплошной ряд пальм, серый песок.

Гробница святого Шейха-Саида.— Кормим птиц, которые, как предполагается, должны отнести хлеб святому для нищих и странников; крошим хлеб на палубу, они налетают и съедают его; если бросить хлеб в воду, они, раскрыв крылья, стремительно пикируют и, подхватив добычу, взлетают.

Углубление в скале — здесь когда-то жили отшельники.

Временами Нил делается похожим на озеро; вы теряетесь в бесчисленных излучинах и не знаете, в какую сторону плыть. Аравийская пустыня почти на всем протяжении высится белой отвесной стеной.

С берега на нас глядит буйвол.

Манфалут. Дома стоят на берегу и нисколько не отличаются от него по цвету. Нил подмывает город и уносит его по кусочкам.

Понедельник, 24-е. Последние два дня мы не встречаем больше журавлей, вместо них — цапли. Сегодня лодка села на мель, толкали все вместе. Во время ужина подплываем к Асьюту и пристаем. Выходим на палубу, слева лунный свет лежит на воде серебряным листом. Пишем письма, чтобы отправить их наутро. Сегодня нас четырьмя залпами приветствовало судно, флаг которого мы не смогли распознать.

Асьют (Ликополь) отстоит от Нила на добрую четверть мили. Берега укреплены дамбами, пальмы, черный ибис на лугу.

Входим в город со стороны дивана, конак остается справа.— Большой квадратный белый двор, обсаженный деревьями; улицы покаты и чисто выметены.— Прогулка в город мертвых с доктором Кюргом. Встречаем похоронную процессию.

Поднимаемся в гроты Ликополя. В отверстие грота, как в рамке, видны луга; на заднем плане Аравийский хребет. На переднем плане — фигура осла, четко очерченная на свету. Внизу, слева, когда спускаешься, — большое кладбище с зубчатыми стенами и куполами: зазубренные стены торчат акульими челюстями.

Наш гид берет нас за руку и с таинственным видом ведет за собой, чтобы показать отпечаток на песке женского ботинка. Это след англичанки, которая проходила здесь несколько дней тому назад. Несчастный малый!

Обедали у Кюрга. Его супруга — дочь Линаан-бея.

Прогулка по базару. Толстый сириец торгует холстом. С Максом заговаривает по-итальянски какой-то поляк. — Превосходная баня, жар такой, что не могу даже опустить ногу в бассейн.

День склоняется к вечеру, возвращаемся в канжу. Люди на берегу кажутся китайскими тенями; наступает ночь.

Среда. Наш комик Шими бежал. Подождав его немного, отчаливаем в 11 часов. Прекрасный попутный ветер. Максим бросил в воду маленькую зеленую пташку, которую подстрелил утром, ее подхватило волной, как цветок, на что Максим остроумно заметил: «Разве птицы не цветы небес?»

Среда, 27-е, четверг, 28-е. Попутный ветер.

Пятница, 1 марта. В 11 часов 10 минут увидели первого крокодила, он лежал на песке у воды. Вскоре замечаем еще несколько в прибрежных кустарниках слева.

Капитан высаживает нас неохотно — здешний край пользуется дурной славой, якобы тут много воров. Охотимся часа полтора, и все впустую: крокодилы ускользают, скрываются в траве.

Суббота, 2-е. В середине дня замечаем множество крокодилов на мысу островка. Лишь только лодка приближается к острову, они сползают в воду, словно огромные слизняки. Битый час бродим по песчаному островку, и все напрасно. На краю острова подстреливаю небольшого грифа.

Хамама. Вечером бросаем якорь в Хамаме, напротив нас Дендера; ощущение величественности. — Думпальмы: они стоят точно нарисованные; у подножия деревьев сидят люди в синих балахонах, курят труб-

ки.— На закате зелень приобретает особый густой оттенок (сам облик природы изменяется: все окультуренное в ней скрывается из виду), Аравийский хребет багровеет, пейзаж становится грандиозным.

Рыбак предлагает нам чучело крокодила. У ног его чудовищно воет собака. Отправляемся в поле смотреть крокодила, перешагивая через шадуфы¹.

Кена. Воскресенье утром. Как и Асьют, город отстоит от Нила на порядочное расстояние. Дома теснятся на берегу стоячего рукава реки. Пешком от лодки до города полчаса, двадцать минут быстрым шагом сначала по песку, затем по высокой дамбе. Слева деревья, среди них несколько кассий.

На базаре пахнет кофе и сандалом. Выйдя из торгового ряда на углу улицы и свернув вправо, мы неожиданно оказываемся в квартале альмей². Улица слегка изогнута, дома из серой глины не превышают четырех футов в высоту. Налево (если спускаться к Нилу) уходит другая улица, пальма на ней. Небо голубое. Женщины стоят у дверей или сидят на циновках... Светлые платья надеты одно поверх другого, жаркий ветер раздувает их. Негритянки в голубых робах. Светло-голубые, ярко-желтые, розовые, красные ткани контрастируют со смуглыми кожами различных оттенков. Ожерелья из золотых монет спускаются до самых колен; на концах волос шелковые сеточки, унизанные позвякивающими пиастрами. У негритянок на щеках продольные разрезы, как правило по три на каждой щеке; их наносят в детстве раскаленным докрасна ножом.

Толстуха (этакая г-жа Морис) в голубом, глаза черные, глубоко посаженные, подбородок крупный, руки маленькие, брови густо накрашены, лицо приветливое.— Девочка: мелкие завитки волос спускаются на лоб, помеченный оспинками (на той же улице, что и базар, если идти по направлению к Бирр-Амберу, за бакалейной лавкой грека).— Другая была одета в пеструю сирийскую хабару. Рослая девица нежным голосом зазывала: «Каваджи! Каваджи!» Яркое-преяренное солнце.

Совсем некстати явились Фьорави (от де Лотюра я узнал, что вскоре он скончался) с господином Ор-

¹ Известное со времен фараонов сооружение для подъема воды.

² Танцовщицы.

тали: придется идти к ним! — Ортали жалуется на Кюрга.— К Фьорави приходят слуга-англичанин и драгоман Абрахам; Фьорави проводит нас во двор, где, накрытая бочкой, стоит египетская статуя (эпохи упадка)— это фигура сидящей женщины со скрещенными руками. В окне мы видим белокожую голубоглазую гречанку, кормящую грудью ребенка (жена Фьорави?).— Фьорави одет в холщовые штаны, куртку, рука искалечена костным туберкулезом. Ортали: «Я могу быть вам полезен?»— эта фраза, произнесенная на неправильном французском, напоминает мне Франсуа, моего гида на Аяччо.

Возвращаемся на улицу с альмеями, выжидательно прогуливаюсь взад и вперед, они кричат: «Каваджи, каваджи, бакшиш! Бакшиш! Каваджи!» Сыплю пиастры одной, другой; некоторые обнимают меня, пытаются увести с собой, я не позволяю себе вступать в близкие отношения с ними, дабы лучше запечатлелась в душе меланхолия этой встречи. Ухожу.

У нас новый матрос, Мансур. Перед тем как отплыть, покупаем на берегу коробку сушеных фиников из Мекки! Отчалив около 2 часов пополудни, стали на якорь в 11 часов вечера в Нахаде.

Нил пока еще не сужается.

Ночью звезды глядят в зеркало воды, где их отражения вытягиваются, словно пламя большого факела.

Днем, при солнце на гребне каждой волны блестит по бриллиантовой звездочке.

Линии гор напоминают порой линии разрезанного пополам аэролита.

Понедельник, 4 марта, 2 часа. Скоро будем проходить Фивы. Впереди справа, за горой, Царская долина. Слева передо мной лодка с рыбаками. Она стоит у песчаной отмели, на конце которой — зеленая полоска пальм. Ветер посвежел, и мы пошли быстрее.

Прошли Луксор.— Я протирал бинокль, когда слева по борту мы увидели Луксор. Поднимаюсь на крышу каюты.— Семь колонн, обелиск, французская миссия.— У воды, возле английской канжи, сидят арабы.— Сторож французской миссии кричит, что для нас есть письмо, это карточка от барона Анка. Группа людей на берегу, и среди них негр, закутанный как мумия, лицо иссохшее, все хрящи наружу, маленькая грязная ермолка на макушке; женщины стоят ногами в воде; осел на водопое.

Заход солнца над Мединет-Абу.— Горы в стороне Мединет-Абу темно-индиговые, в расщелинах долин легли синие тени, продольные бордовые полосы на серо-черном фоне. Черные, как чернила, пальмы, красное небо, Нил, подобный озеру расплавленной стали.

Когда подходили к Фивам, матросы били в дарабукку, один играл на дудочке, Халиль танцевал с трещотками. Прервав концерт, стали причаливать.

В эту минуту, глядя под звуки музыки на изгибающиеся под ветром три волны за кормой, я почувствовал, как из каких-то сокровенных глубин поднимается во мне ощущение радости и торжества, раскрываясь навстречу этой картине, и я в душе поблагодарил Бога за то, что он даровал мне способность наслаждаться подобным образом; я чувствовал, что мысли переполняют меня, хотя, казалось, я ни о чем не думал; я наслаждался всем своим существом.

Исна. Среда, 6-е. Подошли к Исне около 9 часов утра. У берегового откоса — несколько пальм; чуть дальше — легкий спуск, затем небольшой подъем, здесь расположен нубийский квартал.

Бембе.— Пока мы завтракали, с Жозефом завела беседу альмея, худенькая, с узким лбом, глаза насурмлены, на голове покрывало, которое она поддерживает, растопырив локти. У ног ее — ручная овечка, шерсть у которой местами выкрашена желтой хной, шерсть очень густая, на шее черная бархатная ленточка, ножки пушистые, как у игрушечной, не отходит от хозяйки ни на шаг.

Выходим на берег. Город меньше, чем Кена, торговые ряды не столь богаты, дома, как и повсюду, глинобитные. Арнауты в кофейне на площади. Там же помещается почта, т. е. туда приходит эффе́нди с письмами. Мечеть, а над ней — школа, покупаем там чернил. Первое посещение храма, беглое.— Дома увенчаны прямоугольными башенками с шестью, облепленными вяхирями. В дверях стоят альмея, но их здесь не так много, как в Кене, и одеты они скромнее и смотрят не столь вызывающе.

Дом Рюшук-Ханем¹. Следуем за Бембе и ее овеч-

¹ Мы сохраняем написание, принятое во французских изданиях Флобера, возникшее из-за неправильного прочтения рукописного текста писателя. Исследователями доказано, что альмея звалась «Кюшук», так называет ее и М. Дюкан.

кой; она толкает ворота и вводит нас во дворик; напротив входа — лестница. На лестнице, прямо перед нами, на фоне голубого неба стоит в лучах света женщина; на ней розовые шальвары, верхняя часть тела укрыта лишь прозрачным темно-фиолетовым газом.

Она шла из бани, ее крепкая грудь пахла свежестью и сладковатым терпентином; она полила нам руки розовой водой.

Поднимаемся на второй этаж; налево от лестницы выбеленная известью комната: два дивана, два окна, одно с видом на горы, а другое — на город. В это второе окно Жозеф показывает мне большой дом знаменитой Сафии.

Рюшук-Ханем — крупная дородная женщина; лицо ее светлее, чем у арабов, — она из Дамаска; кожа тела имеет слегка кофейный оттенок. Когда она сидит, чуть наклонившись, на боках у нее появляются складки — округлые бронзовые валики. Глаза у нее черные, громадные, черные брови, широкие, красиво очерченные ноздри, крепкие плечи, пышная круглая грудь. На голове феска, увенчанная выпуклым золотым диском с маленьким зеленым камешком под изумруд посередине; голубая кисточка фески пушится веером и поглаживает ей плечи, перед феской лежит на волосах, от уха до уха, веточка искусственных белых цветов. Черные вьющиеся непокорные пряди расчесаны на прямой пробор и заплетены в мелкие косички, сходящиеся на затылке. Один зуб наверху у нее слегка испорчен. На запястье браслет из двух золотых прутьев, закрученных один вокруг другого. Три ряда бус из полых золотых шариков. Серьги в форме чуть выпуклых золотых дисков с мелкими золотыми шариками по окружности.

На правой руке татуировка: надпись синими буквами.

Она спрашивает, желаем ли мы посмотреть импровизацию.

Входят музыканты: мальчик и старик, левый глаз завязан тряпкой; оба пиликают на ребабе — род маленькой круглой скрипки, опирающейся железным штырем в пол, с двумя струнами из конского волоса. Гриф слишком длинен по отношению к самому инструменту. Звучит до крайности фальшиво и неприятно. Музыканты играют непрерывно, приходится кричать, чтобы их остановить.

Рюшук-Ханем и Бембе начинают танцевать. Движения Рюшук порывисты; она держит руки таким образом, что ее неприкрытые груди плотно прижимаются одна к другой. Перед танцем она опоясывает бедра свернутой коричневой с золотыми полосами шалью с тремя подвешенными на ленточках кисточками. Она устремляется вверх то на одной ноге, то на другой — великолепно! Одна ступня остается на земле, тогда как другая идет вверх до уровня бедра, и все это в легком прыжке. Такой танец изображался на старинных греческих вазах.

Бембе движется по прямой, опуская и поднимая одно бедро, получается этакое размашистое ритмичное прихрамывание. Руки у нее выкрашены хной (ей довелось служить горничной в итальянском доме в Каире, и она знает несколько слов по-итальянски; у нее чуть слезятся глаза). В целом, обоим танцовщицам, если не считать описанного выше «па» Рюшук, далеко до Хасана-эль-Бильбези. Жозеф утверждает, что все красивые женщины плохо танцуют.

Рюшук берет дарабукку. Ее поза во время игры великолепна: дарабукка лежит у нее на коленях, точнее, на левом бедре, левый локоть опущен, кисть приподнята, она перебирает чуть растопыренными пальцами, ударяя по коже дарабукки; правая рука отбивает ритм, она откидывает назад горделивую голову, слегка изогнувшись всем телом.

Обе дамы и в особенности старик-музыкант выпивают изрядное количество арака. Рюшук танцует в моей феске. Она провожает нас до конца квартала, сидя на спине то у одного, то у другого; ноша получается весьма увесистая.

Дамы угощают нас кофе. Беседка, куда сквозь ветки проникает солнце, усеивая яркими пятнами циновки, на которых мы сидим. Выпиваем по чашечке. Рюшук веселится, увидев наши физиономии и слыша, как Макс говорит: «Ла ала илла Аллах, Мохаммед расул Аллах»¹.

Второе посещение храма, более продолжительное. Ожидаем эффенди, чтобы вручить ему письмо.— Обед.

Снова отправляемся к Рюшук. Комната освещена тремя фитилями, которые погружены в стаканчики

¹ «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его».

с маслом, укрепленные в жестяных жирандолях на стене. Музыканты уже заняли свои места.— Поспешно выпивается арак: подаренные напитки и вид наших сабель возымели действие.

Входит Сафия-Зугайра, невысокая, с большим носом и черными, глубоко посаженными глазами — чрезвычайно живыми, злыми и чувственными. Ее ожерелье из пиастр так и лязгает. Войдя, целует нам руки.

Четыре женщины поют, сидя рядом на диване. Колыхающиеся ромбы желтого света на стене. На Бембе розовое платье с широкими рукавами (они все одеты в светлые тона), а голова укрыта черным платком на крестьянский манер. Звучат голоса, звенят дарабукки, однообразно, низко и крикливо ноют ребабы: что-то вроде веселой похоронной песни.

Рюшук исполняет нам «пчелку». Перед началом дверь закрывается, Фергали и еще один матрос, до сих пор присутствовавшие при танцах на заднем плане, составляя гротесковый элемент картины, выпроваживаются, мальчику закрывают глаза черной повязкой, а старику опускают на лицо край его голубого тюрбана. Танцую, Рюшук раздевается. Обнажившись, она оставляет только платочек и делает вид, что пытается им укрыться, затем отбрасывает и платок. Это и есть «пчелка».

Впрочем, танцевала она совсем недолго, этот танец ей уже больше не по вкусу.— Жозеф был очень возбужден, он хлопал в ладоши и кричал: «Ля, е, нья, о! е, нья, о!»— После того как она исполнила те свои восхитительные прыжки, когда одна нога поднимается впереди другой, и, тяжело дыша, опустилась на край дивана, где тело ее продолжало колыхаться в ритме танца, ей кинули ее необъятные, белые в розовую полоску, шальвары, в которые она погрузилась по самую шею, а музыкантам развязали глаза.

Когда она сидит по-турецки, отчетливо виден великолепный скульптурный рисунок ее колен.

Еще один танец: на пол ставится чашка кофе, она танцует перед чашкой, затем опускается на колени, продолжая танцевать торсом, при этом она играет на трещотках и разводит руками, как при плавании брассом. Постепенно опускаясь все ниже, она наконец дотягивается до чашки и, схватив ее зубами, одним рывком поднимается.

Ночевать она оставила нас неохотно, так как боялась воров, которые могли заявиться, узнав, что в доме иностранцы. Внизу, в соседней комнате, спали сторожа — сутенеры (которых она нещадно лупила), а также Жозеф и негритянка-рабыня из Абиссинии, у которой на каждой руке было по круглому шраму (наподобие ожога) от бубонов. Ложимся, она пожелала лежать с краю. — Светильник: фитиль опущен в овальный стаканчик с носиком. — После бурных утех она засыпает с храпом, оставив свою руку в моей; слабый свет лампы, едва до нас доходивший, ложился на ее прекрасный лоб треугольничком светлого металла, само же лицо скрыто темнотой. Собачка ее спала на диване, устроившись на моей шелковой куртке. Так как она жаловалась на кашель, я укрыл ее поверх одеяла своим пальто. Я слышал, как Жозеф вполголоса переговаривается со сторожами, нервы мои были перевозбуждены потоком реминисценций. — Прикосновения ее тела обжигали, как каленое железо. — Потом я задремал, просунув палец под ее ожерелье, словно бы для того, чтобы удержать ее в случае бегства.

Я представил себе Юдифь и Олоферна, лежащих рядом. Без четверти три — пробуждение, прилив нежности. Мы многое сказали друг другу объятиями; во время сна у нее подрагивали то рука, то бедро, словно от озноба. Я закуриваю наргиле, она встает, о чем-то разговаривает с Жозефом, приносит горшок горячих углей, греется, ложится в постель. «Довольно!»

Приятно было бы потешить свою гордость уверенностью в том, что, уезжая, ты оставишь след в ее душе, что она будет помнить о тебе дольше, нежели о других, и сохранит тебя в своем сердце!

Наутро мы распрощались друг с другом совершенно спокойно.

Два матроса приходят за нашими вещами, грузимся в лодку, затем я отправляюсь охотиться в окрестностях Исны. Под пальмами раскинулось хлопковое поле. — Идут в поля арабы, ослы, буйволы. Ветер качает тонкие ветки пальм-гасис, свистит, точно как у нас в камышах.

Солнце поднимается, с гор уже сошел бледно-розовый оттенок, красивший их утром, когда мы шли от Рюшук. На свежем воздухе глаза мои отдыхают. Сопровождающий меня Хаджи-Смаэль то и дело нагиба-

ется, отыскивая горлиц среди ветвей, но я не вижу ни одной, даже когда он мне их показывает. У шадуфа феллах набирает воду.

Мне все вспоминалось то утро (в день святого Михаила) у маркиза де Мопре, в Эроне, когда после бала я гулял в одиночестве по парку: это было во время каникул, я тогда перешел из четвертого класса в третий.

Возвращаюсь к лодке за Жозефом.— Передаю письмо эфенди.— Покупаем мясо, пояса.— Мне шьет гетры портной в караван-сараяе, где Жозеф останавливался в ту пору, когда служил двум искателям сокровищ.

Берем чернил в мечети; в школе полно ребятни, они пишут на дощечках.

Встречаем Бембе и ту четвертую даму, которая играла на дарабукке; Бембе закупает нам хлеб в дорогу. Вид у нее крайне усталый.

Вышли из Исны без четверти двенадцать. Бедуины продали нам газель, которую подстрелили утром на другом берегу Нила.

Храм в Исне. Расположен в центре города, глубоко ушел в землю. В него спускаются по земляной лестнице, сделанной после того, как были откопаны основания колонн: это предхрамие. В глубине дверь, посередине и рядом две поменьше; стены покрыты росписями, изображающими приношения даров божествам, повсюду повторяются одни и те же сцены. Колонны исписаны иероглифами. На колоннах можно увидеть что-то вроде птицы с телом попугая и заячьими ушами и лапами; она сидит в чрезвычайно живой позе, подняв передние лапки к голове. Что же касается искусства, рисунок всех этих росписей тяжеловесен, неуклюж, свидетельствует об упадке; колени у людей не выступают вперед, а, наоборот, вдавлены, как у меня, это некрасиво.

Храм имеет 33 метра 70 сантиметров в длину и 16 метров 89 сантиметров в ширину, окружность колонн 5,37 метра, полная высота колонны 11,37 метра. Всего колонн 24.

Через отверстие наверху — между землей и потолком — льется свет.— На противоположной стене круглые горшки для голубей.— На капители одной из колонн сидит араб и спускает вниз мерительную ленту. Слева всунулась желтая коровья морда.

У входа — остатки мумий, конфискованные правительством в округе и сваленные здесь. Детская головка в гробу, хорошо сохранившаяся, совершенно узнаваемая.

На плитах, венчающих стены (крыша храма), — имена французских солдат. На восточной стене дата: 1799 и фамилии: Луи Фислен, Лядусер, Ламур, Люно, Франсуа Дардан.

И здесь же я впервые увидел как бы следы стопы, вырезанные ножом: обводится контур стопы и линиями обозначаются пальцы. Больше всего отпечатков на юго-восточном углу. Рядом с одним надпись:

Пахом
Neien
88φγ/8

Асуан. Суббота, 9 марта. К Асуану пробираемся между скал, торчащих посреди реки; скалы эти, исчерна-шоколадные, разукрашены длинными, расширяющимися книзу белыми полосами птичьего помета. Справа — песчаные колонны, совершенно голые и подпирающие разве только ярко-голубое небо. Воздух очень прозрачен, свет падает вертикально — это уже негритянский пейзаж.

Асуан расположен на правом берегу. Чтобы подойти к нему, огибаем остров Элефантина; видим, как переправляются через реку местные жители. Они сидят в воде, как тритоны, верхом на связках тростника или на стволах пальм и гребут одним веслом. Обнаженные блестящие черные тела выступают по пояс из воды. Перед тем как войти в реку, они снимают рубаху и закручивают ее на голове тюрбаном, туда же подсовывают чубук; добравшись до противоположного берега, бросают самодельное суденышко, надевают (или не надевают) рубаху и идут дальше.

На песчаном берегу у Асуана несколько небольших канжей. Укрытые подобием шатра, натянутого на четырех кольях, сидят вокруг кипящих котлов нубийцы. Когда, обогнув Элефантину, подходишь к Асуану, слева видны остатки римской стены. — Скала с иероглифами.

Элефантина. Прогулка по острову. Под пальмами (со стороны Асуана) выброшенная на берег канжа, точно громадная рыба, оставленная на песке приливом. — Мансур сопровождает нас. — За нами увязалась

ватага ребятишек.— Поворачиваем, идем под пальмами; скрипит сакия¹, которую крутят две тощие коровы, позади сидит мальчонка. Остров оканчивается песчаной косой, в центре его зеленеют поля ячменя, в южной части — руины, осколки гончарных изделий и кладбище, у начала которого торчат два столба (все, что осталось от ворот) с изрядно попорченными рисунками. Если стать здесь лицом к северу, вам откроется такая картина: на переднем плане — серая земля, далее — зеленый луг, окаймленный выступами пальмовых рощ, в конце острова в расселине скал виднеется Нил, справа — белый дворец Махмуд-бея: кажется, он вот тут, прямо за лугом, а в действительности он находится очень далеко; справа и слева Нил, слева желтые-прежелтые песчаные холмы, справа — утопающий в зелени пальм Асуан.

Деревья на закате кажутся нарисованными черным карандашом, а песчаные холмы точно сложены из золотой пыли. Местами этот золотой, цвета старинных цехинов, фон пересечен тонкими черными линиями (полоски земли или складки песка).

Асуан несколько отстоит от берега, дорога поднимается в гору.

Заходим в небольшой караван-сарай (слева, в той же стороне, что и кофейня) купить камеди. Сквозь сплетенную из пальмовых листьев крышу просвечивало солнце; толстые ромбовидные обрывки листьев свешивались с потолка. По углам висела паутина.— Пыль окрасила циновки крыши одинаковым ровным тоном. В причудливые очертания дыр глядело безжалостное голубое небо.

Малим с сыном, больной.

Губернатор, стоя на пороге своего дома, подносит ладони к тюрбану из почтения к нашим фирманам; рядом с ним тучный, обремененный одеждами блондин — это бывший губернатор Вади-Хальфы. К губернатору приводят человека, нашедшего деньги на острове Элефантина и заявившего об этом; тем не менее его допрашивают, чтобы узнать, не припрятал ли он несколько монет. Солдат-дезертир. Маленькая нубийка, очень хорошо сложенная; палкой измеряют ее рост, это необходимо, чтобы установить цену, за которую она будет продана.

¹ Водоподъемное сооружение в виде колеса с ковшами.

В одной из лавок видим альмею, рослую, стройную, с черной, а вернее сказать, зеленоватой кожей и курчавыми негритянскими волосами; она поводит глазами, отливающими оловом, в профиль она очаровательна.— Рядом другая женщина, невысокая, веселая, взъерошенные курчавые волосы выбиваются из-под фески.

Азизе.— Высокую зовут Азизе. Танцует она искуснее, чем Рюшук. Перед танцем снимает широкий балахон и надевает ситцевое платье с корсажем на европейский лад. Танцует: вытягивает шею вперед, назад, вбок, голова, кажется, вот-вот упадет с плеч, так что становится жутковато.

Стоя на одной ноге, другую поднимает, согнув в колене под прямым углом, а потом неожиданно на нее опускается. Это уже не египетский танец, а негритянский, африканский, дикий; он столь же порывист, сколь тот покоен.

Или другая фигура: левая нога становится на место правой, правая на место левой, и так дальше в очень быстром темпе.

На покрывале, постеленном вместо ковра в ее халупе, то и дело образовывались складки, и она останавливалась, чтобы их расправить.

Обнажается: на талии у нее пояс из разноцветных бусинок, колье из золотых монет свисает до лобка; она затыкает его конец за пояс.

В танце неистово двигаются бедра, а лицо остается серьезным. Девочка двух-трех лет пыталась ей подражать и молча танцевала сама по себе — в ней говорила кровь.

Происходило это в глинобитной хижине, такой низкой, что женщина едва могла стоять там в полный рост. Хижина помещалась за городом в разрушенном дотла квартале.

Ни звука кругом, и эти женщины, одетые в золото и пурпур.

На берегу стоит мужчина со страусовыми перьями в руках, предлагает их нам.

Понедельник, 11 марта. Утром готовимся преодолеть порог. Отправляемся в путь в сопровождении двух специальных райсов и лоцмана-нубийца (райса Хасана), который должен провести нас до Вади-Хальфы.

Лоцман наш, морщинистый старик, с большим

носом, стоит, согнувшись, у руля и смотрит вдаль.— Ребятишки, верхом на стволах пальм, бросаются в водоворот, исчезая в нем; дерево выныривает на поверхность носом вверх. Мальчишки подплывают к лодке, вода стекает с них ручьями. Они напоминают бронзовые статуи фонтанов, по которым, блестя на солнце, струится вода. Зубы у нубийцев крупнее и реже, чем у арабов, мускулатура развита слабее.

Черные, точно из каменного угля, скалы перемежаются розовым гранитом; местами гранит, подобно мрамору, испещрен прожилками.

В половине первого останавливаемся у подножия водопада, ночь проводим в бухточке, окруженной скалами. Встаем на скалы. К порогам подступают холмы. Три холма слева, а на заднем плане, между вторым и третьим, виднеется четвертый. Нас сопровождают двое ребятишек; маленький совсем голый, голова кудрявая, как у барашка. Утром мы подарили ему ожерелья; ожерелья очень понравились.

Слева песчаная дамба естественного происхождения, нанесенная ветром. Мы шагаем вдоль нее, защищенные от солнца ее тенью, затем взбираемся наверх. Мы шли с восточной стороны дамбы, а взобравшись на гребень, увидели западный склон, окрашенный солнцем в бледно-золотистый цвет. Песок из-под наших ног струится вниз, как вода.

Вторник, 12-е. Отправляемся в путь в 7 часов утра. Широкий парус канжи скользит между скал, нередко задевая их. Если с берега смотреть на стоящую с расправленными парусами канжу, она кажется огромной птицей (анстом), которая замерла, раскрыв крылья, но спрятав голову.

Один матрос прыгает в воду, чтобы перенести канат на другой берег. Иду босиком по камням вслед за сыном шейха из ближайшей деревни, который нанялся к нам накануне. Один канат привязывается сбоку, чтобы лодка не отклонялась, а за другой тянут вперед.

Старый раис (Души) только и делает, что кричит; он раскачивается, как обезьяна, и с провозительными воплями выбрасывает руки вперед; похоже, ритм занимает его гораздо больше, чем то, как, собственно, тянут канат. Временами лодка до половины уходит носом под воду, а корма повисает в воздухе. На скалах вереница матросов дружно, с песней тянет канат; дру-

гие в канже отталкиваются шестами, кричат, поют. Шум воды, ребятишки, прыгающие в водопад, выныривающие мокрые тела, пена на черных скалах, желтый песок.

Проходим через небольшую нубийскую деревню. Солдат, одетый в зеленое, хочет забрать моего проводника из-за происшедшей накануне драки; я улаживаю дело.— Голенькая девочка в набедренной повязке с цветными бусами на шее и запястьях, прядки курчавых волос подковой лежат на лбу.

Заброшенный порог был открыт лет сорок назад стариком Души, который потопил здесь судно Ибрагима-паши. Он прямой, как канал, и расположен справа, если идти вверх по реке по главному фарватеру. Пять человек прыгают в него, чтобы меня позабавить: трое верхом на пальмах и двое вплавь.

Махатта. Я сажусь в шлюпку, и двое мальчишек везут меня в деревню Махатта, куда должна прибыть и канжа. Пальмовые рощицы, обнесенные низенькими стенами; под одной из них сидели два турка и курили, в точности как на какой-нибудь гравюре, изображающей Восток.

В пыли тащился рахитичный ребенок; ляжки не толще щиколоток, спина скрючена, словно у него переломан позвоночник.

В нубийской деревне, через которую мы проходили, Жозеф показал мне детскую игрушку, состоящую из маленькой деревяшки, к которой приделаны тоненькие кожаные ремешки, некоторые с бусинками на конце, а поверх — три-четыре серые от пыли тряпки.

Грузим в лодку наш багаж, доставленный сюда на верблюдах.— Сассетти, увешанный ружьями.

Вверх по течению от Махатты пальмы становятся очень толстыми. Слева от нас, по правому берегу, идет вереница быков из Кордофана. Нил сужается, теперь к нему с двух сторон подступают горы; вода, кажется, стоит; течение, столь бурное за порогом, здесь почти незаметно.

Среда, 13-е. Над нами пролетает большая стая аистов. Шутовское чествование Фергали: его назначают пашой, а подданные приходят к нему на поклон, руками и губами подражают звучанию различных музыкальных инструментов. Фергали делает вид, что раздает им бакшиш; один из матросов ножом срезает у него несколько волосков с бороды.

Абу-Гор. Четверг, 14-е. Из-за отсутствия ветра установились в Абу-Горе, прямо под тропиком Рака. К нам подходят нубийцы, торгуют кто чем. Максим фотографирует шадуф.— Справа позирует уродливый негр.

Деревня лежит у подошвы горы; ровные, нагроможденные друг на друга пласты дадут (тому, кто этого еще не видел) полнейшее представление о полуразрушенном основании Большой пирамиды. Мальчики ходят совершенно голые, девочки — в набедренных повязках из тонких кожаных ленточек. Кожаные ленточки очень распространены, думается, они повторяются даже и в прическах, если только не наоборот: ленты не родились в подражание прическам.

Рассыльный с почты останавливается передо мной и просит бакшиш, за спиной у него кожаная сумка, в руке изогнутый посох из тонкой пальмовой ветки. Следом за ним бежал юноша с колокольчиком и кинжалом, привязанным к левой руке кожаным ремешком. Оба побежали дальше.

Мое внимание привлекла девочка лет двенадцати, очаровательная, голенькая, статная, кожаные ремешки хлопали по худеньким ляжкам, тоненькие косички падали на плечи, эмалевые глаза смеялись. На ней было красное ожерелье и браслеты из голубых бусинок; занеся корзину в убогую лачужку, она снова вышла на улицу. Она все время жалась к матери, широколицей, добродушной, некогда очень красивой.— Маленькая девочка ведет слепую старуху.— Обнаженная слепая девочка; мы подали ей милостыню.

Вечером гуляли по высокому берегу Нила под сенью густых пальм. Два негра, сидя на земле, чистили хлопок. В просвете между высокими пальмами и рощицей пальм поменьше, ветви которых плавно склонялись вниз, точно стекали зелеными струями, виднелся Нил.

По-над Нилом, который в этом месте скрывался за береговым откосом, на третьем плане — полукруг больших пальм, за ними — широкое поле зеленого ячменя, простирающееся до той самой горы, у подножия которой лежит деревня. Прямоугольные сероватые, под цвет горы, дома можно было принять за каменистые выступы ее нижнего пласта. Между ближними пальмами и Нилом (т. е. между первым и вторым планом) — два квадратика хлопчатника, листья красные, местами

точно подернуты ржавчиной. Чашечки цветков начали раскрываться.

Пейзаж между Абу-Гором и Махарракой снова становится египетским. Горы низкие, приплюснутые, отодвинуты на задний план; на берегу нет-нет да и увидишь траву. Гора в Махарраке издали похожа на пирамиду. Нил было расширился, а теперь снова сужается.

Медик. Вечером, в 5 часов, причалили в Медике.

Прогулялся по левому берегу: желтый-прежелтый песок, на желтом фоне кое-где серые плиты песчаника. Вода в Ниле грязно-голубая, светло-аспидная, горы — серо-черные. Солнце весь день не показывалось, небо бледное, грязновато-серое. Сильный западный ветер. — Канжа стоит возле сакин; по мере продвижения на юг конструкция сакий изменяется, они становятся более закрытыми.

Короско.— Величественный и суровый вид, обрамленный двумя старыми пальмами-гасис. Высокие каменные горы: одна, вторая и позади третья. В ущелье справа, если смотреть с лодки, начинается дорога на Хартум; по ней мы и направляемся.

Безобразная старуха, очищающая хлопок, с маленькой девочкой на коленях.

Абабде¹. У некоторых ихних верблюдов морды, как у жирафа. Одному верблюду заклеивали ногу на ногу кусочком кожи.— Абабде не носят головных уборов, волосы торчат по бокам головы толстыми пучками, а на макушке острижены бобриком или (реже) обриты. Тип лица менее негритянский, чем у нубийцев, и кожа не столь черна. Славные, умные лица.— Женщины в Короско невероятно грязны; они натирают голову размятым во рту бараньим жиром: глядя на слепленные комья, не сразу догадаешься, что это волосы. Жир черными лепешками лежит на коже.— Две женщины: одна маленькая, курносая, нос крупный, сильно сплюснутая переносица, большие глаза; другая крупная; торгую у нее две прядки волос с золотыми украшениями. Первая толкла зерна в плоской корзине.

На закате небо поделилось на две части: у горизонта оно было нежного бледно-голубого оттенка, а над нашими головами раскинулся во всю ширь огромный пурпурный занавес с тремя складками: одна, другая,

¹ Группа народа беджа, живут на северо-востоке Судана и на границе Египта и Эфиопии.

третья. Позади меня и по бокам протянулись по небу легкие белые длинные, как песчаные косы, облака, они сопровождали нас весь день. Берег справа от меня казался совершенно черным. Немного погодя алый занавес рассыпался золотистыми барашками, тампонами. По Нилу разлился красноватый отблеск неба, вода стала цвета смородинового сиропа. Потом вдруг, словно сдутые порывом ветра, все краски неба сдвинулись на запад, и наступили сумерки.

Воскресенье, 17 марта. Безветрие, проходим мили две на бечеве.— Охотился на левом берегу, под пальмами, настрелял горлиц, убил трех хищных птиц, из них двух ягнятников-бородачей. За нами увязались ребяташки и один рослый негр. Скотина пугалась выстрелов, вскакивала на ноги, натягивала веревки.

На закате в просветах между пальмами видим горы Ливийской пустыни; небо нежно-голубое, воздух розовый.

Храм в Хамаде, на левом берегу Нила, в двухстах шагах от берега, по бокам песок поднимается выше него.

Он сложен из песчаника. Четыре ряда колонн — по три в каждом, завершает ряд колонна с квадратной капителью.

Храм облицован большими плоскими плитами, на многих из них — неразборчивые надписи по-гречески. На плитах — равномерные извилистые полосы, точно волны,— это печать времени, источившего камень; возможно, впрочем, но маловероятно, что плиты были недостаточно хорошо отшлифованы.

Прямоугольная дверь, за ней поперечный коридор, из него — три двери в три параллельных коридора, в глубине соединяющихся между собой. В пронаосе¹ надписи глубоко врезаны, в храме — выступают рельефом и раскрашены (как и фигуры).

Средний коридор самый широкий, наподобие нефа, в глубине его, напротив двери, нарисована на стене ладья с тремя фигурами: одна — сидящая, желтая, на голове корона — пскент; другая — сидящая, красная, с головой ястреба, увенчанной шариком, держит в руках ниломер; третья — красная, стоящая; головного убора не видно, в руках держит род шариков и про-

¹ Полуоткрытая часть античного храма между портиком и наосом.

тягивает их двум первым. Под изображением — длинная надпись иероглифами. В том же помещении: две сидящие на тронах фигуры в натуральную величину, лица повернуты к двери; первая фигура (справа) — красная, с ястребиной головой и шариком, держит ключ и ниломер, от колена к ступне спускается род длинного крюка, расширяющегося книзу; вторая фигура (слева) — голубая, с таким же крюком, ключом и ниломером, на голове предлинный пскент в красную и голубую клеточку.

Справа надпись, дальше три большие стоящие фигуры: первая — красная, в черной ермолке и с урем¹, обращена лицом в глубь храма, левой рукой опирается на посох; вторая — голубая, с длинным пскентом и ключом, повернута к входу; третья — красная, смотрит на вторую, урей (отбитый).

На левой стене — три крупные фигуры в красном цвете: первая, дальше от входа, обращена лицом в глубь зала; вторая в середине, с ястребиной головой и голубыми лентами, держит сосуд, на котором изображены ключи и еще два атрибута; третья фигура, с подобием лиры на голове, отклонена назад, в правой руке она держит ключ, а левой касается правой руки второй фигуры, и из скрещенных рук свешиваются два параллельных побега.

Храм освещен через дверь и через дыры в потолке, проделанные жившими в нем арабами.

В небольшом зале в самой глубине, за правым коридором, отверстие в правом углу. Через него вливался поток света, в котором кружилась пыль. Свет падал на круглое углубление и вазу над ним и освещал красные и голубые фигуры.

Правый зал: около входной двери — пастух, ведущий стадо; четыре быка в ряду, один находит на другого, к ногам их привязаны веревки, пучком сходящиеся в руке пастуха.

В том же зале слева от входа: стоящая фигура со звездой и мечом, левая ладонь сжата в кулак; тело стоит на подставке, из-за которой высовываются две, изображенные в ракурсе, руки, точно две ступни.

В пронаосе три нубийки и негритянка собирали козий помет и чистили его. Храм весь занесен песком.

Над предхрамием — остатки гробницы.

¹ Изображение кобры — эмблема фараонов.

Если встать на плиты крыши, сзади видишь желтые пески пустыни, впереди — Нил, а за ним — гряду серых бугристых гор. Между Нилом и горами — зеленая полоска пальм и полей ячменя. Берег пестрит сакиями; справа — излучина реки, горизонт там понижается.

Изнутри храма, в том месте, где перед входом чуть отступают пески, в просвет между потолком и колоннами предхрамья, тоже виден Нил; нарисованные боги могли со своей ладьи смотреть на плывущие по реке суда.

Эль-Дерр.— Песчаный берег.— Подъем. Высокая, развесистая смоковница. Губернатор сидит по-турецки на диване — глиняном возвышении, накрытом вытертым ковром; приглашает нас выпить кофе. Улицы широкие, за высокими серыми стенами растут в садах пальмы с висячими листьями; покой и теплый воздух. Ходят нубийцы в длинных белых рубахах; под стеной на углу расположилась группа курильщиков.

На краю города — холм.— Несколько могил, обнесенных оградами из кирпича-сырца.— На могильных холмах (вместо надгробия) галька; ограды украшены узором из лежащих наклонно и соприкасающихся углами, наподобие карточных домиков, кирпичей, а по верх — ряд кирпичей плашмя.

Храм.— Предхрамье разрушено, остались лишь основания колонн. На двери с обеих сторон изображен идущий воин и под его рукой — ряды покоренных народов.

На левой стене изображен бог в головном уборе Амона с хлыстом в руке и горизонтально торчащим фаллосом; дальше на стене — человек в лесу.

На берегу в продолговатых горках песка лежат арбузы.

Вторник, 19-е. Прошли около семи миль. Во второй половине дня повстречали две канжи работорговцев, спускающихся в Каир.— Купили пояса и амулеты.

Суда джеллабов¹.— Хозяином первой лодки был тучный мужчина с черными бакенбардами; поднимаемся на крышу каюты, он подает нам пучок страусовых перьев.

Мачты убраны, лодка спускается на веслах; она заполнена черными женщинами, сидящими в разнооб-

¹ Работорговцы.

разных позах; некоторые толкут муку камнем на камне, волосы их свешиваются вниз, как грива лошади, щиплющей траву. Они равномерно покачиваются, и в такт движению болтаются их груди, кожаные ленточки на спине и косички волос.— Мать с ребенком.— Одну женщину причесывают.— Девочка, уроженка Гондара, с пиастрами на лбу; когда Максим надевал ей на шею бусы из серебристых шариков, она даже бровью не повела. Лица у всех покойны, во взгляде не чувствуется озлобления: скотское состояние им привычно.

Когда мы отошли, джеллаб, которому хотелось получить больше бус, вывел на палубу еще двух или трех рабынь покрасивее или просто тех, что стояли ближе к двери. Высокая надменная абиссинка, подбоченившись и опершись о планшир, смотрела нам вслед.

На второй лодке джеллаб в белом тюрбане. Мы садимся на складной диван под брезентовым навесом на корме. Одну из рабынь причесывают иглой дикобраза, поочередно расплетая одну за другой мелкие косички и заплетая их снова.

Джеллабы предлагают нам красивые сумки, тыквенные сосуды. Хозяин второй лодки выносит род кожаного ведра с двумя ручками, которое носят на ремне.

Женщины исполосованы татуировками; на второй лодке у одной спина была изрисована снизу доверху так, что поясница превратилась в сплошной ряд валиков — рубцов от порезов, нанесенных каленым железом. На судне всегда находится несколько негрятянок, плавающих из раза в раз; они здесь для того, чтобы утешать и подбадривать новеньких, учить их покорности; кроме того, они исполняют обязанности переводчиц между рабынями и торговцем-арабом.

На закате нередко можно видеть облака, расходящиеся от одного центрального хребта прядками светящейся гривы.

Отсветы облаков ложатся на воду бледно-голубыми пятнами.

Вади-Хальфа. Пятница, 22-е. Когда подошли к Вади-Хальфе, мы заканчивали ужин. Светила полная луна, отчего песок казался белым как снег; большой пляж. Чуть поодаль, слева, ряд пальм, под которыми прячутся дома: вот и весь поселок. Справа, на другом берегу Нила, пустыня и две горы в форме усеченных конусов с очень широкими основаниями.

На берегу инженер-араб, хорошо говорящий по-французски, Хахил-эффенди, и еще один эффенди-нубиец в развевающейся по ветру и яркой от лунного света белой рубашке. Весь день дул сильный ветер, и мы шли быстро.— Эти господа наносят нам визит. Инженер-араб (Махмуд?) ненавидит англичан. Недавно один англичанин отказался продать ему бутылку арака, а на следующий день продал пятьдесят своему соотечественнику! Инженер цитирует «Нельскую башню», поет «Отвори мне дверь», порицает фанатизм мусульман и т. д. (на другой день Жозеф видел, что он совершал омовения и молитву, как благочестивый мусульманин); он прибыл сюда для прокладки судоходного пути через пороги. Дарим ему бутылку арака, чем необычайно его ублажаем: ему с утра необходимо выпить глоточек, «без этого он не может».

Гельель-Абузир. В субботу 23-го прогулка на Гельель-Абузир через пустыню Абу-Солом на левом берегу Нила.

Тыльная сторона горы похожа на голову сфинкса сзади. Между скалами красивая песчаная долина. Отсюда видна лишь часть второго порога, он кажется мне более плоским, нежели первый: вереница маленьких озер, обрамленных черными блестящими, как уголь, скалами. Местами между водой и черными камнями — тощие полоски зелени: это пальмы-гасис, проросшие между скал. С задней стороны вершина Абузира, имеющая форму гриба, исписана именами путешественников: даты современные, французских имен мало, почти все английские; выдалбливание некоторых из этих надписей, должно быть, заняло дня три.— Бельцони 1816.

Спускаемся ко второму порогу по песчаному откосу, утопая по колено в песке. Снизу гора похожа на отвесный береговой утес. В толще горной породы выделяется глубокая впадина в форме поставленной ребром каменной плиты. Арабы наши бросают в расселину палки, разгоняя птиц.— Тишина.— Журчание воды, шум водопада, водовороты. На участках, где нет течения, вода замерла лужей растекшегося масла. Макс добирается вплавь до маленького островка справа. Поднимается наверх по песчаному оврагу.

Возвращаемся в Вади-Хальфу под палящим солнцем навстречу ветру; пыль засоряет глаза, хрустит на зубах, застревает в ресницах; хочется пить.

Перед тем как сесть в лодку, до которой надо идти по воде, заглядываем к торговцам из Сеннара, разбившим лагерь напротив Вади-Хальфы. — Бивни слонов, туго обтянутые белой кожей, воспроизводящей фактуру кости. К стволу поваленного дерева привязана маленькая обезьянка, тощая и измученная, пьет из полой тыквы.

Сеннарские мужчины тучны, мускулатура скрыта жиром; плечевой пояс развит, и груди торчат, как у женщины. Кожа у них очень черная, черты лица кавказские: длинные тонкие носы, тонкие губы, выражение глаз отличается от семитского и негритянского: оно мягкое и лукавое; глаза совершенно черные, но белки не имеют кофейного оттенка, как у нубийцев. У одного из торговцев костный нарост на лбу, у другого — на запястье.

24 марта, Вербное воскресенье. В 6 часов утра отправляемся на шлюпках к порогу с райсом Хасаном и еще тремя нубийцами с первого порога. Я плыву с Мохаммедом, райсом лет четырнадцати; кожа у него желтого цвета, в левом ухе серебряная серьга. Движения его сильны и грациозны, он кричал и пел, преодолевая течение, и вел всех за собой. На его красивых руках бицепсы еще только формируются. Он скинул рубаху с левого плеча, обнажив левый бок и часть живота. Тонкая талия. Когда он наклонялся, складки на животе смещались. Дрожавшим голосом он пел: «Эль наби, эль наби». Дитя воды, тропического солнца и свободы. Он был трогательно предупредителен: угощал меня финиками, поднимал край моего плаща, свесившийся в воду.

На скалах сидели ягнятники-бородачи, а внизу слева, если идти к водопаду, лежал выброшенный на камни старый крокодил. Вечером снова видели бородачей на прежнем же месте, а возле них шакала, скрывшиеся при нашем приближении.

В 9 часов я подошел к подножию Гебель-Абузира и выстрелил несколько раз, давая знак Максиму. Издали черная, блестящая на солнце скала кажется мне то нубийцем в белой рубахе, стоящим на часах, а то и белой тряпкой, повешенной для просушки. Как может черное казаться белым? Такой эффект возникает при попадании солнечного луча на ребро угла. Мне случалось наблюдать это неоднократно; Жибер говорил мне в Риме, что тоже замечал подобное явление.

Обедаю под пологом палатки на самом солнцепеке. Пытался было лечь на землю в поисках тени, но тень не замедлила исчезнуть.

Обхожу две близлежащие скалы; палатка стоит перед ними, сбоку от порога. За первой скалой, со стороны пустыни, широкими волнами лежат пески, а за ними — порог (если стоять спиной к западу). С вершины второго утеса видна пустыня, бугристая вблизи и уходящая вдаль ровными плоскими линиями. На севере едва заметен Нил. Возвращаюсь один к палатке через пустыню, огибая скалы. — Тишина. — Тишина. — Тишина. — Свет падает отвесно, он прозрачен и ярок до черноты. Иду по гальке, опустив голову; солнце немилосердно печет затылок.

В Вади-Хальфу возвращаемся с Максимом на шлюпке. — Как и утром, с нами мальчик Мохаммед. Волны и ветер раскачивают суденышко, темнеет, от встречной волны шлюпка становится на дыбы. Выходит луна, она освещает мне правую ногу и белый носок между штаниной и ботинком.

Понедельник. В 9 часов утра отправляюсь один верхом на осле охотиться на шакала, которого мы видели накануне возле дохлого крокодила. Осел неуправляем, все норовит идти в сторону. Не прошло и получаса, как я вернулся пешком по берегу, а выехал я с задней стороны Вади-Хальфы. Когда сегодня утром Макс фотографировал порог, он увидел вдалеке бегущего верблюда, а позади него волочилось что-то черное: это был привязанный к верблюду раб, бежавший от джеллабов, а теперь пойманный и таким способом доставляемый хозяину.

В полдень покидаем Вади-Хальфу, мачта снята. Вечером останавливаемся посреди реки и гуляем при свете луны по песчаному островку, говорим об Энне и Кеслере. На следующий вечер продолжаем беседы под луной, тоже на песке.

*Ипсамбул*¹ (*Абу-Симбел*). Колоссы. — Видим солнце через дверь большого храма, до половины засыпанного песком, словно бы мы смотрели из окна подвала.

В глубине храма, в полумраке, три колосса. От того, что я щурил глаза, мне показалось, будто лежащий на земле первый колосс (справа) приподнял веки. Головы красивы, ноги уродливы.

¹ Неправильное произношение названия Абу-Симбел.

Пронзительно попискивают летучие мыши. Несколько раз прокричал какой-то зверь, точно где-то вдалеке пробили часы на колокольне. Я представлял себе нормандскую ферму, летний день, часа три пополудни, все работают в поле... И еще царя Микерина, выезжающего в колеснице на вечернюю прогулку вокруг Меридова озера; возле него жрец, которому он открывается в любви к дочери. Время жатвы, буйволы возвращаются с полей...

Попытка сделать оттиск.

Малый храм: на столбах какие-то фигуры, похожие на попугайчиков, примостившихся на деревянных грибах.

Что это за сооружение из камня, покрытое демотическими надписями, в большом храме, как войдешь налево, между третьим и четвертым колоссами?

В левом нефе большого храма — красивые изображения колесниц; замысловатые украшения на головах лошадей, лошади в большинстве своем оседланные, туловища у них вытянутые.

Страстной четверг. Предпринимаем раскопки; пытаемся откопать подбородок колосса перед храмом.

Пятница. Продолжаем раскопки «ауафи, ауафи». — Мальчик-негр, курчавый, со слезящимися от пыли глазами, выгнувшись назад всем телом, несет на голове кувшин с молоком.

В малом храме множество осиних гнезд, особенно по углам.

Размышление: египетские храмы мне порядком надоели. Неужто и они наскучат мне, как бретонские церкви и пиренейские водопады? Ох уж эта извечная необходимость всегда и во всем, соответственно обстоятельствам, поступать (хотя в данную минуту вам это и противно), как подобает юноше, путешественнику, художнику, сыну, гражданину и т. д.!

Ибрим. 31 марта, пасхальное воскресенье. Вечером подошли к древнему Ибриму, на правом берегу Нила. Пока Макс фотографировал крепость снизу, я поднялся в нее, карабкаясь по склону горы и сбивая ногти на ногах о скатившиеся сверху камни. Земля похожа на золу. Три или четыре араба проехали справа от меня верхом на ослах. Обхожу крепость кругом в поисках входа и наконец нахожу его на площадке с восточной стороны.

Внутри крепостных стен заключен целый город, нагромождение разрушенных домов, один подле другого, вплотную; между ними извиваются улочки, в центре большая площадь. Если смотреть сверху, это скопище лежащих в руинах домов, от которых остались лишь основания стен, напоминает шашечницу.— Развалины мечети и посреди них — гранитная колонна с греческим крестом: такие колонны нередко использовались под пороги. Входные ворота оказались на севере. Через бреши в стене видны участки Нила с большими песчаными островами. На другом берегу его — пустыня, одинокое дерево справа, чуть дальше, слева, еще два.

От крепостных руин веет тропической лихорадкой, представляется смертельно скучная, замкнутая, однообразная жизнь варварского средневекового Востока, Востока мамлюков, ибо возведенная на отвесной скале крепость принадлежала некогда мамлюкам, хозяйничавшим повсюду на Ниле. Стены по большей части сухой кладки, лишь кое-где — обработанный камень.

Тишина, нигде ни души, я один, два ястреба парят высоко над моей головой да из пустыни, с другого берега Нила, доносится чей-то голос.

Возвращаясь с наступлением ночи, гляжу, как повсюду расползаются черные тени. Налево тянется овраг, уходит в пустыню; по склону оврага вьется гиенья тропа. Гиены водятся здесь во множестве; раис предостерегает нас, чтобы не отходили вечером от лодки. В прошлом году у первого порога гиены съели одного турка вместе с лошастью. Обеспокоенный моим долгим отсутствием, Максим отправил матросов на розыски.

В понедельник, 1 апреля, во второй раз поднимаюсь в крепость вместе с Максимом.

Расположенные на берегу на высоте 8—9 футов гроты Ибрима оказались мистификацией: в них ровным счетом ничего нет; это развеселило меня на целый день.

После обеда лежим на носу канжи на циновке раиса Ибрахима и, не без горечи и грусти, беседуем о влекущем и неисчерпаемом предмете, каковым является матушка литература! Вечером прибыли в Хамаду и остановились на ночлег.

Короско. Во вторник 2 апреля дует хамсин, тяжелый день, солнце закрыто облаками. В полдень, когда подходили к Короско, на меня пахнуло горячим, как

из печи (в буквальном смысле), воздухом, так что даже в легких ощущалось тепло (sic). Откуда берется ветер? Вот тема для размышлений.

Меня узнает юноша, которого я выручил из беды у первого порога, когда мы шли еще вверх по течению (это та самая история с солдатом; тогдашний мой проводник, кажется, порвал ему шарф, и я заплатил за него штраф). Он провожает меня до края селения, до начала дороги на Хартум.

Там стоянка абабде, которых легко узнать по торчащим, словно львиная грива, волосам. У одного из них через шею перекинут посох, о который он опирается двумя руками, точно медведь; волосы забраны назад. Он что-то говорил своим, и речь его походила на то, как щелкает клювом пеликан. На обратном пути вижу разлегшихся на солнце верблюдов; где-то в доме кричит младенец.

Меня догоняет Жозеф, и мы отправляемся на другой конец селения купить нубийскую лиру и запастись продуктами. Заходим в дом, разделенный внутри циновкой на две половины; пьем воду из полой тыквы.

Неподалеку от большого верблюда неподвижно сидит ворон, он учуял запах тления; когда я кидаю в него камнем, он отскакивает, а потом возвращается на прежнее место. У этих изможденных верблюдов спины синие от седла, ноги воспалены чесоткой, глаза полуприкрыты; они невероятно тощи, под скулами глубокие впадины.

Пьем бузу в домике, крытом множеством циновок, свешивающихся наружу, да таком низком, что человек, присевший по малой нужде у стены, был почти вровень с ней. В доме пел мужчина, в открытую дверь я видел его ноги. Левее стоит такой же дом, только чуть повыше. — Два-три дома вплотную друг к другу. — Встречаю девицу легкого поведения, которую заметил еще прежде, когда мы шли вверх по Нилу. Она невысокая, полная, с широко расставленными сосцами, руки мощные и красивые; белая полотняная одежда сера от грязи. Стекланные бусы на шее и на руках, на шее нитка с чем-то вроде скарабея.

Верблюжьи седла, вложенные одно в другое стоймя. Куча зерна, огороженная циновками.

У берега стоят лодки. Когда мы отчаливаем, ребята бросаются в воду и плавают вокруг нас в надежде на бакшиш.

Часов около двух заметили на камне трех крокодилов: Макс ранит одного, и тот медленно уплывает; преследуем его на шлюпке: безуспешно.

Вечером, в 5 часов, купаемся в Ниле.

Эль-Сабуа. Два или три дома на левом берегу. Перед ними низкая густая пальма; желтые листья на ней издали кажутся котомками, привязанными к зеленым веткам.

Храм: два колосса высотой футов десять-двенадцать, со сжатыми кулаками, левая нога выдвинута вперед; затем сфинксы. Два первых сфинкса, те, что ближе к колоссам, видны до крупа. — Правый сфинкс точно мраморный. — Два других сфинкса ушли в песок по самую голову, но левый еще узнаваем; трещина в камне растянула его рот до самого платка. Из следующей пары сфинксов видна только макушка правого, прочие сфинксы дромоса отсутствуют.

Пилоны; на каждом — воин с покоренными народами, а напротив него — бог. Предхрамие засыпано песком, по бокам можно различить по три столба с каждой стороны.

Сам храм целиком поглощен песками.

Если повернуться лицом к Нилу, который в этом месте изгибается дугой, видны острые гребни протянувшихся волнистой линией неровных бугристых гор.

У основания пилона слева — опрокинутый колосс, ноги выше головы; справа другой лежит ничком.

У сфинксов на макушках дырочки глубиной несколько (три-четыре) футов. Для чего они предназначались? Может быть, в них крепился какой-то металлический головной убор?

Выходя из храма, купили два копыя. Ночь провели на воде.

В четверг, 4 апреля, тронулись в путь в 4 часа утра.

Около одиннадцати встречаем канжу того самого эффенди, которого мы видели в Вади-Хальфе (он похож на Шимона). Он назир¹ Ибрима, взимающий налоги от Асуана до Вади-Хальфы. Ему удалось захватить шейха, не уплатившего ни су причитающегося с него налога; старик лежал теперь связанный на дне лодки, и виден был только его голый черный, блестя-

¹ Начальник правительственного ведомства.

щий на солнце череп. Канжа эффе́нди идет некоторое время ровень с нашей, а потом пристает к нам носом. Нам передают бляющего ягненка: это подарок эффе́нди. Встрече с нами он искренне рад, ибо опасается нападений. И в самом деле, за нами (точнее, за ним) весь день бегут по берегу мужчины и женщины из взбунтовавшихся деревень.

Он проводит у нас в гостях изрядное время, мы дарим ему бутылку кипрского и бутылку арака. Пойманного шейха отвезут в Дейр, где он получит сотни четыре или пять палочных ударов, а затем будет подвешен к растущей там высокой смоковнице и провисит до тех пор, пока кто-нибудь его не выкупит.

Разговариваем с назиром о наказании палками. Если человека хотят забить насмерть, достаточно четырех-пяти ударов: проламывают поясицу и затылок. Когда же осужденного хотят просто наказать, бьют по ягодицам, обычно четыреста-пятьсот ударов. Человек от этого болеет пять-шесть месяцев, пока не спадет опухоль. Последнюю фразу эффе́нди произносит со смехом. Наиболее распространенное наказание у нубийцев — удары по подошве ног. пытки этой нубийцы очень боятся, после нее невозможно ходить. Пробыв у нас часа три, назир покидает нас и пристает к берегу у хижины вождя абабде, окруженной садом и пальмами. Под приземистой пальмой толпится народ, вождь сидит посередине, по-видимому, они бранятся.

Вечером остановились возле храма в Махарраке; после ужина осматриваем его при свете звезд. Они сверкают над нашими головами, между колонн и в брешах руин. Матрос освещает нам путь фонарем.

Махаррака. В пятницу утром — осмотр храма. Точно ли это храм, а не церковь? По словам сопровождающего нас молодого араба, надписи греческими буквами сделаны путешественником новейшего времени, который затем некоторые из них замазал; ему же якобы принадлежат и росписи на правой стене. По соседству с храмом огороженное пространство, назначение которого мне неясно; там, рядом с остатками высеченных на стене египетских фигур, — подобие примитивного изображения Богоматери со взрослым мужчиной на коленях; позади нее — скверно нарисованная пальма. — Еще одна фигура в том же стиле с продолговатым сосудом в руках. — Кучами лежит гиений помет; они приходят сюда испражняться по ночам.

Пока Максим корпиг над фотографиями, Жозеф, сидя рядом со мной на песке, рассказывает о своем детстве и о том, как он покинул родные края.— Две три стайки куропатов пролетают над нами и садятся где-то дальше.— Позади нас, слева, ряд пальм.— Милый маленький негритенок шлепает по песку и забавляет меня гримасами.— Перед тем как отчалить, закалываем барашка, которого подарил нам назир Ибрима.

Дакка. Храм из песчаника.— Пилон: поднимаемся по лестнице, освещенной через слуховые окошки, вернее, бойницы; время от времени проходим через небольшие залы. Наверху площадка, завершение пилона, образует вокруг нее загнутый наружу парапет. От обоих верхних оконцев, некогда прямоугольных, как и все прочие, отходит вниз продольная выемка наподобие паза для спускной решетки, книзу она расширяется. Стена пилона наклонна, а борозды пролегают вертикально; они расположены со стороны входа. Каково было их назначение?

При входе в пилон с двух сторон уреи на сфере и остатки росписи голубой краской.

Внутри прохода слева тощая фигура в пскенте. Далее отсутствует один камень, и атрибутов не видно. Затем три другие фигуры: одна сидящая, в руке скипетр, увитый змеей; вторая — женщина с львиной головой, держит ключ; третья — женщина с уреем, держит жезл (конец его отбит). Двери, ведущие внутрь пилонов, расположены со стороны храма.

Храм. Фасад: две колонны, три двери, средняя из которых больше двух боковых. По бокам и сверху двери обрамлены полуколоннами в форме пучка стеблей. Перекрытие центральной двери опирается на середину колонн, поддерживающих свод.

Между храмом и пилонами углубления, возможно, это засыпанные подземелья; обломки гончарных изделий. На фасаде по бокам — прекрасные рельефы, особенно справа, на уровне земли. Там изображены: 1) бог, а за ним богиня, держащая длинный ряд лотов; 2) бог, а за ним богиня, несущая подобие колосящегося поля, на краю поля множество гусей, они точно падают из рук богини.

1-й зал: потолок и верхняя часть стен обезображены штукатуркой, еще хранящей остатки скверной христианской живописи; здесь размещалась, по-видимому,

коптская церковь. Женские фигуры, особенно много женщин с львиными головами, они держат лотосы и шары с уреями. На одной из колонн вырезан музыкант Тифон (?), в руках у него прямая лира, какая изображена в книге Крейцера; на другой колонне в том же месте, между выступом большой двери и маленькой дверцей, стоит человек с головой собаки, в руках у него продолговатый сосуд, а над ним — чаша, в чаше другая фигура, а над ней — то ли лодка, то ли фасад храма.

На маленькой двери с той же стороны, слева, если стоять лицом к пилону, изображена в вазе сидящая женская фигура с собачьей головой и чем-то непонятным на коленях (заяц?); на голове у нее, похоже, пскент.

На стене, половину которой занимают две маленькие двери, вниз от них идет орнамент из фигур с телом саламандры и собачьими и змеинными головами. — Фасад второго наоса: богато украшен, множество женщин-львиц с уреями и шарами.

В небольшом помещении сбоку крупное изображение льва.

В последней зале те же мотивы: женщины с львиными головами и длинными заплетенными волосами, крупного размера фигура, совершающая жертвоприношение льва. Головные уборы состоят из трех ваз, раскрывающихся наверху наподобие чаши (лотосы?), и на каждом из этих пузатых, расширяющихся кверху цилиндров сидит по птице. Внизу на всех четырех стенах — изображение женщины, обрамленное расположенными друг над другом чашами, из которых выходят бутоны; у женщины на голове три распустившихся лотоса и в каждой руке род урны с крестом. У нее две груди: нижняя маленькая, а верхняя — подлинней и побольше. Два ряда бус, широкие тяжеловесные бедра; пояс начинается на изгибе спины, дугой огибает живот и поднимается на высоту пупа, напоминая по форме охотничий рог. В ногах у нее бык Апий и большая птица.

В субботу утром покупаю две пряди женских волос с украшениями; женщины, у которых их срезают, плачут, зато мужья получают по десять пиастров за каждую.

Когда мы уже погрузились и приготовились к отплытию, нам принесли еще одну прядку, ее взял Макс.

Бедняжки, по-видимому, очень дорожат своими прическами, а мы доставили им немалое огорчение. Некоторые головы были до того густо намазаны жиром, что блестели на утреннем солнце, как свежепросмоленные лодки.

Коштанна. Пески.— Деревня выглядит побогаче, нежели предыдущая. Под большим деревом разлеглись сеннарские быки с мордами, как у Аписа, и горбами на загривках. По дороге к храму справа довольно чистенькая мечеть из серого ила. Нае сопровождают ребяташки с кусками каната в руках, которые они используют вместо факелов.

Разрушенный дромос, покалеченные колоссы, некоторые превратились в бесформенные каменные выступы, голова одного валяется на земле лицом вниз.

Спеос (подземный скальный храм) как в Ипсамбуле, колоссы в том же стиле, но еще более массивные. Между ними — узкая аллея; по бокам прямоугольные углубления в стене, в которых стоят разрушенные до неузнаваемости фигуры. У колоссов внутри храма вместо аграфов на поясе львиные головы. Мы ошарашены, оглушены полчищем летучих мышей, они мечутся и визжат; арабчата размахивают факелами, один из них стоит на столе, подняв факел вверх. Летучие мыши устремляются к выходу, в просветах между их тонкими серыми крылышками виднеется голубое небо. В дверном проеме стоит осел, темный на светлом фоне; а дальше голубое небо и голубой Нил; между небом и Нилом — желтая полоска песка.

Спускаемся в деревню. Максим уговаривает опрятного белобородого старичка продать ему флакон сурьмы. В дверях дома стоит мужчина в белом, курит чубук; он пожимает руку Жозефу. В комнате на циновке сидит работорговец; слева над ним висит длинная железная цепь, необходимая ему в его ремесле; Жозеф мечтает заполучить ее для путешествия в Сирию.— Погружаемся в лодку.— Мальчишкам, слишком рьяно бросающимся за бакшишем, достаются удары палками.— Некоторое время спустя противный ветер вынуждает нас остановиться. Купил два кожаных ожерелья возле сакии, на правом берегу.

С наступлением ночи прибыли в Дендур. Я сижу на ограде храма и вижу, как всходит первая звезда; гряда камней, пышные пальмы, немного зелени спра-

ва, тихие воды Нила и исчерна-багровые горы слева в стороне Абу-Гора.

Гарби-Дендур. В воскресенье 7-го, дует противный ветер, стоим в Гарби-Дендуре. После обеда прогулка по берегу Нила, в одной деревне встречаем человека с белым налетом проказы на верхней части лица.

Калабша. В понедельник 8-го, в половине одиннадцатого, прибыли в Калабши, или Калабакши, на левом берегу.— Дум-пальмы. Деревня приютилась среди развалин наружных сооружений храма. К нему ведет длинная мощеная дорога, завершающаяся буквой Т, обращенной вершиной к Нилу; большой пилон с разрушенной верхушкой, такими же, как в Дакке, окошечками и такими же продольными желобами по бокам от входа; затем двор, некогда окаймленный с двух сторон колоннами. Далее перед нами наос¹ с четырьмя колоннами, высокой дверью и четырьмя ложными дверями меньшего размера: в двух из них, тех, что ближе к центральной двери, пробиты прямоугольные отверстия, служившие входом.

Двор загроможден обломками колонн, огромные глыбы, беспорядочно наваленные одна на другую; справа боковая дверь и три двери поменьше слева; мне видны только эти три.

Наос, первый зал; слева еще стоят две колонны; на двери, ведущей во второй зал, хорошо сохранившиеся рельефы: Исида, кормящая Гора, и птица с человеческим лицом и странным головным убором.

Здесь начинается второй наос, он меньше первого и состоит из трех залов, каждый последующий меньше предыдущего.

Во втором зале сохранились многие росписи, в них преобладают красные и голубые тона; красным окрашены тела, шары и сферы головных уборов; пскенты голубые. На бедрах ткань с продольными полосами, четко обозначены ягодицы. Сиденья, как правило, изображены в виде тонких пластинок: ряд красный, ряд зеленый или голубой. Плохо сохранившаяся фигура со скипетром и головным убором в форме лиры, одетая в длинное платье (возможно, прозрачное: справа сквозь натянутую ткань проступает бедро); рисунок ткани состоит из перекрещивающихся косых белых

¹ Главное помещение, святилище храма.

полос, образующих ромбы, окрашенные в фиолетовый цвет; в центре ромба — белый кружок, а в нем — красная точка; такие же красные точки и на скрещении белых полос, по одной линии с теми, что в кружках. Зал освещается окошком наверху справа под самым потолком.

В третьем зале одно оконце наверху справа, одно слева и два на стене против входа. Потолок был сделан из громадных каменных плит не менее трех футов толщиной. Второй этаж располагался параллельно первому, по крайней мере во втором наосе. С правой стороны (если стоять лицом к Нилу) лестница в стене ведет в небольшое прямоугольное помещение, шага четыре в длину и футов пять в ширину; полуглухая дверь, исполненная в том же стиле, что и наружные: перемычка опирается на круглые колонны с капителями.

Освещение храмов.— В первом зале второго наоса окошко слева; в вестибюле потолка, по-видимому, не было, и залы освещались не прямо, а один через другой.

Оба наоса обнесены стеной, составляющей продолжение стены дромоса; существовала еще и вторая ограда, видимо в форме террасы, т. е. плоская, как... Эта наружная стена, соприкасающаяся со скалой, выше внутренней; в толще стены прорублена дверь.

На наружной стене второго наоса сохранились выступы: возможно, между этой стеной и внешней оградой существовало какое-то перекрытие.

За дверью во внешней ограде еще одно огороженное прямоугольное пространство, примыкающее к храму с правой стороны; в него можно войти также через другую дверь, расположенную на одной линии с пилоном храма. Что это было за сооружение?

Бейт-Эль-Уали. (Описание смотри у Шампольона-младшего в «Письмах о Нубии».)

Тафа. Вторник, без четверти шесть утра.

Два храма, нежные полутона; один из храмов целиком застроен деревенскими хижинами.

Местные жители приносят нам молока, цыплят, корзиночки и щиты из кожи крокодилов и бегемотов.— Женщина, несущая на голове кувшин с молоком и на левой руке ребенка, правая рука оголена.— Здоровенная баба продает Жозефу голубей; у нее мужицкие руки, курносое лицо, множество мелких косичек, ко-

сички слеплены в черные, блестящие от жира лепешки; изгиб коричневой спины, медное кольцо на большом пальце.

Несколько пальм, горы вдаль, утреннее солнце.

Каргаси. 9 часов утра. Неподалеку от развалин храма, посреди каменоломни египетская часовня; все вокруг испещрено греческими надписями. В окрестной пустыне отпечатавшиеся на камнях следы ног; есть отпечаток детской ступни. Да, по-видимому, это было местом паломничества.

Демит. Во второй половине дня прогулка по берегу реки, под пальмами, среди полей.— Толстая баба.

Дебод. Среда, утро. Храм. Сохранилась анфилада из трех порталов. Храм сильно разрушен; он не был завершен, во многих местах стены не коснулся резец, гладкие прямоугольные камни обрамляют двери, ожидая, что на них высекут сферу и урей. В затененном углу ковыряю землю пальмовой тростью: нахожу половину коровьего копыта. Со стены слетела белая птичка с черной головкой и хвостом и села прямо передо мной; когда все ушли, прилетели еще две и уселись на капитель левой колонны.

Перед отплытием негр-колдун с приплюснутым носом предсказывает нам судьбу. Перед ним неглубокая корзина с песком, пальцем он рисует на песке круги и расходящиеся от кругов линии. Он нагадал мне, что «в Асуане я получу два письма, что обо мне все время думает одна пожилая дама, что я намеревался отправиться в путешествие с женой, но, поразмыслив, поехал один; что тяга к путешествиям борется во мне с приверженностью к дому, что у меня на родине есть некое влиятельное лицо, желающее мне добра, и что по возвращении я буду осыпан почестями».

Филе. Прибыли в пять часов вечера.

Отправляюсь с Жозефом в Асуан, через пустыню. Опасаясь гиен, мы вооружились до зубов; ослы наши бодро трусят, впереди с фонарем бежит мальчишка лет двенадцати, изумительно грациозный и проворный, в длинной белой рубахе. Синее небо усыпано звездами, они горят огнем, настоящая восточная ночь! Справа появился араб на верблюде, он пересек дорогу и стал быстро удаляться; ехал он с песней.

В Асуане нас ждал здоровенный пакет, но писем для меня не оказалось; я получил только «Габриэль»

Ожье¹. Все остальное — письма Максу и Сассетти; меня постигло горькое разочарование. Назад возвращаемся через деревни, расположенные у порога: мальчишки-вожатые боятся пустыни из-за хищников.

Четверг, 11-е. Палатка наша стоит на восточном берегу острова, там, где мы причалили. — Неожиданно к нам нагрянули Мурье и Вильмен, оба в белых шляпах, с ними Абдалла, бывший слуга в отеле Брошье, и доктор из Асуана; последний усаживается в обществе слуг, обед проходит за фривольной болтовней, расходимся в три часа. — Переплываем на берег в деревню Баб; поднимаюсь на гору, осматриваю гробницу святого Кубет-эль-Хауги. Позирую на крыше мечети Келей-Разун-Саха. — Надо было видеть физиономию старика Фергали, когда он объяснял нам, что ничего не смыслит в фотографии и что это дело не по нем.

Пятница, 12 апреля. Проходим пороги. В лодке множество людей, как и тогда, когда шли вверх. Есть там и священник, он стоит, раскачиваясь, на планшире правого борта и беспрестанно читает молитвы. Тревожная минута: закрепленное на перлине судно уходит носом под воду, точно пробка, устремляющаяся вниз по желобу водяной мельницы.

В полдень подходим к Асуану, я умираю от голода. Обедаем в кафе, подают жареную рыбу и финики. Чудо, что за обед! — Цирюльник. — Отправляемся с визитом на судно вышеназванных господ².

Возвращаемся по пустыне. — Стоим на Филе субботу, воскресенье, понедельник. — С утра никуда не выезжаю, одолевает тоска. Господи боже мой, отчего она преследует меня повсюду! Во все время моих странствий она шла за мной по пятам и вместе со мной возвратилась домой! Крепче, чем отравленный плащ Деяниры к спине Геракла, прилепилась к моей жизни хандра, разве что разъедает она ее чуть медленнее!

В понедельник отчаянный хамсин, красные облака, небо потемнело, песок наполнился горячим ветром; сжимается грудь, и на душе печаль; как жутко, должно быть, сейчас в пустыне.

Здесь, на Филе, трудно сдержать возмущение при виде разоренных религиозных святынь; это напоминает

¹ Эмиль Ожье (1820—1889) — французский драматург, в пьесе «Габриэль» высмеивает романтические устремления женщины из буржуазной среды.

² Имеются в виду Мурье и Вильмен.

мне известные издания произведений классической литературы, в которых вымараны целые эпизоды, сочтенные непристойными. В последнем зале большого храма прекрасные изображения Исиды, кормящей Гора; в первом дворе сохранилось множество восхитительных деталей. В одном из залов второго этажа — сцены бальзамирования: в правом углу — коленопреклоненная плакальщица, в отчаянии простирающая руки; за условными каноническими формами проступают жизненные наблюдения художника. — Малый храм Хатор: самое замечательное — это знаменитая надпись: «Страница истории не должна быть запятнана» — и примечание к ней: «Страница истории не стирается».

Вторник. Отправляемся в путь через пустыню; пять верблюдов везут наш скарб. — Дважды останавливаемся у колодцев; на второй стоянке подле большой чаши лежит маленькая дохлая мышь.

Прибыли в Асуан почти одновременно с Максом, который спускался с порогов на шлюпке.

Асуан. Среда, 17-е. Прогулка по Асуану. Купил у торговки хлебом серебряное кольцо; уличные торговки хлебом, как правило, бывшие альмеи. Несчастный малый по имени Султан, изъеденный, обезображенный оспой; мне приходит в голову отправить его в Каир.

С заходом солнца отправляемся к дамам: одна из них Азизе, другая — смешливая особа маленького роста, третья — высокая с оспинками на неподвижном лице; за нами наблюдают матросы и еще целая толпа любопытных, собравшихся на звуки дарабукки, — это нам мешает. — Все три альмеи повторяют столь поразившее нас в первый раз движение головой, когда кажется, что шея вот-вот соскользнет с позвонков. Мы закрываемся с танцовщицами, и они танцуют «пчелку», от которой осталось лишь название; Жозеф уверяет, настоящую «пчелку» он видел только однажды, да и то в исполнении мужчин. Танец, который демонстрируют нам, заключается в постепенном обнажении с криками: «Ин ни а о! Ин ни а о!»¹

Четверг, 18-е. Утром к нам нагрянули губернатор Асуана Малим-Халиль с сыном и назир Ибрима; они пришли в надежде получить бутылку арака; покупаем для Малима-Халиля оку² табаку. Все они отъявленные негодяи, и воздаваемые им почести только оттеняют

¹ Берегись, пчелы! Берегись, пчелы!

² 1 ока — 1,236 кг.

их низость. Предпринимаю шаги в пользу султана, наталкиваюсь на явное недоброежелательство. Узнав, что он сможет уехать и вылечиться, бедняга бросился целовать нам ноги, он плакал и глядел на нас с обожанием. Незаслуженная благодарность вызывает чувство неловкости, это как бы награда за жертву, которой ты не приносишь, испытываешь стыд и ощущение, словно ты в долгу у благодарящего.

В 6 часов вечера Хасанин нес балку и сломал ногу; он упал, как подстреленная птица. перевязка на песке, при свете факелов. всю ночь слышны его стоны: «Каваджи! Каваджи!»

Пятница, 19-е. Утром судно наше вытаскивают на берег для починки, а мы гуляем по острову Элефантина. Сидим под пальмами в западной части острова.— Одноглазый мальчишка гоняется за другими, в руке у него пальмовый лист, конец которого заплетен хлыстом.— Обедаем в асуанской кофейне.— Мимо бредут верблюды. Солнце и соломенные циновки над головой.— Кто только сюда не заходит! — Напротив нас сидит кавас (русский) в сапогах с загнутыми носами.— Дело было в полдень, в мечети пел мулла. Хасанина переносят в лодку; покидаем Асуан.

Кубанийя-эль-Абу-Арис.— Пристаем к берегу в 6 часов вечера, поднимаемся по откосу в сопровождении Мансура.— Силуэты людей среди пальм; длинные алые полосы в небе. Бледная зелень озер сливается с синевой неба, пальмы напоминают снопы или фонтаны; с наступлением ночи они постепенно темнеют. На Ниле кое-где белеют паруса, на востоке невысокие розовые горы.

Что, если представить себе лес из белых, точно пучки страусовых перьев, пальм?

После молитвы у мужчин на лбу и на носу остается пыль от челобитий.

Ком-Омбо. Прибыли в субботу, 20-го, во второй половине дня.

Руины храма подступили к самой воде; Нил в этом месте изгибается влево; напротив храма — песчаный островок; слева — поля, обнесенные изгородью из сухого тростника, затем несколько деревьев и большой серый поселок с двумя прямоугольными голубятнями; дальше пустыня и полоска гор на горизонте.

Храм поглощен песками. На потолке повторяющиеся изображения ястреба, красивая Исида, человек

с движениями пловца, остатки голубого цвета росписей. Сохранилось тринадцать колонн, сплошь покрытых уреями, которые встречаются здесь чаще других эмблем. На портике храма ладья, посреди нее шар, а в нем человек, сидящий на корточках, в другом месте такая же сидящая фигура изображена внутри полой тыквы; на сохранившемся участке стены из строительного камня, расположенном в стороне от храма, близ реки,— по-видимому, это то, что осталось от пилона,— многократно повторенное изображение креста; в углублении между двумя участками стены ряды крестов чередуются с рядами человечков внутри круглых сосудов с иероглифическими надписями. В секосе¹ на дверном ригеле надпись по-гречески гласит, что Птолемей и Клеопатра посвятили этот секос Аполлону и другим богам; остального мы не смогли разобрать.

Среди имен путешественников — С. Шаслу-Лоба, французский офицер, 1825 г., и Дарсе, дата неразборчива. Имя выбито маленькими дырочками на фасаде храма с правой стороны, на высоте человеческого роста.

Пока я, зайдя с тыльной стороны, разглядывал потолок, стоя лицом к Нилу, прилетела птичка и уцепилась лапками за иссохший, свисающий в расселину потолка тростник. Маленькие живые пичуги залетают в храм поглядеть на изваяния ястребов.

Сзади, оттуда, где лежит в руинах какое-то сооружение из кирпича-сырца, выехал человек верхом на белом коне; он проехал мимо храма и скрылся в проломе кирпичных руин слева, со стороны деревни.

Эль-Махамид. Вечером поднимаемся в Эль-Махамид.— На ужин съедаем арбуз.— Черный кот, которого Жозеф подобрал в Асуане, начинает мне надоедать; Хасанин как безумный ворочается на матрасе, сколько ни увещевают его лежать спокойно.

Каменоломни в Сильсиле.— Чистейшее издевательство! Отвесные стены обтесанной скалы. Солнцепек. Пот градом льет с нас на песок.

Храм Гебель-Сильсиле.— Выдолбленная сводчатая галерея, по стенам — боги: по шесть на торцах и три в нишах.— Что касается раскопок, мы потерпели разочарование: не везде, где простукивается пустота, хра-

¹ Святилище.

нится клад. Многочисленные дыры в стенах, проделанные арабами.

Понедельник, 22 апреля. Хамсин. На Ниле волны, как на море. — К вечеру остановились в Идфу, точнее, в полумиле от Идфу, поскольку и деревня и храм отстоят от берега (левого).

Идфу. Деревня кольцом оцепила гигантский храм, местами вползла на него. Огромные пилоны, самые большие из всех, что я видел; внутри пилонов по нескольку залов. Справа красивая Исида. Если стоять над дверью пилонов, открывается вид на ряды колонн по бокам двора. Земля во дворе неровная, кучи серой пыли.

Великолепный вид с верхней площадки пилонов: на север уходит дорога на Исну; внизу под нами деревня, дома, крытые соломенными циновками. Повсюду одни и те же сцены — жизнь идет своим чередом: женщина поит осла из половой тыквы, две козы спшибаются лбами, мать несет ребенка на плече или готовит еду. Сверху на пилоне имена французских солдат.

Жители деревни превратили храм в отхожее место.

Свет проникает в залы пилонов сверху, через огромные бойницы, скользя по каменным плитам.

На крыше пронаоса примостились деревенские дома, от ушедших в песок колонн видны лишь капители: смешанный египетский орден чередуется здесь с пальмовыми листьями. Малый храм находится рядом, но найти его оказалось нелегко, так как он целиком поглощен песками. Храм разрушен, от него сохранилась лишь одна колонна, да и та собранная из обломков. На стенах росписи: Исида, кормящая Гора. В Идфу, как и на Филе, Исиду изображают с удлиненным книзу лицом, пухлыми щеками и острым носом; это тип лица Береник и Арсиной, портреты которых якобы и запечатлены в росписях.

Неподалеку от берега амбар, целые горы зерна; на скалах лежат пальмовые стволы, по которым можно взойти наверх.

Эль-Каб. Среда, 24-е. С утра отправились в гроты. В большинстве своем они не представляют интереса, однако в двух сохранились остатки весьма любопытных росписей с изображением сцен сельской жизни; особенно интересна одна из них: в глубине, в нише, три бога или богини, те двое, что по бокам, протянули

руки за спину среднего, словно поддерживая его; на правом панно сидящие на коленях, точнее, на корточках мужчины и женщины нюхают лотос; человек, убивающий быка, изображенного головой вниз, у быка распорото брюхо и видны окровавленные ребра; сидящие царь и царица (вполовину натуральной величины), рука царицы лежит на плече мужа, другой она держит его за руку, ножки кресел в виде львиных лап. На женщинах род длинной блузы, доходящей до икры, очень открытой, с широкими лямками на плечах наподобие наших больничных халатов.

На правой стене бредущие в поле ослы, один опустил голову, щиплет чертополох, другой повернул морду и смотрит назад; стадо свиней, стадо коз и козел, намеревающийся покрыть одну из них; колесница: лошадь наподобие английского скакуна, голову держит высоко, ноги изображены так, как если бы ее остановили на полном скаку.— Земледельцы: пахари за плугом, затем сеятели; великолепна поза сеятеля, брошенные зерна летят желтыми струями; зерно сгребают в кучу, засыпают в длинные мешки; быки ходят по кругу и обмолачивают зерно; как поется в песне: «Молотите, быки, молотите, будет вам солома, хозяевам мука» (см. «Египет» Шампольона, Фижак, Юнивер питореск).— Сбор винограда: изогнутая лоза; мужчины несут на головах корзины с виноградом; виноград давят досками, скользящими вверх и вниз вдоль деревянных стоек, вино собирают в глиняные сосуды.— Приготовление гусей, которых кладут затем в горшки; выпотрошенную сушеную рыбу наклеивают на стену.— Лодка, весла с круглыми лопастями; человек, падающий в воду головой вниз.

Паруса у древних египтян.— Натянутый парус крепился к колесу, установленному на крыше каюты.— Другие лодки тащили на веревках.

Росписи эти, нарушающие жесткие каноны египетского искусства, чрезвычайно заняты.

Почти у самой воды ограда из кирпича-сырца футов в тридцать толщиной; с трудом угадываются остатки некогда стоявшего на этом месте храма, который Мухаммед-Али повелел разобрать на строительство своего дворца в Исне.

В 10 часов двинулись дальше.

Целый час шагаем под палящим солнцем по белой земле пустыни. Горные склоны, гигантские цир-

ки.— На пути туда говорим об Абд-аль-Кадере, а на обратном — о парижской национальной гвардии.— Кое-где на небе облака, тончайшей пеленой струится яркий белый свет, грандиозное зрелище!

Малый храм богини Хатор: головы в париках, как в малом храме в Ипсамбуле¹; довольно хорошо сохранившиеся росписи. В глубине слева большой голубой бог с перьями цесарки (Нил? Амон?). Вокруг храма вырезанные отпечатки ступней. Отпечатки эти еще никем не исследованы, при виде их я всякий раз испытываю волнение: как много говорит о прошлом обыкновенный след ноги!

Долго наблюдаю за тарантулом, он ползет задом наперед; глаза огромные, страшные, зеленые, казалось, он изумлен видом двух таких больших существ, как мы; потом он скрылся в своей норе.

Другой храм, сводчатый спеос; к нему ведет лестница. Внутри полнейшая разруха. Жозеф собирает помет газели, пахнущий мускусом и пригодный для курения.

Вижу совершенно белого хамелеона; он прячется под камень, я поднимаю камень, и он бежит по белой земле; Макс убивает его ударом палки по шее. Возможно, что дорога, по которой мы идем, была некогда руслом Нила и в эти скалы утыкался лот, а потом Нилу стало скучно в песках, и он изменил течение. (Земля и камни сплошь покрыты гуано, издали кажется, что это и есть их естественный цвет.)

Четверг, 25-е. Хамсин продержал нас целый день на якоре в Сабайе.

Исна. Прибыли в пятницу 26-го в 6 часов утра. Пасмурно, белое небо, затянутое облаками.

Часов в десять в канжу поднялась Бембе; правый глаз у нее завязан, мы даем ей свинцовой воды. Она пришла одна: барашек умер. Задами города идем к Рюшук-Ханем, Бембе выступает впереди.

У Рюшук-Ханем.— Все те же дом, двор и обветшалая лестница, только она не стоит наверху, полуобнаженная, в лучах солнца.— Слышно, как она приветствует Жозефа; Зенев поливает двор водой. Поднимаемся на второй этаж, ждем. Тишина, духота.

Вот и она, без фески, с непокрытой головой, без ожерелий, мелкие косички разметались; головка у нее

¹ См. коммент. на с. 109.

маленькая. Вид утомленный, словно после болезни. Она повязывает голову платком и посылает за своими ожерельями и серьгами, которые, как и деньги, она отдает на хранение; дома она не держит ничего — боится воров. Обмениваемся любезностями. Она много о нас думала, мы для нее как сыновья, она никогда не встречала такого любезного каваджи.

В комнате еще две женщины: у одной крупный прямой нос, она сидит слева, поджав ноги; другая — миниатюрная, чернокожая, довольно миленькая в профиль, но танцует весьма скверно. — Уже знакомый нам старик-музыкант, а с ним другой, белобородый, и его жена; старуха играет на тамбурине; это учительница танцев, она все время делает знаки маленькой танцовщице, сердится, отбивает такт, дает указания. У нее широкая приветливая физиономия старого евнуха. Танцует, исполняет род драматической пантомимы, присущей танцам ее предков.

Танцует Рюшук. Движение шеей, как это делала Азизе, и, кроме того, то восхитительное античное па — одна нога поднимается впереди другой.

В ее комнате на первом этаже в качестве украшений наклеены на стену два ярлыка: один изображает Славу, раздающую венки, а другой испещрен арабскими письменами. Она, как и в первый раз, возмущается моими усами: такой маленький рот не следует скрывать. Расставаясь, обещаю зайти попрощаться перед отъездом.

Во дворе какой-то негодяй с повязкой на глазу протягивает руку говоря: «Ruffiano»¹; даю ему три пиастра.

Уношу с собой беспредельную грусть; как и в прошлую встречу, она натерла себе грудь розовой водой. Все кончено, больше я ее никогда не увижу, и образ ее будет постепенно стираться в памяти!

Торговые ряды. — Почти всю вторую половину дня сижу в кофейне и глазею на толпу; по площади проходит похоронная процессия.

Печь для выведения цыплят. Длинная сводчатая галерея, по бокам — печи, нагреваемые с четырех сторон посредством специальных желобков. В середине, под дырой в своде, через которую проникает дневной свет, — отверстие. Первые четырнадцать дней яйца лежат под

¹ Сводник (ит.).

печью; на четырнадцатый день их выкладывают на печь, где на двадцать второй день вылупляются птенцы. На земле кишат цыплята, точно скопище бело-желтых червей; чтобы дать нам пройти, их раскидывают ногами.

Странное ощущение извращенности; органический процесс подменяется искусственным — в жизни ничто меня так не удивляло: человек здесь, можно сказать, сам творит жизнь.

Пятница, 26 апреля. Коптский монастырь Мучеников. Погода скверная, отправляемся в монастырь Мучеников в миле от Исны; идем, петляя по нивам, со стены нас встречает лаем взъерошенный косматый арманский пес. Жозеф стучит камнем в ворота, монах-копт открывает их. В крытом коридоре, ведущем во двор, стоит осленок. Монастырь состоит из ряда прямоугольных помещений с купольными сводами; свет проникает в них через отверстия в потолке, пол повсюду устлан циновками из пальмовых листьев. Романские строения монастыря очень древние, они имеют форму громадных кубов, похожих на гробницы. — Металлический столб, на который кладут Евангелие. В углу — грубоватая кафедра. Полумрак придает картине таинственность и непроницаемость. — Два старика, один из них одноглазый, прислуживают четыре или пять мальчиков; таково примитивное христианство.

Мы повстречали в монастыре заезжего священника-абиссинца, возвращающегося из Иерусалима, высокого, худого, с миндалевидными глазами и длинным орлиным носом — красивое лицо индусского типа; у него чухотка, которую выдает его болезненная худоба. Он томится, скучает по родине. Египет представляется ему адом.

Разговариваем с ним об Абиссинии. Как я уже слышал раньше, там чрезвычайно распространена кастрация. В Абиссинии более двадцати царьков. Недавно абиссинцы уничтожили целый турецкий гарнизон, стоявший на острове против Массауа. Хождение по абиссинским горам опасно для европейцев, путешествующих малочисленными группами, поскольку леса там арендуются для охоты на слонов. Он много рассказывает о дешевизне продовольствия в Абиссинии. Расставаясь, мы желаем друг другу после долгого пути возвратиться в родные края. Было ли ему суждено

увидеть свой дом? Что до нашей с ним религиозной общности, она представляется мне ничтожной; подлинная общность в языке: человек этот куда ближе мусульманам, нежели мне.

Возвращаюсь босиком, поскольку сапоги мне чудовищно жмут. Не доходя до канжи, на полпути между Исной и дворцом Мухаммеда, останавливаюсь посмотреть на горы. Прозрачный розовый свет лился на низкие голые холмы, бледнея на их сером фоне, отчего холмы казались укутанными бледно-желтыми, надутыми снизу парусами.

В наше отсутствие к нам заходили Рюшук-Ханем и Бембе.

Вечером отправились поохотиться на колпиц на другой берег Нила, но неудачно.— Кругом рослые бескрайние пески, над ними луна — и мы посередине.

Богатый человек возвращается домой.— Губернатор Асьюта направляется из Исны на ночлег в правительственный дворец; он едет верхом, со свитой, впереди два человека несут фонари. Их фигуры выделяются на фоне стены, освещенной пламенем горящей смолы, кругом копошатся темные тени. Искры поднимаются вверх и падают позади них.

Воскресенье, 28-е. Ранним утром покинули Исну и, несмотря на ветер, шли целый день на веслах.

Арман. Понедельник. Храм и деревня расположены в доброй полумиле от берега.— Поле, усеянное турецкими могилами.— Гробница святого, позади нее скотина на лугу.— Руины храма; капители колонн облеплены голубями, прилетающими с окрестных голубятен; голубятни эти сделаны из сухих веток.— Жара.— Фотографирование.— Чищу подносы.— Эффенди Мустафы-бея — полный молодой человек с большими глазами, при нем сумка с бумагами; он провожает нас до лодки, ведя осла под уздцы; угощает нас арабским творогом, отвратительным, на мой вкус.

В 8 часов вечера прибываем в Луксор.

ФИВЫ

Прибытие в Луксор. Мы пришли в Луксор в понедельник 30 апреля, в половине девятого вечера; встала луна. Сходим на берег. Вода в Ниле низкая, между рекой и деревней обнажилась длинная полоса

песка; взбираемся на береговой откос оглядеться. К нам подходит мужчина невысокого роста, предлагает быть нашим гидом; спрашиваем, говорит ли он по-итальянски. «Si, signor, molto bene»¹.

Громада пилонов и колоннад выделяется во мраке; позади двойной колоннады взошла луна, низкая и круглая, она замерла на горизонте, будто бы стараясь специально для нас получше осветить бескрайнее плоское пространство.

Бродим среди руин, которые кажутся гигантскими; со всех сторон яростно брешут собаки, и мы держим наготове камни или обломки кирпича.

Обширная равнина позади Луксора, в стороне Карнака, походит на океан; при лунном свете французская миссия сверкает белизной, точь-в-точь как наши рубахи; воздух теплый, небо струится звездами; они расположились сегодня полукружиями, точно половинки бриллиантовых ожерелий, в которых то там, то здесь не хватает камешка. До чего же беден наш язык! Сравнить звезды с бриллиантами!

Луксор. На другой день, во вторник, осматриваем Луксор... Город можно разделить на две части, граница проходит по пилонам храма: налево от них — сплошь современные постройки, а справа дома уютятся среди руин, на них или же в них. Между капителями колонн втиснулись хижинки, в могучих листьях лотоса кудахчут куры и гнездятся голуби; один дом от другого нередко отделен стеной из кирпича-сырца или ила, по стенам с лаем носятся собаки. Мелкая будничная жизнь копошится на обломках великой.

Сохранились три ряда колонн, два ряда маленьких и один — больших; капители больших колонн — грибовидные, на маленьких — бутоны лотоса.

Пилоны.— Карниз отколот, он сохранился лишь внутри дверного проема. По бокам от входа — два колосса, по грудь ушедшие в землю; полностью сохранились только плечи левого колосса; сделаны они, по-видимому, были очень искусно, если судить по головному платку и ушам. Третий колосс у правого пилона целиком занесен песком, осталась на поверхности лишь полированная гранитная макушка головного убора, сверкающая на солнце, как трубка немецкого фарфора. Против пилонов, лицом к ним, стоят деревян-

¹ «Да, синьор, очень хорошо» (ит.).

ские дома с голубятнями; голуби выпархивают оттуда и, хлопая крыльями, усаживаются на пилонах. На левом пилоне изображена битва: колесницы выстроены в ряд, т. е. вследствие отсутствия перспективы нарисованы находящими друг на друга, кони вздыблены; падают попеременно люди и кони; царь (крупная фигура) стоит на колеснице, запряженной парой лошадей, и стреляет из лука, за спиной у него опахало; он находится в самом центре сражения, поодаль — люди, стоящие в большой ладье. Человек на колеснице (фигура средней величины) правит с английским шиком, вытянув руки вперед. На правом пилоне полустершиеся колесницы и воины; сидящая фигура (крупная), по-видимому, принимает пленных. Левый пилон запечатлел сражение, а правый — триумф. Подле левого пилона стоит великолепно сохранившийся обелиск; он разукрашен струйками птичьего помета, растекающимися книзу наподобие гипсовых подтеков; в Египте птичий помет заменяет наши мхи и лишайники: природа напускает его на архитектуру, это ее форма протеста. Обелиск, перенесенный в Париж, стоял перед правым пилоном. Теперь же он торчит посреди площади Согласия и, должно быть, ужасно скучает, тоскует по своему Нилу! Что думает он, глядя, как вместо древних колесниц, проплывавших некогда у его подошвы, мелькают вокруг кабриолеты?

Подняться по внутренней лестнице пилонов нелегко, камни лежат углом, как в коридорах пирамид. Сверху мы видим Жозефа в белой рубашке, удобно расположившегося на циновке возле мечети; к мечети примыкает род продолговатой площадки или террасы, устланной циновками. Чтобы подняться на пилоны, мы прошли через мечеть; малолетние ученики сидят там, скрестив ноги, раскачиваясь и что-то бормоча тонюсенькими голосами; учитель читает нараспев фальцетом; основание лестницы пилона оказалось внутри мечети.

Сад Присса.— Заходим в бывший сад Присса, принадлежащий ныне шейху абабде. Каменная ограда, увитая виноградом; пальмы то ли карликовые, то ли просто маленькие. В саду мелькают слуги-негры. Нам преподносят букет олеандра. Когда мы направляемся к выходу, один негр преграждает нам путь, требуя денег, именно поэтому мы ему ничего не даем.

Французский сад, посаженный офицерами из Луксора. Стены утыканы сухими листьями алоэ. Круглые

шапки апельсиновых и лимонных деревьев, над ними высятся стройные пальмы. При виде зелени я ощутил неизъяснимую радость. Нам преподнесли маленькие зеленые лимончики и пучки мяты. После обеда отправляемся в Карнак.

Карнак. При первом знакомстве показался мне замком великанов, каменные решетки на окнах свидетельствовали об исполинском размахе всего сооружения; гуляя по лесу высоченных колонн, задаешься вопросом, не подавали ли здесь на обед людей, нанизанных на вертела наподобие жаворонков. В первом дворе, за двумя большими пилонами (если идти с Нила), лежит упавшая колонна, точно опрокинутая стопа гигантских игральных шашек. Возвращаемся по аллее сфинксов; все до единого обезглавлены. Белые с желтыми клювами стервятники кружат над холмом, завидев падаль; справа трое из них стоят неподвижно и наблюдают за нами.

Мимо нас крупной рысью проносится араб на верблюде.

Закат в Луксоре. На закате отправляюсь в маленькую бухточку на Ниле неподалеку от французского сада; вода гладкая-прегладкая; мошка крылом и то потревожила бы ее. Козы, бараны, буйволы приходят сюда на водопой, маленькие козлята сосут матерей, пока те пьют, у одной козы сосцы забраны в мешок. Женщины приходят по воду с большими круглыми кувшинами, несут их на голове; одно стадо сменяет другое, скотина блеет и мычит на разные голоса, постепенно все расходятся и наступает ночь; на песке то тут, то там фигура молящегося араба. Серые горы на другой стороне (Ливийская пустыня) окутаны синей дымкой; на воду ложатся фиолетовые воздушные покрывала, затем они постепенно белеют, на землю спускается ночь.

Первое посещение Мединет-Абу. После ужина переправляемся на другой берег Нила и идем в Мединет-Абу подстергать гиен у подножия горы. Завернувшись в пальто, укладываемся среди камней под открытым небом (и каким небом!); Жозеф всю ночь болтает с проводниками; неподалеку привязан для приманки барашек, купленный в деревне (на этом берегу); наутро мы находим его целым и невредимым.

В 6 часов утра завтракаем прямо во дворце молоком и крутыми яйцами. Позади огромного дворца высятся

гора; она кажется высеченной рукой того же зодчего, который возводил дворец.

Господин Роза.— Идем с визитом к господину Роза, греку с Лемноса, торговцу древностями. Надо поистине ненавидеть растительность, чтобы жить в таком пекле; место более всего походит на обжигательную печь; лают собаки, ворота долго не открываются. Во дворе, в левом углу, развернутые мумии: один держится обеими руками за фаллос, у другого рот перекошен, а плечи вздернуты так, будто он умирал в конвульсиях. На первом этаже в комнате с низким потолком лежат мумии в гробах: очень красивый гроб женщины с коричневой росписью; две мумии в закрытых гробах. Старый грек живет среди них, у него слезятся глаза, и он вытирает их платком; разговариваем о политике, о событиях в Греции, он приносит греческие газеты и тихим голосом зачитывает выдержки из них.

Колоссы Мемнона очень велики, однако впечатление оставляют слабое. Никакого сравнения со сфинксом! Отчетливо видны надписи по-гречески, прочесть их не составило труда. Приятно созерцать столь знаменитые камни, смотреть на которые приезжало великое множество людей. Сколько всяких буржуа устремляли на них свои взоры! Каждый при этом что-нибудь изрекал, после чего удалялся.

К трем часам вернулись на канжу.

Долина Бибан-эль-Молук. На другой день, в четверг 2 мая, в 6 часов утра тронулись в путь на лошадях. Мне выдали английское седло, на мне высокие сапоги и широкие полотняные панталоны, как у турецких солдат. Наслаждаюсь верховой ездой. Осмотрели храм в Курне и гробницы фараонов в Бидан-эль-Молуке. По дороге в Царскую долину поистине каннибальский пейзаж; мы медленно поднимаемся по дну оврага, окаймленного лысыми горами, склоны их точно обрублены, из-под копыт сыплются обломки камней, стремена жгут ноги.

Столкновение с шейхом по поводу оттисков в маленькой гробнице в Курне.— Смерч. Он поднимается вверх, как столб дыма, закручивается винтом, точно штопор, и вскоре заволакивает все вокруг; мы заворачиваемся с головой, лошадям явно не по себе.

Идем на ночлег во французскую миссию.

Французская миссия. Квартал состоит из сплошных развалин, на краю его живут девицы легкого поведения.

Нам предоставили две комнаты. В первой камин, там обосновывается Жозеф. Абдульмине (сторож) и матросы располагаются на циновке.— Справа маленькая комната для занятий фотографией; наша комната слева, в ней диван и балкон с видом на Нил.— За Нилом видна цепь Ливийских гор.— Визит к губернатору по поводу истории с шейхом в Курне.— Во второй половине дня скачем в Карнак (седло отбило мне все ягодицы), чтобы отметить, какие надо делать оттиски.

Вечером губернатор наносит нам ответный визит.

В субботу утром прогулка по Луксору: кофейня, славные, очень приветливые турки; арнауы играют мелкими ракушками на каком-то приспособлении наподобие шашечницы с углублениями; один арнаут заставляет лошадь подниматься по лестнице; турок в красной куртке угощает меня бузой.

Выезжаем в Карнак.— Поселяемся в зале фараона, том самом, где жил доктор Лепсиус.— Маленький зеленый пруд, где каждую ночь плавает золотая ладья с золотыми фигурками людей, берег его порос острым колючим тростником. Максим купается.— Вид его обнаженного тела на берегу.

Устраиваюсь спать на улице, постелив на камни матрас. На мне всего лишь одна нубийская рубашка; сияют звезды.— Сторожа.— В темноте различаю одного из них над моей головой.— Отвратительно тявкают шакалы, их множество.— Скрежещут тарантулы.— Ночью шакалы расхитили наши съестные припасы.

Воскресенье, 5-е. Наблюдал за оттисками во дворце. Покончив с этим тупым занятием, пошел прогуляться вокруг Карнака с северной стороны. Пил воду из источника близ гробницы святого; вода хранится в большом кувшине, ее черпают глиняной миской. Гробница устлана циновками, посередине — могила; здесь место отдыха. Чудо как хороши эти гробницы!

Чуть дальше деревня (слева, между Карнаком и Нилом), в ней видна пальма, изогнутая хлыстом. Вдали под пальмами идут быки. Справа северные ворота; тут была еще одна аллея сфинксов, остался лишь круп одного из них. Рельефные изображения на этих воротах, как и на восточных, сохранились плохо.

Вечером нам наносит визит эффенди, хозяин здешних мест; он отпускает бороду, одет во все белое, рубашка с широкими рукавами; ему, похоже, очень жарко; то и дело проводит ладонью вдоль руки, руки и ноги

у него жирные. Справа от меня присел, скрестив ноги, слуга-негр с копьём в руке, ружье лежит в углу, за поясом ятаган.

Понедельник. Снова делаем оттиски. Средство поглотило цель, праздный отдых на солнышке не столь бесплоден, как это занятие, к которому вовсе не лежит душа. Когда мы заходим в малый храм (эпохи Птолемеев) слева от входа, какой-то весельчак верхом на осле стреляет в нашу честь из пистолета, заряженного порохом; пистолет у него старательно обмотан тряпками и вложен в кожаный чехол.

Отправляемся на прогулку вдоль Нила. На берегу женщины с большими глиняными горшками на головах; река беспокойна, лучи солнца скользят по воде и слепят глаза. Когда мы возвращались в наше карнакское жилище, впереди нас бежал мальчишка голышом, волоча за собой палку и поднимая клубы пыли. Вечером к нам снова зашел наш знакомый эффенди: он родом из Багдада, мы ему очень нравимся, и он соглашается принять в подарок «для своего отца» коробочку пилюль из шпанской мушки. А днем он прислал нам яиц, молока, кур и барашка. При нем негритенок: куртка из дама, круглые глаза навывкат, налитые кровью.

Мединет-Абу. Ограда эпохи Птолемеев, два пилона.

Слева вход во дворец в виде двухэтажного павильона. Второй этаж опирался на консоли в форме человеческих голов; окна фасада низкие, вытянуты в ширину, боковые выше и уже. С внутренней стороны павильона изображен царь, держащий в руке побежденных и ведущий их к богам; у побежденных прически дикарей.

В первом дворе небольшой прямоугольный храм, имевший некогда два этажа и располагавшийся внутри дворца. Вокруг сплошь развалины арабских построек, от которых рябит в глазах. Если стоять спиной к Нилу, то слева видны белые горы, впереди, за дворцом, возвышается Ливийская пустыня, справа — колоннады храма Аменхотепа, несколько тоненьких пальм на краю; позади этого зеленого мыска горы начинают понижаться и у самого горизонта сменяются длинной полоской пальм. На переднем плане маленький белый храм, погребенный среди черно-серых обломков старых арабских домов. Еще ближе, справа от меня, — высокий павильон с черными прямоугольниками затененных окон.

Третий двор был некогда окружен колоннами, сохранились остатки лишь пяти из них: стволы поломаны и лежат на земле бесформенной грудой. На восточной и западной сторонах — четырехгранные столпы; с севера и юга — мощные колонны с цельными круглыми капителями. На западе стоит второй ряд колонн с гладкими капителями, кольца капителей синие; на колоннах в середине двора капители в виде листьев лотоса.

Потолок галерей выложен крупными плитами, окрашенными в синий цвет и испещренными белыми звездочками.

Внутри ворот пилонов изображен Осирис в виде ястреба, с большими крыльями и присущими ему атрибутами, все в голубом цвете.

Фигуры в галереях. Южная сторона. Наверху три группы:

1. Лодка, которую несут люди, изображенные почти в натуральную величину, тела написаны красным цветом. Весла лежат одно на другом на носу лодки наподобие распростертых крыльев. Была ли в этом намеренная аналогия с Осирисом-ястребом?

2. Колонна людей, идущих попарно и несущих веревку, середину веревки держит человек с уреем на голове; тела нарисованы красным, ожерелья голубые. Впереди идет человек, держащий в руках прямоугольник.

3. Люди, несущие посылки, на которых между колонн стоят фигуры меньшего размера. Очень хороши нижние фигуры с обнаженными головами. Позади носилок идет человек, как бы возглавляющий шествие, в руке у него жезл, увенчанный двумя ленточками и птицей.

Внизу: фараон на колеснице, спиной к лошади; лошадь останавливают люди ростом не выше ее носа; на голове у нее перья и лотосы, на спине попона с продольными голубыми полосами. Что за шарик изображался всегда на холке лошадей? Осененный двумя большими опахалами, фараон стоит лицом к подданным, выстроившимся в три ряда; ему подносят отрубленные руки и фаллосы; фаллосы изображены внизу, на земле, видно, что они не подвергались обрезанию. Человек с палкой или, скорее, с ножом под мышкой пересчитывает их, позади него стоит писец и регистрирует. Приводят пленных, у некоторых руки связаны

над головой, на них голубые и зеленые туники с двумя белыми поперечными полосами; лица угловатые, заостренные бородки, а с висков, продолжая линию волос, свисают на уши подобия рогов, концами загнутые внутрь.

Восточная сторона.— 1. Сумятица битвы, как на пилоне в Луксоре, колесницы и т. д.; поверженные воины с рогами, какие описаны выше. Человек вверх тормашками под брюхом царского коня, прическа дикаря. Не знаю, что у него на голове, перья или стоящие торчком пряди волос, какие мы видели у абабде; борода тоже остроконечная. Большая колесница фараона, лошадь вздыбилась, попона с голубыми и красными поперечными полосами. Вожжи завязаны у фараона на бедрах, он держит лук и спускает стрелу; под колесницей тело воина. Внизу широким шагом идут войска.

2. Фараон на колеснице, статный конь, ноги что у английского скакуна, попона в клеточку наподобие шотландской. Фараон стоит, в правой руке хлыст, совсем коротенький, такой достанет разве что до зада коня.

3. Пеший фараон ведет закованных в цепи пленников к Амону, держащему в руках ниломер.

Северо-западный угол.— Люди с ветками в волосах, как на порогах.

Северная сторона.— Красивая лодка с бараными головами (Амон) на носу и на корме; к шеям баранов привязаны двумя веревками прямоугольники, заканчивающиеся бахромой или бубенцами; вокруг шеи три кольца, завитые как шерсть.

Красивая лодка, нос и корма которой украшены рогатыми человеческими головами и кольцами.

Наружная сторона пилона, обращенная к горе почти целиком, завалена обломками арабских жилищ. Камни лестницы в этом пилоне расположены не так, как внутри пирамиды или в луксорском пилоне, они лежат прямо; вдоль лестницы вьется лента иероглифов.

Второй двор.— На левом (если стоять лицом к горе) пилоне фараон приводит пленных к богу; у некоторых из пленников прически совсем как у дикарей; правый пилон исчерчен иероглифами.

По левой стороне — колонны, по правой — столпы.

Боковые галереи двора почти целиком засыпаны, иероглифы высечены очень глубоко. Остатки росписи.

Максим возвращается на канжу за бумагой, мы собираемся заночевать возле колоссов. Я сажусь на лошадь и в одиночестве отправляюсь на прогулку по окрестностям Мединета; поднимаюсь к скальным гробницам. Из грота выходит лисица, шурша как змея, ползущая по камням, поднимается по отвесному склону, оборачивается и спокойно глядит на меня; я достаю лорнет, и мы смотрим друг на друга. Через десять минут на спуске такая же встреча с шакалом. На холме стоит человек с собакой.

Спускаюсь к Нилу.— Деревня с голубятнями. Два чудовищных арманских пса набрасываются на мою лошадь.

Проводим ночь в палатке подле колоссов; неистовствует ветер, донимают комары, засыпает пыль.

Утром выезжаю верхом по направлению к ипподрому в сопровождении нашего проводника Омера (высокого, сухого, добродушного человека в твердой конусообразной шляпе светло-серого фетра, придающей ему сходство с персепольскими священнослужителями. Головной убор этот — предшественник фески; если обернуть его шарфом, получится точь-в-точь старинный тюрбан, каким его изображают на гравюрах. Омер курит маленький чубук из черного узловатого дерева).

Широкая голая равнина, лошади ступают по твердой пересохшей земле, равномерно изрезанной длинными трещинами.

Храм, обнесенный стеной из кирпича-сырца времен фараонов, облицован в римском стиле. В этом римском здании стоит наос эпохи Птолемеев.— Возвращаемся галопом через Мединет-Абу, джигитуем с Омером.— Арабы наши расположились у подножия колосса.— Господин Роза наносит нам визит: белый тюрбан, белая рубашка, белый хлопчатый зонт, в руке чубук и белая палка с наконечником собственной работы.

Когда грузились, чтобы перебраться в Рамессеум, один из верблюдов взбунтовался и помчал по полям, теряя поклажу; одна нога его попала в железный ковш, и тот лопнул, как браслет, стол Брошье разлетелся на кусочки.

Отправляемся с Жозефом в Луксор.— Малим.— Кофейня, с удовольствием курю наргиле.— Что за славный народ арнауцы!

Храм Аменхотепа III.— Колоссы как в Ипсамбуле, только без бахромы на бедрах. На внутренней стороне

ворот храма — большое сражение, люди, воздевающие руки с выражением наивности. Сражающийся всадник? Шампольон утверждает, что, за редким исключением, кавалерия не отражена в египетских памятниках; не есть ли это то самое исключение? Вопросительный знак, который я обнаружил в своих записках, означает, насколько я помню, что позади война есть, возможно, место для колесницы. Однако мне кажется, что нет.

Подземные или скальные усыпальницы.— Несомненно, это самое любопытное в египетском искусстве.

Жанровые сцены и т. д.; музыканты с мандолинами (мандолины с очень длинным грифом), флейтами, арфами; обнаженные потаскухи, похотливо раскинувшие бедра, колени обратившие внутрь; на них прозрачные платья, это напоминает гравюры Девериа 1829 года. Скабрезная гравюра существует, стало быть, с незапамятных времен.

Длинный коридор в том же гроте; на правой стене обнаженный мужчина (красный) в лодке, он собирает лотосы; над его головой склоненная ветвь с сидящим аистом, картина исполнена изящества и оригинальности.

Пахнет молочной фермой и летучими мышами. Одни гроты протянулись вширь, другие только вглубь. В них живут люди, бегают голые дети, цыплята и т. п.; в некоторых местах двери сделаны из крашенных досок гробов.

Земля под ногами испещрена дырами, как решето, что-то чудовищное.— Фиванская равнина: посередине два колосса со спины; справа четкие очертания Мединет-Абу, сужающегося с этой стороны. За равниной синий Нил и Луксор; ни с чем не сравнимое сочетание руин и пейзажа; дальше — горы с белыми изрезанными вершинами и розовой глазурью по голубому фону (голубой цвет преобладает). Слева вдаль — смутный силуэт Карнака; под нами — храм Аменхотепа (или Рамсеса); чуть дальше — Курна, каменная облицовка низкой крыши, которая кажется еще ниже оттого, что вокруг выросли бугры земли, вынутой из дыр.

Спим в Рамессеуме, окруженные могучими колоннами, повернувшись лицом к пилоу. Звездное небо, тьяканье шакалов перемежается собачьим лаем.

Курна. Рядом черный зловонный грот.— Со стороны Нила пальмы подступают к самому храму.— У входа в Рамессеум несколько маленьких пальм.

Приходит шейх, раздраженный историей с маленькой гробницей.

Бибан-эль-Молук. Из Курны отправляемся в Царскую долину. Белая земля, солнце, от верховой езды потеет крестец. Омер идет пешком впереди меня. Наш лагерь разбит у входа в гробницу, обозначенную номером 18. При входе портреты Мустафы-бея (похож на кюре) и Лаллемана работы Дантана-младшего, январь 1849 г.— Арабы лежат на земле и тихо разговаривают, Сассетти спит на свернутых коврах, Макс пошел к Бельцониевой гробнице. (Пятница, 10 мая, 3 часа пополудни.)

Гаргар.— Гаргар — сухой, крепкий старик, любитель арака и глиняных ваз. Сильным, утверждает он, может быть лишь тот, кто пьет спиртное, и именно в этом кроются причины превосходства европейцев над мусульманами. Для большей убедительности он бьет себя кулаком в грудь, валит наземь других арабов, а повалив, делает вид, что собирается совершить содомский грех. Он поручает нам засвидетельствовать его почтение офицерам в Луксоре, к которым он очень расположен.

Охотники на гиен. Их лица. Маленький старичок с седой бородой и улыбчивым лицом, на ногах добротные красные башмаки; спутнику его 36 лет, обут в сандалии; фитильное ружье, отталкивающий тип, встретиться с таким неприятнее даже, чем с гиеной. Бурдючок с водой составляет все их продовольствие на три-четыре дня; убив гиену, они съедают ее, а шкуру берут с собой. Скверное состояние нашей обуви понуждает нас отказаться от охоты на гиен, хотя занятие это весьма любопытное.

На все время моего пребывания в Мединете мне дают в саисы девочку лет десяти-двенадцати, ей положено бежать рядом с лошадьёю на рыси и на гопе: в результате я вынужден ехать шагом. Выходит, здешние родители еще глупее наших?

18. Менептах. Большой зал с мумиями.

По всему периметру на высоте груди консоль, на которой стояли мумии.

На верхнем архитраве, справа от входа, труба, над ней пскент, под ней крюк.

На стене справа от входа: люди в лодке окружают Амона, одеты в рубахи с клетчатыми бретельками: квадратики цвета индиго на голубом фоне.

Большая зеленая змея с черными пятнами, на вершине каждого ее изгиба — по человеческой голове: красное лицо, волосы цвета индиго (или черные), борода цвета индиго (или черная), широкая полоса продолжает линию верхнего века от уголков глаз до ушей. Таких голов четыре. Под пастью змеи крест; из огромного красного глаза спускаются четыре черные линии. Что хотел изобразить художник — слезы или складки кожи?

На среднем поясе свернутая эллипсом пятиглавая змея; внутри эллипса лежит человек со скарабеем на голове.

На нижнем поясе — змеи, стоящие на хвостах, из пасти льется струя, образующая крюк. Змеи красные в черных пятнах; на бордюре бледно-красный крюк с черной каймой.

На дальней от входа стене — вертикально вытянутые уреи, поджатые хвосты опираются на стойки с раздвоенным основанием.

Средний пояс: четыре барана с синим руном и желтыми телами, на голове пскент, перья, шар.

Ряд голов на кронштейнах. Что это, генеалогия?

У каждого кронштейна разные иероглифы, следовательно, изображения не повторяют друг друга, хотя и схожи между собой.

Лодка, которую тянут по реке; в центре изогнутая дугой змея, а под ней Амон с крюком в руке.

Левая сторона, верхний пояс: на камне лежит зеленый крокодил, шкура его великолепна; камень пятнистый, на краю его, под мордой крокодила, человеческая голова, в другом месте, примерно под лапой крокодила, человеческий глаз, две головы и два непонятных мне знака.

Средний пояс: подобия кроватей с человеческими головами по концам.

Посередине этой восхитительной залы стояло некогда два столба: один был опрокинут доктором Лепсиусом, на всех четырех гранях второго изысканная роспись: боги с зелеными лицами, кулаки на груди, локти расставлены, в руках скипетры и хлысты.

В углах залы под опоясывающей консолью нарисованы диваны с мордами леопардов и львиными лапами.

Налево от входа женщина-змея.

Большой зал в глубине: на потолке роспись в светлых тонах.— Крокодил, пожирающий тифона: крокодил стоит спиной к нам на задних лапах, опираясь передними на плечи тифона. Потрясающий памятник древней религии!

Перед этим залом есть справа еще небольшое помещение (зал мумий расположен слева): на стене против входа бык, под ногами у него целое столпотворение, люди доходят ему до колен. Над быком и вокруг него белая стена; на ней вырезаны ножом имена путешественников, одни поверх других, и потому столь же непонятные, как и иероглифы на трех других стенах.

16. Вход труднодоступен. Один-единственный зал с пустым гранитным саркофагом. Карандашная надпись гласит, что Бельцони, Стрэлтон Бичи и Беннет присутствовали при его вскрытии 11 октября 1817 года.

На правой стенке — мужчины без рук, несущие фигуры меньшего размера.

У мужчин зеленые волосы и черные бороды; по концам палки, которую они несут, быки, с голов их свисают веревки; четыре человека держат веревки, один из них в белом фартуке (тело красное), безбородый.

На стене против входа, в углу, красивая женщина: тело написано желтым, желтые и зеленые браслеты на запястьях, желто-зеленое ожерелье, в черных волосах желтый скарабей.

Бог с головой ястреба, увенчанный пскентом (тела написаны красным), ведет фараона к сидящему Амо-ну-Ра. Подле него, спиной к нему, сидит на троне бог, держащий крест и ниломер (тело написано красным, черная голова скарабея); от колен спускается какой-то отросток — весьма распространенная деталь.

На той же стене дверь маленького склепа, и на ней три персонажа стоят, опустившись на правое колено, прижав левую руку к груди. У первого голова шакала, у второго человеческая, у третьего ястребиная; тела красные.

На левой стене маленькие черные мумии, голова одной лежит на ногах другой. А дальше, в натураль-

ную величину, фараон между богом с головой шакала и богом с ястребиной.

В правом углу каждой стены неперемное изображение змеи, то свернутой кольцами наподобие цепочки восьмерок, то вертикально извивающейся в бордюре картуша.

Справа и слева от этого зала обвалившиеся недоступные помещения.

9. Зал с саркофагом.— Руки, раздваивающиеся от локтя и с мольбой простирающие каждая по две ладони к шару, из которого выходит побег, перекинувшийся к другому шару; под аркой побега стоит красная фигура с бородой и остроконечным колпаком с пуговицей.

В других местах головы и воздетые вверх руки.

Голова и две огромные несоразмерные руки. На больших пальцах рук стоит по человечку, тянущему руки вверх, а на голове женщина с простертыми руками; над ней красный шар.

Обезглавленные фигуры со связанными руками, должно быть, не просто изображали пленных, но имели какое-то высшее символическое значение.

Над дверью вестибюля перед залом саркофага: шар с четырьмя змеями; слева — мужчина, изогнувшийся, будто рубит дрова; справа — мужчина со связанными руками на коленях; выше, справа, мужчина со связанными руками, головой вниз, рядом другой такой же. Слева, на месте четвертого, нечто неразборчивое.

Коридор слева.— Люди или, вернее, души поднимаются по лестнице, наверху которой восседает Амон со всеми своими атрибутами; фигура с весами. Дальше изображена в лодке душа, принявшая обличье свиньи, и фигура, прогоняющая ее хлыстом.

6. Коридор слева.— Крокодил в лодке; на спине крокодила — человеческая голова с красным лицом и синими волосами; от подбородка идет линия, на конце которой — остроконечный колпак с пуговицей. Нос корабля имеет форму подобного остроконечного колпака и увенчан перевернутым пскентом; нос и корма отделены от крокодила вертикально стоящими веслами, получается такая последовательность: корма — вертикальное весло — крокодил — весло — нос. Напротив, на правой стене, грузчики.

В правой части коридора нарисована очень красивая мумия со сломанным фаллосом; она изображена

наклонно, точно в падении, руки воздеты к небу, во-круг нее обвилась змея; фон желтый в красную крапинку. Что это: внезапная смерть? кара небесная?

Неподалеку летящие стрелы, оставляющие след в виде змеи.

В воскресенье 12-го покинули Бибан-эль-Молук.

Понедельник, 13-е. Выехали верхом вдоль залива, что справа от французской миссии, если стоять спиной к Нилу. Объезжаем французский парк сзади, затем сильно отклоняемся к югу. Привал в саду; согнувшись, проходим под низкими кронами. Усаживаемся на куче сухих пальмовых листьев; нам приносят миску простокваши и горячие хлебцы в плоской корзинке; простокваша растекается, миска колышется, Макс втыкает сухие веточки в трепещущие молочные сгустки; получается норвежский пейзаж, где простокваша заменяет снег, а палочки — оголенные тополя.

Ручей Сакира течет перед нами, на мне высокие сапоги из русской кожи, курим чубук, разговариваем.

Еще раз проезжаем через Карнак по южному берегу пруда. Не могу не взглянуть снова на нашу комнату и на камень, на котором я спал в ту звездную ночь. Карнак кажется мне сегодня особенно прекрасным и огромным. Грустно расставаться с камнями! Отчего?

Кена. В четверг 16 мая канжа наша пристаёт к песчаному берегу Кены, где нас уже поджидает барон Готтбер, невысокий человечек в синем турецком мундире. Обедаем с ним. Этот день и весь следующий готовимся к походу в Кусейр.

Наносим визиты господам Фьорани и Ортали, доктору, которого застаем в одной рубашке и в грязном колпаке.— Долгий обед у папаша Исса, за которым обсуждается стоимость перехода через пустыню.— Грек, уроженец Кио, содержатель бакалейной лавки на улице, продолжающей торговые ряды, той самой, где живет Осна Тауиле; она просит привезти ей из Кусейра вяленой рыбы. Она моет рот марсельским мылом, тогда я видел это впервые. Покупаем бурдюки, моем их в рукаве Нила позади Кены. Бегая за покупками по базару, Жозеф растянулся во весь рост. Придя к Фьорани, узнаем, что Готтбер чуть было не убил нескольких человек: его ружье выстрелило само; мы его об этом предупреждали. На голове у него накручен тюрбан, на руках хлопчатобумажные перчатки —

от солнца, в руке трость; он отправляется в пустыню устанавливать телеграфную связь между Кеной и Кусейром.

КУСЕЙР

Суббота, 18 мая. Просыпаемся на рассвете; у берега стоят четыре лодки джеллабов. Рабы идут по берегу группами человек по 15—20, их ведут двое. Когда я сел на верблюда, Хаджи-Исмаэль подбежал пожать мне руку. Человек, протягивающий руку ездуку на верблюде, — таков один из самых прекрасных жестов на Востоке, исполненный в минуту отъезда торжественности, строгости и грусти. Жители Кены еще не встали; у дверей своих домов увешанные золотыми монетами альмеи метут порог пальмовыми ветками, покуривая утренний чубук. Тусклое солнце, затянутое дымкой хамсина. Слева — горы Аравийской пустыни, они кажутся отвесными; впереди — сероватая пустыня, справа — зеленая равнина. Сначала идем по краю пустыни, затем возделанная земля постепенно отдалется вправо, а мы углубляемся в пески. Через четыре часа доходим до рощицы пальм-гасис, окружающей вытянутое строение с аркадами галереи на первом этаже: это караван-сарай Бир-Амбар. Завтракаем у могилы святого, сидя на циновках, отдыхаем.

Прибыли в Бир-Амбар в половине десятого, вышли в половине двенадцатого.

Перед галереей караван-сарая два длинных каменных желоба, где пьют верблюды. В тени сидят арабы, едят, молятся, спят; верблюды, как и люди, прячутся под деревьями, все вперемешку, где нашлось место, там и отдыхают, чтобы снова продолжить путь.

Земля неровная, каменистая, дорога пересохшая; куда ни бросишь взгляд, всюду пустыня; погонщики поют, песни их завершаются свистящими, гортанными звуками, понукающими верблюдов. На песке множество параллельных тропинок, вьющихся одна подле другой: это следы караванов, каждый верблюд оставляет за собой тропинку. Тропок таких бывает иногда 15—20, чем шире дорога, тем их больше. Время от времени, приблизительно каждые две-три мили (впрочем, без особой регулярности, попадаются темно-желтые, цвета сиены площадки, словно бы покрытые лаком, — это

места, где верблюды отправляют свою нужду. Жарко, справа надвигается вихрь хамсина, он идет со стороны Нила, где еще можно различить несколько пальм, растущих на берегу; вихрь растет и приближается к нам, словно огромное вертикальное облако; прежде чем окутать нас, оно нависает над нашими головами, в то время как основание его еще далеко. Все оно красноватых тонов: от коричневого до бледно-красного, вот оно объяло нас целиком; навстречу нам идет караван, мужчины в тюрбанах (женщины закутаны в покрывала), прижимаются к шеям верблюдов; они проходят совсем близко от нас в полном молчании, точно призраки в облаках. По спине пробегает холодок ужаса и восхищения, я нервически смеюсь, вкушая неизъяснимое наслаждение; должно быть, я был очень бледен в ту минуту. Когда караван поравнялся с нами, мне показалось, будто верблюды не касаются ногами земли, а, повиснув в красной пыли, продвигаются одной лишь грудью, словно корабли, или же ступают по облакам, проваливаясь по самое брюхо.

Время от времени встречаются новые караваны. Сначала появляется длинная полоса, едва отличимая от линии горизонта; затем эта черная полоса поднимается выше, и вскоре на ней возникают маленькие точки; точки продолжают ползти вверх и оказываются головами идущих в ряд верблюдов; вся линия равномерно покачивается. Верблюжьи головы в фас похожи на страусиные.

С юга дует жаркий ветер; солнце походит на блюдо из потемневшего серебра; нас настигает второй смерч, темно-серый, как дым пожара, а у основания совершенно черный. Все ближе, ближе он и вот накрывает нас с головой, словно занавес с завитками оборок и широкой черной бахромой внизу. Ветер дует с неистовой силой, чтобы не свалиться, цепляемся за седло. Когда проносится шквал, на нас обрушивается град малюсеньких камешков, верблюды разворачиваются к нему задом, останавливаются, ложатся. Снова продолжаем путь.

Приблизительно в половине восьмого вечера верблюды резко поворачивают и направляются к югу. Несколько минут спустя мы различаем во тьме приземистые хижины, вокруг которых спят верблюды, — это деревня Эль-Хета. Здесь есть колодец с водой, пригодной для верблюдов. Десяток бесформенных хи-

жин из камней и соломенных циновок — жилища абабде. Несколько коз ищут среди камней чахлую травку, голуби клюют остатки верблюжьей соломы, вокруг хижин бродят вразвалочку стервятники. Спрашиваем молока — не дают. — У одной негритянки грудь свисает ниже пупа, да настолько дрябла, что, видать, кроме кожи, там ничего и нет; если баба эта встанет на четвереньки, грудь будет волочиться по земле.

Спим на земле, подстелив плащи. В 3 часа я просыпаюсь, в 5 отправляемся в путь. Сначала час идем пешком.

В середине дня четырехчасовой отдых в Гамсе-Шемсе, в небольшом гроте, образованном в результате обвала; сплю, лежа на спине. Когда, потягиваясь со сна, я поднимаю руку, ее обдаёт жарким ветром, словно дыханием печи; седельные шишки раскаляются, их приходится обматывать платками. Около четырех часов пополудни обнаруживаем на черной скале справа иероглифические таблицы, дополненные греческими надписями: жертвоприношение Амону-прародителю и Гору. Горы подступают все ближе, мы идем по широкому коридору. Вечером светит полная луна, тени верблюжьих шей покачиваются на песке. В половине десятого проходим мимо большого сооружения, обнесенного стеной, — это колодец Эль-Хаммама, вырытый англичанами. Полчаса спустя останавливаемся на ночлег после одиннадцатичасового перехода.

В понедельник, 20-го, вышли в половине пятого. Горная теснина, подъем, спуск. На середине пути расщелина, в ней высохшая пальма-гасис с ободранной корой; поодаль еще несколько маленьких пальм в цвету. Один из наших погонщиков, схватив пустой бурдюк, бежит вперед; через час, никак не меньше, находим его в Бир-эль-Сэбе (колодец-замок, закрытый колодец). Колодец представляет собой углубление фута три диаметром; чтобы подойти к нему, надо подлезть под скалу; воды мало, да и та земляная; колодец расположен в очень узком месте, перед подъемом, если идти из Кены. Не доходя до него шагов десяти, расположился на коврах старый турок со своими слугами и женами. Возле колодца лежит на боку и хрипит верблюд; он упал в колодец и переломил хребет, хозяин вытащил его, и вот уже три месяца, как этот верблюд издыхает. Когда хозяин проходит здесь, он дает

ему поест, арабы подносят ему воды; у колодца останавливается множество паломников, только поэтому беднягу верблюда до сих пор не растерзали хищники.

Вот попадаетеся встречный караван; теснина столь узка, что трудно разойтись, начинается сутолока, приходится спешиваться и вести верблюдов под уздцы. Дорога трудная, какое-то время вынуждены идти пешком; путь то и дело преграждают скелеты верблюдов, обтянутые кожей и тщательно выеденные изнутри — это работали крысы; обглоданный скелет покрыт нетронутой кожей, тонкой, словно луковая шелуха, иссушенной солнцем, натянутой как барабан. В пустыне бесчисленное множество крысиных нор.

Дорога становится шире, проезжаем мимо разрушенного караван-сарая Окель-Зарга (фиолетовый караван-сарай). Кругом ни звука, нестерпимое пекло, пощипывает руки, как в парильне; шагах в двадцати от нас мерцает углерод, дымится футах в трех от земли. Без четверти двенадцать останавливаемся на отдых под большой скалой розового гранита, где притаилась в теньке целая стайка куропаток; это место называется Абу-Зирам (отец кувшинов). Мы съедаем арбуз, который Жозеф купил утром в Бир-эль-Сэбе; дыплят приходится выбросить, они протухли. Накануне мы уже выкинули баранью ногу. Не успели бросить, как на нее налетел стервятник и принялся рвать на куски. В течение дня нам попадаетеся множество куропаток.

Вечером верблюд Жозефа взбеленился и понес, вот он промчался слева от меня, слышу испуганные вопли Жозефа, и его белая куртка скрывается в ночи; устремляемся за ним; верблюды, похоже, готовы, следовать примеру их товарища. Жозеф возвращается пешком. Продеваем веревки в ноздри иступленно дрожащих верблюдов и почитаем за благо остановиться на ночлег. Мы располагаемся на горе Дауи (светлое и открытое место), слева от нас простирается небольшая долина.

Во вторник 21-го вышли в 4 часа утра; спускаемся. Караванов встречаеся все больше, горы вокруг белые с широкими коричневыми полосами. В 8 часов приходим в Бир-эль-Бейда (белый колодец, по цвету окружающих гор) или Бир-Инглис (английский колодец, его вырыли англичане). Вокруг колодца становье абабде.— Лачуги из глины и соломенных плетенки.

Место просторное, равнина в горах. Обнаженный юноша в одних только серых от грязи и пыли полотняных трусах берет моего верблюда (привычное резкое движение руки вверх!) и поит его; он опускает в колодец бурдюк на веревке, а когда достает его, из многочисленных дырочек струится вода. Отверстие колодца обнесено стенкой, сложенной из камней, широкой у основания и наклонной; вытаскивая воду, юноша опирается о стенку ногой. Верблюды пьют много и неспешно, они не пили уже трое суток. Нас тоже мучает жажда, а вода отвратительна! Абабде не хотят продавать молоко — это их единственная пища.

Дорога сворачивает влево, спускается; окаймляющие равнину известковые горы напоминают Мукаттам. Небо затянуто облаками, воздух влажен, чувствуется близость моря, одежда отсыревает. Мне не терпится добраться до места, как это бывает со мной всегда, когда я приближаюсь к цели: обычно мое терпение иссякает в прихожей. Падает несколько капель дождя. Через час после стоянки у колодца мы оказываемся в зарослях тростника и высоких болотных трав, там с наслаждением пасутся ослы и верблюды; повсюду в траве бегут ручейки, оставляющие на земле соляной осадок; это Эль-Амбеджа (Место, где есть вода). Горы понижаются, мы сворачиваем вправо. Красноватая скала слева, при входе в широкую долину, ведущую нас по камням, а затем по песку до самого Кусейра. Не в силах сдерживать себя, я соскакиваю на землю, бегу по камням, взбираюсь на бугры, чтобы поскорей увидеть море. Сколько раз уже я точно так же напрасну терзал себе душу бесплодным нетерпением! Наконец я замечаю бурую полосу моря на фоне серой полосы неба. Красное море!

Снова сажусь на верблюда, и мы идем по песку до самого Кусейра. Можно подумать, что песок нагнало сюда, в долину, ветром с моря или что здесь был когда-то морской залив. Вдали виднеются мачты, суда здесь, как и на Ниле, невооруженные. Поворачиваем налево. На невысоких песчаных дюнах силуэты хищных птиц: сидят, перелетают с места на место. Море и суда справа, а впереди белые дома Кусейра. Справа перед поворотом несколько пальм, обнесенных белой стеной,— это сад. Глаза ему не нарадуются!

Вступаем в город: погонщики берут верблюдов под уздцы, арабы выстраиваются по бокам, уступая нам

дорогу. Останавливаемся у папаши Элиаса, брата Сии из Кены. Это седобородый старик, христианин из Вифлеема, лицо открытое и доброе, он французский поверенный в здешних местах. На пороге дома нас встречает господин Бартелеми (старший сын), секретарь консульства в Джидде; одет он неряшливо, на голове соломенная шляпа с белой хлопчатой тульей. Нас поселяют в небольшом флигеле, одно окно которого выходит на море, другое — на улицу, третье — во двор, заполненный зерном. Море, которое я вижу из окна, скорее зеленое, нежели голубое. Арабские барки с перегруженной кормой и легким, задранном как можно выше носом.— Появляется господин Метессье, французский консул в Джидде, шея втянута в плечи, пахнет мускусом, из чего я заключаю, что у него заволочка; он болтлив, скучен, мрачен, все знает, со всеми знаком, давал советы Казимиру-Перье, Тьеру, Луи-Филиппу... Жаль его! Еще в пути мы узнали, что его путь завершился; он умер в Джидде, пробив там всего три месяца!..

Осматриваем город, он довольно опрятен и не похож на египетский.— Встречаются негры различных этнических групп: некоторые похожи на женщин, особенно один, я встретил его на гати (деревянном настиле на сваях, выступающем в море); у него были женские грудь, бедра, ягодицы, а череп сужался от висков наподобие пирамиды. Разновидностей негритянской расы, кажется, еще больше, чем белой. Сравните жителя Сеннара (индусский, кавказский, европейский тип, совершенно черный) с негром из Центральной Африки; рядом с последним гвинеец покажется Юпитером.

Люди эти ходят нагими, и весь багаж их состоит из одной миски (тыквенной); они бредут невесть откуда, иные годами находятся в пути. Доктор Рюппель видел в Кордофанах путников, которые шли уже семь лет. Бартелеми и Метессье нашли на дороге из Кены в Кусейр человека, полумертвого от жажды; он шел по пустыне уже год. Некоторые передвигаются с женами, те рожают в пути. Бухарские татары в подбитых мехом шапках просят милостыню; вид имеют отчаянных прохвостов, особенно один, обнажающий в улыбке рот без двух передних зубов. Мы встречаем их еще раз: они лежат в тени лодки и латают свои лохмотья. Нас постоянно преследуют странники, просящие подаяние, они, как голодные коршуны, кидаются

на арбузные корки и объедают их до зелени.— Есть негры непомерно высокие и столь же непомерно худые: кожа да кости, с виду они очень слабые; это еще одна разновидность расы.— Пирогии ловцов жемчуга, выдолбленные из стволов деревьев; весла состоят из шестов с набитыми на концы круглыми дощечками.— Гуляем у моря, возле выгашенных на песок лодок; многие сделаны из особой породы индийского дерева, желтого и очень твердого, все сбиты железными гвоздями.— Господин консул безжалостен: он не прочь прогуляться еще полчаса; я изнемогаю от него и от усталости. Такие любители прогулок пострашней любого хищника.

Обильный ужин и отвратная вода! А я-то мечтал напиться в Кусейре! Здесь все проникнуто запахом этой гадкой воды, запахом мыла и тухлых яиц, все, вплоть до отхожих мест, где пахнет не чем-нибудь, а кусейрской водой! Мы разбавляем ее араком, но и это не помогает. Сын Элиаса не садится с нами за стол; это юноша лет двадцати, с виду застенчивый и благочестивый, острый нос, поджатые губы. За столом прислуживает Саид, молодой евнух лет восемнадцати, на нем куртка в цветную полоску, голова не покрыта, волосы барашком, за кашемировый пояс заткнут нож, руки обнажены, на пальце серебряный перстень, остроносые красные туфли. Он подает кофе на подносе и, уперев левую руку в бок, говорит нежным голосом: «Фадда». Его напарник, долговязый болван по имени Абдалла, одет в лохмотья, не может даже толком снять нагар со свечи. До чего же хорошо мне спалось ночью на диване папаши Элиаса! Как это прекрасно, когда можешь вытянуть руки и ноги!

Среда, 22-е. Прогулка по городу. Здешние кофейни — это большие караван-сарай, точнее, окели; днем они пустуют; поблескивают наргиле из Мекки. Осматриваем судно, на котором должны отплыть наши приятели; пробираемся к нему под швартовыми (из пальмовой коры) множества других судов; нам помогают два парнишки, они поют на ходу. Барки на Красном море — это сущий ад: смрад, вонища, туда и ступить-то страшно; благодарю Бога, не довелось на них плавать. В качестве отхожего места там род балкона или деревянного кресла, крепящегося снаружи; в шторм оттуда, поди, смывает. Диван и каюта занимают заднюю часть, палубы нет, все завалено товарами. Матросы

играли в карты кожаными кружочками, на которых отпечатаны цветные изображения солнца, сабель и т. д. Вечером на закате купаемся в море. Что за купание! Плавание доставило мне истинное наслаждение.

В четверг, 23 мая, ранним утром выезжаем на ослах осматривать старый Кусейр, от которого ровным счетом ничего не осталось. С нами господин Бартелеми, Элиас-сын в широком коричневом балахоне, развевающимся на ветру (он очень ловко правит верблюдом), и Решид, янычар Метесье. Решид — курд, его взяли в плен в Хиджазе, и семь лет он вертел сакии. Он мечтает только о том, как бы повидать Париж и наняться на военную службу в Африку. Он без памяти влюблен и пассиву свою везет с собой в Джидду; однажды он уже прогонял ее за беспутство, но, проезжая через Кену, где она была публичной девкой, снова забрал себе. Он навьючил на себя целый арсенал и с удовольствием добавляет к нему и наши два ружья. Поссорившись намеренно с каким-то потомком Пророка, похвалявшимся своим происхождением, он снял туфлю, плюнул на нее, а потом ударил ей по лицу Магометова потомка, крича при этом: «Да плевал я на твоих предков, на Пророка и на тебя самого!» Второй янычар Метесье зовется Омер-Агой: высокий, в голубом платье, лицо худое; этот поумней своего брата. Море в старом Кусейре принимает какие-то несказанные оттенки от темно-коричневого до лазурного. Красное море более, нежели Средиземное, походит на океан. Сколько ракушек! Максим мучается несварением желудка, спит на песке; Бартелеми и Элиас-младший собирают ракушки. Пахнет морем. Мимо нас проносятся какие-то большие птицы. Солнце, солнце и голубое море; в песке большие куски перламутра.

В 4 часа прощаемся с отцом Элиасом; в редкие минуты мне бывало так грустно, сердце сжимается от горечи; отцу Элиасу тоже не по себе, его глаза увлажняются, он обнимает меня.

Ночевка в Эль-Бейда. Я ужинаю один, у Максима несварение, Жозеф подхватил лихорадку. Всю ночь дует сильный ветер.

Пятница, 24 мая. Окончательно стухнув в бурдюках, и без того тухлая кусейрская вода становится непригодной для питья, приходится довольствоваться ар-

бузами. Встречаем путников, едущих на верблюдах из Александрии в Кусейр; женщины бранятся между собой, кричат, размахивают руками. В 10 часов останавливаемся посреди широкой равнины в Эль-Мур, прямо на солнцепеке; веревкой кое-как привязываем накидки к чахлой пальме и пытаемся уснуть. Вечером, без четверти восемь, останавливаемся на ночлег в Эль-Мархаре (грот).

Суббота, 25 мая, *Бир-эль-Сэб*. Несчастный верблюд сдох и уже сделался добычей стервятников, они и сейчас не спускают с него глаз. Я бросаюсь к деревянной миске, опускаю в нее голову и жадно пью землянистую воду колодца, которая, однако, намного лучше той, что у нас в бурдюках. В половине одиннадцатого отдыхаем на лестнице большого колодца Бир-эль-Хаммамат. В 8 часов привал, располагаемся на ночлег в Курусу-эль-Бенет, несмотря на протесты наших проводников: они уверяют, что в эти места наведывается дьявол и что останавливаться здесь опасно. Ночью шакал утащил у нас часть продуктов, которые мы положили в холодильник.

В воскресенье, 26 мая, вышли в 3 с четвертью утра. Завтракали в Джите, ели арбузы.— Украдкой подобралась старуха, забрала корки.— Двинулись дальше без дневного отдыха.

В 4 часа пополудни прибываем в Бир-Амбер; последние три часа пути Жозеф бредил. Напиваемся вволю, всласть, укладываемся в тени под пальмами, тут же лошади, ослы, верблюды, куры, все это копошится и мешает спать.

В понедельник, 27-го, без четверти четыре утра выезжаем в Кену. Через два часа пути начинают попадаться люди и показываются вдали кенские голубятни. В 8 часов добираемся до нашей канжи, где нас ожидает теплый и радостный прием. Хаджи-Исмаэль, прощавшийся со мной последним, первым выходит встречать.

Шли от Кены до Кусейра 45 с половиной часов, обратно — 41 час с четвертью.

Кена.— Бегаю по делам, сил уже нет, баня.— Альмея (мамаша Морис)¹: глаза черные, подведенные сурьмой, лицо, окаймленное бархатными ленточками, рот впалый, выступающий подбородок; она источает

¹ Г-жа Шлезингер.

запах масла, одета в голубое. Живет она на самом конце улицы, в последнем доме. Снова встречаю Осну Тауиле, она дает мне понять, что у меня красивые глаза и брови, но усы мои ей, как и всем здешним дамам такого рода, явно не по душе.— Ужин у Фьорани.— Что за супруга у него! Позднее я узнал, что славного Фьорани уже нет в живых!

Вторник, 28 мая. *Дендера*. Пальмовый лес, поросший высокой травой; вынуждены обойти его справа.

Слева пилон, стоящий совершенно отдельно, а пилон храма разрушен, остались одни только ворота.

К храму ведет ряд коридора, образованного двумя стенками из кирпича-сырца — их возвели арабы в те времена, когда храм служил складом.

Позади храма груды развалин, бывшая некогда древней. Повсюду на капителях фигура богини Хатор. В правом углу малый храм Хатор.— На капителях пронаоса и в храме, расположенном позади большого, фигура кормящей Исиды: одной рукой она поддерживает грудь, другая величаво покоится на колене, большой палец отогнут, остальные сжаты.

Снаружи, с трех сторон храма, выступают головы сидящих львов, они опираются на балки.

Справа зал Тифона; фигуры Тифона с четырех сторон всех капителей. Он держит в руках две гирлянды лотосов, образующих люльку над его головой; на груди цепь с круглым амулетом, мне кажется, что это скорпион. Антитеза скарабея?

На четвертой колонне справа от входа, с той стороны, что обращена к стене, руки Тифона унизаны браслетами на запястьях и выше локтя, борода торчит в стороны, четко выделяются грудь, глубокая впадина пупка, а под ней пояс.

На фризе с трех сторон головы Тифона. Один Тифон, изображенный в профиль, по-видимому, поклоняется фараону (фигура с уреем и пскентом), сидящему на лотосе на арабский манер: ягодицы вровень с пятками.

Интерьер. Два зала: в первом небольшие, едва узнаваемые головы Хатор; во втором кормящая Исида, увенчанная пскентом и шаром.— Зал весь черный, пропитан невыносимым запахом летучих мышей.

Большой храм: в первом зале с обеих сторон три ряда колонн по три колонны в каждом; по бокам,

в верхних поясах,— зодиак на голубом фоне, звезды, боги в ладьях.

На колоннах полые тыквы и в них ключи. Избыток символики, головные уборы чрезвычайно сложны.

Дишна. Весь город — это разбросанные по полю домишки. Высокие голубятни. Мы попали сюда в «базарный день», торговцы стоят, разложив свой товар на ковре или прямо на земле.— Кофейня с большим деревом посередине; над головой дырявые циновки, на глиняных диванах сидят арнауы.

Эль-Бальяна. Не вижу ничего, кроме нескольких пальм. Отлыниваю от путешествия в Абидос. Во-первых, я измучен лихорадкой, преследующей меня со времени похода в Кусейр. И потом, откровенно говоря, храмы мне порядком надоели. Немаловажную роль в моем решении сыграл осел: я никак не мог с ним справиться и болтался на нем с боку на бок — словом, я вернулся на канжу и проспал целый день.

Господин Джорджи Френджи — невысокий полный человек с тяжелым задом, носит пиджак, разъезжает на осле с английским седлом. В разговоре весьма обходителен. Фьорани называл его «ловкачом».

Гирга. Река подтачивает берег и наступает на город. Вбираемся по вертикальному откосу, заваленному обломками домов. Поднявшись наверх, видим впереди серую-пресерую гору с крутыми боками; справа излучина Нила и зеленый луг с полосками пальм; слева пальмовая роща, минарет и руины мечети: ее словно бы рассекли пополам, обнажив профиль аркад. Чуть в стороне другой минарет и снова пальмы.

Городок этот был некогда больше Асьюта, но затем пришел в упадок.— Базар; белобородый старик-торговец продает нам абрикосы. Встречаем уже знакомого поляка из Асьюта, покупаем у него кипрского вина для приготовления абрикосов.— Заходим ненадолго к небезызвестным дамам, мебель обтянута бенгальским полотном.— Негритянка с младенцем, на ногах тяжелые серебряные браслеты, такие же, как у старухи из заведения; омерзительная физиономия.

Кислую мину раиса Ибрагима с его вырванным зубом надо было видеть уже на стоянке в Гирге, а 3 июня он и вовсе отказывается пристать к берегу: боится воров, чем вызывает у нас приступ неудержимого веселья.

Вот уже несколько дней не стихает крепкий встречный ветер.

Ахмим, вторник 4-е. На закате остановились в Ахмиме, осмотрели его бегом.— Кофейня с красивой деревянной решеткой.— От храма ничего не осталось.— Греческая надпись на камне, в темноте не разобрать, сохранилась ли она полностью.— Спуск, подъем, пальмовая роща; на другом конце города, там, где мы вошли, тоже пальмы.— Улицы широкие, дома довольно высокие, в целом ничего примечательного.

Асьют. Пятница, 7-е. Прибыли в половине пятого.

Доктор Куни¹; осматриваем мечеть с ним и аптекарем, здоровенным детиной с добродушным лицом, но опустившимся от пьянства и нищеты.— Мусульманин в гневе. Господин Димитрий в белой шляпе.— Сытный ужин.

На другой день обед и отдых у Куни, он огорчен, что не может пригласить танцовщиц: губернатор, правивший здесь до недавнего времени, разогнал их всех из пуританства.— Наносим визит Эми-бею, у него великолепный дом у самой воды. Внутри грязно, небольшие дворики, один за другим, ржут спутанные лошади. Эми-бей — суховатый старик, страстный патриот, республиканец, приверженец 93-го года, на дух не переносит священников, коих почитает актерами, ненавидит подлость и тиранию; лицо приятное, энергичное.— Ужинаем у доктора; у него есть малыш; спим на первом этаже. Внизу у лестницы скульптура.— Негритяночка в белом.— Есть нам подают на втором этаже, на веранде, выходящей во двор. Радужный, гостеприимный дом; расстаемся в воскресенье утром, снимаемся с якоря в Асьюте только к вечеру.

В понедельник и во вторник преотвратная погода.

Среда, 12-е. В 6 часов утра прибываем в Шегег'иль, откуда отправляемся осматривать гроты Самун или гроты Крокодилов.

Гроты Самун. Доезжаем на ослах до подножия горы и затем поднимаемся наискось. Великолепный вид на Нил, кругом бескрайние просторы, прекрасные в своей необъятности, нигде ни бугорка; на переднем плане склон горы.— Участок пустыни.— Бугры.— Спускаемся в дыру, приходится ползти на коленях,

¹ Врач, француз, проживающий в Асьюте.

сначала по песку, затем по камням; камни острые, грязные, скользкие. Болят колени, отовсюду сочится смола, ползем на животе, тяжело безмерно; одному тут не пройти, страх и отчаяние остановят хоть кого. Поворот, спуск, подъем; временами приходится скользить на боку, иначе не пролезть; то и дело переворачиваюсь на спину и ползу, извиваясь, точно змея. Шагов эдак за 200 до свалки мумий — иссохший труп араба, отчетливо видный до пояса: чудовищным образом перекошенное лицо, рот свернут набок и широко раскрыт, словно бы он кричит во всю глотку. Араб этот якобы пришел сюда вместе с одним магрибинцем, а как умер, неизвестно. Молва гласит, что он искал клад и его задушил дьявол. Еще несколько лет назад, пробыв в гроте пять минут, человек задохнулся; с тех пор, по-видимому, где-то открылся доступ воздуха. Сравнительно недавно тут возник пожар, он бушевал целый год; теперь здесь потому и сыро, что отовсюду сочится битум, сталактитами застывая на стенах; выходишь отсюда весь просмоленный; тот араб мумифицировался сам собой. Еще одно усилие, говорят мне, и я у цели; в темноте (свечи погашены) опираюсь на ноги мумии — они здесь вместо порога — и вхожу.

Беспорядочное нагромождение всевозможных мумий, потолок черный от смолы, по бокам тьма, под ногами все серо-желтое; сажусь, тяжело дыша и не переставая кашлять.

Они лежат навалом, одни на других, спокойные и недвижимые; под ногами хрустят кости, пошаришь рукой — нащупаешь руку. Сколько их подо мной, далеко ли до земли? Столько, что и представить невозможно.

Вылезать оказалось еще тяжелее, тем более что по дороге туда мы уже порядком устали. Вторая половина пути невыносимо тяжела... Выбираемся чуть живые, обливаясь потом, сердце стучит так, что, того и гляди, выскочит наружу, грудь сдавлена, ровно я сто центнеров на себе притащил; дело тут еще и в ни с чем не сравнимом гнетущем ощущении ужаса.

Весь поход занял у меня пятьдесят минут, а у Максима — ровно три четверти часа.

Возвращаемся. Чудесный ясный день, свежий ветер; нашим глазам открываются картины еще прекраснее тех, что мы наблюдали на подъеме, к тому же не приходится оборачиваться. Почти у самой вершины горы справа (когда поднимаешься) естественного про-

исхождения прямоугольная дыра; поутру на краю ее сидела какая-то крупная птица; наверху справа (когда спускаешься) есть участок, покрытый круглыми камнями, похожими на ядра. Матросы говорят нам, что это арбузы, которые бог превратил в камни. Зачем? Да так ему захотелось. Вот и вся легенда.

Амарна. Остановливаемся в Амарне (на карте не отмечена) в четверг 13 июня, в 5 часов вечера, на правом берегу.

Пальмы, излучина Нила, две лодки плывут вверх по течению слева от того места, где я сижу.— Мимо проезжают три девочки на одном осле, старшая на заду, самая маленькая на холке; шесть ножек болтаются, понукая осла.— Проезжает мужчина на верблюде; сзади сидит женщина, поджа ноги.— Чарующий вид, просторный, покойный.

Шейх-Абаде (Антиноя). Прибыли в пятницу 14-го, в 11 часов утра.

Громадная, ветвистая смоковница.

Не сохранилось ничего: дыры, серые холмики, редкие пальмы, вдали аравийский хребет.— Развалины бани, точь-в-точь похожей на арабскую; на земле — обломки мраморных колонн.

На деревенской улице лежит капитель смешанного ордена, посередине дома стоит колонна.

Антиноя из тех руин, о которых говорят: «А ведь здесь когда-то был город!»

Арабы торгуют какими-то нелепыми безделушками.— Рыжеволосая девчурка с широким лбом, большими глазами, шмыгает чуть приплюснутым носом, лицо необычное, чрезвычайно живое; другая девочка темноволосая, с правильным профилем, великолепными черными бровями, поджатыми губами. Что за находка для живописца эти две головки на фоне окрестного пейзажа! Только где же взять живописца и как скомпоновать группу?

Бени-Хасан. Суббота, 15-е. Жозефа с утра лихорадит, он остается в лодке. Идем по песку, затем поднимаемся в гору. Осматриваем две самые северные скальные гробницы. В первой — сцены охоты: лев, нападающий на антилопу, движения очень забавны; во второй тоже сцены охоты, но в худшем состоянии. Внутренние колонны исчезли. Три параллельных свода, выдолбленных в скале. У входа в обе гробницы — дорические колонны. Созидательная деятельность шей-

ха, достигшая здесь своего расцвета, мешает как следует рассмотреть гробницы.

Минья. Воскресенье, 16-е. Аптекарь-испанец. Моннье и его «подруга». — Г-н Нарцисс Пуарье. — Отец Антонини. — Полковой лекарь. Продолжительный отдых у Моннье.

Гебель-Теир. В понедельник 17-го, в полдень, вынуждены пристать напротив него; вот и коптский монастырь. На этот раз нас встречают не столь бурно: всего два-три монаха бросаются в воду просить бакшиш; те же жуликоватые физиономии, только нашего шута уже с нами нет!

Гарара. Среда, 19-е. Гробница шейха Амбарака. Крытое помещение, на земле потертые циновки; к потолку на веревках подвешены две лодки, одна большая, другая поменьше — приношения по обету.

Я долго сидел на пороге, спиной к деревне, прислонившись к подножию белой горы.

Эль-Фаин. Четверг, 20-е. Деревня отстоит от реки. Гробница шейха-Шеснерде, вокруг нее высокие деревья, слышны монотонные раскаты барабанов и цимбал; двое танцуют, а вернее, стоят друг против друга и раскачиваются справа налево, жеманно поигрывая шарфами: нечто среднее между танцем и радением, в общем, жалкое зрелище.

В самом городке ничего примечательного.

Пятница, 21-е, несносная погода.

Бени-Суэйф. Суббота, 22-е. Прибыли в 9 часов утра. А в восемь, когда мы только встали, в лодку влез маленький «святой», совершенно голый и мокрый: получив 10 пиастров, он стал с жаром обнимать нас.

В Бени-Суэйфе пополняем наши припасы. — У цирюльника встретился нам весьма любезный капитан. — Заведение разрушено; отправившись туда, я смог узнать лишь балку, о которую прежде чуть не убился. На улице видели пса с язвой на ухе, в которой кишели мухи и откладывали яйца. — Покупаем цыплят у старухи: тихий двор, козы лазают по лестнице, особенно шустра одна с черными пятнышками на белых ушах; курятник представляет собой род низенькой печи.

В половине пятого встречный ветер вынуждает нас остановиться приблизительно в миле от Бени-Суэйфа.

Сауль. В воскресенье, 23-го, в середине дня оста-

навливаемся в Сауле. Под вечер отправляюсь с Жозефом за молоком; дожидаемся, пока буйволы придут с реки.

— Фи лебан?

Ходят по кругу быки, обмолачивая зерно, вспоминается старая египетская песня: «Молотите, быки, молотите» и т. д.

Мы стоим на пыльном бугре, позади нас выстроились в ряд пальмы, залитые лучами заходящего солнца; перед нами горы Аравийской пустыни, Нил, бледно-желтые сжатые поля, по ним снуют феллахи и во-лы; на стенах домов — колосья. В просвете между двух пальм взошла круглая луна. Чудится, видишь воочию Египет древний, земледельческий, золотой. Постепенно наступает ночь.

Возвращение в Каир. Утром во вторник 25-го мы увидели Каир; матросы гребут веселее: показались пирамиды, лодок становится больше, проходим остров Рода, Гизу, желтый конак Солимана-паши, дворец ее высочества, Булак... Вот и приехали.

Каир. Из Булака в Каир иду пешком, перед гостиницей встречаю Брошье. Каир показался мне пустынным и притихшим; нечто подобное испытываешь, когда после долгой тряски в дилижансе вдруг оказываешься один и без всякого дела в гостинице. Распаковываю сундуки.— Заходим в консульство за почтой: целая пачка писем.— У Максима любовная неудача! — Ужин, стол накрыт вблизи сада.— Г-н Рошас.— Вечером — дагерротипы.— Ночью становится тоскливо от того, что путешествие пришло к концу, скучаю без привычного мерного плеска весел! Бедная наша канжа, что сталось с тобой, где ты теперь? Кто-то топчет твои доски?

Среда, 26-е. Визиты.— Обед в Булаке у раиса Фергали; прислуживает маленький Халиль в шелковом жилете; комната низкая, полутемная, с окном в углу, слева от входа.— Изобилие хлебов.— Патриархальный нрав раиса Фергали.

Вечером музыка на площади Эзбекия.— Ламбербей и Батиссье.

Ничего интересного за целую неделю! Вечером на Эзбекии мальтийские музыканты; рослый нубиец разносит трубки и кричит: «Этни шиших! Каваджа Юзеф, этни шиших!» Беседы с Ламбером об эстетическом и гуманитарном в искусстве.— История с лошадьо

Крозью-бея и Сассетти.— Визит к Линан-бею с Любером и доктором Арнусом, благоухающий сад.— Фривольные рассказы Любер-бея; анекдоты про княгиню Багратион на Елисейских полях и верзилу в белом сюртуке и с тростью.— До 4 часов утра проговорили с Мурье о папаше Журдене; начали с разговора о Гамлете. На ужин в гостиницу «Нил» пришел Фаньар.

Последний день. Сегодня, в понедельник, 1-го июля, поутру отправляюсь с визитом к Вильмену, которого застаю в постели, встает в кальсонах; Ламбер принимает нас в ермолке и в халате, долго говорит об эстетике.

После обеда курим в кофейне Муски.

Прощание с Делапортом и Беленом.— Отправляемся в госпиталь Карс-эль-Айни.— Тростник.— Чертовски жаль уезжать. Лишь через боль расставания я ощутил восторг, которого мне недоставало в минуты прибытия. Бабы идут по воду; их тоже я уж больше не увижу! В канальчике возле сакии купается ребенок.

Султанша. Она растрогана до слез, желает ехать с нами во Францию; присутствие публики не позволяет мне расчувствоваться; нечто подобное я пережил в Асуане и оттого, возможно, теперь был не слишком взволнован.

Булак — Хасанин.— Прощание с матросами; наибольшее волнение я испытал вчера, обнимая на прощание раиса Ибрагима. Г-н и г-жа Фаньар; Фаньар держится свободнее, видимо, потому, что сейчас он искренен и больше не изображает весельчака.— Обед у Вильмена.— Последний вечер с Ламбером, прощание у садовой ограды; испытываю к нему глубокую симпатию.

Мурье просидел до трех часов; занимается день, поют петухи, догорают мои две свечи, выступает пот на спине, щиплет глаза, пробирает утренний озноб. Сколько ночей я уже не сплю! Через четыре часа я уезжаю из Каира. Прощай, Египет! Инч Аллах, как говорят арабы. (Вторник, утро, 4 часа 5 минут.)

От Каира до Александрии. Пакетбот, следующий из Каира в Александрию. Делапорт, Белен, Любер провожают г-на и г-жу Ланглюа; Любер в соломенной шляпе.— Полковник Лангуа и его супруга.

Александрия. Гостиница «Восток». Вторую половину дня провел за чтением: «Валентина», «Индиана»,

«Воскрешенный Тадеуш», «Война Низама» и «Безутешная вдова» Мери; нанес несколько визитов — словом, ничего интересного.

Г-да Дюфо, Коецкий, Смит.

Снова встречаем поляка, компаньона г-на Робера, который в настоящее время руководит строительством храма на площади Консулов. Подготовка к отъезду, сборы.— Г-н Кюсто, посыльный от Пастре.

Отправился было на базар за ермолками, нашел парочку у женщины в белом, сидевшей на углу одной из улиц. Хозяин греческой лодки.— Вторую половину дня провел в порту.

Видел в театре «Бруно-сыщика» на итальянском.

Накануне отъезда выезжаем в коляске с г-ном Жирарденом на загородные дачи Пастре и Аббаса-паши (бывший розеттский сад). Сады выглядят до крайности уныло, можно сдохнуть от скуки; деревья словно бы хотят сделать вид, что позади них нет пустыни, а она подступает отовсюду, расстилается вдоль горизонта. В саду Аббаса-паши флигель с колоннами; на переднем плане зелень, на заднем — пустыня. Здесь некогда, сидя у окна, султанша видела вдали мчащегося во весь опор верблюда и с тоской смотрела на бескрайние пространства...

По дороге назад наш саис бежит впереди коляски и шелкает хлыстом.

В греческом кафе курили наргиле. Дощатый помост над морем.

От Александрии до Бейрута. На другой день, в час пополудни, погрузились на пароход «Александрия». Отошли лишь на следующий день, в среду. Когда отчаливали, я спал и не видел, как скрылась за горизонтом земля Египта, не попрощался с ней!.. Вернусь ли еще?..

Неприветливый капитан с огромным, как у Морпа¹, носом.— Доктор — этакий полишинель.— Г-н Эбер, папаша Парен на море, в прошлом работорговец, родом из Нанта. Г-н Делабук-Перен.— Не указывает.

Сирийские торговцы-христиане везут негрятяночку, она всю дорогу пролежала у трубы, заливаясь слезами. (По улицам Александрии бродит-побирается негр, одетый на европейский манер, в шляпе, с тростью.)

¹ Французский государственный деятель (1701—1781).

Два монаха. один, голландец, направляется в Персию, другой, с виду итальянец, куда едет, не знаю.

В четверг вечером показывается сирийский берег: дымка, влажность, огни над самой водой — это Бейрут. Спустили пары.— Тишина.— Внизу, в носовой части, кудахчет курица. Потрескивает в ночи фонарь, подвешенный на рее; капитан на мостике отдает команды, измеряют глубину; трогаемся, опять останавливаемся; луна зашла, звезды, звезды, звезды. С берега доносятся однообразные скрипучие звуки, похожие на стрекот сверчка (что это? цикады?); потом крик петуха и другой ему в ответ; огни приближаются. Обходим судно с освещенной капитанской каютой. Бросаем якорь, я отправляюсь спать. 3 часа утра.

ПАЛЕСТИНА

июль — октябрь 1850 г.

Пятница, 19-е. Сошли с «Александрии» в 7 часов утра.— Голос лодочника, перевозившего нас на берег, напомнил мне голос знакомого цветочника.— С нами в лодку сели юная эльзаска, направляющаяся к своему жениху в Иерусалим, и сопровождающий ее молодой немец в очках.— Выгрузка на берег, неразбериха, крик, карантинные дома всегда бестолковы на редкость, однако начальник карантинной службы в Бейруте оказался бестолковым вдвойне.— Судовой лекарь купается, из воды торчит его физиономия в соломенной шляпе.— Все улаживается.— В карантинном доме сильный сквозняк.— Вечером купаемся в море; что за море!..— Ливан увенчан облаками, в кустах стрекочут цикады.— Карантин.— Голос перевозящего нас лодочника напоминает мне голос цветочника.— Карантин, разместился во дворце; при выгрузке на берег царит полнейшая неразбериха; начальник карантинной службы — долговязый, нескладный, кривой; в карантинном доме проводим три дня, немилосердно дует в окна, в коридоре буянит эмигрант-итальянец.— Купаемся в море.

Во вторник утром выходим из карантина.— Всадник, примчавшийся на галопе: пестрая куртка, чалма, бледное лицо, горделивая осанка.— Живые изгороди из берберийской смоковницы, кофейня у самой воды, люди верхом на ослах. Все это мелькает в глазах, словно бы передо мной трясли связки пестрых лент.

Бейрут.— Дома здесь, в отличие от Египта, каменные; в самом воздухе есть что-то такое, что наводит на воспоминания о крестовых походах.— В порту гостиница «Батиста».— В море справа форт, разрушенный англичанами.— Битва из-за арбузов, доставляемых из

Яффы.— Ребятишки купаются тут целыми днями и украшают головы зелеными тюрбанами из плавающих на воде арбузных корок.

Гостиница.— Австрийский чиновник: «Нравится ли вам в Дамаске? Покойны ли вечера?»— Тут есть один русский, один мальтийский капитан, эмигрант-итальянец; последний производит впечатление жулика, охотно берет у нас 50 франков.— Базар: пестрота, толкотня, давка, обилие шелков.— Вечерами Рамадан; в кофейнях шумно от музыкальных шкатулок, подают охлажденные напитки.

Г-да Лепарда, Рожье, Перетье, г-н и г-жа Сюкье.

Как-то на исходе дня зашли на кладбище: среди могильных плит три барашка щипали травку; на могиле лежал араб, неподалеку от него расположились еще двое-трое; судя по лицам, они перебрасывались шутками, облюбовав это место для послеобеденного отдыха — кейфа; через кладбище, прямо по могилам, проложена дорога.— Море, зелень, справа Бейрут; обилие трав.— На могильной плите худой седобородый старик читает молитву.— Две могилы, обнесенные оградой, поверх которой натянут тент, предохраняющий зелень от солнца.

Пикник на траве под соснами: проходят мимо монахи с носовыми платками поверх головных уборов; верблюды; в стороне гор просвечивает сквозь деревья лиловое небо.— Утро у Рожье: маленькая турчанка с цветами жасмина в волосах, этакая меланхоличная Фатима; еще одна толстуха и одна худышка; безмятежная физиономия Рожье, восседающего с важностью Абдаллаха.

Выехали из Бейрута в половине пятого утра.— Путь лежал сначала по песку между изгородей, потом по горам; крутые склоны. В просветах между гор насыпана тончайшая световая пыль, точно растворенная в воздухе и парящая, подобно мельчайшим снежинкам. Справа море. Кожаное седло подо мной скрипит.— Рожковые деревья клонятся к земле, отчего кажутся подстриженными, точно в парке.— Встречаем цыган (не думаю, чтоб это были настоящие цыгане): мальчик, несущий на спине здоровенный ящик, останавливается передо мной и, простирая руки к небу, повторяет трогательным голосом: «Аллах, Аллах»; женщины несут детей в своеобразных люльках, подвешенных на груди.— Олеандры, река Эль-Дамур, за поворотом

точно уголок французского парка.— А чуть поодаль разрушенный мост, от которого сохранились лишь опоры.— Цветущие олеандры спускаются до самого моря.— Лошади наши ступают по воде.

В половине двенадцатого обед в Неби-Ионе, месте, где Иона был извергнут китом.— К морю спускается горное ущелье, внизу два высоких дерева.— Спал в кофейне на циновке; перед кофейней род веранды, обнесенной оградой из сухих веток; развьюченные мулы катаются по земле. Трогаемся в путь в 2 часа. Дорога (остатки древнего пути) то взбирается на холмы, то спускается к морю, вьется вдоль самого берега, утопая в песках, и снова карабкается вверх по камням, так что лошади идут с трудом. Из-за разбросанных среди зелени камней склон горы кажется очень крутым; он походит на громадное заброшенное кладбище.

В глубине на горизонте *Сидон* лежит каменной глыбой на далеко вдающемся в море мысу. На переднем плане — продолговатая скала, а вокруг нее — множество судов.— Сады.— Город встречает нас тишиной.— Слепой старик в зеленом тюрбане с мальчиком-поводырем.— Посередине улиц протянулись канавки для лошадей; запах ладана и церкви, навевающий воспоминания о прохладном соборе среди знойного лета.— Французский трактир: прямоугольный бассейн, банановое дерево.— Лошади эмира Бешира.— Монастырь братьев Святой земли.— Гостинная в доме доктора Гайярдона.— Ужин в просторном зале; оловянные сосуды с водой, из которых ее переливают в графины. Отец Казимир; у него длинная борода, говорит по-итальянски очень быстро, прикрывая глаза.

Среда, 31 июля, 9 часов вечера.— Сегодняшний день не столь насыщен событиями, как вчерашний. Дорога из Сайды сперва шла садами, затем мы спустились к морю и ехали почти весь день вдоль берега; горы сделались ниже и отступили от моря: Башня времен крестовых походов, увитая зеленью у основания, залитая лучами восходящего солнца.— Целый день идем по песчаной равнине, поросшей иссохшим чертополохом и низкими рожковыми деревьями, пригнутыми к земле морскими ветрами; временами попадаются маисовые поля и табачные плантации. Утром переходили реку, одна из опор моста отошла от него, повалилась на бок и так и лежит, освещенная солнцем.

Завтракали в Ангидре, на берегу моря; там есть

маленькая бухта, мы видим ее в просвете между двух деревьев. Расположились на берегу прямоугольного водоема, ели фиги, холодное мясо и конфитюр из фиников. Во дворе (за домом) большое фиговое дерево, бассейн пополняется водой из небольшого акведука.— Теленок сосал серебристо-серую корову.

Снова трогаемся в путь, вскоре попадается еще одна река; стоя на высоком берегу, смотрю, как сквозь разросшуюся у воды олеандровую рощу пробираются мулы.— Унылая песчаная равнина.— Третья река, переходим ее по мосту; река широкая, и вода в ней зеленая-презеленая.— Привал в шалаше. Там внутри старик, корчащийся в судорогах.

Ти́р обнесен подобием широкого равелина.— Мы прибыли сюда в 2 часа, остановились в греческом монастыре; никаких других достопримечательностей, торговые ряды убоги, мертвая тишина, и лишь кое-где очаровательные дети.— Лица здешних жителей (женщин), судя по тем, что я видел, очень хороши.— Подходя к Тиру, видели старый, выброшенный на берег корабль и человека, мывшего в море барана. Слева порт. Две глыбы, торчащие из воды.— Для того чтобы попасть в верхний город, надо пройти вдоль дома, омываемого морем; ступаем по камням, положенным здесь вместо тротуара.— Наверху никого, здесь еще тише, чем внизу. На одном из домов развеивается белый флаг неаполитанского консульства.— Крепостные стены, синее море, тусклое небо с редкими облаками; темный, хотя и освещенный, воздух.— Город обнесен средневековыми стенами, как Эг-Морт.— Прямо перед нами торчат из воды беспорядочно разбросанные гранитные колонны; немало таких же и в порту, море все моет и моет их вот уже который век.

В том месте, где мы стояли, крепостная стена поворачивала под углом, солнце искрилось на синей воде.— Господин Элиас, французский поверенный, находится при смерти; большая гостиная с белым диваном и сводчатым потолком — это бывшая церковь; маленькая пухлая старушка-жена продувает чубук, щеки ее округляются, длинные шелковые нити свисают с головы до поясицы.— Здоровенная негритянка в башмаках на толстых подметках обрызгивает двор водой. Напротив нас, широко расставив колени, неподвижно сидит зрелых лет женщина с большими черными глазами, орлиным носом — лицо точно высечено из мрамора.

мора; мысленно переносюсь в древние времена, пытаюсь представить себе супругу какого-нибудь тирского патриция. У ее дочери овальное белое лицо и черные волосы.— В комнате справа от входа целый рой девушек.

С крыши дома видны море, городские стены и плоские белые кровли, разделенные полосками зелени; несколько пальм (тирские пальмы на медалях), равнина.— Ливан: невысокий хребет лиловато-серого цвета, за ним второй, бледно-лиловый, окутанный облаками, подернутый молочной дымкой и будто бы воздушный.— Скверный ужин.— Супруга Элиаса просит у Жозефа немного денег.— Молодому человеку, сыну австрийского поверенного, даем хинина.— Во дворе греческого монастыря монахов не видно, зато справа от входа замечаем довольно красивых девиц с греческими матросами; здесь живет какое-то семейство, обстановка напоминает скорее бордель, последнее обстоятельство мне даже лестно: не зря, значит, я заставил свою Эннойю танцевать обнаженной перед греческими матросами.— Спим в большой комнате второго этажа на циновках. Ночью все тело зудит от блошиных и комариных укусов. Комнату освещает лампа, подвешенная подле раскрытой двери.— Позвякивают колокольчики мулов.

Пятница. Выехали в 4 часа утра, еще затемно.— Этот день показался мне короче предыдущего, хотя на самом деле был длиннее.— Олеандров меньше, пейзаж меняется.

Горы слева от нас понижаются, переходят в холмы.— Попадаются кустарники с голубыми цветочками, напоминающие лаванду; деревья на побережье ветром прибиты к земле.

При выезде из города башня, утопающая в зелени; солнце еще не вставало, преобладают суровые зеленоватые тона; башня квадратная с закругленными углами, окна, узкие внутри, расширяются снаружи. К входу в башню ведет лестница, однако подняться туда нельзя: между лестницей и башней разрыв.— Вместо бассейнов Соломона (мы неизвестно почему, скорее всего по прихоти Жозефовой лошади, обходим кругом какой-то участок) вижу лишь большое корыто; неподалеку каскад мельниц, слышен шум воды, к склону холма прилепились хижины, окруженные садами.— Нас нагнал молодой человек в зеленой куртке, нос крючком, как у г-на де Радпона, глаза черные; издали

он показался мне красивым, а вблизи совсем непривлекательным; он ехал верхом на турецкий манер, с ковром на седле.— Местами сохранилась древняя дорога, прямая, как струна, шириной с современную третью ступенную; лошади спотыкаются о каменные плиты. Слева уходит вверх склон горы, справа откос; скалы среди зелени или, наоборот, зелень среди скал; попадаются вчерашние фиолетовые цветочки, рожковые деревья и т. д.— Поднимаемся.— Джебель Эль-Абад (Белый мыс).— Крутой подъем, дорога идет по краю отвесного обрыва, все вверх и вверх, лошади взбрыкивают; и вдруг — море. Высокие естественные ступени наподобие лестничных, повороты. Море появляется неожиданно, вдруг видишь его между ушей коня в нескольких сотнях футов под собой. Какая красота! Спуск еще труднее. Снова мощеная дорога, она обрывается возле двух ключей.— Бугры, то спуск, то подъем.— Новая гора, подъем не столь захватывающ, лишь на самом верху внезапно открывается великолепный вид на море. По этому морю плавали когда-то галеры с раскрашенными носами. Отсюда виден Тир, в былые времена сюда, наверное, поднимались поглядеть на прибывающие корабли. Слева внизу равнина.— Старинный домик, в тени которого мы усаживаемся передохнуть, в самом красивом месте нагажено. Едем дальше, спускаемся.— Обедаем в рощице, которую видели сверху; спим у дороги под ивой.

Снова трогаемся в путь и едем все время прямо; проносится галопом янычар, весь в белом; при въезде на небольшой мостик встречаем группу странноватых лиц, загорелых, смуглых, некоторые одеты в шкуры баранов или газелей, на головах остроконечные колпаки; двое несут на плечах какие-то предметы в чехлах, по форме они напоминают гитару, но вполне могут быть и карабинами. Это дервиши, арестованные местной полицией за то, что путешествовали без таможенного удостоверения. Банда эта не внушает доверия, Макс подходит поближе к нашему багажу.— Встречаем бедуинов из Гавая, они идут продавать зерно в Сен-Жан д'Акр.— Смуглые, замечательно красивые люди, головные уборы из верблюжьих веревок, на плечах широкие полосатые покрывала.— Две женщины идут пешком, у одной губы выкрашены в голубой цвет.

В *Эль-Майя* виден акведук Джебзара-паши, рассекающий местность пополам. Когда мы проезжали ми-

мо него, он был целиком скрыт зеленью. Нет ничего прекраснее пейзажа, увиденного в арку одного из здешних мостов или акведуков, особенно когда под аркой проходят верблюды или мулы.

Сен-Жан д'Акр издали представляет собой вытянутый прямоугольник с башнями по концам. Поначалу весь город показался мне оживленным базаром; торговец шербетом и прохладительными напитками с кусочками льда на железных палочках.— Сгружаем багаж в грязном, заброшенном караван-сараяе.— Обедаем в харчевне, где нам подают род рагу с помидорами, которое мы уплетаем за обе щеки, запивая охлажденным шербетом, пахнущим виноградом, розами и паточкой.— Какой-то седовласый негодяй, говорящий с английским акцентом, учиняет нам подлинный допрос.— Ночевали во дворе караван-сарая, расположив наши кровати подле высохшего бассейна, над нами склонилась ива, на которой горел подвешенный в склянке с маслом фитилек, освещая листву у меня над головой.

Сен-Жан д'Акр пустынен и уныл, дома каменные, как и в других городишках. Воображению представляются входящие в город полчища крестоносцев. На улицах полно бедуинов, ихними мешками с зерном завален двор, обращенный одной стороной к морю: это вход в несуществующий порт. Здесь обширная бухта, но для устройства порта больше подходит Хайфа.— В городе могилы двух английских офицеров; почему было не поместить их на турецком кладбище? Какое жалкое тщеславие! — Античные гробницы, одна увенчана урной, другая прямоугольная на римский лад; все вокруг загажено собаками.

Большой двор, бывший некогда укрепленным лагерьем, обнесенный множеством мелких двухэтажных аркад; в целом это походит на цирк и напоминает мне римские арены.— Следы английских ядер; накануне при подъезде к *Сен-Жан д'Акру* мы нашли в поле снаряд.— У некоторых женщин на голове сбоку висят гроздь серебряных пиастров и талеров.

До Хайфы едем вдоль моря, по берегу разбросаны битые арбузы; выбеленные изнутри солнцем, они напоминают пустые черепа. Какое печальное зрелище: прекрасный фрукт, забрызганный грязью.— Выброшенные на берег корзины, обломки кораблекрушений, циновки; остовы судов, занесенные песком, лежат, точно останки морских животных, умерших от старости на

берегу. Вдали виднеется поваленное на бок судно, от него остались лишь остов да мачта, будто челюсть с застрявшей в ней зубочисткой.— Переходим вброд две речки, вторая довольно широкая и глубже первой, вода доходила лошадям до живота.

Хайфа. Ничего примечательного, город новый, открытый базар, где нет даже плетеных навесов над головой.— Французский поверенный сообщает нам, что Меккой завладели Ваххабиты.— На песке около моря птица (чайка), серая, концы крыльев черные, приземистая; она шла впереди меня, перелетала с места на место; то отлетит в сторону, то мягко опустится. Я был в бодром расположении духа.— От Хайфы до Кармеля — подъем. Внизу тропы, круто поднимающейся к монастырю, огромные оливковые деревья, полые внутри: здесь начинается Святая земля; оливковые деревья растут у подножия горы и по склону, совсем как в старинных священных книгах. Воображаю себе, как путешествовал по Палестине Шатобриан и как по этим дорогам шел босиком Иисус Христос.— В монастырь пришли к полудню, дул сильный ветер; перед монастырем огород с пирамидкой посередине, под ней покоятся останки французов из экспедиции Бонапарта.

Гора Кармель. Суббота, 3 августа 1850 года, половина десятого вечера.— Монастырь представляет собой большое белокаменное строение.— Церковь с куполом, укрепленная, есть даже замаскированные решетки на окнах.— Ничем не примечательный современный монастырь, как, скажем, Сакре-Кер, чистый и холодный, ничего подлинного. Какое несоответствие религиозному значению этого места! Ничего общего с библейской горой Кармель, хотя это она и есть! Под хорами в церкви грот Илии.— Отец Шарль, странноприимный монах.— После отдыха мы занялись своими заметками, затем ужин.— Макс переписывает перлы путешественников в книгу записей.

Воскресенье, 4-е, осмотр монастыря. Торговый капитан из Марсея с мальчиком.— В 9 часов выехали в Кастель-Пелегринно на берегу моря в зыбучих песках.

Кастель-Пелегринно. Восхитительные и страшные руины. Крестоносцы были, видать, крепкими ребятами. Какие же надо иметь руки и плечи! Та же кладка, что и в Шато-Гайар, только облицованная, да и построено в то же время (третий крестовый поход, Филипп Август, Ричард Львиное Сердце). Со стороны

Кармеля сохранился целиком большой участок стены, и тут же башенка (арабская?); со стороны моря красивый зал со стрельчатыми сводами (зал стражи?); все сложено из огромных камней, ворота обращены к морю. С той стороны, что обращена к суше, справа стоит суденышко (с подъемным устройством; на нем перевозят камни в Сен-Жан д'Акр).— Общий вид развалин: слева засыпанный колодец, наверху прямоугольное сооружение позднейшего времени, сложенное из обломков крепостной стены, там живут арабы, один из них интересуется охотничьим ножом Жозефа.— Возле развалин несколько арабских хижин, лают собаки.— Осколок германского мира, бурого и туманного, контрастирует со здешним морем и небом.

Дорога на Туру (Дор). Слева от нас цепь холмов землистого цвета, на которых серые камни лежат то ли вышивкой, то ли фреской; в одном месте целый бугор сделался от них серовато-беловатым; это огромные плиты.— Наверху два-три домика.— Внизу на склоне растрескавшееся дерево, род ясеня, корни которого вышли наружу и лежат на земле, вытянувшись на длину двух лошадиных круп. Они похожи на громадные тросы, сваленные грудой у подножия дерева.

Все эти дни попадается множество цикад, ящериц, саламандр и хамелеонов; хамелеоны неспешно прогуливаются по кончикам веток иссохших кустов или по жирным острым листьям берберийской смоковницы. Ханна взял одного из них за хвост и дал Максу, а тот опустил его на гриву лошади; хамелеон был в шоколадных пятнах, он добрался до ушей лошади, а оттуда покатился на землю, где лошадь Жозефа, ехавшего позади, чуть его не раздавила.

Тура (Дор). Бедненькая деревушка на берегу моря. В углу караван-сарая, где мы остановились, сидят потурецки мужчины; один из них читает вслух для всего общества Коран, другого бреют. Мы расположились на втором этаже в помещении, сохранившемся, похоже, еще со времен крестовых походов и насквозь продуваемом ветрами.— Ужинали, сидя на ковре, на террасе с видом на море. Перед ужином прогулялись вдоль бухточки к развалинам возвышающейся над морем башни. В воде видели остатки каких-то древних сооружений, восходящих, возможно, ко времени строительства Каstell Пелегрино, маячившего вдали. Обратились по самой воде.— Ночью нашествие насекомых.

Понедельник. Выехали затемно.— Утренний холод, наши фески отсырели; до Кесарии идем по песку, поминутно проваливаясь.

Кесария. Еще видна крепостная стена с прямоугольными выступами, частично скрытыми в зелени и очень широкими у основания. Бухта с остатками укреплений (башен?), защищавших вход в порт.

Привал в 10 часов в Мина-Сабура, на берегу моря под выступом скалы, где спасаемся от солнца. Гор сегодня еще не видели, только холмы; а слева все пески да пески и кое-где рожковые деревья. Нам встречается путник, почти обнаженный, на поясе привязаны два больших кувшина; на плече несет длинную палку. Не доезжая Омкалед-эль-Мухаледа — отлогий подъем среди голых, рыжеватых от высохшей травы песков, а сверху неожиданно открывается вид на обширную бледно-зеленую равнину с шариками оливковых деревьев в глубине; на горизонте валик горного хребта.— Подходя к деревне, встретили женщину в голубом, поднимавшуюся по тропинке с кувшином на голове; она шла от источника, расположенного при входе в деревню слева.— Мы присмотрели себе дерево для ночлега, но оказалось, под ним уже расположился небольшой караван. Пересекли всю деревню и остановились на другом ее конце под старой смоковницей; перед нами мулы, погонщики и багаж, за спиной у нас — лошади. Слева разлегся, подстелив под себя плащ, наш сегодняшний проводник шейх Мохаммед, у него длинный загнутый нос, тюрбан всегда сдвинут вправо; под головой наискосок лежит ружье.— Вчера Ханна гонялся за крабами, сегодня эти господа развлекались тем, что тузили друг друга кулаками и ногами.— Утром обнаружили на песке следы хищников.

Искусанные блохами, из-за которых мы провели бессонную ночь под прекрасной смоковницей, мы на рассвете двинулись в путь в сторону Али-Эбу-Арами, в глубь суши; кругом пески, кое-где камни и рожковые деревья.

Али-Эбу-Арами. Справа остатки крепости; здесь мы выходим на берег моря и видим вдали лепящиеся друг на друга дома Яффы.— Идем, проваливаясь в песок, переходим реку.

В *Яффу* прибыли к полудню.— Пять судов на рейде.— Город стоит на холме.— Кладбище на склоне.— Над домами кое-где выступают купола, на переднем

плане кладбище, на втором — город, еще выше, слева, опунции и сады (на том месте, где стоял лагерь Бонапарта).— Шумный въезд в Яффу, проезжаем через весь город.— Узкий коридор между домами и полуразрушенной крепостной стеной, целые участки которой обвалились в море.— Армянский караван-сарай; мы располагаемся в дамской комнатухе с деревянными переплетами.— На покатых улочках невиданная грязь, всевозможные отбросы и нечистоты.— М. Б. Дамиани и его отец, офицеры с «Меркурия»; совершаем совместную прогулку.— Госпиталь для зачумленных.— Армянский монастырь с аркадами на втором этаже.— Католический монастырь, никакой.— У подножия городской стены со стороны сада Дамиани показывает нам колодец — это выход из подземного хода, откуда Бонапарт напал на город.— Очаровательный караван-сарай, посреди двора источник, обрамленный маленькими арочками; между арками с внутренней стороны конусовидные башенки.— Обедали в греческой харчевне, где нам подавали кипрское вино, холодную жареную рыбу и виноград.— Вечером курили в кофейне, расположенной чуть ниже нашего караван-сарая.— Матросы с «Меркурия».

Среда, 7-е, утро. Завтракали у Дамиани с г-ном Уманом, вице-консулом в Сайде, и поляком, начальником яффского карантина.

Выехали в 5 часов, дорога идет по пескам среди опунций, как в предместье Бейрута среди сосен.— Фонтан, подобный тому, какой мы уже видели: колонны, башенки с конусами, посередине аркада; позади три кипариса. Здесь перекресток дорог, у источника слева стоит человек.— Ровные поля, порой отлогие подъемы, общий тон бледный и одновременно резкий. Небо ярко-голубое, сухое, безоблачное; на горизонте белесая полоска гор. Навстречу нам попадаются путники, женщины (среди них негрятяночка, чуть одутловатая) путешествуют с открытым лицом.

Рамла лежит у подошвы горы на краю плоской равнины.— Равнина; с горбатого холма открывается вид на город.— Кое-где оливковые деревья; вот она, настоящая Палестина, Святая земля. Цвета удивительно прозрачны: песчаная дорога кажется прямо-таки позолоченной, а серая равнина озарена золотистым сиянием.— Не доезжая Рамлы — кладбище, широкие каменные надгробия; Макс направляет лошадь прямо по ним.

Рамла. Пустынная улица, купола, меж ними тощие пальмы, сквозь деревья и в просветы между полуразрушенными домами проглядывает синеватое ночное небо.— Кругом постройки из крупных камней, имевшие в прошлом военное назначение.— Проходим под стрельчатой аркой, где привязана лошадь; город кажется на три четверти необитаемым. Разбиваем лагерь в нижней части города, под оливковыми деревьями.

Комары, лошади и мысль о том, что завтра я увижу Иерусалим, не дают мне сомкнуть глаз всю ночь.

Четверг, 8-е, утро. На рассвете прогулка по Рамле: все то же самое, что и накануне,— город большой, пустой, грязный.— Пока мы гуляли, хромой юноша, один из наших ночных сторожей, держал лошадей.— Наши люди с багажом вышли на три четверти часа раньше; догоняем их и три часа спустя добираемся до подошвы горы.— В деревне Рохаб обмолачивали зерно; Макс заводит разговор о Руфи.— У подножия горы к нам привязался какой-то седобородый оборванец с черно-белым плащом на плече; некоторое время он служит нам проводником, а затем сворачивает к каменному дому слева. Гора изрезана ущельями, выйдя из одного, немедля попадаешь в следующее.— Великолепные оливковые деревья, старые, могучие, дуплистые; камни испещрены дырочками и напоминают губки; они выделяются серыми пятнами среди зелени рожковых и мастиковых деревьев и каких-то кустарникообразных дубов (каменных?). Чем выше, тем больше камней, от яркого света серая гора делается белой, резкий, неприятный цвет (там ниже встречались кусты, травы, разрисованные следами улиток, как инеем).— То тут, то там квадратики оливковых деревьев, но уже меньшего размера.— Плоскогорье.

Уже на спуске справа деревня Кариет-Эль-Анеб.— Каменные дома.— Массивное сооружение, бывшее некогда церковью.— В дверях старинной церкви, куда зашел Макс, мне улыбается молодой человек в желтом тюрбане.— Снова садимся верхом.

Ханна взял правее и спустился кратчайшим путем через оливковую рощу; Жозеф едет быстро, не поднимая головы.— Женщины ведут хоровод: по-видимому, там покойник. Кричу Сассетти, чтобы они не останавливались, он резким голосом повторяет это Абу-Иссе по-арабски. Спускаемся в воронкообразную долину. Наверху виднеются кое-где старинные башенки.— Сно-

ва подъем, земля становится суше и жестче.— На спуске спешиваемся, под ногами обширные каменные плиты. (Внизу, перед деревней, гора выглядит так: полоска камня — известняка, затем полоска зелени и т. д., линии эти вытянулись параллельно вдоль склона.) И вот наконец голодные, одуревшие, мы спускаемся в долину, где растут деревья и течет вода, все пляшет у нас перед глазами.— Мост.

Газерель-Карум. Сад, лимонные деревья, виноградники.— Еврейская семья выносит нам ковры.— У женщин на головах шапки с козырьками, вернее, козырьки, переходящие в шапку.— Жена оказавшего нам столь любезный прием молодого человека плосколица, в разрезе платья проглядывает грудь: она кормила ребенка.— Мы поспали часок под лимоновым деревом, умылись у моста и в 3 часа снова сели на лошадей.

Еще добрый час карабкаемся вверх. Взобрались на плато, земля в горах темно-красная, цвета древесного порошка. Каждую секунду все надеюсь увидеть Иерусалим, но он не показывается.— Дорога (сохранились еще следы древнего пути) отвратительна, ехать рысью невозможно.— Каменная ограда на каменистой земле. Наконец за углом вижу двор с оливковыми деревьями; оказалось, что это всего-навсего гробница мусульманского святого.— Еду дальше; навстречу попадают арабы, знаками объясняют мне, чтобы я поторопился, и кричат: «Эль Кодс, эль Кодс» (мне показалось, что они произносили «кодес»); 27 женщин в голубых балахонах, похоже, что они возвращаются с базара; 3 минуты спустя — Иерусалим.

Чистота! Стены полностью сохранились.— Представляю себе, как входил в город Иисус Христос, как выходил из него, поднимаясь в оливковую рощу через вот эти ворота, перед которыми я стою; за городом справа в прозрачной дымке горы Хеврона; вокруг серый, сухой, жесткий пейзаж; свет яркий, белый, как в зимний день, и вместе с тем теплый — не знаю, отчего так получается.— Макс догоняет меня вместе с багажом, курит папиросу.— Справа большой прямоугольник — бассейн святой Елены.

Подъехали к самой стене. «Вот он!»— звучит в душе каждого из нас.— Господин Стефано с ружьем на плече приглашает нас в свою гостиницу.— Мы входим через яффские ворота, и на самом пороге города я не-

произвольно порчу воздух; подобное вольтерьянство со стороны моего заднего прохода меня даже раздосадовало. Едем вдоль стены греческого монастыря, улочки крутые, чистые и безлюдные.— Гостиница.— Визит к Ботта.— Спать легли рано.

Пятница, 9-е, прогулка по городу. Все закрыто по случаю Байрама, тишь и запустение.— Лавка мясника.— Армянский монастырь.— Дворец Понтия Пилата.— Дворец, откуда видна мечеть Омара.— Иерусалим производит на меня впечатление хорошо укрепленного погоста; здесь догнивают останки древних религий, на земле нагажено, кругом одни развалины; удручающе.

Пятница, 9-е, 5 часов — Иерусалим, гостиница «Пальмира».— Возвратились от Ботта, где повстречали эльзасцев.

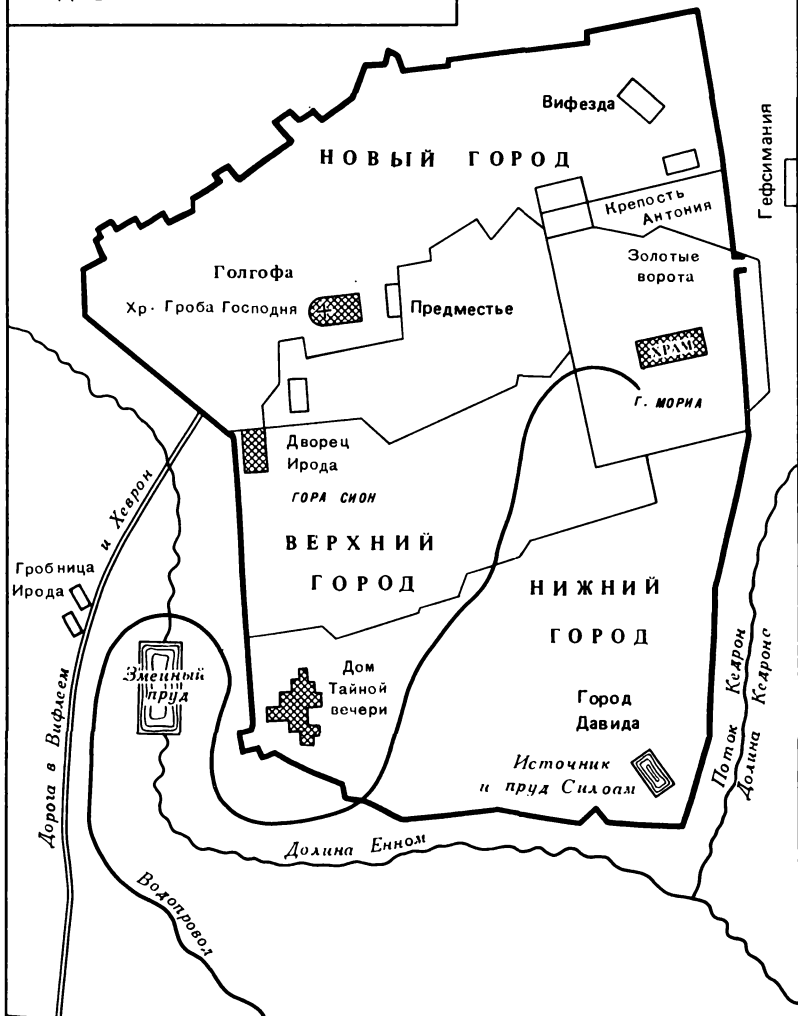
ИЕРУСАЛИМ

11 августа 1950 г.

Третий день, как мы в Иерусалиме, и пока еще я не испытал ничего из тех чувств, что предполагал испытать: ни религиозного подъема, ни взлета воображения, ни даже ненависти к священникам, а это все-таки лучше, чем ничего. Я же, глядя вокруг, ощущаю внутри себя пустоту пустой бочки. Сегодня утром посетили Гроб Господень — верно, собака и та взволновалась бы больше моего. Боже милостивый, кто в том повинен? Они ли? Вы? Сам ли я? Они, я полагаю, а затем и я, но прежде всего вы. Сколько фальши во всем! Как они лгут! До чего это все разукрашено, позлащено, отлакировано, приспособлено для пропаганды, наживы и на потребу толпе! Иерусалим — это погост, обнесенный крепостной стеной; первой достопримечательностью, которую мы там увидели, была бойня. Посреди прямоугольной площадки, заваленной горками нечистот, зияла большая яма; в яме и вокруг нее запекшаяся кровь, внутренности, испражнения, черновато-коричневые кишки, почти кальцинированные на солнце. Вонючка там стояла отчаянная; большей мерзости и вообразить невозможно. Как сказал один человек, любящий меткие сравнения и тонкие аллюзии: «Кровь — вот первое, что мы увидели в святом городе».

Тишина, безлюдье, ни звука; разве изредка встре-

**ПЛАН
ДРЕВНЕГО ИЕРУСАЛИМА**

тится долговязый бородатый польский еврей в большой лисьей шапке и прижмется к стене, уступая нам дорогу; базары закрыты. Сейчас Байрам, и потому все дневные и ночные мусульманские церемонии сопровождаются изрядным количеством пушечных залпов. Фасады лавок скрыты под пылью, некоторые, того и гляди, развалятся. Лавки крытые, длинные, узкие, красиво смотрятся в перспективе.

В Иерусалиме сплошь своды; то тут, то там полуарка; в старинных постройках разместились жилые дома, и повсюду над головой своды. Всюду грязь, кроме чисто выметенного армянского квартала; мостовые таковы, что лошадь едва может идти. На нашей улице по самой середине лежит и разлагается труп желтой собаки, и никому в голову не приходит оттащить ее в сторону; испражнения вдоль стен самого отвратительного качества! Впрочем, арбузных корок валяется меньше, нежели в Яффе.

Повсюду развалины, могильный дух и запустение, точно проклятие божье витает над городом, священным городом трех религий, околевающим в тоске, немощи и забвении. Время от времени встречаются вооруженные арнауты. Пустые покатые улицы, обожженные солнцем, груды мусора и дыры в стенах. Здесь как и в Тире, Сидоне, Яффе и на всем побережье, встречаются хорошенькие детские личики, особенно у девочек, светлокожие, осененные копнами черных нечесаных волос.— Наш гид Юсуф — юноша 18—20 лет, черноглазый, застенчивый, то и дело краснеющий, как девушка; турецкие солдаты (как и сам паша) влюблены в него; завидев его с укреплений, они кричат: «Каваджи Юсуф, гель бурда, каваджи Юсуф!»

Армянский монастырь: громадный, чистый, аккуратно выстроенный, большие внутренние дворы, террасы, лестницы.— Отдельные помещения для монахов и для паломников.— Армянская церковь, по-видимому, очень могущественна на Востоке; отделка монастырских строений изобилует деталями, свидетельствующими о том, что у владельца туго набит кошелек, как, например, металлические поручни на перилах террас. Сам храм поражает роскошью, причем самого дурного тона. Разве излишество может сделать вещь красивой? Горе тому, у кого отсутствует чувство меры!

Облицовка голубыми изразцами на высоту человеческого роста; четырехгранные колонны; слева часовня

святого Якова, круг на полу обозначает место, где он был обезглавлен; там установлен род алтаря с цветами и свечами и покоится под стеклом отрубленная голова. Алтарь занимает всю заднюю часть храма, он позолочен и состоит из трех арок, самая большая посередине.— Живопись в основном скверная, портреты патриархов. Над ними сцены из жизни Иисуса; многочисленные Богоматери с ребенком на руках, обрамленные серебром. Мы видим, таким образом, написанную фигуру, а вокруг металлическое обрамление; у одной из Богородиц на пальце настоящий бриллиант.— Изображения мучеников: люди, избиваемые камнями святого Этьена, изображены жестокими до гротеска, это типические «злодеи». Рядом лев пожирает не помню какого святого — тоже славная вещица: у льва пасть больше, чем все остальное тело. Святой Лаврентий на немислимого размера костре. Рядом с дверью избивание младенцев; здесь по крайней мере проглядывается какой-то замысел: на переднем плане умирающий ребенок, его рвет.

По мере того как всматриваешься в детали, первое впечатление от церкви изменяется. Хотя слова Генриха Гейне: «Католицизм — это религия лета» — передают глубокое и подлинное ощущение, религия связана для меня со средневековьем, а средневековье ассоциируется с дождем и туманом. Бедные храмы моей родины с позеленевшими от стужи и сырости стенами, как же я вас люблю! В религиозном смысле здешний мир иной, нежели наш. Лютер сделался протестантом после посещения Италии времен Льва X.

Аналогичное убранство в греческом храме Гроба Господня. Великолепное зрелище, яркий свет, белые одежды женщин, цветные тюрбаны и куртки у мужчин, группы людей, обращенных лицом к алтарю, белобородые патриархи, греки-прихожане, лобзающие изображения Страстей Господних на перегородке, отделяющей храм от хоров. В армянской церкви запомнилась оригинальная деталь: ниспадающие с потолка длинные гирлянды из крашенных страусиных яиц; на двери слева бронзовая доска, стук в которую заменяет звонок колокольчика.

На улице, ведущей к дому Понтия Пилата (улица Хатта?-Харт-Хатта), справа на спуске дом Вероники, приземистый, с низенькой дверцей, как и все прочие, наполовину ушедший в землю. Дом Понтия Пилата,

вернее дворец, напоминает большую казарму. С верхней террасы открывается вид на мечеть Омара, построенную на месте Храма.

На другой день поднялись в 6 часов утра и пошли смотреть на плач иудеев у остатков стены Храма. В основании стены циклопические камни; по затратам труда это напоминает Египет; камни прямоугольные, на них высечен в качестве орнамента четырехугольник, подобный тому, какой плотники рубанком вырезают на дверях.— В углу старик-еврей с покрытой головой, раскачивался на пятках спиной к стене и бормотал как-то псалмы. Участок такой же кладки сохранился и с другой стороны Храма, на востоке. Уходя, мы встретили группу иудеев, направлявшихся к стене. Я побрился у цирюльника, который, глядя на меня, почему-то все смеялся и разводил мыло теплой водой. Потом курили наргиле в кофейне. Мы сидели на деревянном помосте, откуда можно было видеть большой прямоугольный бассейн (бассейн Иезекииля), заполненный зеленоватой водой и обнесенный высокой стеной с прорезанными в ней кое-где окошечками неправильной формы — это задворки прилегающих домов.

Возвратившись в гостиницу, прочитал о Страстях по всем четырем Евангелиям.— Отдых.— Ужин у Ботта; этот человек, сам развалина, увлекается развалинами, среди развалин живет, все отрицает и, сдается мне, все ненавидит, кроме, разве, мертвецов; все его чаяния устремлены в средневековье, восхищается де Местром. Он сейчас учится играть на фортепьяно и сам признается, что он не мыслитель. Таков очередной этап в жизни этого человека, утомленного бесконечными поисками, из которых соткана его биография: врач, естествоиспытатель, археолог, консул; он уже достаточно повидал, ничего иного не желает, с него довольно. «Почему люди не такие, как я?»— так рассуждает обычно человек, который либо мнит себя выше других, либо не в состоянии понять другого. Его секретарь, неокатолик, приверженец серьезной музыки, не знает Гуммеля, Шпора, Мендельсона и т. д. Он нагоняет тоску пассажирами из Генделя, которого я вовсе не просил его играть; левая рука у него не поспевала за правой. Несчастные в общем-то люди.

Гроб Господень. В субботу посещение Гроба Господня. Внешний вид храма с его романскими элементами нас совершенно разочаровал; ключ хранят турки,

в противном случае христиане различных сект передрались бы между собой. Сторожа спят внутри храма на диване возле двери. Чтобы осмотреть храм, когда он закрыт (а закрыт он во все дни, кроме воскресений), просовываешь голову в специально проделанные для этого отверстия в двери; внутри видишь благодатный камень и славных турок на диване; заводим с ними беседу. Обнаруживаем в храме уже знакомого нам итальянца-беженца, он проводит там взаперти дни и ночи (т. е. живет, хотя и временно), «вдохновляясь поэтичностью места». Хорош поэт! Полагаю, он попросту жулик, который водит за нос католических отцов, чтобы подольше бесплатно кормиться у них в монастыре.

Здесь, возле Гроба Господня, я увидел нечто такое, что заслонило все прочие впечатления: портрет в полный рост Луи-Филиппа. О гротеск, ты подобен солнцу! Твоим сиянием пронизан мир, твой свет лежит и на гробнице Христа! И вот что еще поразительно — разделение церквей: греки отдельно, католики отдельно, копты отдельно; каждый на свой лад, в своем углу и более всего ненавидит соседа. Это собор взаимных проклятий, и картина исполнила меня таким холодом и иронией, что я пошел прочь, не помышляя больше ни о чем. Какой-то христианин спросил у моего драгомана, не паша ли я. В мыслях моих, боже сохрани, не было ни толики гордыни! Я пришел сюда просто так, без задних мыслей, в простоте сердечной. Счастлив тот, кто проливал здесь слезы благодатной любви! Но, кто знает, каким жестоким испытаниям подвергалась тут усердная вера средневековых пилигримов, как горько было на душе у тогдашних паломников, когда по возвращении их в родные края все смотрели на них с завистью и говорили: «Расскажите же! Расскажите!», «Не верь хаджи» (арабская пословица). Армянам, совершающим паломничество в Иерусалим, запрещено под угрозой отлучения говорить о своем путешествии из опасения, что рассказ этот отвратит их собратьев от посещения Святой земли (Мишо и Пужула). Причину же своего разочарования, если предположить, что таковое имело место, я усматриваю только в себе самом.

На обратном пути заглянули в протестантскую церковь: по бокам на скамьях сидели люди в черном; слева, за кафедрой, господин в брыжах читал Еванге-

лие; стены совершенно голые, точно это класс в начальной школе или зал ожидания на вокзале. Нет уж, мне больше по душе армяне, греки, копты, католики, турки, Вишну, идолы, кто угодно! Прощайте, господа! С меня довольно! Прочь отсюда! Мы и четверти минуты там не пробыли, а я успел ощутить беспредельную скуку.

Во второй половине дня в сопровождении Стефано, Юсуфа, Сассетти и двух погонщиков мулов осматривали царские гробницы, Оливковую гору, купальню Силоам и дом Каифы.

Усыпальницы царей расположены на восток от города. Вход в виде открытого грота.— Налево проход, войти в него можно только согнувшись.— Ряд залов (в два этажа) с углублениями в стенах. Низкие проходы.— Каждый склеп рассчитан, как правило, на три гроба, один в глубине и два по бокам. Небольшие пирамидальные углубления в стене, предназначенные для погребальных светильников. После Египта это мало впечатляет; здесь нет ничего, кроме искусной работы каменолома.

Оливковая роща — это огороженный невысокой белой стеной участок у подошвы горы с тем же названием.— Дул сильный ветер, трепетали серебристой листвой оливковые деревья; теплый и в то же время жесткий воздух, белая дорога, жгуче-голубое небо. С возвышающегося на Оливковой горе минарета открывается вид на Иерусалим: город спускается уступами с запада на восток к царским гробницам и долине Иосафата, которая по ту сторону источника Силоам называется уже долиной Кедрона.— В мечети Вознесения нам открыл дверь старичок с носом полишинеля, одетый в род желтого плаща; обнесенный каменной рамой, там лежит камень; верующие видят на нем отпечаток стопы Иисуса, отсюда он вознесся на небо.— Вечером отправляемся с визитом к Ботта; застаем его в обществе преподобного католического отца.

Понедельник. В четверть восьмого утра выехали в Вифлеем. До греческого монастыря Илии дорога довольно хороша.— В монастыре ничего примечательного, кроме разве варенья, кофе и славного белобородого попа, как мне кажется, совершенно очарованного речами Максима о протестантах — обращенных иудеях, грозящих стать хозяевами в Иерусалиме.

Отсюда до Вифлеема местность каменистая и гористая, почти пустыня. Начинается! Время от времени нам встречаются женщины из Вифлеема в полосатых одеждах с прямоугольниками из цветного шелка на груди. У девушек на головах платки с серебряными монетами, у женщин — шапочки с остроконечными выступами, прикрывающими уши. Спереди ряды монет, позади еще монеты, а с них на тесемках свешиваются крупные медали; сверху чепец обрамлен валиком, у богатых — серебряным кольцом.

Вифлеем — большое селение с каменными домами. Перед ним долина или, вернее, обширная воронка, ущелье, в котором сходится множество других ущелий. — Все постройки из камня, сложено крепко, много штукатурки. — У входа в селение источник, женщины черпают воду, верблюды. Налево городские отхожие места. — Внизу в поле видна группа плакальщиц: похороны; подходим к армянской церкви, там служат заупокойную мессу. — Здание под деревянной кровлей разделено на две части внутренней перегородкой, круглые колонны с крашеными акантовыми листьями на капителях оставляют неприятное впечатление; с каждой стороны два ряда колонн; над ними едва различимые остатки мозаики. — Как и в Храме Гроба, тут есть армянская церковь — первый придел слева от входа; греческая — посередине и придел справа; и, наконец, отдельно от первых двух римская — удручающее ничтожество; исключение составляет лишь темный и убогий грот святого Иеронима.

Греческая церковь: золоченый резной деревянный иконостас очень тонкой работы, посередине двустворчатая дверь, сплошь золотая. Между колоннами иконостаса картины: Иоанн Креститель держит в правой руке блюдо, на котором лежит его собственная отрубленная голова (апофеоз?); наверное, поэтому его повсюду изобразили с крыльями. Справа портреты святого Николая и святого Спиридона, они стоят рядышком, лицом к зрителю. Верхняя часть иконостаса (второй этаж) украшена картинами меньшего размера — это сцены из жизни Иисуса. У основания иконостаса лежат на поручне доски, расписанные в таком же духе, они предназначены для целования.

В углу слева, если стоять лицом к алтарю, изображены Авраам и Исаак: на переднем плане справа Авраам взывает к Богу; слева они с Исааком идут к месту жертвоприношения, за ними осел с охалкой

дров на спине, морда опущена до земли (то ли ему так удобнее идти, то ли он щиплет траву). На втором плане Исаак сам несет хворост, а отец держит нож. На третьем плане Исаак лежит, а Авраам собирается его зарезать, рядом ягненок, привязанный веревкой к дереву; ангел, отводящий руку Авраама, расположен в правом верхнем углу, Авраам повернул голову на его зов. Лица Авраама и Исаака всюду осенены золотыми дисками, кроме сцены жертвоприношения.

Другая картина в том же роде справа у входа в Вертеп, подле греческого придела: в центре (панно полукруглое) Богородица, на которую нисходит непорочное зачатие в форме длинного огненного языка с сиянием на острие. На уровне ее груди стоит Иисус в зрелом возрасте с простертыми, как и у матери, руками; он парит в воздухе, опираясь на полог своего плаща, который, прогибаясь полукругом, ниспадает с одной руки на другую; Богородица осенена кругом из копьевидных сияний. На самом верху витает Бог-Отец, а по бокам отцы церкви и пророки, склонившись, созерцают, как нисходит на Деву зачатие. Тут же изображены различные сцены из жизни Иисуса, по отношению к которому Богоматерь, помещенная в центре картины, сохраняет полнейшее равнодушие.— Подле третьего придела или третьего алтаря (греческая церковь) роскошная византийская Мадонна с Ребенком на руках. Вместо одежды на ней самая натуральная парча, усеянная блесками; на голове сетка, какую носят здешние женщины, черная с серебром, а поверх венца род павлиньего хвоста с голубыми и белыми глазками, причем вместо белых глазков кое-где головки херувимов.

Вертеп: две совершенно одинаковые лестницы из розоватого мрамора, от входа до Вертепа — десять ступенек, от уровня пола церкви до порога Вертепа — шесть; лестница полукруглая.— Дверь в романском стиле с намеком на стрелку в овале перекрытия, по бокам две небольшие беломраморные колонны; над дверью справа Богоматерь с мальчонкой в византийском стиле, все в золоте. Если входить в Вертеп с левой стороны, открывается самая сладостная, таинственная, исполненная нежнейшего великолепия картина, которую только можно вообразить, от сияющих в темноте лампад разбегаются глаза, ряды их тянутся вправо, влево, в глубину.

Пять лампад, защищенных решеткой, горят в самом месте Рождества Христова; свет их мешает разглядеть в глубине изображение Рождества в серебряной рамке. Полукругом, освещенным шестнадцатью лампадами, обозначено место поклонения волхвов. То место, где лежал младенец Иисус, отмечено большой звездой, с которой снята позолота. На некоторых лампадах зеленое стекло и над ним страусиные яйца; переплетение шнуров на потолке. Все обито (или покрыто) тоненьким ситчиком. Я стоял и не мог отвести глаз, настолько это прекрасно, правдиво, исполнено мистической радости; некоторые светильники не горели (в «Поклонении волхвов» — каждый пятый!).

Обедали у Иссы, родственника Иссы из Кены. — Купили кое-какие реликвии. — В получасе езды от Вифлеема — сады Соломона (деревня Ортас). До чего мил этот маленький оазис (вытянувшийся к югу) среди серых, усеянных камнями ущелий; Кро¹ не выдерживает сравнения с ним. Пруды Соломона, их три; во втором немного воды, третий заполнен наполовину. Внутри они покрыты слоем цемента, расположены в три этажа вдоль стены; для спуска вдоль стены сделаны лестницы. Перед глазами встают дочери Израиля, спускающиеся по воду с большими кувшинами; пейзаж в духе Мартина.

Деревня (без названия) в древней турецкой крепости, по преданию тоже построенной Соломоном. Возвращаемся, минуя Вифлеем. — Исса прощается с нами и сворачивает вправо. — Слева в ущелье — зелень оливковых деревьев, они покрывают склон до середины. — Встречается караван бедуинов; белые рубахи распахнуты, грудь обнажена, мерно покачиваются на верблюдах. — Замыкает шествие негр. — И еще на вершине холма повстречалось нам стадо верблюдов, они шли цепочкой, без узды и без поклажи, на спуске цепочка рассыпалась. Их негнувшиеся ноги плавно двигались на фоне голубого неба. На последнем верблюде ехала женщина с маленькой девчушкой на руках, чепец весь увешан серебряными монетами. — Я спустился один в Гефсиманский сад, потом поднялся обратно, и мы вместе возвратились через яффские ворота.

Гроб Господень (второе посещение). — При входе камень помазания: розовый мрамор с прожилками

¹ Каменистая равнина в устье Роны.

в своеобразной раме из того же материала, по углам четыре медных шара; в изголовье и в ногах шесть канделябров; сверху висят на цепях восемь резных фонарей, расцветенных голубым и зеленым и напоминающих издали китайские фонарики; напротив входа, позади камня, гобелены с изображением главных чудес Иисуса Христа.

Внутри храма оштукатуренный купол, опирающийся на восемнадцать столбов, украшенных жалкими росписями. Купол обветшал. В центре под куполом небольшая четырехугольная часовня, в торце которой, снаружи, расположен коптский алтарь. При входе в храм снимают обувь — мусульманский обычай прева­лирует. — Наш турецкий янычар размахивает палкой, разгоняя нищих и в самом деле несносных. — Он бьет кулаком слепого; янычар — рослый юноша в красной куртке и, как мне кажется, страдаемый отчаянной скукой. — В пролете между двух столбов вижу кухню сторожей (тех, что лежат на диване у входа), там моют посуду, горит огонь в очаге, что-то стряпают, варят кофе. В католическом монастыре (капуцинов Святой земли) мы снова встретили того янычара, он попивал кофе с монахами.

В храме два зала, в первом двенадцать беломраморных колонн по стенам. Рядом с дверью проход к узкой лестнице, ведущей на крышу здания. В этом зале 15 светильников: 5 у армян, 5 у греков, 5 у католиков. Посередине на беломраморной консоли кубической формы камень — осколок глыбы, отваленной от подлинного Гроба Господня. — От второго зала веет первым причастием. Светильников тут что в лавке у ламповщика: 13 у армян, 13 у греков, 13 у католиков, 4 у коптов. Из множества свечей вдоль стен горят только четыре. Экономия!

На дальней стене барельеф: Христос, весь разма­леванный, а по бокам от него Воскресение и Вознесе­ние — безвкусное рококо XVIII века. В фарфоровых вазочках цвета красной смородины стоят розовые цве­ты. — Камень от Гроба Господня беломраморный; на нем несколько масляных пятен и большая трещина посередине. — В глубине стоит шкафчик, где лежат специальные фитили, которые зажигаются о выступ стены; мы тоже их зажгли, как и все посетители. Греческий священник взял розу, бросил ее на камен­ную плиту, окропил розовой водой, благословил и по-

дал мне; в эту минуту мне сделалось горько как никогда, а между тем какую усладу пролила бы она в сердце верующего! Сколько страждущих душ мечтали бы оказаться на моем месте! Чувства эти безвозвратно утрачены для меня! Сколь остро ощутил я тогда тщету всего происходящего, бессмысленность и комичность, а кроме того — запах! — Вошла женщина лет 50, худая, некрасивая, бледная; иссохшими руками она была себя по впалой груди.

Напротив греческая церковь: семипарочный иконостас. Я никогда не видел таких огромных свечей, это целые деревья. — Над центральной аркой иконостаса, возвышающейся над другими, род кафедры в виде балкона, откуда в праздники патриарх благословляет прихожан. С основания этого круглого балкона слетают 5 голубей, держащих в клювах ниточки с голубыми шариками на конце; это напоминает мне вавилонские «языки», описанные Филостратом в «Жизни Аполлония». Посреди церкви в подобии круглой вазы лежит шар белого мрамора, пересеченный черной полосой, — он обозначает место, где библейским женщинам явился ангел.

На Голгофу ведет лестница в девятнадцать ступеней. Она разделена надвое. Одна половина, та, что пороскошнее, принадлежит грекам, вторая — католикам. Повсюду светильники и цветной мрамор; повсюду и во всем поразительная безвкусица.

Наверху, вокруг купола Храма, разделенная надвое галерея: половина принадлежит армянам, половина — католикам; тут-то и висит на стене портрет Луи-Филлиппа.

Армянская церковь расположена внизу, ниже греческой (от входа в Храм Гроба надо взять вправо между лестницей на Голгофу и греческой церковью).

Ключи от Храма Гроба Господня находятся у паши, иначе христианские секты учинили бы здесь резню. Для поддержания мира оно и лучше, что ключи от Гроба держат турки; вместе с тем это настолько нелепо, что трудно удержаться от смеха. — Уплатив 60 пара, можно испросить прощение за убийство еврея на площади перед Храмом. — Пока мы осматривали Гроб Господень, в различных церквях пробило 4 часа. (Вторник, 13 августа.)

Четверг, 15-е, Вознесение. Мы вышли через ворота святого Этьена, на наружной стороне которых избра-

жены четыре льва: классические свирепые оскаленные морды, какие встречаются во всех «Историях мира» XVI века. Солдаты стирали белье в деревянных тазах; один из них окликнул нашего вожатого Юсуфа.— Место, где был забит камнями святой Этьен.— Оливковая роща закрыта, уже второй раз нам не удастся ее осмотреть.

Слева храм Гробницы Марии. В дверях абиссинец в голубом тюрбане, которого мы уже видали у Гроба Господня; красивое зрелище.— Спускаемся по лестнице.— Полумрак, горят лишь немногие светильники, тяжелый запах ладана.— Сама часовня расположена напротив, справа, но я уже пресыщен святыми местами. Вновь встречаем белокурую нищенку, которую видели на площади перед Храмом Гроба Господня. Какой-то шейх отводит нас в пещеру, где, по его словам, Иисус истекал кровавым потом. Что за пристрастие к конкретизации! Точно они и Бога хотели бы пощупать руками!

Под деревом между Гробницей Девы и Оливковой рощей выкурили наргиле и выпили по чашке кофе. Неподалеку от нас, за оградой, два капуцина предавались аналогичному времяпрепровождению (плюс водка) в обществе двух очаровательных особ с полуобнаженными белыми грудями. Вот уж где позабавился бы господин Беранже, какие шуточки отпустил бы по этому поводу! Сколько обнаружил бы «сатирических черт»! Жозеф купил род местного печенья: тоненькие светлые листочки теста на кунжутном масле.

Спускаясь по долине Иосафата, видим слева три гробницы: первая, гробница Авессалома, представляет собой род прямоугольного храма с ротондой наверху, увенчанной подобием конуса с вогнутыми боками. По четырем углам столпы с врезанной в них колонной; на каждой стене храма по две колонны с ионическими капителями и плоский тяжеловесный фриз с маленькими квадратиками; весьма скверный ансамбль. Вторая гробница (гробница Матфия), высеченная в скале, исполнена в том же стиле, кроме капителей колонн. Внизу в скале два окна или прямоугольных отверстия (вход через третью гробницу, внутри множество маленьких гротов). Дорога тянется мимо гробниц среди могил израильтян с надписями на древнееврейском языке; такими же надписями испещрены стены третьей гробницы (гробницы Езекии), особенно та, что обра-

щена на восток, к стене города. Колонны в том же стиле, что и в первой гробнице, крыша сделана из цельной глыбы, обтесанной в форме пирамиды. Неподалеку от последней гробницы, ниже по долине, расположен четвертый памятник, небольшой подземный храм, засыпанный землей, видны лишь бесформенные капители двух колонн; узнать, что там внутри, невозможно, ибо все завалено камнями, причем специально: камни выложены в ряд, вход погребен под холмиком земли.

Ниже расположена купальня Силоам, против нее на горе деревня с таким же названием. Здесь растет несколько оливковых деревьев, а двадцатью шагами дальше начинаются огороды.— По камням ползает карапуз, глядит в пустое корыто осел.— По лестнице от источника поднимались мужчины с раздутыми бурдюками на спине. Я подхватил падающего «бэби» и поставил его на площадку, где он ползал.— Спускаемся по лестнице; арка, снова лестница; над головой черноватые камни, в глубине, словно в пещере, покойная вода: это и есть источник.— Слышен плеск воды, мужичины руками наполняют бурдюки.

Дом Каифы расположен в южной части города, на возвышенности; он опрятный, беленький, со сводами и арками. С земли до самой крыши вьется гигантская виноградная лоза, такой огромной я никогда не видел. На террасе виноград, Стефано сорвал на пробу; ягоды еще не поспели, грозди крупные, лиловые и белые.

Пятница, 16-е. Экспедиция на Иордан и на берег Мертвого моря. По мере того как мы удаляемся от Иерусалима, дорога становится не такой каменистой; то спуск, то подъем до самого Иерихона. Нас сопровождает шейх Мохаммед, светловолосый, в белом тюрбане и красных сапогах, и еще двое из деревни Силоам. Навстречу попадают караваны бедуинов, идущих продавать зерно в Иерусалим, сегодня базарный день. Малоприятные физиономии, не внушающие доверия, обуты они во что только возможно — от грубых красных сапог до простой подметки, привязанной веревками; талии перехвачены толстыми и широкими кожаными поясами; на головах тюрбаны. У всех или почти у всех длинные ружья с множеством кожаных блях. Из чего бы ни состоял костюм бедуина, это всегда «костюм бедуина», одноцветный, особого оттенка. Некоторые едут с непокрытой головой; у женщин огром-

ные глаза цвета жженого кофе и губы, выкрашенные в голубой цвет.

В глубине ущелья, имеющего форму воронки, замечаем остатки каких-то сооружений: род аркады и рядом руины — три-четыре груды камней: это источник Самарянки. Привал на несколько минут; тут отдыхают бедуины: ослы, верблюды, люди — все вперемышку. Нещадное пекло, куда ни глянь — горы. Наверху по склону прямо передо мной медленно поднимается верблюд. В ракурсе мне виден только его зад, ноги четко вырисовываются на фоне голубого небосвода, и кажется, что верблюд шагает прямо по небу.

Под ногами уже не камни, а земля, затем известняк; не знаю, отчего так получалось, что свет, падая на белые склоны по бокам от дороги, окрашивал их в розовый цвет, ложился на них прозрачным розовым покрывалом, более ярким у основания и бледнеющим с высотой. На какое-то мгновение мне показалось, что все вокруг затрепетало розоватым сиянием. Дорога петляла, солнце палило, позади себя я слышал топот копыт — наши шейхи джигитовали. Они проскакали мимо меня, и я устремился за ними. Время от времени в просветах между гор показывается ультрамариновое полотно Мертвого моря; местами сероватая земля, равномерно усеянная пучками побуревшей травы, напоминает шкуру огромного, в золотистую крапинку леопарда; местами наоборот: сквозь рыжие травы (кажется, здесь растет не трава, а солома) проглядывают изредка серые пятна земли.

Перед самой равниной Иерихона дорога резко сужается; она вьется теперь по извилистому коридорчику, зажатому двумя гигантскими стенами; мы продвигаемся вдоль правого откоса.

По дну ущелья Хаби-Мусса, там, где зимой течет ручей (сейчас он высох), тянется узкая полоска зелени, точно зеленый уж, ползущий у подножия утеса. С горы Хаби-Мусса открывается вид на обширную равнину, простирающуюся вправо и влево, насколько хватает глаз, с яркой, до рези в глазах, зеленью деревьев, сколь неожиданной, столь и восхитительной; на втором плане гладкое голубое полотно Мертвого моря; вдали горы, окрашивающиеся по мере изменения освещения во всевозможные оттенки цвета, которому я не могу подобрать иного названия, как голубой;

слева гора Карантин и руины на ней. Мы спускаемся на равнину и, проплывав с полчаса между колючих деревьев, выходим на берег прозрачного ручейка; здесь мы спешиваемся, обедаем, отдыхаем.

Аин-Султан.— Течение в ручье быстрое, полным-полно рыбешек, хватающих арбузные корки.— Часа в четыре добираемся до турецкой крепости Эр-Риха — это прямоугольная каменная постройка, возвышающаяся среди деревни, насчитывающая примерно сорок домов или хижин. Во дворе навес, под которым привязаны лошади.— Серая кобыла с двухдневным жеребенком; он едва держится на ногах, ходит на бабках, стучая коленом о колено.

Справа от входа водоем, возле которого турки расселись покурить. Верхний этаж крепости окружен зубцами, слепленными из ила и камней, рисунок их снизу выглядит обворожительным, особенно когда над ними возникают фигуры солдат. Там наверху два навеса из веток. Под одним из них нам постелили ковры, мы курим трубки и пьем кофе.— Внизу в комнате женщина формует хлеб на железном противне и ставит его в печь; от дыма плачем и мы и она. Это бездрожжевой хлеб (походный хлеб иудеев).— Перед ужином отправляемся на прогулку в окрестный лес; день угасает, впадины и выпуклости на горах сделались кружками тени и пятнами света; кое-где точно металлические срезы с мелкими продольными гранями; а дальше полыхает розовый, фиолетовый и цвета сены пожар; небо белое, это сейчас самая светлая часть пейзажа.— Нарываем душистые охапки мяты.

Молодая женщина в голубом с пухлыми щеками и косами, уложенными вокруг головы.— Поужинать оказалось делом нелегким: нас осадил целое полчище котят, Жозеф и Сассетти вынуждены стоять на страже и отгонять их палками. В нескольких шагах от крепости пронзительно пищат шакалы, им отвечают собаки. На юге со стороны Мертвого моря встает луна; в стороне Иерусалима вспыхнула звездочка и вскоре погасла. Мы стоим, облокотившись на зубцы; постепенно все замирает, солдаты (вот уж где пестрота) говорят тише, ложимся спать.

На другой день, в субботу, в половине шестого утра выезжаем в сторону Иордана в сопровождении джигитующего эскорта. Как и накануне, в течение часа продираемся сквозь заросли колючих деревьев.— Ка-

бан, которого Максим принимает за слона или гиппопотама.— У Ханны приступ лихорадки, он возвращается в Иерихон.

Иордан. Сероватая, цвета чечевицы, вода, ниспадающие ветви ив. Мы остановились у излучины реки; слева от нас, совсем рядом, большое дерево, склоненное над водой. Пью воду с берега, стоя на камнях, а рядом со мной пьет мул, которого держит под уздцы неизменно спокойный Абу-Исса. Здешние арабы называют бедуинов с другого берега «немре» (тиграми). В этом месте Иордан шириной, наверное, с нашу Туку в Понл'Есек. Еще некоторое время едем среди зелени, которая неожиданно обрывается, и мы выходим на бескрайнюю белую равнину. Справа от нас белый валик ближайшего из горных хребтов, поднимающихся в стороне Иерусалима.

Мертвое море. Неподвижностью и цветом Мертвое море напоминает озеро. Берега голые; однако, подъезжая, мы видели справа зелень. Берег завален высохшими стволами и обломками, их принес Иордан. Температура воды, как для приема ванны; против моего ожидания вода прозрачная. Сассетти попробовал ее на вкус и обжег язык; я не стал экспериментировать, поскольку и без того мучился жаждой. Пускаем лошадей по воде и перебираемся на галечный островок шагах в шестидесяти от берега. Слева четыре горы или четыре горных массива; второй из них темнее прочих, почти коричневый, следующий бледнее, а четвертый теряется в дымке. Правая гора (отделяющая нас от лавры Саввы Освященного) внизу белая — это ближайший к нам ряд холмов, а выше серовато-лиловая, подернутая розовой дымкой.

В сорока пяти минутах езды от Мертвого моря начинается подъем. С этого места до самой лавры мы только и делаем, что петляем, спускаемся и поднимаемся снова; нам открываются цирки и гигантские стены, а позади до самого горизонта протянулась равнина; по мере подъема горизонт отдалается.

Мы идем по карнизу, под ногами пропасть, на дне ее длинная белая полоса с деревьями по обеим сторонам, словно дорога — это пересохшая река.— По сухому песку семят куропатки.— За первой грядой встает вторая, гребень наподобие рыбьей спины или верхушки церковного нефа; плоскогорье, а за ним третья гряда, снова карабкаемся по горам. Земля уты-

кана светло-рыжими париками — пучками колючей травы; участки в виде шкуры леопарда, какие встречались накануне; здесь и впрямь растет не трава, а солома, сухая, жесткая, прямая, в дюйм высотой. Небо голубое, яркое, резкое, временами порывы свежего ветра; совсем не так жарко, как утром, на пути от Иордана до Мертвого моря. Справа водоем, выдолбленный в скале, вода в нем зеленая и скверная на вкус; Абу Исса достает воду при помощи веревки.— Камни, скрывающие гору Эль-Хаби-Мура, на которой стоит мечеть; они лежат так, что их можно принять за гробницы.

Лавра Саввы Освященного. Длинный скат протянулся до самого монастыря. Долина, вернее, теснина еще красивее, чем на Эль-Хаби-Мура, она глубже, круче, причудливей. С одной стороны на другую перелезают голуби, гнездящиеся в скалах.

Монастырь вырублен в скале, скалы окружают его с боков, сверху и снизу; внутри есть отвесные обрывы; таков настоящий палестинский монастырь. Письмо наше поднимается в корзине.— Располагаемся на широком диване, устланном коврами, на потолке медная лампа.— Нам прислуживает белобородый, сгорбленный монах.

В церкви живопись в том же стиле, что и во всех греческих храмах, это совершенно особое искусство. На входной двери изображен Страшный суд: ад помещается в пасти чудовища; блаженные с нимбами над головами толпой входят в небесный Иерусалим; гробы отверзаются, Иона едет на ките; два турка падают в ноги какому-то пророку и т. д.; весьма занятно. На другой картине святые напоминают дервишей или брахманов: высокие, тощие, с неизменно длинными бородами, спускающимися до земли. Распространенные мотивы в греческой религиозной живописи: Иоанн Креститель обязательно снабжен крыльями, лицо суровое, даже жесткое; Богоматерь всегда с Иисусом.— Иисус широко разводит руки и обнимает ее, как младенец.

Многие картины из России.

Нам показывают через решетку гробницу святого Саввы; груды черепов, принадлежащих монахам, зарезанным бедуинами; еще показывают часы.— В саду чучело голубя.— Монахи прикармливают двух лисиц, каждый вечер они им бросают два хлеба; лисы сидят

и ждут, а получив хлеб, убегают.— Бессонная ночь. Лунный свет на горах и монастыре, мерный звон часов. Бой колокола, пение монахов в церкви. Я сижу на стуле, опершись ногами о низенький парапет, курю и смотрю в ночь.

В 7 часов отправляемся в путь, выпив по чашке кофе и рюмке спиртного и съев горсть винограда, от чего мы мигом проснулись. Спускаемся по откосу и направляемся в сторону Иерусалима. Мне наскучило тащиться позади шейха Мохаммеда, и, пустив лошадь галопом, я обогнал всех шагов на сто и ехал так в течение минут десяти. И вдруг я услышал выстрел и лай собаки. «Видно, Макс песика пристрелил»,— сказал я себе, зная его воззрения по данному вопросу. Остановив лошадь, я обернулся. В сотне шагов позади меня (теперь впереди) я увидел струйку дыма; она исходила из точки, расположенной выше дороги, из чего я заключил, что стрелял охотник-бедуин или же кто-нибудь из наших во время джигитовки. Пока я преспокойно обдумывал свои предположения (мысль об опасности не приходила мне в голову), на дороге показались Макс, Жозеф и два наших шейха, они ехали шагом, разговаривали тихо, что укрепило меня в моих догадках. «Если бы убили собаку,— думал я,— поднялся бы крик и я бы услышал звуки голосов». Макс догнал меня и рассказал про выстрел, он был недоволен тем, что я сразу же не вернулся. В принципе он был, вероятно, прав. Оправданием мне служило то, что я вовсе не думал об опасности, ничего не подозревал, а развернув лошадь, тотчас увидел их и стал поджидать. Мы шли бок о бок, и тут между нами, ближе к Макс, пролетела пуля; я услышал ружейный выстрел (по-прежнему не догадываясь об опасности). Обернувшись, Макс заметил человека, целящегося в нас; с искаженным лицом Макс заорал: «Да это же в нас стреляют! Вперед, черт побери! Быстрее, быстрее!» И он припустился во весь опор, пригнув голову к седлу и схватившись левой рукой за саблю; я догоняю Жозефа и кричу: «В галоп! В галоп!»— и тут вижу, что его вещевой мешок отвязался, ружье и трубки падают, а сам он натягивает поводья и останавливает лошадь, чтобы подобрать имущество (как выяснилось, ничего подобного не случилось, мне это только показалось, а потерялся лишь мой чубук, да и тот был на седле у шейха).

Слышу второй выстрел, Макс что-то кричит, но разобрать слов не могу, вижу только, как он летит быстрее ветра. Тут наконец начинаю что-то понимать; схвативши саблю в левую руку, а поводья в правую, я припускаюсь во весь дух, перемахивая через все преграды. Я предался наслаждению неистовой скачкой и беспокоился только об одном: как бы не слететь с лошади, именно в этом виделась мне наибольшая опасность; я сидел как влитой, крепко сжимая бока лошади и точно нес ее по воздуху; несколько раз мне удалось зубами поймать выскользнувшие из рук поводья с удалью имперского кирасира. Бесконечные изгибы горы должны были прятать нас от выстрелов. Впрочем, тут-то и таилась опасность (эта мысль насторожила меня): враг мог горными тропами пойти наперерез и настичь нас с фланга. Дважды Макс останавливался, и я слышал, как шейхи кричали: «Гавон! Гавон!» Мы снова пускались вскачь; в третий раз я остановил лошадь из сострадания к ней, но, видя, что Макс не останавливается, поскакал дальше и нагнал его. Так продолжалось минут десять, не знаю, сколько мы проскакали за это время, наверное, около мили. Остановились на перекрестке; Жозеф, который, как я полагал, был далеко позади, оказался совсем рядом. Мы помешкали минуту, не зная, по какой дороге ехать, но в итоге поехали куда кадо. Когда шейхи догнали нас, обнаружилась пропажа одной из сумок, той самой, в которой лежали наши фирманы; сегодня утром нам ее вернули. В Иерусалим возвратились через Силоам и ворота святого Этьена.

Мы отправились к консулу (вместе с шейхом Мохаммедом) и рассказали ему всю историю.— Отдых.— Ужин у консула.— Вечером слушали сонату Бетховена, она напомнила мне о моей покойной сестре и папаше Малансоне, перед глазами встала маленькая гостиная и мисс Джейн со стаканом сладкой воды в руках. Рыдание стеснило мне грудь, музыка эта в скверном исполнении сокрушила мое сердце смешанным чувством печали и удовольствия; оно не оставляло меня всю ночь, отчего и приснился мне кошмарный сон. (Понедельник, 19 августа, 3 часа.)

Следующий день посвятили писанию писем.

Среда, 21-е. В сопровождении Стефано осмотрели монастырь святого Иоанна.— Вышли через дамасские ворота, дорога каменистая, час с четвертью пути.

Монастырь расположен в глубине небольшого ущелья. Миновали деревню с высокими оливковыми деревьями.— Под ними сидят крестьяне. Отливающая серебром ветка дерева поднимается от ветра и дрожит на солнце.— Часовня монастыря; в глубине святой Захария, по бокам от него два небольших алтаря под балдахинном из красного дама.— Слева от хора место, где родился Иоанн Креститель; грот, преобразованный в часовню; вокруг небольшие барельефы, изображающие различные сцены из жизни святого Иоанна.— В ризнице покрывали лаком шкафы.— Маленькое испанское распятие, очень трагическое.— В комнате, где нас принимали, передо мной висела карта Испании и Португалии.— Назад возвращаемся в молчании.

Близ Иерусалима сад среди скал, посаженный секретарем греческого патриарха из филантропических побуждений. Возвратились в половине шестого.

Около полудня посетил одну особу на соседней улице; она христианка, не слишком юна, черноволоса, некрасива, неопрятна, прекрасные глаза, прямой нос, скверные зубы; налево спальня, черный матрас. Во дворе шейх Мустафа и Жозеф; служанка, старообразная, светленькая, улыбчивая, с меленькими монетками вокруг головы. Ее дверь слева на спуске. Баба в лохмотьях встретила нас на улице и провела в дом.— Тишина, солнце, пустынные улицы, влажная тень; залитые солнцем террасы; по углам кое-какая утварь; на стене стоит кошка, задрав хвост.

Пятница, 23-е. Отъезд из Иерусалима.— Сцена Сассетти.— Прощание с Максом Ботта, Барбье де Менаром, Амедеем.— Стефано сопровождает нас в течение часа, пока мы не нагоняем багаж. По мере того как мы удаляемся от Иерусалима, город погружается в зелень оливковых деревьев, подступающих к нему со стороны царских гробниц, а прямая линия стены на севере постепенно понижается и проглядывает сквозь листву. Я полагал, что еще увижу Иерусалим и попрощаюсь с ним, но тут между нами вырос холм, а когда я обернулся в следующий раз, город уже полностью исчез из виду. Поначалу почва не слишком камениста, бледно-рыжевато-бурая земля напоминает по цвету здешний табак.

Остановка в Бире, там не то большой караван-сарай, не то крепость. Жозеф говорит, что он построен палом-

никами; когда из свода выпадают камни, останавливающиеся здесь путники сами затыкают дыры. Время от времени нам встречаются небольшие стада черных коз.— Местность совершенно бесплодная, кругом лишь камни, галька да скалы, некоторые цвета пемзы, и так до источника Аин эль-Карамия. Перед ним ложбина, усеянная скалами; некоторые из них отдаленно напоминают очертания гигантских капителей. На склоне горы пели дети, невидимые за оливковыми деревьями; у источника отдыхал человек, держа свою лошаденку за повод. Пока мы сидели в тени, переводили дух и курили, прошли два-три верблюда; один из них с отвисшей губой и двумя большими кисточками, висящими по бокам головы, походил на старуху с горбатым носом и прической на английский лад. Через два часа пути, после весьма сложного спуска по камням, мы оказываемся в долине, где и располагаемся на ночлег. Впереди холм, еще два слева, один справа и один позади; мы находимся в ложбине, дорога совсем рядом, слышу голоса проходящих мимо трех женщин; спускается ночь.— Сассетти стелит постели.— Позвякивает бубенчик мула.— Фонтан остался справа, впереди внизу караван-сарай Лебан.

Встаем при луне, продрогшие за ночь; в половине пятого мы уже в пути, дорога лучше, нежели вчера. Идем по правому склону горы и, обойдя ее, попадаем в долину Сихема. Часов около восьми перекусываем на ходу неподалеку от Хуввары. Перед нами широкая долина, со всех сторон окруженная горами, по ней разбросаны квадратики возделанной земли или зелени; долину пересекает дорога на Тивериаду. Поворачиваем налево и вступаем в долину Наблуса. У поворота нам встречаются две нагруженные женщины; у одной большие черные глаза, надвинутая на лоб феска, украшенная посередине серебряным пластром, лицо живое и энергичное; она приветствует меня словом «Комбакрер».

Наблус весь каменный, кругом купола и прямые линии стен. При подъезде к городу слева оливковая роща. Большие тенистые сады, ручейки, зеленые аллеи, свисающие с веток колючие побеги, испражнения по берегам ручьев. Мы разбили лагерь в саду под большой шелковицей, величиной со средний дуб. Перед нашим приходом там наслаждались прохладой женщины без вуалей; тут же расположился Жозеф со

своей кухней; кто-то из местных, то ли сторож, то ли садовник, поймал большого черного ужа.

Дома в Наблусе, как в Иерусалиме, а базары красивее. Мы проходим через весь город и возвращаемся тем же путем с остановкой в кофейне. Входом в мечеть служит портал церкви времен крестовых походов, поздний романский стиль, капители с акантовыми листьями; верхняя часть портала оформлена находящими друг на друга аркообразными нервюрами; стиль выдержан очень строго. Кое-где перед лавками прямо на земле разложены для просушки шкуры, прохожие наступают на них. Копт в черном тюрбане предлагает нам ничего собой не представляющие камни. В кофейне видели гигантские чаны для кипячения воды. Плащи из белой шерсти. Некоторые мужчины носят феску следующим образом: вокруг головы небольшой тюрбан, а феска спущена назад (она прикреплена к тюрбану и свешивается набок, не доставая дюйма или двух до плеча).

Утром выезжаем из Наблуса. Слева от нас зелень и дома, до Ябада отвратительная дорога. При подъезде к нему небольшая долина, сверху она казалась оканом камней, и только кое-где местами проглядывала земля. Оливковые деревья, поля, обнесенные стенами сухой кладки, временами пейзаж напоминает подножие горы Кармель или горы Абу-Гуш.

Сассюр. Крепость расположена слева на возвышенности посреди обширной равнины.

Рабатж. Белая сухая пыльная деревня; наши погонщики не знают, по какой улице идти. Местные жители настроены недоброжелательно, дети кричат нам: «Псы христианские, чтоб вы сгорели, чтоб вас Бог покарал» и т. д. Мы идем быстро, но успеваем заметить, что трое мужчин взяли ружья и пошли впереди нас. Оливковая роща, дорога идет на подъем. Перед следующей деревней мастиковые деревья, на ветвях клочья одежды, лошади цепляются гривами за ветки. Кустарники; здесь мы теряем тех трех молодцев из виду. «Держите оружие наготове». Петляем по ущельям — предосторожность наших погонщиков, которые предпочли этот путь восхождению на гору. — Стадо коз у источника, лай собак.

Дженн. Как и накануне, разбили лагерь под смоковницей. Мечеть, окруженная зеленью, широкие про-

сторы вокруг.— Израильские равнины.— Губернатор, полный блондин, сидит на циновке возле своего дома; рядом чернобородый военачальник, нос крючком, глаза добрые, живые, натертые розовой водой; красная куртка в черную полоску.— Короткая прогулка по Дженину; не обнаруживаем тут ничего примечательного, кроме разве собаки, раздирающей дохлую вспухшую лошадь, начав с заднего прохода. Две-три лавки. Жозеф покупает виноград и несет его в моем синем шарфе.— Кузен губернатора увязывается за нами в надежде получить хинный порошок.— Мельница, прозрачная струя воды; женщина, пришедшая по воду; на ней пояс, цветное покрывало, прикрывающее только рот, у нее красивые руки в стиле Миньяра, прямой нос, черные опущенные глаза.— В нашем лагере переполох и жаркие обсуждения. В этой местности свирепствует лихорадка и полным-полно грабителей. Ночь не такая холодная, как предыдущая.

Встали в 3 часа, выехали в 4. Обширная прекрасная равнина, носящая название Израильской. Поля кунжута — зеленые квадраты, выделяющиеся на светлом фоне порыжевших от зноя трав; китайские зонтики чертополохов. Местами небольшие участки хлопка и кукурузы. Солнце встает справа, перед восходом гора осеняется сияющим ореолом; облако наподобие длинного шлейфа, одна его часть золотая от солнца, другая — синяя, бледнеющая в стороне Дженина. Абу-Али нарвал цветов белены.— Эскорт из трех солдат-турков, один из них вооружен бамбуковым копьем длиной футов 12—15, не менее, древко украшено наверху двумя большими кисточками.— Вооруженная вылазка, солдаты пускаются во весь опор, выхватив пистолеты, один солдат описывает большой круг и мчится наперерез.— Утром подстрелили зайца.— На краю равнины высится небольшая гора, за которой расположен Назарет; справа гора Фавор, на глаз она стоит совершенно отдельно от других и имеет форму слегка вогнутой полусферы. Если с горы обернуться назад, вся равнина кажется светло-коричневой, бледно-шоколадной с отдельными светлыми пятнами. В одном месте поднимался дымок — видно, ночью там жгли костер. Нам попадаются на пути восемь-десять пастушьих палаток, здесь пасут коз; людей не видно, две-три желтые собаки. У подножия горы эскорт покидает нас; сверху неожиданно открывается вид на Назарет (слева).

Назарет. Первое, что видишь,— это минарет, окруженный кипарисами. Полосатая от белых камней земля являет собой зрелище необычное и чарующее. Внизу на склоне дорога сворачивает вправо, слева в нее вливается другая. Запыленные опунции, яркое солнце, все вокруг так и сверкает.— Белые дома Назарета.— Сегодня попадается меньше ящериц, вчера же они сидели на каждом дереве.— Благовещенский монастырь, нас принимает капуцин с бородой.— Голландский капитан, его супруга и их белокурая синеглазая дочурка в папильотках.— Визит к французскому поверенному; в лавке встретили его сына; говорят, что путь до Дамаска труден и опасен; договариваемся о сопровождении и т. д.

Посещение греческой церкви, расположенной за чертой города, там битком набито арабами; завтра у греков праздник Богородицы. В церкви нечем дышать, у входа гора трубок.

Католический храм: гобелены из Арраса; грот, где ангел благовествовал Святой Деве, рассеченная колонна. Нам показывают род шкафчика в стене — окно, в которое сошел ангел.— Гроты позади алтаря: молельня и кухня Пресвятой Девы.— Еще один грот — дом Иосифа, в нем удушающая влажность, с римских времен сохранился лишь уголок стены.— В другом месте огромный каменный стол, вернее, плоская глыба, за которой Иисус до и после воскресения не раз селся за трапезу вместе с апостолами.

У источника женщины кричат и бранятся; здешние женщины весьма хороши собой, классические, правильные лица; подол платьев имеет две прорези и колыхается на ветру; кувшины они носят на голове, положив их набок. Много светловолосых.— По дороге от монастыря к французскому поверенному замечаем на углу улицы группу женщин; одна из них — крупная, толстомясая, светлая, нос слегка с горбинкой. Талии у них, как и у мужчин, перехвачены поясами, что подчеркивает линию бедер.

В доме французского поверенного висят портреты Амелии, Клары, Гортензии и т. д.; кроме того, раскрашенная репродукция наполеоновской битвы и сцена из «Нельской башни».

От Назарета до Каны все тот же пейзаж.

Кана расположена в ложбине и со всех сторон окружена горами. Поселок прилепился на склоне.—

Опунции.— Проходим позади греческой церкви, заходить в нее отказываюсь. Вспоминается полотно Веронезе.

После Каны дорога становится более проезжей. Обширная зеленая равнина, на конце ее начинается подъем, переходящий в холмы, за которыми стоит Тивериада; справа равнина, упирающаяся в гору, получается цирк. На краю ее большой костер, круглый столб дыма — точь-в-точь колонна. Объезжаем холм, с вершины которого открывается вид на голубой лоскут Галилейского моря; странно видеть его таким маленьким и среди невысоких серых гор, испещренных камнями.— Стены разрушены землетрясением, происшедшим в 1828 году.— Останавливаемся в гостинице у иудея.

Хамсин; всю вторую половину дня лежал на диване в испарине, мучаясь животом. Вечером после ужина прогулка; встречаются только одни иудеи, кто в меховых шапках, а кто в широких, черных. Смаэль-Ага, начальник нашего эскорта, ведет нас на берег.— Серые горы окутаны бледно-розовой дымкой.— Теленок пьет воду, на улицах коровы; слева мечеть и пальма.— Высоко в горах.— Зафет.— Смаэль приводит нас во двор, где сидит много иудеев (синагога?).

В низкой комнате, где разместились наша охрана и где едят Жозеф и Сассетти, спит в люльке голый младенец; когда заходишь, желтый пес с недовольным видом уступает тебе место, потом ложится снова. Я исхожу потом, наверное, сама Аретуза так не потела.

Тиверия, вторник, 27 августа, 7 часов 5 минут вечера. Как и вчера, дул удушающий хамсин, мы весь день лежали на диване, обливаясь потом, или спали. Часа в четыре выехали верхом осмотреть купальни, расположенные в полумиле на дороге между горами и морем; земля усеяна камнями вулканического происхождения и опрокинутыми колоннами; повсюду остатки стен. Грудная ягода, олеандры, мята.— Купальни Ибрагима-паши: бассейн, укрепленный на небольших колоннах; при входе встречаем двух некрасивых женщин и старого иудея. Температура воды градусов 36, сам источник теплее. Старые купальни чуть дальше.— Максим взял в руки хамелеона, тот покрылся шоколадными пятнами.— Возвращаемся по берегу моря; горы Хаурана серые, покрытые розовой глазурью. Пытаемся войти в город через разрушенные

укрепления, но это нам не удастся. Последняя башня на южной стороне стоит совсем отдельно, точно декорация; позади нее пальма.— Возвращаемся через ворота, у которых сидит мужчина в красной куртке.— На улицах нам встречаются иудейки с севера со светлыми курчавыми волосами.

Четверг, 29-е. Выехали из Тиверин утром в 3 часа с четвертью, ярко светит луна, слева от меня ложится тень коня; едем на север вдоль озера у подножия гор; впереди на горе виднеется Зафет. Внизу справа между склоном и озером кустарники и кабанье логово. Арабы наши забавы ради стреляют пулями по куропаткам и одну подстреливают. Несколько куликов скользит по голубой поверхности моря, темнеющей с наступлением дня. Слева отвесный склон горы чуть отступает; здесь вход в ущелье, уходящее на запад, в нем, по словам Смаэля-Аги, множество гротов и, кроме того, крепость, высеченная в скале. Местами виднеется зелень, кусты испанского боярышника, как на берегу Мертвого моря.

Кое-где хижины или шалаши, речушка — Геннисарет, справа от тропы домишки; так продолжается некоторое время. По левую руку от нас параллельно дороге тянется ущелье, шоколадные склоны которого лежат отвесно срезанными пластами; поднимаемся по отлогому скату. Земля покрыта длинными сухими золотисто-белыми, как светлая кудель, травами; справа разбрелось стадо верблюдов, они щиплют траву и поднимают носы, когда мы проходим мимо. Еще река, олеандры растут двумя роскошными букетами по бокам от тропинки. Здесь начинается восхождение; по мере того как мы взбираемся выше, растут и горы позади нас, пейзаж поднимается вместе с нами, и озеро, расположенное в низине, кажется, лежит на одном с нами уровне. Рыже-бурые горы вырастают одна за другой, выстраиваются рядами, точно набегающие волны. Привал у источника в тени отвесной ржавой скалы, спускающейся уступами. Снова трогаемся в путь, горизонт отступает, расширяется, край Тивериадского озера исчезает в дымке, надо всем возвышается продолговатый купол Фавора.

Зафет (Вегулия). Крепость Зафет примостилась на склоне, высоко на горе. Улицы здесь до того узки, что багаж наш не может проехать; на нас глазеет целая толпа, в основном иудей в жутких шапках. У одного из них мы и останавливаемся, это французский по-

веренный, он помещает нас в небольшой комнате со сводчатым потолком, где висит на трех цепях застекленная лампа. Вечером к нам пришла за консультацией высокая еврейка в красном чепце и привела бледного-пребледного мальчугана, страдающего лихорадкой.— Хозяин наш, расположившись на диване Макса, курил чубук, рядом с ним, слева от меня, сидели его два сына.

На переднем плане рыжие горы, испещренные камешками наподобие леопардовой шкуры; местами камни лежат полосками. В виде, который открывается с Зафета, суммируются все описанные выше пейзажи.

Несносная ночь, одолевают блохи и клопы, зудит все тело. Не в силах выдерживать этого доле, я беру Максово пальто и отправляюсь спать на улицу, для чего отваживаюсь пересечь хозяйскую спальню. Вся семья расположилась на матрасах прямо на полу, вповалку; отец храпит, мать справляет нужду, ребенок орет, запах затхлости, заспанности, газов. Пытаюсь прилечь на террасе рядом с Жозефом и Сассетти, спящими на циновке: Сассетти — завернувшись в пальто, а Жозеф — в войлочную накидку. Но и тут мне не спится от холода и зуда, кожа так и горит; и только утром, часов в 9, я задремал на кишашем насекомыми диване. В 11 часов начали собираться в путь. Хозяин наш говорит, что дорога очень опасна: в таком-то месте убили такого-то, там-то ограбили такого-то, несколько дней назад прикончили турка, отрезали ему голову и кисти рук и т. д. Охрана наша в это время находится в мечети; здешние люди очень благочестивы во время путешествия; перед тем как двинуться в путь, они непременно приводят в порядок свою совесть: любой из нас может не вернуться — так рассуждают они в душе, хотя вслух не говорят об этом. Словом, после того как наши охранники получили всевозможные наставления и сняли колокольчики и бубенцы с мулов, мы трогаемся в путь.

Каменистая дорога идет на подъем под сенью оливковых деревьев; один из наших сопровождающих, весельчак и шутник без передних зубов, едущий верхом на гнедой клячонке, затягивает песню, затем мы спускаемся и выезжаем на равнину. Тут Абу-Исса и Абу-Али получили от нашей охраны хорошенькую взбучку за нанесенные им оскорбления. Великолепно отреагировал Жозеф. «Они турки,— сказал он.— Пусть они

режут друг друга, если хотят, нас это не касается». Трава выжжена огнем, это способ удобрять землю; почва от этого приобретает черноватую окраску.

Часов в 5 мы прибываем в Джиср-Бенат-эль-Якуб и разбиваем лагерь. Слева от нас мост, прямо перед нами река, заросшая травой и камышами, за мостом широкое голубое полотно Бахр-эль-Хуле. Подъезжая сюда, мы заметили бугры на берегу озера — это шатры бедуинов. Макс утверждает, что они следят за нами; наступает ночь.

По другую сторону моста караван верблюдов с товарами, верблюды лежат, а погонщики в плащах и с трубками в руках прохаживаются между ними.

В Зафете мы прихватили с собой человека, который попросил разрешения присоединиться к нам; это глубокий старик, белобородый, сгорбленный, потрепанный временем; на голове у него громадный тюрбан, вооружен до зубов; он торговец лошадьми, ведет с собой белую клячу, появление которой вызвало веселье у наших лошадей. Он бывал в Австрии, бывал в Персии, это умудренный опытом старец. «Орел», — говорит про него Жозеф. Он ест отдельно на своем ковре, поправляет сбрую, читает молитву. Никогда я не видел более выразительного взгляда, чем тот, которым он смотрел на Жозефа, растолковывая ему, какие предосторожности следует принять на ночь; он стоял в эту минуту лицом к Бахр-эль-Хуле, я видел его профиль: что за взгляд!

Едва мы успели съесть традиционные яйца вкрутую, как Исмаэль-Ага заторопил с отъездом, хотя договорено было тронуться в путь в 10 часов; ему возражают, что лошади и мулы не готовы, короче, в 8 часов рассаживаемся по седлам. За ужином мы долго смеялись при мысли о том, что в темноте можем без разбору влепить друг в друга пули, обстрелять багаж, отрезать голову Абу-Али и т. д.

Ночь черна, не видно ни зги; мулы с поклажей идут впереди нас, а перед ними еще два (иногда три) человека из эскорта; Жозеф и Сассетти едут позади нас, за ними старик-торговец, пронзающий мглу своим орлиным взором; трое других охранников едут позади всех или сбоку. Переходим мост и поднимаемся по камням; в течение четверти часа сон одолевает меня, хотя минута для этого совсем неподходящая; я ориентируюсь на белый круп Максимовой лошади; наш ве-

сельчак поет во весь голос жалобно и пронзительно, переходя порой на крик; лошади спотыкаются о камни. Склон пологий. Часов в десять небо впереди нас белеет, и вскоре всходит луна. Едем по полю среди рожковых деревьев, огромных, величиной с яблони; на открытых местах видимость улучшается; помнится, слева я видел обширную, уходящую вниз долину (днем эта дорога должна быть великолепной). Ярко светит луна, довольно светло, продвигаемся хорошим шагом, дорога стала получше. Около полуночи перекусываем. Рожковые деревья. Пересекаем плоскогорье, проходим мимо дуара, лают собаки, мы замолкаем. Время от времени курим (Смаэль-Ага даст мне свой маленький черный узловатый чубук, обернутый медью), любимся силуэтом дерева в лунном свете. Какое наслаждение я испытал от этого ночного путешествия. Ночь холодна, под утро спешиваюсь несколько раз, чтобы согреться. Сассетти засыпает на ходу, голова его то падает на грудь, то снова выпрямляется. Светает, вокруг нас букеты рожковых деревьев и испанского боярышника, великолепно. Спускаемся на равнину, неожиданно встает солнце и бьет в лицо, щеки у меня так и горят; сажусь в седло. Мы находимся примерно на середине пути, нам предстоит идти еще часов семь. Подойдя к Жозефу, старик-негоциант высказывает ему опасения, которые и прочим нашим людям не кажутся преувеличенными: «Ближайшие два часа будут самыми трудными», — говорит он.

Встречаем двух бедуинок, похоже, и они нас боятся; старик-негоциант спрашивает, из какого они племени: они с левой стороны. Опасность грозит нам справа, со стороны холмов и Хаурана; вся наша охрана переходит на эту сторону и идет цепочкой друг за другом; у каждого наготове ружье; я положил пули в карман, чтобы в случае перестрелки они были под рукой.

Мы идем еще семь часов, до 10 утра, по обширной равнине, слева от нас горы со снежными вершинами, справа холмы, закрывающие горизонт, протянувшиеся до самого Хаурана.

Часа за два до прибытия в Саасу выходим на остатки древней дороги. Здесь такое нагромождение камней, что можно шею сломать; дорога то появляется, то исчезает, ее продолжают громадные плоские глыбы, затем снова камни.

На горизонте появляется *Сааса*, вся в зелени; добираемся до нее часов в 10; Жозефу крепко достается от нас за его манеру править лошадь. Разбиваем лагерь неподалеку от деревни под деревом, кругом вода; рядом с нами устроил привал небольшой караван, там делят на куски верблюжье мясо.

Просыпаемся в 4 часа пополудни, я умываюсь в ручье, возле которого почивает наш старец. Темнеет, наши стражи читают молитву, ужинаем и ложимся спать. Я уже задремал, как вдруг до меня донесся крик Жозефа: «Слышите? Стреляют!» Вскрываю рывком, Жозеф слышал множество выстрелов на востоке, в стороне гор. В половине одиннадцатого встаем, в полночь трогаемся в путь. Лают собаки, встает красная луна, серп ее лежит на боку; сегодня она не так хороша и не так похожа на одалиску, вчера же в ней было столько неизреченной томности. При лунном свете переходим несколько речек, дорога хорошая, передвигаемся быстро.

Через два часа приезжаем в Хан-эль-Шейх, род большой крепости или караван-сарая на правой стороне дороги. Путь преграждают многочисленные речки; тут мы поджидаем отставших, собираемся вместе и трогаемся дальше. Звезды гаснут, занимается день, наш отряд растянулся по широкой дороге. Вот она, поэзия Сервантеса! Горы слева отливают темно-серым жемчугом, а на вершинах — перламутр, это снег. Иногда встречаем верблюдов, чувствуется близость большого города, настроение у всех радостное, наш шут щекочет коня, заставляя его брыкаться и кусаться; все подсмеиваются над Абу-Иссой и его бейрутским говором. Широкая равнина, жирная, возделанная земля. Вот встречается караван верблюдов, везущих шкуры, проезжаем через большую деревню, поджидаем багаж под деревьями. Через три четверти часа перед нами оказывается длинная линия низкой зелени и домов, которые мы заметили уже давно; въезжаем в бесконечное предместье, лошади скользят по мостовой. Кучи зерна на земле, прядильщики хлопка, красильщики, мечети, источники, деревья, нависающие зелеными волнами над пестрым мельтешеньем улицы; статные тела турецких стражников, кладбище, пересеченное дорогой, зеленые ветки в изломе каждой могилы (надгробия в основном выпуклые, цилиндрической формы). Въезжаем в город, петляем по узким

улочкам, все более многолюдным, так что лошади продвигаются с трудом. Наконец прибываем в Дамаск, в гостиницу, где встречаем г-д Штрайбера, Юссона и Мюллера.

Дамаск. В этот день, в воскресенье, преспали всю вторую половину дня.

Понедельник, 2-е. В сопровождении упомянутых выше господ и янычара из французского консульства посетили несколько домов иудеев.— Утром принимал ванну, и как раз в это время Смаэль-Ага пришел проститься, я почувствовал, как у меня увлажнились глаза, когда я смотрел на него в последний раз.— Бродил по базарам, они показались мне великолепными.

Портреты.— Старик Юсуф из гостиницы «Пальмира» в Иерусалиме — маленький, худощавый человечек в платье цвета пыли с бледными фиолетовыми цветочками; огромный грязный тюрбан, под ним огромный нос и густые брови, в целом очень комично. Помню, какой оригинальной грации — никогда я не видел ничего подобного — были исполнены его движения, когда он рассказывал Стефано, как в Иерусалиме при Ибрагиме-паше люди, которые хотели пробраться под развалины, гнали перед собой собаку; по движениям его рук и мимике я смог понять весь рассказ от начала до конца.

Толстуха-еврейка, которую мы видели в прошлый понедельник, похожа на Флору из Варьете: бритый лоб, узкие, подбритые и накрашенные брови; вокруг глаз множество морщин, лицо добродушное и приветливое, глядит сверху вниз, с высоты толстенных подошв своих башмаков, инкрустированных квадратиками перламутра, выпятив вперед огромный живот. Там была еще худая старуха со страусовыми перьями по бокам головы вместо волос. Они работали во дворе под наружной галереей.— Трубки, наргиле.— Служанка из Абиссинии, худая, проворная, с проткнутым носом.

Из всех внутренних двориков, что мы видели, лучшим оказался двор нашей гостиницы, поросший виноградом и олеандрами; по сравнению с ним все прочие казались нам суховатыми; посреди каждого двора бассейн. Лучшие помещения расположены на первом этаже, большинство из них без мебели.— Между арабесками в деревянные панели вставлены осколочки зеркал, двери и ставни украшены набитыми на них

перекрещивающимися рейками; потолочные балки сохраняют форму ствола дерева, они окрашены в голубой или в зеленый и расцвечены золотыми звездами или полосками; в иных домах на потолках сделаны многоугольные заставки из кусочков зеркал, образующих розетку. Повсюду в комнатах цветные мраморные бассейны с мозаичным полом. В прихотливости убранство помещений не уступает иной раз стилю Людовика XV; встречаются также люстры из венецианского стекла и углубления в стенах, где хранятся матрасы, ковры, скатерти, все без дверей. Особая прелесть заключена в том, что каждая комната расположена на двух уровнях: диван и пол. Среди цветов предпочтение отдается голубому; очень эффектно выглядит ветвевидный орнамент из крашеного дерева, наложенный на деревянную панель. В нижней части помещения ниши высотой в рост человека, некоторые увенчаны сталактитами, столь распространенными в каирских мечетях; задние стенки ниши украшены живописью; чудовищные пейзажи — белые домики по бокам, сад с кипарисами посередине. Карнизы во дворах под выступом крыши размалеваны такими же нелепыми картинами. Полагаю, впрочем, что это нововведение.

В первом еврейском доме, который мы посетили со Штрайбером и другими, посмотреть на иностранцев вышла хорошенькая белокурая девочка, она не отходила от нас все время. В другом доме, расположенном по соседству с домом толстухи-еврейки и принадлежащем, кажется, хозяину нашей гостиницы, которого Карло вчера хорошенько вздул, на втором этаже наверху лестницы деревянная перегородка дюймов 6 высотой, перешагнув через которую попадаешь в прихожую площадью фута в 4 и предназначенную специально для сандалий посетителей.

Если что и лишено всякого интереса, так это синагога. Мы отправились туда утром (в прошлую субботу); женщины все в белом стоят во дворе, в синагоге только мужчины и юноши, они сидят на скамейках с покрытыми головами и читают (или поют) по книге. В центре — помост, стоя на нем, священник раскачивается точно так же, как тот еврей, который молился у стены перусалимского храма. Перед ним подобие алтаря (его плохо видно из-за обилия парада), две-три какие-то серебряные штуки с цепочками, напоминающие рукав наргиле. Неожиданно молящиеся привялись

кричать во весь голос. Справа от меня мальчонка лет 12—13 завывал во всю мощь своего дискашта, выделявшегося среди прочих голосов, и раскачивался; он стоял и читал по одной книге с сидящим рядом мужчиной, вероятно отцом. Чуть дальше справа прислонился к стене беззубый старик в черном тюрбане и очках. Не знаю, кто стоял позади меня, но я чувствовал, как затылок мне согревает мерное горячее дыхание еще одного псалмопевца.

Тюрбаны у здешних евреев отличаются по форме от закрученного полотнища, какие носят в Иерусалиме, в Тивериаде, в Зафете; здесь, мне кажется, больше свободы, некоторые тюрбаны в точности похожи на коптские. Не встретил я и серпообразных шапочек, какие носят иерусалимские женщины; зато распространены искусственные волосы из заплетенных шелковых нитей, падающие на спину огромной тяжелой попоной. В одном из еврейских домов мы видели такую шевелюру, которая закрывала всю спину и спускалась до самых колен — настоящий панцирь с тяжелыми и тоже черными кисточками на конце.

Вся жизнь Дамаска сосредоточена на базарах, насколько улицы тихи и безлюдны, настолько оживлены и кишат народом базары; шелковые платья, розовые, зеленые, голубые играют в лучах мягкого теплого света, сливаясь в очаровательную пеструю картину. Каждый торговец сидит перед своей лавкой и, покуривая наргиле, принимает посетителей и покупателей.

Лавки закрываются, а по базару разгуливают разносчики пенящегося шербета и мороженого, а вот и разносчик наргиле с угольной жаровней для зажигания трубок; египетские «шибуки» (чубуки) встречаются редко. На базаре то тут, то там бани; вот идет крестьянин, почти голый, с полотенцем на бедрах, он направляется к бакалейщику за сахаром для нежащегося в бане каваджи. Гробница «святого» на площади, через решетку видны развешанные по стенам всевозможные палки, костыли, шапки, чепчики, лоскуты и лохмотья. Тут же прогуливается «святой» во всей своей наготе, вид придурковатый, гримасничает, кричит; бесплодные женщины приходят к нему целовать его член; еще недавно здесь ходил другой «святой», который этих женщин прямо посреди базара и покрывал; благочестивые турки в таких случаях спешили окружить парочку и платьями закрыть ее от прохожих. Лавка

нашего друга шейха Бандар-Абдул-Кадера располагалась на левом краю портняжного ряда.

Ежевечерне к нам в гостиницу наведывался кокетливый, элегантно одетый юноша с желтой бородкой, в багдадском тюрбане и голубом платье и приносил спрятанную за спиной какую-нибудь старинную безделушку. Если он меня не заставлял, то, велел набить себе мою трубку, преспокойненько располагался на диване и ждал. При нем был слуга-абиссинец, резвый малый, оскопленный у себя на родине и отмеченный шрамами от ран, полученных на войне.

Самое примечательное на базарах и в Дамаске вообще — это красота мужчин в возрасте от 18 до 20 лет. — Я сшил себе шелковую куртку у торговца шелком, молодого человека, говорившего по-французски, его рекомендовали мне в консульстве; в своей лавке, расположенной в караван-сараяе, выходящем на базарную площадь, он разворачивал перед нами ткани, отрез за отрезом. — Мужчины в большинстве своем невысокие, с черными волосами и глазами и белой кожей. Какой успех имели бы они в Париже! Будь я женщиной, я не преминул бы отправиться за приключениями в Дамаск!

В кондитерском ряду купили варенье; торговец, длинный худой разбитной малый, одетый в голубое, красовался в дверях своей лавки между банками и вазочками; на блюде лежали кусочки рахат-лукума. Жители Дамаска отличаются воспитанностью и хорошими манерами; Жозеф находит, что они сильно изменились, сделались менее фанатичными и более терпимыми, нежели раньше. Стало быть, слава Магомета тоже клонится к закату, даже и без помощи Вольтера. Величайший Вольтер — это время, ничто не в силах ему противостать.

В понедельник, на другой день после нашего прибытия, нас посетил настоятель монастыря лазаристов¹, прослышавший о том, что в гостинице остановились французы; это небольшого роста, полный, ничем не примечательный человек, застенчивый, напоминавший мне нашего наставника в шестом классе, Жерара; он носит черный тюрбан, такой же, как у нудеев;

¹ Конгрегация, основанная в 1625 г. французским священником св. Винцентом Деполем (1576—1660), именуется по названию монастыря Сен-Лазар.

когда я спросил у него, в чем различие, он не смог мне ничего объяснить. Он подробно рассказывает нам историю убитого еврея отца Фомы: его зарезали, голову отрубили и раздробили в ступе. В монастыре лазаристов ничего интересного. Когда мы осматривали монастырь, туда приехал епископ Хомса и Хамы с янычарской тростью в руках; настоятель поцеловал ему руку, мы говорили о воздушных шарах, и епископ потребовал у нас объяснений. Я отметил про себя исключительное невежество этих господ по всем без исключения вопросам. Отец-настоятель отводит нас в самый красивый, по его мнению, христианский дом, однако он не выдерживает сравнения с еврейскими, а настенная живопись вопиюще безвкусна. Дом принадлежал фабрикантам шелковых тканей; хозяйский сын, большеносый и светловолосый, говорил по-итальянски и принимал нас стоя, его папаша сидел и курил чубук. В комнате продолговатый бассейн.

Выезжаем из города на восток, со стороны ворот Вахр-эль-Атейба, позолоченных и заделанных, как в Иерусалиме. Сохранились опоры старинных ворот — громадные груды камней — и основание стены, на котором возведены легкие современные стены из ила и гальки. В засыпанных землей рвах валяются дохлые, наполовину обглоданные собаки, они лежат на боку. Вокруг бродят желтые псы. Стояла сильная жара, солнце нещадно палило.

Христианское кладбище: сплошь склепы, в каждом покоится целая семья, иной раз целый род. Склепы полуразрушены, трупный запах распространяется окрест. Наклонившись, мы заглянули в один из них и увидели внутри беспорядочно разбросанные человеческие останки, мертвого пса (он, вероятно, забрался сюда на запах, но не смог вылезти и подох), в глубине подобие иссохшей мумии в полуистлевшем саване. То тут, то там голова без тела или грудная клетка без головы, а посередине, разметанные в серой пыли, длинные, желтые, золотистые женские волосы.

Чуть подалее нам показали руины часовни, построенной в том месте, где святой Павел упал с лошади при появлении Ангела. Едем вдоль стен обширных тенистых садов. Стены сложены из больших плит ила, смешанного с галькой; ветер поднимает с них пыль, клубит ее по дороге. Перед нами крепостная стена, и под ней заболоченный пруд, с которого разлетаются

при нашем появлении вороны; дивный уголок, тихий, тенистый, прохладный. Как красива и приятна зелень на Востоке! Слева от нас источник, подле него на камне сидит человек, хриплым голосом он обращается к нам по-арабски, протягивает руки. Губы его изъедены так, что виден весь рот изнутри; тело покрыто жуткими гнойниками и струпьями, вместо пальцев болтаются зеленые лохмотья — это его кожа; пока я не надел пенсне, я полагал, что это тряпки. Он пришел попить воды.

Заходим во двор сооружения, напоминающего ферму или птичник, там сидят прокаженные: 5—6 мужчин и 3—4 женщины. Они вышли подышать воздухом; у одной, точно оспой, разъеден весь нос, на лице струпья; у другой все лицо огненно-красное. Мужчину с таким лицом мы как-то видели у парфюмерного ряда. Юноша с бледно-зеленым лицом, испещренным пятнами и гнойниками. Все жалуются, стонут, кричат; здесь живут вместе женщины и мужчины, разделение полов исчезло, как и все прочие различия, кроме разницы в степени страданий. Получив наше подавание, они воздели руки к небу, восклицая «Аллах!» и благословляя нас. Особенно запомнилась мне безногая женщина, у которой из гортани вырывалось какое-то нечленораздельное шипение. Они живут здесь совершенно одни, ухаживают друг за другом, без посторонней помощи. На первой стадии болезнь причиняет много страданий, затем постепенно начинается паралич. Самое страшное для них — это, наверное, их собственный вид. Что было бы, если бы в их халупе висели зеркала!

Настоятель показал нам также род часовни в доме отца Фомы. В комнате покойного монаха висит его портрет: седобородый старец и его слуга (убитый вместе с ним), подающий чашку кофе. В часовне надпись, где сказано, что отец Фома был убит иудеями такого-то числа. Дом находится в распоряжении объединенной армянской церкви.

Французский консул г-н Вабейен, толстый, отечный, тяжелый, если и верит во что в этом мире, то только в хороший бифштекс, и говорит только о бифштексах и материальном благополучии; обожает Луи-Филиппа и предпочел бы быть маршалом Сультом, нежели Мольером; за столом обращается к слуге по-английски. Его секретарь Гарнье, безбородый, лысый, с красным старушечьим лицом, показывает нам непри-

стойные персидские гравюры. У всех народов в такого рода искусстве наблюдается одна и та же закономерность: скабрёзность достигается за счет достоверности; выставляя напоказ те или иные органы, художник придумывает неправдоподобные позы. Какую прекрасную лекцию по эстетике можно было бы прочесть по поводу сальных гравюр и книг! Помню одну из картинок: женщина изображена верхом на мужчине, распущенные волосы закрывают ей спину, а зад (голый для убления зрителя), круглый, розовый, широкий, заполняет собой всю картину и сияет, как солнце; чувствуется непомерная любовь к плоти. Гарнье показывает нам персидские чернильницы и шкатулки; на них изображены сцены охоты: всадники с длинными бородами и дротиками, собаки, пейзажи, деревья, скалы, речки и суровые ездоки, перепрыгивающие через них на всем скаку. Два небольших деревянных панно, которые должны служить обложкой для манускрипта. На первом изображены роды: роженица в полосатых панталонах в обтяжку, изнемогающая и обессилевшая, лежит на спине, ребенка держат на подносе, вокруг суетятся матроны, одна из них протягивает руки к небу, наверное вымаливая, чтобы и с ней случилось такое, а другая, поднеся палец к уголку рта, дает ей понять, что это очень больно; на второй доске сцена обрезания; операцию производит почтенная матрона, рядом женщина держит уточку, чтобы развлекать ребенка, служанка подносит шербет; множество наивных бытовых подробностей, как на средневековых гравюрах, но при этом рисунок весьма искусен и композиция умела. В такого рода картинах есть пища для воображения, я хотел бы иметь их у себя и в дождливые дни рассматривать в одиночестве, сидя у камина.

Вчера мы зашли в кофейню на берегу реки. Подле нее водопад; мальчишка, раздевшись донага, нырял за рыбой; кругом деревья, над головой ажурные циновки; вода в реке напоминает порданскую. Кофейня расположена за городом, неподалеку от моста; мы курили и пили сладкую холодную воду из раскрашенных чашек.

В субботу 7-го мы вышли в 3 часа и долго бродили по улочкам, в тени глиняных стен, огораживающих обширные сады. Ореховые, лимонные и всевозможные фруктовые деревья, темная зелень, холодный свет. Много воды, мельница, сильный ветер. Внизу приоткрытые ворота — это вход на мельницы, такие ворота

можно увидеть на амбарах в Шампани. Нам встречались женщины с закрытыми лицами. Куда они шли? Откуда? Тишина однообразных пустынных улиц со столбиками пыли то тут, то там навевала горькую тоску... Но сколько зелени и сколько тени! Добравшись до развалин мечети, мы поехали вдоль стены, свернули налево и начали подниматься на Джебель-Саламию.

Там наверху заброшенная гробница отшельника. По дороге пересекли небольшое скалистое ущелье, где ветер дул с такой силой, что поднимал кобуру пистолета. Отсюда открывается вид на Дамаск, белый город с острыми минаретами, со всех сторон окруженный пышной зеленью; в сторону от города тянется обрамленная зеленью длинная белая полоса — это то самое бесконечное предместье, через которое мы въезжали. За зеленью начинается пустыня, за пустыней — горы. Мы попытались было вернуться назад по тропе, но сбились с пути и вышли к воротам чьего-то сада; пришлось повернуть обратно, пойти по мощеной дороге, пересечь весь город; мы добрались до гостиницы, когда солнце уже зашло и кругом начинали ворчать собаки. Вечерами эти жирные, ленивые псы завладевают улицами; на каждой улице по стае в 5—6 собак. Сегодня прямо посреди мостовой сука, растянувшись на спине, кормила весь свой помет, и никто ее не беспокоил.

С наступлением темноты на каждой улице закрываются ворота. В тот вечер, когда мы ужинали у консула, нам пришлось на обратном пути стучаться 5 или 6 раз; надо сказать, что ворота тотчас открывают. Дашь при этом 20 франков, а то и вовсе ничего.

В конце парфюмерного ряда, на изгибе улицы, которую надо пересечь, чтобы попасть в портняжный, есть кофейня с биллиардом, куда мы зашли по дороге к нашему другу шейху Бандару. Турки в европейских костюмах сидят там на стульях и глазуют на катающиеся шары; изможденного вида женоподобный субъект кием отмечает очки. Европа проникает в Азию через биллиард, кабаки, Поля де Кока, Беранже и газеты. Азия цивилизуется! Что станет с Востоком? Может быть, возрождение придет через бедуинов?

Сегодня в 4 часа, когда мы собирались выехать верхом, явился г-н Гийо, настоятель лазаристов. Он рассказывает о здешних христианах; священники-арабы ближе к туркам, чем к христианам, национальное родство пересиливает религиозное; с каждого наследства

еще до наследников и кредиторов они взимают третью его часть, а то и половину.— Глухое невежество местного духовенства. Чрезмерное влияние женщин в христианских семьях: женщина — продолжательница рода.— На мусульман он не может пожаловаться, наоборот.— После смерти отца Фомы один слепой переложил его историю в стихи и бродил по улицам, от ворот к воротам, распевая их и зарабатывая себе на жизнь; здесь много таких бродячих Гомеров, они пользуются уважением и неплохо зарабатывают; здесь можно увидеть, как бедуинский шейх возле своего шатра пересказывает легенды или сам слушает сказителя; сказки любят все. Воображение тут в большой чести. Крупный поэт пользовался бы здесь всенародной любовью, чего никогда не было у нас, что бы там ни говорили.

Марониты и друзья стóят друг друга; за все, что творят друзья, марониты оплачивают той же монетой. Если друзья сжигают у них две деревни, то и они сжигают у друзей две, а то и четыре.

На днях г-н Гийо застал двух своих двенадцатилетних учеников совокупающимися у ворот монастыря; одного из них научил этому христианин, лишивший его девственности за 20 пара. По словам настоятеля, педерастия здесь чрезвычайно распространена: «Избыток мужчин, а женщин мало; женщин никто не хочет».

В 5 часов отправились верхом на восток от города, едем среди деревьев и садов. Погода стоит великолепная, пускаем лошадей в галоп. Позади Дамаска стеной поднимаются горы, серые, золотые, голубые, контрастируя с зеленью, растущей у их основания. Близ христианского кладбища, неподалеку от гробницы мусульманского святого (христианина-вероотступника, имя которого г-н Гийо не мог нам назвать в прошлый раз), караван на привале, верблюдов подкармливают дурскими хлебцами. Мне грустно расставаться с пустыней и думать о том, что в скором времени уже больше не встречу верблюдов. (Дамаск, вторник, 10-е сентября, 9 часов 30 минут вечера.)

Утром накануне отъезда мы решили совершить прогулку вокруг города, что оказалось невозможным из-за разросшихся садов и отсутствия сплошной городской стены: она существует только с восточной стороны. Пересекли луг.— Солдаты стирали белье в реке, на траве были расстелены рубашки с огромными рукавами. Еще раз проехали мимо христианского кладбища

и дома прокаженных. По ветвям ореховых деревьев прыгали белки, одна сосредоточенно грызла орех, другая, завидев меня, прыгнула со стены на дерево.

В четверг, в час, выехали из Дамаска в сопровождении г-на Курвуазье и его драгомана Джованни, рослого, поджарого малого с добродушным лицом. — У погонщика-христианина поверх тюрбана нахлобучена для пущей важности шляпа европейского образца. — Возглавляющий шествие толстый янычар покидает нас на середине подъема на Саламию. — Когда мы переваливаем через гору, Дамаск скрывается из виду. Внизу между серых ущелий зеленеет маленькая долина Дюмара; спускаемся. Курим в кофейне на мосту у входа в долину под сенью деревьев. Дорога идет под деревьями, по бокам от нее из-под нависших кустов бьют ключи и ручейками стекают под ноги. — Мост в форме широко развернутого циркуля. — По левую руку от нас серая, голая, сухая гора, по правую — река и узкая полоска зелени в долине, итальянские тополя, белые листья которых дрожат на фоне голубого неба. Поднимаемся в гору, кругом лишенная растительности земля, но не столь голая, как в Палестине; попадаются кустики, больше фиолетовых тонов с сероватым отливом. — С наступлением ночи прибыли в Имар, деревню, расположенную на склоне, в нее упираются сразу две или три дороги; у нас две комнаты; я сплю на улице.

В пятницу выехали в 4 часа. Дорога скверная и трудная, переходим в потемках многочисленные речки. Через час входим в ущелье Эль-Богат, сочетанием зелени и скал напоминающее Пиренеи; посреди дороги дохлая, на три четверти обглоданная гиена. — Караван навьюченных ослов преграждает нам проход. — Некоторые вершины еще окутаны мглой, другие уже голубеют, освещенные восходящим солнцем; мерзнем в наших нанковых панталонах. — Просвет в горах, затем снова ущелье. — Солдаты нерегулярных войск. — Никакая запись, увы, не в состоянии передать цветов, в которые окрашена земля, порой совершенно различных на соседних и весьма схожих участках; я пишу: вот голубая гора, а рядом черная, а между тем — не голубая и не черная!

В 10 часов остановка, привал в шалаше напротив Меджделя, расположенного у подножия Ливана; Ливан кажется сейчас серо-голубым, точно по серому покрасили голубым, с пятнышками фиолетовой глазури;

справа обширная равнина, почти целиком скрытая от нас отрогами Антиливана, оставшегося позади нас.— Под ажурной крышей из сухих колючих веток мы ели дивные гроздья винограда.— Солдат из Орфы в вязавых полосатых чулках; Жозеф отчитывает его за то, что тот дотронулся до моего ружья.— К шалашу подходят погонщики ослов, которых мы обогнали по дороге, и покупают виноград. Среди них женоподобный тип в просторных зеленых панталонах и с обширным задом.— У здешнего хозяина штаны с вышивкой на карманах, впереди и сзади до самых колен.— Широкая, залитая солнцем равнина, красивая дорога. Перед нами, чуть слева, у подножия Ливана, длинная зеленая полоса — долина Захли.

Через два с половиной часа пути — мост, въезжаем под сень деревьев, по дороге течет вода.

Не доезжая Захли располагаемся на ночлег в просторном доме, из которого выселили хозяев.— Женщина дарит нам цветы.— Целая толпа с изумлением наблюдает за моим туалетом.— Прогулка.— Справа несколько домов на холме, слева долина, заросшая деревьями, все больше тополями, за ней на склоне сам Захли. Дорога спускается к реке, по берегам растут лаванда и маленькие бледно-бледно-голубые цветочки, похожие на фиалки.— Мельница, захожу в нее на обратном пути.— Деревня, река здесь расширяется, спуск, старый мост.— На склоне примостился Захли.— Род галереи с деревянными балками — базар (?).— Поднимаюсь в город, жители встречают меня приветливо.— На улице меня нагоняет Абу-Исса.— Возвращаюсь тем же путем.— На углу дома, что возле моста, стоит невысокая пухлая женщина в белом покрывале с ребенком на руках, у нее невероятно черные глаза и правильный нос.— Иду вдоль противоположного берега реки.— Двое малышей волокут третьего задом по земле.— Встречные мужчины здороваются со мной.— Мельница, верблюды, деревья, запахи, шум воды, двухплановый пейзаж — ну прямо готовая композиция; поодаль замечаю женщину под выступом крыши, весь низ лица у нее закрыт, нос и глаза, как видится мне издали, очерчены строго и резко.— Роскошный ужин, кофе на террасе, залитой лучами заходящего солнца, вид на горы, окрашенные в различные оттенки синего цвета. Укладываюсь спать на террасе в кровати, опершись на локоть, выкуриваю вечернюю трубку, гляжу

на звезды и на три пастушечьих костра на равнине. Ночь холодная.

Суббота. 14-е. Выехали на рассвете в 6 часов утра. В течение шести часов идем по широкой долине Бекаа между Ливаном слева и Антиливаном справа. Преобладают бледно-желтые и голубые тона. Ливан восхитительного серовато-лазурного цвета, Антиливан в тени, он почти черный. Когда мы встали, вся равнина была окутана туманом и походила на громадное молочное озеро, стесненное двумя хребтами; постепенно оно разделилось на длинные полосы белого пара, которые, опускаясь, все больше обнажали горы, а достигнув земли, рассыпались на прозрачные облачка и исчезли. Слева от нас в ложбинах на склонах Ливана видны деревни: Малака, Курби, Таллин. На невозделанной земле растут сухие травы и низкий чертополох; посередине дороги течет ручей. Бугор; мы поднимаемся на него, а мулы объезжают. Слева от нас шатры бедуинов, большие, черные, прямоугольные, натянутое на шестах полотно провисает посередине.— Верблюды разбрелись окрест, щиплют блеклую, сухую колючую траву; их пасет бедуин, рядом с ним стоит его белый оседланный конь.

Баальбек. В половине двенадцатого мы втроем выезжаем вперед, чтобы выбрать место для ночлега; в 500 шагах от Баальбека небольшой круглый храм с колоннами; между колонн виднеется голубое небо и Ливан. В поисках места для лагеря мы исколесили всю округу и остановились подле мельницы, к югу от храма, под ореховым деревом. Поразителен цвет руин в Баальбеке, некоторые колонны сделались почти красными; а в полдень, когда мы подъезжали, часть фриза, венчающего шесть стоящих колонн, показалась мне слитком чеканного золота. Вот настоящий исторический пейзаж, какого, насколько мне известно, не написал еще ни один живописец; тут есть все: и руины, и горы, и пастух, и река, шум которой я сейчас слышу. Луна еще не встала, надеюсь завтра увидеть ее на фризе.

Около трех часов пошли осматривать храм, пробыли там часа два. Мы сидели в тени на камне рядом с нашим гидом — мальчиком с обожженным от солнца носом — и вслух размышляли об *Imperium romanum*¹.

¹ Римской империи.

(Суббота, 14 сентября, Баальбек, 7 часов 30 минут вечера.)

На ярко-синем холодном небе блестит луна, освещающая черную тополиную рощу позади нас, на берегу ручья, в котором Сассетти давеча стирал белье.

Храм или храмы (разрушения столь велики, что мысленно восстановить ансамбль невозможно) окружен или, вернее, загроможден средневековой крепостью, возведенной вокруг него и из его же обломков. С восточной стороны уцелела часть древней ограды храма; здесь (и еще на юге) можно увидеть огромные, циклопические камни, которые Мишо относит к доримской эпохе. Лучшее всего сохранился наос, он обращен на север, а задняя его часть смотрит на юг, на равнину. С западной стороны к стене прислонена колонна. Неподалеку от входа в наос башня, где Макс фотографировал; внутри она имеет крестообразную форму, окна двойные; ширина бойниц рассчитана так, чтобы стоящий в ней лучник мог натянуть тетиву.— В середине дыра.— Остатки большой колоннады, посреди двора еще стоят шесть великолепных колонн, несколько строений римских времен.— В стене — часовенки, увенчанные консолями.— Верхнее перекрытие представляет собой опрокинутую раковину.— С запада и с севера крепость окружена водой. Близ северо-западного угла растут осины и ивы, рядом маленький храм Весты (или Венеры), где на остатках стен сохранились фрагменты христианской живописи. Через дверь развалившегося арабского дома течет вода; здесь под орехами стоял вчера цыганский табор; женщина лет тридцати с обожженным на солнце лицом, глазами точно из черного дерева, зубами тигрицы и серыми от пыли ногами и шальварами, приоткрыв рот, баюкала ребенка в гамаке, какой подвешивают обычно для отдыха в лесу и на судах.

Под крепостью расположены выходы двух длинных и широких подземелий, один близ северо-западного угла, другой — под северо-восточным; свод первого украшен бюстами наподобие тех, что украшают потолок наружной галереи наоса; они лежат горизонтально; проникая сюда, дневной свет ярко освещает лбы, контраст света и тени сообщает жизнь лицам, черты которых уже трудно различить. В былые времена эти подземелья, должно быть, служили конюшнями. На потолке наружной галереи наоса высечен орнамент

в виде прямых веток, образующих при скрещении ромбы; в центре ромбов бюсты императоров и императриц, лица неузнаваемы (нигде не нахожу обозначенных в «Путеводителях» Юпитера и Леду). Тросточкой поковырял большой отвалившийся кусок бюста.

В Баальбеке камни кажутся погруженными в глубокую задумчивость. Ощущение величественности. Целых два дня гулял я среди них в одиночестве, ветер носил в лазурном воздухе белые хлопья выжженного солнцем чертополоха, растущего среди руин; временами футах в 70 над моей головой вдруг раздавалось хлопанье крыльев — это взлетала птица, прятая на капители. Когда я стоял в наосе (вход в который перегорожен крепостной стеной) и любовался великолепным красным цветом камней, на капитель второй колонны слева от меня села большая красочная птица (сокол?): тело рыжее, точно позолоченное, а концы крыльев черные; она сидела спокойно, чуть шевеля перышками на шее, и вид имела очень гордый. Она напомнила мне орла Юпитера. Как хорошо смотрелась она на коринфской капители! Чуть позже я услышал отрывистый птичий крик, точно кто-то звал на помощь.

Здесь у входа камни гуще других исписаны фамилиями путешественников, новейшие написаны поверх более древних, есть фамилии английские, турецкие, арабские, французские, обладатели их приезжали сюда со всех концов света, эти люди мне более чужды, нежели обломки камней у меня под ногами. Когда, стоя на ветру, один, в полнейшей тишине, созерцаешь росписи стольких людей, о существовании которых никогда не подозревал, от них веет не меньшим холодом, чем от надписей на могильных плитах.

День выдался холодный, ветер гулял между колоннами, как между стволами деревьев; облака неслись быстро, солнце то скрывалось, то вновь появлялось, и тогда руины мгновенно озарялись, точно бог улыбался сквозь сон, приоткрывая и закрывая глаза. — Внутренняя колоннада двора, шесть громадных колонн на фоне белесого облака. — Но подлинное величие она обретает лишь при ярком освещении.

В наосе девять приделов, увенчанных консолями.

На западе недостроенная казарма Ибрагима-паши.

Вид на Ливан с верхушки башни, где работал Максим; в ложбинах лежит снег.

На пути к храму Весты громадное дерево.

Сегодня вышли из лагеря в полдень, дул сильный ветер.— Близ первого подземелья мы заметили двух негритянок, которые, как нам показалось, нас позвали; мы последовали за ними до второго подземелья. Тут обнаружилась наша ошибка: поодаль шли и наблюдали за нами мужчина (негр) и мальчик.— У Жозефа лихорадка, его сильно знобит, хотя мы и укрыли его всеми нашими одеялами.

Крепость построена из обломков храма; в стену вделаны основания колонн, перевернутые капители, стволы пилястр и т. д. Впрочем, стена получилась прочная и удалась на славу. На фризе наоса с севера остаток какого-то арабского сооружения.

По стенам двора аркады галерей, как в Сен-Жанд'Акре. (Понедельник, 16-е, вечер.)

Во вторник около 10 часов выезжаем из Баальбека, попрощавшись с хозяином, седобородым стариком, который рассыпается в благодарностях за те 40 пиастров, что мы ему дали. Направляемся на Дейр-эль-Ахмар, три часа едем по равшине; ничего примечательного, если не считать Ливана, высащегося перед нами; хребет поделен пополам: нижняя половина горбатая, зеленая, верхняя совершенно серая.— Смуглолицые женщины с белыми покрывалами на голове жнут хлеб среди сухих трав долины; при нашем приближении все перестают работать, застывают с серпами в руках и провожают нас странным алчным взглядом.

В Дейр-эль-Ахмар приехали в половине второго после небольшого происшествия: по вине Максима, неожиданно пустившего лошадь в галоп, опрокинулся наш багаж — поклажа двух мулов целиком и половина груза третьего. Мы расположились под навесом, укрепленным на двух колоннах, вокруг нас домашняя птица, собаки, ослы и женщины. Женщины в большинстве своем некрасивы и грязны; острые отвислые титьки болтаются под серыми от пыли платьями, а то и поверх них. Опираясь на трость, медленно бредет нищий с пышной белой бородой и высоким голубым тюрбаном, напоминающим по форме головной убор первосвященника из «Нормы»: это здешний священник. Справа под навесом вроде нашего мужчины набивают соломой вьюки, они, похоже, в веселом расположении духа, разговаривают громко, курят по очереди одну трубку на всех. Один из местных жителей, точно дикарь, бросился на кусочек сахара.— Сассетти колот

его для Жозефа, который лежал посреди двора, дрожа всем телом, и бредил то по-арабски, то по-итальянски, то по-французски. У женщин головные украшения спускаются до самых ягодиц, шелковые нити не сплетены, как у иудеек, а собраны в три толстых хвоста, перехваченных круглыми серебряными заколками, — тяжесть, должно быть, неимоверная.

Я засмотрелся на малыша двух-трех лет, такого же грязного, как и накрученные на него лохмотья, из-под которых протглядывали, однако, очаровательные, умильные ручки и ножки, какие бывают у всех детей; никто не обращал на него внимания, он играл один, лепеча что-то сам себе на своем детском языке. Он пытался связать и положить себе на спину три табачных стебля — для него это целые балки; поклажа то и дело падала, и он терпеливо начинал все сначала. Мне вспомнились дети в Тюильри, чистенькие, красиво одетые, играющие в песочек под присмотром какой-нибудь дамы или бонны; у тех есть лопатки и тачки, им покупают красивые игрушки. Тем не менее этому малышу тоже весело, и он не подозревает, что у европейских детей существуют новогодние праздники и ярмарки святого Романа в Руане.

Ночью одолевали клопы, шебаршились птицы и собаки, бранились бабы, кричали дети, а мужчины все что-то считали. Когда все вроде бы стихло, хозяйка подошла к очагу, где пригрелась сука, кормящая свое потомство, и ни с того ни с сего взяла щенят и вышвырнула их через стену, как мячики. Самым спокойным в эту ночь был стоящий во дворе верблюд. На конюшне подыхал осел, он лежал на боку, весь одеревенелый, и лишь чуть-чуть шевелил ногой.

Восхождение на Ливан. Среда, половина шестого утра. Мы разделяемся: Максим повезет в Бейрут Жозефа, который уже не в силах подняться, а я с Сассетти и багажом направляюсь к Ливану. Светает, холодно. Та часть Ливана, что идет от Баальбека, вся зеленая; она разделена надвое, тут словно две волны, встающие одна над другой; первая из них поросла рожковыми деревьями, прямо настоящий лес. По мере того как мы поднимаемся, растет и Ливан, а также Антиливан у нас за спиной, долина расширяется вправо и влево; затем спускаемся по слегка наклонному плоскогорью. Внизу этой покатої зеленой равнины течет ручей — ледяной поток, сбегаящий с горы, пры-

Встреча пакетбота в Александрийском порту

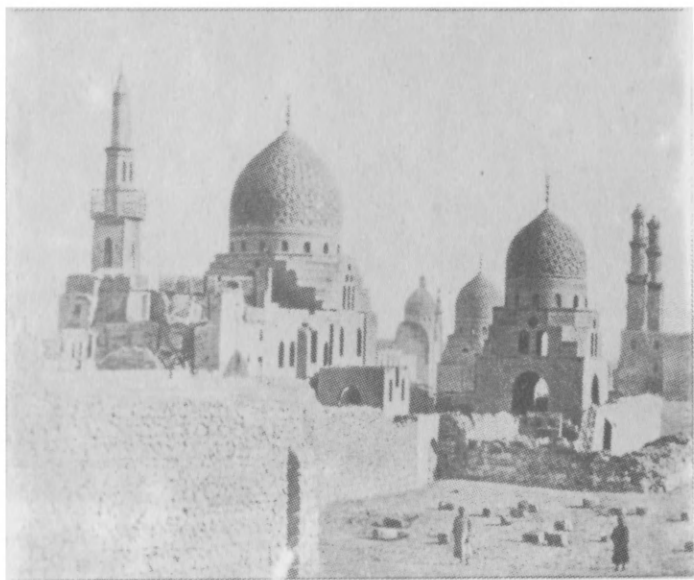
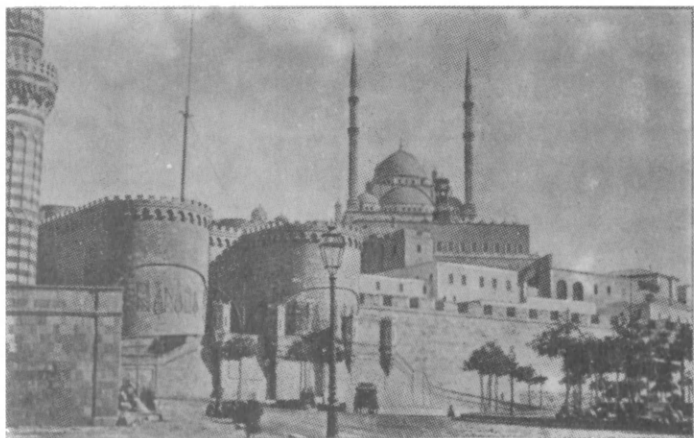
Брачная церемония на Востоке

Улица Каира

Бродячий музыкант

Каир. Цитадель

Каир. Усыпальница халифов

гая по уступам; чуть выше он сливается с другим, а тот, в свою очередь, разделен на два рукава — словом, множество звонких прозрачных ручейков. Лошадь моя пытается напиться, но ей мешают удила, а вода недостаточно глубока. Люди наши ложатся ничком и пьют.

Снова начинается подъем, на этот раз более крутой, деревья редеют, они становятся все ниже, невероятное количество засохших. Дорога, хотя исхоженная, делается несносной, лошадь Абу-Али приходится втаскивать, она чуть жива от усталости; предвижу большие трудности с багажом, который, несмотря на все мои усилия, уже начинает растягиваться и отставать. И хотя издали местность, по которой мы идем, кажется начисто лишеной растительности, это не совсем так: то тут, то там среди белых камней и серой земли торчит кустик. Голубизна неба становится все интенсивнее, долина словно бы поднимается в сторону Баальбека, продолжая, таким образом, наклон отрогов Антиливана. Я ищу глазами снег, который видел все эти дни, и замечаю белое пятно справа, на три выстрела от меня.

Сассетти полумертв от холода и усталости, мулы движутся удручающе медленно, то есть почти совсем не движутся.

Горизонт расширяется, через несколько минут я буду на вершине Ливана. Увижу ли я море по другую сторону? Дорога поворачивает, огибает бугор и через очень узкий проход (когда стоишь на вершине, он оказывается внизу справа) ныряет в крошечное, точно исковырянное ложкой ущелье с ярким пятном травы. Поднимаемся еще пять минут, справа лежит снег, когда он растает, на его месте вырастет, должно быть, трава.

С вершины острого гребня Ливана открывается вид одновременно (стоит только повернуться) на Антиливан, на долину Эль-Бекаа, на восточный склон Ливана с одной стороны, а с другой — на долину Кедров и на море, синее, затянутое дымкой, лежащее в конце аспидного с красными и черными разводами ущелья. Долина пачинается прямо перед нами, потом закругляется влево, снова выпрямляется и спускается к морю. Сверху она кажется траншеей, прорезанной между двумя горами, рвом, разделяющим две гигантские стены. Долина — темно-синяя, с черными пятнами —

это деревья, а в них будто серые кубики — дома. На переднем плане справа к долине, подобно правильно-му ряду позвонков, спускаются бледно-розовые холмы; гребень каждого холма почти красный, книзу они постепенно бледнеют, сереют и сливаются в конце концов с белой землей у основания. Между холмами белые полосы — русла высохших потоков. С этой же стороны растут кедры, зеленые на сером фоне. Они оказались здесь лишь мелкими деталями гигантского пейзажа, я представлял их себе более величественными. Впрочем, они вносят в композицию элемент неожиданности и выглядят весьма красиво. Слева массивный холм, вогнутый с одного бока наподобие волны, гладкий на вид, серый и лишенный растительности; зеленые тона начинаются чуть ниже. Справа (в стороне Триполи) белая подошва горы, которую нужно обойти, чтобы попасть в Ахдан. На середине склона зеленая роща, а ниже — равнины, простирающиеся (с этой стороны) до самого моря. Расположенная среди высоких, зеленых, напоминающих сосны (на самом деле это осины) деревьев, деревня Бершара кажется нависающей над пропастью, а склоны долины — отвесными (покатость их не видна с высоты, на которой мы находимся).

Обернувшись к Антиливану, видишь сначала Ливан; на переднем плане безлесный склон, ниже — покатое плато, где по сероватому фону разбросаны пучки зелени, дальний край плато выгибается кошачьей спинкой, и там начинается лес рожковых деревьев; этот лесистый склон отсюда не виден. Долина Бекаа кажется наклонной, она ползет вверх и ложится к ногам Антиливана, громоздящего ряд за рядом свои хребты. Он кажется отсюда очень широким и по сравнению с Ливаном более приплюснутым, точно лежащим на земле. Посреди равнины тот самый бугор, мимо которого мы проходили третьего дня по дороге в Бальбек; слева Ливан и Антиливан сливаются на глазах, заключая Келесирию в своих объятиях; справа горы, скрывающие Захли. Где-то там теперь Максим; поднявшись до середины горы, я попытался отыскать его глазами в долине. Вокруг ни птицы, ни шороха, ничего, только ледяной ветер да головокружительная высота.

Наши люди и мулы с багажом нагнали меня, все в плачевном состоянии; я сам видел, как наш кухон-

ный мул катался по земле со всей своей поклажей на том поросшем травой пяточке, о котором я упоминал; Абу-Али со своей лошадейю сильно отстал. Сассетти ни жив ни мертв, отдаю ему свое пальто, в котором он похож на китайского божка; он весь закоченел, удручен, подавлен. Спешившись, он не в состоянии сделать двух шагов; падает на землю, катается как бесноватый и, наконец, с большим трудом снова усаживается в седло. Счастье, что он не разбился, поскольку держался в седле не лучше, чем мешок с бельем; каждую минуту он спрашивал меня, сколько нам еще идти, я подбадривал его, как только мог.

Спуск; камней нет, под ногами земля. Крутизна такая, что я принужден спешиться. Спускаемся ниже, долина расширяется, теперь она уже не кажется рвом, зажатым меж вертикальных стен, а просто крутосклонным ущельем. Кедров остаются справа, а мы углубляемся в долину. Карабкаемся со скалы на скалу, причем Абу-Исса возмущается всякий раз, как кто-нибудь вскрикивает «Аллах!»; два моих олуха, сложив руки рупором, орут, пытаясь выяснить дорогу у людей, работающих далеко-далеко в поле. Получасовая остановка, мулы режутся, осел исчезает; поиски осла. Мы стоим у деревни Бершара. К нам подходят двое и объясняют погонщикам, как выйти на дорогу: оказывается, мы напрасно спустились в долину, от кедров надо было взять правее и идти все время прямо. Теперь нам предстоит взобраться на почти отвесный, во всяком случае конусообразный, холм; лошади, прищипываемые и понукаемые, кое-как влезают на него; что касается багажа, мне приходится три четверти часа дожидаться его наверху; все перевернулось, поклажу трех мулов пришлось тащить на спине.

Пока я стою здесь, позади Бершара, и созерцаю возвышающуюся передо мной со стороны долины гору, ее красноватые, местами возделанные склоны, серые, освещенные солнцем хребты и уже потонувшие в тени ложбины, а также гористые, окутанные сине-черным туманом пространства по-над ней, ко мне подходит старуха с мягкими чертами лица и всклокоченными седыми волосами, она подносит мне горшок вареного риса. На макушке у нее род расширяющегося вверху серебряного конуса дюйма три высотой; эту штуку с выпуклой верхушкой надевают под покрывало. Некоторое время спустя к нам подходит высокая, тонень-

кая, простодушная на вид девушка, белокожая, белозубая, голубоглазая; она становится у поводьев моей лошади. Из всей их болтовни я понял только, что они приглашают меня остаться и переночевать у них; иначе я, мол, заблужусь в пути и приеду в Ахдан уже после захода солнца. Девушка бросает на меня многообещающие взгляды, лицо ее расплывается в улыбке, лучезарной, как весна; старуха стоит позади и, указывая на нее, делает рукой известный арабский жест, повторяя при этом: «Виопо, виопо!»¹ Я в нерешительности. Сассетти спит в седле после перебранки с людьми, которые помогли нам втащить багаж. «Чертовы идиоты!» — орал он вдохновенно, вне себя оттого, что те его не понимали, и в гневе своем даже угрожал ни мало ни много «зарубить их саблями»; потом наступило полное затишье.

Трогаемся, два мула проваливаются в яму, поскольку наши славные погонщики в эту минуту были, как водится, в четверти мили от них. Нас догоняет Абу-Исса, начинаем извлекать мулов (за это время два других теряются, осел идет позади с Хусейном). Чтобы вытащить мулов на тропинку, приходится вручную ровнять землю, уменьшая наклон; несмотря на все наши усилия, мул с сундуками срывается вниз. Я кричу «Тайеб», Абу-Исса наклоняется и поднимает с земли два камня, оба сундука падают, я продолжаю орать: «Тайеб кебир!» Абу-Исса, зажав по камню в каждой руке, изо всех сил бьет себя по голове (отчего у него разматывается тюрбан), испуская нечленораздельные вопли, в которых доминируют звуки «х» и «а». Кое-как выбираемся и трогаемся в путь. Приближается ночь, нужно поторапливаться, до Ахдана еще добрый час пути. Пускаюсь рысью по тропинке и вдруг замечаю, что она уводит меня на вершину горы, спускаюсь и еду к поселку напрямик по полям. На склоне холма пасется стадо черных коз, солнце садится в море, ярко-красный свет пылает за горой, заливая пурпуром участок неба, словно бы там распустила хвост гигантская птица феникс. Холмы посинели, почернели, вдали виднеется зеленый массив Ахдана. Скачу, не разбирая дороги, через поля, камни, овраги, каменные изгороди; Сассетти, окоченевший, с побелевшими губами, издали следует за мной.

¹ Хорошо, хорошо (ит.).

Ахдан. Подъезд к Ахдану восхитителен: ореховая роща среди крупных белых камней, дорога идет под деревьями вдоль ручья, справа зеленый склон горы. У меня стучит в висках, и каждый шаг лошади болью отдается в голове. Спрашиваю у капуцина, где находится монастырь лазаристов, тот указывает на середину поселка; я останавливаюсь у большого каменного сооружения, по-видимому караван-сарая, где чья-то лошадь копытами чуть не забивает мою.— Наконец добираюсь до монастыря; объясняюсь жестами, мне навстречу выходит молодой монах, застенчивый и растерянный. Час спустя он разбудил меня на ужин; я спал как убитый и предпочел не вставать; однако сон мой оказался непродолжительным из-за обилия клопов, терзавших меня всю ночь.

Четверг, утро. Прогулка до края поселка, где с холма виден Триполи, он стоит в низине у самого моря. Заговорили о маронитах, реакция монаха крайне сдержанная. Не так давно английские пасторы из Триполи хотели провести лето в Ахдане, но вынуждены были уехать, ибо шейх маронитов грозился поджечь их дом. Некоторое время спустя история повторилась, на этот раз угрожали сжечь шатер. Дело дошло до бейрутского дивана, причем правосудие оказалось на стороне маронитов, и пасторы возвратились в Триполи. Я спросил своего спутника, имеют ли они какое-либо влияние на частную жизнь маронитов. Он ответил: «Никакого». По-видимому, я затронул больной вопрос, имеющий непосредственное отношение к инцидентам, описанным выше.

Зависть маронитского духовенства к католическому; невежество женатых священнослужителей-маронитов; они вынуждены брать поденщину и оттого не только не пользуются уважением, но и возбуждают презрение. Часам к десяти прибыл настоятель. Он испанец, держится строго, лицо красивое, смуглое; он пустынночал и возвратился из уединения, неся с собой ларь с предметами культа, необходимыми для отправления службы. В первую нашу встречу разговор коснулся христианских исповеданий на Востоке, он показался мне образованнее всех его собратьев, которых я встречал до сих пор. Тут явился местный шейх, некрасивый, светловолосый, в великолепном черном, расшитом золотом плаще и красном с серебристыми горошинками тюбране. Речь зашла о друзьях, шейх наговорил глу-

постей, что и отметил настоятель. По словам последнего, религия друзов, насколько известно (несколько лет назад при захвате одной из друзских деревень были найдены и отправлены в Париж некоторые из их священных книг, написанные на чистейшем древнем арабском языке), заключается в следующем: Бог создал Слово, Слово создало Добро и Зло. Слово может воплощаться и являться людям; сейчас оно сокрыто и, быть может, живет в теле какого-нибудь зверя или негодяя, но рано или поздно оно явится снова в образе великого человека. Когда Наполеон пришел на Восток, друзы захотели его увидеть, так как не сомневались, что он и есть воплощенное Слово. Их религия — это род высокого пантеизма, в котором сильны элементы кабалистики. По мнению настоятеля, они ближе к христианству, нежели мусульмане, кроме того, он отдает должное их уму. — Метафизическое начало очень развито у арабов, они нередко удивляют приора проникательностью вопросов. — Безнравственность народностей, живущих на Ливане, он объясняет влиянием турок, с которыми христиане сталкиваются, когда зимой спускаются в долины. В некоторых деревнях мужья продают чужеземцам «право пользования» женой; несколько дней назад священник-араб избил турка, «занимавшегося гнусностями» с женщиной; встретив этого араба, настоятель заметил, что у того брюки испачканы кровью, и в ответ услышал эту историю.

Во второй половине дня принимаюсь за свои заметки; вокруг меня толпится столько зрителей, что иной раз они полностью заслоняют вход в палатку; они говорят, что такой красивой палатки не видели никогда.

Появляется Абу-Али, он со своей клячей прибыл в середине ночи, по дороге он вынужден был за 5 пиастров нанять человека, который помогал ему понукать и вести лошадь. Жалуется на Жозефа, говорит, что не встречал столь бестолкового драгомана; обязанности переводчика исполняет монах, он ужинает с нами, сам не говорит ни слова, слушает в оба уха.

Вечером на закате короткая прогулка в сопровождении юного монаха. Лиловые горы, меж изгородей и веток ореха проглядывает огненно-красное небо. По возвращении гляжу в окно монастыря, небо делается оранжевым; прекрасный вечер, яркая луна. Ночую в палатке наедине со своими мыслями.

Пятница, 20-е. Сассетти выглядит серьезно больным, его неоднократно рвало, дал ему слабительное. Настоятель обессилен пустынночеством. У меня на ногах компрессы со свинцовой водой, лежу в палатке один, жужжат мухи, сияет солнце. Где-то сейчас Максим? (Ахдан, 10 часов 30 минут утра.)

Во второй половине дня Сассетти становится хуже. Его осматривает лекарь-кармелит, высокий тощий итальянец; пускает ему кровь. Часов в 5 вечера посылаю Абу-Иссу в Бейрут за Сюке. Вечер прошел в тревоге за Сассетти.

В субботу утром улучшение. Визит кармелита. В четверть первого прибывает Максим, на нем новые сапоги, лицо удивленное и усталое. Среди прочих новостей сообщает мне о смерти Луи-Филиппа. Вечером вместе с настоятелем отправляемся к шейху и вручаем ему письмо от отца Хазара.

Воскресенье. У Сассетти снова жар. В 5 часов едем смотреть кедры. Дорога идет по склону, обращенному к Ахдану; в половине девятого добираемся до места. Кедров осталось мало, они довольно чахлые и для кедров невысокие; громада гор подавляет их. Сохранилось несколько могучих старых стволов, но ветви их уже сухи; пройдет немного лет, и от этих кедров ничего не останется. Иные стволы испещрены именами, имя Ламартина стерто каким-то ревнителем порядка. Под кедрами два зеленых арабских шатра. В них расположились англичане, из одного выходит леди в шляпке. Священнослужитель-маронит усаживает нас на ковер и подносит книгу посетителей.

Вид с вершины Ливана оказался на этот раз не столь прекрасен из-за тумана, застилающего долину Бакаа и скрывающего от нас Антиливан; море серое, затянутое паром, очертания самой Долины Кедров кажутся мне менее изысканными, нежели тогда, быть может оттого, что мы идем по более пологой тропе. Снега не видно, да и день не такой холодный, как был в среду. А впрочем, красота несказанная, я возвращаюсь столь же потрясенный, как и в первый раз. Проходим через деревню Бершара: скалистые уступы и водопады словно с полотен Пуссена, край, созданный для живописи и точно по ее подобию. Шелковицы и тополя.— Останавливаемся возле церкви.— Дети.— Двое молодых людей читают псалмы по переплетенной книге.— Мальчишка, знающий по-итальянски

только слово «Si»¹. От дома шейха бежит вода.— Поднимаемся по склону. (Когда мы спускались, пастухи угостили нас козьим молоком из глиняной кружки; стадо цвета здешней почвы — бело-серое, да несколько черных козочек — расположилось по обеим сторонам дороги, окаймленной камнями, и постепенно разбрелось по округе.)

Прибыв в Ахдан в половине второго, застаем у нас кармелита, который снова пускал кровь Сассетти. Начинаются сборы, завтра будем перевозить его в Триполи.

Преемник Жозефа и его тезка — невысокого роста, чернявый малый в белых шароварах, не слишком смышленный.

В прилегающей к монастырю маронитской церкви висят полотняные мешки с куколками шелковичного червя, на каждом мешке написано имя владельца; они приносят их сюда, чтобы на содержимое мешка пало Божье благословение. Изображение младенца Иисуса на руках у монаха Маруна. (Четверг, 26 сентября.)

Вечером ужинали у шейха с г-ном Амаёа. Шейх живет в большом каменном доме, том самом, у которого я остановился по приезде в Ахдан и который принял тогда за караван-сарай. У входа в дом чисто выметено в честь нашего прихода. Поднимаемся по лестнице без перил, проходим через зал, заполненный толпой слуг, человек тридцать, а затем шейх, встречавший нас внизу все в том же роскошном тюрбане, что был на нем, когда он заходил в отцу Амаёе, рассаживает нас в просторной комнате. Курится фимиам, нам брызгают в лицо флёрдоранжевой водой, слуга подает длинное полотенце для вытирания рук. Ужин на европейский лад, состоящий из местных кушаний, после которого я к вечеру чуть не подыхаю от боли в желудке.

На другое утро, в 5 часов, Макс отправляется в Триполи с проводником, которого дал ему шейх, а я остаюсь паковать вещи и ухаживать за Сассетти. Пока я собираюсь, на меня глазеет толпа местных жителей, погонщики мешаются под ногами. В половине седьмого багаж отправляется. Сассетти, который, по уверениям славного кармелита, должен был окончательно поправиться («*Domina niente, signor, niente*»)², чувствует

¹ Да.

² Завтра — ничего, синьор, ничего (*ит.*).

себя плохо как никогда, у него снова жар; даю ему 18 крупинок сульфата хинина, однако жар не спадает.— Абу-Исса вернулся с письмом от Сюке, который пишет, что можно давать до 20 крупинок в день. В 3 часа пополудни ему становится так худо, что я не знаю, ехать нам или нет, решаюсь все-таки ехать. Надо действовать быстро; в половине пятого подсаживаю его на лошадь. Дорога до Иебхайлы (два с половиной часа) была мучительной; у нас с о. Амайей тревожно сжимались сердца, и лишь вечером по прибытии немного отлегло от души. На каждом шагу мы боялись, как бы он не упал, по бокам два человека поддерживали его за бедра; несчастный парень все повторял за моей спиной: «Когда же мы приедем? Сколько еще минут?», а когда я подъезжал к о. Амайе, тот бормотал: «Бедный юноша! Бедный юноша!»

Без нескольких минут пять я попрощался с монахом, обнялся с господином Пинна; попрощался со всей обителью, где провел немало беспокойных минут. Солнце уже садилось. Я во всем своем обмундировании галопом промчался по поселку, догоняя Сассетти. Крестьяне кричали мне вслед: «Мессу комб'а крер!». Мул отца Амайи шел впереди, мы едва поспевали за ним, поскольку то и дело останавливались из-за Сассетти, который, едва живой, качался из стороны в сторону, сидя на лошади, загнанной скачкой в Бейрут; Абу-Исса ездил в Бейрут на лошади Сассетти. Крутые спуски по отвратительным дорогам. По временам стада коз. Горы восхитительны, особенно слева: скалы, крутизна, лес; цепляясь за камни, спускаемся на дно пересохшего потока. Бугор, затем род плато и снова спуск. Там внизу деревня Иебхайла, куда мы добираемся в половине восьмого; темная ночь, воют собаки, кое-где светятся огоньки. В доме священника-маронита, в большой комнате со сводчатым потолком, для больного тотчас постелили матрас. На покое ему стало не лучше, а, кажется, даже хуже, я боюсь, что он умрет ночью, у него очень сильный жар, остановившийся взгляд, он не понимает, где он.

Мы располагаемся под деревом на терраске, предназначенной, думается, для приемов и дневного отдыха. Отец Амайа заставляет меня вооружиться, опасаясь ночного нападения шакалов. «Завернитесь хорошенько в одеяло,— говорит он некоторое время спустя,— в этой деревне много змей». Я вижу, что сам он налаживает

ружье, для точности прицела прикрепляет на конец ствола два маленьких бумажных ушка. Сияет луна, освещая всю долину; равнина уходит вдаль, утопая в безмолвных синих глубинах. Мы говорили об умерших, он рассказал мне, как в последний раз виделся со своей матерью, рассказал и о других близких людях, которых уже нет в живых; это была одна из самых значительных и глубоко поэтических минут в моей жизни. Мне надолго запомнится, как он молился, стоя на коленях, в своем широком черном платье на освещенной луной террасе, как он по-матерински ухаживал за больным, с каким ангельским терпением он подкладывал солому в огонь и кипятил для Сассетти чай. Мы проспали с перерывами около двух часов: клопы, волнение и желание поскорее ехать дальше не давали нам уснуть.

В четверть третьего тронулись в путь. Через час мы выезжаем на так называемую Равнину, на самом деле здесь сплошь невысокие холмы: то спуск, то подъем. Вытянутое поле старых узловатых оливковых деревьев. Луна бледнеет, скоро станет светать. Слева от дороги ручей, я спешиваюсь и с наслаждением мою в нем руки и лицо. Стадо ослов, которых отец Амайа разгоняет мощными ударами своего длинного хлыста; думается, он так же обходится и с людьми, когда они не уступают ему дорогу. Едем вдоль зарослей тростника по тропинке, проложенной на склоне холма. Неожиданно открывается вид на растянувшийся по равнине белый город — это Триполи, а дальше на берегу моря — порт Эль-Мина.

Триполи. Долго тащимся по улицам Триполи, детишки приветствуют отца Амайу и шагают впереди нас, особенно радуется мальчонка с восхитительными черными глазами, бледный, кончик носа слегка приплюснут, из-под простой ермолки торчит прядка волос. Максима в монастыре кармелитов нет, он выехал мне навстречу; на улице встречаю Хусейна, он говорит мне, что Максим поехал в порт. Короче, протомившись добрый час в монастыре, снова сажусь в седло (но без сапог, ибо состояние моих ног не позволяет их надеть) и, прихватив с собой пальто (для Сассетти), которое кладу на колени, отправляюсь в порт в сопровождении моего юного обормота. У ворот приходится ждать десять минут, пока он возьмет осла, а когда осел готов — пока он разменяет деньги.

От Триполи до Эль-Мины скачу галопом по прекрасной дороге среди садов; навстречу мне попадаются женщины, они едут верхом в желтых сапогах, лица закрыты белыми покрывалами. Мой юный вожатый на своем скверном осле следует за мной поодаль, и я наслаждаюсь одиночеством, скачкой, солнцем; тень кисточки моей фески прыгает по земле и чахлой траве; лежащее поперек седла тяжелое пальто придает мне величественную осанку паши. В порту ко мне подходит французский поверенный толстяк Мустафа-Газис, сообщает, что судно готово. Нахожу Сассетти, он лежит навзничь у входа в караван-сарай, вокруг него разложены тюки, идут мимо верблюды; даю ему лимонаду и сажусь ждать Максима в кофейне у моря. Гляжу на бедуинов, больше я их уже не увижу, прощаюсь с верблюдами.

Появляется Макс, он с самого утра бегал по моим следам, и вот наконец мы встретились; погружаем Сассетти на судно, устраиваем ему ложе на песке, который служит балластом.— Офицеры «Меркурия».— Медленным шагом направляемся в Триполи, в монастырь кармелитов, где снова встречаем офицеров с «Меркурия». Услышав мое имя, лейтенант спросил, не сын ли я доктора Флобера; лейтенанта зовут Ленорманом, он родственник Э. Шевалье. Оказывается, мы виделись с ним в 1932 году в Руане, у Миньо, когда он приезжал держать экзамен во флот; он тогда даже еще не видел моря; ни он, ни я не подозревали, что встретимся на сирийском побережье; в те времена он был безбородым юнцом, а теперь он совсем лыс.

Настоятель упорно и докучливо уговаривает нас выпить прохладительного.— Продолжительный визит отца Амайи, Макс отправляется к г-ну де Шуазей, а я остаюсь наедине с отцом. Разговариваем о страстях. С точки зрения христианства гордость — мать всех пороков, она есть преувеличенное ощущение своего «я», сосредоточенность на себе вместо сосредоточенности на Боге.

Дом лазаристов. Я заходил туда утром и помог отцу Амайе открыть окна и привести в порядок комнату.— Пышнотелая супруга главного попечителя.— Заброшенный двор, небольшой садик с двумя банановыми деревьями слева, лестница без перил, комнаты довольно опрятные. В часовне две посредственные картины, в том числе портрет святого Винцента Демполя. Отец

Амайя жалуется, что черви съедают все книги в его библиотеке. В 6 часов мы прощаемся с ним и идем ужинать к г-ну де Шуазей.

Г-н де Шуазей (настоящее имя — г-н Гюден) в прошлом адъютант герцога Немурского, он проигрался в карты и вынужден был бежать в Триполи; человек заурядный, но в меру любезный и предупредительный. У него чувствуешь себя неловко, о многих вещах не осмеливаешься заговорить. Хозяйство в доме ведет его соседка г-жа Белло, когда мы вошли, она доставала из столика рукоделье; Шуазей держит себя с ней как с посторонней и более спокоен в разговоре, нежели в присутствии дамы своего круга. Бог мой, для чего столько неискренности! — Драгоман Абдаллах. В домах иностранцев на Востоке нередко можно видеть за столом молодого человека, одетого по-турецки, свежесвыбритого и с приятными манерами; в том числе и у г-на Сюке и г-на Питцалодца. Такой юноша занимает весьма любопытное, на мой взгляд, положение посредника между турецким образом жизни и европейским. Он, должно быть, посвящен во многие секреты той и другой стороны, прислуживает и мужу и жене и при этом остается всего-навсего слугой со 150 пиастрами месячного жалованья; никем иным он быть и не может. В Бейруте нам сказали, что Шуазей играет с Абдаллахом в карты и при этом не может удержаться от шулерства; страсть эта сильнее его. Мне не удалось повидаться снова с г-ном Перетье, у которого такие прекрасные усы и который надевает шпоры, когда идет кататься на лодке; пристрастие к охоте сочетается у него с привычками старого вояки, и потому он мечтает завести для себя и своих приятелей «охотничью форму».

Среда, утро. Выехали в 5 часов утра одни, без драгоманов и багажа; мулы без поклажи идут вслед за нами. Побережье кажется мне менее красивым, чем участок от Бейрута до Сайды: пейзаж сух, лишен подлинного величия; впрочем, по мере продвижения картина меняется к лучшему. В 10 часов добираемся до Батруна, расположенного на берегу моря; останавливаемся в большом караван-сараяе и, изъясняясь жестами, просим напоить и накормить нас; на помощь нам приходит какой-то пройдоха, говорящий на ломаном итальянском. Съев крутых яиц и порядочно неспелого винограда, мы прикорнули на циновке, а в 2 часа дви-

нулись дальше. С дороги, как и утром, почти все время видно море. В первый час пути нестерпимо мучила жажда, виной тому скверная вода в Батруне, думается, более отвратительной воды мне не доводилось пить за все время путешествия. В 5 часов вечера прибыли в Джубейль и расположились в хижине на кладбище, находящемся в центре города; люди наши, лошади и мулы размещаются поблизости. Джубейль обнесен стеной, впрочем, я мало что видел, нога моя несносно болела, и я не мог ходить.

Светит луна, в половине первого я бужу Максима, и в четверть третьего мы трогаемся в путь; для последнего перехода по Сирии мне пришлось натянуть мокрые сапоги.

От Джубейля до Бейрута. Мы идем по ущелью, это единственный путь от Триполи до Бейрута. По самой середине ущелья, точно на страже дороги, высится крепость, построенная на одиноком утесе, будто бы специально для нее и предназначенном.

На середине пути слева вдруг открывается бухта Джорье и показываются горы Ливана, те, что видны из Бейрута. Похоже, что здесь идет оживленная торговля, мы видели множество верблюдов и несколько лодок, шло какое-то строительство.

Еще почти при свете луны мы перешли Нахр-Ибрахим, реку Адониса, петляющую среди тростника. В предрассветных сумерках мы разглядели двух или трех человек, притаившихся на некотором расстоянии друг от друга, похоже, они подстерегали двуногую дичь. Река Адониса казалась зеленоватой, цвета тростника, она вытекает из узкого глубокого ущелья, зажатого отвесными скалами.

Нахр-эль-Кальб, Собачья река, очень высокий и крутой мост; на скалах высечены барельефы, фигуры наподобие египетских, но гораздо более примитивные. До самого Бейрута идем по берегу моря, хлюпая по мокрому песку и забрызгивая себя водой. Состязания в верховой езде.

Сворачивая влево, идем по красному песку, дорога окаймлена зарослями тростника. Переходим через мост, на котором бывали уже во время одной из прогулок по окрестностям Бейрута; нам встречаются несколько женщин верхом на лошадях, турок со своим гаремом, крестьяне. В 9 часов утра въезжаем в Бейрут.

Пока мы стягивали сапоги, явился Цезарь Казатти, он пришел нанести нам визит на правах соотечественника. Встречаем здесь доктора Пуайе, которого лишь мельком видели в Кармеле.— Постояльцы гостиницы «Баптиста»: г-н Цезарь Казатти: коричневатый парик, придерживаемый очками, усы и бородка клинышком, фрак, тросточка, серая шляпа, опрятный состоятельный турист; доктор Пуайе (называет море не иначе, как «горькие волны»), толстый, низенький, одутловатый, с бойкой речью, в профиле есть что-то от Жермена и от Теофиля Готье; употребляет ученые слова, не понимая их смысла, краснобай, гнусный тип; его супруга с ребенком некрасивые и болезненные, все здоровье отошло папочке; шейх с учеником, в очках, безбородый, соломенная шляпа, постоянно удивленный вид: «Не может быть!» Учитель-немец и его подопечный — белокурый, краснолицый русский парень; Курвуазье, молодой швейцарец из Базеля, благопристойной внешности, опрятный, в свежевывищенном костюме, разъездной агент часовщика.

В Бейруте занимаемся укладыванием вещей.— Три раза ужинаем у Сюке.— Утро, проведенное у Рожье, оставило на этот раз менее приятное впечатление; дамы не столь обходительны, полагаю, они принадлежат к довольно низкому званию.

В воскресенье ужинали у г-на Лепарда с Артимбейем.— Доктор Питцалоцца со своей маленькой пухленькой женой; он делает успехи в фотографии.

Во вторник 1-го, в 4 часа, погружаемся на «Стамбул», нас отвозит туда на лодке Аври Дантен, юный приказчик Рожье. Весь левый борт первого класса занят турками и гаремом, который содержится за загородкой, подобно тому как перевозят лошадей; женщины, белые и черные, молодые и старые, возлежат на матрасах и коврах. Здесь же и несчастная супруга доктора Пуайе с отпрыском; редко увидишь более жалкое зрелище, нежели ее коричневая, выцветшая шляпка с пожухлыми цветами; шляпка покоилась на крыше каюты возле сапог супруга. Доктор вышел в отставку и теперь переселялся в Константинополь; он рассказал нам, что служил Мухаммеду-Али и персидскому шаху. На борту находились также малим бейрутского пашалыка и шейх города. Первый — красивый дебелый молодой человек: овчинный полушубок, лорнетка, золотая цепочка, шелковый жилет, европейский костюм и

турецкие туфли; второй — худой, длинноносый, чернобородый, в тюрбане и зеленом кушаке, малоподходящем к его костюму. Капитан и вся команда — итальянцы, капитан говорит по-турецки, бороды не носит, усики. «*La pira di sua esselenza*»¹. Лейтенант высокий, сгорбленный. — Маленький женоподобный турок; с белой кожей и черными волосами, в греческом колпаке мадемуазель Бернье.

Перед самым отплытием на палубу взошла и села возле штурвала высокая молодая особа, темноволосая, согбенная, истощенная, бледная, на руках браслеты из золотых цепочек, соединенных общим запором и браслет дюйма в три шириной, охватывающий кисть; глубокие неправдоподобно черные глаза; рядом с ней толстая старуха с профилем а ля мадемуазель Жорж, многочисленные подбородки, роскошные, пышные, как у Вителлия на известном бюсте, лицо печальное. Обе женщины были в трауре. Их провожал молодой человек, одетый на греческий манер, тоже в трауре, он ушел, когда корабль поднял якоря. С ними ехали две негритянки в желтых платьях, на одной была еще сверх того красная куртка; выражение лица у нее было животное, груди болтались под лифом, она стояла, широко расставив руки и опершись о поручень. — У трехлетней дочери малима брови подведены краской.

В среду, в 6 часов утра, мы бросили якорь на рейде в Ларнаке. — Порт вытянулся вдоль берега белой полосой; побережье Кипра выглядит голым и сухим, должно быть, тут здорово припекает; редкие пальмы. — Ларнака лежит в низине между портом и подошвой горы. Гора Олимп, островерхая, с выемкой справа (на западе), коричневатая. Берега Кипра напоминают сирийские; побережье Карики ниже и лесистее.

Пятница. Приходим на Родос холодным, облачным днем. Море бурлило весь вчерашний день и сейчас еще не утихло, нас хорошенько поболтало, пока мы добирались до карантина, куда паша тотчас велел подать нам ужин. К нам явились с визитом его переводчик и вице-консул Франции г-н Прюсс. (Родосский карантин, воскресенье утром, 6 октября 1850.)

¹ Трубка его превосходительства (ит.).

РОДОС,
октябрь 1850 г.

Вторник, 8 октября 1850 г. Вышли из карантина в 7 часов утра. Остановились у г-на Симиана в европейском предместье в северной части города.— Комнаты, как в сельском кабаке.— У него библиотека; он выписывает целых три газеты!

Визит г-на Алкима, переводчика паши.

К нам заходит Прусс, позавчера вечером умерла его маленькая дочка. Когда они вошли в гостиную, с потолка упала ласточка; а несколько месяцев назад девочка смастерила бумажные обертки для каждой пластинки домино, что тоже считается дурным предзнаменованием.

Прогулка по Родосу.— Мы идем по берегу моря и входим в город через низкие ворота, пробитые в стене.— Небольшой порт с дюжиной судов на якоре, три строящихся; стук молотков.— Справа конак паши: большое приземистое строение; перед ним еще сохранились деревянные полумесяцы и треугольные станки для иллюминации, устраивавшейся во время недавнего визита Султана на Родос. Мы идем вдоль порта: греческие кабаки и лавки отгорожены от моря рядом высоких красивых деревьев (липы? платаны?). Мы возвращаемся в город с правой стороны через довольно современного вида ворота, они явно построены позднее самой стены.

Улица Рыцарей: она поднимается в гору, широкая и пустынная, огромные ступеньки футов 20 шириной, нависающие машрабийи. Когда идешь вверх, то по правую сторону расположены самые красивые дома: они украшены гербами, широкие окна разделены каменными поперечинами на четыре части, стрельчатые порталы.— Тишина.— Лишь изредка увидишь играю-

щего турчонка.— Общий тон улицы серый, она выглядит скорее печальной, нежели красивой. Наверху большие ворота или большая арка, переброшенная с одной стороны улицы на другую. Войдя в ворота, замечаешь, что они двойные и несимметричные; справа оба ригеля установлены вплотную, а слева между ними есть промежуток.

За воротами открывается площадка, затененная высоким платаном. Слева церковь святого Иоанна, справа дом Великого магистра; напротив — дом с красивыми окнами, закрытыми решеткой с копьевидными концами. Очаровательный тихий дворик, поросший травой.

Церковь святого Иоанна: стрельчатые окна, неф с деревянным перекрытием, некогда он был выкрашен в синий цвет с золотыми звездами; восемь раскрашенных порфировых колонн, по четыре с каждой стороны; на трех из них капители наподобие коринфских, на двух других простые абак, на восьмой клинышки, расположенные симметричными кольцами.

В глубине хора квадратное окно с железной решеткой; сквозь нее проросла виноградная лоза, вся залитая солнцем.— Два-три надгробия великих магистров, многие не сохранились, все в плохом состоянии.— Церковь превращена в мечеть, причем из самых захудалых, судя по тому, как бесцеремонно с ней обходятся. Киблах и михраб¹ расположены справа.— Мы вошли через боковую дверь, а вышли через главную в конце нефа; на деревянных створках еще сохранилась резьба: трилистники и цветы. У входа перед ступенями два сиденья: одно из них — беломраморная коринфская капитель, другое — небольшой жертвенник, осененный гирляндами и стоящий на бычьих головах.— В церкви мы встретили двух англичан, один живописал, второй выцарапывал надписи. С первым (отставным морским офицером) мне довелось некоторое время спустя ехать в дилижансе из Комо в Лугано.

Пока Макс в церкви писал свои заметки, я гулял по маленькой площади. По улице поднимались две турчанки, лица закрыты, они шли по двум сторонам улицы, ступая по своего рода тротуару, вытоптанному прохожими вдоль домов; пасмурный день, тишина. Одна

¹ Михраб — молитвенная ниша в стене мечети, обращенная к Мекке. Слово «кибла» (или «кибла») обозначает направление на главную мусульманскую святыню.

была одета в зеленое, другая — в голубое, обе в белых шальях, обе немолодые; толстуха в зеленом несколько раз оборачивалась и глядела на меня. Двигались они медленно, желтые сапожки стучали по мостовой.

Спускаемся в город. Улочки нередко соединены крытыми проходами со стрельчатыми сводами, под которыми моряки сушат реи и весла. Лавки светлые, они ближе к греческим, нежели к восточным.— В больших застекленных кофейнях царит оживление; повсюду встречаются изображения льва с женской головой (Аль-Борак? ¹).— Широкая улица, затененная кипарисами и шелковицами.— Посетили турецкую баню (справа, если идти вверх).

Мухаммед-Реджиб-паша.— Визит к паше; тучная фигура, одутловатое, добродушное лицо.— С ним на диване несколько турок. Паша старательно изучает французский, заставляет Прусса читать ему «Жиль Блаза», а также «Революцию» Тьера. Спрашивает, не можем ли мы прислать ему тексты универсального договора и всех договоров между Францией и Оттоманской империей.— Трубки с янтарными мундштуками, усыпанные бриллиантами, кофе подается в эмалевых стаканчиках, тоже с бриллиантами.

Башня святого Николая, высокая и квадратная; по четырем углам сторожевые вышки. Наверху башенка, куда можно подняться по деревянной лестнице.— На укреплениях вокруг башни множество пушек, запалы которых закрыты нагрудными латами.— Внутри башни сплошь голубиный помет.— Комната со стрельчатым сводом.— Хмурый день, небо серое, солнца нет.

Башня святого Николая расположена в северной части города и острова.

Над плоскими крышами серо-черных домов возносятся вверх восемь минаретов, самые высокие из них принадлежат мечетям святого Иоанна и Солимана; кое-где между домами торчат пальмы. За городом поднимаются поросшие лесом холмы, на них тоже дома, позади лиловые с изрезанным, точно кружевным, хребтом горы; на юго-западе обширная бухта, полукругом вдающаяся в поросшие чертополохом берега; на северо-востоке франкский квартал, консульские флаги, между ним и морем полоска песка, на краю ее вертящиеся

¹ Легендарное животное, которое, по преданию, перенесло Магомета на небо.

колеса мельницы. Перед портом остатки старой дамбы, где стоит на якоре несколько лодок. Вся часть города, которую должен был посетить султан, выбелена известью.

Прогулка вдоль городских укреплений.— Бывший галерный порт размещался между улицей Рыцарей и крепостной стеной, вход туда закрыт, завален обломками. Там, где стена не омывается морем, вдоль нее прорыт, а то и выдолблен в горной породе широкий и глубокий ров.— Видавшие виды кулеврины, громадные лафеты, на многих французская лилия; одна пушка явно короче других. Дело в том, что во время осады города снарядом этой пушки выбило кувшин из рук Солимана, совершавшего омовение, и он поклялся ее укоротить, а после победы сдержал обещание.

С юго-восточной стороны отчетливо видны все три ряда укреплений. Верхняя часть стен исчерчена полосками расплавленного свинца и смолы.

Справа от нас море, слева — город, сады и плоские крыши домов; то тут, то там в окне головка еврейки, гигантские смоковницы, кое-где пальмы; в турецких двориках апельсины и лимоны. Под траурными небесами камень, из которого выстроен город, приобретает неприятный серый оттенок.

Арсенал.— Ничего интересного, пальма во дворе, старые турецкие карабины, несколько алебард.

Дворец Великих магистров.— Живущие в нем курды вовсе не общительны; один отвечал нам изнутри весьма грубо, другой, с плоской молока на голове, не сказал ни слова; на нем высокий тюрбан и шаровары в крупную красную полоску.— Потребовалось вмешательство турецкого офицера, он разбаррикадировал ворота и впустил нас.

Большой заброшенный двор, деревянные крыши в форме четырехугольной пирамиды, покрывающие зерно.— С северной стороны большая лестница, над ней галерея.— Там в конце гарем ссыльных курдов.

Вечером визит к Прюссу.— Его мать! Его жена! — Внутри городской стены разрешено селиться только туркам и иудеям. Почему иудеям? Может быть, в награду за какую-нибудь услугу, оказанную во время блокады?

Драгоманом французского консульства был невысокого роста старый иудей, рыжий, очень живой, с хорошими манерами. Мы побывали у него дома: опрят-

ные комнаты, лимонад, миндальные пирожные с медом; его невестка — женщина тридцати лет, очень полная, рыжая (волос, впрочем, не видно), волнующая, в желтых туфлях без задника, зеленом с золотом приталенном платье с широким, расшитым золотом поясом с двумя громадными золотыми бляхами впереди, в черной, расшитой серебром куртке, соборенная рубашка из небеленого шелка, длинное ожерелье из крупных золотых монет; волосы убраны, на голове феска, а поверх нее платок, свернутый тюрбаном.

Внучка — хорошенькая девчурка лет восьми, колечки рыжих волос выбиваются из-под фески, скрытой под грудой золотых монет на сеточке из мелкого жемчуга; на шее ожерелье из крупных монет; одета, как мать: красивая бляха на поясе, кольца на пальцах, браслеты на запястьях.— Мать подает нам лимонад. Пол в доме выложен черными и белыми камешками.

Среда, 9 октября, экскурсия в глубь острова.— Вышли из города в 10 часов утра. Накрапывает дождик; мы едем верхом на мулах с щегольством английских туристов, путешествующих по Швейцарии. Путь наш лежит вдоль берега, море свинцовое, слева небольшие скалы, нелепая, хмурая погода.

Триенда. Первая деревня — Триенда. Обсаженная деревьями улица.— Выпиваем по стакану воды в английском доме.— Великолепный дуб.— Все старые дома, как правило, квадратные, иногда с башенкой наверху.— Дубы и мирты.— Мужчина и женщина прячутся от дождя под миртом.

В пейзаже Родоса есть что-то античное, пасторальное, здесь менее дико, чем на Корсике.— Земля жирная, местность изобилует дичью. Стаи вяхирей и куropаток.

После Триенды сворачиваем влево.— Поле оливковых деревьев.— По крутой тропинке поднимаемся к Филеримосу (древнему Родосу), стоящему на холме; бледная зелень высоких пиний, растущих над оврагом, резко выделяется на фоне почти черных гор; мы идем по тропе среди краснеющих ягод земляничного дерева, миртов, рододендронов и гигантских вересков. Родник у подножия высокой смоковницы; рядом белеет домишко, затерявшийся в зелени, на переднем плане беседка, увитая виноградом. Здесь мы оставляем мулов и поднимаемся дальше пешком.— Зеленые сосны у основания красной скалы.

Филеримос. Город и крепость, стоявшие на вершине, были некогда окружены стенами.— Два средневековых здания, лежащие в руинах, второе, то, что на востоке (готическая церковь, используемая под овчарню), больше первого, но ни то, ни другое не представляют интереса.

Отсюда открывается вид на огромный цирк, на вершине которого мы находимся. На переднем плане зеленые сосны, а на краю цирка море; прямо перед нами побережье Карики; справа и слева постепенно понижающиеся горы, составляющие стенки цирка. Если смотреть в глубь острова — сплошь долины да серые холмы с разбросанными по ним крупными зелеными пятнами; задний план окрашен в синие и коричневые тона. Спускаемся с горы и едем дальше по равнине.

Кремасти.— Чистенькая греческая церковь; святой Иоанн изображен с крыльями. (В греческих церквях постоянно встречаются святой Иоанн, святой Георгий и святой Спиридон; в церкви в Колосси изображение святого Спиридона лежит на отдельном пюпитре.)— Чистенькая паперть, выложенная арабесками из белых и черных камешков, весьма распространенных на Родосе; нередко так вымощены и мосты (уступающие в изяществе сирийским). Пешком идем по деревне.— В кофейне чинили крышу и едва нас не убили. Курим там наргиле, едим хлеб и виноград.

Вилла Нуова.— Три-четыре дома, развалины замка, где некогда была церковь, подземелья.— В проломы стен видно море.— Девочка лет двенадцати, одетая в белое, с громкими криками в испуге бежит от нас.

Едем по равнине.— В поле, отделяющем нас от моря, работают женщины, все они одеты в белое, головы опущены, издали я принял их за турецкие гробницы.— Пересекаем русло пересохшего потока.— Олеандры.— Поворачиваем влево.

Колосси стоит на невысоком холме. Греческая церковь: сцены Страшного суда в духе росписей лавры святого Саввы; святой Георгий, поражающий демона, седобородого, седовласого, напоминающего мне г-на Мэйара, советника руанской префектуры. Наш погонщик Димитрий целует образа.— Поле, дубы и множество оливковых деревьев. Перед нами чуть слева остров Карпатос.— Солнце садится, горизонт затянулся дымкой, бледно-зеленые с золотой каемкой облака, коричневое море, исчерна-фиолетовые горы вдали.— Ког-

да мы подходили к Сороне, в поле жгли траву, мулы продирались сквозь дым.— На острове встречаются красивые собаки, борзые. Внизу на спуске нас провожали глазами великолепные рыжие псы. В тот день мы шли 7 часов.

Сороне. Располагаемся на ночлег в просторной комнате, разделенной надвое аркой; главное ее украшение составляют множество самых обыкновенных раскрашенных тарелок, на веревочках подвешенных к стене; верхние ряды находятся так высоко, что достать их можно только при помощи приставной лестницы. Макс ложится на помосте справа от входа, я на полу на своем матрасе, погонщики возле очага, Стефано и Сассетти на полу на одеяле, хозяева дома поодаль, в нише. Одна лампа свешивается с потолка и освещает всю комнату, другая горит над помостом, гаснет сначала первая, затем вторая.— Блохи! — Лежу на матрасе и разглядываю этот сельский интерьер, затем иду курить на улицу; холодно, моросит дождь, возвращаюсь. В половине третьего просыпаются погонщики, зажигают свет, обходим деревню в поисках кофе; Стефано приносит мне фраскомию, род настойки из трав, которую употребляют здешние старики: она тонизирует и согревает. Мы подняли в деревне порядочный шум и перебудили жителей.— Димитрий, веселый, приветливый и неглупый парень, забавляет нас своими шутками. Трогаемся в путь в 6 часов утра.— Сколько зелени! Пересохший овраг.

Дыма. Проезжаем через деревню Дыма, она лежит в низине, серые дома сплошь заросли виноградом. Наши садовников следовало бы отправлять на Родос учиться разводить вьющиеся растения. Мы идем по аллее, которую цепляющиеся за деревья вьюны превратили в тоннель. Начинается подъем. Взираемся на гору Фондукли, головокружительное буйство зелени: мирты, рододендроны, дубы, оливковые деревья, увешанные оливками: едим красные медвежьи ягоды; Стефано собирает их на деревце слева от меня, ягоды вязкие, суховатые, ароматные, по вкусу напоминают гранат.

Фондукли. Обедаем под громадными платанами, облупившаяся кора которых лежит на земле; столь великолепные платаны я видел лишь в Годфруа де Буйон и на водах Азии в Константинополе.— Журчит прозрачный ледяной ручей.— Едим крутые яйца и холод-

ную курицу, Стефано в Сассетти вырезают на деревьях свои имена.

Едем сквозь лес бледно-зеленых елей, на их фоне выделяются более темными тонами мирты и красная листва каких-то колючих кустарников, в прогалинах черные скелеты огромных сгоревших елей лежат на земле подобно громадным мертвым змеям. Как раз в этих местах и водится больше всего ланей, завезенных на остров иоаннитами. Лани терпеть не могут змей, и это отнюдь не выдумка; обнаружив змею, лань забивает ее копытами, запах паленого рога лани выгоняет змей из домов; все это рассказал мне родосский житель г-н Обле; обычай носить сапоги у мужчин, как и у женщин объясняется, безусловно, обилием змей, то же самое на Кипре и Крите.

Сегодня мы совсем не видели людей, кроме: 1) пешей женщины в желтоватых сапогах, вышитый подол юбки заправлен в голенища; 2) мужчины верхом на лошади, позади которого шла его жена и несла ружье.

Полна. Пять-шесть неопрятных домов; во дворе одного из них мы поспали часок на циновке, рядом женщины сучили веревки из козьей шерсти.— Руины башни с зубчатой верхушкой, интереса не представляют. Перед нами высится гора, подошва которой поросла лесом, а голая вершина закрыта тучей, поливающей нас дождем. Переходим овражек, заполненный водой.

Артемизи. Два дома. Греческая церковь, ничем не примечательная.— Не нахожу и следа развалин храма Артемиды, которые должны быть здесь.— Приятный запах хвои, огромные кусты вереска, выше всадника верхом на лошади. Спуск, подъем и снова спуск; неожиданно открывается деревня Лаэма.

Лаэма. Быки, женщины в белом, фруктовые деревья, десятка три невысоких домов и за ними громаздящиеся друг на друга утесы. У Стефано жар.

Останавливаемся в доме; маленькая брюхатая бабенка с большим животом толчет зерно, возле нее грязный ребенок. Пока я сижу во дворе на низенькой стенке, рядом со мной стоит старуха и прядет; у нее доброе беззубое лицо, тяжелый подбородок, волосы белее, чем ее пряжа. Опасаясь блох, я устраиваюсь спать на террасе соседнего дома, неподалеку от меня мулы; лежу одетый под дождем до 2 часов утра. Небо было усеяно звездами, порой набегали тучи, закрывали звезды, поливали меня дождем, потом небо про-

яснялось слева от меня, снова сияли звезды и снова набегала туча; я опустил на лицо капюшон пальто, и дождь стучал по нему, точно по крыше кабриолета. В конце концов я обнаружил вокруг себя лужу и ушел под кров, где все спали на полу, Максим лежал возле потухшего очага. Просидев с час, упершись локтями в колени, я растянулся на полу поближе к двери и проспал до 6 часов.

От Лаэмы до Линдоса спуск; жирная, мокрая после ночного дождя земля засыпана всяческим лесным мусором; мулы ступают по ней бесшумно; свежий утренний ветер разгоняет низкие облака. Сосны стряхивают капли дождя, сквозь ветки проглядывает солнце, зелень отлиывает золотом и бронзой: золотом на солнце, бронзой в тени.— Обширные участки сожженного леса — распространенный способ расчищать землю, знакомый мне еще с Корсики. Иной раз сосна, обгорев снизу, снова набирает сил и верхушка ее зеленеет.

Сворачиваем к югу, шагаю пешком, чтобы отдохнуть от мула.— Залив, слева вдается в море длинная коса, растительность вся вдруг исчезает, сворачиваем вправо, идем параллельно берегу. Скалистые горы из темно-синего мрамора.— Подъем, спуск, за первым холмом встает другой. Солнце печет, я все шагаю и шагаю, ибо, изнуренный бессонными ночами и моим мулом, которого проклиная всей душой, никаким иным способом передвигаться не могу.

Линдос. Видим Линдос внизу слева, на берегу небольшой бухты. Город растянулся полукругом, а вдоль него сады: смоковницы, виноградники, шелковицы; дорога идет по краю почти отвесной скалы, окаймляющей долину, в глубине которой лежит Линдос. Белые домишки, красивая, опрятная, залитая солнцем деревенька, синее море, тишина.— У входа в залив две скалы, у входа в город под сенью могучего платана беломраморный турецкий колодец с четырьмя кранами и надписью по-турецки.

Мы останавливаемся у вдовы с сомнительной репутацией, она была предана бесчестьем за сношения с пиратом, это женщина лет сорока, в прошлом красивая.— Мозанка из черных и белых камешков, дом чистый, над диваном висит скрипка.

На утесе у самого моря высоко над деревней стоит крепость, к ней ведут широкие лестницы. Там наверху

разрослись деревья: дикая смоковница, медвежья ягода, есть даже пальма; когда смотришь снизу, верхушка ее выглядывает над стенами, венчая собой всю громаду.— Остатки античных, греческих стен восхитительной работы, они поднимаются отвесно над морем и высечены из скалы, на которой стоит крепость. У подножия утеса плещется море, заливая углубления в скале; оно огромное и спокойное, вода внизу подо мной цвета зеленого бутылочного стекла и притом прозрачная; я долго гляжу на нее сквозь зубцы древней стены. Налево вид на бухту. За спиной у меня, позади деревни, серовато-синяя гора; у подошвы ее площадка, где сохранился храм Минервы, построенный еще троглодитами. Внизу под крепостью плоские белые кровли. Максим отправляется осматривать храм, я же не могу расстаться с крепостью и остаюсь там до самого отъезда; это самое сильное впечатление, какое я вынес с острова Родос.

В 2 часа трогаемся в путь; выходим на дорогу, по которой давеча пришли, затем она остается слева, а мы обходим маленькую бухту, потом скалистый мыс, потом бухту побольше; копыта мулов проваливаются в гальку. Удаляемся от моря.

Массари. Деревушка спрятана в зелени.— Каменщик строит дом.— Зеленый двор, огромные роскошные гранаты.— Трясусь на муле, затем спешиваюсь, мул убегает, устремляюсь вдогонку по деревне, снова сажусь верхом; на нем можно ехать только шагом или галопом.— Обширная равнина.— С четверть мили идем по высохшему руслу Гайдурю Потамос, среди камней и олеандров.

Малона. Наконец добираемся до Малоны, в большом доме нам стелют матрасы; пьем кофе, растянувшись на этом ложе, два наргиле полностью восстанавливают силы.

От Малоны до Арканджело великолепная дорога, густые травы, желобки тропинок, пышные живые изгороди; фиговые деревья увешаны фигами, гранатовые — гранатами; на дорогу выбегает ручеек и исчезает в зарослях тростника, мирта и винограда. Узкая тропа выводит на масличное поле; долина редкой красоты, замкнутая тремя холмами; тисы, сосны и т. д. Поворачиваем и видим на краю долины гору; оголенная вершина и буйная зелень у основания; гора спра-

ва от нас. Поднимаемся по крутому склону, и вот перед нами Арканджело.

Арканджело. Белые домики, сады; над деревней высятся крепость на скале.

Закат: желто-белые облака сменяются вытянутым наподобие большой рыбы облаком светло-бордового цвета, перерезанным поперечными красновато-коричневыми, цвета меди, полосками-ребрами; небо бледно-голубое. Облако постепенно темнеет, гаснут золотые отсветы, теперь оно лежит чернильным пятном на побледневшем небе.

В доме, где мы расположились, большая комната на первом этаже перерезана аркой, как это было уже в Сороне, такую же комнату мы увидим на следующий день у нашего проводника в Костиносе; наша хозяйка — вдова, она боится скомпрометировать себя (как это случилось с той вдовой из Линдоса), принимая иностранцев.

К нам с визитом приходит греческий поп; он так и не смог объяснить нам, почему у них в церквах святой Иоанн изображается крылатым и почему в Линдосе у святого Кристофора голова зверя — то ли осла, то ли зайца. Поп не нашелся, что ответить, Стефано подтрунивает над ним, а завтра он будет ославлен на всю деревню. Когда мы были в Вифлееме, армяне и католики здорово посмеялись над несчастным попом, спутавшим святую Елизавету с Богородицею.

Церковь со стрельчатым сводом, свежескрашенная, красивый, новенький, еще не позолоченный алтарь; гипсовые птицы на верхушке капителей, кончики листьев капителей позолочены; большое изображение святого Георгия (в византийском стиле), Димитрий целует его. — В крепости нет ничего интересного, кроме ее местоположения. — Прекрасная ночь без блох; должен сказать, что со времени нашего путешествия по острову я спал впервые.

От *Арканджело до Костиноса* дорога довольно плоская, пересеченная холмами, едем по равнине, протянувшейся между горами и морем, великолепные оливковые деревья — таких пышных, как, на Родосе, я не видал нигде. Путь то и дело преграждают широкие сухие овраги. Повсюду следы разрушений, причиненных зимними дождями: холмы размыты, склоны их исковерканы оползнями. Возле огороженного поля стоит женщина; завидя нас, она обращается в бегство и пря-

чется в кустах; Димитрий, по-видимому, крикнул ей что-то не слишком целомудренное. Перед нами гора, скрывающая горизонт, взбираемся на нее, сворачиваем вправо, едем над пропастью, спускаемся по косматому, заросшему деревьями склону и въезжаем в Костинос.

Костинос. Деревня расположена на остром гребне небольшой горы слева от нас. Едем вдоль горы (справа), как в Линдосе, с той разницей, что Линдос стоит внизу.

Обедаем у нашего проводника Димитрия. На стенах висит 277 блюд и тарелок, да еще стаканы и графины. Курим на помосте, заваленном мешками с зерном; над головами у нас сушатся шкуры и висят бурдюки.— В углу груды подушек, набитых шерстью; нас окружает целый рой хорошеньких белокурых детишек.

Горы остаются позади, с дороги видно море и вдаль Родос. Местность чуть заметно понижается.— Поле, заросшее чертополохом.— Переходим высохший овраг по большому двухарочному мосту античной постройки, заново вымощенному камешками по местному обычаю; дно оврага поросло тростником и желтыми цветочками. Сворачиваем влево, дорога идет в тени смоковниц.

Зимболи. Крутой овраг, над которым проложен небольшой двухэтажный акведук на античных опорах, с него свисают кусты и побеги; большой бассейн и рядом жертвенник (на котором изображен танец?), выдолбленный наподобие корыта; напротив турецкий источник, как обычно оформленный в виде стенки; и все это под сенью гигантских платанов; картина навеивает грусть, виной тому плохое освещение, пасмурная, безветренная погода, затянутое облаками небо.

Возвращаемся в Родос с его тыльной стороны, улицы здесь почти деревенские, над ними склоняются смоковницы; Димитрий встает на спину мула и достает фиги. Стефано, укутанный в плащ с капюшоном и заправленные в сапоги холщовые штаны, остался в Зимболи, его било в лихорадке.

Пересекаем кладбище, протянувшееся поперек дороги; гробницы увенчаны уже не фесками, а самыми настоящими тюрбанами, иные из них походят на круглую тыкву. Справа за изгородью два дерева-одногодка крепко сплелись ветвями. Проезжаем по улице, где сады обнесены выбеленными известью стенами с голубеньким плитусом внизу. На этой улице остановился султан во время переговоров с Аббасом-пашой.—

Сохранились каменные приступки, с которых султан садился на лошадь.

Вернулись в Родос в субботу 12 октября, в 3 часа.

В воскресенье 13-го делал записи в дневнике, читал первый том «Библиотеки человека со вкусом?» и «Мемуары маркиза де Таванна». — Вечером чопорный ужин у Прюсса. — Его жена. — Его мать. — Мадемуазель Арсен.

На другой день, в понедельник 14 октября, отплыли в Мармарис.

Мы шли по острову двадцать семь часов.

**МАЛАЯ АЗИЯ, СМИРНА.
ОТ СМИРНЫ ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ
ЧЕРЕЗ ДАРДАНЕЛЛЫ
октябрь — ноябрь 1850 г.**

От Родоса до Мармариса. В понедельник 14 октября 1850 года мы отплыли с Родоса в Мармарис на судне, у которого палуба была только на носу и на корме. Посередине лежали корзины и камни балласта.— У нашего капитана голубые глаза, передних зубов не хватает, лицо широкое, открытое; один из членов экипажа одет в холщовую куртку с вышитыми рукавами, на феску повязан платок, рукава закатаны, вид дикий; очень неприятный матрос: здоровенная монгольская рожа с маленькими сальными глазками; пассажир: седобородый старик с правильными чертами лица.

Почти все время плавания мы проспали в заднем отсеке. Ряды невысоких темно-синих скал у входа в Мармарисский залив напомнили мне озеро Комо. Море спокойно, в течение трех часов идем по узкому проходу между скалами. У берега проход расширяется. Город стоит у самой воды; когда мы подошли к нему, вставала луна; оттого что в нем есть небольшая крепость, Мармарис считается военным портом и входить в него после захода солнца воспрещается; ночью на судне, я сплю в кормовом отсеке.

Мармарис. Во вторник 15-го визит к Мухаммед-Дару, это крупный, высокий, тучный человек с орлиным носом и небритыми щеками. У нас к нему письмо от родосского паши. Он сидит на возвышении с видом на залив. Залив покоен, как озеро, и со всех сторон окружен лесистыми горами.— На крутом берегу места общего пользования, снабженные водопроводом. Пока мы находимся у Мухаммед-Дара, является назир

таможни, которому его сын, житель Родоса, прислал бочонок водки. У него в доме мы переодеваемся и завтракаем перед отъездом, сидя на войлочном ковре у большого камина.

В начале дорога вьется между сосен то вверх, то вниз, как на Родосе.— Большая равнина, окаймленная горами.— Встречаются верблюды; верблюды здесь уже не у себя дома и нравятся мне меньше.— Среди деревьев бежит река, книзу она расширяется, растекаясь в роще.— Множество дикого винограда, он оплетает деревья, укутывает их зеленым одеялом; местами он увивает мертвые деревья, превратившиеся теперь в простые подпорки; перекидываясь с дерева на дерево, виноградные побеги образуют громадную изгородь.

Привал: мельница, хижина; негры прогуливают наших взмысленных лошадей. В половине третьего трогаемся в путь, подъем, спуск; слева от нас ручей, равнина, по краю ее протянулась белая полоса — это море. Под ногами остатки древней дороги.— Три моста.— В чащах сплетенные ветви деревьев и кустарников хлещут по лицу; в конце дороги, у подножия горы какие-то строения.

Джова. Большой деревянный караван-сарай с дощатой крышей, издали напоминающий швейцарский шале. Прямо перед ним водоем, круглый, как купол гробницы мусульманского святого; в караван-сарайе никого, все пусто, встречаем только негритянок. Стефано устраивает нас в пустой комнате.— По обоим концам галереи возвышения.— Позади дома, со стороны моря, высокое дерево.— На кухне две негритянки помогают Стефано, обе страшные, одна беззубая, и при ней хорошенький мальчик, который меня боится; во дворе просторные одноэтажные строения для верблюдов и лошадей. Здесь путники находят пристанище после долгой дороги, сюда приходят купцы в тяжелых шубах, с заморскими товарами. Вечером перед ужином мы стояли в дверях и любовались видом, затем курили на северной галерее, той, что обращена к морю; негр знаком показал нам, чтобы мы не подходили к краю, где дерево прогнило.

Среда, 16-е. День не такой погожий, как накануне. Выехали в 7 часов утра, встали в 6 — слишком поздно для предложенной нам охоты на кабанов, которые в изобилии водятся в окрестностях озера Кос; для этого

надо было встать в 4. На гору ведет древняя ступенчатая дорога. Часа через два привал в шалаше, почти на самой вершине. Перекусываем хлебом, фигами, плотно нанизанными на тростинки, связанные треугольником, выпиваем по чашке кофе и продолжаем путь. Кофе нам подавал старый, ничем не примечательный турок; Стефано тискает толстую, нескладную, некрасивую девочку; он говорит нам, что в Персии у него остался сын по имени Наполеон, которому, должно быть, теперь 6 лет.

Сегодня нам уже не встречаются большие деревья с пышными кронами, а только редкие низкорослые кустарники. Погода совсем европейская: весь день пасмурно. Спускаемся с горы.— Блуждаем по равнине.— Остатки вчерашней древней дороги.— Пеший турок с большим желтым цветком на феске говорит нам, что мы сбились с пути; мчимся галопом по полям, по тучной земле к домику, расположенному у подножия горы слева от нас, чтобы узнать дорогу. Из домика выходит мужчина, накинув на плечи пальто, становится во главе нашей группы: снова поднимаемся в гору и спускаемся.— Равнина, на краю ее, у подошвы холма, Мугла

Мугла. Черепичные крыши, длинные веранды, дома прячутся в зелени; городок выглядит по-швейцарски холодно; над ним возвышаются два минарета. Горы здесь уже не такие лесистые, а на вершинах проглядывают голые серые скалы.— По дороге сюда, на спуске со второй горы мы долго шли среди бледно-голубых, точно подсиненная вода, скал. Среди пустынной равнины мы обнаружили несколько заросших зеленью могил. Такие же могилы мы видели и вчера, только те поросли терновником. Перед входом в Муглу большое кладбище, старое и новое вместе; на могилах лежат наломанные ветки деревьев, как у нас в Вербное воскресенье; вместо крестов тюрбаны.— Сколь многозначителен этот прекрасный во всем мире распространенный обычай укрывать могилы зеленью. Откуда он происходит?

Городок безлюден по случаю курбан-байрама¹; на многих домах красивые высокие новые ворота.— Конак губернатора. Наносим визит его помощнику, жандарм-

¹ Праздник жертвоприношения.

скому начальнику, и обсуждаем с ним наш дальнейший маршрут.

Мы останавливаемся в греческом доме: комната с возвышением, два очага; мы укладываемся у того, что слева от входа, возле правого Стефано располагает кухню. Наша хозяйка толстая женщина с обвислыми грудями, большим животом и открытым лицом. Когда мы подошли к дому, на пороге сидела огненно-рыжая девочка лет 11—12 с веретеном в руках, за спиной у нее подвязан младенец. Для нас зарезали курицу, она долго билась уже после того, как ей отрубили голову. Стефано сидит по-турецки, в голубых персидских шароварах, в рубашке, с непокрытой головой, вокруг него собралась вся семья, он рассказывает какие-то байки, а те слушают, раскрыв рты. «Останься я здесь,— говорит он нам,— будьте уверены, я бы им всем (показывает указательным пальцем на лоб) головы вскружил». Ждем погонщика, который поведет нас в Миляс.

Четверг, 17-е. Выехали из Муглы в 11 часов утра.— Двор запружен лошадьми; у пастухов лица разбойников, кушаками перетянуты ягодицы, отчего при ходьбе движутся только бедра; прощаемся с хозяевами.

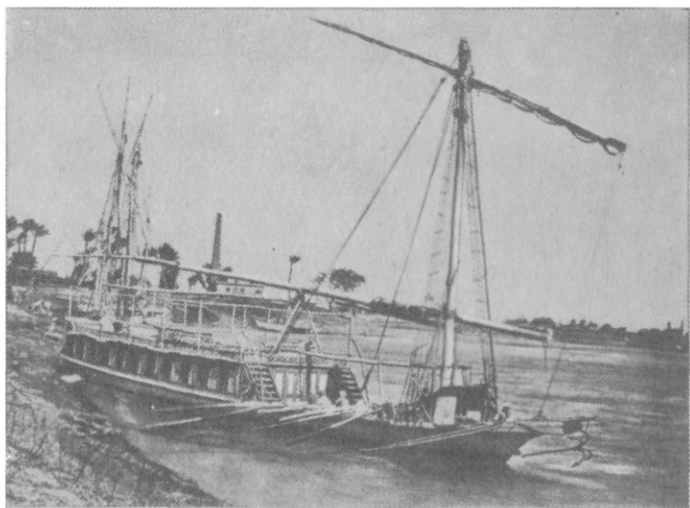
Почти все время едем по равнине, и только вблизи Эски-Исара начинается подъем. Местность напоминает парк, деревья — в основном ели и карликовые дубы — довольно далеко отстоят друг от друга.— Гора слева, вдоль подошвы которой мы идем, лесистая, правая же менее красива. Горы лежат волнами, вдали они темносиние; небо расцвечено легкими белыми облачками.

Время от времени попадаетея хижина, как правило, под деревом.— Огромный платан, полый внутри и раздвоенный у основания: он как бы стоит на двух ногах.

В кофейне, где мы сделали первый привал, отдыхали два человека; костюм одного напоминал современную форму турецкого солдата, он шел из Смирны, путь занял у него пять дней, два дня назад он вышел из Гюзель-Иссара. В другой кофейне было пусто, ни души; очаровательная зеленая-презеленая лужайка, несколько могил. Слева от дороги небольшой подъем.

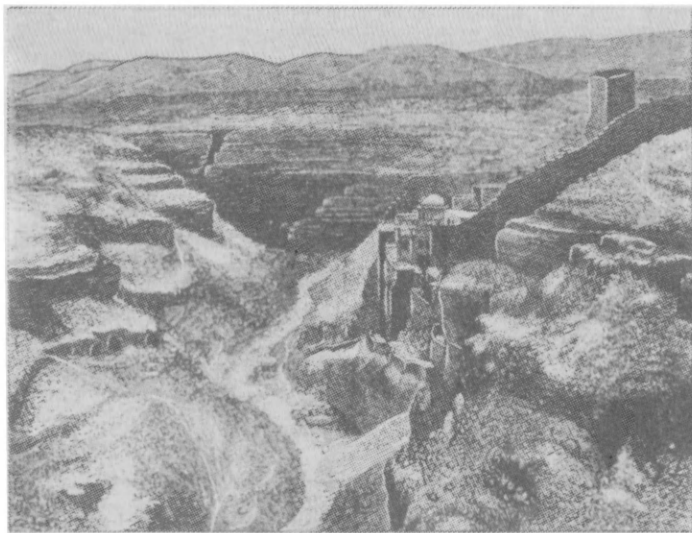
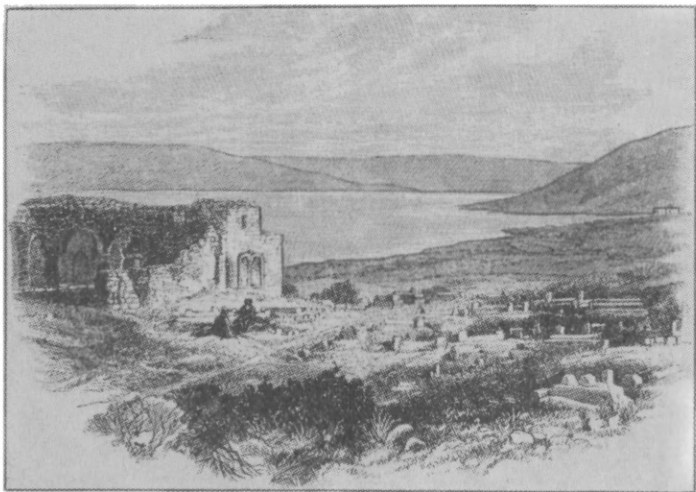
Нам снова попадаются участки древней дороги, но уже совсем разрушенные и провалившиеся.

Нас сопровождает негр, растрепанная кисточка его фески заткнута за валик тюрбана. Едва вступив в Эски-Иссар, застаем его в кофейне.

Канжа

Колоннада храма в Луксоре

Тивериадское (Генисаретское) озеро

Лавра Саввы Освященного

Константинополь. Мечеть Баязида

Константинополь. Мост в Галату

Турецкая кофейня

«Крутящиеся» дервиши

Эски-Иссар. Ограды здесь сложены из античных руин; тут круглая колонна, там — с каннюлерами. Дома сухой кладки и такие же трубы; по краскам это напоминает Пиренеи. Дома утопают в зелени деревьев, виноградные лозы, как змеи, обвивают стволы, высохшая лоза подобна скрюченной мертвой змее. Но чаще умирает дерево, а зеленые побеги винограда опутывают его скелет, сплетаясь в гирлянды, узлы, кулоны, виньетки.

Сераль губернатора.— Дом стоит в глубине двора; на лестнице и на просторной веранде выстроились турки в расшитых золотом одеждах; на тончайшем зеленом газоне двора негр выгуливает взмыленного коня. Слева руины — груда огромных камней и высокое дерево, за домом сплошь деревья, на заднем плане горы. На краю веранды беседка, увитая виноградом, зеленая масса расступается книзу, точно занавески алькова.

Перед ужином прогулка по поселку.— Обилие руин: тут сохранился над дверью красивый фриз астрагалом; в другом месте дверное перекрытие сделано из обломков фриза с ветвевидным орнаментом; там стоит коринфская колонна; повсюду греческие надписи (их собрал и записал г-н Леба).— В стороне от деревни, у подножия горы, заросшие кустами остатки древнего цирка.— В том дворе, где стоит коринфская колонна, растет гранат, увешанный плодами, и виноградная лоза, увившая изогнутое засохшее дерево, точно вытянутая рука, с которой свисает широченный рукав.

На закате облака сгрудились над горами, образовав подобие горного хребта; на западе облака вытянуты в длину и точно охвачены пожаром.

За Стефано увязывается черная собака, ласкается к нему.

Ужинаем в зеленой беседке с нашим попутчиком — седобородым турком; слабый свет висящего в углу фонаря.— Запомнилась внезапно возникшая у входа окаймленная листвой фигура вооруженного пастуха. Вечером при свете мишала (его несет сопровождающий нас грек) осматриваем купальню во дворе губернаторского сераля; бассейн украшен барельефами в виде человеческих голов, с которых спускаются гирлянды; тяжеловесный стиль эпохи упадка.

Укладываемся возле очага, в котором тлеют еловые дрова, каркас очага испещрен множеством квадратных дырочек. Слышится голос Стефано, он перебрасывает

ся шуточками со стражей. Ночью одолевают блохи. В 3 часа в соседней комнате просыпается охрана (они спят в полном вооружении), разводят огонь; несколько раз выхожу к ним. Около огня, завернувшись в одеяла, спят вооруженные негры. Утром в 5 часов начинается дождь.

В пятницу 18-го выехали в 7 часов утра. Дорога все время идет под соснами; слева овраг, раз сто переходим его туда и обратно; на кладбище, засаженном дубами, преспокойненько пасутся телята; из одной могилы торчат три палки, к ним привязана розовая тряпка, которая, провиснув, образовала подобие гирлянды. Зрелище это потрясло меня до глубины души, в записной книжке даже сохранился набросок.

Завтракаем в кофейне в окружении турок.

Спуск на равнину, со всех сторон окруженную горами, внизу под нами лежит Миляс; слева глубокое ущелье, громоздящиеся одна на другую прямоугольные каменные глыбы.

Дорога, по которой мы сегодня шли, напоминает местами лес Фонтблo (только с елями); лошади ступают по мягкой, усталой рыжей хвоей земле. Когда мы уже подъезжаем к Милясу, небо слева от нас затягивается тучами и на горы, с которых мы спустились, обрушивается дождь, он висит в просветах ущелий серо-синим занавесом; другая сторона неба чистая, лишь несколько белых облачков на голубом. Дует ветер, дождя не избежать и нам, Сассетти накидывает плащ, Максим надевает пальто, я следую их примеру.

Миляс. Длинные улицы с затхлыми канавами посередине, лошади копытами баламутят зловонную грязь. У конака нам приходится подождать десять минут.

Останавливаемся у г-на Эжена де Сальмона, врача из Марселя. До недавнего времени он жил на Самосе и потому носит большую греческую феску, рубашку с широким отложным воротником, зеленый сюртук.

Прогулка вдоль акведука. От него сохранились лишь опоры арок, прямоугольными глыбами выступающие из кустов и зарослей через равные промежутки. Цвет камней серый. Местами опоры сложены из привозных, уже использовавшихся ранее камней; в конце акведука еще сохранилось несколько арок и даже

верхний бык. В просвет серых арок видны равнина и синие горы, чем дальше, тем они темней. На руинах акведука заброшенные гнезда аистов.

Визит к помощнику губернатора. Мимо нас проходит его дочь с пиастрами на голове.— Сальмон рвет арбуз с грядки.— Обилие греческих надписей.

На краю города гробницы с колоннами, мраморное сооружение на каменном основании. Внизу стена высотой футов в восемь, над ней сдвоенные колонны; по углам квадратные столбы, колонны же круглые. Нижняя часть, где, вероятно, и покоилось тело, представляет собой небольшой зал с прямоугольными столбами, лишенный каких-либо украшений, превратившийся ныне в место общего пользования.

Вечером доктора посетил некий уроженец Леванта из Смирны, у него лицо и руки трубочиста и вид каналы. Да и сам хозяин представляется мне теперь другим человеком. Он рассказывает неправдоподобные истории. Показывает свой автопортрет! Да это же литография с портрета греческой королевы, а на ней подпись карандашом: «Сальмон».

Суббота, 19-е. Доктор провожает нас до подножия горы. Весь день ушел на подъем и спуск с горы, отделяющей равнину, где лежит Миляс, от той, где мы теперь. У самой вершины горы колонны, стоящие в круг (руины храма Весты?). Неподалеку большой участок стены из сложенных друг на друга камней — остатки римского сооружения.— Обед на берегу мутно-желтого ручья, вода которого застаивается во впадинах скал.— С поворота дороги на самом верху горы открывается восхитительный вид на всю долину, на поросшие лесом горы справа и слева, стоящие рядами остроконечных треугольников всевозможных оттенков синего цвета; самые темные тона позади, передний план зеленый.

Спуск продолжается около пяти часов, отвратительные дороги; Стефано утверждает, что таких скверных он еще не встречал, хотя тут нет ни обрывов, ни оврагов. По временам попадаются источники, огороженные стенками сухой кладки и выдолбленные стволы, заполненные водой. Обгоревших деревьев здесь меньше, чем на противоположном склоне. На заросшей елями горе нам встречаются кобыла с жеребенком, пасущиеся сами по себе. Не доходя до Карпуцелу, справа, маленькое кладбище, лоскуты материи над могилами.

Карпуцелу. Кофейня в хижине. Ночуем в двадцати шагах от нее в домишке, к которому ведет деревянная лестница. Я сплю на террасе, холодная звездная ночь, ярко светит луна.

Воскресенье, 20-е. Весь день ехали по ровному месту, ни спусков, ни подъемов, дорога пролегла по равнине между горами; первые четыре часа местность была скорее лесистой.

Пустая кофейня, у входа под деревом сидит пастух, стадо разбрелось по кустам. Три раза переходим одну и ту же реку, причем с каждым разом она становится шире; она называется Чина Чай (Китайская река). Деревьев на горах становится все меньше; гора справа от нас уже сплошь серая, с белесыми пятнами; слева, на том берегу бледно-зеленой реки, склон дыбится невысокими куполами.

Тощие деревца.— На переднем плане длинные рыжие травы (чертополох?), растущие с большими промежутками; мимо нас к реке проходят верблюды, крупные, цвета испанского табака. Резкий ветер, солнце, холодное голубое небо. Солнце просвечивает сквозь рыжую шерсть на горбе молодого верблюда, поднявшего морду из травы.— Другой верблюд, низкорослый, горбатый, похож лицом на Амедея Миньо в костюме поверенного при коммерческом суде.

Чуть дальше река сильно расширяется; на песчаных островках кое-где выросли олеандры.— На переднем плане пышные кусты.— Дикая эти места таят непредвиденные опасности.— Плешивая гора, на ней горстка каменных домов, штук пять-шесть; кусты растут гуще, начинаются заросли. Резко сворачиваем вправо, огибая гору, и оказываемся на берегу большой реки, через которую переправляемся на пароме. Паром тянут на тросе, сделанном из виноградных лоз, связанных веревками. Впереди чуть слева гора, у подножия которой раскинулся Айдун (Гюзель-Исар) с белыми минаретами мечетей. От реки до города идем по равнине; ближе к городу по краям дороги появляются высокие насыпи, там встречаются арбы со сплошными деревянными колесами, боковины у них не дощатые, а сплетенные из ивовых прутьев, телеги оснащены дышлом и запряжены двумя волами.

Гюзель-Исар. Проезжаем через город и останавливаемся на другом его конце, в просторном зале большого сераля. Широкие диваны.

Закупаем продуктов на дорогу. Город расположен на склоне, над лавками большие навесы. Сразу видно, что мы находимся в холодной стране: в ходу войлок, плотная холщовая одежда, вязаные гамашы.— В облике города есть что-то монгольское. И хотя природа здесь гораздо ближе к европейской, нежели, скажем, к сирийской, город кажется более азиатским, менее цивилизованным.— Великолепный платан возле лавки, где мы купили войлочные попоны для лошадей.— У табачника табак хранится в больших стеклянных банках, подобных тем, в каких кондитеры держат драже.— Продают мороженое, медовые пряники, халву (вязкое тягучее кушанье на меду).

Хозяин наш, Хаджи Осман эфенди, человек благовоспитанный. У него есть беседка, куда он удаляется для возлияний; позади нее открывается вид на горы. Сидя там, мы говорим о Крезе и о парижских коллекционерах.

Понедельник, 21-е. Выехали без четверти шесть утра, пересекли длинное предместье, как и вчера, когда въезжали в город. Огромный караван верблюдов, направляющихся в Смирну, загораживает нам дорогу, обходим их стороной. Верблюды рыжие, косматые. У последнего на шее громадный колокольчик, что-то вроде куска печной трубы, производящий много шума.— Арба со сплошными колесами, запряженная двумя волами, ноги у них широко расставлены, утолщаются книзу; в арбу набилась вся семья, лица женщин закрыты.

В 9 часов утра завтракаем в пастушьей хижине.

В течение всего дня (часов восемь пути) низкорослые рощицы сменяются песчаными равнинами, поросшими чахлой травой. Тропа петляет в зарослях. Переходим вброд ручей; впрочем, сегодня их попадаетеся меньше, чем вчера, места здесь лесистей и приветливей.— Через каждый час пути видим хижину под деревом и источник; путников на дороге больше, нежели в последующие дни. Нас сопровождает конвой из двух человек, выделенных губернатором Гюзель-Исара, и два погонщика, трусящие рысцей на своих мулах; дорога петляет вдоль реки, которая течет внизу слева от нас, теряясь в высоких молодых ярко-зеленых зарослях.

В час с четвертью привал в хижине у подножия горы; пастухи здесь вооружены до зубов. Пьем кофе,

нам подает его невысокий худой человек с седыми волосами, которого, если бы не усы, можно было бы принять за женщину. Проезжает женщина на лошади, она сидит верхом, с головы до пят укутанная в белое.

Подъем; снова оказываемся на античной дороге, которая идет до самого Эфеса.— Спуск; слева горный поток, заваленный дубами, ясенями и пр., он падает невысокими уступами; пейзаж рыцарского романа, в нем чувствуются мощь и покой. Думаю о Гомере, в журчании воды мне слышатся звуки позабытых древнегреческих строф. Я еду впереди всех, проезжаю через стадо коз, черно-рыжих с белыми пятнами; глаза у них желтые, они разбрелись среди деревьев, вскарабкались на гребни скалистых глыб, одна, опустив голову вниз, глядела на воду и, казалось, прислушивалась к ее журчанию. Ветер шелестит листьями, над головой бледно-голубое небо. Дорога здесь зажата горными склонами.

От горы к горе протянулся мраморный акведук, весь уже посеревший; два ряда весьма хрупких арок; надпись гласит, что он посвящен Цезарю Августу.

Эфесская равнина. Ах, какая красота! Какое восточное и античное великолепие! Воображению являются картины былой роскоши, фигуры в расшитых золотом пурпурных мантиях. О наслаждения Герострата! О храм Артемиды Эфесской!.. На горах слева грушевидные бугры. Тропа ведет нас через низкорослую рощицу кустарников, именуемых по-гречески «лигарией», и вот мы в Эфесе.

Айа-Сельчук (Эфес). Кирпичные купола. Крепость и поселок стоят на холме с широким основанием и четко выделяются на фоне равнины; крепость бросается в глаза издали; ее видно с очень большого расстояния, так же как и колоннаду справа, которая оказалась всего-навсего остатками акведука.

В большой мечети выросли дикие маслины, при нашем появлении с них поднялась целая туча ворон.— Остатки бассейна.— Мечеть разделена на две части. Может быть, здесь был христианский храм? Очаровательные окна и двери в стиле арабского примитива. Доходим до ворот крепости. Ужин у шейха, охрана и погонщики едят вместе со Стефано и Сассетти, все сидят в круг под фонарем, висящим на веревке; парень в красном (платье и куртка) ходит туда-сюда, зажигает нам

трубки. Хозяин — человек малопрятный и молчаливый.

Вторник, 22-е. Четырехчасовая прогулка среди разбросанных по Эфесу руин.— Древнеримские памятники, разрушенные до неузнаваемости; во многих местах на каменных основаниях надстроены кирпичные строения; дырки в камне обозначают наличие в прошлом мраморной облицовки. Все эти руины находятся в основном слева от поселка Айа-Сельчук, у подножия горы; лежавший в долине между горами город выходил к морю, которое хорошо видно из Айа-Сельчука. Что касается скульптуры, нам удалось увидеть только два обломка, которые нам принесли; несколько других симметрично выставлены у ворот крепости, они тяжелесны и принадлежат эпохе упадка.— Среди развалин видим почти одновременно шесть шакалов.

Миленькая мечеть под сенью двух гигантских ясеней вблизи кофейни, источника и кладбища. Портал с античными колоннами; под арками система желобков, они очаровательны, когда смотришь на них прямо или под углом. Минарет, как и минарет большой мечети, имеет форму расширяющейся вверху колонны, украшением в обоих случаях служит белый по кирпичному фону орнамент. Мечеть построена из кусков камня и мрамора; каждый камень обрамлен двумя кирпичами; решетчатые окошки, характерные для арабской архитектуры. Плоские стелы надгробий, по которым можно изучать форму старинных тюрбанов; продольные валики их лежат наклонно и доходят до середины фески, высоко выступающей над тюрбаном. В некоторых есть маленькая дырочка наверху — это чтобы видеть птиц. (Нечто подобное я видел в Бретани, только там дырочка предназначалась для святой воды.) Беспорядочно разбросанные надгробия похожи на воткнутые в землю белые игральные карты, которые, того и гляди, завалятся; надписи на них очень красивы.

В здешних местах распространены невероятных размеров головные уборы, наматываемые на голову рулоны материи так высоки и тяжелы, что наш погонщик вынужден перевязывать их сбоку веревкой.

Без пяти минут час покидаем Айа-Сельчук. Дорога вьется среди зарослей лигарий и мяты, они гнутся от ветра; листья трепещут; небо весь день было пасмурным. Аксиома: небо делает пейзаж. На краю Айа-

Сельчука караван верблюдов, у последнего на шее висит прямо-таки целый колокол; один верблюд с громадными пучками шерсти на бедрах и отвислым подгрудком громко кричал, когда мы проходили мимо.

То тут, то там шатры туркменов.

В получасе езды крутой изгиб реки; это и есть Мендерес, он здесь довольно широк. За ним сероватые горы, гора Коз, крутая, с крепостью на вершине; когда идешь от Аяа-Сельчука, она остается слева. На дороге, пролегающей в овраге, встречаем верблюжий караван, преграждающий нам путь. Принимаемся разгонять их, перепуганный выражением наших лиц и видом ружей, мальчишка-погонщик испускает дикий вопль. За час до прибытия в Тире пускаюсь вскачь; у меня была замечательная лошадка грязно-серого цвета с пышной, разметавшейся гривой.

Тире. При въезде в Тире гигантский платан, в тени его могло бы поместиться человек пятьдесят с лошадьми, ну если не пятьдесят, то уж никак не меньше тридцати. В течение четверти часа идем по городу, где все уже закрыто; восходящая луна освещает двор мечети слева от нас.

В серале нас принимают в офицерском зале.— Господа эти весьма приветливы, при обсуждении маршрута поднимается чудовищный гвалт на турецком и греческом языках. Крадучись вдоль стены, словно бы желая в нее спрятаться, входит, закрыв лицо, негр-тянка в белом; это рабыня, бежавшая от своего господина и нашедшая здесь себе пристанище. Начальник погонщиков Тире, тучный мужчина с величавой осанкой паши, шутливо и презрительно похлопывает ее по щеке и уводит к себе.— Визит к губернатору, ничтожный человек.

Среда, 23-е. На базарах ничего примечательного.— Деревянные навесы.— Улица с желобом для лошадей посередине.— Городские кладбища. Нам уже неоднократно встречались могилы на совершенно пустынных безлюдных равнинах; по-видимому, это следы становий, друзья тех, кто остался лежать в земле, перенесли свои шатры в другие места; вид этих заброшенных могил придает пейзажу небывалое величие. По дороге из Аяа-Сельчука в Тире видели несколько таких могил, обнесенных оградой с тополем посередине; по кладбищу в Аяа-Сельчуке гуляли гуси; когда налетел сильный ветер, они все выпятили груди и сидели ко-

рабликами, пока он не стих, некоторые спрятали голову под крыло.

Выехали в половине девятого.— Завтракали под платаном у водоема; черпали воду бурдюком, так что она разливалась во все стороны. К нам подошло стадо овец.

Целый день ехали по обширной равнине; она представляет собой громадный цирк, окруженный расположенными амфитеатрами горами. Горы от нас далеко; слева очертания их протянулись ломаной линией с острыми углами. Обгоняем телегу, груженную пенькой (колеса с ободом и спицами), ее тащат буйволы; остановившись, они шумно дышат.

Едем через деревню Одемиш вдоль торговых рядов, образующих главную улицу; множество красивых детей, особенно девочек, у них белокурые волосы с золотистым отливом.

Бирги лежит у подножия горы (слева, если идти от Одемиша), кругом раскинулись зеленые рощи; издалека заметен стройный ряд тополей. Неподалеку от города широкое и глубокое русло горной реки; по берегам разрослись маслины. Подъем. Река (сейчас пересохшая) перерезает карабкающийся по склону город, чуть дальше виден большой мост с крутым изломом посередине.

Давеча шли по деревянному мосту, состоявшему из одних только небольших поперечных балок, в большинстве своем сгнивших или поломанных, копыта лошадей проваливались; зато по бокам стояли перила — удивительное дело! Сегодня нам реже попадаются шатры туркменов.— Максим целится в орла, но промахивается.— На дороге лежит издыхающая лошадь; гноющаяся спина, ободранное, окровавленное плечо, тучи мух.— Хмурый день, затянутое облаками небо; лошадей одолевают мухи, моя то и дело подпрыгивает и взмахивает головой.

На стоянке туркменского каравана один верблюд отдыхал в необычной позе: он лежал на боку, как лошадь в конюшне (да и то не часто), ноги вытянуты, а не поджаты, правым плечом привалился к мешку; ну прямо барин в мягком кресле.

В *Бирги* прибыли в 3 часа пополудни, разместились в конаке, в прелестной турецкой комнатке: на стенах деревянные раскрашенные панели, зеленый потолок, пересеченный желтыми планками крест-на-

крест, в середине большой красный квадрат, тоже расчлененный желтыми планками.

Спускаемся в нижнюю часть города тем же путем, по которому шли наверх.— Верхний город напоминает Швейцарию: разбросанные по склону прямоугольные домишки с черепичными крышами.— Курим наргиле в кофейне (слева, если идти вверх).— Заходим в строящуюся греческую церковь.

Вечером за ужином вдоволь наелись великолепных дынь, кроме того, подавали куропаток и род пудинга из меда, муки, масла и сахара.— Сассетти опять нашел черепаху.

Четверг, 24-е, выехали в 7.30. Поднимаемся по спирали, через час пути выходим на ровное место.— Небольшая гора, спуск; зеленый, заросший травой и тополями луг в котловине между лысых гор.

Обед в деревне Боздаг.— Ореховые деревья похожи на гигантских чудищ, изгороди сухой кладки. Сколько на свете таких, никому не ведомых деревенок! Едем лугом, берем влево от оврага и продолжаем путь параллельно ему. Мельница, вода по деревянному желобу устремляется в большую квадратную воронку; желоб течет, струйки падающей воды отчетливо видны на свету.

Нам повстречались два грека; мальчик ехал верхом, юноша шел рядом. Двенадцатилетний помощник нашего погонщика, отставший вдвоем с Сассетти, предлагает перерезать грекам горло, а так как Сассетти его не понимает, мальчик берет нож и изъясняется красноречивым жестом; впрочем, когда потом Сассетти спросил его, что он хотел сказать, он и сам нашел подходящие слова для выражения своей мысли.

Мы едем по левому склону, можно подумать, что в этом месте горы были внезапно разрезаны надвое рекой: там, где на одной выступ, на другой — впадина. Правый склон почти совсем лишен растительности, он очень крутой, чуть ли не отвесный, окрашен в бледно-бледно-коричневый цвет, и только кое-где торчат на нем отдельные деревца; вся зелень на нашей стороне: дубы, небольшие ясени, орехи, папоротники, и здесь же вода. Крутой поворот налево, на краю узкой, проточенной рекой долины открывается обширная бледно-желтая равнина, завершающаяся вдали низким великим гор. Она огромна, как пустыня; голубое небо, солнце, легкие дуновения теплого ветерка. В конце

спуска широкое русло пересохшей реки; она здесь разливается вширь, словно бы мстя природе за то, что ее так долго сжимали горы. По полю бредут черные коровы, топчут копытами сухие стебли маиса; шатры туркменов из плотного шершавого верблюжьего сукна; под одним из них, слева, сидит голый ребенок и смотрит на нас. В течение часа идем по равнине, в 4 часа добираемся до Салихли.

Салихли. Блестящая жестяная конусообразная верхушка минарета заметна издали.— Армянин, сборщик налогов, уступает нам единственную пригодную для жилья комнату, но выглядит при этом весьма оскорбленным.— Красивая черная борзая.

Пятница, 25-е. Весь день едем все по той же равнине. Чтобы заночевать в Салихли, мы отклонялись к востоку, теперь движемся на запад, в сторону Смирны.

Сарт (Сардес). В полутора часах пути от Салихли развалины Сардеса (Сарта); рядом небольшая кофейня, где мы и завтракаем. Руины Сардеса растянулись у подошвы горы на площади приблизительно в четверть мили; подземные сооружения из камня и строительного раствора, параллельные ряды арок, наполовину ушедших в землю; фрагменты римской архитектуры (прекрасные), а на них остатки великолепной, крепкой кирпичной кладки. Две мраморные колонны: все пояса кладки разной величины, капитель с ионическими волютами, на абаке яйцеобразные украшения; между завитками тоже яйца; основание капители изрезано каннелюрами, на боковой ее стороне подобие рыбьей чешуи. Капитель правой (когда едешь из Салихли) колонны смещена по отношению к стволу. Ансамбль в целом очень красив, особенно если смотреть с востока на запад. Между двумя колоннами видна высокая гора с остроконечными гребнями, голая, цвета глины; на переднем плане, у основания колонн, лежат в кустах обломки рухнувшей колонны, совсем как во дворе храма Бубастиды в Фивах, только здесь это глыбы мрамора, из которых получились бы отличные мельничные жернова; обе колонны сероватые, порыжевшие сверху.

В оставшуюся часть дня не видели ничего примечательного. Пока мы обедали, мимо нас прошла длинная вереница верблюдов; у некоторых по бокам головы болтались своеобразные подвески из цветных ракушек. Вот уж не подозревали эти ракушки, лежа на дне

морском, что доведется им висеть на верблюжьих ушах и путешествовать по горам, по долам и пустыням!

Мы трусили по равнине, и впереди, шагах в пятидесяти справа, увидели группу всадников в сопровождении великолепных борзых, они ехали по направлению к Салихли. Стефано окликнул их, и они свернули к нам. Больше всего меня прельстил пес в ошейнике из белых ракушек; если бы он продавался, то стоил бы 600 пиастров.— Максим купил белую лошадь за 275 франков. И мы двинулись дальше.— Остановка в кофейне, съедаем арбуз.— Лошадь Сассетти лягнула Максима в ногу.— Едем весь день бок о бок; колышется на ветру тростник с белыми стеблями и бледно-лиловыми верхушками; ветер не унимается; слева невысокие синие горы. В 4 часа прибыли в Касабу.

Касаба. Это большой поселок, лежащий в зелени среди равнины. Он встречает нас длинными грязными узкими улочками, затем улицы расширяются, появляются деревянные лавки, фруктовый ряд под сенью раскидистого дерева; по всему чувствуется, что мы находимся вблизи большого города: здесь многолюдней, просторней, оживленней.

Остановились в караван-сараяе, очень большом.— Красивая борзая со щенками, на ночь их укрывают.— Ужин из многих блюд. Мы занимаем комнатку с отдельной лестницей, как войдешь во двор — налево.— Ночью кишели, свирепствовали и неистовствовали блохи! Никогда еще я не видел их в таком количестве и таких жирных! Будка с борзыми оказалась как раз подо мной! Великолепная лунная ночь, прогуливаюсь во дворе; в глубине его, слева, в стороне конюшен, араб играет на дудочке.

В субботу 26-го выехали в 5 часов утра. Бесконечная вереница верблюдов, растянувшаяся в туманном белесом утреннем свете; в караване было, наверное, тысячи три или четыре верблюдов (?); ослики, возглавлявшие отдельные звенья каравана, казались не крупнее собаки; на ослах сидели погонщики в плотных белых войлочных плащах (аба).

Сначала идем по пустыне, точнее, по открытой песчаной равнине, затем спускаемся в глубокий овраг. Подъем, слева плоскогорье; у подножия горы расположена Нимфия.— У Стефано желудочная колика.— Завтракаем в греческой кофейне, Стефано лежит навзничь.— Отсюда до Нимфии час езды полем, тенистая

дорога, заросли кустарников, ключи, ручьи, водопады; я засыпаю на ходу, Нимфию вижу сквозь сон.

Мне не терпится добраться до Смирны, я снова во власти того неистового азарта, какой охватывает меня всякий раз, когда я приближаюсь к цели, какой бы она ни была; пускаюсь в галоп.— Деревня на вершине горы, за которой лежит Смирна; спуск по мощеной дороге, маслины, а города все нет! — Догоняю Сассетти.— По обеим сторонам дороги кладбище.— Мост, по которому входят в город караваны; полнейшее разочарование, самое сильное, вернее, единственное за все время путешествия: перила на мосту металлические.— Вступаем в Смирну через греко-армянский квартал. Дома в нем европейские, точно вы вдруг оказались в каком-нибудь нашем захолустном городке. Стефано и Максим догоняют меня в городе.— В 4 часа останавливаемся в гостинице «Двух Августов» у Миллеса. Писем нет!

СМИРНА

Воскресенье, 27-е. Вечером во французском театре дает представление труппа господина Дэглемона. Смотрели «После полуночи», «Второй год», «Индиану» и «Карла Великого». У Максима сделался жар.

Отвратительная погода, всю неделю льет дождь.

Читал «Артура» Э. Сю, «Воспоминания Антони» Дюма, половину первого тома «Отшельника» д'Арленкура, «Жаклину Паскаль» Кузена.

Гостиница «Двух Августов». — Постояльцы: г-н Обле: желтый сюртук, серая шляпа, борода с проседью; г-н Орас Уолпол с собакой эрзурумской породы, путешествовавший по Хаурану; его много раз обворовывали; оставшись вовсе без средств, он украл осла и принудил иудея, владельца осла, следовать за собой пешком и прислуживать; американский полковник Уиллоубай, пожилой, степенный, седобородый; Оскар Вебер; врач-итальянец с семьей, переехавший из Эрзурума в Смирну; одно валашское семейство, проживавшее как раз напротив нас; графиня с сыном и наставником сына, пастором из Марселя, маленьким, прижимистым очкариком; Дьяманти, драгоман в фустанелле; Жозеф, брат Стефано, слуга — невысокий, черный, спокойный, носит ожерелье.

Жители Смирны: Доктор Раккор; доктор Камекас и его семья, дочь носит лиф из красного трико.

Г-н Пишон, консул; Гиллуа, ходит точно обмороженный, законченный жулик; отец Леду, фамилия как нельзя лучше соответствует его нраву¹, колченогий. Карабетт, у этого лицо помещается в нижней части парика; г-н Дотен, бездарный директор почты.

Во все времена моего пребывания в Смирне стояла тоскливая, унылая погода; мои нервы и дух в плохом состоянии, приближается зима.

Прогулка в Буджу.— Вебер сопровождает нас.— Холодно.— Поднимаемся в гору. Наверху белеют развалины акведука. Поодаль, слева, Буджа, дома окружены садами, небольшое турецкое кладбище. Идем по поселку.— Остановка в кофейне, осматриваем акведуки, их три.— Мельница.— Глядим на акведуки снизу, стоя ногами в реке; вода переливается через край и ниспадает тонким полотном, сквозь которое просвечивает солнце, играют на солнце и струйки, стекающие с верхних аркад.— Возвращаемся через долину святой Анны.— Греческий монастырь, большое белое сооружение.— Встречаем охотников, подстерегающих дичь.

Прогулка в Борнову.— В другой день выезжаю верхом, один, в сопровождении драгомана Теодора (у Стефано жар). В первой деревне, за большим полем справа, как выезжаем из Смирны, сворачиваем налево. По дороге идет гречанка в белом, босая, с оголенной шеей и непокрытой головой; лица я не запомнил, однако весь облик ее был исполнен классического величия.— Мощная дорога пролегает среди зелени, отклоняясь вправо.

Борнова.— Крошечный городишко у подножия горы, сельские домики левантских коммерсантов.— Два высоких кипариса в саду позади беленького дома.— Заезжаю по ошибке в сад толстого господина Николаци (?), «Остановись, несчастный!» — вопит хозяин, показывая на капусту и розы. На нем была черная куртка и светлые панталоны; крупная голова обрита; изъясняется он на языке, который я принял было за французский, потом за английский, затем за итальянский, за турецкий и за греческий.— Пересекаем всю равнину напрямик, едем среди деревьев по разбухшим от дождей дорогам, хлюпаем по распаханным по-

¹ Le doux — нежный (фр.).

лям, пригибаемся, чтобы не зацепиться за ветки. Многочисленные плантации. Пересекаем дорогу на Нимфию; поднимаемся по крутому склону в деревню Какуджат.

Какуджат. Отсюда видна вся равнина: на переднем плане зелень оливковых деревьев; прямо передо мной бледно-рыжая гора; справа синие горы Нимфии; слева аспидное море и белая с красными крышами Смирна. Холодное бледно-голубое небо.

В деревне сохранилась древняя мечеть, подобная маленькой мечети в Эфесе. Поднимаюсь в гору напрямик (как раз в этих местах третьего дня ограбили двух охотившихся здесь юношей из Смирны) и оказываюсь в Будже.

Спускаюсь в Смирну по мощеной дороге.

Гора Пагус.— Подъем на гору Пагус.— Небольшое кладбище.— По мере подъема Смирна все растет и растет; смеркается. Вхожу в крепость через старинные ворота; во внутреннем дворе небольшая мечеть, все поросло травой; если тут и есть что посмотреть, то я не успеваю этого заметить, поскольку близится ночь, гляжу на закат. Никогда мне еще не доводилось видеть столь великолепного, красочного разнообразия, какое явили моим глазам причудливые очертания залива и гор в лучах заходящего солнца: слева, за горами под названием Два Брата, небо было темное, иссиня-серое; чуть выше — алое, багряное; горы в стороне Борновы бледно-желтые, всевозможных оттенков, а дальше розовые, красные... О Господи! О Господи!...!!!...???

Насмотревшись всласть, спускаюсь мимо кладбища на склоне и возвращаюсь в город через турецкий и еврейский кварталы. Улицы узкие, вследствие дождей от тротуара до тротуара разлились настоящие реки; лавки освещены небольшими лампами; копошится народ. Холодно, приближается зима. Несколько освещенных домов, кто-то входит, кто-то выходит, кто-то ест, в дверях сидят собаки и дети, за дверьми темнота.

Четверг, 7 ноября. Прогулка в Корделио в сопровождении Стефано.— Едем по дороге на Касабу, затем сворачиваем налево по направлению к Борнове и через некоторое время еще раз налево. Мощеная дорога, большое соляное болото на берегу моря, маленькие бухточки. Справа лысые горы, слева, на переднем плане, море; Смирна на другом берегу залива, впереди

сады Корделио.— Проход в скалах, у входа в него олеандр. Останавливаюсь поглядеть на караван верблюдов.

Остановка в кофейне, прислуживает молодой хромой негр.— Встречаем местных жителей на загородной прогулке, слышатся звуки флейты и скрипки.— Гуляем по поселку.

Отдыхаем в кофейне, построенной на сваях прямо в море.

Пока мы бредем полями, канавами и болотами, Стефано рассказывает мне о колдунах: в Бейруте он видел колдуна, который переносил по воздуху из Дамаска в Бейрут девушку на кровати; правда, в конце концов он признался, что на самом деле видел только облако, окутывавшее девушку, или, вернее, просто облако. В Смирне очень верят во всякое колдовство и волшебство; сам он, например, никогда бы не согласился принять чашку кофе или стакан воды из рук молодой девушки, боясь, что против своей воли полюбит ее. Одна юная особа, подруга мадемуазель Камекас, сказала мне, что, если сорвать лист лигариин, та, которую ты любишь, полюбит тебя; сколько раз я, ничего не подозревая, рвал эти листья и теперь хотел бы знать, кто же полюбит меня. О чудодейственное растение, как мне не хватало тебя в юности!

Доезжаем до Смирны за три четверти часа великолепным галопом. Вечером ужин у доктора Баллара.— Г-жа Матрон, толстая горничная, уроженка Смирны, в зеленом платье, чепце, белых перчатках, с тремя подбородками и остреньким, хотя и приплюснутым у основания носом.— После ужина были в театре; «il signor Nicosia»¹, грек-скрипач с длинными волосами, держит носовой платок в кармане брюк; Вебер был пьян и мешал зрителям; нас представили г-ну Дэглемону, который принимал в халате с великолепным витым поясом и г-ну Дебану; взгляд г-на Дебана, пальто г-на Андрие. Снова смотрели «Второй год» Скриба!

От Смирны до Константинополя. В пятницу 8-го отплытие в Константинополь на «Азии», судне компании Ллойда.— Вебер взволнован после завтрака с Оскаром.

Пассажиры: г-н Констан, тучный, добрый, грубоватый американец; г-жа Констан с маленькими бриллиантовыми серьгами; их сын, не выпускающий из рук

¹ Синьор Никозия.

бинокля; Оскар, пузатый коренастый судовладелец из Триеста в желто-белом сюртуке и с лицом бульдога, скучнейший тип; г-н Пейре, француз, обосновавшийся в Константинополе; его супруга в желтой шубке, греческой шапочке, губки бантиком; добродушный толстый армянин, угощавший нас щепотками табака (мы встретили его сегодня во дворе текке «кружащихся» дервишей), лицо у него было все синее от нового носового платка из крашеной ткани; его дочь — дебелая черноволосая армянка с черными волосами, она ехала с ним в Константинополь, чтобы подыскать невесту своему брату; Алина Дюваль; губернатор Самоса.

Выйдя из каюты, я увидел слева позади себя Тенедос, а еще дальше Лемнос. Справа на берегу земляные бугры, один из них принято считать могилой Патрокла. Берег низкий, но места великолепные; я должен во что бы то ни стало побывать в Троеде. (Вот как я тогда думал!) Слева от нас Европа. — А попробуйте добраться отсюда до Венеции сушей — это было бы целое путешествие!

Дарданеллы. В субботу 9-го и в воскресенье 10 ноября карантин в Дарданеллах, мы остаемся на судне. Что за дивную хорватскую ветчину нам подавали на «Азии»!

Понедельник, 11-е. Утром высаживаемся в деревне на азиатском берегу Дарданелл. Дружно хлюпаем по мокрым улицам; впрочем, они здесь довольно широкие и для турецкой деревни в зимнее время не слишком-то и грязные! Посетили две гончарные мастерские. Здесь делают большие глиняные кувшины, зеленые, покрытые лаком и золотыми цветочками; есть также фантастические чудовища, напоминающие Мартихораса (или, точнее, Альборака!). Заходим с г-жой Констан в опрятную кофейню, обогреваемую мангалом; при появлении дамы один турок встает и раскланивается. Здесь же в кофейне и цирюльня, и зубной кабинет. Тщетно пытаемся пройти в крепость.

Пока мы находимся в Дарданеллах, я все время думаю о Байроне; вот он, мир его поэзии, его Восток, Восток турецкий с кривыми саблями; ах, как нелегко ему было плыть!

Галлиполи. В 2 часа пополудни остановка в Галлиполи. Маленький порт запружен множеством суденышек, качающихся на волнах.

За городом покойные европейские пейзажи, холодное серое небо, по распаханному полю бродят в поисках корма куры.— Старинная крепость на высоком холме; оставив в ней наших попутчиков, бродим по городу одни. Проходим через кладбище, на котором пасется корова; Стефано спрашивает дорогу у турчанок, которые сидят на пороге расположенного посреди кладбища дома (мастерская по изготовлению надгробий). Кофейня в порту; в левом углу двое заключают сделку, чернобородый в куртке говорит много и скороговоркой.

Возвращение на судно, отплытие.

Прибытие в Константинополь. Во вторник, 12 ноября, в 7 часов утра, мы увидели Константинополь.— Справа Принцезы острова, они выглядят пустынно; слева Семибашенный замок, а за ним длинная вереница белых домов; справа Скутари и над ним, точно лес, большое кладбище; впереди Босфор; слева стрелка Сералея, дворец утопает в зелени; за ним купола да минареты. Обогнув мыс, входим в Золотой рог, залив между Стамбулом и Перой: море кораблей и только два деревянных моста портят вид.

Машина останавливается, готовимся причалить, в это время вокруг нас все катается как киджи на своем кайке: голубая куртка, феска, черные волосы, выдающееся вперед лицо, улыбка. Совсем близко от нас, у левого борта, проходит каравелла, мы знаками показываем турку, что она идет на него, он отвечает нам самодовольной ухмылкой и кивком головы: не беспокойтесь, мол. (Кончил переписывать эти заметки в субботу вечером, ровно в полночь, 19 июля 1851 года, в Круассе.)

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ноябрь — декабрь 1850 г.

Мы высаживаемся на пристани в Топхане и поднимаемся по улочке Перы.— Гостиница «Юстиниано».

Галатская башня.— Внутренняя лестница с деревянными площадками; наверху кофейня, которую содержат ночные дозорные. Здесь стоят пики, с которыми они ночью бегут на пожар. Я хожу вдоль парапета, и мне кажется, что основание башни движется, а верхушка наклоняется, точно я стою на мачте,—

дело в том, что меня самого еще качает после морского перехода.

Прогулка по нижнему кварталу Галаты: черные улицы, грязные дома, интерьеры первого этажа; пронзительный звук скрипки и танцующая гречанка; длинноволосые юнцы покупают конфеты.— Прогулка в сумерках по кладбищу в Пере: могила юной французской женщины, отравившейся, не желая выйти замуж за человека, которого отец назначил ей в супруги и даже провел к ней в спальню. Подобных историй с отравлениями я уже наслушался в Смирне, где сердечным делам уделяется особое внимание. Стефано сказал нам, что поздно вечером и рано утром на это кладбище турецкие шлюхи приходят заниматься любовью, по большей части с солдатами. Между кладбищем и строящейся чуть левее казармой небольшая долина; в долине пасутся овцы.

Вечером слушали «Лючию», постановка вполне сносная.— Оскар сидел в ложе возлюбленного примадонны.— Г-н Констан и его супруга в белой шляпке; рядом с ними Алина Дюваль в розовой шляпке с черной вуалью.

В среду мы перешли по Галатскому мосту на другой берег, в Стамбул. На мосту нам встретился индус в богатом зеленом с золотом одеянии; он чинно шествовал в черепаховом пенсне и под зонтиком, хотя никакого солнца не было и в помине; индус этот три года прожил во Франции.

Базары кажутся мне бесконечными.— Людовик.— Лавчонка писцов, заказываем написать имя Буиле.— Идем кормить голубей у мечети Баязида, они слетаются со всех концов мечети.— Звук сыплющихся зерен; когда бросаешь горсть, голуби чуть отлетают в сторону. Здесь стоит специальный ларь с кормом, приставленный к нему человек черпает зерна чашкой.

Четверг. Были в Скутари.— Покатая пустынная улица; у входа на кладбище кофейня, где мы ожидаем часа, когда пускают к «воющим» дервишам.

Текке «воющих» дервишей.— Прямоугольное помещение с баллюстрадой вдоль стен. На той стене, где михраб, орудия пыток, применяемые «воющими»: длинные металлические пруты с такими загнутыми лопаточками на конце и конусообразные остроконечные клинья; к вершине конуса прикреплены цепочки. Кругом на досках сложены больше бубны, цимбалы,

тамбурины. Начали с молитв.— Имам, седеющий старец; его сын неподвижно стоит на коленях; лицо бесстрастное, щеки слегка одутловатые, правильной формы прямой нос с оспинкой на кончике, зеленое платье, отороченное лисьим мехом.— Цепочка молящихся всколыхнулась; никаких специальных костюмов, среди радеющих были турецкие солдаты, многие одеты на европейский лад.— Всем руководит и все приводит в движение маленький смуглый капельмейстер; церемониймейстер — толстый человек в платье красно-бурого цвета, немного походит на Солимана-пашу.— Старик в феске сидит на полу и поет.— Молодой человек, похожий на Бьери, в брюках и небольшом тюрбане под конец разрыдался горючими слезами.

Это действо показалось мне более музыкальным, нежели те, что мы видели в Каире, высокий голос прорывался сквозь вой и перекрывал его. В иные минуты слышался (если закрыть глаза) словно бы шум поршня паровой машины, в другие — рев двух-трех запертых в клетке львов.— К концу церемонии к имаму подходят больные, и он наступает им на больное место; на маленьких детей он воздействовал прикосновением руки и внушением.

Прогулка по кладбищу в Скутари.— Спустились по большой улице.— Переплыли пролив на кайке; все время казалось, что каждая следующая волна непременно захлестнет его; один такой кайк качало рядом с нами на волнах, все, кто в нем был, утонули.— Видели позолоченный кабриолет Его Высочества, на лошадах тяжелая серебряная сбруя.

Пятница, 15-е. «Крутящиеся» дервиши в Галате, круглый текке, опоясанный галереями вверх и вниз, небольшие лампы, стеклянные люстры: похоже на кабачок. Имам, старик в зеленом платье.— 17 дервишей проходят чередой, кланяются михрабу, а затем друг другу. Вскоре начинается кружение. Действо это достойно восхищения: у каждого экстаз проявляется по-своему, вспоминаются вращающиеся звезды, сон Сципиона, еще что-то и еще что-то. Юноша с воздетыми вверх руками, вне себя от блаженства; другой властным видом походил на архангела; педантичный седобородый старик; еще один с мертвенно-бледным, желтоватым лицом (сердечный больной?) под цвет его фетрового колпака. Когда они останавливаются, у них ничуть не кружится голова. При остановке платье,

продолжая вращательное движение, обвивается вокруг тела.

В субботу 16-го визит к послу, генералу Опику.— А к нам приходит с визитом г-н Фовель.— С г-ном де Ноари, одним из моих сотрапезников, приключился несчастный случай: он уронил в воду кошелек с 80 000 пиастров.

Воскресенье, 17-е. Утром бедестан¹ на три четверти закрыт: у греков, армян и значительной части турок выходной.— Обедали в кофейне, ели кебаб и дрожали от холода.— Вечером ужин у доктора Фовеля. Г-да Данглар, Манжен и др.

Понедельник, 18-е. Утром (после двухчасового ожидания в Английской гостинице) вышли с г-ном и г-жой Констан и их сыном, «маленьким греческим домом», господами Фортье, Пелиссье, который всюду таскается в сапогах, г-жой Нави, толстой, густо нарумяненной армянкой, бросающей на встречных соблазнительные взгляды, Амленом (из Андели) и Хофманом, доктором права, который носит феску на затылке. Мы входим в Старый Сераль через ворота Топ-Капы (ворота Пушки), длинная аллея; деревья увиты гирляндами виноградных лоз. Скинув башмаки, поднимаемся в апартаменты, овальные помещения с видом на Босфор. По проливу идут суда на всех парусах. На стенах гипсовые пилястры, кисейные занавески, выбойчатые миткалевые покрывала — все это мещанское убранство контрастирует с изысканной архитектурой дворца и его местоположением.— Длинная галерея, на стенах которой современные гравюры и одна картина Гюдена.— Ванные комнаты из белого мрамора с медными(!) кранами — пожалуй, это лучшее, что есть во дворце,— да еще зал на первом этаже с диваном и бассейном.

Сады между различными зданиями Старого Сераля острижены как палисадники в стиле рококо. Они не имеют ничего общего с настоящими восточными садами, зато полностью отвечают тому представлению о Востоке, какое навязано нам старинными гравюрами, изображающими султана с одалиской, — душный, мещанский, приукрашенный мирок, в котором нет ни величия, ни сладострастия; от этих садов веет инфантильностью и старческой дряхлостью одновременно,

¹ Базар.

чувствуется влияние парковых ансамблей а ля Версаль, занесенное сюда к концу царствования Людовика XIV каким-нибудь послом в напомаженном парике.

Покои выкрашены в разные цвета, одна комната белая, другая черная, третья розовая и т. д.; каминны с медным ажурным верхом.— В одном из дворов библиотека.— Училище ичогнапов; сами они прогуливаются тут же, большинство из этих молодцов будут состоять на службе при султани.— Шкаф, забитый манускриптами. На полу перед нами разворачивают свиток, на котором изображены портреты султанов, отвратительных человечков в тюбанах, сидящих на диванах скрестив ноги.

Тронный зал: темное помещение, зарешеченные окна. Трон состоит из балдахина и дивана, под ним великолепный балдахин из позолоченного серебра, инкрустированный бриллиантами и другими драгоценными камнями,— вот уж поистине восточная роскошь! Бордюры балдахина между аркой и карнизом отделан мелкими аточками с кисточками — трудно представить себе что-нибудь прелестнее.— Кухни, ничего особенного.— В бывшей церкви святой Ирины арсенал.— Красивая оружейная палата со сводчатым потолком, куполом и нефами, заполненными ружьями в плохом состоянии; в самой глубине наверху бесценное древнее оружие, персидские каски с золотой и серебряной насечкой, кольчуги, в основном самые обычные, длинные тяжелые нормандские мечи.— Палаш Магомета, прямой, широкий, гибкий, как китовый ус, чашка обтянута зеленой кожей; все, кроме меня, брали его в руки и потрясали им.— Под стеклом хранятся ключи от покоренных султанами городов.— Старые мушкеты с потрескавшимися почерневшими прикладами, большие мушкетоны с раструбами, все это причудливое тяжелое вооружение былых времен.— Адская машина Фьески.

В Серале есть, кроме того, музей древностей: статуэтка, изображающая комедианта в маске, несколько бюстов, несколько горшков, два камня с египетскими иероглифами и рисунками.— Выходим через ворота, обращенные к площади святой Софии.— Обедаем в кофейне, в то время как все общество отправляется осматривать монетный двор.

Святая София — неуклюжее нагромождение разнородных зданий, тяжелые минареты; она перекрашена

в белый цвет и местами опоясана красными линиями. Входим через портал, расположенный на углу площади и улицы, крыша его выступает вперед и загибается кверху. Внутри боковая бронзовая дверь, сохранившая следы креста. Неф подавляет высотой, а еще выше него поднимается выложенный мозаикой купол. С галереи второго этажа свисают лампы, да так низко, что, кажется, касаются пола, и непонятно, как под ними могут проходить люди. С правой стороны замурованная дверь. На куполе с четырех сторон гигантские херувимы.— Романские аркады (хорош византийский стиль!), листья папоротника.— Каменный пол устлан циновками.— По обеим сторонам михраба два зеленых флага, у входа в мечеть раковины для омоений.

Рядом с Ипподромом окруженная деревьями мечеть Ахмета с шестью минаретами. Снаружи она лучше, чем внутри, огромные тяжелые колонны с выпуклыми каннелюрами; вся белая.

Оросман.— Мне не удалось ее хорошенько разглядеть. В углу под деревьями ничем не примечательная гробница, как уверяют, это гробница императора Константина.

Мечеть Баязида.— Голуби.— Негритянка принесла им корм от имени своей больной хозяйки.— У «воющих» тоже дозволяется испрашивать выздоровление для другого, для чего нужно дотронуться до кувшина с водой. Мечеть была полна народу, и мы не смогли ее осмотреть.

Сулеймание очаровательна, вся в коврах, в глубине персидские витражи. Группками сидят ученики, учителя говорят громко, кричат, что-то растолковывают, что-то доказывают, сами себе возражают. Ученики располагаются в круг или постигают науку полулежа, опершись на локоть. В углу, вернее, вдоль всей стены против михраба сложены на хранение лари. Здесь всё — покой и прилежание, нечто подобное я видел только в мечети Аль-Азхар в Каире; однако здешняя обстановка исполнена еще большей сосредоточенности.

Тюрбе.— Тюрбе — это зал, где на ковре стоит гробница, накрытая великолепными кашемировыми тканями; в усыпальнице Махмуда разложен муслиновый свиток, на котором им собственноручно переписан весь Коран. (Утром в Серале, в одном из шкафов, видели принадлежавшую ему восхитительную черниль-

ницу.) В тюрбе Баязида нам показывают его рубашку и пояс, имам целует их при нас.— На гробницах тюрбаны, увенчанные султанами.— Все помещения чистые, белые, светлые, свет льется из окон и от множества сверкающих ламп. Султана окружает вся его семья, множество маленьких детских гробниц под бархатными, расшитыми золотом покрывалами.

Тюрбе Солимана.— Ряды деревьев, план Мекки, люди обозначены маленькими гвоздиками, идут парами.

Вторник, 19-е. Утром нас посетил один из «кружащихся», тот самый красивый юноша, который вращался с душераздирающим выражением мистического сладострастия на лице. По его словам, все монахи ордена пьют и некоторые уже совсем спились; его лично не посещают благие видения, единственное, о чем он молит Бога,— об отпущении грехов; во время кружения дьявол не может войти в дервиша. Обучение длится от двадцати до сорока дней, при этом используется укрепленный на оси диск. Коррупция, как утверждает юноша, достигла в настоящее время небывалых размеров, все люди вокруг продажны: «Как поступает турок? Он берет женщину, спит с ней три дня, затем берет в дом юношу, который и утешает покинутую жену!» «Кружащиеся», по моим наблюдениям, отличаются веротерпимостью; они утверждают, что истинная Мекка у каждого в сердце; они никогда не отказываются от общения с гяурами. По словам юного дервиша, число паломников заметно сокращается, мечети пустеют.

Вечером мы снова ходили смотреть кружение; повторилась та же церемония, с той разницей, что на этот раз они приветствовали друг друга не возле михраба, а перед креслом имама. После приветствия они расходятся, скрестив руки на груди, делают несколько оборотов, затем опускают руки. (Наш знакомый может кружиться, скрестив руки, 6 часов подряд.) Они вертятся на левой ноге, а правая выносится вперед, носком описывает полукруг, после чего ставится рядом с левой. Эти дервиши женаты, некоторые из них работают. Всего в Османской империи их около 300.— Становясь на колени, они дружно с шумом хлопают руками о пол.

Вечером, в половине седьмого, ужин по-турецки. Справа от меня сидит г-жа Констан в шелковом платье, благоухающая, очаровательная; она решитель-

но принимается есть руками; г-н Констан пасыщается весело, г-н Фортъе — в молчании; по левую руку от меня Козельский. После ужина слушали «Роберта-Дьявола» в ложе Констан; сидя рядом с его супругой, вдыхаю запах муслина и белого белья. Удивительный город, где, выйдя от дервишей, можно отправиться в оперу! Два мира, старый и новый, пока еще сосуществуют между собой, однако новый постепенно одерживает верх; даже в Стамбуле предпочтение отдается европейскому костюму, правда только у мужчин!

Среда. С утра идем в бедестан, покупаем книг и трубок. Хотя день сегодня и базарный, антиквариатом лавки не богаты; много позолоченных патронташей и современных сабель. Купил турецких фонарей, которые продаются возле самой Сулеймание. Во дворе мечети негрятянки бранились с кавасами; особенно выделялась одна, высокая, судя по коже — нубийка, щеки изрезаны продольными ножевыми полосами; она кричала, обнажая белоснежные зубы, и размахивала широкими рукавами. Платье цвета испанского табака.

Четверг. Прогулка вокруг стен Константинополя, на мосту Махмуда к нам присоединился Козельский; в конце моста мы взяли лошадей.— Пересекли греческий квартал Фанар, проехали под высокой аркой.— Дом с бойницами.

Балата.— Еврейский квартал.— Большое кладбище в Стамбуле, оно необъятно, конца не видно, бесчисленные могилы и кипарисы. Лошади идут, не разбирая дороги, прямо по могилам.— Целая поляна греческих могил, здесь похоронены фанариоты, потомки Комнинов и Палеологов.— Церковь Булугли (церковь Рыб): у входа женщины целуют икону святого Николая, зацелованная часть доски почернела; кругом торгуют свечами. Нас ведут вниз по лестнице к источнику в маленькой часовенке; вода настолько прозрачна, что поначалу мы ее просто не видим и понимаем, что там вода, только когда по поверхности пробегает легкая рябь. Нам рассказывают такую легенду: на одном судне умер матрос; перед смертью он взял с капитана слово, что тот велит доставить его тело к этой церкви и три раза обнести вокруг нее. Капитан сдержал обещание, матрос воскрес и остался в монастыре. Молва о чуде докатилась до самой Англии, и один англичанин, не поверив слухам, отправился в дальние края,

чтобы самому лицезреть воскресшего; когда он приехал в монастырь, бывший матрос жарил рыбу возле источника. Недоверчивый англичанин заявил: «Ваша история такая же небылица, как если бы сказали, что жареная рыба может плавать». Не успел договорить, как рыбы прыгнули со сковородки в воду и поплыли. Плавают и по сей день — малюсенькие, едва заметные рыбешки.

Крепостные стены Константинополя местами увидавает плющ. — Они опоясывают город тремя кольцами. — Прямоугольные башни сплошь заросли терновником, как могут зарастать лишь руины. Константинопольские стены еще ждут своего певца! Проезжаем мимо замурованных Золотых Ворот, мимо Семибашенного замка и оказываемся у моря; море бурное, вздымаются высокие валы. Слева под самой стеной деревянный помост на сваях — бойня, смрадный дух ее смешивается с запахом моря, дует сильный ветер, бродят вокруг собаки; летают хищные птицы, кричат, кружатся и камнем падают в море. — На обратном пути пересекли весь Стамбул: деревянные дома, зарешеченные окна; неторопливое копошение турецких улиц. Здесь, как и в Смирне, веет европейским средневековьем.

Акведук Валента, высокий, увитый плющом, перерезает Стамбул поперек; внизу под ним жмутся дома, подавленные его величием. Доезжаем до моста Махмуда и оттуда идем к персидскому художнику; он показывает нам обложки книг, шкатулки, чернильницы. Персидский караван-сарай: постояльцы сидят на войлочных коврах, курят наргиле из резного дерева красного цвета; мрачное, прокуренное помещение, персы в восточных колпаках, с крючковатыми носами. Нигде не вижу знакомых по миниатюрам округлых лиц, выпуклых глаз и огромных бровей. Лошадей они изображают всегда тонконогими, толстозадыми, толстобрюхими, с туловищем цилиндрической формы. Снова проходим по мосту Махмуда и поднимаемся вверх по улицам Галаты; уже почти стемнело, двери домов закрылись.

Пятница, 22-е. На небольшой английской шхуне отправляемся смотреть, как будут спасать денежки г-на де Ноари; пока идет подготовка к операции по спасению, он дает нам пощупать, как сильно бьется его пульс. — У ныряльщика громадный шлем, делаю-

щий его похожим на какое-то фантастическое морское животное, сродни коту или тюленю, особенно когда его вытаскивали из воды и он барахтался между шхунной и русской лодкой.

Нанимаем каяк с двумя гребцами, одетыми в шелковые рубахи (тот, что сидел напротив нас, истекал крупными каплями пота, лицом он напоминал офицера африканской армии), и поднимаемся вверх по Золотому Рогу. За мостом Махмуда турецкий флот, разоруженные корабли, с львами и орлами на носу.— Адмиралтейство.— Слева Балата, казематы, утопающая в зелени мечеть Эюб, кладбище. Изгиб Золотого Рога; заграждения в воде; река (слившиеся Кидарос и Барбизес¹) сужается, луга, летние дворцы пашей; высаживаемся на лужайке, деревья на косогоре; перед нами еврейское кладбище, чуть дальше — дворец султана.— Женщины в золоченых каретах, бледность лиц под кисейными покрывалами, возможно, покрывалами и усугубляющаяся(?); сквозь покрывала просвечивают перстни и бриллианты диадем. Как у них блестят глаза! Длительное созерцание этих дам не возбуждает, но впечатляет; постепенно начинаешь видеть в них призраков, словно бы возлежащих на диванах; Восток немыслим без дивана. Возле стоящих карет сидят на земле музыканты, слышатся пронзительные звуки разного рода гитар и флейт. Левантинская музыка на европейский лад: мелодия быстрая, веселая и все время одна и та же.— Отвратительные, так называемые европейские гитары.— Выкуриваем наргиле возле шатра, из которого исходит крепкий запах арака.

Эти места созданы для того, чтобы поселиться здесь с похищенной одалиской. Толпа женщин, молчаливо глядящих на вас сквозь покрывала своими огромными глазами, незнакомый, чуждый вам мир, дети, юноши, скачущие галопом на лошадях,— все это навеивает щемящую тоску; в Константинополь возвращаемся в глубоком молчании; на мачты судов, на минареты и на море ложится туман.

Высаживаемся у моста Махмуда, поднимаемся вверх через маленькое кладбище в Пере; деревянная лачуга, внутри темно, вокруг бродят куры в поисках корма; на краю кладбища еще домишко, увитый зеленью.

¹ Совр. Алибей и Кягытхане.

Скверный ужин у Шефера.— Персидские и арабские рукописи: средневековые виньетки, переплеты, расписанные в духе Ван Эйка, рукопись по военному искусству, всадники (которым какой-то ребенок подрисовал чернилами бороды), упражняющиеся на пиках и саблях, греческий огонь.

Суббота, 23-е. Весь день провел в гостинице, писал письма, делал записи в дневнике.— Бапя в Пере: низкого роста массажист с лошадиным лицом (Морпа, г-жа Радпон, г-жа Рампаль), глаза черные, живые, бесстыжие, пролысины на голове, стружья парши.— Вечером за ужином пили шампанское по случаю того, что Пруссия объявила войну Австрии; разговаривали о литературе с Фортье, предметом беседы были Шатобриан и Ламартин.— Г-н де Ноари бродит по гостинице как неприкаянный. Вчера, когда было решили, что кошелек его уже найден, он сказал: «Ну и быстро же они отыскивали свои денежки».

Среда, 27-е. Поездка в Тарапию с визитом к генералу Опику.— Возвышенности сменяются чуть холмистыми равнинами, местность немного напоминает британские ланды; слева равнина Дауда-паши, справа Босфор. Впереди показывается Черное море; сворачиваем в сторону Босфора, на берегу деревянный конак, окрашенный в серый цвет.— Генерал в халате с бархатным воротником и обшлагами; г-н де Саальжи, Эдуар Делессер.— Прогулка по посольскому саду.— Когда мы возвращаемся, уже темнеет, едем тем же путем, временами переходим на галоп.— Наш драгоман Апостоли.

Четверг, 28-е. Снова осматриваем Сераль и мечети. С удовольствием посетил еще раз зал с фонтанами в Старом Серале; между окнами и в нишах стен этажерки для горшков с цветами.— Поблизости от тронного зала видел карлика в европейском костюме и нескольких белых евнухов с морщинистыми лицами старух, опрятно одетых, с золотыми жилетными запонками, в широких панталонах со складками на европейский лад и шубах; один, скуластый и с широкой нижней челюстью, играл с карликом султана. Вид белого евнуха оставляет впечатление неестественности, неприятно воздействует на нервы и вместе с тем невольно приковывает взгляд; евнухи-негры не вызывают подобных ощущений.— Тропный зал опоясан голубыми изразцами.— В арсенале громадные, обтянутые кожей

литавры янычар, напоминающие бельевые тазы; тяжелые мечи времен крестовых походов, пики, оканчивающиеся чем-то вроде широкого кинжала; железные накопечники стрел с подвижными зубцами. Если такую стрелу вытаскивать из раны, зубцы оттопыриваются и рвут тело. Беру в руки саблю Махмуда, она кажется мне неподъемной; сабля Эюба короче, удобней, но чудовищно широка, рукоятка хорошо подогнана к руке, обтянута зеленой кожей. Видел также великолепную кольчугу, мягкую, гибкую, точно из фланели; в те времена их носили вместо жилетов.

В Святой Софии не обнаружил ничего нового; я долго рассматривал арки, расположенные в два ряда; сверху много окон, большая часть света проникает сверху; херувимы без голов, сплошь крылья да крылья. При входе с каждой стороны огромные сосуды для омовений — закрытые гигантские пузатые кувшины. — В тюрбе Ахмета и Солимана длинные, опоясывающие зал надписи белыми буквами по голубым изразцам; все тюрбе имеют радужный, праздничный вид. В мечети Ахмета Стефано вступает в разговор с людьми, что-то пишущими у входа справа, читает несколько букв алфавита. В Сулеймание мы не застали на этот раз проповедников; зато видели женщин, читающих молитвы и бьющих челом, подобно мужчинам. — Снова побывали у дервишей в Скутари; имам наступает ногами на детей четырех-пяти лет, дервишам подносят вещи больных, и они на них дышат. — Красота имамова сына исполнена величия, он не знает усталости. — Дервиш в лохмотьях, с непокрытой головой; обряд кажется мне менее диким, чем в предыдущее посещение. — Вечером ужинали в Английской гостинице у г-на де Солси.

Пятница, 29-е. Видел султана, когда он направлялся к мечети Фондукли, площадь перед мечетью запружена лошадьми и офицерами в рединготах, задыхающимися в узких воротничках. Привыкнуть к такому костюму турки смогут лишь через несколько поколений. Мы стояли на берегу, возле разрушенной стены. — Рядом с нами, сочтя это место весьма удобным для обозрения, встали несколько женщин; кавасы попытались их прогнать, поскольку женщины оказались на неподобающе близком от нас расстоянии, однако им это не удалось. Пушки в крепости возвестили о прибытии султана. В первом кайке два паши

стояли на коленях, повернувшись лицом ко второму кайку, где восседал Его Высочество; кайки белые, окаймленные золотой полоской, тент на корме, серебряные сходни на кайке султана.— У султана томный, скучающий вид, он молод, бледен, с черной бородкой. невысокого роста; повернув голову направо, он пристально посмотрел на нас.— Султановы кайкджи гробут по-особому: при каждом взмахе они встают и кланяются; головки рукояток, как мне показалось, меньше, чем на простых кайках.

Танец юношей в галатской кофейне. В небольшой комнате дергались и извивались без всякого воодушевления три юных оболтуса в греческих одеяниях, перегруженных вышивкой; запомнился лишь негр с заурядной внешностью, но крепкого сложения и с великолепной шевелюрой, ниспадающей кольцами, наподобие парика времен Людовика XIV; танец его отдаленно напоминал египетские. Словом, день складывался неудачно, он был одним из самых неприятных за все время путешествия.

Там же, в Галате, побывали в доме у одной старухи. Внутреннее убранство типичное для приморских кварталов, карикатура на Луи-Филиппа; отвратительные негритянки в рваных черных европейских платьях; гигантского роста негритянка возвратилась из бани, закутанная в меха. Однако в одной комнате, почище других и получше обставленной, сидела в заточении хозяйская дочь Роза, белокожая, с кружевами в каштановых волосах на испанский лад, зятая в черный шелковый казакин.— Улицы Галаты мрачны под стать нравам: тусклый свет, грязные мостовые, окна выходят на задние дворы, откуда доносятся пронзительные стоны мандолин и скрипок; то тут, то там, в окне или в дверях, неопрятная физиономия потаскухи, одетой по-европейски и причесанной по-гречески; повсюду скабрезные гравюры с Элоизами и Абеярами. Неужто же Фобласу суждено учить восточных женщин эмансипации? — Значение балета.— Лет через сто на Востоке упразднят гаремы, ибо в один прекрасный день восточные женщины по примеру европейских начнут читать романы. Тогда прощай турецкий покой! Всему приходит конец.

Суббота, 30-е. Прощание с Солси и его компанией на борту «Ллойда».

Воскресенье, 1-е. Визит к Артим-бею в Курук-чеш-

ме.— Армянские дома окрашены в темные цвета: серый, черный, табачный: интерьеры мрачные, хотя и просторные. Есть в них что-то гнетущее. Артим показывает нам дом, который ему сейчас ремонтируют: небольшой двор, обнесенный стеной, в глубине оранжерея.

Понедельник, 2-е. Посещение Антонию.— Армянки или, скорее, гречанки.— «Piscolo, μεγαλω»¹, ее пугает моя борода, ребячливо прячется в меховую шубку.— У моей приплюснутый кончик носа; обнажает зубы, черный лиф, роскошная грудь, вся в засосах, как и шея. Целовать шлюху взапас — все равно что вырезать алмазом свое имя на трактирном окне.— По степам литографии, изображающие похождения Элоизы и Абельяра.

Вторник, 3-е. Выйдя от Кададьвене, встретили на улице Фанъара. Вечером в театре давали балет «Триумф любви»; бог Пан одет в штанишки на бретельках, дамочки исполняют разнузданный канкан, наивное восхищение публики.— Майор Х. и секретарь Козельского.— Тереза толстая, руки увешаны перстнями.— Почему-то ее уверения в верности возлюбленному и отвращении к деньгам меня до такой степени возмутили, что я возвратился к себе в номер совершенно подавленный.

Среда, 4-е. Выехал со Стефано по холмам Перы, мимо большого кладбища. Холодно, ветер. Свернули налево, спустились по полям, снова подъем, снова спуск, кругом только ланды и больше ничего. Слева вдали Константинополь. В ущельях, где нет ветра, жарко. Неожиданно выезжаем к Сладким водам Европы; пастух-болгарин пас овец на лужайке, летом сюда съезжаются женщины на арбах; безлюдье, пожелтевшие листья платанов падают на землю.— Один из тех ласковых зимних дней, когда холод отдыхает от забот.— Едем по берегу речушки; вот Эюб, мечеть, стоящая на кладбище, засаженном, как сад; многие надгробья позолочены.— Квартал «желтый угол», Сарри-ейвах; бесконечная Балата, грязная, черная, гнусная. Как только въезжаешь в Фанар, улицы становятся чище, дома с машикулями, чопорный, строгий квартал. Переезжаем по мосту Махмуда и возвращаемся через малое кладбище.

¹ Маленький (ит.), большой (греч.).

Четверг. Прогулка в окрестностях Скутари. Поднимаемся по центральной улице, пересекаем большое кладбище, здесь под кипарисами на могилах солдаты предаются любви с девками.— Прекрасный зимний день. Пускаем лошадей по полям, то тут, то там квадратик вспаханной земли, два-три черных шатра, на горизонте Жиган.— Зеленая долина, внизу едет по ней одинокая золоченая карета, еврейское кладбище, плоские надгробия. Выезжаем на берег Босфора.

Пятница. Отправляемся со Стефано на Сладкие воды Азии.— Мимо нас проезжает султан, направляющийся в Скутари.— Ветер с Черного моря, множество судов с раздутыми белыми парусами.— В Орта-Кёй, или Арнаут-Кёй, кладбище подходит к самой воде; рыбацьи лодки, рыбаки; на кипарисах сушатся сети, они ниспадают крупными складками, образовавшимися в тех местах, где сеть перехвачена канатом; деревья и могилы проглядывали сквозь кольца сети, словно обернутые коричневатым газом. В другом месте сети разложены прямо на могилах, стелы вздымают их волпами.— Добрались до Сладких вод: заброшенное прогулочное судно султана, прогнившее и погружающееся в воду; очаровательный квадратный фонтанчик, караульные. Сколько в Константинополе караулен и казарм! Едем по полю, Стефано спрашивает дорогу у работающих в поле гречанок, дорога грязная, вязкая, поляны, окруженные горами, у подножия гор растут высокие деревья.— Кофейня, Стефано играет род партии в трик-трак с желтокожими и чернокожими дамами. Возвращаемся той же дорогой, у фонтана ко мне ласкается собака. До Константинополя доехали очень быстро. В Топхане облюбовал было трубку, но мне не захотели ее продать.— Вечером ужин в посольстве у генерала Опики.

Суббота. Весь день не выходил из гостиницы.

Воскресенье, 8-е. Посетил Фаньяра, проживающего на малом кладбище в Пере. Спускаюсь по кладбищу и бреду наугад по предместью Сан-Димитри: длинная улица, по которой течет грязный ручей, по одной стороне улицы дощатый забор, торговцы табаком, греческие кофейни, где курят, греясь у мангала; сидя на земляном тротуаре, просит милостыню старуха-негритянка. Поднимаюсь по очень крутой улице, поле, скошенная трава, сильный ветер, казарма с выступающими вперед казематами. Поднимаюсь на холм и ви-

жу Константинополь, он кажется мне необъятным; где именно я нахожусь, я так и не понял. Спускаюсь по другой улице: местами крутой склон, местами ступени, дома окрашены в черный цвет, выходят прямо на улицу; мне встречаются дамы в нарядных европейских и греческих костюмах, одни возвращаются с вечерни, другие направляются в гости. Блуждаю в толпе по улицам, голова идет кругом от мелькающих перед глазами лиц, ухожу прочь, бормоча под нос стихи; наконец оказываюсь внизу возле малого кладбища, прохожу мимо моста Махмуда, пересекаю Галату и Топхану; возвращаюсь без сил.— Визит г-на де Маргабеля, первого секретаря посольства.— Вечером ужин в посольстве, дамы, господа, каждый старается показать себя.

Понедельник, 9-е. В 8 часов утра выехал в Белград в сопровождении Стефано. Голые песчаные равнины, грязные дороги, ветер. Вправо уходит дорога на Тарапию. На склоне завязла в грязи поднимающаяся вверх карета, тощая лошаденка обливалась потом, кучер шел рядом.— Спуск, лужайка, несколько великолепных платанов, листья уже совсем пожелтели.— Бююкдере, на рейде множество судов с белыми парусами. Прогуливаюсь вдоль пристани, чтобы согреть ноги.— Обедали в гостинице, второй, как въезжаешь в городок, подле дома судового поставщика.— Снова садимся на лошадей, дорога хороша, луг, деревья; белградский акведук; он выглядит как новый, но красив только издали; впрочем, и вблизи тоже, поскольку отсюда открывается замечательный вид.— Бани Махмуда.— Прогулка по лесу, много дубов, лес совсем европейский; в одном месте деревья расступаются, и я вижу синюю гладь Черного моря; опускаемся вниз лесом.

Белград— это деревенька на склоне холма, перед ним большой луг, поросший деревьями. Бог мой, до чего же здесь должно быть красиво летом!— Несколько сгоревших обрушившихся домов.— В греческой кофейне Стефано нанимает проводника, тот показывает нам три-четыре водохранилища: это большие озера между лесистых холмов, сейчас они сухие и поросли травой. Каждое водохранилище заканчивается огромной стеной, которая должна выдерживать напор воды, в последнем из тех, что мы видели, каменщики-греки чинили стену.— Лошади по колено проваливаются в рытвины.— Снова проезжаем под белградским акведу-

ком; видим из-под арки два склона, сходящиеся в долине, а дальше серо-синее море; склоны бурые, цвета коричневого табака и темного кипрского вина, местами лиловые рощи, точно заросли вереска; в этом пейзаже чувствуются мощь и простор.

Болгария?.. Фракия?.. Нам встречаются болгары, ноги у них обмотаны веревками.— Несемся галопом по лужам и грязи; заходящее солнце слепит глаза, от холода и быстрой езды выступают слезы, справа от меня на фоне ярко-голубого неба гроздятся друг на друга черновато-коричневые облака, окаймленные длинными золотыми горизонтальными полосами. Скачу во весь опор, доехав до вершины холма, отпускаю поводья, откуда ни возьмись выскакивает собака, испугавшись, лошадь понесла, и, чтобы остановить ее, мне пришлось повернуть прямо на насыпь; наступает ночь. Утомительный, как всегда, въезд в Перу по бесконечно длинной улице с расхлябанной мостовой. Проезжая мимо казармы, что стоит возле большого кладбища, слышим громовые вопли солдат, приветствующих султана. Впервые это вечернее приветствие я услышал в Иерусалиме.

Вторник. Весь день провел в гостинице, после обеда меня навестил г-н де Маграбель. От вчерашней скачки у меня разболелась поясница.

Среда. Не выхожу из номера, принимаю Артимбея; тот пришел со своим родственником, греческим священником, большим либералом. Артимбей вынужден обуздывать эксцентричные политические выпады попа.

Четверг, 12-е, день моего рождения. Выхожу в 5 часов, сажусь вместе с Козельским в каяк, а его слуга и Стефано в другой. Белые кубики покрытых снегом домов в Скутари и в Константинополе, проселки заледенели, сделались скользкими, лошади оступаются, поначалу едем рысью, затем переходим на шаг. Доехав до Сладких вод Азии, сворачиваем в горы.— Холмы вытянулись белыми волнами, ветер, вокруг никого; на снегу кое-где следы.— В одном месте строят дом, что-то вроде караван-сарая или фермы, рабочие заняты окнами; едем дальше. Дорога петляет у подошвы холмов, описывая широкие дуги; на галопе стук копыт заглушается снегом.— Ферма лазаристов.— Сбиваемся с пути; по указанию пастухов-болгар, более похожих на медведей, нежели на людей, устрем-

ляемся в сторону польского хутора, спускаемся по невероятно крутому склону: не будь на нем кустов, мы бы так и слетели вниз; главное, чтоб тебя не раздавила лошадь, скользящая на задних ногах.— Ручей у подножия скрюченных, засыпанных снегом дубов, кое-где кусты вереска, колдобины с замерзшей водой, заснеженные поляны. Белый холодный свет кажется искусственным; когда сбавляем шаг, слуга-славянин запекает песню, Козельскому вспоминается Польша, а мне представляется Туркестан, Тибет, далекие азиатские походы.— К половине второго добрались до фермы: у входа висит убитая косуля, лысый поляк, юноша в блузе и красном галстуке, оштукатуренная печь, огонь; по стенам литографии в духе Девериа, изображающие поляков в Англии, сельские сцены, отъезд поляков в Сибирь и т. д.— На хуторе тишина, кругом лишь снег да снег.— Греюсь у огня, я вспоминал, как ходил зимой с отцом к больным по деревням.— Едим мясо с картошкой.

В 3 часа тронулись в обратный путь, косулю с небольшим трудом привязали к седлу нашего вожатого-суруджи.— На обратном пути дорога почти все время идет под гору.— Едем крупной рысью, временами переходя на галоп; я сажу согнувшись, ухватив поводья у самой лошадиной головы, как бешеные проносимся мимо Сладких вод.— Каиков в Кандили нет! Скачем дальше. Быстрая рысь; Козельский направляет лошадь на свару псов, и они воют от ударов его хлыста; проезжаем через деревни на всем скаку, поворачиваем с улицы на улицу, не замедляя бега. Слуга Козельского покорно следует за мной по пятам.— Красный закат; уже совсем стемнело, когда мы возвратились в Скутари; мы все посерели от грязи, брызги на лице, на платье, лошади все черные. Переправляемся через Босфор, море бурное, приходится держаться обеими руками. Мне просто повезло, что за время пребывания в Константинополе я не утонул на каике.— Лунная дорожка на воде.— Вернулись в 6 часов вечера.

Пятница. Прощаемся с Фовелем, Кадальвене и др.— Оскар, Миринич и Фаньар ужинают с нами.— Накануне и третьего дня посещал г-жу Фене, это худая особа с черными глазами, немного похожая на Хайнефельтер.

Суббота. Паковался, ужинал в посольстве.

Воскресенье. Прощаюсь со всеми. Де Ноари снова тут.— Г-н Мартен, архитектор, и его спутник, швед.— Козельский и Амлен провожают нас на пароход.

Прощание с Козельским. Когда мы теперь свидимся? Свидимся ли вообще? Что будет с нами со всеми?

Г-н Жаваль, Бланш Делаланд.

Понедельник, хорошая погода.

Во вторник утром высадились в Смирне, нанесли визиты г-дам Раккору, Камекассу, Пишону.

В среду утром буря. К полудню обогнули мыс Сунион.— Колоннада.— Берег серовато-лиловый, обнаженный, ни деревца, ни кустика на нем, одни камни (накануне вечером проходили Хиос, остров казался черным, горы были затянуты облаками).— Акрополь в Афинах сверкал на солнце белым цветом, слева Эгина, прямо перед нами Саламин, позади Акрополя Павсилип.— Фрегат «Пандора» и бриг «Меркурий» украшены флагами и в честь праздника святого Николая.— Русские моряки в парадных киверах.— Я счастлив, что ступил на афинскую землю.— Греция!.. Жаль, пробыть здесь придется недолго.

Как грустно было мне в воскресенье идти в последний раз по двору мечети в Топхане! Прощайте, мечети! Прощайте, женщины, укрытые покрывалами! Прощайте, славные турки в кофейнях!.. (В Пирее, четверг, 19 декабря.)

АФИНЫ И ОКРЕСТНОСТИ АФИН декабрь 1850 — февраль 1851 г.

ОТ АФИН ДО ЭЛЕФСИСА

Элефсис. Сегодня среда, 25 декабря, Рождество; в 8 часов утра выехали из Афин в Элефсис (Лепсина).

Дорога на Пирей ушла влево, въезжаем в оливковую рощу. Сквозь серо-зеленую листву проглядывали темно-аспидные облака, слоями наползавшие друг на друга, и клочки лазурно-голубого неба в просветах между ними. Вода по обочинам дороги, вода на квадратиках распаханной земли и у подножия деревьев, из-под старых растрескавшихся стволов струятся ручейки. Слева ботанический сад. Переезжаем по трем мостам один за другим три рукава Кифисоса; основное русло, по утверждению Альденхофена, протекает правее и иссушается орошаемыми садами. Где же знаменитый мост, на котором афинские парни собирались и осыпали бранью женщин, идущих на Мистерии? Если мне не изменяет память, там неподалеку была олеандровая роща, в которой прятались юноши; нам же не попался на пути ни один олеандр. За оливковой рощей начинаются дикие места, кое-где заросли колючих кустарников и вереска, много камней.— Афинская равнина окружена горами, вершины их кажутся серыми и лишенными растительности. На краю равнины начинается подъем.— Ущелье Гедарион.— Долгий подъем, под ногами оголенные скалы, спуск.

Великолепный вид на море: обрамленный горами залив кажется озером, трудно понять, в какой стороне выход в море. Дорога спускается напрямик и словно бы впадает в море. Слева пологие откосы; справа (в том месте, где находилась Венера Фильская? По Альденхофену) углубления в скале примерно в фут

высотой, по большей части закругленные сверху, иногда прямоугольные; можно подумать, что они предназначались для статуэток и картиц. Нам встречается стадо овец; маленьких ягнят, не умеющих ходить, пастухи несут на руках; пастухи одеты в ворсистые плащи из белой шерсти, в руках у них длинные посохи, загнутые крючком, волосы, густые, курчавые, в беспорядке падают на плечи; шерсть у овец белая-белая, тонкая. На переднем плане стадо; слева отлогий склон, уходящий в горы; справа зеленоватая мшистая скала, камни; на втором плане уходящая вниз дорога, а дальше море, на горизонте замкнутое горами.

Внизу крутой поворот вправо, обтесанная скала, прорубленная в ней дорога, без сомнения античная. Дорога идет между морем и озерами Рейти, через соединяющую их канавку проложен мост. Озера Рейти похожи на бухточки, образованные приливом. Их называют озерами, но я вижу только одно озеро или, вернее, затопленное болото.

Триасская равнина. На краю ее, справа, освещенная солнцем деревня Мандра, там говорят не по-гречески, а по-албански. Ровная дорога чуть поднимается в стороне Лепсины. У входа в деревню античный колодец: это выложенный из камней круг, повышающийся к центру, так сказать, к ступице, где и находится отверстие колодца. Камни изнутри зеленые. По воде расходятся круги от капель, падающих с высоты пяти-шести дюймов. Сама деревня состоит из нескольких невзрачных домишек, таких сараев с крышами. Обедаем в кофейне, нам прислуживает стройный юноша в белом плаще с прямым, чуть толстоватым у основания носом, красивой шеей и темными волосами.

Взбираемся на холм, что возвышается над Лепсиной (здесь стоял акрополь?); отсюда видим на расстоянии ружейного выстрела небольшую дамбу, изогнутую полумесяцем. Небо грязно-белое, справа мельница.

Западная часть деревни завалена беломраморными колоннами с капелюрами.

Возле церкви святого Захария (Агиос Захариос) колоссальный медальон с арабесками, обрамляющими обезглавленный бюст человека в доспехах: тяжело-весное произведение, в котором признаки упадка выражены еще сильнее, чем в бюстах баальбекского пла-

фона. Внутри храм более всего напоминает печь, церковного в нем только лампада в углу; зато стоят две статуи с густыми складками одежды, но без ног и головы и римская мужская голова: разделенные проборм волосы и борода развеваются на ветру, тяжело-весно.

В Элефсисе и его окрестностях попадает множество козьих рогов, подцепляем их кончиком палки, рога прямые, чуть волнистые, внутри полые.

Если стоять на вершукке холма в Элефсисе лицом на юг, к морю, прямо виден выход в море, узкий, как ущелье; если повернуться к северу, вдали откроется триасская равнина, прямо — широкая серовато-зеленая полоса у подножия гор, сами горы серые в черных точках, ближе к вершине они белеют. По земле раскиданы белесые пятна в тех местах, где между облаков прорываются лучи солнца; облака отбрасывают тени, ложащиеся на землю черными парусами; мягкие тона, уравновешенный пейзаж, исполненный покойной красоты.

По мере того как мы, удаляясь от Элефсиса, приближаемся к горе, за которой лежит афинская равнина, масштаб пейзажа меняется, становится крупней; горы, казавшиеся чуть низковатыми, вытягиваются вверх, низменность, казавшаяся недостаточно просторной, расширяется.

На обратном пути натываемся в горах на стадо коз, собаки бросаются на нас с лаем. Проезжая по мосту, вспоминаем мосты в окрестностях Рима.

Возле Ботанического сада нам встретились две амазонки. — В Элефсисе крестьянки носят поверх юбок род пальто с вышивкой по бокам; впрочем, здешние костюмы заслуживают более подробного описания. — Девочка в грубой белой одежде, стоящая у источника.

ОТ АФИН ДО МАРАФОНА

Дорога начинается позади королевского дворца и до самой Кифисьи идет в гору, Ликавит остается справа. Не видели ровным счетом ничего, ибо ехали в закрытом экипаже, кроме того, мы тронулись в путь еще затемно, под дождем и в сильный ветер. Различаю за окном лишь рукав кучера, погоняющего своих

клячонок. Когда рассветает, вижу слева ряды плоских зеленых холмов, а за ними гору.

В Кифисье садимся на лошадей. Сначала едем оливковой рощей, затем песчаная равнина, еловый перелесок, деревня Апассо Самати.

Начинается подъем на Пентеликон.— Зеленые рощицы, пихты, рожковые деревья и еще какие-то деревца с листьями, похожими на лавровые или персиковые, их мокрые от дождя ветки блестят, точно полированное красное дерево. Отмытая дождем беломраморная скала звенит под копытами осторожно спускающихся лошадей. Неожиданно видим внизу, точно на дне воронки, Марафонскую равнину; по мере того как мы спускаемся, она отступает, вытягивается влево к морю. В горах нам попалось семь-восемь лошадей без узды, они совершенно одни паслись в кустах; завидев нас, они заржали и полезли вверх по склону в заросли. Двадцать минут спустя мы добрались до деревни Врана, расположенной справа у подножия горы; обедали в доме с деревянной лестницей, *non sine lacrimoso fumo*¹. В доме глухонемой с изодранным лицом: он отправился за дровами и свалился с осла; при каждом движении он стонал, как больной.

Трогаемся в путь под проливным дождем, лошади вязнут во вспаханной земле; едем по равнине напрямик к кургану, возвышающемуся над морем, поднимаемся на него; чтобы хоть что-то видеть, мы вынуждены развернуть лошадей и стать спиной к ветру. На кургане, перерезанном ручьем, стоят деревца без листьев. Свищет ветер, хлещет дождь; Марафонская долина окружена горами и открыта лишь в стороне моря, на востоке.— Дождь, дождь, дождь.— В горах снова встречаем лошадей, они обнюхивают наших. Горные потоки набухли; равнина между Пентеликоном и еловым лесом у въезда в Кифисью местами затоплена водой, точно болото.

В оливковой роще, когда до Кифисьи остается не более десяти минут. Макс и его лошадь падают.

В Кифисье мы нанимаем экипаж, дорогой он то и дело застревает в рытвинах и канавах; в одном месте, где на дороге разлилось целое озеро, нас просят вылезти; толкаю колесо, стоя по колено в воде.

¹ Дым разъедал глаза (ит.).

Перед подъездом к Афинам широкие поля, спокойные очертания пейзажа.

Выехали в половине седьмого утра, в 9 часов прибыли в Кифисью, в 11 во Врану, возвратились в Афины в 5 часов вечера.

ИЗ АФИН В ДЕЛЬФЫ И ФЕРМОПИЛЫ

Из Афин в Дельфы и Фермопилы через Казу (Элевтеры), Коклу (Платей), Эримо-Кастро (Феспии), Ливадию (Левадию), Кастри (Дельфы), Гравию, Фермопилы, Молос, Капрену (Херонею).— Пены, Киферон, Геликон, Парнас.

4—13 января 1851 года.

Сегодня, 4 января, в субботу, мы выехали из Афин в 9 часов утра в сопровождении драгомана, повара, жандарма и двух погонщиков мулов. До Дафни все то же, что мы видели во время прогулки в Элефсис.

Весь день сияло великолепное солнце; поднявшись на возвышенность позади Дафни, мы увидели гладкое, как озеро, темно-стальное море; слева горы Саламина, справа выступающий мыс Лепсины; впереди, в стороне Мегары, увенчанные снегами горы. В Дафни привал под плетеным навесом без листьев; Джорджи чинит узду лошади Максима; кричат индюки, солнце греет мне левую щеку. Справа греческий монастырь. Спускаемся, небо холодное, ясное-преясное. Поворот, теперь слева от нас озера Рейти, проезжаем между ними и морем. На море сильная рябь, словно бы оно силилось произвести волны; какой покой! Воздух бледно-голубой, тусклая зелень маслин. Античность! Какие женщины купались в этих морях!

Долина Элефсиса (показавшаяся нам, когда мы спустились с Дафни на берег моря, узким бордюром у подножия гор) незаметно вытягивается, расширяется; она совершенно плоская и очень длинная. Мы едем шагом (обманчивое солнце печет затылок) в направлении деревни Мандра. Не доезжая деревни — оливковая роща, пересохшее русло большого горного потока (относительно большого). Самые большие русла я видел на Родосе и в окрестностях Смирны.

В этой деревне говорят по-албански. Каменная ограда, деревня как деревня.

Подъем, дорога петляет между низенькими елочками и карликовыми дубами; горы серые, с бледно-зелеными вкраплениями, покрыты легкой розовой подрагивающей глазурью. Нам повстречалось стадо коз, немного погодя — стадо овец, маленький ягненок щипал траву, подогнув передние ножки. Однако козы мне куда больше по душе! За стадом идет пастух с длинным белым загнутым посохом.

От Мандры до Казы путь лежит (если говорить коротко) через два больших цирка, разделенных горами. Поднимаемся на гору, спускаемся в долину, окруженную со всех сторон горами, потом снова подъем...

Когда мы добрались до места, было холодно (солнце уже село), особенно в тени.

При въезде в долину, в глубине которой лежит Каза, прямо впереди открывается вид на Киферон с его заснеженной вершиной. Боже мой, сколько же здесь прославленных мест!

Остановились на постоялом дворе, который вовсе на таковой не похож: это большой белый дом, расположенный рядом с жандармским постом; в продолговатой комнате, где мы сейчас находимся, два очага; похоже, что греки крайне боятся холода. Кстати, о жандармах: наш сопровождающий не стал есть ни куропатку, ни курятину, сейчас пост (по-гречески), и он его строго соблюдает. Вот уж посмеялись бы над ним его французские братья! Каза (бывшие Элевтеры), половина девятого вечера.

Воскресенье, 5 января. Выехали ровно в семь. Солнце вставало из-за Парнаса, через который мы вчера перевалили, в просвете, разверстом между двумя горными вершинами, протянулись по небу широкие красные полосы. Мы едем верхом, укрывшись шкурами лани, ляжки как у фавнов. Дорога тянется по восточному склону Киферона вдоль пересохшего оврага, в лицо дует ледяной ветер, так что, несмотря на теплую одежду, я то и дело похлопываю себя по плечам на манер парижских кучеров. Дорога более или менее проезжая; кое-где на поворотах перекинута через овраги каменные мосты.

В нижней части горы дорога кончается, и мы спускаемся прямо по склону среди камней. Отсюда открывается вид на долину Платей; слева, совсем ря-

дом, прямо над вами Киферон; по мере того как взгляд поднимается вверх, снежный покров на нем становится все плотнее, продолговатая вершина увенчана колпаком белоснежных облаков, которые издали можно принять за ледник. Они неподвижны, точно примерзли к снегам; на краю горы облака вытягиваются, загибаются к земле и растворяются. Внизу под нами, чуть правее, там, где кончается спуск, деревушка Криеконки. На горизонте равнину закрывают Геликон слева и Парнас справа; первый завершается остроконечным куполом или скругленным углом, у второго вершина шире и плотнее укутана снегом. Справа (на востоке) неровной стеной стоят горы Эвбеи; на концах стены по выступающей вперед горе. Еще правее, почти сзади, нам показывают Шалос — укрытую снегом и блестящую на солнце вершину.

Тень горы, укрывавшая нас, осталась позади, и теперь мы на солнце. Проезжаем деревню Криеконки, редкие белые домики разбросаны в беспорядке, изгороди сложены из сухих веток — запас дров на зиму — или из камней. Вдоль дома идет женщина, рот закрыт покрывалом, как у мусульманки (в этой деревне живут албанцы), вернее, какой-то грязной белой тряпкой, которая спускается с макушки на нижнюю часть лица, а потом вокруг шеи на спину; она прошла босиком и опорожнила корзину на кучу навоза. Женщины, встречающиеся нам до сих пор, одеты в своего рода пальто светло-серого цвета с гладкой черной каймой по бокам; на детях этот наряд выглядит даже изящно.

До 10 часов едем по равнине, нам показывают скопище камней — руины Платей, доезжаем до Коклы, лежащей у подножия Киферона. В начале деревни одно-единственное дерево, пересохшее и без листьев; если прибавить к нему дерево у подножия холма, где расположены Феспии (Эримо-Кастро), это будут единственные два дерева, которые мы сегодня видели, не считая нескольких карликовых дубов и чахлой медвежьей ягоды.

У входа в деревню вырыты ямы, в них вода.

Обедаем в комнате, похожей на ту, где мы ночевали. Греческий священник, одетый так же, как и все здешние крестьяне, — о его сане я догадался по окладистой бороде, — перебирает четки и примеряет мой

лорнет. Женщина в вышитом пальто, две огромные серебряные кисточки висят на длинном шнуре у нее за спиной, хлопая по ягодицам; толстенные чулки из грубой шерсти, куда пестрее персидских носков; нижняя юбка доходит до икр.

Гречанки показались мне низкорослыми, коренастыми, грузными, фигуры у них портятся от тяжелой работы; красота же — из того, что я видел до сих пор, — достойные молодых людей. Сегодня утром в конюшне я застал дюжину оборванцев, укутанных в лохмотья и шкуры; они грелись, стоя в кружок у яркого костра; один из них предложил мне вина, но я отказался, так как здешнее вино имеет горький привкус смолы.

От Коклы едем по Платейской равнине, на которой кое-где выделяются правильной формы квадратики цвета темного испанского табака: это редкие участки возделанной земли.

От того места, где были Платеи, сохранились обширная площадка, возвышающаяся над уровнем равнины, и поддерживавшие ее полуразрушенные стены. Две-три колонны; предполагаемая гробница Мардония — камни да и только; развалины какой-то турецкой постройки или, быть может, греческой церкви. Впрочем, все эти руины малопримечательны и сильно попорчены лишайником.

От Коклы до Эримо-Кастро, куда мы добрались в 2 часа пополудни, ничего примечательного. Все время едем по равнине, дорога сносная, переходим два-три ручья, где лошади вязнут в грязи; повсюду эти ужасные колючки, похожие на зеленых ежей, о которых я третьего дня, возвращаясь с Илисоса, ободрал щиколотки.

Фестии стоят на бугре, отсюда кажется, что деревня расположена точно посередине между Геликоном и Парнасом. По склону рассеяно стадо овец. Когда мы выезжали из Коклы, людей не было слышно вовсе, зато воздух был напоен металлическим перезвоном колокольчиков в стадах; затем наступила тишина.

Останавливаемся в школе. По стенам развешаны учебные таблицы, при некоторых указка.

Греки держат поводья особым образом. На наружных стенах церкви, расположенной в десяти минутах ходьбы от деревни, на соседнем бугре, Джорджи показывает нам:

1) барельеф, изображающий всадника с задрапированным торсом; поводья он держит левой рукой, причем пальцы лежат на них; на шее коня отчетливо видны дыры, куда прикреплялся металлический повод, такие дыры встречаются повсюду, но только не на шее, как здесь, а около рта лошади и на руке всадника. В правой руке у всадника палка, он держит ее точно стек, прижав руку к бедру; конь изображен на галопе, левая нога очень длинная, согнута в воздухе;

2) женскую фигуру — большую крылатую Нику (без головы) из пентелийского мрамора; суровый стиль, узкая грудь, пониже пупа бугор, живот излишне рельефен, непосредственно под складками драпировки, начинающимися на уровне бедер, треугольный выступ, боковые грани которого должны сойтись в паху (но, кажется, сходятся выше);

3) юношу, смотрящего на собаку; плавные линии, отвратительно сделаны бедра. Боюсь, что после Парфенона мне не понравится ни одна скульптура.

Нас осаждают ребятишки, поющие коляды под самой нашей дверью и то и дело заглядывающие в нее; они ходят от дома к дому и славят Христа по всей деревне. Как тихи греческие деревушки! Как безлюдны! Всю вторую половину дня дует яростный ветер, слезятся глаза от дыма, в нашем очаге с колпаком в форме пелеринки горят целые стволы. (Эримо-Кастро, половина девятого.)

Понедельник, 6-е. От Эримо-Кастро до Панапанагии поднимаемся по отлогому склону, все время приближаясь к Геликону, возвышающемуся справа от нас. Когда смотришь снизу, Геликон похож на слоновью спину или, вернее, на очень выпуклый черепаший панцирь, зеленый с белым верхом; нам виден только восточный склон. Сверху вниз по нему сбегает три глубокие параллельные складки, в них лежит темная, почти черная тень. На верхней трети горы занесенные снегом ярко-зеленые сосны.

На крышах домов в Панапанагии множество виноградных жомов. Это прямоугольные ящики с ручками наподобие перевернутых портшезов. За деревней церковь со скверными греческими иконами, где наш драгоман (помилуйте, что за драгоман!) показывает нам непонятную греческую надпись на колонне; он уверяет, что все путешественники непременно желают ее видеть.

Дорога сворачивает вправо, ныряет между двумя холмами, уводя в сторону от Геликона, затем резко изгибается влево, и мы оказываемся на левом склоне крутого оврага. Тропинка вьется по склону горы то вверх, то вниз, петляет между камней и карликовых дубов под шум потока, бегущего далеко под нами. Правый отвесный склон оврага изукрашен серыми гранеными скалами, обточенными, как кристаллы, торчащими из красноватой земли в окружении карликовых и обычных дубов. Дубы повыше держатся ближе к воде; из скалы бьют ключи и, петляя между стволов, сбегают в реку.

Солнышко согривало нас, от журчания воды шумело в голове, расцветка скал и листья тешила глаз; сердце мое радовалось, и улыбка не сходила с лица.

Причудливые очертания этого оврага исполнены величественной грации, он подобен длинному коридору, украшенному дивными дарами природы. Мне случилось видеть пейзажи красивее этого, но ни один так не зачаровывал душу. Справа попадаются и совершенно зеленые участки склона, пересеченные узловатыми стволами оголенных дубов, эти расширяющиеся книзу полосы лежат точно ковры, посланные под ноги муз, спускавшихся к ручью.

По мере подъема овраг постепенно расширяется и мельчает.

Загора. Обедаем, сидя на земле, расстелив одеяло, которое нам дали здешние крестьяне. У той, что вынесла нам подстилку, висят на спине две косы из шерсти, заплетенной, как волосы, на конце четыре серебряные кисточки; талия ее перехвачена широким черным поясом, юбка сплошь вышита красным. Пальто из грубой ткани вышито под мышками и по бокам; от вышивки идут поперечные полосы плюша, образующие ряды бахромы. На голове платок, не поддающийся никакому описанию, говорят, что мы сможем купить такой в Дельфах; поверх платка повязана белая шаль. Обладательницей костюма была светло-рыжая дева, лицо обрамлено растрепанными волосами — ухудшенный портрет г-жи Прадье.

За Загорой раскинулся луг с редкими, разбросанными на большом расстоянии друг от друга тополями по берегу речушки; стволы их точно обрублены, а от обрубков вверх тянутся ветви. Вскоре въезжаем в дубовую рощицу, деревья доходят нам до пояса. Роща

карабкается на бугор, его неравномерно освещенная верхушка окрашена в разные цвета: справа темный, впереди светлый, а слева на стальную листву уже ложится прозрачная трепещущая пелена фиолетовой глазури.

Не доезжая рощи, в просвет ущелья увидели вдали белоснежную вершину с легким розоватым отливом: это горы Коринфа.

Кругом ни души, безветрие, полнейшая тишина, и только временами доносится шум воды. Поднимаемся выше, и перед нами вырастает огромный вал, круто падающий вниз, снова вздымающийся чуть правее и опрокидывающийся вправо в сторону Орхоменской равнины, край которой уже виден отсюда. Слева другой размашистый вал с красно-бурой, уже подернутой фиолетовым туманом дубовой рощей на горбе. Между дубами на склонах широкие зеленые лужайки. Спокойный, отвесно льющийся свет придавал горам и всему пейзажу вид изваяния с застывшей улыбкой на лице.

На переднем плане спуск; следы пролежавшей здесь древней дороги; впереди неровный, точно изрытый склон высокой горы, завалившейся на правый бок, тогда как левый, вогнутый бок ее неожиданно обрывается, открывая вид на новые горные массивы. Обернувшись, вы увидите плоскую равнину Орхомена и разлившееся вширь Копандское озеро с низкими песчаными берегами. Спускаемся по зеленым кочкам. Стадо коз; та, которую я заметил первой, была буланой масти с большим железным бубенцом на шее.

Макс ушел далеко вперед; два могучих сторожевых пса с белесой шерстью и пушистыми хвостами с лаем бросаются на мою лошадь, пастухи подзывают их к себе гортанным криком, напомнившим мне крики корсиканских погонщиков: «Тae! Тae!» По склонам гор овалы участки, огороженные соломенными изгородями, заваленными внутрь: это загоны для овец; стада здесь большие, шерсть у овец удивительно белая и даже чистая, так что они вполне подошли бы для пастушеской идиллии; я объясняю это тем, что они все время живут на свежем воздухе; рядом с загонами большие пастушечьи хижины. Один из загонцов почти круглый, а внутри его другие, поменьше; одни для самок, другой, наверное, для баранов, совсем как

во времена Полифема, доившего стадо, сидя на пороге своей пещеры.

Едем вниз по косогору, наклоненному по отношению к нам справа налево, и вскоре оказываемся в деревне Котомула.

(Где-то в комнате по соседству с постоянным двором поет старуха, печально и гундосо, к ней присоединяется другой голос, подхватываю и я.)

Котомула. Мы петляли по деревенским улицам, когда вдруг услышали пение: на площади женщины в пестрых платях, взявшись за руки, водили хоровод. Напев не был крикливым, какими бывают обычно греческие песни, он лился плавно и торжественно. При нашем появлении они перестали танцевать. Дорога шла между площадью и стеной; под стеной, греясь на солнце, сидели и лежали другие женщины, развалившись, как на ковре. Мечта Папети! Одна держала на коленях голову другой и выскивала блох.— Ребенок в вышитом полотняном чепце, увешанном золотыми пиастрами, и с багровыми пятнами чесотки на лице.

Когда мы спустились от деревни вниз на расстояние ружейного выстрела, наш проводник повернул назад: дорога в этом месте провалилась; и мы снова увидели наверху пестрый рой женщин, провожавших нас глазами; затем они, наверное, снова пустились в пляс.

Сворачиваем влево и огибаем гору, за которой расположена Левадия.

Справа от нас Орхоменская равнина и широкое Конаидское озеро. С востока равнина закрыта горами, но они не стоят стеной, как на Эвбее, а расположены отдельно одна от другой; нет-нет да и появится снова участок древней дороги, переходим через мосты, деревья редки. И вдруг за холмом вырастает Левадия.

Левадия. Черепицы на крышах прижаты камнями; дома примостились на склоне; выглядит по-швейцарски, как на рисунках Губерта; кругом вода, вода, мельницы. Рождество; опрятно разодетые мужчины разгуливают в фустанелах, набросив на плечи пальто. Перед городом огороды.— Встретили начальника жаждармерии.— Остановились на постоянном дворе с балконом; лестница наверх начинается в конюшне.

Погонщик отвел нас на край города к источнику у подножия акрополя, на котором, как утверждает

Бюшон, сохранились руины франкских построек, лично я видел только турецкие развалины (правда, наверх я не поднимался). Правее моста, у входа в глубокое ущелье с почти отвесными склонами, в скале выдолблено множество маленьких ниш вроде тех, что мы видели по дороге в Элефсис, но в большем количестве; есть и прямоугольные углубления, но мало. Вдоль всей скалы, перерезанной двумя горизонтальными трещинами (естественного происхождения?), дыры размером в два кулака и большие ниши, как если бы кто-то хотел вырубить из скалы пласт; возле самой земли вход в грот, такой низкий, что войти туда можно только согнувшись.— Бюшон утверждает, что там внутри колодец.

По другую сторону моста еще один естественный грот, намного выше первого; он используется как стойло для ослов. Грот этот неглубок, сходится в одну точку. Не это ли пещера Трофония? Но тогда Павсаний не писал бы: «Оракул расположен на горе, возвышающейся над священным лесом». Впрочем, возможно, оракул находился вдали от пещеры, скажем на том месте, которое теперь называют акрополем? Если так, то этот ручей и есть Геркина? Но где же тогда священный лес? «Река Геркина отделяет Левадию от священного леса Трофония». На том берегу? Но там высится скалистая гора. И все-таки обилие ниш для приношений позволяет допустить такую гипотезу. [Левадия (Ливадия), 9 часов вечера.]

Вторник, 7-е. Встав в половине первого, мы выехали только два часа спустя из-за нерасторопности Джорджи; ничего не было собрано, жандарм опоздал (мы наняли другого).

В лучах восходящего солнца Парнас красовался снегами; на нем словно бы высечены два острых выступающих ребра, опирающихся на широкие основания и, как казалось на глаз, соединяющихся между собой. Вершина узкая, сплюснутая, белая и блестящая, как полированный перламутр; свет разливается по ней тонкой пленкой расплавленной стали. Затем гора подернулась розовой дымкой, которая вскоре сошла, и вершина снова засияла белизной с черными прожилками там, где не выпал снег и проглядывала зелень. Позади нас небо окрасилось в пурпур, оно лежало крупными завитками с муаровыми переливами

на буграх, между завитками проглядывал пепельно-коричневый фон.

Долина в этом месте (окраина Орхоменской равнины) довольно широкая; с двух сторон подступают к нам невысокие расплющенные горы. Карликовые дубы, остатки все той же дороги, грязь, для езды верхом ничего хуже не придумаешь.

Джорджи с лошадей провалился в яму, заполненную водой: лошадь в одну сторону, всадник в другую, вода доходит ему до подмышек. Едва выбравшись, он вдруг с яростью бросился обратно в яму спасти котомку с провизией, но напрасно. Он не слишком переживал и со стоическим спокойствием ожидал, когда подтянется багаж, следовавший далеко позади, и он сможет переодеться.

Перед нами Парнас; с боков у него по ущелью, мы пойдем по левому из них. Я вижу впереди три горы: первая невысокая, округлая, совсем зеленая, сильно выдвинутая вперед; за этой зеленой массой встает рыжеватый бугор, он и выше и шире первого; и наконец, на третьем плане белая громада Парнаса с зеленым основанием и длинными ребрами по бокам.

Дорога поворачивает влево и, как и тогда, у подножия Геликона, кажется, уводит в сторону от горы, огибает ее. Мы идем по широкой долине, по дну которой, прыгая с уступа на уступ, течет ручей, сам он небольшой, а русло широкое; вода, бегущая по белому гравию, зажатая крутыми берегами, и сами скалы показались мне бледно-синими, как если бы они были омыты разбавленной синькой. Дорога идет по берегу потока, и мы переходим его то слева направо, то наоборот. Гора по левую руку от нас изборождена продольными полосами, бутылочно-зелеными по коричневому, точно нарисованному китайской тушью фону: это ели, спускающиеся вниз по черному склону, выступающему из-под шапки снегов. Ниже елей зеленый бугристый косогор. Гора по правую руку от нас увенчана участками естественной стены, установленными вертикально на покатой верхушке, они разделены промежутками, как будто бы в стене пробиты бреши.

Круто сворачиваем влево. Можно ли выйти на дорогу другим путем? Не здесь ли развилка, у которой стоял Эдип? Где же тогда могила Лая?

Без четверти двенадцать подъезжаем к постоялому

двору Гемипо, расположенному возле фонтана, видим там осла, англичанку в широкополой шляпе и вязаной куртке, двух англичан и грека, который путешествует с ними и, по словам Джорджи, эксплуатирует их: Джорджи ведет беседу, восседая на куче матрасов, навьюченных на его мула. Постоялый двор закрыт по случаю рождественских праздников.— Располагаемся у источника, съедаем тощего цыпленка с неизменными крутыми яйцами. Идет дождь. Мы приветствуем Парнас, представляя себе, какую бурю чувств вызвал бы его вид в душе романтика 1832 года, и трогаемся в путь.

По правде говоря, до самой Араховы мы ничего не видели из-за дождя. Заметив издали белые стены домов, я принял их за пятна снега на траве. Деревня большая, расположена на выступающем вперед косогоре, как Зафе в Сирии. За деревней виноградники, а чуть выше по склону, у самой дороги, каменные чаны с покатым дном, откуда выжатый виноградный сок льется через продольные отверстия в подобия маленьких колодцев.

Дорога все время отклонялась вправо, и теперь Парнас оказался у нас за спиной, мы его обошли; вскоре в просвете глубокого ущелья показывается краешек моря. Ущелье расширяется, мы вступаем в него. Слева в десяти шагах от дороги греческие развалины: стена сухой кладки; стоявшее здесь сооружение имело прямоугольную форму. Последний участок пути мы снова шли по остаткам древней дороги, но гораздо более широкой, нежели вчерашняя или та, по которой мы утром вышли из Левадии. Дорога пересечена линиями поперечных выступов, следующих на расстоянии двух-трех метров, не более, друг за другом,— это для того, чтобы лошади не скользили.

По дну оврага белым перламутровым угрем ползет ручей, извиваясь среди маслин; постепенно расширяясь, он выходит на равнину, которую нам предстоит пересечь завтра. Слева вдается в сушу залив Салоны; за заливом высится гора, за ней другая, а дальше третья, вся окутанная дымкой; чуть в стороне (справа) еще горы, они теснятся, точно толпа великанов, расталкивающих друг друга.

Дельфы. На переднем плане справа Дельфийская гора. Она обращена к нам двумя (граненые скалы стоят отвесно, подобно нагромождению обезглавленных

колонн) красновато-бурыми вершинами с пучками зелени на плоских оконечностях обоих каменных столбов. Поистине вдохновенный пейзаж! Возвышенный и лирический! Тут есть все: и снег, и горы, и море, и ущелье, и деревья, и зелень. А что за фон! Проходим мимо Кастальского источника, вернее, проходим прямо через него (ибо раковина расположена справа, а ключ слева); могучие сочно-зеленые маслины.

Заходим в один дом, там нет печки; идем в другой, где в отведенной нам комнате по обеим сторонам от очага расстелены на полу одеяла; вечером задыхаемся от дыма.

Джорджи находит нам вожатого, судя по всему — жандарма, изъясняющегося на ломаном французском. Отправляемся с ним на экскурсию; первым делом он показывает нам склеп в скале с тремя пустыми гробницами внутри — это выдолбленные из камня корыта и арки; захоронение похоже на христианское, оно напоминает мне склепы мальтийских катакомб. Святилище превращено здесь в городское отхожее место, мы ступаем по невероятному количеству испражнений всевозможной величины.

Маленькая греческая церковь и рядом остаток стены, местами похожей на древнегреческую, местами на микенскую (хотя камни, пожалуй, маловаты). В церкви камень с надписью, в которой мы разобрали слово «βιβλιοθηκη»¹. Вокруг церкви кладбище без надгробий и крестов, только деревянные ящички (для свечей), накрытые камнями; по прошествии года или двух на могиле остается один ящичек, никаких памятников не существует! Ничего! Видно только, что в таком-то месте копали землю. Неподалеку очертания земли напоминают театр, остаток вогнутой стены; стадион, говорит наш гид, размещался выше.

Возвращаясь назад к источнику, проходим мимо большого участка стены, поддерживающей насыпь: по размеру это самая крупная из дельфийских руин.

Когда мы подошли к источнику, у ключа на той стороне дороги стояла под маслинами женщина в красном платке; за нами следовала ватага ребятишек, женщины стирали белье.

Чтобы подойти к бассейну, заросшему крессом, поднимаемся по большим мраморным глыбам. За бассейном прямоугольное углубление в скале, украшен-

¹ Библиотека (греч.).

ной стволами засохшего плюща; там же три ниши, современная каменная часовенка (над алтарем Антиной?); чуть левее ущелье, узкое, как коридор, и очень глубокое; вода течет по мраморным скалам, зеленым и красным с поперечными зелеными полосками.

Спускаемся в оливковую рощу слева от дороги; на спуске видим на расколоте посередине скале квадрат с шипами, как если бы здесь висела большая картина.

В оливковой роще церковь Панагия. Она стоит на месте гимназия; с деревянного балкона дома напротив на нас смотрит женщина с двумя детьми. Перед церковью мраморные колонны; на одной из них, исчерченной именами, читаем: «Байрон»; написано наискось, снизу вверх, и врезано не так глубоко, как на шильонской колонне. В церкви ничего примечательного.— Во дворе скверный барельеф: мужская фигура в натуральную величину (в позе стрелочника) с детородным органом неопределенного пола (гермафродит?); однако, судя по мощным рукам и запястьям, фигура, без сомнения, принадлежит мужчине; выпуклые ребра и мускулы живота; пренеприятное зрелище.— Позади церкви древняя стена, поддерживавшая площадку или террасу, заброшенный фонтан.

Возвращаемся в половине шестого, сушимся у огня, хотя я весь горю, особенно лицо,— это от дождя. Дождь не стихает; какой-то пастух сказал Джорджи, что завтра будет ясный день, потому что поют петухи. Дай Бог!

Не перестаю изумляться красоте здешних жителей. Местный тип лица — само совершенство; менее красивы женщины, среди которых много блондинок, дети и юноши восхитительны.— Мимо нас, чуть ниже источника, прошел прекрасный юноша с ружьем, у него был крупный нос и пышные волосы, выбивавшиеся из-под шапки; в руке загнутый пастушеский посох, чтобы ловить овец за ногу. [Кастри (Дельфы), 9 часов 30 минут.]

Среда, 8-е. Дом, где мы вчера заночевали, выглядел очень мило; закутавшись в пальто, укрыв ноги плащом, я долго лежал в своем углу с трубкой в руках и рассматривал комнату при свете одинокой свечи: почерневшие от дыма балки, та, что была освещена, казалась серой, темно-шоколадные стены, все остальное пыльно-серое; большой круглый очаг, посередине комнаты стол с крестовиной; в углах сушились мас-

лины и лежали кучами мешки — ни дать ни взять театральная декорация (в немецкой пьесе): ночная сцена, занавес только что поднялся. — Всю ночь лил дождь, сквозь сон я слышал, как бушевали потоки, обрушивавшиеся с Дельфийской горы.

К утру ненастье утихло; когда мы отъезжали, нас провожали красные облака. Вскоре за Кастри дорога свернула вправо; внизу, слева от нас, оливковая роща по краям Дельфийского ущелья; выбравшись на равнину, она расширяется, далее начинается луг, а затем новый массив оливковых деревьев. У подножия горы, по которой мы идем, расположена Крисса; дальше — залив Салоны, на берегу которого стоит Галаксиди (обернувшись, видишь позади горы Пелопоннеса?); на склонах гор по ту сторону залива три деревни, последняя и самая большая из них и есть Салона.

Дорога идет вниз по склону Парнаса, мы движемся на север. Горы перед нами, на той стороне долины, выглядят так: наклонная стена, основанием упирающаяся в долину, верхняя линия стены ровная, горизонтальная — там плоскогорье, а за ним снова горы. На уровне плоскогорья клубятся облака.

Продолжаем спуск и выходим на берег широкой реки с совершенно белым ложем; переходим ее. Поток жметя к правому берегу и несется к морю, окаймленный справа оливковыми деревьями. Вода совсем желтая, она несет в себе красные земли с верхних участков горы: в расцветке здешних гор преобладает красный тон, перемежающийся серыми скалами и зеленою прилепившихся на них растений.

Вскоре на середине склона мы замечаем деревню Тополия; перед ней зеленая скала с небольшими, расположенными продольно прямоугольниками, точно маркетри; оливковая роща у основания высоких склонов. Кажется, что все это ты уже видел, что узнаешь этот пейзаж, узнаешь в нем какое-то далекое воспоминание. Может быть, в раннем детстве, едва появившись на свет, ты видел его на картинах, названия которых успел позабыть? Может быть, ты жил здесь в другой жизни? Неважно! Ты явственно видишь перед собой (и точно ожидаешь встретить наяву) жреца в белом одеянии и девушку с ленточками — там, за каменной изгородью! Словно бы вспоминаешь обрывок сна... «Да... да, я это видел! Но где? Как же так?..» А потом, бррр!

Обедали на веранде перед бакалейной лавкой под наблюдением целой толпы ребятишек и пса, которого мы угостили косточками от нашего козленка.

Поднимаемся по очень крутой мощеной дороге, выходим на выложенную плитами древнюю дорогу.

Невысокие горы разделены узкими котловинами; неправильной формы цирки, плавные волнистые линии, зелень местами темная, коричневатая; кое-где виноградники, почвы красные.

Мы едем через перелесок низкорослых дубов вровень с облаками, которые плывут над долиной в том же направлении, что и мы. В одном месте, где склон изгибался, точно выбранный ложкой, серое облачко взмывало вверх, как клуб дыма.— Ржавые листья дубов окутаны дымкой.— Лошади хлюпают по грязному растаявшему снегу, скользят на камнях, забрызгивают нас.

По бокам дороги попадают участки белого-пребелого снега; копыта лошадей теперь уже целиком погружены в снег, идет дождь, укрываемся шкурами.

Неожиданно перед нами открывается долина, справа высокий обрывистый склон, снежный покров на нем прорезан деревьями; деревья стали крупнее, лес гуще; старые, выжженные изнутри дубы, от которых осталась только кора; черные, обуглившиеся стволы лежат на белом снегу.

Мы стоим на стыке горных цепей, одна отходит влево, другая, та, что сейчас справа от нас, тянется в прежнем направлении. Мы находимся на возвышении, нам предстоит спуститься в очень глубокую узкую долину. Кругом вода, вода, ели — альпийская роскошь, справа водопад; деревья одеты зеленым бархатом мхов, сухие листья дрожат на ветру, дорога петляет между елей и дубов, слышен шум потока, падающего с уступа на уступ; над пропастью нависли сгнившие деревья, одно из них, голое, совсем наклонилось к воде. Постепенно приближаемся к реке. Стадо коз, останавливаемся посмотреть, как они будут переходить овраг по переброшенному с берега на берег стволу; за переправой наблюдает козел.

Мы уходим от реки и поднимаемся по мощеной дороге, обрывки ее встретятся нам и на спуске. Деревья постепенно пропадают, с двух сторон нас окружают серые стены. Вдали видим долину и несколько

красных домов у входа в нее — это Гравия, где мы предполагаем ночевать. Спуск.

Гравия лежит у подножия горы.— Постоялый двор с очагом без трубы, греки жарят в нем кусочки мяса на деревянных вертелах.— Ожидаем багаж; нас помещают в комнате, отведенной для знатных постояльцев: перегородка из неоструганных досок, над головой черепица крыши, очаг из четырех камней, но зато отдельно от прочего общества; в ногах моей кровати люк, куда ссыпают зерно; у нашего очага рядом с моим пальто сушится куртка повара.

Ночь обещает быть холодной, слышу несмолкаемый рокот горного потока и перезвон бубенцов на шеях мулов, стойло совсем рядом. (Гравия, 9 часов вечера.)

Четверг, 9-е. Выхав из Гравии, добрых полчаса трусим рысцей и подъезжаем к подножию горы. Гора поросла дубами, мы едем под деревьями, вдыхая утренний ветер и запах прелой листвы. Когда мы подъехали к краю леса, луч солнца освещал стволы снизу: настоящий французский пейзаж в ноябре месяце.

Дорога вьется под деревьями, то спуск, то подъем; на земле лежат совершенно серые деревья без листьев, простирая раздвоенные обрубки веток. Одно такое дерево мы уже видели на берегу реки, не доезжая Левадии; если смотреть на него прямо (оно лежало наискось), то две большие выпуклости на нем казались грудями, а выходящий из-под них ствол — торсом. Время от времени попадаются лужайки; в одном месте ветки дубков были сплошь покрыты мягким зеленым лишайником, словно бы на них натянули чехлы.

Мы стоим на вершине. Парнас у нас за спиной.— Спуск.— Гора называется Лафовуни; пройдя треть склона, делаем привал.— Обедаем у источника. Отсюда открывается вид на равнину у Фермопил; справа краешек моря (Ламийский залив), впереди слева стоит на горе Ламия.

Спускаемся еще с полчаса и у подножия горы поворачиваем направо.

Перед нами простирается Ламийский залив; голая равнина, белесый песчаный берег, перерезанный местами тонкими ручейками, звенит под копытами лошадей. У подножия горы мощный горячий источник. Не доходя до источника — жандармский пост. Дальше по левую руку большое болото, протянувшееся до самого моря, по правую поднимается уступами длинный

выгнутый холм, примыкающий к горе и поросший колючими деревьями. Через четверть часа пути от горячего источника взбираемся на прямоугольный курган, увенчанный камнями (остатки стены?); говорят, что на этом месте стоял лев Леонида. Еще четверть часа спустя обнаруживаем на болоте род прямоугольного редута. Отсюда, если повернуться спиной к северу, к морю и к острову Эгропонт, виден справа Фессалийский хребет, на одном конце которого стоит Ламия, а на другом (на берегу моря) — Стилис; слева, на втором плане, большая белая гора, на заднем — линия гор пониже, в которую упирается та горная цепь, что справа. Слева в нашу сторону спускаются два параллельных ребра. Далее гора, вытянутая в сторону моря, она спускается к Молосу; до самого Молоса идем вдоль нее, правым плечом к ней. На середине горы обнаруживаем глубокую траншею, род загнутого крючком коридора. Если вдоль траншеи провести прямую линию, она пройдет между Стилисом и Агия-Мариной, деревушкой слева от Стилиса.

Где же были Фермопилы? Наш проводник и Бюшон утверждают, что здесь. Когда Джорджи произнес: «Вот они», нам это показалось нелепостью. Почему персы не могли пройти через гору, по которой мы спустились утром? Что вынудило их идти сюда? Как могли персы падать в море — а ведь именно так написано у Геродота? Моря здесь нет, оно более чем в миле отсюда!¹ Может быть, под «морем» имеется в виду болото? В таком случае греки должны были находиться на том самом, поросшем колючками холме, по которому мы продирались, чтобы посмотреть, нет ли позади теснины, и ничего не увидели! По болоту течет река; это и есть Сперхий? Не видел я и остатков стен Юстиниана, о которых говорит Бюшон.

А может быть, Фермопилы — это то узкое ущелье, наверху которого стоит Будоница? Тогда я понимаю, почему персам потребовалась целая ночь, чтобы добраться до вершины. Каков точный смысл слова, которое Ларше перевел как «дефиле»? Короче, проход располагался либо здесь, на северной оконечности этого длинного холма, либо в ущелье, где Будоница. В этом

¹ Известно, что наносы Сперхия отодвинули значительно к востоку берег Ламийского залива и узкий некогда проход по берегу превратился в широкую низменность.

случае персы на фланге действительно могли падать в море; кроме того, тут и в самом деле дефиле, раскрывающееся книзу; есть тут и «широкая площадка».

И все-таки остается неясным, почему персам понадобилось идти здесь, тогда как позади горячего источника есть широкий проход в горы.

До самого Молоса идет ровная, довольно красивая, окаймленная деревцами дорога.

Молос, большая деревня, раскинувшаяся на заболоченной низине близ моря; напротив, на том берегу залива, Стилис.— Остановились у священника. (Молос, 8 часов вечера.)

Пятница, 10-е. Тяжелый долгий день. Выехав из Молоса в 8 часов утра, прибыли в Капрену (Херонею) в 5 часов вечера, в пути останавливались не более чем на двадцать минут.

После Молоса идем некоторое время по бугристой равнине, простирающейся между морем и горой.— Поворот направо.— Большая река.— За ней появляются платаны; их становится все больше. Дорога незаметно поднимается, слева от нас река, въезжаем в настоящую платановую рощу, деревья голые, опавшие листья смягчают стук копыт и источают приятный запах; небо подернуто некрасивыми коричневыми облаками, затуманивающими очертания гор. Обедаем (я съедаю лишь кусочек черствого хлеба) на поваленном стволе большого платана возле реки, поворачивающей в этом месте и устремляющейся дальше по камням.

За платанами попадает несколько покатых лугов у подножия гор, дорога идет вверх.— Бугры.— Слева ряд холмов цилиндрической формы, отделившихся от горы и параллельно сходящих на дно узкой долины.

Выходим на гребень, да такой узкий, что там едва уместается тропинка; по бокам крутые склоны долины. Платаны сменились пихтами, но и те растут все реже, растительность исчезает. Лысые серо-белые горы, поросшие пучками зеленых колючек. Под нами утонула в дымке обширная равнина, там идет дождь; в нижней части ее большая деревня Драхmano, или Абдон Ракмахилл.— Три старинных колодца наподобие того, что в Элефсисе.

Мы идем по топкой дороге, перерезающей равнину пополам; равнина вскоре сужается, к ней подступают с двух сторон основания гор; плавно заворачиваем вправо и попадаем во второй отсек той же равнины,

где и расположена Херонея.— Многочисленные стада овец, все длинношерстные, ухоженные.— Лошади вязнут в заболоченной почве, выпархивают из-под ног болотные кулики и чибисы, временами моросит мелкий дождик.

Переходим вброд широкую реку, это Кифисос; там, где в болотистой низине стоит вода, кое-где перекинуты мосты.

Капрена лежит на краю равнины, справа, у подножия горы. Не доезжая деревни — развалины небольшого театра, вырубленного в скале: ступеньки узкие, сесть или поставить ноги на такую невозможно; чуть выше — остатки стен акрополя.

Пройдя за деревню дорогой, по которой нам предстоит ехать завтра, мы увидели справа в ямке среди кустов остатки колоссального льва, отдельные части его валялись вперемежку, голова громадная, вокруг морды — завитая грива. Он был сделан из мрамора, работа довольно искусная. Сквозная дыра на морде с одного бока на другой, как будто в пасть ему была продета узда.

Капренские собаки с чудовищным воем набрасываются на нас. Мы видим, как они преследуют двух несчастных, которые подбираются по домам: один из них слепой, играющий на скрипке, скрипка с широким грифом и тремя колками; он идет позади, держась левой рукой за плечо поводыря, тот несет две котомки; подходят они и к нашему дому; у слепого нет глаз, пуля пробила голову насквозь, от виска до виска; у его спутника на голове черное покрывало, скрученное в тюрбан, напоминающий средневековый колпак (как у герцога Бургундского), женоподобное лицо, маленькие черные усики, вид отменного пройдохи.

Два часа дожидаемся багажа, он прибывает к ночи; дождь льет как из ведра, это не сулит нам ничего хорошего на завтрашний день. (Капрена, 9 часов 30 минут вечера.)

Суббота, 11-е. Дождь и ветер не стихали всю ночь, Джорджи попросился ночевать в нашей комнате. Хозяева же ночевали на улице вместе с погонщиками и проничным поваром, белые шальвары которого теперь черны от грязи; поутру женщины и нескончаемый выводок дрожащих от холода детей пришли греться к нашим углям. Их черты едва различимы под толстым слоем грязи, они, возможно, оказались бы красивы,

не будь они такими замаранными. Невероятная грязь! Я ничего подобного не видел! Молодая хозяйка укладывает младенца в люльку — выдолбленный, почти необтесанный ствол — и качает его у огня; по форме колыбель напоминает мне пироги на Красном море

Наш багаж отправляется вперед и будет дожидаться нас в Фивах; мы выезжаем следом в 11 часов, укрывшись козьими шкурами и плащами поверх них, завязав их веревками на животе на манер бурнусов. В течение двух часов дождь льет не переставая.

Багаж остановился в Левадии, и погонщики заявили, что не желают идти дальше; не последнюю роль сыграла в этом и глупость нашего драгомана — словом, пришлось нам остаться в Левадии.

Весь день сушим плащи и прочие пожитки и курум, лежа на кроватях; внизу в конюшне, из которой ведет лестница в нашу комнату, разместились попережку мулы, лошади, люди.

Река, протекающая неподалеку от Левадии, все раздувается, вся низменность затоплена водой, дождь барабанит по черепице, ветер поет в дощатых стенах.

Вечером мы занимались тем, что латали шкуры и подшивали к ним наколенники.

Воскресенье, 12-е. Эпический денек!

Выехали из Левадии в 7 часов утра, одевшись как можно теплее; едем по равнине и чуть заметно спускаемся; слева вдали затерявшееся в болотах Кюпайдское озеро; горы окутаны туманом.

В 11 часов остановились в Жулинари, на постоялом дворе одно помещение для людей и скотины, люди сидят на деревянном настиле в углу возле очага, лошади привязаны к яслям.

Мы сменили жандарма; новый, которого мы наняли в Левадии, шутник и весельчак, он хлопает всех по плечу, громко смеется, набирает дров, на что у нашего Джорджи не хватило ума; чудак повар кормит нас неизменным ягненком и, уж конечно, крутыми яйцами; при виде их у меня ком в горле встает, и я, как и в предыдущие дни, обедаю черствым хлебом. Напротив меня сидит, скрестив по-турецки ноги, мэр одной из близлежащих деревень, он ест яйца; на коленях у него лежит сабля; лицо обрамлено головным убором: маленький черный тюрбан спускается с двух сторон на щеки и прикрывает нижнюю часть лица, как набородник, а затем шарфом закручивается во-

круг шеи; это крепкий человек лет пятидесяти, седеющий, нервозный, лицо жуликоватое, но вполне европейское.

Садимся на мокрых лошадях и продолжаем путь; приходится отказаться от посещения Фив и Орхомена, едем ночевать в Казу.

Шлепаем по грязи, хлюпаем по болотам, лошади забрызгивают все вокруг, у меня все седалище мокрое.

С криками выпархивают из-под ног чибисы и болотные кулики, собака жандарма трусит за нами, еле поспевая на своих коротеньких ножках.

Начинается град, мы едем по распаханному полю, где лошади увязают выше щиколотки; при первой же возможности пускаем их в галоп; смеркается.

Собака жандарма утонула в затопленной водой низине; лошадь Джорджи захромала и совсем повесила голову, в какую-то минуту нам кажется, что она вот-вот издохнет, дотянут ли наши лошади до Казы; моя уже не чувствует шпор. Впрочем, я говорю «шпоры» по привычке, а на самом деле левую я потерял еще в Ферпилах, в том самом леске, где я весь оборвался и где мы подняли зайца.

Круто сворачиваем вправо, оставив дорогу на Фивы в стороне; два часа спустя проходим мимо Эримо-Кастро, уже стемнело, а нам идти еще часов пять; неверно было бы сказать, что погода ухудшается — хуже некуда; я совсем не чувствую ног, голова горит. Мы шутим по поводу утерянного багажа и обсуждаем меню ужина, как если бы мы сидели в ресторане: «Официант, сотерн с устрицами! Раковый суп! Филей Шатобриан! Палтус под соусом! Паштет с мадерой! Огня, черт побери, и сигар! Ступайте!»

Идет снег, он налипает на волоски внутри лошадиных ушей и заполняет всю раковину, точно у них уши заткнуты ватой.

Справа от нас Геликон, сквозь тучи и сумерки проглядывают белые вершины.

На возвышенности, к которой ведет белый пологий склон, стоит, занесенная снегом, как русская деревня, приземистая Кокла.

Лошади бесшумно ступают по глубокому снегу, мы рискуем заблудиться при переходе через Киферон, Джорджи ищет проводника, но никто не хочет идти.

Едем дальше; вот теперь мне понадобилась фляга с водкой, которую я берег с самого начала путешествия.

вия; холод от кожаных штанов пробирается выше по позвоночнику: руки одеревенели. Все это лишь прибавляет бодрости духа. Глаза мои уже привыкли к снегу, который валит с новой силой, Максим же совершенно ослеплен. Мы идем по северному склону Киферона, стараясь держаться у основания, в надежде выйти на дорогу. Переходим реку, она остается справа, а мы поднимаемся по крутому склону. Лошади спотыкаются о камни, засыпанные снегом; мы совсем сбились с пути, Джорджи и жандарм точно так же, как и мы, не представляют, в какую сторону идти. Чтобы добраться до Казы, надо знать дорогу; а возвращаясь в Коклу, что мы и пытаемся сделать, рискуем вновь заблудиться.

До нас доносится собачий лай, велю жандарму стрелять, он заряжает пистолет, осечка; наконец ему удается выстрелить, снова лает собака.

Я окончательно замерзаю.

Спускаемся, жандарм стреляет еще два-три раза, лай приблизился, значит, мы идем в правильном направлении, снова переходим высохшую реку.

Вскоре замечаем дома; почуяв нас, собаки поднимают адский шум; никаких других звуков в деревне, ни огонька, все спит под снегом.

Жандарм и Джорджи стучат в дверь одной из хижин — молчание; они стучат в другую, отвечает испуганный мужской голос, открывать не хочет. Жандарм колотит в дверь прикладом, Джорджи — ногой; голос злобный и перепуганный, лопочет очень быстро, к нему присоединяется еще один, женский. И сколько ни кричит Джорджи: «Милорджи, милорджи!» — все напрасно, нас принимают за воров, и пререкания, перемежающиеся взаимными проклятиями, продолжаются. Я встаю подальше от двери, возле стены, опасаясь выстрела. Где же сельское гостеприимство! Где непосредственность былых времен!

Наконец в третьем доме кто-то не столь пугливый соглашается открыть нам дверь. Никогда в жизни не забуду голос этого мужчины, исполненный ужаса и злости. Он хозяин! Он в своем доме! То ли он боялся незнакомцев, то ли издевался над ближним. Пронзительный женский визг перекрывал мужские голоса.

Он отвел нас на постоянный двор, куда нас впустили. Мы вошли в большую, полную дыма конюшню,

и я увидел огонь! Огонь! Какой-то незнакомец отвязал мой плащ, и я с неизъяснимым наслаждением подошел к огню. Хорошая хозяйка сварила нам на ужин дюжину яиц всмятку. Я выпил арака, покурил, погрелся, пожарился, пришел в себя, проспал два часа на циновке под кишасим блохами одеялом, которое одолжила мне хозяйка; остальную часть ночи мы сушили и жгли наше имущество. Лошади жуют, дрова горят и дымят, время от времени я встаю и иду за хворостом, в руки впиваются колючки; прочие постояльцы спят вокруг огня. Подъезжая ко двору, путник кричит: «Ханджи! Наджи!», дверь открывается, появляется человек с лошадью, от которой идет пар, дверь снова закрывается, лошадь направляется к кормушке, человек пристраивается у огня, затем все погружается в тишину.— Спящие храпят на разные лады.— Думаю о временах Сатурна, описанных у Гесиода. Беками люди путешествовали именно так; далеко ли мы от этого ушли?

На другой день, в понедельник 13-го (Новый год по греческому календарю), чуть свет выходим со двора. Идет густой снег; мальчик (хозяйский сын Димитрий), маленький крепкий крестьянин в нахлобученном на голову капюшоне, с глупым лицом и чувственными губами, провожает нас по дороге — вечером мы были от нее недалеко, как мы и полагали, от оврага надо было взять вправо.

С большим трудом переваливаем через Киферон, лошади идут из последних сил. Шерстяной плащ Максима походит на мягкую овечью шкуру, подол его сделался коричневатым с золотистыми переливами (то ли это пятна от дыма, то ли проглядывающая из-под низу шерсть) наподобие шкуры леопарда.

В 11 часов сорокапятиминутная остановка в Казе, холодно. На обед ели горячий хлеб и выпили изрядное количество арака. Снова натягиваем плащи, моя козья шкура порвалась. Я похож на казака: феска надвинута на глаза, лицо небритое, одежда из меха и грубой шерсти, да еще перевязанная веревками и шнурами.

По мере того как мы спускаемся, холод смягчается, прекращается снег, и вскоре показывается голубое небо.

Становится жарко; в Мандре нас встречают оливковые деревья и солнце; мне подковывают лошадь, которая хромала пренеприятным образом.

На постоялом дворе, расположенном неподалеку от Рейты, если ехать из Элефсиса, встречаем англичанку, двух англичан и грека-чичероне, которых мы видели у подножия Парнаса, когда шли из Левадии в Дельфы, они путешествуют в экипаже.

В Дафни моя лошадь отказывается идти дальше и несколько раз встает на дыбы.

По пути от Мандры до Афин я все бранил юного Джорджи, да видать здорово бранил, поскольку он признался нашему хозяину Элиасу, что он меня очень боится.

Проехав в Ботанический сад, встретили королеву, прогуливавшуюся в карете.

Возвратились в Афины без четверти пять вечера; багаж наш прибыл только через день, в среду утром, часов на сорок позже нас. (Афины, четверг, 16-е, 3 часа пополудни.)

МУНИХИЯ. ФАЛЕР

На восток от Пирея — небольшая овальная гавань с узким входом; в восточной части гавани — остатки пристани, обвалившейся в море; камни серые, воде так и не удалось отмыть их. Гавань эта чрезвычайно удобна для судов с малым водоизмещением: это и есть Мунихия.

Чуть дальше на берегу лежит в руинах часовня, здесь переодевается Его Величество, когда желает искупаться. О дивный берег! Такие ли стопы касались некогда твоих песков! О ветры Эгейского моря, такие ли вы обдували зады!!!

Здесь, в Мунихии, есть род внешней гавани, изогнутой широкой дугой, на краю высокий мыс, берег там глубоко отступает, а затем выгибается полукругом дивной красоты: это Фалер. Очертания этого естественного цирка исполнены мягкости и величия. У входа справа высится одинокий утес. Воображению рисуются входящие в бухту разукрашенные ладьи; сама природа делала для древних все, что могла!

Мы поехали дальше вдоль берега. — Маленькие бухточки. — Наш драгоман спустился вниз набрать нам ракушек, лошади наши тяжело ступали по песку. (Прогулка состоялась 21 января 1851 года, во вторник.)

АКРОПОЛЬ

Скульптуры храма Ники Аптерос

Очень выпуклый барельеф с тремя персонажами: женщина, бык, женщина. Высота приблизительно 3 фута.

Первая фигура слева крылатая, без головы и правой руки; левая рука только до локтя, она сильно выщерблена, равно как грудь и бедра; ступни отсутствуют. Она наклонилась к быку, готовому броситься вперед; округлая левая грудь топорщится под тканью. На поясе — им служила простая веревка — три дырочки. Позади торчит хвост быка. Драпировка завязана на левом плече и вся сосредоточена слева, ткань провисает, сосбаривается на левом бедре, от паха идет чуть вверх, спадает между ляжками. — Бык в броске, культы передних ног, головы нет, шея выщерблена, мощные мускулы на правом плече; судя по складкам шеи, голова его была опущена.

Вторая фигура изображена в фас, порывистый взмах крыльев, правая грудь откололась. Левая рука (руки были простерты в стороны, левая чуть выше правой, левое крыло тоже) сохранилась приблизительно до локтя. Драпировка подчеркивает движение тела; хитон, перетянутый поясом (шнур с двумя дырками), раздувается ветром и облегает левую грудь, круглую, как яблоко; вся левая половина тела выдвинута вперед, фигура делает шаг левой ногой, выступающее колено, четко обрисованная икра, к ступням привязаны подметки. Густые складки переходят с правой ягодицы на левую, огибают бедро и ниспадают основной массой до уровня правого колена, часть же их, расправляясь между расставленными ногами, плавно опускается на землю. Наверху плащ обернут вокруг левой руки, а книзу закручивается чуть ли не в свиток. В целом в изображении ткани, пожалуй, слишком много завитков.

Задрапированный торс без головы. Размером с лист бумаги.

Левая рука покоится на бедре, придерживая сборки драпировки; легкая рубаха (хитон?), прямые складки отклоняются влево; тело опирается на левое бедро, линии живота отклоняются вправо. Круглая грудь. Левое плечо оголено, а локоть скрыт обильными складками материи, проходящей между рукой и торсом; на правой руке лежит тонкая ткань рубашки, застегнутой

на пуговицы, в ромбовидные промежутки между пуговицами проглядывает обнаженное тело. Глубокий вырез впереди, грудь низкая. Под мышками и сзади вокруг шеи проходит шнур, на котором держится рубашка.

Барельеф: крылатая женщина, перевязывающая сандалию.

Размером с первый, нет головы и кистей, два крыла. Опирается на левую ногу, слегка согнутую в колене; правой рукой касается правой ступни в подъеме, пятка правой ноги приблизительно на высоте левого колена, правая голень расположена под прямым углом к левому бедру. Левая рука чуть придерживает драпировку, но та, словно выскользывая, падает вниз, тогда как справа ткань приподнята размашистым движением бедра. Драпировка завязана на плечах, с правого плеча завязка соскользнула на середину руки, обнажив подмышку. Прозрачная ткань облетает твердые, круглые, с острыми сосками, широко расставленные груди. На животе две складки, верхняя более глубокая. Правая ступня отколота. Восхитительная вещь, трудно отвести глаза.

В ПИНАКОТЕКЕ

Женский торс в плиссированной рубашке.

Ровные прямые складки падают вертикально вниз; посередине груди пролегает более широкая складка, другие расходятся в стороны от нее, спускаясь уступами: каждая следующая ниже предыдущей.

Женский торс с косами без головы.

С каждого плеча спускаются по четыре косы, между ними видна грудь. Наверху косы лежат вплотную друг к другу, книзу расходятся.

Мужская голова, повязанная шнурком; между шнурком и лбом кольца волос наподобие расплюсченных бутонов.

Каждый завиток напоминает раковину улитки и состоит из четырех колец. Волосы осеняют лицо, закрывая часть лба, и доходят до ушей.

То же на женской головке.

Небольшой барельеф: женщина и фавн. Женщина в облегающей одежде стоит вполборота к нам; кисти рук скрыты драпировкой, собранной между торсом

и правой рукой. Левая рука упирается в левое бедро, согнута в локте (отколотом). Справа с головы спадает покрывало, закрывает грудь и ложится на левое плечо. Подбородок чуть склонен к груди. Ткань натянута на правой руке, целиком закрытой. Фавн с мохнатыми ляжками и козьими копытами сидит на камне. Копыта на уровне бедра женщины; головы на одном уровне. Ноги фавна плотно сжаты, словно бы он хотел их скрестить, да не смог. Поза не лишена остроумия.

В ХРАМЕ ТЕСЕЯ

1. Персонаж с козьими ногами.

Стоит прямо, опершись о столб, закутан в плащ, словно бы от холода, он проходит у него под бородой, изгибаясь, ложится на левое плечо и оттуда спадает вниз. В левой руке пастушечья свирель. Длинная волнистая борода; острые козьи уши, загнутые вперед и сливающиеся с шевелюрой. Поза живая, игривая..

2. Статуя старика с морщинистым лбом.

Морщины лежат параллельно, изгибаясь посередине лба. Заросшая шерстью грудь. На левом его плече сидит фигура без головы, без ног, с одной правой рукой, в которой держит человеческую голову, превосходящую размерами его самого и даже голову старика.

3. Большой барельеф: плоская скульптура в старой манере, найденная в Марафоне.

Стоящий воин с копьем в левой руке; правая рука опущена, кисть лежит на бедре. Волосы в мелких завитках откинута на затылок; курчавая борода симметрично сходится клином; глаза открытые, выпуклые. Правое плечо пересечено широкой полосой — это либо верх кирасы, либо воротник, либо португя (а меч висит при этом с левой стороны, невидной зрителю). Последнее предположение менее вероятно, так как, судя по всему, полоса крепится на груди. Тело покрыто кирасой, перевязанной поясом и спадающей длинными прямыми складками (или пластинами). Из-под кирасы выступают аналогичной формы складки ткани, а из-под них плоская рубашка; такая же плойка на руках. На ногах тонкие длинные пальцы, выступающие щиколотки, набедренники с выпуклыми наколенниками и складками вокруг икры.

4. Обнаженный мужчина, стоящий возле коня.

Он повернут к зрителю лицом, а лошадь в профиль, и лишь грудь и голова ее вполоборота. Изображение вогнутое. Слева ветвистое дерево с жиденькой листвой, на ветках птица, похожая то ли на сойку, то ли на сороку. Вокруг дерева обвивается змея чудовищных по сравнению с деревом размеров. Воин в накидке на плечах (чересчур высокий, гибкий) кормит змея, протянувшего к нему голову. Бороды нет.— Конь стоит позади, бьет копытом.— Справа мальчик подает герою каску; на другой стороне, слева, висит на ветке меч, латы и щит стоят подле дерева.

5. Столбик с четырьмя лицами: три женских и одно мужское.

Этот расширяющийся кверху столбик, по четырем углам которого еще сохранились дыры, служил, вероятно, подпоркой для стола или какого-нибудь другого предмета. С трех сторон женские головки. Грудь. Широкая драпировка почти сливается со столбом. С четвертой стороны голова мужчины с бородой. Под грудью фигура обрывается. Под головой, на середине столба, торчащий фаллос с тестикулами.

В АКРОПОЛЕ

Возле караульни, слева от входа.

Две женские фигуры без голов, одна сидящая, другая стоящая.

Одна сидит на табурете; вторая стоит справа, держит в левой руке коробочку, правая часть бюста отколота. Сидящая изображена в профиль, торс развернут вполоборота, она что-то держит на коленях — отломано (шкатулку?). Платье из тонкой ткани завязано на плечах, закрывает грудь, над грудью округлый вырез, правый рукав застегнут на пуговицы, в промежутках между ними обнаженное тело. Удивительно точно лежат складки между правым бедром и табуретом.— Между двумя женщинами лицом к сидящей — ребенок (без головы), по высоте он доходит ей до колена, правое плечо обнажено, на левом плече складки одежды, левая рука, высоко поднятая и согнутая в локте (локтя не видно), опирается на левое колено женщины.

Рядом женщина на колеснице.

Она стоит на колеснице одной лишь левой ногой, ступня перпендикулярна голени; правая нога поднята,

отведена назад. (Как она могла удержаться в таком положении? Позы людей на колесницах кажутся мне условными. На одной из метоп Парфенона изображен на колеснице воин со щитом, нога его стоит на ободке колеса.) Левая нога опирается на самый краешек колесницы; руки вытянуты вперед, напряженны, держат вожжи. Колесница, по-видимому, мчится очень быстро: драпировка симметрично изогнута. Волосы собраны на затылке в пучок прямоугольной формы.

МЕТОПЫ ПАРФЕНОНА

Передние ноги коней (согнутые) задраны очень высоко; если любую ногу выпрямить, она оказалась бы непомерной длины. У всех лошадей раздутые жилы; у всех отверстия в уголках рта и точно такие же в руке всадника. Мне совершенно очевидно, что там были исчезнувшие теперь металлические поводья.

На одной из метоп изображена Ника между двух всадников, она останавливает заднего; на бицепсе первого всадника вздулась толстая жила, он обернулся и смотрит на зрителя. Сама Ника ростом с всадника верхом на коне; ее голова на одном уровне с головой второго коня, которого она останавливает, а конь встал на дыбы, однако это неправдоподобие несколько не шокирует.

Анатомически точно изображены вены и на метопе со всадником, на скаку поправляющим головной убор; впереди него другой всадник с выпуклыми венами на левой руке: рука опущена вниз, кровь приливает к ней, раздувая сосуды.

Вены изображены еще более рельефно на метопе, выполненной в ином стиле (совершенно очевидно принадлежащей другому мастеру, уступающему первому). На табурете сидит мужчина, с ним две женщины; у мужчины левая рука поднята, согнута в локте. пальцы согнуты и указательный лежит на ногте большого, как если бы он скреб ногтем по ногтю; правая рука опущена вниз, на кисти вздутые вены.

В Пропилеях женский торс, опирающийся спиной на стену венецианской башни. Две круглые груди, левая закрыта тканью, правая обнажена! Что за сосок! Какая красота!

Прическа Кариатид, поддерживающих архитрав в храме Пандросы.

Волосы, разделенные пробором ровно посередине, лежат крутыми волнами по сторонам головы, ниже ушей, они завиты в пышные локоны, падающие на плечи и на грудь. На затылке от уха до уха уложены друг на друга три венца волос, а четвертый сплюснут квадратной подушкой капители, лежащей у них на голове и поддерживающей архитрав. Из-под нижнего венца выходят две толстые скрученные пряди (два пышных жгута), они утопьяются книзу и соединяются в узел. Далее пряди снова распадаются на более мелкие завитые жгутики; снизу видно, что кончик каждого жгутика закручен в колечко.

ХРАМ ТЕСЕЯ (Тесеум)

Задней стороной он обращен к горе Дафни и дороге на Элефсис, фронтоном (восточным) — к Гимету.

Если стоять спиной к Гимету, чуть левее будут оба пникса; за ними дорога, где похоронен Кимон, сын Мильтиада, со своими конями; ближе сюда слева — Акрополь.

С этой левой стороны храма площадка с несколькими мраморными скамьями, по форме напоминающими гондолы; на одной из них сидел солдат с ружьем, на основании приклада выемка по форме плеча.

На боковых сторонах храма по тринадцать колонн, считая угловые, на фасадах, переднем и заднем, по шесть колонн, включая угловые.

Отлив сильно выступает вперед, метопы на нем украшены каплями.

Каждая метопа отделена от соседней подобием решетки из трех выпуклых стержней.

Стык камней антаблемента приходится на середину абака капители.

На восточном фасаде и на прилегающих к нему углах еще сохранились некоторые скульптуры метоп (по четыре с каждой стороны); с других сторон скульптуры метоп исчезли или вовсе не существовали.

По краям наоса изображены на фризе битвы с кентаврами (изображения более отчетливы на западной стороне над опистодомом), оружием служат крупные камни.

Под портиком плафон; квадратные углубления между мраморными балками поочередно то заделаны, то полые.

Над колоннадами сохранились одни балки.

ХРАМ ЗЕВСА ОЛИМПИЙСКОГО

Расположен на севере от Акрополя.

От маленькой, возвышающейся над Илиссосом колонны, напротив или, вернее, справа, если смотреть на Гимет, видны аркады, как бы продолжающие театр Ирода Аттика; некогда они подпирали площадку, на которой стоял храм; к тому же к ним под прямым углом примыкает стена без арок и контрфорсов, которая могла служить только для укрепления площадки. Впрочем, и сама площадка, на которой стоял храм, хорошо видна отсюда; сохранившиеся шестнадцать колонн — это, наверное, всего лишь портик?

БАШНЯ ВЕТРОВ

Наружные аллегорические фигуры ужасающе тяжелы. Вес одних только распухших ног не позволил бы телу взлететь.

Восьмиугольное здание.— Карниз с квадратными тамбурами; над ним на высоте приблизительно семи футов опоясывающий орнамент: маленькие колонны с каннелюрами и дорическими капителями; далее второй фриз, затем крыша; ряды камней сужаются кверху, образуя купол. Две двери, одна большая на юго-западной стороне, другая поменьше на востоке.

Снаружи круглая башенка аналогичной конструкции, соединяющаяся с основной.

Три окна или отверстия в стене, два под первым фризом, одно под карнизом, рядом с михрабом.

ТЕАТР ИРОДА АТТИКА

Ступени сохранились в основном с правой стороны, если спускаться с Акрополя лицом к морю.

По концам массивные постройки; слева сохранились два ряда из трех аркад, и за ними линия аркад ниже; одна аркада посередине, три справа.

Солнце освещало побуревшую внутреннюю часть арок и делало их золотыми.

С наружной стороны длинная аркада; со стороны равнины — портик, где народ мог прятаться от дождя.

Когда Павсаний описывал Афины, театр Ирода еще не был построен, он упоминает о нем в книге об Аркадии.

В то время как я рассматривал театр, совсем рядом засопел осел, которого я раньше не заметил, и прервал мое созерцание. (23 января.)

ТЕАТР ДИОНИСА

Расположен на том же склоне Акрополя (склон на вид очень крутой); чуть восточнее, над пещерой с прямоугольным входом сохранились две колоны от театра Бахуса. Слева от пещеры прямоугольные углубления, словно для обетных картин; справа остатки (немногочисленные) ступеней, вырубленных в скале.

СТАДИОН

Стадион расположен на другом берегу Иллисса. Мост разрушен, от него остались только опоры; два больших редута (кавальера, как говорят артиллеристы), образующие вытянутый четырехугольник, расширяющийся у входа; слева тоннель в скале, он идет с изгибом, после изгиба расширяется. В этой его части сохранились следы, на сей раз очевидные, колес колесницы. С этой стороны, чуть левее, ближе к Ликавиту, находится курган Ирода.

ХРАМЫ ПАНДРОСЫ, ЭРЕХТЕЯ, АФИНЫ ПОЛИАДЫ

Храм Пандросы расположен выше двух других.

С западной стороны храма Афины Полиады (вход в него через храм Посейдона, который, может быть, вовсе не храм, а просто портик) ионические колонны на стене, они, должно быть, к чему-то прислонялись, но к чему именно? Эта колоннада расположена выше, чем та, что напротив, на востоке. Кроме того, тут настоящие колонны.

Ионические капители, сплюснутые колонной, походят на подушки.

Если здесь было два храма, как о том свидетельствует разный уровень степ, то почему это никак не оформлено снаружи? И почему было не сделать их одинаково широкими внутри?

Средний храм расположен ниже храма Пандросы, вровень с Эрехтейоном.

В каждой розетке на фигеле великолепного портала, ведущего из Эрехтейона в храм Афины, отверстие посередине, как если бы там были некогда прилажены какие-то украшения: металлический шарик, драгоценный камень.

ПРОПИЛЕИ

Дорога поворачивала, по-видимому, у правого крыла Пропилей (это крыло длиннее другого), на котором построен небольшой храм Ники Аптерос; между крыльями Пропилей дорога шла в гору, по бокам ее, возможно, были когда-то ступени, однако никаких следов от них не сохранилось; середина дороги была вымощена мраморными плитами с выпуклыми, точно бревна, поперечинами, предназначенными для того, чтобы облегчить подъем лошадям. Перед левым крылом (Пинакотекой) пьедестал голубоватого мрамора (крупные камни перемежаются более тонкими плитами).

Вход в храм Ники Аптерос обращен на восток и смотрит на квадратную башню против Пинакотеки: это крыло Пропилей целиком разрушено.

Храм сдвинут по отношению к стене крыла, на котором он стоит. Четыре ионические колонны портика, архитрав самого храма опирается на два прямоугольных столба.

На другом фасаде (западном) тоже четыре ионические колонны, опоясанные резьбой. Колонны стройны, однако же уступают в изяществе колоннам храмов Афины и Эрехтея, потому что ниже их.

К колоннаде Пропилей ведут четыре ступеньки; по три дорические колонны с каждой стороны, всего шесть. Поперечная стена, в которой прорублено пять дверей (самая большая посередине, потом две помельше и две еще меньше), разделяет Пропилей на две

части; к стене также ведут четыре ступени. За стеной другое помещение, и в завершение снова портик с шестью дорическими колоннами, обращенный к площади Акрополя (на левой стороне снаружи за третьей колонной расположен небольшой алтарь Перикла). Вправо идет дорога на Парфенон, расположенный не по центру.

Вход в Пинакотеку оформлен портиком с тремя дорическими колоннами, завершающимися по краям пилястрами; третья колонна справа расположена на одной линии с третьей колонной портика Пропилей (слева, если стоять к нему лицом), удлиняя, таким образом, их фасад. Посередине портика, имеющего форму вытянутого прямоугольника, дверь, по бокам от которой по окну, окна длинные и узкие.

Чтобы войти в собственно Пинакотеку (второе помещение), надо подняться на одну ступеньку. Камни стен так хорошо подогнаны, что швов почти незаметно, лишь толюсенькие полоски. На правой стене два окна, одно выше, другое ниже, нижнее шире, они расположены не на одной линии и по-разному отделаны.

Меньшее обрамлено орнаментированным карнизом и выпуклыми полуколоннами, большее же представляет собой обыкновенное прямоугольное отверстие в стене.

На внешней стороне этой стены (мы увидели ее, когда, пройдя через современную арку — как выйдешь из Пропилей налево, — оказались в каком-то дворике, заваленном обломками, с турецкой лачугой посередине) крюки на каждом камне. Похоже, здесь было еще что-то пристроено?

ПАРФЕНОН

На западном фасаде (где вход) тимпан разбит, в особенности справа (тимпан восточного фасада полностью разрушен); только слева сохранился обнаженный торс мужчины, опустившегося на колени перед стоящей задранированной женской фигурой без головы; левая нога мужчины закрыта тканью.

Портик из восьми колонн с равными промежутками между ними; шестнадцать колонн на боковых сторонах, включая угловые.

Портал ведет внутрь храма, где он с четырех сторон обнесен стеной. На этой стене: 1) посередине справа остатки четырех ионических колонн. Может быть, здесь помещалось само святилище? 2) позади прямоугольного пространства, одну грань которого и образовывали вышеупомянутые четыре колонны, в конце наоса ступенька и подобие площадки, возвышающейся над уровнем наоса; на ней остатки дугообразного сооружения, напоминающего по форме лук, по тетиве которого и пролегла ступенька. Что это, опистодом или общественная сокровищница? За изгибом дуги проходит стена высотой приблизительно в два с половиной фута. В стене наоса дверь и далее три ступеньки (первая выше двух других) выводят вас во внешнюю галерею с восточной стороны. На западной стене наоса еще довольно отчетливо сохранились изображения всадников в том же стиле, что и на метопах, выставленных внутри Парфенона. Этот сюжет (олимпийские состязания) господствовал, по-видимому, на фризе наоса.

Сегодня, 23 января, в четверг, ходил прощаться с Акрополем.

В Парфеноне возле одной из метоп лежит серая изъеденная бедренная кость.

Дул сильный ветер, садилось солнце, небо над Эгной окрасилось багрянцем, а за колоннадой Пропилей оно растекалось яичным желтком.

Когда я шел от храма Нептуна, с фронтона его вспорхнули две большие птицы и полетели на восток, в сторону Смиры, в Азию.

Открывая ворота Акрополя, я услышал натужный скрип, точно это пела дверь сарая.

Когда от стен Акрополя я смотрел на театр Ирода, ко мне подошел солдат; он продавал за две драхмы маленькую статуэтку женщины с зачесанными на макушку волосами.

В крепость поднималась женщина в лохмотьях, я видел ее со спины.

В Парфеноне я всякий раз любовался фигурой с округлой грудью, специально для того и созданной, чтобы сводить с ума от любви.

Прощайте, Афины! Поедем дальше! (10 часов 30 минут вечера.)

СОВРЕМЕННЫЕ АФИНЫ

Полковник Туре, француз-эллиноман; о нем нечего сказать, кроме того, что жена у него маленькая и толстая.

Генерал Моранди.— Рассказывает анекдоты о лорде Байроне, жившем возле старого почтового двора; случай с крестьянкой Марпей, которую ему продали, выдав за дочь паши; суеверность Байрона: «Если опрокидывалась лампа, он сутки не мог прийти в себя». Моранди был близким другом Гамбы, брата Гвичиоли (которая, по мнению Моранди, никогда не состояла в интимных отношениях с Байроном); Гвичиоли не стала любовницей Байрона потому, что этого не допустил сам Байрон; на любовных посланиях, которые она ему присылала, он писал и отправлял ей стихи. Часть этой переписки Гамба передал Моранди, а тот отдал на хранение некоему человеку из Анконы, поскольку сам в течение двадцати лет подвергался преследованию со стороны властей. Когда же он захотел востребовать письма, оказалось, что хранитель их скончался, а дети ничего о них не знали.

Афинская школа. Ужин в Афинской школе.— Г-н Давелуи, маленький, пухленький, точно аббат из XVIII столетия; он напоминает мне г-на де Берни, страдает ностальгией и смертельно скучает в Греции; в первое время он закрывал в своем доме окно, выходящее на Акрополь; многих памятников в Афинах не видел (в том числе Башню Ветров). Восхищается Низаром, не выносит Гюго. Говорили о литературе, к числу хороших пьес он относит «Парижского сорванца». Этим людям за то и платят, чтобы они отмывали литературу в чистых античных источниках!

Греческая королева ежедневно выезжает верхом и в карете. У нее амазонка в стиле, который принят на улице Ля Арп. По воскресеньям она выезжает на площадь слушать музыку, толпа глазет на нее, лошадь бьет копытом, она гладит ее рукой, затем галопом объезжает площадь, кивая головой направо и налево; ее сопровождают компаньонка с длинным носом, отвратительного вида солдат освободительной армии, толстый берейтор и два лакея.

Человек мало-мальски деликатный не позволил бы своей супруге, будь она в прошлом хоть канатной плясуньей, так непристойно выставлять себя напоказ!

Затем я видел Ее Величество в театре; она определенно дурна собой, блеклое лицо, кроличьи глаза, белесые брови, некрасивые ресницы. Говорят, у нее прекрасная грудь и хорошая кожа. Невыразительное, непривлекательное лицо. Ее Величество кушают шесть раз в день, любовников за ней не числится.

Народу она надоела, и мне почему-то тоже.

Слушал «Пуритан». Слева в ложе мадемуазель Кондуриотис, округлое бледное лицо, великолепные брови, глаза полуприкрыты и лишь время от времени соизволяют открыться, чтобы дать вам возможность полюбоваться ими; красивый вырез овалых ноздрей — единственная живая черта на этом прекрасном невозмутимом лице; вокруг головы розовый в золотую крапинку платок, он лежит на волосах, оборачивается вокруг шеи и скрещивается на груди, образуя жесткие ломаные складки, что придает ее лицу милое и в то же время детское выражение.

Среда, 22 января, визит к Канарису. — Небольшой желтый домик с белыми окошками, внутри очень чистенький.

Нас встречает г-жа Канарис в национальном костюме, впереди нагрудник с золотыми полосками, на голове подобие розового тюрбана, сдвинутого на левое ухо, и сверху белое покрывало; невысокая полнотелая женщина, улыбчивая, приветливая, голос резкий, много смеется.

Канарис занят в Сенате.

В гостиной мебель красного и орехового дерева: обстановка как в доме провинциального врача; цветные стаканчики на вышитых салфеточках с плюшевой каемкой, современные гравюры по стенам.

Появляется Канарис, жмет нам руки. Он невысокого роста, коренастый, седой, нос сплюснутый, кончик свернут набок, широкие скулы; грубовато-добродушный вид, лба вовсе нет. Он сидит в кресле, вытянув правую ногу в сторону: колено волнуто, ступня вывернута наружу.

Говорит только о Пискатори, восхищается им, а когда речь заходит о нем самом, переводит разговор на другую тему, слышал о Гюго (я пообещал выслать посвященные ему стихи), глазки маленькие. Я сижу далеко от него и не могу видеть мимику его лица.

Небольшой отвратительный портрет маслом, где он изображен с циркулем и картой.

Настоящий буржуа! Печальный визит! А ведь это человек, чье имя останется в веках!

Впрочем, сказанное лишь добавляет величия и Гюго, и самому Канарису!

ПЕЛОПОННЕС

24 января — 6 февраля

Пятница, 24 января. Было очень холодно, когда утром, в 10 часов, попрощавшись с полковником Туре и г-ном Романом, рассыльным по винам, преподнесшим нам карточку своей фирмы, мы выехали из Афин. Мы ехали знакомой дорогой на Элефсис; наверху ущелья Гедариион мы обернулись и попрощались с Афинами. Мне сделалось грустно, и дальше, в оливковой роще, я все время вспоминал, как горько мне было уезжать из Кусейра и как, прощаясь со мной, отец Элиас высоко поднял руку, а я, чтобы пожать ее, свесился с верблюда.

В Дафши минутная остановка, предъявляем паспорта; мальчик лет семи-восьми в куртке, но без брюк прогуливает мою лошадь.

Серо-синее море в Элефсисе; напротив — Саламин, там на горе округлая выемка в форме полумесяца, лежащего на выпуклом боку.

Снова проезжаем мимо болот Рейти; справа вдали остается Мандра, а мы продолжаем путь на Элефсис.

На расстоянии выстрела от него дорога сворачивает вправо, затем отклоняется влево, к югу, огибая длинный овальный холм Элефсиса.

Вид на двурогий Кератос.

Поднимаясь по отлогому откосу, снова видим море, мы приближаемся к нему; дорога повторяет изгибы береговой линии, слева серые каменистые склоны; кое-где маслины и мирты. Когда горы закрывают нас от ветра, печет солнце; замечательно красивое море в проливе, отделяющем нас от Саламина. Дорога спускается; слева на берегу крупные камни: по Альденхофену, это остатки дамбы; море уже близко, пахнет водорослями.

Спуск, сосны, дорога чуть удаляется от моря, маслянистая роща, по правую руку простирается равнина, на краю которой белеет Киферон; перед нами холм,

на нем руины и дома, по большей части скрытые от нас, поскольку деревня стоит на противоположном склоне холма, обращенном к морю.

В этом месте нас окликнули: два землекопа обнаружили водохранилище и спешили показать нам его.

Мегара — большой поселок, расположенный амфитеатром, квадратные домишки. Если стоять лицом к морю, на переднем плане видна низменность, а за ней весь залив, запертый двумя вытянутыми изрезанными горами, — это Саламин; налево пролив, уходящий в сторону Элефсиса. Совсем недалеко Низея (Додека Эклезиай), отчетливо различаем там отдельные камни. Чуть южнее два островка, и справа, у противоположного берега пролива, остров побольше в форме черепахи.

Наш вожатый, старик, ведет нас в верхнюю часть города, к подножию башни, построенной франками из некрасивого серого камня вперемежку с кирпичами. На одной стене надпись вверх ногами. Остатки фундамента какого-то массивного, тоже франкского сооружения.

С акрополя (так я называю самое высокое место в поселке) видны море, если смотреть на юг, и обширная низменность на севере. На дальнем краю низменности густая зелень, низменность вся сочного зеленого цвета, но край особенно; серые горы, отделяющие нас от Беотии, резко контрастируют по тону с белоснежным Кифероном, возвышающимся на заднем плане слева, и с зеленью на переднем плане. (Мегара, 9 часов вечера.)

Суббота, 25-е. После Мегары дорога отклоняется вправо, в глубь суши, и вскоре начинается легкий подъем; в ложбине нам встречается стадо овец с ягнятами, жалобный писк оглашает окрестности.

Дорога идет вверх, попадаютя маслины, земля на склоне серая, местами пейзаж напоминает палестинский. Небо ясное, день обещает быть погожим.

Вскоре перед нами снова открывается море, залив глубоко вдается в сушу, узкая тропа лепится на крутизне, следуя изгибам горы; справа на склоне низкорослые сосны, кое-где рожковые деревья. То спуск, то подъем, яркое солнце; внизу под нами спокойное море, сине-зеленое с большими пятнами бутылочного оттенка, окаймленное белым бордюром из мелкого песка; тихая

волна выплескивается на берег и отступает вспять. Какое-то время ветер доносит до нас смрадный запах падали; может быть, тут догнивают трупы жертв Скирона?

«Нечестивые останки мной уничтоженных исчадий тьмы и зла».

(Федра).

Место самое подходящее, на такой тропе один человек легко остановит целый полк, она настолько узка, что, оступись ваша лошадь, вы неминуемо упадете в пролив между отвесной скалой и горой. Местами вдоль дороги сделано ограждение из камней, скрепленных ветками, кое-где встречаются остатки креплений античной дороги. Над нами высятся серые скалы с большими продольными красными пятнами, приблизительно такого же цвета, как Парфенон, немного более кирпичного оттенка; участок склона между нами и скалами порос соснами.

Солнце, простор, запах водорослей. Порой склон отступает, и тогда мы трусим рысцей по хорошей дороге среди зарослей совсем низеньких сосен; весь пейзаж дышит покоем и грациозным величием, от него веет античностью, душа преисполняется любовью. Слезы подступают к горлу, хочется кататься по земле от счастья; я бы мог сейчас ощутить блаженство молитвы, но на каком языке и какой молитвы?

В месте, именуемом Каки-Скала, начинается спуск в сторону моря. Дорога петляет по круче, немудрено и шею сломать. Остатки древней дороги, прорубленной в скале, окаймленной с обеих сторон выступами наподобие длинной спинки дивана. На изгибе дороги склонилась над обрывом сосна, она простирает на фоне моря свои пронизанные солнечным светом ветви; с левого бока они слегка пожелтели. Едем лесом, внизу под нами море.

Кинета. Дома в деревне отстоят далеко друг от друга, в одном из них мы обедаем.— Девочка лет десяти-двенадцати: темноволосая, большеногая, черные миндалевидные глаза, по-взрослому утомленное выражение лица, вид аристократический, взгляд жадный и удивленный.— К концу обеда в дом вошел мужчина из местных, ведя за руку двухлетнего ребетенка, я дал малышу бутерброд.

Отвесная скала осталась позади, за Кинетой горы отступают от моря, на вид они ниже; едем сосновой

рощей, сосны стали выше и земляничники тоже; отлогий склон уходит вверх, теряясь в горах.

Впереди справа залив сужается, его поджимают горы; несколько разбросанных по берегу домишек: это Каламаки. Свернув вправо, оказываемся у пристани.

Каламаки. На пристани два-три человека, старая распряженная четырехколесная колымага, бакалейная лавка.— Выкуриваем наргиле в кофейне, чтобы дать лошадям отдохнуть четверть часика. Трогаемся в путь, оглябая залив справа, и затем, свернув налево, оказываемся напротив Каламаки.

Справа удлиненная площадка, поддерживаемая естественными подпорками из скал,— место проведения истмийских игр; это ровное поле, созданный самой природой стадион, протянувшийся поперек перешейка.

Чуть дальше справа остатки канала, огороженного стенами, фрагменты старинной кладки.

Дорога незаметно поднимается, впереди на горизонте возвышается глыба Акрокоринфа; справа белеет Геликон. С самой высокой точки дороги видно море с обеих сторон.

Тучные поля, Акрокоринф теперь чуть отодвинулся вправо; вдалеке протянувшиеся с севера на юг зеленые массивы: это оливковые рощи; Коринфский залив становится шире.

Деревушка *Агамили*. Дорога спускается, Коринф лежит у подножия Акрокоринфа, отвесно встающего позади него; на другой стороне залива, напротив Коринфа, чуть правее, у подножия гор, расположена деревня Лутраки.

Едем по вспаханному полю и, взяв чуть влево, оказываемся возле руин небольшого цирка, по краю которого бродит стадо овец. Франсуа спрашивает пастуха, почему овцы еще не окотились, хотя время окота давно прошло. Пастух объясняет, что ягнята уже появились на свет, но их держат отдельно, чтобы можно было по вечерам доить овец. Цирк совсем маленький, обвалы на двух сторонах сделали его яйцевидным; перед нижними ступенями виднеются черные углубления. Дорога взбирается на утес, и мы въезжаем в Коринф.

Коринф. Ничего! Ровным счетом ничего! Где ты, Лай? Где твоя гробница со львицей, зажавшей в лапах барашка?

В центре города, в самой высокой его части, семь

тяжеловесных дорических колонн архаического периода с цельным стволом; серый камень неприятного цвета. Колонны испещрены дырами, на последней из пяти боковых смещена капитель, как в Сардах; круглые валики капителей.

Горы напротив Коринфа поднимаются ступенями слева направо, очертания их очень изрезаны.

Сегодня один из лучших дней путешествия, один из самых прочувствованных, самых радостных для души; путь от Мегары до Кинеты останется в памяти одним из самых светлых воспоминаний за всю мою жизнь. До чего беспомощно перо, если оно не в силах ничего из этого воспроизвести! (Коринф, без 20 минут 9.)

Воскресенье, 26-е. Тяжелый дождливый день.

Выехав из Коринфа, идем некоторое время по долине, затем сворачиваем влево, и начинается подъем. Справа мутный поток, вода падает с верхушки скалы.— Мельница Вдовы.— Долго плетемся вдоль речушки в поисках брода, а затем выходим на холмистую песчаную равнину; едва взобравшись на холм, дорога уже ныряет вниз.

Стоим на возвышенности, под нами равнина, а дальше новый бугор.

Посреди равнины три колонны с каннелюрами и дорическими капителями — храм Зевса Немейского; некрасивый серый изъеденный камень; вокруг колонн груды развалин; пятьюдесятью шагами дальше руины часовенки, построенной из античных обломков. Поле, на котором был воздвигнут храм, гладкое, ровное, очень подходящее для спортивных игр.

Снова подъем. Льет такой дождь, что я ничего не вижу; я окоченел и с трудом открываю глаза. Переходим ручей, на другом берегу которого стоит деревушка Дервенати, она возникла перед нами совершенно неожиданно, когда мы спускались с холма.

Горы подступают к дороге, она углубляется в невысокие ущелья, следующие один за другим. Все дождь и дождь! Вот выходим на высокое место, откуда открывается обширный вид: справа и слева горы; впереди косогор, переходящий в равнину, протянувшуюся до самого моря; на краю ее что-то вроде крепостной стены. Это Нафплион; по другую сторону справа Аргос с высоким акрополем.

Дорога идет под уклон, сворачиваем влево и едем

по озимым полям, мужик в поле осыпает нас проклятиями. Огибаем холм, и перед нами вырастает невысокая стена циклопической кладки, еще поворот, и мы въезжаем в улицу, вернее, в коридор, огороженный такими же циклопическими стенами.

Микенские львы. В глубине коридора над перекладиной ворот (гигантская плита, опирающаяся на две вертикальные, наподобие мегалитических построек Бретани) красуются знаменитые львы: скульптуры тяжеловесные, но мощные; у обеих вместо колен выпуклые, валиками, кольца вокруг лап, здоровенные хвосты, выступающие лижние ребра.

Микены. Серые камни среди зелени на бугорке между двух высоких по сравнению с ним пирамидальных холмов.

Чуть ниже «сокровищница Атрея» — подземное сооружение в форме широкого рога, циклопическая кладка. Над дверным проемом пирамидальное отверстие в кладке из обтесанных камней; памятник огромен, величествен, красив. Справа от входа подземное помещение меньшего размера, вырубленное в скале. Наверху каждого камня в стене сокровищницы видны отверстия, словно бы стены были некогда облицованы металлическими пластинами.

Дорога идет влииз, равнина простирается далеко влево, окаймляющие ее в той стороне горы окутаны туманом; справа горы подступают ближе, в ложбинах лежит снег. Переходим вброд речку, там сохранилась опора арки разрушенного моста.

Солнце проглядывает сквозь облака, постепенно они расступаются, оставляя после себя лишь белую прозрачную пелену, заволакивающую солнце; черный край неба слева понемногу синее, становится светло-ультрамариновым с разбросанными кое-где темными пятнами; синева неба скрадывается серебристо-серой дымкой. Темные краски продолжают отступать, и вот по краям голубого неба остаются лишь вытянутые белые облачка; рядом с нами, справа, над аргосским Акрополем и за ним висит облачко беловато-пепельного оттенка. Свет, падающий справа почти вертикально, неожиданно ярко освещает едущих левее меня Франсуа и Макса, выхватывая их на темном фоне, так что я отчетливо вижу мельчайшие детали их лиц; зеленая трава словно бы потонула в мягкой прозрачной голубоватой жидкости.

Не доезжая Аргоса — две мельницы.

Аргос — это большой поселок, улица прямая с тротуарами, лавки с козырьками наподобие турецких, на площади кофейня с выступающей крышей.

Комната, где мы будем ночевать, помещается на первом этаже. По грязному двору бродит свинья, вольно на веревке колышек.

27 января. За Аргосом на склоне Акрополя остатки акведука, он лежит прямо на горе; на середине склона белый домишко.

Руины театра у подножия горы: ступени невысоки, а театр, видимо, был очень большим; по краям ступеней земляные выступы. Сохранились три лестницы, протянувшиеся снизу доверху через все ступени.

Рядом с театром, на противоположной стороне холма, слева, другие ступени, они, наверно, вели в какое-то сооружение, стоявшее наверху. Неподалеку развалины церкви, построенной из камня и строительного раствора и облицованной кирпичом. Византийская постройка(?).

Дорога идет по равнине (слева отчетливо видна Навплия), на изгибе дороги пещера в скале, рядом бьет мощный ключ; на внутренней стенке пещеры нарисован крест: это греческая часовня.

Взбираемся на гору и бредем по ней часа четыре, то шьем в облака, то выходим из них. Бесплодная земля с пучками карликовых дубов. Нам встречаются долины, со дна которых встает новый горный хребет; склоны местами зеленые и очень крутые. Последний час пути идем по новой дороге, проложенной чудовищным образом, повороты на ней, кажется, специально для того и задуманы, чтобы там опрокидывались экипажи.

После полудня тоскливая дождливая погода, в плаще мне жарко и душно, а спать нельзя — промокнешь до нитки. Франсуа с нами нянчится, мы всякий день обедаем, чтобы лучше сносить непогоду: на обед ели мясной суп, ростбиф, рыбу, дроздов, вареный чернослив, фиги и миндаль, выпили бутылку санторинского.

Ночуем в караван-сараях, в очаге горят колючие ветки карликовых дубов, у огня сушатся наши пожитки; слышу, как в стойле подо мной чавкают лошади. Мальчик подносит нам дров, Макс уже лег, очень боюсь, что несчастные лошади не дотянут до Патр,

у них уже сейчас изнуренный вид. (Ахладокампос, 8 часов вечера.)

Вторник, 28-е. Спускаемся на равнину; едва выйдя со двора, замечаем внизу справа расположенную ступенями на склоне горы деревню Ахладокампос.

В течение получаса едем по равнине, со всех сторон окруженной горами; затем дорога поворачивает влево, и мы въезжаем в тесное ущелье между двух гор, похожее на огромный извилистый ров; узкая неровная дорога карабкается вверх по крутому правому склону. Над головой мы видим крестьян в белых плащах, они ведут вниз лошадей, груженных ветками карликовых дубов. Местами дорога огорожена небольшим каменным парапетом. Входим в облака, не видно ничего, кроме мокрого обволакивающего нас тумана, холодно. Справа от нас проходит дюжина женщин в лохмотьях, сопровождает их один десятилетний мальчик, однако уродство и в особенности грязь защищают их надежнее, нежели полк драгун.— Следы древней дороги.— Наверху горы слева дом — заброшенный постоянный двор, куда заворачивает одна из наших вьючных лошадей.

Спускаемся минут двадцать и неожиданно оказываемся в обширной заиленной низине, где лошади вязнут по колено; наши люди разуваются, чтобы трясина не засосала ботинки. С три четверти часа шлепаем по гнуснейшему месиву, затем начинает появляться проезжая дорога; слева виноградники.

Короткая передышка в деревне Агиоргитика, еще только 10 часов. Едем дальше, переходим реку с широкими песчаными берегами, однообразная равнина вокруг.

Обед в деревне Акуриа, в бакалейной лавке, где мы ооченеваем от холода, напротив в кузнице работает кузнец.

Дорога тянется по равнине, снова переходим реку. Нас окликают: это жандармы, они требуют предъявить паспорта; мы не останавливаемся; один стоит на самом берегу и кричит, размахивая пистолетом; мы останавливаемся и, сочтя подобное обращение недостаточно учтивым, исполняем решимости хорошенько их отругать. Бедолаги переходят реку, подбегают к нам, и вот что выясняется: в деревне им сказали, что видели европейцев, направляющихся в Спарту, а поскольку в горах скрываются четыре опасных

преступника, стражи порядка решили сопроводить нас и бросились вдогонку; жандарм, как видно, одевался наспех, спутник его и сам походит на бандита: на нем набедренники, привязанные веревочками, физиономия бледная, тонкий птичий нос; он отправляется в деревню за подкреплением, которого мы напрасно ожидаем двадцать минут, сидя на камнях у подножия горы; начинается дождь, мы садимся на лошадей и, не дождавшись эскорта, вступаем на горную тропу. Отлогие склоны, серая бесплодная бугристая земля, убогий пейзаж.

Взобравшись повыше, видим на горизонте справа словно большое озеро: это еще одна река, через которую нам предстоит переправиться; за ней высокие заснеженные горы; вокруг нас тоже местами лежит снег. Спуск.

Переезжаем через реку и вскоре оказываемся в теснине между двух высоких гор, причудливые изгибы покатых стен по бокам от нас то заслоняют вид, то приоткрывают снова. Тропа вьется по берегу реки, то с одной стороны, то с другой, переходим реку раз сорок, порой лошади погружаются по грудь, а воду теплой не назовешь; дождь льет как из ведра, положение наше таково, что нам остается только смеяться; удивительно, что багаж еще ни разу не опрокинулся; несчастный жандарм плетется вслед за багажом вместе с погонщиками, шлепающими босиком по грязи, по воде, по камням; Лефрети щелкает мокрым кнутом, от которого идет пар. В последний раз мы пересекаем реку на галопе с громкими криками. Перепрыгиваем через ограду и оказываемся на постоялом дворе; трубы нет, дым разъедает глаза. *What an uncomfortable house*¹. Тут даже и человек менее прихотливый взвыл бы от досады. Франсуа отличный спутник, весельчак, хотя его остроумные шутки могли бы оскорбить чей-нибудь слишком «добропорядочный» слух; по всему чувствуется, что он грек, шутки, короткие и основательные, отмечены местным колоритом.

Черт побери, какой дождь! Какой ливень! Завтра Спарта. (Кряврисы, половина восьмого.)

Среда, 29-е. Выйдя из караван-сарая, снова переходим Саранту. Напротив на горе руины замка. Река сужается, дорога идет на юг; по бокам невысокие

¹ Что за неуютный дом (англ.).

горы с очень широкими основаниями, между ними котловины; чахлая зелень карликовых дубов на фоне серой земли. Добрых четыре часа бредем среди этого унылого пейзажа. Не доезжая постоянного двора в Кривате, начинается спуск, растительность становится гуще, едем по холмам, то вверх, то вниз; справа возделанные поля, оливковые деревья. Тенистая дорога вьется среди густой зелени земляничника, диких груш, мастиковых деревьев; по зеленым камням сбегает ручей.

Постоялый двор Кривата стоит на бугре посреди луга, на котором растут смоковницы и платаны (все без листьев), по краю луга течет река, платаны, как ивы, разрослись у воды; за рекой снова луг, а затем низкие бурые горы, расплющенные у основания. Сейчас снег уже не хрустит под копытами; утром нам довелось пробираться через снежные заносы. С тех пор подморозило, и отпечатки копыт застыли в снегу, точно вогнутые скульптуры; такие же отпечатки встречаются и в камне на узких участках дороги. Сколько же караванов должно было пройти, чтобы так выдолбить скалу!

За Криватой начинается спуск (с горы Парном) в котловину, окруженную горами; здесь, по словам Франсуа, состоялось крупное сражение между фиванцами и спартанцами. Какое именно?

Мастиковые деревья, земляничник, дикие груши; по земле стелется какое-то растение с желтыми цветами, множество стебельков с копьевидными мясистыми листьями, издающими тухлый запах вроде того, как пахнет моча хищников (молочай?).

Вскоре впереди за зелеными горами вырастает свинцово-синий с белыми вершинами Тайгет; он дыбится буграми, затянут облаками; нас отделяет от него равнина, где и расположена Спарта; слева амфитеатром на склоне примостилась деревня Вурлия.

Переходим речку, текущую по песку, это приток Эрота, на берег которого мы вскоре выходим, и сразу сворачиваем вправо. Эрот, весь мутно-желтый от дождей, шириной приблизительно с наш Тук; по берегам его растут олеандры, бирючины, смоковницы. Переходим реку по высокому, хрупкому, изящному мосту. Вопреки всякой симметрии у него две арки справа и только одна слева. За мостом мы снова берем налево и шагаем напрямик по долине Эрота. Справа

цепь зеленых холмов, из-за которых по временам выглядывает темно-синяя стена Тайгета с белой шапкой наверху; слева за рекой и полосой деревьев по берегу горы, напоминающие по форме длинную крепостную стену, постепенно понижающуюся в сторону Спарты, стена ровная, рыжеватая. В ней есть что-то общее с дорической архитектурой, ее стоический спартанский вид влечет меня больше, нежели сам Тайгет (хотя тот очень красив).

Дорога завернула вправо, и мы перевалили через холм; теперь вдаль перед нами Тайгет, крутые, бугристые склоны, рыжие мазки по серому фону, пятна зелени; на середине склона темная зелень сосен, а над ними снега; справа на краю горы Мистра, турецкий акрополь, серые стены; слева на возвышенности белые дома Спарты. Перед самым городом руины театра. При нашем появлении лают собаки, блеют ягнята. Дорога идет в гору между двух высоких оград.

Спарта. Широкая улица с лавками в турецком стиле по обеим сторонам, на некоторых домах крытые деревянные балконы.

Пока мы ищем жилье, вокруг нас собирается толпа человек в шестьдесят-восемьдесят, мы прячемся в кофейне — они следуют за нами и, окружив плотным кольцом, продолжают нас разглядывать, точно мы дикари из балагана синьора Валентино, которых показывают за деньги.

Накопец Франсуа подыскал нам теплый дом, вся толпа провожает нас, изо всех окон выглядывают любопытствующие физиономии, и даже попы выходят из церкви на углу поглазеть на пришельцев. (Спарта, 9 часов.)

Четверг, 30 января. Все утро пришивал лямки шпор, каковое занятие вывело меня из терпения. В половине двенадцатого к нам заявился жандармский начальник, к которому давеча наведывался Макс, дабы выяснить, есть ли необходимость панимать сопровождение; он просидел у нас не менее получаса, докучая разговорами о политике.

Холодно, ветер, однако небо пачинаст проясняться; выезжаем из Спарты в сопровождении двух жандармов и направляемся к театру. От него остались лишь полукруглый земляной вал да основания стен по концам. По круглому загону мечутся ягнята и все разом блеют.

Едем вчерашней дорогой между Эротом и зелеными холмами, протянувшимися длинной вереницей; по берегам реки зеленые квадраты тростника, смоковницы, кое-где серебристые тополя, ирисы, молочай; на другом берегу ровная красная стена гор.

Тайгет постепенно понижается к западу; серые гребни продольных бугров, между ними темная зелень елей, сгущающая тени в ложбинах, в то время как выпуклые участки освещены солнцем; вершина покрыта снегами, а снега облаками; они все сгрудились над горами, чем дальше в сторону, тем небо чище.

Следуя вдоль основания Тайгета или, вернее, вдоль гряды низких холмов, валиком лежащей у его подошвы, мы вскоре уходим в сторону от Эрота и оказываемся на берегу очень похожей на него реки — это Ири (Ирѣ). Серебристые тополя, белый песок, дорога временами идет вплотную к горе. Проходим под небольшим акведуком, по которому течет вода с мельницы, затем дорога сворачивает вправо.

Река Ири довольно широка, временами вода такая же мутная, как в Эроте; на другом берегу (левом) остатки пристани циклопической кладки.

По мере нашего продвижения Тайгет понижается, горы по другую сторону отступают, узкая долина расширяется и завершается широкой дугой.

Слева на бугорке деревня Иогиданика. Внизу церковь, дома чуть выше. Остановливаемся в белом домике, во дворе свинья и индюки, корм для них лежит на круглой мощеной площадке наподобие тока.

Франсуа сообщает нам, что лучшая комната в доме занята умирающим, и идет искать другое жилище; тем временем я созерцаю Тайгет, а также свинью, двух индюков и кур. Хряк лопает с чрезвычайной жадностью и сосредоточенностью, набивает себе брюхо жидкой кашцей, вываленной прямо на землю; индюки распускают хвосты и кричат. Перья на спине у них ерошатся и подрагивают, на груди перекачиваются два перистых валика. Пришла еще одна свинья и бросилась на остатки еды, отчего первая принялась лопать еще быстрее.

В этом доме я видел старуху, у которой из-под платка свисала прядь длинных красных нитей, спадавшая чуть ли не до пят.

Нас поселили в другом доме у черноволосой старухи с тонким носом и аристократическим лицом. Сколько же на свете прирожденных маркиз, шлепающих босиком по грязи!

Собака одного из наших жандармов бойко лает на прохожих, но, завидев собак, прячется под ногами хозяйской лошади.

Пока свинья насыщалась, а индюки хорохорились, поодаль сидела желтая флегматичная псина с черной мордой и наблюдала за ними. (Иогицаника, половина восьмого.)

Пятница, 31-е. Вчера мне показалось, что холм, на котором стоит Иогицаника, замыкает долину, оказывается, нет. Слева от нас Тайгет, он становится все ниже, горы справа подступают ближе и тоже понижаются. Из-под травы выбегают ручейки, падают каскадами в фут высотой; ложбины, кустарники, лигари и т. д. Мы едем чередой неглубоких ущелий, поросших карликовыми дубами; карликовые дубы составляют не менее трех четвертей всей растительности на Пелопоннесе. Изредка встречается земляничник.

Переходим реку и сворачиваем в ущелье, отходящее влево. Среди карликовых дубов нет-нет да и встретится настоящий; листья с них облетели, а те, что остались, побурели, высохли, свернулись трубочкой на концах; сквозь эту редкую, золотистую, бледнеющую по краям листву просвечивает ярко-голубое небо.

Обедаем на берегу горного потока, возле разрушенного фонтана, лошади наши привязаны к тщедушным дубкам у воды.

Дорога, спускаясь в ложбины и поднимаясь на бугры, идет все вверх и вверх, вот уже и кончились заросли карликовых дубов; справа от нас крутые серые бесплодные склоны, на которых лишь кое-где одинокой вехой торчит дубок; как не похож этот пейзаж на дивные зеленые берега, где мы проезжали утром! Горы по бокам от нас исчезли, вернее, исчезли для нас, поскольку мы идем теперь вровень с ними, и только деревья, по-прежнему дубы, закрывают обзор; корявые раздвоенные стволы, скрюченные ветки, местами точно обожженные у основания.

Поднимаемся на высокий бугор, и взору открывается обширная долина (долина Мегалополиса); внизу красновато-коричневый лес, а за ним справа серо-си-

ние горы с большими пятнами более густого синего тона, как будто подкрашенные снизу. Мегалополис расположен посередине долины, но с того места, где мы стоим, кажется, что он прижат к подножию горы.

Делаем небольшой крюк, всего несколько шагов, чтобы осмотреть старинную церквушку (Эримоклизи) византийской постройки из камня и плоского кирпича, поставленного ребром. На северной стороне мыска, на котором стоит церковь, растет большой карликовый дуб; отсюда открывается вид на долину.

Едем лесом, незаметно спускаясь; слушаю, как лошадь спотыкается о камни; мне почему-то грустно в такой ясный, солнечный день!

На высоком холме, обращенном к долине, перед нами неожиданно возникает Леонарди. Большой поселок, множество турецких руин. Едим апельсины в лавке, где я покупаю лисью шкуру, чтобы залатать свою козью. В это время кузнец подковывает наших лошадей.

От Леонарди дорога идет вниз, петляет среди дубов, бесконечные бугры закрывают обзор.— Река, это Ксериллос, приток Алфиоса.

Низкорослые заросли дубков сменяются настоящими деревьями; сначала едем лесом, затем деревца редуют, черные стволы стоят без листьев. В лесу встречаем мужчину с девочкой, гадкий пес нашего жандарма пытается ее укусить; затем навстречу нам попадают двое молодых людей; тот, что шел позади, держал в руке загнутый посох, из-под шапки выбивались длинные черные волосы.

Не доезжая Макрипладжи, уже видим Мессенскую долину.

Остановливаемся на постоялом дворе, с широкого балкона также видна долина.

Закат: ровный, прямой, чуть расширяющийся по бокам край черного неба, под ним широкая светло-оранжевая золотистая полоска над силуэтами двух остроконечных вершин; черные пирамиды гор. (Макрипладжи, половина девятого.)

Суббота, 1-е февраля. Спускаемся на равнину по правому склону ущелья; на склоне растут маслины. Вот мы и внизу, слева от нас море, скрытое холмами. В прошлую зиму здесь погибло много опунций, из них сделаны изгороди; за одной из таких оград растут смоквицы.— Загон для ягнят из сухих сучьев.— Фран-

суа покупает здоровенного индюка, девочка, которую за ним послали, едва его тащит.— Едем дальше по равнине, лошади ступают по высокой мокрой траве.

Обедаем в деревне Мелигала. Женщины несут хвост, они ужасающе грязны, пахнут хлебом, навозом, зерем, терпкий, влажный запах.

Чтобы попасть в Мессену, нам надо обойти гору Ифом; идем по опушке леса: дубы, зеленые деревца, зеленые дубы.— Деревня Вуркано.— Собаки с воем преследуют нас на узкой тропе под деревьями.— В одном месте целое поле ирисов; пасутся черные коровы с рыжей шерстью на спине.

Мессена расположена у входа в долину, скусающуюся к морю, долина заросшая, зеленая. Вход в Мегалополис напоминает широкое основание огромной буквы V, образованной двумя горами, правая из них длиннее, но ниже.

С вершины правого склона спускается стена и затем поднимается по левому на две трети высоты; верхушка левой горы серая, крутая, отвесная. Подъезжая к городу, мы увидели сначала извивающуюся по склону правую стену, завершенную башней. Стена сложена из громадных, почти циклопических, хорошо обтесанных камней фтов в семь толщиной; следуя вдоль нее налево, поднимаемся к двухэтажной прямоугольной башне; стены первого этажа толще, внутри видна выемка, где крепился пол второго этажа. На стене, обращенной к юго-востоку, две великолепно сделанные бойницы, противоположная стена, выходящая в город,— глухая, на двух других стенах по одной бойнице.

На втором этаже с трех сторон по два прямоугольных окошка; по углам каждого из них отверстия в стене. По стене, обращенной к городским воротам, прошла паискось трещина, отчего стена разделилась на две паложенные друг на друга лестницы.

За башней стена ползет выше по склону горы и шагов через шестьдесят упирается в развалины другой башни.

Ворота Мегалополиса представляют собой ротонду диаметром в двадцать три шага, построенную из крупных обтесанных выпуклых камней с продольной гильошировкой, удерживавшей исчезнувшую облицовку. Там, где кончалась облицовка — сейчас это на высоте трех фтов от земли,— ряды камней сменяются пояс-

ным карнизом; так же декорированы дверные проемы. Ворота обрамлены руинами прямоугольных башен; толщина дверного проема пять шагов.

Внутри возле двери, обращенной к Мегалополису, два окна, или ниши, с карнизами и выступающими консолями (лучше сохранилась та, что справа); вокруг окна бороздка, где, возможно, крепилась деревянная заслонка. Эта ниша представляет собой вынутый из стены камень, отверстие заткнуто большим, но неплотно подогнанным камнем (относящимся ко времени строительства). На камне, который служит потолком в правом окне, желобок шириной приблизительно в два с половиной дюйма.

Верхним перекрытием дверей служат огромные плиты; на двери, обращенной к морю, плита покосилась, но еще держится на камне, отвалившемся от стены; в правом окне мастиковые деревья. За дверью, обращенной к морю, остатки дороги, спускавшейся в город и вымощенной очень широкими красивыми плитами.

Возвращаемся на постоялый двор, где мы сегодня обедали, и снова проходим по старому мосту (через Маврозумен). Не есть ли это Памисос, воды которого считались полезными для детей? Мост изгибается, и на повороте к нему присоединяется ответвление.

До деревни Константинос два часа пути, долина скрыта от нас горами, Ифом остался позади, слева.

Холм; обогнув его, берем влево.

Деревня Богази, где нам предстоит ночевать, расположена у подножия горы. Не доезжая ее — акведук, подводящий воду на мельницу; он увит лианами, сухие плети свисают вниз; переходим реку, деревня расположена ступенями, приблизительно как Эйден в Ливане.

Остановились у попа. В единственной комнате помещаются наши кровати, наши седла, все имущество Франсуа, кучами ссыпанное зерно, кухня, бочки, спящие муж и жена и их двое детей, сита, бадьи, белье, всяческий скарб, на потолке сушится лук и т. д. На стене висят заяц, индейка и пр. Ни дверь, ни окна толком не закрываются, дует изо всех щелей так, что у наших двух свечей начинается насморк, воск с них так и течет. Через дыры в крыше видно небо. (Богази, половина восьмого.)

Воскресенье, 2-е. За деревней начинается подъем; весь день горы и дубы.

На горе Ира сухие сероватые бугры. Вскоре открывается вид на всю Мессенскую равнину, над которой стеной возвышается Ифом. Нет ничего удивительного в том; что спартанцев машили здешние края, поскольку окрестности Спарты уступают им в красоте. Когда Мессенская равнина исчезает из глаз, открывается вид на Аркадийское море¹.

Подъемы, спуски, иной раз на склоне дорога так круто поворачивает назад, что лошадь с трудом может развернуться. Котловина и снова подъем. Идем под сенью довольно высоких карликовых дубов; летом их прохладная тень доставляет путникам отраду. Мох одел дубки в зеленые бархатные панталоны.

Минут за пятнадцать до прибытия в деревню, где мы обедали, переезжаем широкую горную речку Бази (не доезжая реки — высокий водопад справа от дороги, а затем другой поменьше и не такой красивый); поперек нее лежит ствол платана, образуя порог, вода перекатывается через него и падает вниз.

В деревне Драгой обедали в доме с закопченными от дыма балками потолка. Торговали у двух хорошеньких девушек вышитые платки, которыми они покрывают головы; один я купил. Одна из них, невысокая, полная, белокожая, широколицая, стояла на пороге дома, держа за руку ребенка; увидев, что я останавливаю лошадь, она попятилась.

Некрасивая собачонка все время обеда сидела в комнате на задних лапах, свесив передние по бокам живота.

Бледный юноша с непокрытой головой, который, пока мы обедали, держал наших лошадей, провожает нас к храму Аполлона Эпикурейского; поднимаемся на Ликей.

Часа через полтора вышли к храму. Если стать к нему спиной, открывается следующий вид.

Два моря: прямо перед нами Мессенский залив, справа море Аркадии; между ними на правом краю Мессении гора Ифом; пространство между двумя морями закрыто от нас выступающим на переднем плане холмом, выгнутым, как спина черепахи; за ним виднеются другие горы; из-за Ифома слева выходят две горные цепи, постепенно понижаясь, они спускаются к морю длинными стрехами. По левую руку, на втором

¹ Залив Кипариснакос.

плане, бурые, изрезанные ущельями горы, в ущельях лежат черные тени; позади них одна за другой встают две горные цепи, схожие по очертаниям, обе темно-синие, а за ними (особенно если повернуться влево) виднеются снежные вершины; на этих вершинах лежат белые облака, неподвижные, как сами горы, но не такие белые, закрученные, клочковатые, длинные, повторяющие очертания вершин; если бы не ровная прямая линия в основании, их можно было бы принять за продолжение гор.

На переднем плане справа от нас (в той стороне, откуда мы пришли) светло-желтые парики дубов среди серой каменистой с редкими пятнышками зелени лощины, а за ними море Аркадии. Ифом на две трети высоты и прилегающая к нему часть Мессении тонут в синеватой дымке почти одного цвета с морем, которое, однако, легко отличить благодаря налету зеленоватой глазури.

Храм Аполлона построен в полукруглом углублении скалы, напоминающем вогнутую спинку широкого кресла; ее правый край (если стоять спиной к Мессенскому морю), т. е. восточный, ниже другого.

Храм однообразно серого цвета; дорические колонны с каннелюрами (три бороздки под валиком капители) расцвечены розовыми пятнами, будто от вина; на этих розовых пятнах (лишайник) белые точки или, вернее, волнистые полоски, есть и желтые крапинки.

Храм обращен на север, к горе, которую, поднимаясь сюда, мы видели позади него. Он построен из красивого известняка, выщербленного и растрескавшегося от времени; потолок был выложен мраморными плитами, давно обвалившимися. Я поднял обломок, состоявший наполовину из известняка, наполовину из паросского мрамора: известняк был облицован мрамором.

Я не обнаружил внутри той коринфской колонны, о которой упоминают Хекблеберг и Дональдсон.

На фасадах по 6 колонн, считая угловые; на птеронах — по 14 с угловыми; с западной стороны, той, что обращена к Аркадийскому морю, осталось только 13.

В центре храма еще отчетливо различимо местоположение святилища: с каждой стороны сохранились основания пяти ионических колонн, одна из них со-

хранилась почти целиком; колонны были встроены в стену, которая служила еще и контрфорсом, укрепляющим стену наоса, крайняя каннелюра лежит в одной плоскости с опорным столбом.— Стена.

Храм имел прямоугольный вход, сохранился нижний ряд каменной кладки, по отношению к храму камни очень большие. Архитрав уцелел почти по всему периметру, за исключением одной колонны фасада и колонн на задней стороне (той, что обращена к Мессенскому заливу).

Он был прекрасен, этот храм, возвышавшийся среди дубов надо всем югом Пелопоннеса, глядевший на два моря и на окрестные горы.

Осмотрев руины, продолжаем восхождение, дорога сужается, обзор сокращается, выходим на вершину, за которой встают все новые горы.— Вниз уходит обширная долина, на склоне которой примостилась деревушка Андрицена, где мы сейчас и находимся.

Весь день кружили по лесистым горам, следуя крутым изгибам тропы. Я замыкал нашу группу (это место мне по душе) и нередко, спускаясь в ущелье, видел, что Макс и Франсуа уже трусят по противоположному склону. Иные овраги совсем сухие, видать, дождевая вода сливалась в другую сторону.

После полудня, не помню в каком именно месте, нам встретилась долина с очень крутыми склонами; очень глубокая и равномерно изрезанная маленькими параллельными ущельями, она спускалась к Аркадийскому морю и напомнила мне долину под Дельфами, протянувшуюся в направлении Кирры.

Когда после обеда трогались в путь, Франсуа на лошади зацепился за дерево так, что едва выпутался.

Сбоку от дороги, в кустах, голубые цветочки. (Андрицена, 2 часа.)

Понедельник, 3-е. Долина протянулась с севера на юг, перпендикулярно тому направлению, в котором движемся мы. Собственно говоря, это даже и не долина вовсе, а целый участок местности, перерезанный холмами и оврагами, вчера еще лежавший у нас под ногами, а сегодня простирающийся по левую руку от нас.

За Андриценой дорога сначала идет вниз.— Лысые серые горы, редкая, чахлая зелень, ниже — дубы; время от времени — источник.— На склоне попался нам покатым лужок с низкорослой рощицей по краю.—

Дорога уходит под зеленый свод; когда Франсуа подходил к нему, навстречу высыпало стадо коз. И еще о козах: целая группа их взгромоздилась на отвесный утес (я всякий раз смотрю и удивляюсь тому, как они удерживаются на этакой крутизне), когда мы проходили мимо, они стояли неподвижно в различных позах, словно отлитые из бронзы.

Мы вышли на берег реки, раздробленной на множество рукавов, растекшихся среди обширных белых песков; по берегам голые серые деревца, лаванда, лигария и т. д. да кое-где смоковницы, белые стволы которых заметны издалека. Река лениво петляет по долине, окаймленной невысокими рыжеватыми горами: это и есть Алфиос; мы переходим ее вброд, вода доходит нам до колен, заливается мне в сапоги, течение сносит лошадей, я усиленно работаю шпорами, и наконец прыжками выбираемся на берег.

Некоторое время едем по правому берегу реки, припекает солнце; проезжаем перелески, деревья стоят без листьев, на возвышенности деревушка Агиос Иоаннис (на месте древней Герки).

От Агиос Иоаннис до Полиньи дивная, покойная дорога, самый что ни на есть классический пейзаж; такие изображались на старинных гравюрах — невзрачных картинках, помещаемых обычно в самых не приметных местах.

Переходим две реки, первая — Ладон. Наш погонщик Джорджи отстал, застряв на островке из геска и гальки, нам пришлось нанять крестьянина, который, взяв лошадь, отправился вытаскивать его; река перегороджена стволами деревьев; на другом берегу сидели крестьяне. Второй рекой был Эримаптос.

Все три реки: Алфиос, Ладон (Руфия) и Эримаптос (Дхуана) — последние две являются притоками первой — похожи друг на друга, но Алфиос — мы снова вышли к нему незадолго до прибытия сюда — становится ниже по течению широкой, полноводной рекой (приблизительно как Сена в Ножане).

Светит солнце, мы едем по склону горы сквозь зеленые заросли мастиковых деревьев; нам попадаются зеленые лужайки с редкими высокими деревьями. Что за искусный садовод насадил их здесь? Справа от нас гора, слева лесная опушка спускается к реке, серой на белом ложе, на другом берегу луг, рыжеватые обнаженные деревья, а дальше горы. Во всем

простота и очарование, вдыхаешь грудью свежий аромат, мускулы пропитываются соком деревьев, небесная лазурь проясняет ум, покойно и радостно на сердце.

Пейзаж то и дело меняет очертания, в зависимости от изгиба горы.

На закате добрались до постоянного двора; солнце садилось прямо перед нами и слепило глаза; пуская лошадь в галоп, я прикрывал глаза рукой, чтобы видеть дорогу.

Через три дня мы будем в Патрах! (Полинья, 9 часов вечера.)

Вторник, 4 февраля. Ночевали в большой комнате с отлакированными дымом балками на потолке; дабы развести огонь, с полчаса собирал по двору ветки лигари и рвал сухие колючие охапки от изгороди. Ночью холод и блохи.

Выехали в 8 часов утра, погожий день, держим путь по правому берегу Алфиоса, горы понижаются, на склонах растут пихты и сосны, среди них попадаются очень красивые; долина расширяется.

Через час пути — широкое углубление в горе, окаймленное лесистыми холмами (остатки Альтиса?). Два рва — следы раскопок французской экспедиции, в них видны громадные развороченные камни стен и основание необъятной колонны с каннелюрами — вот и все, что осталось от Олимпии. Поодаль, справа на равнине, участок римской стены.

Чтобы раскопки в здешних местах были плодотворными, необходимо рыть очень глубоко; Алфиос в своем прихотливом течении наносит много земли, наносы видны повсюду, по бокам дороги попадают участки земли, испещренные галькой, как плумпудинг, в котором коринки больше, нежели теста.

К нам подходят крестьяне и предлагают купить монету морейских владык и жалкий сосуд для благовоний, несомненно поддельный.

Скоре гора кончается, уходит вправо, Алфиос поворачивает влево, к морю, а мы вступаем на обширную топкую Палумбийскую низменность. Кое-где возделанные участки земли, тростники по берегам ручьев, Алфиос раскинул рукава по ровной мягкой низине, образовав маленькие бухточки. Обедаем у ручья возле засохших лигарий.

В траве нет-нет да и увидишь цветок приса.

Сбиваемся с пути и вынуждены повернуть назад; лошадь моя проваливается в грязь по колена и глубже и чуть было не увязает совсем.

Крестьянин пашет землю на двух тщедушных волах, деревянный плуг входит в землю, как в масло, крестьянин даже не толкает его, а только придерживает (вчера я встретил мужика с плугом на спине), волы идут впереди, на них ничего, кроме ярма.

Плетемся шагом в сторону моря, Алфйос змеей извивается по равнине, распластавшейся вровень с его берегами.

Пиргос расположен за холмом по правую руку от нас; поднимаемся на холм и спускаемся вниз, слева море, а впереди красуется на возвышенности *Пиргос*.

Франсуа, подхвативший было простуду, чувствует себя лучше и уже снова шутит.

Вошли в *Пиргос* в 3 часа. Длинная улица, полным-полно лавок торговцев гвоздями, веревками, кожей; перед лавками по обеим сторонам улицы открытые галереи с деревянными столбами. Город сохранил еще турецкий колорит, утратив сопутствующий ему комфорт; ночью придется обойтись без мангала. (*Пиргос*, 7 часов вечера.)

Среда, 5 февраля. За этот короткий и неутомительный день (всего шесть часов пути) с нами случилось лишь одно приключение, заслуживающее подробного рассказа, а именно переправа через *Ярданос*, реку, протекающую в полутора часах езды от *Пиргоса*. Дождь лил всю ночь как из ведра, барабанил по черепицам крыши, а также капал нам на головы; тем не менее с Божьей помощью в 10 часов утра мы тронулись в путь. Понемногу стало проясняться, и я смог высунуться из-под сложенной вдвое накидки, неизменно давившей на плечи; тепло, мы едем по голой равнине под серым небом.

Переправа через *Ярданос*. Франсуа вступает в реку первым, но вот лошадь его оступается, и ее несет по течению; мы с Максимом идем бок о бок, его лошадь слабее моей, ее отнесит течением, вода достает ему чуть ли не до пояса, мне же только до середины бедра.— Чувствую, как ледяная вода заливается в сапоги.— Нам всем удастся наконец добраться до противоположного берега, отпустив поводья и предоставив лошадям свободу.

Остается багаж, поджидаем его. Обсуждаем, спорим, решаем все-таки переправляться. Пастухи указывают нам место ниже по течению, где есть что-то вроде плота или мостика из веток и два травяных островка. Отвязываем багаж, чтобы переносить его на руках, а лошадей перегнать вплавь. Максим и Франсуа поднимаются выше по течению наблюдать за переправой лошадей; я же остаюсь с Димитрием (поваром), Джоджи (саисом) и молодым пастухом, который взялся нам помочь; встаем цепочкой. Скользя сапогами по мокрому грязному откосу, я захожу в воду до края мосточка, куда пастух, хлюпая по колено в воде, подносит мне вещи; так мы переносим вьюк за вьюком. Но тут к переправе подходит стадо овец: толчея, бараны упираются, овцы разбегаются во все стороны; пастухи с воплями бегут за ними. Вооружившись длинной тростиной, я помогаю гнать скотину; первых хватают за шерсть и тащат силой, остальные идут за ними, одни прыгают, другие барахтаются, плывут. После чего мы снова, превратив себя в рабочую скотину, продолжаем прерванное занятие; я проваливаюсь сквозь мост и зацепляюсь за него шпорой: стадо расшатало и без того хлипкое сооружение. В дальнейшем я уже не захожу в воду — мой напарник подносит вещи к берегу.

Подходят Максим и Франсуа с обозными лошадьми, мокрые до ушей; переправить лошадей оказалось делом нелегким. Льет дождь, седла намокли, я обтираю их пелопоннесским платком, купленным в Драгое, и мыдвигаемся дальше.

Низина становится проходимой, дождь стихает; слева от нас море грязноватого серо-синего цвета и окутанный дымкой остров Занте; ближе к нам высоко на горе стоит Гастуни. Нагоняем двух бравых жандармов, один из которых свалился с лошади, прыгая через канаву в 18 дюймов шириной.

Не доезжая Дервиш-Челеби — изгороди из алоэ, красивые, пышные, с толстыми загнутыми ветками.

После переправы до самого конца пути я все пытался изобразить «воющего» дервиша; у Франсуа это получалось превосходно, и он принялся обучать меня, к вечеру я достиг некоторого успеха; от такого упражнения у меня чуть не «лопнуло пузо», как выражался Сассетти по поводу езды на лошадях с жесткой рысью.

Поджидая багаж на балконе нашего дома в Дервиш-Челеби, мы увидели, как здоровенный пес с воем преследует двух бедолаг. Это оказались бродячие музыканты: один из них играл на волынке, другой плелся следом с огромной сумой на боку; они подошли к нам, оба были в толстых белых плащах, какие носят греческие крестьяне, настолько тяжелых, что рукава и капюшон надеваются только в самых крайних случаях. Первый был юноша лет двадцати (прическа, как у мужчины из Херонеи), обут он был в полотняные сандалии, черные от старости, грязи и дождя; пока из волынки выходит воздух, он поглядывает направо и налево и время от времени подносит к губам кончик трубочки, вделанной в этот бурдюк. Его спутнику не более двенадцати лет, он ходит за музыкантом и носит котомку. Женщина из соседнего дома выносит им какие-то объедки, и мальчик кладет их в суму. Исполнив свой номер, они пошли дальше, и пес снова с воем бросился за ними. Почему так пленяют меня бродяги, в особенности музыканты? Откуда это щемящее чувство в душе при виде этих всюду проклятых существ (хотя к проклятию примешивается и уважение)? Может быть, в другой жизни я сам был таким? Ах, цыгане! Родственные души! Они (цыгане) заслуживают лучшего, нежели песенка Беранже. Поэтичность этого мира (в особенности его колорит) остро чувствовал Вальтер Скотт (Эди Охилтри и др.).

В доме горбатая служанка с пышной грудью; если ее муж охотник до крепких грудей, не знаю, право, с какой стороны ему лучше к ней подступить.

Очага в доме нет; сидя на сундуке и прищурив глаза, за нами наблюдает юный прохвост — хозяйский сынок, он пытается стащить у Франсуа его посох, а когда мы едим, без стеснения залезает в мою сумку. Наутро хозяйка устраивает Франсуа скандал, что ей мало заплатили. Отвратительная ночь, невозможно спать из-за кишачих блох.

Четверг, 6-е. Нанимаем проводника, он несет наши дорожные мешки; накануне в Пиргосе мы взяли четвертую лошадь, чтобы облегчить остальным поклажу; намереваемся в вечеру добраться до Патр и заночевать там, а багаж нагонит нас, когда сможет.

Едем по голой равнине, ни домов, ни деревьев, ни полей, ни крестьян, ни путников; вся она равномерно бледная, а над ней такое же однообразное серо-белое

небо; изредка попадаются шпажники и острые, длинные, тощие, сухие травы.

Слева от нас море. Переправились через Пиньос на пароме; это лодка с килем, под копытами лошадей ее качает с боку на бок, так что лошади дрожат от страха.

В 10 часов завтрак в деревне Трагано в лавке грека-бакалейщика.

Следуем дальше в северо-западном направлении. Справа от нас темная синеватая, окутанная дымкой гора, а за ней далеко-далеко белеет на фоне бледно-серого неба остроконечная вершина другой горы, за этой последней у ее подножия и расположены Патры.

По-прежнему трусим рысцой по равнине, время от времени переходим на шаг, чтобы перебраться через рытвину, заполненную водой, и снова пускаемся рысью. Ни полей, ни людей; тучная земля; то тут, то там дерево, затем они начинают попадаться чаще, это дубы, они словно высажены через равные промежутки (может, здесь некогда был лес?).

Перед нами тянутся две-три параллельные тропы, они превратились в канавки, до половины заполненные стоячей водой; время от времени встречаются стада овец, о приближении к которым нас извещают здоровые мохнатые псы, с лаем бросающиеся на нас. Проводив нас и облаяв, псы убираются прочь; тщетно пытаемся заpastись камнями — камней здесь нет, только один раз, специально для того спешившись, я нашел три штуки.

В 2 часа мы остановились на постоялом дворе, где нам сказали, что до Патр еще девять часов пути.

Скачем крупной рысью и галопом в течение часа; снова постоялый двор, времени 3 часа.

День клонится к вечеру, начиняет смеркаться; весь день нас сопровождал ровный неподвижный белесый свет, солнце было затянуто облаками так, что не представлялось возможности определить, где оно находится, небо застыло матовым фарфором.

Дубы растут чаще, приходится нагибаться, чтобы проехать под нижними ветками, моя феска цепляется за ветку и падает в воду. Сквозь деревья справа проглядывает бледный силуэт дальней горы, первая гора, приблизившись, стала явственно синей; слева, за морем, которого мы не видим, снежные вершины на кон-

тиненте. Мы едем и едем все время рысью, дубам нет конца.

Повстречали верховых, они прошли впереди слева: «Calimega, Calimega».

Дубы редеют, и перед нами открывается море, дорога спускается. Выходим на берег, упираемся в завал из бревен. Очевидно, мы ошиблись, с четверть часа едем назад, дабы выйти на нужную тропу, она идет вдоль берега. Смеркается, не холодно, море спокойно; измученные лошади идут и идут вперед. Нам предстоит переправиться еще через одну реку, прищипываем лошадей, чтобы добраться до нее засветло. Почва топкая, лошади увязают в ней, едва удерживаясь на гребне земляной насыпи между двух рвов. Постоялый двор; следующий, как мы выясняем, через полтора часа езды; возможно, придется там и заночевать. Посмотрим! Грязная дорога через деревню; далее едем берегом.

Раливья. Соломенные хижины, в открытые двери виден огонь в очаге; внутри кипит жизнь; проезжая мимо одной из них, слышу плач младенца.

Переправа через Пирос. Встречаем юношу, который указывает нам брод, вода доходит всего-навсего до подпруг; река течет среди зарослей кустарников, перед рекой спуск, на другом берегу подъем.

Через полчаса пути остановка в Петраки-Астено, на конюшне полным-полно лошадей и мулов, в глубине комнаты горит огонь. Разнуздываем лошадей, пробираемся к циновке у очага; греческий поп уступает нам стул; Франсуа садится, я остаюсь стоять и сушу промокшие ноги. Едим яйца и несколько ломтиков ветчины. В 6 часов 38 минут снова садимся на лошадей; взяли здесь нового проводника, он едет впереди; прежний покинул нас около полудня.

До Патр идем по самому берегу моря, иногда даже по воде, под копытами изнуренных лошадей тяжело шуршит галька; от усталости моя правая рука уже не держит поводьев. Ночь тихая, светлая, хотя луны не видно; прохлада освежает голову, пахнет мастиковыми деревьями и морем, которого почти не слышно. Я еду позади Франсуа, ориентируюсь на белый круп его лошади; в 8 часов обгоняю его, становлюсь за Максимом.— Залив, похоже, сужается. Справа от нас свет большого костра, вокруг которого греются пастухи; приглушенный лай почуявших нас собак; далеко-

далеко на горизонте два огня; кажется, будто они лежат на воде.

В 9 часов замечаю справа массивное строение. Это церковь святого Андрея: мы в Патрах.

Патры. Обсаженная деревьями улица идет под уклон; слева в доме горят огни. Спускаемся по широкой, празднично освещенной (по случаю именин королевы, как мы узнаем позже) улице. Что за жалкая иллюминация! Жалок и сам городишко!

Заходим в три гостиницы, но ни в одной из трех нас не принимают, все заполнено. Наконец нас помещают в большом неотделанном доме без занавесок, без мебели, без очага (да, да, без огня!!!), где по коридору слоняются сомнительные типы, а под окнами лают собаки.

Без четверти одиннадцать хромой официант приносит нам двух твердокаменных цыплят и бутылку отвратительного сладкого шипучего вина.

Франсуа укладывается на лестнице, Максим на полу, а я на койке (приходится снова привыкать к кровати); душно, нет сил пошевелинуться, засыпаю как убитый.

На другой день в 7 часов переселяемся. Гостиница «Четырех Наций» представляет собой гнуснейший трактир.— Всю хозяйственную работу исполняет Кристо, молоденький слуга с пушком над верхней губой.

Патры, новый город.— Свойственная грекам нечистоплотность ощущается здесь в полной мере; невозможно даже принять турецкую баню! А что ж за путешествие без турецкой бани! Всему приходит конец. До чего же человек глуп!

Сегодня суббота, день рождения Максима, погода ясная.— Наши пальто сушатся на балконе.— Франсуа почистил седла.— В соседнем номере беспрестанно едят, в комнате над нами беспрестанно топают.

Отъезд в Бриндизи намечен на вторник. Там ждут нас иные дни, иные края! (Патры, суббота 8 февраля, 3 часа 15 минут.)

ИТАЛИЯ

февраль — июнь 1851 г.

Патры. Театр.— Дамы в церкви святого Андрея, крестьянка целует засаленные образа, крутя бедрами, как дервиш. Г-н Бертини, его супруга.— Отплытие на пароходе.— На борту г-н Малезье.

Занге, огни.

Посреди ночи — *Кефалиния.* Луна, круглые серебряные облака.

Берега Албании, турецкий край.— Славные турки произносят «пароход».

Вечером *Корфу.* Дом губернатора.— Отплытие.— Мужественный больной.— Капитан в профиль похож на Панофского.

Бриндизи. Вид на Бриндизи, низкие берега, форт, порт.— Ожидание.— Моряки в тельняшках.— Бродячий музыкант и мальчонка, красный, в бархатном сюртуке, в картузе, сдвинутом на ухо.— Гипертрофия сердца.— Таможня.— Полицейский комиссар.— Белые искривленные улочки Бриндизи, театр, гостиница «Купидон».— Французский поверенный.— Ужин, прогулка за город, дорога среди алоэ, уголок крепости, оранжевое солнце, тишина.— Крестьяне и крестьянки возвращаются с полей: «Buona sera!»¹ Возвращение в гостиницу.— Театр, «Дочь графа Орлова».— Ночью спим на широких кроватях.

Вторник, 11 февраля. Утром поджидаю Макса, вышедшего на прогулку.— Полиция.— Выехали ровно в полдень.— Старая карета, обитая красной материей, с высокой посадкой; три черные лошади с павлиньими перьями на головах. С нами едет падроне, тучный мужчина в белой шляпе поверх шелкового колпака;

¹ Добрый вечер! (ит.).

кроме кучера сзади на наших сундуках сидит мальчишка.

Выезжаем по тем местам, где гуляли накануне вечером.— Прямая дорога, гладкая равнина, очень зеленая, возделанная; справа море, затем отдаляемся от него.— Ферма.— Трясет, вылезаем и идем пешком, земля пыльная, рыхлая, тучная.— Перелесок карликовых дубов.— Рабочие строят мосты на случай наводнения.

Сан Вито, деревушка в несколько домов.

Справа от нас на холме *Каро-Виньо*. Дорога, ведущая к нему, переходит в грязную улицу с высокими белыми и серыми домами. После Каро-Виньо множество оливковых деревьев; под ними растут бобы, квадратики льна.

Остун стоит на бугре, возвышаясь над равниной. Городок жметя вокруг церкви, высящейся над ним; между городом и морем равнина, вся одноцветная, вся заросшая оливковыми деревьями, на фоне которых выделяются редкие белые домики: сплошь все зелень, а затем синее море.— Посередине города прямоугольная площадь, на ней фонтан со статуей епископа, изображенного с поднятой рукой.— Сан Ронно.— Постоялый двор расположен за городом; внизу комната, где мы обогреваемся, на стене висят старинные коптящие лампы; мальчонка пристаёт к нам с расспросами.— Визит господ из жандармерии.— Ужин заставляет себя ждать, прошло уже два часа, а у нас только апельсины, зеленый салат и каперсы.

Среда, 12 февраля. Красивая равнина, еще больше оливковых деревьев, чем накануне.— В 11 часов остановились в Монополи, все население высыпало поглазеть на нас и ходит за нами следом.

Монополи. Широкая белая площадь, выбеленные известью дома, такие же и во всем городке.— Заходим в церковь, в главном алтаре работают плотники.

Монополи стоит на берегу моря.— В бухточке двести лодки.— Справа от бухты остатки крепостной стены. Площадка, круто обрывающаяся в море.— Старик нищий, слепой, в лохмотьях, служивший некогда Наполеону.— Великолепная дорога.— Огромные седёлки золоченых карет.— Горожане выглядят опрятно и живут, видно, в достатке.— За городом священники в треуголках прогуливаются с юношами, одетыми помирски.

Вечером, когда уже почти совсем стемнело, прибыли в Бари, обошли все постоянные дворы, но так и не нашли пристанища. Тогда мы решились воспользоваться рекомендацией французского поверенного в Бриндизи к некоему Лоренцо Мьюлла; в комнате, куда мы вошли, дети играли и кричали «Пуччинелло». — Хозяин очень приветлив, напоминает (внешне) г-на Деллапорта, но лучше его. — Нам подают розольо¹. — Дон Федерико Лупи, усатый, с рыжими бакенбардами, отводит нас к себе в гостиницу. Комната в гостинице, разговор; идеи национального объединения распространены повсюду, хотя и в различных формах.

Зал ожидания. — Юный священник и его брат-адвокат.

Выехали в 11.30.

Четверг, 13 февраля. В четверг утром пили кофе в Барлетте. — В 1 час обедали в Фодже.

Холодно. Наш попутчик распевает Беранже, говорит о природе и носит на груди голубой бумажный амулет с изображением кармелитской Богоматери. — Бедная Италия! Возрождение прошлого не оживит тебя; что до либеральной партии, то она мечтает о протестантстве, а это, на мой взгляд, абсурдный анахронизм.

Тоскливый, холодный день, поездка в дилижансе изнуряет меня, попутчик изрядно надоел; ночь, дорога идет в гору; к утру начинается спуск. — В узких долинах наподобие тех, что встречаются в окрестностях горы Республики, не доезжая Руанны, растут дубы. Весьма распространены остроконечные колпаки.

В Ноле мы выходим из дилижанса и идем пешком, чтобы согреть ноги. — Женщина выносит нам воды, пьем под навесом на крыльце, две жепщины ткут полотно. — Дорога обсажена какими-то неизвестными мне деревьями (виргинский тополь?), плантации тех же деревьев тянутся вправо и влево от дороги, опутанные, точно веревками, побегами виноградской лозы. — Долго стоим на заставе, там внимательно осматривают багаж нашего попутчика, который с самого утра пересел к нам на переднее сиденье. Слева от нас Кампо Санто, большое новое кладбище, впереди высоко на горе стоит крепость, а внизу под ней Неаполь.

¹ Ликер, настоящий на лепестках роз.

НЕАПОЛЬ

Въезжаем через Капуанские ворота. Дождь, торопливо семяют по мостовой горожанки; мне кажется, будто я вернулся в Париж, как тогда в ноябре 1840 г. после поездки на Корсику.

Сойдя с дилижанса, первым делом отправляемся на почту, расположенную по соседству; какой-то сводник предлагает нам свои услуги.

Остановились в гостинице «Женева». Большая столовая на втором этаже, копии с картин Валантена, балкон с видом на площадь.

Во второй половине дня нанесли визит нашему банкиру г-ну Мерикофр Сорвилло.

Суббота, 22-е. Прогулка по набережной Къайа.— Визит к г-ну Грау, секретарю легации, поездка к гроту Павсилипа.— Вечером девочки. К нашему удовольствию, сводники так и осаждают нас.— Сегодня утром торговки фиалками вставляли букетики нам в петлицы, сопровождая это движение красноречивыми жестами.— Вечером гуляли по улице Толедо, ели мороженое в кофейне, рядом с нами сидел священник.

Воскресенье, 23-е. Гуляли по Къайе.— Дневное представление в театре Сан Карло: финал балета, репетиция оперы-серии, увертюра к «Семирамиде», первый акт «Велизария».— После ужина нам нанес визит г-н Гро, шейх. (8 часов 15 минут вечера.)

Четверг (27-е) на масленой неделе. Сегодня *studii* закрываются в полдень.— Взяли линейку, запряженную парой лошадей, проехали по гроту Павсилипа, освещенному фонарями. Свод грота, высокий у входа, поднимается затем еще выше, а под конец понижается. На том краю грота деревушка с белыми домиками, вытянувшимися вдоль дороги, на дверях и на окнах сушатся на солнце (которого нет) гирлянды из апельсиновой кожуры.

За гротом ложбина в межгорье, засаженная теми же деревьями, какие мы видели, подъезжая к Капуанским воротам, точно так же оплетенными виноградом. Затем дорога снова прорезает гору, боковины высокие и очень крутые, почти отвесные, так прокладывают железнодорожные пути.— Спуск.— Вид на озеро в кратере потухшего вулкана, окруженном бледно-рыжими горами; по берегам озера высокий сухой светло-зеленый тростник. По склону кратера разбросаны бе-

лые домики, впереди на вершине монастырь камальдульцев; слева, в стороне Сольфатара, несколько зонтичных сосен.

Наверху слева от дороги харчевня, справа беседка Девы Марии, конюшня и несколько деревьев, почти роща.

Дальше, с этой же стороны, грот Собаки; он меньше, нежели я предполагал, закрыт на ключ. Я воздерживаюсь от посещения, которое стоит 6 карлинов; там и в самом деле гаснут свечи, земля дымится и печет ноги. — На той же стороне, поблизости от королевской беседки, аммиачный грот: он тоже заперт, вход — 4 пиастра.

Паровые бани в Сан-Жермано: из отверстий идет сильный жар; а если подуть на трут, валит дым.

Вилла Лукулла: остатки античных бань со специальными сооружениями для стока воды; они были сложены из камней и цемента и облицованы ромбовидными каменными плитами.

На обратном пути повстречали охотников.

Проезжая через деревню, что у выхода из грота Павсилипа, видели в одном доме женщину, которая пила, запрокинув голову, из бутылки, сделанной из толстого стекла.

Нам встретилось несколько *cozzicolos*. Женщины в *cozzicolo* выглядят очень красочно.

МУЗЕЙ БОРБОНИКО

ЖИВОПИСЬ

Рембрандт. Автопортрет, 386. Бархатное пурпуровое, отороченное мехом пальто, на шее орденская цепь, черная бархатная шапочка чуть сдвинута влево. Широкий, выпуклый лоб, ярко освещенный справа; круглые глаза, круглый подбородок, небольшой впалый рот, нос картошкой; внизу щека отвисает и ложится складкой на выступающий краешек воротника. Он был некрасив, но прекрасен; трудно отвести глаза от этого живого и удивительно объемного портрета; мощные, размашистые мазки, фигура, точно вылепленная цветом.

Шпильбергер. «Сидящая канонисса». Вся в черном, равномерно сплоенные брыжи вокруг всего лица. Исчерна-серое платье, впалые виски, редкие светлые бро-

ви; прекрасные, еще юные глаза светятся умом и улыбкой, такая же улыбка играет на губах, в уголках которых образовались аккуратно выписанные валики мягкой плоти; правильной формы веки. Лицо веселое, светское и набожное; полные, красивые руки. В левой руке держит кожаные перчатки.

Лукас ван Лейден. «Благочестивый человек и его семья поклоняются кресту», триптих. В центре распятие. На левой створке муж (с сыновьями), вероятно заказчик картины; на правой — жена с двумя дочерьми и еще одной женщиной; красивая белокурая девушка композиционно соответствует стоящему в такой же позе мужчине на левой створке. Два сына стоят на коленях позади отца, две дочери позади матери. Жена преклонила колена у аналая, держит в руках книгу, а рядом с ней показалась чудовищная смеющаяся морда дракона-дьявола с ярко раскрашенными изнутри ушами, словно бы там были изображены цветы. На заднем плане пейзаж с рекой и скалой. Очаровательное в своем правдоподобии и наивности личико одной из дочерей, той, что правее. У распятия паланиц Магдалина, целует крест, рядом стоит Богородица; справа мужчина. Парящий ангел собирает в чашу кровь, капающую со ступней Спасителя; другой собирает кровь с правой руки и правого бока, третий — с левой руки.

Лукас ван Лейден «Поклонение волхвов», триптих. С каждой стороны по волхву. Мужчина, целующий руку Младенца; справа негр с золотой чашей в правой руке, на уровне его левого колена серая борзая в профиль, вытянувшаяся вперед, с гербами на черном ошейнике. У негра в ухе крупная белая жемчужина; поверх ермолки из золотой парчи или, вернее, с плетеными золотыми нитями, красная, сдвинутая на правое ухо шляпа с черными ромбами на загнутом борту; черные ромбы отворота словно бы прикреплены золотыми пуговками, нашитыми между ними; слева воткнуто страусовое перо, кончик его торчит. Белая плиссированная рубашка плотно прилегает к груди и заканчивается низким воротничком, из-под которого выступает прозрачная желтая ткань. На плечи наброшен длинный красный, подбитый леопардовым мехом плащ с короткими широкими рукавами; под ним зеленый с крупными золотыми галунами камзол с прямоугольным вырезом на груди. Вокруг шеи два раза обернута це-

почка с пестрой бляхой. Зеленые рукава камзола, в про-
рези которых видна рубашка, пересечены широкими
золотыми полосами. Длинные серые перчатки, которые
должны были бы закрывать руку наподобие краг, но
слишком мягки и потому собраны складками на за-
пястье; кисточка (с левой перчатки) свисает вниз до
глаза борзой. Ноги затянуты плотно облегающей
тканью в широкую белую и голубую полосу; на ко-
ленях прорези, чтобы можно было согнуть ногу, в про-
резях видна желтая подкладка; подвязкой служит ши-
рокая лиловая лента. Открытые черные бархатные
туфли с квадратными носами и красными язычками
(это выглядывает подкладка); правая ступня выдвину-
та влево и сильно развернута. Помилуйте, сколько кич-
ливости! Что за костюм! Что за поза!

Младенцы немецкой школы. Манера изображать
младенца Христа. В двух картинах немецкой школы
(475 и 460) младенец Христос изображен недоноском
(«Рождество», 460) или тощим скелетиком («Поклоне-
ние волхвов»). Что это, отголосок будущих Страстей
(в другом «Рождестве» виден на заднем плане Иуда
Искарот, ведущий за собой солдат), мука, тяготею-
щая над младенцем, едва вышедшим из материнского
чрева? В «Рождествах» и «Поклонениях волхвов» ис-
панских и итальянских мастеров младенец изображает-
ся совсем иначе. Или, может быть, немецкие живо-
писцы просто рабски копировали натуру? Может быть,
в холодных странах младенцы рождаются такими? По-
следнее предположение представляется мне менее убе-
дительным, нежели первое.

Альберт Дюрер. «Рождество Господне» (342, Гале-
рея шедевров). Огромная и глубокая композиция с
шестью десятками персонажей. О ней можно было бы
написать целую книгу. О эти бледные лица, как пе-
чальны их глаза и сколько в них любви!

В центре, между Богородицей и святым Иосифом,
только что родившийся Христос; по бокам мужчины и
женщины в костюмах XV века, они погружены в себя,
молятся, уткнувшись пальцем в книгу. Со всех сторон
слетаются херувимы, те, что на переднем плане, играют
и поют псалмы; другие висят на карнизах, ибо деко-
рация переднего плана представляет собой храм с ко-
лоннами и аркадами; один из херувимов окуривает ла-
даном лежащего Младенца. В глубине море, корабли,
город с церквами, гора, увенчанная крепостью, по скло-

ну которой взбираются всадники, луг, на котором пасутся стада, овцы, спускающиеся на водопой к реке; на краешке крыши голубка, а рядом парит еще какая-то белая птица.

Женщины — все монашки в чепцах — стоят справа, три белых чепца в глубине, лица похожи одно на другое, некрасивые, со свернутыми набок носами; ближе к нам старуха-монашенка в черном, рука лежит на раскрытой книге (однако из всех этих фигур я не вижу никого, кто бы действительно читал: молитвенник раскрыт, но молящийся погружен в мечту, молится сердцем; художник, возможно, делал это безотчетно, руководствуясь чисто эстетическими соображениями); впалый, морщинистый подбородок, плоские виски, руки написаны лучше.

Слева мужчины; один стоит на коленях, поза его перекликается с фигурой описанной выше старой монашки, так же как и фигура мужчины, стоящего возле группы коленопреклоненных, соответствует великолепной молодой женщине (стоящей позади группы женщин на коленях), разодетой в парчу, с богато инкрустированным золотым крестом.

Руки Богоматери!.. Искорки света, лучась, горят в ее волосах.

Херувимы, в отличие от прочих персонажей, все пухленькие, кругленькие, щекастые, кудрявые, они выглядят гораздо современнее, чем другие участники композиции. Те, что на первом плане, музицируют; один, выпятив бедро и выдвинув ногу вперед, дует во фляжолет; у другого — род виолы, он цепляет струны длинным крючком. У херувима, который курит ладаном, изгиб тела вторит движению кадила: кадило качнулось назад, и симметрично ему изогнулись вверх ножки парящего херувима; он как бы курит фимиам и всем своим телом тоже, тело становится продолжением кадила, они сливаются в одно целое. А разве по сути они не одно и то же?

Корреджо. «Мадонна», известная под названием «Цыганка», или «Мадонна с кроликом». Ноги опутаны лентами, голова тоже, прическа очень правдоподобна; она устало склонилась над младенцем, спящим у нее на груди; на ней голубое платье с белыми рукавами. Слева щиплет травку белый кролик. Прекрасно по замыслу и по исполнению, это действительно измученная изгнанница, цыганка. Живопись пастозная, очень

богатая по цвету. Откуда эти красные и синие тона под правым рукавом белой рубашки?

Бассано. «Христос воскрешает Лазаря». Большое полотно, изысканные тона. Лазарь встает с камня, на котором начертаны древнееврейские слова. Справа женщина, спина и рука у нее кирпичного цвета. Цвет лица у Лазаря неверный — сизый и красный вместо мертвенно-бледного. Лицо красивое, у Христа тоже. В целом картина не слишком сильна.

Фабрицио Сантафедэ. «Богоматерь с младенцем Иисусом». Очарованная Дева, опершись ногами о серп полумесяца, дает грудь младенцу. У нее восхитительная белокурая головка; волосы откинута справа налево и осенены золотой с аметистами диадемой. Небольшая изящная грудь. Внизу то ли святой Марк, то ли святой Иероним (со львом): красивое, доброе лицо, раздвоенная борода. Рядом с ним другая фигура (евангелист? святой Петр?). На правой руке Богоматери фиолетовая драпировка. В низу картины надпись: «*Beatus Petrus ga bacurta de pisis*».

Рафаэль? «Мадонна». Иоанн Креститель (ребенок) встречается с младенцем Иисусом и целует его, опустив голову и глядя на него снизу вверх; Иисус на руках у Богоматери. В глубине изображен святой Иосиф в профиль с котомкой на плече, он повернул голову и смотрит. Пейзаж с водоворотами. Бледно-желтый тон разлит по всему небольшому холсту.

Караваджо. «Юдифь отрезает голову Олоферну». Она убивает его, как цыпленка, мечом перерезая горло; она спокойна, боль, которую она испытывает, выражена лишь в сдвинутых бровях. Левой рукой она держит за волосы голову, все тело ее отклонено влево, так же и не полностью прикрытая правая грудь. Служанка держит Олоферна, а тот отталкивает ее правой рукой, кисть которой сжата в кулак. На Юдифи голубое платье. На тюфяк льется кровь (настоящая, черная, красно-коричневая, а не пурпурная, как ее обычно изображают). Картина исполнена жестокости и грубой правды.

Леонардо да Винчи. «Иисус Христос, являющийся Марии Магдалине в образе садовника» (Галерея принца Салернского). Бесценное полотно. У Марии Магдалины платье с зелеными бархатными рукавами. Как вылеплены руки! Юбка из желтой парчи с серебряным узором. По-детски наивное, удивленное лицо. Христос

ступает правой ногой вперед, обернувшись, он дотрагивается правой рукой до ее виска.

Бернардо Луини. «Святой Иоанн Креститель» (3-я галерея итальянской школы). В левой руке держит крест, правой показывает надпись на стене: «Ессе Agnus Dei»¹. Локоны волос, рот растянут в улыбке полукругом; чрезмерная изнеженность лица делает его жеманным; очень скверная правая рука. Живопись основательная, красивый, теплый, светлый тон, однако лицо святого Иоанна в высшей степени неприятно, чрезмерная верность манере, присущей данной школе, искажает идею картины.

Сальваторе Роса. «Христос среди книжников». Светотень; Христос развернут в профиль, даже чуть спиной и занимает значительно более скромное место, нежели желтая спина книжника в белом тюрбане — цвет великолепен. Лысая голова мужчины, стоящего напротив Иисуса. Восхитительный общий тон.

Сальваторе Роса. «Иисус, падающий под тяжестью креста при восхождении на Голгофу». Ночная сцена. Одета в желтое, мужиковатая, со здоровенными ручищами, Вероника наклонилась и протягивает платок, держа его кончиками пальцев; ноги Христа запутались в тунике; упав под тяжестью креста, он опирается на левую руку. Позади, лицом к нам конный солдат с жезлом, он пришпоривает коня и, видимо, требует, чтобы Христа поскорей поднимали. Свет льется сбоку, падая на желтую спину Вероники, на обнаженный торс мужчины, идущего впереди креста, на чуть зеленоватую руку Христа, на каску и левую руку вооруженного воина (очень эффектные блики), наклонившегося, чтобы поднять крест.

В галерее принца Салернского.

«Наполеон» (жуткая мазня) в лавровом венке, обнаженный и с молнией в руке; картина из дворца Мюрата.

«Жозефина» в платье пурпурного бархата, густые черные брови, ярко-розовый рот, вид игривый и чувственный.

Ингр. «Франческа да Римини». Отвратительно, сухо, блекло; у юноши, который хочет обнять Франческу, бесконечно длинная шея.

¹ Это агнец Божий (лат.).

Жерар. «Три возраста жизни». От подобной живописи можно помереть со скуки: вылизанная, аккуратненькая. У женщины (с лицом а ля Мария Антуанетта) из-под платья выступает миленькая ножка; лежащая на ней в естественной позе голова ребенка нарисована очень хорошо. Кудрявый юпюша, развернутый вполборота, повергает в уныние. До чего же он претенциозен! Что за поза! Какая холодность! От этой живописи веет тридцатишестиградусным морозом! Видно, во времена Империи не любили солнца.

Рибера. «Пьяный Силен, лежащий в окружении сатиров». Обнаженный Силен прекрасен. Это даже не Силен, у него смуглое испанское лицо, а не красное, как подобает, и нос не курносый, глаза круглые, широко раскрытые и удивительно чистые и красивые; голубоватые выбритые щеки; он протянул руку и ждет, когда сатир нальет ему вина в раковину; не в меру круглый и твердый живот, как у человека, страдающего водянкой. Левое бедро очень красиво, хотя мне кажется, что вторая складка на нем напоминает скорее младенческую. Лицо глупейшее! Этаким грубый Санчо. Позади слева ослиная морда, осел ревет, обнажая десны и зубы; внизу полуобнаженный юноша, прикрытый шкурой, со смехом глядящий на зрителей(?). Справа сатир с рожками (тот, что наливает вино). Традиционное слияние рожек и шевелюры. Внизу имя Риберы написано на клочке бумаги, которую пожирает змей; с другой стороны — черепаха.

Пармиджанино. «Богоматерь с младенцем Иисусом». Она поднесла пальчик к его губам. Кисть неудачная, пальцы с загнутыми кончиками напоминают козлец, но что за дивный профиль! Прямой нос продолжает линию лба, в полуприкрытых глазах истома, грусть и доброта.

Пармиджанино. «Лукреция, пронзающая себя кинжалом». Правая грудь обнажена; бледно-розовая кожа лица, очень светлые волосы, на висках почти белые; приоткрытый рот, чуть вздернутый кончик носа, взгляд устремлен вверх. Скверная правая рука, очаровательное маленькое ушко (как на всех портретах Пармиджанино). Восхитительная маленькая женщина, которую так и видишь в уютненьком гнездышке.

Пармиджанино. «Город Парма в образе Минервы». Она ласкает ребенка — одного из Фарнезе, не знаю которого; юный герцог закован в латы, милое детское

личико, маленькие ляжки обтянуты красным трико. Голова Минервы исполнена в том же стиле, что и голова Лукреции, аналогичная прическа.

Аннибале Карраччи. «Сатирическая композиция, направленная против его соперника Микеланджело Аме-риго да Караваджо». Слева человек с собакой и попу-гаем на плече, попугай ест вишни из рук персонажа, сидящего в центре; у этого последнего волосатое лицо, однако черты его отчетливо различимы. Между ног у него собака и обезьяна пожимают друг другу лапы; на плече сидит обезьяна и чешет ему голову. Справа смеющийся мужчина, на которого волосатый глядит томно и нежно.

Гольбейн. «Портрет Эразма». Он одет в черное; узкое лицо, острый нос, маленькие усики; тонкая по-лоска бороды; шляпа низко надвинута на лоб; тонкие брови начинаются очень низко; расстояние от носа до рта небольшое; перед ним чернильница и тетрадь. Взгляд спокойный и лукавый, чуть насупленный, лицо в высшей степени прощительное.

Тициан. «Портрет Филиппа II» (в рост). Плотные толстые голубые рукава с серыми арабесками, желтый с бледно-золотым отливом камзол, голубая бархатная мантия, отороченная черным мехом, сандалии из гру-бого сукна; чуть пробивающаяся бородка, выступаю-щая нижняя челюсть, тяжелые, набухшие веки, хмель-ной, холодный взгляд. Великолепно.

Себастьян дель Пьомбо. «Портрет папы Алексан-дра VI». Красная шапочка и пелерина, удлиненное стро-гое смуглое лицо, бритые щеки, крупные выдающиеся черты, широкие веки, четко очерченный рот, густые брови, смотрит в сторону, взгляд самоуверенный. Лицо значительно благороднее того, которое ожидаешь уви-деть в соответствии с представлением об Александре VI.

Рафаэль. «Портрет рыцаря Тибальда». Пармиджа-нино. «Портрет Кристофора Колумба». Первый в чер-ной шапочке, с короткой бородкой, карими глазами, широким лбом; второй — поистине великолепный муж-чина: пышная, ухоженная борода, длинные рыжие усы, голубые глаза, тонкий нос, широкий лоб, русые воло-сы, аккуратно разделенные пробором, прекрасные тем-но-голубые глаза, вид кокетливый, ладный. Позади каска и жезл. Рукава светло-гранатового цвета с про-резами. Он гораздо больше похож на рыцаря, а тот,

что назван Тибальдом, вполне мог бы быть Христофором Колумбом; я готов поверить, что в каталоге ошибка. Этот портрет к тому же совсем не в манере Пармиджанино, обычно такого светлого; здесь же преобладают коричневые тона, эта живопись более мужественна.

Пармиджанино. «Портрет Америго Веспуччи». Действительно ли это Пармиджанино? В таком случае его мужские портреты совсем не похожи на его картины. Те же наблюдения, что и в отношении предыдущего портрета. Прекрасная живопись. Шапочка коричневая с рыжиной, короткая бородка, длинные острые кончики брыжей спускаются на грудь; одет в черное, перед ним лежит раскрытая книга.

М. Спадаро. «Портрет Мазаньелло с трубкой». Шапочка с загнутыми полями, бляхой и пером; в левой руке табакерка с крышкой; левое плечо открыто, физиономия округлая, веселая и беззаботная, мальчишеский взгляд, красиво очерченный рот, гладкий подбородок, мясистый покрасневший кончик носа. В этом лице мало средиземноморского, его никак не назовешь жестоким, оно, напротив, веселое и фривольное.

Настенная живопись

Архитектура и пейзажи.

Три больших раскрашенных барельефа, 25—24—23.

№ 25. Женщина открывает дверь и собирается спуститься по лестнице к нам; изображенная в перспективе приоткрытая дверь весьма эффектна; аналогичный прием дважды воспроизводится в № 24 по краям композиции. Эффектное построение перспективы постоянно встречается в изображении архитектуры; такова (в № 25) верхняя линия балдахина около двери, под балдахином сидящая на коленях обнаженная женщина; такие же балдахин и женщина в № 23.

На центральном панно красные двери с широкими желтыми бордюрами, желтые ригели; над карнизами выпуклые женские фигуры с драконьими хвостами и крылатые сфинксы.

Столбы и карнизы украшены скульптурами: так в салоне с желтыми колоннами (бывший № 240) и арабесками в стиле Людовика XV на деревянных панелях виден лев на тяжелом прямоугольном пьедестале; цоколь непомерно велик для льва; в № 15 на краю

антаблемента слон, сжимающий хоботом слоненка. Иной раз архитектурный мотив сводится к изображению портика или колоннады в перспективе: в бывшем № 901 над бордюром с нарисованными на нем фигурами видна верхняя часть дома с террасой и деревянной Х-образной балюстрадой; стены дома зеленые, а окна (ставни на окнах) красно-шоколадные.

Фрески небольшой величины, безделицы.

Полуобнаженный седовласый старик, сатир и Амур.

Амур тянет сатира за руку, тот просунул ногу под колено Амура, силясь его обхватить, копыто заслоняет пах Амура; рога, остроконечная бородка и маленькие рожки, спускающиеся вниз от ушей, делают сатира похожим на черта. Быть может, традиционный облик черта восходит к Пану и лишь заостряет отдельные черты? Но что означает фигура почтенного старца, преспокойно взирающего на эту сцену?

Два сатира, дерущиеся с козами. Тот, что справа, очень хорош, фигура собранная, мощная, правое бедро поднято, нога согнута; коза нагнула голову, выставив рога; вспоминаются строки Шенье:

Сатир, предусмотрев миг стычки роковой,
Стал против, упершись копытною ногой.

Великолепная картина.

Фрески.

«**Вакх и Ариадна**». Это, возможно, лучшая картина в музее. Ариадна спит, положив левую руку и голову на колени женщины (или юноши?) с вазой в руке; левая нога лежит на правой, правая рука согнута над головой, кисть опущена; левая кисть касается земли. Рот приоткрыт, веки опущены, линия сомкнутых ресниц; очаровательное округлое личико, исполненное покоя и сладострастия. Амур показывает ее Вакху, снимая покров прозрачного газа с ее обнаженного тела. На бедрах под белым газом лежит бордовая драпировка. В центре картины в торжествующей позе стоит Вакх, опершись на свой жезл и выставив вперед правую ногу; слева краснолицый спутник Вакха с круглыми вытаращенными глазами, суетливый и похотливый, показывает спящую женщину Силену (лицом он не похож на Силена: утеряна традиция? Но живот подбавляющий) и тянет его к себе, чтобы тот мог лучше ее разглядеть.

«Марс и Венера». Венера, одетая в сиреневое платье, сидит в кресле; Марс в шлеме с перьями по бокам стоит позади и правой рукой держит ее за левую грудь. На всех эротических картинах мужчины ласкают женщин именно так, чтобы не оставалось никаких сомнений в отношении их намерений. В левом углу сидит на корточках женщина, тоже в сиреновом, и что-то ищет в ларце. Глаза у женщин обычно большие и широко раскрытые, тонкие брови при этом остаются прямыми. Лица крупные, полные, носы прямые, щеки румяные — все признаки крепкого здоровья: римляне любили царственных женщин.

«Тритон, везущий Ио в Египет». У Тритона печальное влюбленное выражение, какое мы обычно видим у быка, похищающего Европу. У Ио в волосах проступают маленькие рожки, выражение лица детское и удивленное, чуть испуганное. Египет изображен в том же стиле, что и остальные персонажи, он держит змею, обвившуюся вокруг его левой руки, правую руку протягивает Ио, осененной белыми покрывалами. Чтобы ярче светились глаза, в уголках их сгущали тени; в тени, как правило, и рот, чаще всего приоткрытый, у спящих же, наоборот, изображалась лишь тонкая полосочка смеженных ресниц (рисовать глаза приоткрытыми, как это чаще всего встречается в жизни, считалось, вероятно, слишком некрасивым и, возможно, напоминало смерть).

ПОРТРЕТЫ

«Любопытная служанка». Картина серьезная, особенно серьезна сама служанка в красном чепце. На мой взгляд, это портрет двух женщин; хозяйка держит в руках стилет и записные дощечки, точно так же и в той же позе, что и предполагаемая Сапфо (42). Раньше позировали со стилетом и дощечками или в венке, как теперь с книгой в руке и в белом галстуке!

ЖИВОТНЫЕ

Цикада на колеснице, запряженной зеленым попугаем. Изысканная фантазия, у римлян были свои Гранвилы. Вожжи начинаются по бокам головы цикады,

откинутые назад усы напоминают веревки; колесница цвета акажу, оглобли и колеса соломенно-желтые.

Два павлина на канделябре. Между павлинами причудливые арабески канделябра; у павлинов нет распущенных веером хвостов, ибо они изображены в профиль, левый опустил голову и как бы смотрит вниз.

Две птицы и маргаритки. У птиц круглые глаза, вид безмятежный и наивный. Думается, что именно в изображении животных (в особенности птиц с неизменно спокойным видом) римляне достигли наибольшего правдоподобия и выразительности.

ТАНЦОВЩИЦЫ ИЗ ГЕРКУЛАНУМА

Ничто так не располагает к грезе, как эти фигурки, запечатленные в полете на черном фоне, неосязаемые, воздушные, цветные, они похожи на сон. Их главное очарование в незаконченности; фигуры небольшие (не более четырех дюймов), но яркие и заметны издалека.

БРОНЗОВЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

(статуи, скульптурные группы, лошади)

Сидящий Меркурий. Левая нога согнута, изгиб спины, левое предплечье лежит на левом бедре, а кисть свободно опущена, правой рукой опирается о скалу; пятка правой ноги стоит на земле, а носок поднят. Крылышки на ногах привязаны ремнем, который проходит под подошвой и завязывается на подъеме. Восхитительная и очень точно проработанная спина. Наружная часть левого бедра исполнена скверно, она прямая и жесткая, точно балка; такая же и правая рука, та, что опирается о скалу. Выставленная вперед правая нога уж слишком выгнута наружу, а ля рококо. В целом фигура изящна, хорошо передано движение. Главное очарование в крылышках на ногах, хотя доподлинно известно, что они приставные, именно они исполняют скульптуру движения и легкости! Они куда занимательнее крыльев ангелов; эта нелепая, шокирующая, уродливая приставка никак не связана с экспрессией движения всей фигуры.

Пьяный фавн. Он завалился на левый бок и левой рукой оперся о бурдюк, до половины наполненный вином, стоящий на камне, покрытом шкурой; правая рука и правая ступня подняты вверх. Большой и средний

пальцы правой руки сложены вместе, указательный оттопырен, безымянный и мизинец поджаты: он щелкает пальцами, точно призывая к пению или танцу; рот смеется, обнажая верхние зубы, с правой стороны зубов нет (не думаю, чтобы они отломались, скорее всего так и было задумано). В волосах, топорщащихся всклокоченными прядями (довольно плохо сделанными), гроздь винограда и маленькие бугорки рожек, которым соответствуют небольшие шишки на шее, ниже сонной артерии. (Такие же шишки на шее под нижней челюстью есть и у «Спящего фавша», но у того рога не козлиные, а закрученные улиткой, они расположены ниже на лбу, ближе друг к другу и не сливаются с волосами.) Прорезающиеся рожки не больше этих шишечек. Толстый, обвислый живот, обтянутый дряблой кожей, в котором урчит и булькает сладкое пенистое вино, вытянут слева направо в направлении поднятой правой ноги. Руки и ноги худые, плоть дряблая; это существо состарилось до времени от разгульной жизни. Некрасивые руки, плохо сделанные пальцы. Мне не доводилось до сих пор видеть, чтобы второй и третий пальцы на ногах изображались одинаковыми, хотя это постоянно встречается в природе.

Танцующий фавн, статуэтка. Замечательно передано движение, рожки сливаются с волосами; фавнов, возможно, только затем и снабжают всклокоченными прядями на голове, чтобы, затерявшись среди них, рога не выглядели так дико на человеческой голове. Непомерно длинные ноги, как во всех статуэтках, изображающих танцоров и танцовщиц. Любопытно, что хвосты у фавнов начинаются всегда над крестцом, а не на конце копчика, как у животных.

Вакх и фавн. У Вакха женская голова и волосы, а тело мужское. Стремление изображать Вакха и Адониса молодыми привело постепенно к приданию им женоподобных черт — не так ли появляются гермафродиты? Во всяком случае, с точки зрения эстетической они представляют собой такую переходную стадию.

КОНИ

Конь из квадриги Нерона. Спинастый, многочисленные складки под шеей; голова, как водится, худая, широко раскрытые ноздри, широкая грудь, шея внизу

необъятная, пучки шерсти на бабках и над копытами. Хомут состоит из двух полосок кожи, связанных на плечах тонкими ремешками. Древние не выжигали лошадям шерсть на внутренней стороне ушей, в данном случае она просто расчесана, а в колоссальной голове № 83 уложена верхушкой раскидистой пальмы. Грива всегда ровная, подстриженная, как у коней в Парфеноне.

БЮСТЫ

Бюст неизвестного. Локоны на лбу закручены штопором; они уложены двумя рядами, всего 42 штуки. Верхний локон лежит в ложбине между двумя нижними. Брови слишком длинные и выпуклые. Скверный бюст.

Птоломей Апий. Волосы уложены плоскими локонами, свернутыми не из толстых жгутов, а из тоненьких лент; локоны перехвачены повязкой, завязанной сзади, на лбу они короче, а ближе к ушам длиннее. По очертаниям эта прическа с повязкой напоминает арабский головной платок, перехваченный веревкой из верблюжьей шерсти. Локоны покрывают всю голову, тогда как в первом бюсте они доходили только до ушей; их 75 (не считая тех, что лежат на шее, они были добавлены позднее). Рот страдальчески приоткрыт, округлое лицо с широкой нижней челюстью, мясистый лоб над переносицей.

Тиберий. Зеленый бюст с серебряными, но побуревшими глазами. Сдержанное и тонкое лицо вполне соответствует нашим представлениям о Тиберии; голова, приплюснутая на макушке (отсутствие шишек благожелательности и религиозности) и широкая над ушами; маленький рот, низкий широкий лоб под плоскими прядями коротких волос, узкие веки, выдающийся подбородок. Вид благородный и сдержанный, ничего кошачьего, лисьего, хищного.

Сципион Африканский. Впечатление большого сходства. Лысый безбородый старик; лысина впереди и на висках, в других местах волосы нанесены штрихами. Три глубокие морщины перерезают лоб, а над ними еще одна, разглаженная на середине лба. На лбу шишка над правой бровью; отчетливо вылеплен каждый волосок густых бровей; ввалившиеся и обвислые щеки,

чувствуется, что за ними давно нет зубов. В уголках рта два шарика, словно растущие изнутри. Кончик носа чуть загнут, ноздри толстые, рот — прямая линия, уши оттопырены (как это было принято в античных бюстах).

Платон. Одно из прекраснейших произведений античности, бронза покрылась прожилками и сделалась похожей на темно-зеленый мрамор. Голова склопилась на грудь, расчесанные волосы перехвачены повязкой. Волосы сделаны восхитительно, кажется, по ним только что прошлись гребешком; выйдя из-под повязки, волосы разделяются на две пряди, закругляющиеся валиком на ушах и соединяющиеся позади; из-под валика выбиваются колечки волос (со сквозными отверстиями), соединяющие его с бородой, начинающейся довольно низко, курчавой на скулах, ниже расчесанной и завершающейся несколькими редкими локонами. Мощная шея, особенно в профиль. Строгий, мужественный взгляд. В его лице идеал красоты и могущества, глубокая серьезность делает его немного печальным. Напрочь отсутствует безмятежность, печатью которой отмечены античные божества.

Береника. Волосы собраны наверху и приподняты (удлиняя линию лба и носа), словно на китайский манер; на макушке венец из кос в два ряда, шиньона нет, лоб и виски открыты. Овальное лицо, широкий подбородок, огромные глаза, большое расстояние между внутренним углом глаза и основанием совершенно прямого носа. Линия носа и лба, пожалуй, даже выпуклая на уровне бровей, лоб мясистый. Контур губ выведен очень отчетливо. Длинные с острым ребром брови. Прекрасная голова, истинно греческая.

Архит. На голове маленький тюрбан, он перевязан крест-накрест лентами, лежащими по диагонали.

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ БРОНЗЫ

Светильник, состоящий из столба, к которому крепятся четыре лампы. Серебряная подставка, на которой укреплен столб, опирается на четыре когтя; на передней части подставки выемка и справа небольшой жертвенник, где сложен костер и горит огонь; слева же обнаженный амур верхом на леопарде и с рогом изобилия в руке. От верха столба отходят четыре изогнутых

кронштейна с кольцами, к которым на цепочке подвешены лампы различной формы. Наверху первой лампы два дельфина спиной друг к другу, хвост к хвосту, вместе они образуют чуть скругленную пирамиду. По бокам лампы (лампы все овальные) две слоховьи головы. На второй лампе головы быков; третья увенчана двумя орлами с простертыми крыльями; четвертая лишена украшений.

Светильник, состоящий из колошны с каннелюрами и трех ламп. В отличие от предыдущего, нет выемки на основании. В средней части башенка с шаром наверху.

Светильник в виде узловатого ствола дерева с четырьмя лампами на ветках. Лампы, как и повсюду, подвешены на цепях, кольца крепятся к веткам-кронштейнам. Четвертая ветка короче и ниже других, отходит приблизительно от середины ствола.

Светильник с четырьмя лампами, укрепленными на колонне. Снова квадратное основание и лампы различной формы; колонна на этот раз стоит ровно посередине.

Раздвоенный ствол дерева, на котором укреплены две лампы.

На другом стволе дерева подвешены три лампы в форме улиток, вылезавших из раковин.

Множество канделябров: прямые стойки с круглыми подставками наверху для лампы. Стойки сделаны в виде стволов пальмы, тростника или, реже, узловатой ветки терновника. Стойки опираются на три или четыре ножки, завершающиеся либо копытцами, либо лапой с когтями; все они очень высокие, и если не имитируют ствол, то, как правило, изрезаны каннелюрами. Одна из стоек опоясана длинным браслетом, к которому посредством металлического прута, изогнутого наподобие лебединой шеи, крепится подставка для второй лампы; браслет закреплялся на стойке при помощи шипа, втыкаемого в специальное отверстие, кронштейн в форме лебединой шеи привязывался к нему цепочкой. Подобно всем остальным, стойка завершается подставкой для лампы, таким образом, светильник имел фиксированную лампу наверху, а другую пониже, эту последнюю можно было опускать и поднимать, устанавливая в нужном положении.

Светильник в виде человеческой ступни. Ступня левой ноги. Фитиль выходил из большого пальца, где

вместо ногтя дырка, масло заливалось в прорезь на середине ноги.

Погребальные урны. Подвижные ручки, убирающиеся нажатием. Внешний край урны сделан в виде продолговатой корзины с двумя козьими мордами, во рту у них скрыты полозья, по которым и задвигается ручка.

Два ведра, расширяющиеся кверху. Плоские ручки опускаются на две стороны, ложась точно на край сосуда; в таком положении они сливаются с сосудом и кажутся просто выступом или бордюром. Восхитительная хитроумная вещьца.

Ритон. Бронзовая голова оленя с серебряными глазами; уши изваяны правдоподобно, рога же соединены у основания (и служат, таким образом, ручкой), а на концах расходятся.

Гребни. Все с крупными редкими зубьями; есть совсем небольшие.

Три меры для взвешивания. Одна в форме свиный, другая в форме бабки, третья — головка сыра; сверху у них ручки, вроде как на наших утюгах.

Решетка для жарения (сплошная) с четырьмя полукруглыми углублениями и ручкой. Она предназначалась, по-видимому, для жарения шариков фаршированного мяса, так же как и другая посуда, намного большая по размеру, плоская, круглая с многочисленными углублениями (29 штук).

Сосуд для нагревания воды в виде укрепленного замка. Четырехугольная крепость с квадратными башнями по углам, соединенными куртинами; и башни и куртины увенчаны зубцами. Чтобы залить воду, надо было снять крышку — крышу башни; уголь для нагревания воды закладывался в центр прямоугольника, между четырьмя куртинами, т. е. во двор крепости; вода выливалась через край на наружной стороне одной из стен. Это сооружение оснащено четырьмя ручками, при помощи которых его можно было переносить.

Множество весов. Поднос подвешен на четырех цепочках, противовес на плече рычага везде имеет форму бюста.

ШЛЕМЫ

У большинства широкие козырьки или отвороты, обрамляющие верхнюю часть лица до уровня ушей. Наглазники представляют собой диски, состоящие из подвижных колечек, закрепленных шарнирами наверху и специальными лапами внизу. Та часть шлема, что ниже наглазников, состоит из двух половинок (за исключением лишь одного гигантского шлема, украшенного выпуклыми изображениями и невероятно тяжелого). Чтобы открыть лицо, надо было сначала приподнять наглазники, а затем, просунув под них руку, вытащить булавку из шарнира, к которому крепится набородник. Поскольку набородник состоит из двух частей, вышеуказанную операцию необходимо произвести дважды. Обе части набородника полностью закрывали нижнюю часть лица и даже находили друг на друга, внизу они были скреплены продетыми в дырочки ремешками.

На левом боку одного из шлемов бронзовая пуговица с кусочком бронзового же ремешка. Вес шлемов, их помпезные формы и обилие украшений наводят меня на мысль, что это парадные или же театральные шлемы; не может быть, чтобы их надевали в бою; или это шлемы гладиаторов? На гребнях проделаны отверстия, в одном месте сохранились кольца: сюда привязывали султан.

Есть шлемы попроще и полегче, без козырьков, с простыми отверстиями вместо наглазников.

В некоторых случаях лицо было защищено лишь двумя длинными выступами, спускавшимися на щеки. На одном шлеме эти нащечники вырезаны в форме бараньей головы (носом вниз).

Нос же предохраняла тонкая бронзовая пластинка, расширяющаяся на конце наподобие трилистника.

Подобный наносник есть, в частности, на шлеме часового, найденном в Помпеях, с черепом внутри; от задней части шлема отходят козырьки, защищающие шею и напоминающие толстый и очень высокий воротник рубашки.

Необычный шлем в форме сахарной головы, украшенный двумя плоскими подвижными полосками и своеобразными вилами наверху.

НВ. Выражения «с опущенным забралом», «он опустил забрало» в данном случае неприменимы, поскольку

ку забрало не могло ни подниматься, ни убираться в шлем. Оно закреплялось изнутри и открывалось снаружи. Поскольку шея была затянута козырьком, невозможно было снизу просунуть руку под шлем и достать до шарнира, расположенного на уровне висков. Шип из шарнира вынимался снаружи через глазное отверстие, и все доспехи, прикрывавшие лицо, падали. Непонятно только, куда их затем убирали.

Ножные кандалы. Осужденный вставлял ноги между изогнутыми стойками, а в изгибы просовывалась металлическая перекладина, так что вытащить ноги было невозможно; заключенный при этом лежал на спине. Приспособление рассчитано на несколько человек.

Таз или кастрюля в форме раковины.

Сосуд для молока прелестной формы. Наверху две небольшие козочки, внизу маленький Амур.

МРАМОРНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

Вакх, бюст, очень красивый. Кудри (в центре завитка углубление) на лбу перехвачены диадемой; из-за ушей на плечи спадают два длинных локона на английский манер. Борода лежит равномерными спиралями, исполненными в том же стиле, что и волосы. Прямой нос, выступающие глазные яблоки.

Вакх, бюст. Широкое лицо весьма посредственной работы. Не в меру толстая приоткрытая нижняя губа делает его похожим на сатира; волосы закручены розочками, выложенными двумя рядами на лбу; из-за ушей на плечи спадают широкие ленты; борода лежит естественно.

Вакх. Герма. Подстриженная прямоугольной формы борода уложена длинными волнистыми параллельными прядями; она начинается под скулами и закрывает всю нижнюю часть лица, под усами видны губы, волоски бороды под нижней губой расходятся веером. Голова перевязана ленточкой; из-под нее на лоб спускаются разделенные пробором волосы, они загибаются наверх, где снова перехватываются повязкой, а затем ложатся на виски тремя рядами кудрей в форме бутонов; с затылка волосы падают на спину, а две длинные пряди (каждая из которых разделена надвое) спускаются вперед на грудь.

Вакх. Герма. Остроконечная бородка, завитая только на щеках и естественно волнищаяся вверху; волосы перехвачены лентой, завязанной сзади. На лбу полукругом в два ряда выложены мелкие кудряшки (с дырочками); из-за ушей две (двойные) пряди спадают на грудь. Приоткрытый рот виден очень отчетливо. Следует заметить, что во всех этих бюстах усы никогда не закрывают губ, а волосы — ушей.

Вакх. Волосы естественно спадают на плечи; очень длинная незавитая борода, напоминающая бороды фавнов; волосы завязаны сзади в огромный, как у женщины, пучок.

Вакх, бюст, увенчанный ветками лозы и гроздьями винограда. Широкое лицо, глаза посажены глубоко, а не выпячены; борода спускается толстыми прядями, лоб стянут повязкой, рот приоткрыт.

Женский бюст с волнистыми волосами на лбу. Пышные волны окаймляют лицо, пробор посередине едва заметен; над волнами два жгута, а затем две косички, уложенные вешком, третья косичка расплющена сверху.

Плотина, супруга Траяна. Удлиненное правильное и холодное лицо, длинный (реставрированный) нос, длинные, слабизогнутые брови. Прическа состоит из двух отличных друг от друга частей; сзади увязан без гребня пучок из нескольких кос. Впереди семиступенчатый вертикальный козырек, продолжающий линию лба; два верхних жгута имеют форму округлых валиков, нижний сплюснен и завершается завитками, спадающими на виски (если смотреть спереди, они напоминают серьги); второй и третий валики снизу круглые, средние менее симметричны.

Юлия, дочь Тита. Черты лица и прическа напоминают предыдущий бюст. Козырек впереди имеет еще более правильную форму и завершается с каждой стороны четырьмя завитками на висках.

Бюст императрицы с двойным козырьком. Волосы надо лбом уложены кружевным павлиньим хвостом; второй козырек выше первого (начинающегося прямо на лбу).

Юлия Пиа, скверный бюст. Плечо и частично левая грудь обнажены; гладкие волосы до ушей; над ушами поднимается широкая плетеная полоска, сужающаяся кверху, она доходит до пробора на макушке. Драпировка завязана на правом плече.

Плавтия, бюст. По всей вероятности, она была блондинкой. Мягкое, бесцветное, овальное лицо, полное и даже одутловатое в верхней части; глаза навывкате, зрачки скрыты за верхними веками, дугообразные брови несколькими волосками соединяются на переносице; маленький рот, небольшой подбородок, выпуклый лоб, красивая шея. Гладкие волосы. Сзади, от уха до уха, пучок, напоминающий назатыльник греческого шлема, облегающий шею; концы волос лежат на шее продолговатыми концентрическими кольцами.

Агриппина, мать Нерона, посредственный бюст. Лицо, широкое наверху, заостряется книзу; выступающий подбородок; большие, широко раскрытые глаза. На лбу волосы уложены пятью неплотными трубочками, далее зачесаны назад и завязаны узлом на затылке, с боков на шею спадают по два локона.

Агриппина. Этот бюст лучше. Та же голова, но тщательно проработанная; возможно, первый бюст был эскизом к этому. Легкая горбинка на носу, резче выступают скулы. Здесь она старше и красивее, нежели в первом бюсте. Волосы лежат на лбу волнистыми прядями.

Нерон, бюст. Похож на мать, такое же широкое наверху и заостренное книзу лицо; чуть запавший посередине лоб, выпуклость на внутреннем краю бровей. Глаза сидят глубоко, нос с горбинкой, как у матери, тяжелый прямоугольный подбородок; маленький рот, полная нижняя губа. Если смотреть в профиль, переносица провалена и лоб нависает над ней. Красивая, мощная голова, увенчанная лозой.

Клеопатра. Клеопатра ли это? Миловидная маленькая головка, приветливое лицо, щеки полные в верхней части, книзу лицо заострено, маленький подбородок, основание носа вровень с бровями. Волосы окаймляют лицо девятнадцатью параллельными круглыми жгутами, на затылке они собраны в круглый пучок; живое, приятное лицо; в профиль оно возвышенней. Уши выполнены небрежно, огромные дырки.

Агриппина, супруга Германика, сидящая фигура. Непринужденная, задумчивая поза, ноги вытянуты вперед, икра левой ноги лежит на берцовой кости правой; маленькая грудь, отчетливо выступающая под блузкой; левая кисть сжимает правую. Крутые завитки волос почти стоят на голове, напоминая шерсть пуделя; узел

на затылке. Тщательно проработаны веревочки сандалий.

Дочь Бальба. Статуя с волосами цвета глины. Довольно короткие волосы лежат естественной волной и окрашены в желто-рыжий цвет. Туника длинными складками спадает к ногам. Поверх нее плащ, он перехвачен под правой рукой и прилегает к правому бедру. В лице очевидное сходство с отцом, оно некрасивое, нос слегка вздернут, круглые скулы, острый кончик носа и подбородок.

Дочь Бальба. Другая, если верить каталогу. Может быть, та же? Хуже, меньше краски на волосах, цвет не столь живой. Правая рука, целиком закрытая тканью одежды, лежит на левом плече (видны только большой и указательный пальцы) и держит складку пеплума.

Задрапированная фигура старой женщины, Вирисии Архас, матери Бальба. Туника прямыми складками спадает к ногам; левая рука прилегает к телу, окутанная складками пеплума; правая ладонь лежит на ключице, рука также целиком задрапирована. Повсюду ткань собрана в многочисленные сухие складки, облегает живот и бедра. Надпись. Неприятное впечатление.

Бальб-отец (надпись). Стоящая фигура, густые складки, драпировка широким жестом отброшена на левое плечо и левую руку. Голова лысая, бритое лицо.

Марк Ноний Бальб. Круглое невыразительное лицо, выдающаяся нижняя челюсть, плоские виски. Широкая драпировка откинута на левое плечо, конец ее, обогнув спину, уходит под складки той же драпировки, лежащие на животе подобием соборенного кушака. Точно такая же драпировка (хотя и меньшего размера) в бронзовой статуе Марка Калатория, ткань здесь лежит на левом плече и левой руке, иначе подобное скопище складок не удержалось бы.

Нерва, бюст. Печальное, страдающее лицо, морщинистый лоб, волосы только по бокам головы, между бровями провал, бороды нет; от ноздрей вокруг рта идут глубокие морщины. Доспехи застегнуты на правом плече. С плеч спадают длинные широкие отдельные складки, завершающиеся бахромой, они спускаются до середины руки; не от этой ли бахромы произошли кисти на эполетах? На середине груди крылатая голова обезьяны.

Каракалла, бюст. Великолепный бюст, голова резко повернута влево (нос реставрирован). Небольшое, широкое, живое лицо; кудрявые волосы и борода; мелкие естественные завитки волос выполнены в том же стиле, что и борода (не густая). Богатырский затылок переходит в шею. Низкий, мясистый, морщинистый лоб; густые брови, глубоко посаженные глаза; общее впечатление грубости; мясистая складка над переносицей. Пристальный, подозрительный взгляд, драпировка завязана на правом плече.

Сенека, бюст. Гладкие волосы, неровными прядями спадающие на лоб, худое, морщинистое лицо, выступающие скулы, нос вороньим клювом, приоткрытый рот. Лицо печальное, придирчивое, умное, беспокойное.

Философ, голова неизвестного. Это та самая голова, которую можно видеть на часах, стоящих в кабинетах врачей, и которую принято считать головой Гипократа. На плече три толстые круглые складки, немного напоминающие воротник. Голова на длинной шее выдвинута вперед. Лысый безбородый старик.

Еврипид, два бюста. Прекрасная голова, глубокие впадины на висках, выше лоб расширяется; из-за впадины висков резко выступают надбровные дуги с шишками на внутренних краях бровей; лицо худое, острые скулы, затылок очень мощный. Волосы, лежащие на лбу редкими прямыми прядями, с боков гуще, отчего череп кажется еще шире. Погружен в глубокую задумчивость, выражение лица более философическое, нежели поэтическое.

Целий Кальд. Великолепный бюст, лицо суровое и возвышенное, совершенно наполеоновский рот, впалые щеки, плоские виски, развитая верхняя часть лба, особенно по бокам; волосы редкие, короткие, плоскими прядями отброшены назад; широкий нос чуть свернут вправо; в глазах остатки голубой краски.

Два мужских бюста в шлемах наподобие жокейских кепок. На одном из бюстов поверх шлема надет венчик; вся нижняя челюсть до скул защищена набородником, перехваченным под подбородком двумя лентами крест-накрест, пристегнутыми слева.

Пленный дакский император, небольшая статуя в безыскусной манере. Правая нога выдвинута впереди левой, левая ладонь поддерживает правый локоть, правая прикрывает рот. Панталоны, сандалии, туника и хитон, остроконечный колпак, из-под которого на лоб

выбивается ряд мелких кудряшек (с дырочками). Лицо печальное.

Маленькая статуя Приапа (Геркуланум). Замечательна выражением мощи на лице; он изображен обнаженным, стоит, прислонившись к дереву, голову опустив на грудь; могучие плечи и торс. Борода растрепанная, падает на грудь и плечи четырьмя прядями. Лицо живое, необычное.

Две гермы, изображающие сельских персонажей. Один полностью задрапирован, обозначена лишь рука, могучая голова чуть наклонена вправо, лицо печальное.

Герма, изображающая скомороха. Туника и хитон, широкий пояс, приплюснутое лицо, растрепанная борода сатира; на голове род тюрбана в форме руанского пирога. В правой руке у него жертвенная чаша, в левой — какой-то полый цилиндр, точно полая бедренная кость.

Герма с капюшоном, по указателю — Геракл. Могучая (особенно в профиль) безбородая голова, которую я было принял за женскую. Голова осенена капюшоном, по бокам которого на уровне скул как бы выступают уши, тогда как верх головы остается открытым; капюшон завязан на груди двумя львиными лапами. Сильные руки. Тело укрыто львиной шкурой, в правой руке полый цилиндр (кость?). В левой (реставрированной) — фрукты (золотые яблоки из сада Гесперид).

Маленький волосатый сатир. Правым коленом стоит на земле, ладони скрещены возле левого уха. Пухлое тело младенца, детские ляжки и ступни, в особенности левая с приподнятыми пяткой и пальцами. Все тело покрыто курчавой шерстью, в середине каждой кудряшки — дырочка.

Диана Люцифер, статуя. Скверная. Она шагает правой ногой вперед, в руке держит факел. Покрывало закручивается раковиной и закрывает спину. Ступни короткие, отечные, особенно в подъеме. Единственное достоинство статуи — в передаче движения, в частности складками хитона, хотя сами по себе они слишком жесткие.

Двое мужчин, свежующих кабана. Туша лежит на котле, голова свешивается назад. Один мужчина (с дырками в волосах и в паху), стоя, соскабливает резакон шерсть; другой, левой рукой опершись о край

котла, наклонился, чтобы раздуть огонь (щеки раздуты), в правой руке у него полено, которое он подсовывает под котел. Всей одежды на обоих только шкура на бедрах. В целом скульптура немного тяжело-вата, но правдива и забавна.

Пьяный Силен, небольшая статуя. Силен стоит, опершись на открытый, полный вина бурдюк. Голову опустил на грудь, борода висит полыми спиральками, издали напоминающими кораллы.

Диана, очаровательная маленькая статуя. Идущая фигура, правая нога позади. Плоские складки нижнего платья, подол которого еще хранит розовато-фиолетовую краску. Лицо обрамлено волнистыми волосами, связанными в узел на затылке; диадема с розовыми шишечками. На плечах по две прядки волос. Портупея спускается с правого плеча на грудь. Улыбающееся, исполненное очарования лицо.

БАРЕЛЬЕФЫ

Под дверью две **триремы** (Помпея). На одной 25 весел, на другой 20. На левой триреме стоит на носу обнаженный человек, на правой — что-то вроде полукота на корме. Тела гребцов видны по локоть, обшивка судна толстая на вид; рулем служит весло. На левой триреме (к сожалению, плохо сохранившейся) капитан, похоже, управляет рулем при помощи веревок; на правой триреме к верхушке руля приделаны два штыря, посредством которых можно манипулировать этим веслом с очень широкой лопастью.

Отдыхающий охотник (Помпея). Напоминает исполненного в архаическом стиле воина из храма Тесея в Афинах; впрочем, здешняя фигура менее строга и стиль не столь чист. Лицо изображено в профиль, а тело развернуто на три четверти; то же и с ногами: на правой ноге колено повернуто к нам, а ступня развернута в профиль (обращена к нам внешней стороной). Икра левой ноги (так же как и обе коленные чашечки) вылеплена очень рельефно, выпирающая ключица, остроконечная бородка. Чрезвычайно характерная для этого стиля голова. Охотник опирается на длинный посох. Чтобы не поранить себя под мышкой, он сложил своеобразную полупешечку из складок одежды. У ног его собака глядит на него, запροкинув голову, скрупулезно

проработаны лапы, торчащие когти. На левом запястье висит кинжал, и здесь же рядом на стене (неизвестно как держащийся) округлой формы флякс.

Митраистский барельеф. Тяжелый и некрасивый. Размером чуть меньше натурального. Мужчина во фригийском колпаке, тунике, хитоне и плаще (раздуваемом ветром у него за спиной) упирается левым коленом в быка (безрогого); быка в плечо жалит змея, а на грудь кидается собака. В двух верхних углах барельефа по женской голове: у той, что справа, на лбу полумесяц, у левой на голове корона с копьевидными зубцами, под этой головой птица (сойка). В нижних углах маленькие человечки с музыкальными инструментами (?) в руках. Исполнение отвратительное, мужчина справа меньше собаки, хотя собака находится на более отдаленном плане. Надпись на раме (начинается вверху, заканчивается внизу): «*Omnipotenti Deo Mithrae Appius Claudius Tyrrhenius dexter v. s. decicat*»¹.

Митраистский барельеф. Плохой. Два амура, приносящие в жертву по быку; в центре барельефа род канделябра; жертвенник, на каждой стороне которого по морскому коньку. Амур, поджав левую ногу, упирается коленом в загривок быка; духи вооружены мечами, у правого Амура меч обломан. Острые выпуклые подгрудки быков исполнены очень достоверно.

Митраистский барельеф. Разгневанный, поднявшийся на дыбы бык с задраным хвостом; мужчина оперся коленом ему о загривок и держит его за ноздри. В верхних углах женские головы; левая осенена лучами, под ней птица на камне; у правой на голове полумесяц. В нижних углах мужчины с факелами, у левого факел опрокинут вниз, у правого поднят. На грудь быку бросается собака, в плечо жалит змея.

Два верблюда на воде (Помпеи). Верблюды сирийские; один из них стоит на плоту.

Негр на колеснице, барельеф. Непокрытая голова, курносое лицо, короткие курчавые волосы, он наклонился к коням и словно бы протягивает им руку; перед конями стоит мужчина с мечом на боку, он натягивает поводья, тянет коней на себя, кони пятятся, упираясь передними ногами. Грудь правого коня (она лучше видна) украшена широкой сплюсненной физиономией.

¹ Всемогущему Богу Митре Аппий Клавдий Тирренний, до-
стопочтенный муж, посвящает (лат.).

Жертвоприношение (Эдип, укрытый покрывалом, и Антигона?), небольшой барельеф. Стоящая женщина держит в руках пуки прутьев с секирой; сидящий мужчина, укрытый покрывалом, с таким же пучком; перед ним справа бородатый мужчина в хитоне, подвязанном поясом, и тюрбане (?) льет в огонь какую-то жидкость; слева дерево.

Мужчина и женщина на одном коне (Капрея). «Предполагается, что это Тиберий с одной из своих любовниц!» (Каталог). Женщина сидит впереди, позади нее обнаженный мужчина с ожерельем на шее; у женщины прикрыты только бедра, в руке факел, который она подносит к дереву; раб тянет лошадь вперед, а та упирается правой ногой; справа дерево; за деревом на пьедестале, опоясанном гирляндой, обнаженный ребенок с фруктами. Красивая вещица, хотя скульптура не слишком хороша и вполне непристойна; хотя она и не содержит ничего скабрёзного, в ней чувствуется какая-то подспудная развращенность.

Пир Икария. На заднем плане изображен дом с окнами; дом обращен к зрителю углом, видны и боковая сторона, и фасад, крыша черепичная; ближе к нам дом пониже или флигель, видны одна из комнат, обитые стены. На ложе, отвернувшись от нас, сидит мужчина; рядом с ним лежит, опершись на локоть, женщина; перед ними уставленный яствами стол; возле ложа канделябр. Мужчина приподнялся с подушки и знаком приглашает войти человека, стоящего в дверях, этому человеку маленький фавн (хвост трубой) развязывает сандалии. Вновь прибывший высок, грузен, бородат и словно бы погружен в дрему; его поддерживает другой фавн, левая рука бога покоится на голове фавна. В коридоре за дверью теснятся еще четверо: обнаженный юноша с венком на голове и непомерно длинным посохом в руках (увенчанным цветами, колосьями и завязанной наверху лентой), похоже, отпихивает ногой толстого Силена в сапогах и задранном платье, из-под которого торчит фаллос; пьяный Силен играет на дудке; позади на цыпочках стоит юноша (очень красивый), его улыбающееся лицо обращено к женщине (голова ее запрокинута, словно в мольбе), которую еще один персонаж, пятый (без головы), держит за талию.

Два раба из фригийского мрамора. Они несут на спинах прямоугольные сосуды, сгибаясь под тяжестью

ноши, припав на колени; ступни и руки черные. В мраморе передана пестрота одежды чужеземцев.

Барельеф на саркофаге с изображением свадьбы. Тринадцать персонажей и еще два меньшего размера. Действие разделено, по-видимому, на три части: 1) начиная с левого угла, пять человек: двое, потом один и еще двое; средний моложе остальных и более других задрапирован, он держит в руке свиток, лицо повернуто к мужчине, стоящему справа от него; 2) три фигуры: двое мужчин приблизительно одного возраста, тот, что слева, держит свиток, между ними мужчина с бородой, что-то говорящий своему спутнику справа; 3) три женщины и двое мужчин; первая женщина надевает венец на голову девушки с печальным лицом, напротив девушки стоит молодой человек с бородой и смотрит на нее. Между ними двумя — матрона, лицом к юноше; позади него мужчина с обнаженным торсом, амулетом на шее и рогом изобилия в руке. Что означают два маленьких человечка (без голов), ростом по колени остальным? Первый (тот, что слева) расположен между четвертым и пятым персонажами слева, второй — возле женщины, возлагающей венец на голову девушки; оба стоят и, кажется, участвуют в общем действе.

Диана Эффесская, увенчанная стеной с тремя воротами. За головой у нее диск с крылатыми львами по бокам (один, потом два и снова один); на шее висит длинная гирлянда из мелких роз. На груди созвездия зодиака (?) [Близнецы расположены поперек, женщина (Дева?), Скорпион, женщина]; под гирляндой ожерелье из желудей. На каждой руке по три льва, смотрят на богиню.

У нее 20 сосков различной величины; торс обтянут платьем, разделенным на три полосы, одна посередине и две по бокам, полоски разделены на квадраты, в каждом квадрате свой сюжет.

Первая полоса сверху вниз: 1-й квадрат — крылатые львы с поджатыми лапами; 2-й квадрат — то же самое; 3-й квадрат — то же; 4-й квадрат — три оленя с согнутыми ногами; 5-й квадрат — два быка; 6-й квадрат — пчела.

Боковые полосы: 1-й квадрат сверху — крылатая женщина; торс заканчивается в верхней части бедра подобием раковины, которую она сама же держит обеими руками; 2-й квадрат — бутон, розетка и бабочка

внизу; 3-й квадрат — такая же женщина, как и в первом; 4-й квадрат — грифон с женской головой в профиль; 5-й квадрат — пчела; 6-й квадрат — розетка и распустившаяся роза.

Второй ряд слева: 1-й квадрат — женщина-сфинкс в профиль; 2-й квадрат — крылатая женщина, тело ее помещено в раковину, которую она же и держит в руках; 3-й квадрат — розетка; 4-й квадрат — пчела; 5-й квадрат — розетка; 6-й квадрат пуст.

Боковые полосы (из двух рядов каждая) идентичны; ступни, кисти и голова сделаны из бронзы, остальное из восточного алебастра.

Выбиваясь из-под этого облегающего торс пояса, драпировка свободно падает вниз и доходит до середины ступней, кончик которых — приблизительно до подъема — выступает.

Кубок. Меркурий в круглой шляпе и без крылышек на ногах приносит младенца Вакха нимфе Левкофее, та, сидя, протягивает пеленку, чтобы завернуть младенца. За Меркурием, пританцовывая на цыпочках и играя на дудке, следует какой-то вакхический персонаж, одетый в шкуру леопарда или тигра с острыми когтями; позади него растрепанная женщина, запрокинув голову и выставив вперед подбородок, играет на большом тамбурине; за ней другой служитель Вакха, одетый в шкуру, в руке держит длинный тирс с набалдашником в виде сосновой шишки.

Позади нимфы (Меркурий подходит с правой стороны, нимфа сидит слева) стоят трое, тоже с жезлами, завершенными сосновыми шишками, позы расслабленные, они словно бы отдыхают. Третья (считая от нимфы) женщина, полуобнаженная, опирается правой рукой о ствол дерева, отделяющий ее от второй женщины. Другой персонаж, судя по обуви, мужчина, на ногах у него, похоже, сапоги.

Наверху кубка, между Меркурием и нимфой, надпись: «Σαλλιων Ἀθηναῖος ἐποίησε». Этот прекрасный сосуд долгое время служил причальной тумбой в Гаэте; веревки истерли бедра фигур; затем его перенесли в городской собор и использовали там как крестильницу.

Аполлон и музы, барельеф с тремя женскими фигурами и одной мужской. Слева стоит женщина в длинном легком платье с разрезом на левом бедре, в руках у нее металлические тарелки; она круто поверну-

лась к Аполлону, касаясь головой его руки. Аполлон отклонился всем телом вправо, в сторону этой женщины, вытянув правую руку (рука проходит позади головы женщины), кисть, держащая смычок, опирается на кисть женщины; в левой руке у него лира (огромная, с изгибом наподобие бычьих рогов). Он стоит в непригнутой позе, чуть опершись спиной о стену; красивые, стройные, сильные живот и грудь; голова ретаврирована; обнаженное тело, складки драпировки за спиной.

На ложе сидят две женщины; первая подогнула ногу, колено очень точно проработано; она протянула руку к лире Аполлона, и от этого движения драпировка соскользнула с нее; Аполлон занят другой женщиной и развернут к ней всем телом; в то же время сидящая женщина чуть отвернула голову, чтобы послушать третью, которая стоит на коленях с лирой в руке (лира, как у Аполлона); по складкам драпировки, упавшей на бедро, видно, что она резко привсталала.

Очаровательная вещь; барельеф очень выпуклый; фигуры, возможно, слишком вытянуты, но это лишь придает им изящества. Груды женщин широко расставлены, под плотью проступают ребра; у второй женщины великолепный живот.

ПОМПЕИ

АМФИТЕАТР

Два входа, один со стороны Везувия, другой со стороны бухты Каstellамаре. Лестницы ведут вниз, от входов к арене; на лестнице, обращенной к Везувию, некогда существовали перила, о чем свидетельствуют отверстия в плитах, в которых крепились стойки; другой проход идет не прямо к арене, а изламывается углом. У входа со стороны Везувия слева сохранилось больше ступеней, нежели справа; менее всего пострадала та часть амфитеатра, что обращена к Каstellамаре; здесь еще стоит верхний ярус.

Восемнадцать верхних рядов отделены проходом и барьером; ниже еще двенадцать рядов и снова проход и барьер. Под ним пять рядов по бокам от лестниц и четыре на центральном участке. Эти нижние ряды имели отдельный вход снизу и отдельную лестницу.

В левой, если стоять лицом к Везувию, части арены небольшая дверь: через нее выпускали зверей; вход, обращенный к Каstellамаре, предназначался для гладиаторов (?) (так утверждает наш чичероне), их приводили по проходу, расположенному напротив лестницы с перилами. Следует заметить, что на ступенях сохранились выемки для ног, чтобы зрители верхних рядов не мешали нижним.

Над амфитеатром мощная стена, прорезанная сводчатыми дверьми; над ней кирпичные и каменные столбы, уцелевшие от верхних этажей; верхняя часть амфитеатра сохранилась лишь со стороны Каstellамаре. Здесь двери в стене расположены на уровне земли.

МАЛЫЙ ТЕАТР

Сцена шириной в четыре шага, на ее задней стене три двери: две по бокам и одна большая посередине; и еще две совсем маленькие по краям, замурованные со стороны сцены, но еще отчетливо различимые со стороны постсцениума. Постсцениум имеет в ширину не менее пяти шагов, т. е. шире самой сцены. На боковых стенах сцены видны двери одной высоты с центральной дверью задней стены.

Публика входила через две высокие сводчатые двери, над которыми расположены трибуны (подиумы) для претора и весталок. Трибуна состоит из площадки в три шага шириной и ступеней, поднимающихся до самой стены.

Для чего служил ров на передней части сцены? Он имеет фута два с половиной в ширину и обнесен двойной стеной. Может, туда убирался занавес? Или же там размещались музыканты?

Четыре нижних ряда шире других и отделены от верхних барьером; над ним начинаются места для публики, пересеченные шестью лестницами. У основания лестниц, примыкающих к подиумам, стоят атланты: мужские фигуры, поддерживающие каменные плиты, на которых некогда красовались статуи.

Перед кариагидами — вход в коридор, расположенный над нижним ярусом; стенка, отделяющая нижний ярус, завершается сфинксами.

На верхних ярусах вела наружная лестница, заключенная между двух стен.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Здесь постсцениум уже, сцена шире, они также соединены тремя дверями; средняя дверь выше других, по бокам от нее сохранились два столба или, вернее, пьедестала, на которых стояли статуи.

На задней стене сцены выступ, на котором, по-видимому, что-то стояло, не загораживая расположенных позади, в нишах, статуй; далее углубление в стене, затем снова выступ и дверь, потом еще выступ и углубление; на боковых стенах — двери.

Ров на авансцене огорожен двойной стеной, на дне его прямоугольные углубления; вдоль стены, обращенной к сцене, протянулась широкая борозда, где, вероятно, стояли столбы (?); углубление это слишком узко, чтобы в нем могли размещаться музыканты (?). С наружной стороны, т. е. с той, что обращена к зрителям, стена эта выглядит так (если стоять спиной к публике): посередине полуротонда, по бокам от нее небольшие прямоугольные ниши, затем лестница в четыре ступеньки (возможно, она вела на сцену; в таком случае надо было пройти надо рвом между двух стен), потом стена, кирпичный столб и снова стена.

ХРАМ ИСИДЫ

Прямоугольный участок, окруженный кирпичными колоннами, облицованными штукатуркой; колонны с каннелюрами расширяются от середины; внизу они красные, вверху желтые. У входа два прямоугольных столба, выкрашенные в красный цвет.

Слева небольшое сооружение, тоже облицованное под мрамор, изукрашенное арабесками, ветвевидным орнаментом и большими сюжетными панно.

На фасаде изображены: крылатый дух, далее летящие мужчина и женщина, женщина повернута к нам спиной, мужчина — лицом, у него крылья на ногах, он увлекает за собой женщину, которая положила правую руку ему на плечо; снова крылатый дух.

По обе стороны от двери: женщина, укрытая равномерными складками драпировки; она стоит, ноги сдвинуты вместе, широкие складки ткани лежат по косой; на стене, обращенной к храму, обломанные крылатые

духи; на четвертой стене нет ничего, она была полностью реставрирована.

У входа в это строение, справа от двери (если стоять к ней лицом), большой жертвенник, по другую сторону, напротив него, фонтан, в котором теперь вода из Сарно.

Храм стоит на площадке фута четыре высотой. С каждой стороны по столбу; на площадку ведет лестница в восемь ступенек; по бокам круглые ниши, увенчанные пирамидальными тимпанами. На этой площадке, которую можно назвать портиком, стоит по две колонны с каждой стороны лестницы и, кроме того, гладкая круглая колонна слева и колонна с каннелюрами справа.

Далее расположена дверь в святилище, окаймленная двумя вышеупомянутыми нишами. Святилище разделено на две части: поперек него, во всю ширину, возвышается кирпичное сооружение высотой в человеческий рост, напоминающее длинную высокую кухонную печь; нижняя часть сооружения представляет собой свод, в который ведут две дверцы фута два с половиной высотой. Наверху же по самой середине стоит прямоугольная тумба (пьедестал? основание жертвенника?).

На боковых стенах святилища сохранились каменные выступы (резные модильоны, на которых лежали балки второго этажа или же стояли статуэтки, если второго этажа не было).

Упомянутые выше ниши опираются на очень широкое основание, выступающее за края площадки. На задней стене святилища также есть ниша с тимпаном, украшенная ветвевидным орнаментом.

По периметру обнесенного колоннадой прямоугольника проходит желоб для отвода воды. На линии колонн видны также кирпичные тумбы, достигающие человеку до груди, с отверстиями наверху (их две в ряду колонн позади святилища и по одной на боковых сторонах).

ДОМ ПЕКАРЯ

Печь совсем как наши: труба, полукруглый свод, куда закладывали хлеб через прямоугольное отверстие; внизу на уровне пола еще один свод. По бокам от него каменные углубления в полу. Конусы жерновов почему-то выдолблены сверху.

БАНЯ

Состоит из четырех помещений. Сводчатый коридор ведет в первое из них — сводчатую галерею со скамьями вдоль стен. В конце ее дверь в холодную баню — фригидарий, представляющую собою ротонду с коническим сводом, куда свет проникает только через верх; всю ее занимает круглый мраморный бассейн. В стене четыре круглые ниши. На ригеле, опоясывающем ротонду у основания свода над нишами, барельефы с изображением бегов и скачек.

На стене против двери бронзовый кран с узким отверстием, из которого вода лилась плоской струей.

В бассейн спускаются две высокие ступени, на которых можно было сидеть.

Третье помещение параллельно первому, соединенному с ним дверью на правой стене; оно сплошь опоясано нишами, отделенными друг от друга атлантами: полуобнаженные фигуры с грубыми бородатыми лицами, одетые в трусы из находящихся друг на друга ромбиков или из обычной ткани (а может быть, из шкур?). Среди барельефов из стука, украшающих этот зал, — похищение Ганимеда.

На правой стене зала дверь в четвертое помещение, пол которого лежал на кирпичных подпорках и нагревался снизу печами. Справа от входа прямоугольный мраморный бассейн наподобие большой ванны; против двери в полуротонде бассейн с фонтаном, установленный на каменном конусовидном основании.

В своде четвертого зала имеются три отверстия, два по бокам и одно посередине, да еще оконце в полуротонде; под ним, над раковиной с фонтаном, прямоугольный каменный выступ с отверстием, такие же есть в первом и третьем залах; впрочем, в первом зале отверстие замуровано. Служили ли они для выпуска пара, или это были ниши для фонарей? Сами выступы некрасивы и, судя по всему, пристроены позднее. В первом и третьем залах окна на задней стене.

ДОМ СУДЬИ

Вход через коридор, выходящий на улицу. На правой стене коридора женщина, играющая на флейте; во дворе, справа от входа, небольшой жертвенник.

Рядом с коридором или, точнее, с входной аллеей вытянутое в том же направлении помещение — комната привратника. Во двор справа и слева выходит по комнате, в левой из них изображен на стене фавн с громадным красным фаллосом (отклоненным в сторону, чтобы его лучше было видно), фавн ласкает лежащую женщину.

Позади двора пространство, выложенное мозаикой; за ним сад. Справа от мозаичного зала большое помещение, украшенное фресками. На стене против входа изображен триумф Вакха или Геркулеса: герой опирается о голову мужчины, которая таким образом оказывается у него под мышкой; справа женщина с львиной шкурой на голове и палицей в руке: на плечах у центрального персонажа сидит ребенок и играет на флейте у самого его уха.

Лестница на левой стороне мозаичного зала ведет в сад и в многочисленные помещения, расположенные на том же уровне; на правой стене лестницы нарисованы огромная женская маска и павлин.

Посередине сада маленький мраморный бассейн, вокруг него животные: утка, корова, собачки — все смотрят в бассейн; чуть дальше заяц, который ест виноград. Группа ребятишек, извлекающих камень из копыта фавна. По углам сада двойные гермы: голова Вакха и голова женщины (или, возможно, Вакха-юноши, хотя черты лица определенно женские). В глубине сада небольшой искусственный грот из голубой мозаики с полосками натуральных ракушек; в гроте стоит Силен, опершись на мех, из которого вытекала вода и по ступенькам сбегала в бассейн. Вот уж поистине образчик стиля рококо; владелец дома был еще к тому же и распутником. Настоящий буржуа!

ПЕСТУМ

В Пестуме три храма: самый красивый из них — храм Посейдона, расположен в центре; храм Деметры встречает вас при въезде в город, базилика — провожает; все расположены справа от дороги, если ехать из Салерно.

ХРАМ ПОСЕЙДОНА

Тяжелый дорический стиль, рыжеватый пористый камень; но какое различие с Парфеноном!

Низкий тимпан, массивный антаблемент, из-под которого выступают абаки капителей; триглифы и отлив украшены сережками; десять метоп.

На фасадах по шесть колонн, считая две угловые, на боковых сторонах — по четырнадцать.

Наос, располагавшийся на возвышении, виден очень отчетливо; по углам сохранились массивные столбы без капителей, завершающиеся легким изгибом, подобно египетским. Между столбов по две колонны в том же стиле, что и остальные.

Сохранились и колонны святилища: по 7 с каждой стороны; на них стоит второй ярус колонн: 3 с одной стороны и 7 с другой.

На валике капители снизу три опоясывающие борозды; четыремя дюймами ниже, на верхушке ствола еще три, но не сплошные, а прерываемые ребрами каннелюр. Ансамбль тяжелый, но мощный, крепкий.

БАЗИЛИКА

Громадные абаки капителей, выступающие из-под антаблемента; тяжесть их подчеркивается сужающимися кверху колоннами.

18 колонн на боковых сторонах и 9 на фасадах, считая угловые.

В центре наоса или, вернее, в центре храма сохранились три колонны с архитравом, две капители лежат на земле, каждая в сажень шириной. Подушки капителей невероятно тяжелы; сужающиеся книзу колонны кажутся чуть ли не выпуклыми посередине — весьма некрасивое зрелище.

Внутри храма вас встречают пять колонн, крайние из них — столбы с квадратными капителями.

На антаблементе с внутренней стороны сохранилось множество прямоугольных отверстий, в которых лежали балки перекрытия, опиравшиеся, по-видимому, на центральную колоннаду; отверстия расположены на стыке камней, который приходится точно на середину абака.

Общий тон базилики серый.

ХРАМ ДЕМЕТРЫ

Капители показались мне не столь тяжелыми, как в базилике. Святилище выше, слева от него три христианские могилы; коническая крыша, 13 колонн по бокам, 6 на фасадах.

РИМ

Музей римского колледжа иезуитов

Чрезвычайно любопытная коллекция бронзовых изделий и древней утвари, найденных при раскопках на территории иезуитских монастырей. Посередине зала выставлено несколько древнейших римских монет и великолепный **бронзовый сосуд** в форме ведерка со штриховым изображением истории Аргонавтов (?). Сюжет мне не очень ясен: сатир, не то река, не то фонтан, льющийся из пасти льва, привязанный к дереву старик. Восхитительная крышка, на которой изображена охота на кабана и на оленя.

Небольшая статуэтка Аттиса. Размером не более двух дюймов, костюм такой же, как у Аттиса в ватиканском музее Кьярамонти; живот открыт и обрамлен рубашкой; фригийский колпак, панталоны.

Маленький сеннарский бык с горбом на загривке.

Маленький скелет, торс; ребра вылеплены очень рельефно.

Амулеты. Амулеты в форме человеческой руки; две то ли воловьи, то ли бараньи головы на одном теле; тело цилиндрической формы, головы расположены по концам, а на середине кольцо, чтобы можно было подвешивать амулет на веревку. На иных головах громадные непропорциональные рога. Есть и лошадиные морды.

Металлические браслеты, спиралевидные.

Крупные оловянные дощечки или пластины с головой наверху, род гермы. Непременно обозначены кисти рук; чаще всего они расположены по бокам на различной высоте, но иной раз выступают рельефом прямо из доски.

Особенно любопытна одна такая скульптура с обозначенными непомерно длинными ногами; правая кисть лежит на уровне бедра, локоть отодвинут назад, в левой руке змея.

Рядом две статуэтки, представляющие собой нечто среднее между описанными выше гермами и примитивным этрусским стилем. На обеих шлемы с крыльшками и гребнями: у первой фигуры высокий гребень на шлеме, торс затянут в камзол или кирасу, из-под которой выступает рубашка или же кольчуга; это, возможно, Марс (?); вторая фигура — Минерва, она идет широким шагом, спускающаяся до пят рубаха натянута на ногах. Статуэтки эти не имеют толщины, они словно сплющены, откуда на них ни смотри, видишь лишь профиль.

Воин, несущий за спиной колесницу приблизительно так, как арабы носят чубук, только не под одеждой, а поверх нее. На спине у воина видны два крюка, за которые зацепляется дышло, кузов, таким образом, легко снимается. Фигура имеет дюймов 10 в высоту, а кузов возвышается над ней еще на добрых 4 дюйма. На голове у воина мягкий колпак, не закрывающий ушей, с двумя острыми загнутыми кончиками впереди; он держит перед собой (прижав локти к груди) большой круглый щит с острием посередине. Род скульптуры, восходящий к вышеупомянутым пластинам, достигает здесь совершенства; эта последняя статуэтка далеко отстоит от первоначального источника, сохраняя, однако, определенное с ним сходство. Возможно, Марс представляет собой промежуточную ступень.

*Церковь святой Агнессы вне стен
(Санта Аньесе фуоре ле мура)*

Дорога к церкви пролегает через усаженный розами сад, за которым пачпнается лестница ступенек в пятьдесят с широкими площадками через каждые пять; стены исписаны изречениями. Внизу лестницы поворот направо и вход в церковь.

Церковь трехнефная, двухъярусная. Своеобразный рисунок каннелюр: в центре округлый валик, по бокам от него прямоугольные ребра, затем еще два валика и два ребра и потом уже желобок, т. е. выемка каннелюры.

Мозанка абсиды. В центре стоит святая Агнесса с нимбом вокруг головы, на ней широкая золотая епитрахиль поверх лиловато-коричневого платья; по бокам от нее священнослужители в платьях того же цвета:

у правого (того, что стоит слева от нее) в руках книга, у левого — двухэтажный домик (верхний этаж уже нижнего), дверь в который прикрыта занавесками наподобие альковных (скрещены шалью); он держит домик перед собой, как бы принося его в дар.

Санта Прасседе

Мозаика абсиды. В центре Иисус Христос в желто-золотом с красными полосами платье, в левой руке у него свиток, правая рука простерта; слева от него человек в белом. Женщина в двойном венце, напоминающем по форме продавленное турецкое зеркало; у нее округленные, широко открытые глаза, напряженный взгляд, в ушах огромные серьги, прямоугольные внизу; на платье, по подолу и наверху рукавов — звезды. Третий персонаж — священнослужитель в белом с книгой в руке; затем пальма с финиками.

Справа от Христа мужчина в белом, правая рука его лежит на плече женщины (в такой же позе стоит и мужчина слева), одетой так же, как и первая; затем мужчина с домиком, вокруг головы у него не нимб, как у других, а ультрамариновый прямоугольник; на краю снова пальма. На ветке сидит золотисто-бурая птица, голова окружена голубым нимбом с серебряными клинышками на внешней стороне.

Справа и слева от Христа громоздятся стопкой до уровня плеч какие-то предметы (хлеба? рыбы? облака?), поочередно, то красный, то зеленый. Над головой плывут цветные лососи — это скорее всего облака; из них высовывается рука, держащая венец.

Под ногами стелется золотая земля, по которой внизу течет Иордан.

Ниже вытянулось лентой стадо овец, как в церкви Святой Марии в Трастевере, средний барашек расположен как раз под Иисусом Христом; у него почти человеческое лицо и нимб вокруг головы; он стоит на зеленом диске, опирающемся на четыре ножки, похожие на плохо обструганные стволы деревьев.

Часовня, в которой выставлен столб бичевания; она производит мощное впечатление; снаружи украшена множеством небольших мозаичных портретов. Напротив часовни ряд портретов более крупного размера: устрашающие, широко раскрытые белые глаза. На ску-

лах красные, как кровь, пятна, резко выделяющиеся на бледном лице и оживляющие его.

Я был настолько увлечен чудесными мозаиками, что вовсе не обратил внимания на картину Жюля Ромена «Бичевание» в ризнице; она не захватила меня, и я прошел мимо. Знаем ли мы византийское искусство?

Церковь Святой Марии Маджоре

Мозаика абсиды. Иисус и Богородица в красивом триклинии; он возлагает ей на голову венец; это царь и царица; под ногами у них табуретки.

С боков по три человека с непокрытыми головами и нимбами, впереди каждой группы коленапоклоненный епископ.

Иисус и Богородица сидят на фоне большого золотого круга; по краям его хоры ангелов с нимбами и цветными крылышками; они стоят на коленях одни над другими и изображены в перспективе.

В углах по большому дереву — этакие канделябры с арабесками вместо веток, на них сидят павлины, орлы, куры и попугай (?).

Ствол украшен браслетами трех видов.

КОРСИНИ

Мурильо. Богоматерь. Младенец сидит у нее на левом колене, ступня этой ноги опирается о ступеньку; правое колено ниже левого, на него падает свет. Она обнимает ребенка левой рукой, ладонь лежит у него на левом плече; правой рукой она придерживает белую матерью, прикрывающую живот младенца, запястье оголено. выше него загнутый рукав белой рубашки и бледно-голубой отворот фиолетового платья. На плечи наброшен прозрачный желтый платок, сквозь него просвечивает платье. Мария собирается кормить ребенка, левая грудь обнажена, она маленькая, теплая, неказисто красивая и нежная. Прекрасная линия шеи, голова чуть повернута вправо, внизу на щеке лежит тень.

Круглая головка, лоб осенен черными как смоль волосами (виски открыты) с рыжеватым отливом. Сероватое покрывало подвернуто на макушке. Глаза, чер-

ные, покойные, чистые, глядят сверху вниз, пронзая вас насквозь. Голубоватые тени на переносице, тонкий прямой нос с маленькими ноздрями, от носа к верхней губе идет глубокая ложбинка, маленький, четко очерченный рот, небольшой овальный подбородок.

Младенец похож на мать: такие же волосы, чуть светлее, голубые белки, сияющие зрачки; грудка широкая и удивительно правдоподобная, выпуклая, пухлая. Миленькая левая ручонка, ладонь лежит на отвороте материнской рубашки. Пеленка прикрывает левую ягодицу и живот и уходит под правое колено. Правая ножка вытянута вдоль материнской ноги, прикрытой голубым плащом; полог плаща выходит из тени и спускается вдоль ее левой руки.

Фон: справа, позади Иисуса, серая колонна, за спиной у Марии и над ней густое серое облако; она сидит на каменной скамье, позади деревце с бурыми листьями.

Гольбейн. Лютер (6-я комната), небольшой портрет. Черная шапочка, фиолетовый плащ лежит равномерными продольными складками, прямой воротник, сидящие, ровно остриженные волосы, спускающиеся ниже ушей, толстое, мясистое, мягкое лицо, двойной подбородок, приплюснутый кончик носа; широкие веки, карие глаза; добродушное лицо, исполненное гордой простоты.

Гольбейн. Супруга Лютера, небольшой портрет. Белый чепец с широкими лопастями, спускающимися на плечи; бледное морщинистое лицо, лет 55 — 60, не меньше; жидкие брови, выражение лица мягкое, улыбающееся.

Ван Дейк. Портрет лысого мужчины с ярко освещенным лбом, большие гипюровые брыжи. Эффектная картина.

Мурильо. Портрет мужчины с длинными черными волосами. Очень тщательно обрисованный рот, яркая бледность лица, красные уголки глаз. Усы: верхняя губа выбрита, оставлена лишь тоненькая полоска, начинающаяся под самым носом и спускающаяся к уголкам губ, образуя, таким образом, тупой угол надо ртом и не загораживая изысканного рисунка губ. (Вспомним, кстати, какие усы носили при Людовике XIII.)

Рембрандт. Портрет старухи. Морщинистое, землистого цвета лицо изображено в фас, черная вуаль на голове наполовину прикрывает лоб и спускается на плечи.

Тициан? Филипп II, портрет до бедер. Черный камзол, подбитый серым мехом, правая рука опирается о стол, левая лежит на рукоятке кинжала.

Он куда менее красив, чем на портрете в Неаполе, хотя и лицо и фигура те же самые.

Лицо имеет неприятный серый оттенок, под цвет меха; несвойственная Тициану блеклость.

Калло. Жизнь солдата, двенадцать маленьких картин. **Виселица**: на одном дереве повешено двадцать человек, а двадцать первый взбирается по лестнице, впереди него палач, позади монах, протягивающий ему распятие, а он, сложив руки, смотрит куда-то вдаль.

Под деревом монах готовит к смерти очередного обреченного, который слушает его, стоя на коленях. По другую сторону дерева, справа, двое осужденных в рубахах играют в кости на барабане; на переднем плане справа монах с распятием в руках исповедует еще одного приговоренного, оба стоят.

Осужденные одеты в рубахи и штаны, на повешенных одни рубахи.

Солдат, повешенный за середину туловища, голова и ноги свешиваются вниз, руки завязаны на спине; слева четверо в рубахах сидят верхом на высоком деревянном коне, возвышаясь над толпой. Строй солдат, целящихся в сторону виселицы; вокруг еще множество солдат и выстроенный шеренгой полк.

Виселица представляет собой столб с перекладиной, на одном конце которой веревка, на другом — повешенный; веревка закручивается на цилиндр, возможно, она служит для того, чтобы опускать перекладину, к виселице приставлена лестница. А может быть, веревка скользила по перекладине и пытка заключалась в том, чтобы поднимать и опускать повешенного.

Деревянный конь, на котором сидят осужденные, заменял позорный столб.

КАПИТОЛИИ

Бюст из самых примитивных, прямые линии носа, на подставке (это герма) надпись: «ΠΛΑΤΩΝ».

Женский бюст, волосы уложены ракушками (в два ряда), прядки на плечах; надпись: «ΣΑΠΦΩ ΕΡΕΣΙΑΣ»¹.

Фавн с виноградом и посохом; на месте сонной артерии две продолговатые шишечки, как в Studi.

¹ Сапфо Эресская (греч.).

ВИЛЛА ФАРНЕЗИНА

(2-я комната на 2-м этаже, против окна)

Джованни Антонио Содома. Александр и Роксана, фреска. Роксана сидит на ложе, обрамленном колоннами с каннелюрами и красными занавесками; амур разувает ее, один амур срывает покров белого газа с ее груди; позади кровати три женщины: негрятка с золотыми браслетами, другая стоит к нам спиной с вазой на голове, третья удаляется.

Роксана раздевается, она задрала подол желтого платья. Очаровательная белокурая головка, лицо исполнено неги и сладострастия; истома туманит взор; живот прикрыт белым газом, подвязанным золотой ниткой, линии живота следуют повороту торса — она сидит чуть боком.

Очень хорошо передано движение амура, стягивающего сандалию; под ногой у него видна вторая сандалия; амур на карнизе балдахина с трудом поднимают тяжелый зеленый полог, тянут его на себя; один вернулся с головой, лицо выглядывает, словно из-под капюшона. В небе множество амуров, пускающих стрелы.

Александр (очень нелепый) преподносит корону.

В другом углу картины Александр изображен с Ксенофонтом Эфесским.

Картина несет в себе черты упадка, тяжеловесный рисунок, слащавая живопись, такого возбуждающего и похотливого лица, как у Роксаны, я, пожалуй, не видел.

БОРГЕЗЕ

Тициан. Любовь божественная и любовь мирская (комната 10, № 23). Две женщины, сидящие на древнем саркофаге: та, что слева, одета, та, что справа, обнажена; на первой атласное платье перламутрового оттенка, в руках черные цветы, стального цвета свободные перчатки (перчатка, плотно облегающая руку, на картине должна выглядеть отвратительно, необходимо, чтобы на ней было несколько складок), распущенные рыжие волосы падают на левое плечо, левый локоть отведен назад, ладонь лежит на вазе.

Между двумя женщинами склонился над заполненным водой саркофагом (вода вытекает из него через отверстие внизу) амур, правую руку окунул в воду.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ПАВЛА ВНЕ СТЕН

(Встреча)

Осмотрев церковь святой Елены, мы проехали мимо пирамиды Цестия в церковь Святого Павла Вне Стен. От пирамиды к святому Павлу ведет аллея; слева, с моей стороны, в карету летела пыль из-под колес; лошади шли медленно, кругом ни души, жарко.

В храме ведут реконструкцию. Наш кучер указал нам на центральный вход; это было ошибкой — там было пусто, плотники обстругивали доски. Большое, красивое по форме помещение, на столах разложены деревянные розетки, которые украсят потолок. В широко распахнутую дверь вливался дневной свет; рядом с плотником солдат (папский) с ружьем.

В соборе пять нефов; по бокам центрального нефа нарисованы медальоны, которые будут выложены современной мозаикой, в них изображены святые, один из них — Святой Дамасий. В глубине нефа огромный, до самого верха, верстак; по углам его, точно колонны, громоздятся балки, скрепленные прибитыми к ним поленами; справа временная деревянная дверца, ведущая в уже отделанную часть церкви (в плане это верхушка и перекладина креста). У колонны примостился рабочий с книгой; то ли читает, то ли молится. Г-н Лакомб попытался было войти в эту дверь, однако голос изнутри велел ему зайти с другой стороны.

Мы вышли из церкви и обошли ее снаружи. Затем вошли через дверь, обращенную к боковой улочке; там стоял видавший виды экипаж с поднятым верхом и кучером на козлах.

Через вестибюль, украшенный медальонами с гротескными мозаичными портретами старинной работы, мы вошли в церковь. Внутри она белая и очень высокая. Какой-то монах заметил нас и шел за нами следом; мы рассматривали прекрасную старинную мозаику в куполе над алтарем: Иисус Христос, окруженный евангелистами в триклинии; у ног его ползает па животное, точно гад, крошечный папа Гонорий III.

Обернувшись налево, я вдруг увидел женщину в красном лифе, она шла, опираясь на руку старухи; чуть поодаль за ними следовал старик в сюртуке с вязанным шарфом на шее. Я поднес лорнет к глазам и шагнул в их сторону: что-то влекло меня к этой женщине.

Когда она проходила мимо меня, я разглядел бледное лицо, черные брови и широкую красную ленту, спадающую на плечи. Как она была бледна! Стан ее чуть изгибался, когда она шла, опираясь правой рукой на левую руку старой служанки.

Меня охватило внезапное бешенство, и точно молния поразила в живот, мне захотелось наброситься на нее, растерзать... Настоящее умопомрачение!.. Затем я принялся снова разглядывать фрески и настоятеля с ключами.

Она остановилась, присела на скамейку возле левых; стоило мне взглянуть на нее, как несказанная нежность охватила все мое существо.

Лоб ее, обрамленный прядями черных волос, казался вырезанным из старинной слоновой кости или хорошо отполированного паросского мрамора; пылающий алый бант (окаймленный двумя белыми ниточками) оттенял бледность лица. Удивительные белки глаз. Казалось, что она только пробуждалась, что она пришла из иного мира, между тем в глазах читался совершенный покой. Блестящие, черные, яркие и точно выпуклые зрачки глядели на вас с безмятежностью. А что за брови! Черные, тончайшие, какой плавный изгиб! Большое расстояние от глаз до бровей увеличивало глаза и подчеркивало рисунок бровей, становившихся, таким образом, самостоятельным объектом наблюдения. Подбородок яблочком, чуть опущенные уголки рта, опущенные голубоватыми усиками, округлое лицо!

Отдохнув, она пошла дальше. Может быть, у нее чахотка? Или что-то с поясницей (если судить по походке)? Казалось, она наслаждается погожим днем; возможно, она вышла в первый раз после продолжительной болезни, принарядилась.

Настоятель прошел вперед и открыл дверцу, ведущую в собор; старичок, которого я было потерял из виду, подал ей руку и помог сойти со ступенек, а я с раскрытым ртом замер на верхней, не решаясь пойти за ней дальше.

Мы осмотрели монастырь с витыми, испещренными зеленой, золотой и красной мозаикой колоннами; теплый воздух, яркое солнце. Роз здесь меньше, нежели в монастыре святого Иоанна в Латерано, схожем с этим во всем остальном. Лакомб спросил у настояте-

ля, знакома ли ему больная дама, тот ответил отрицательно.

Выходя из церкви, я снова увидел ее издали, она сидела на камнях возле работавших там мастеров.

Больше я ее не увижу!

В церкви я горел желанием броситься к ее ногам, поцеловать край платья; я готов был тут же просить ее руки у отца (?). В карете мне пришлось в голову заказать ее портрет и пригласить писать его Энгра или Леманна. Ах, если бы я был богат! Я мечтал о том, как явлюсь к ним под видом врача... и приворожу ее! В том, что мне удастся ее приворожить и, возможно, даже излечить, я не сомневался!

Как дорого отдал бы я за то, чтобы держать ее голову в своих руках, чтобы поцеловать ее в лоб, в ее прекрасный лоб! Если бы я знал итальянский, я бы подошел к ней, когда она сидела на камнях; уж я бы нашел способ завести беседу.

Какой чудесный день! Как красиво все вокруг! На обратном пути мы снова въехали в ворота возле пирамиды Цестия.

Встретили двух священнослужителей в длинных красных сутанах и остроконечных колпаках.

Обогнув Палагин, мы оказались на берегу Тибра, близ таможни; мы вышли из кареты около сломанного моста в нижней части острова на Тибре. Что за дивный вид; тоненькие завихряющиеся струйки воды.

В гостиницу возвратились в 4 часа.

Ее черты уже стираются из памяти.

Прощай! Прощай! (Страстной четверг, 15 апреля 1851 г.)

ВАТИКАН

КЪЯРАМОНТИ

Женский бюст с драпировкой. Вьющаяся угрем коса, венком уложенная на макушке; волосы под косой стянуты; впереди диадема, поднимающаяся с боков к центру тремя полосами; из-под нее выбиваются завитки.

Женский бюст. Надо лбом прядь или, вернее, топорщащийся пучок волос, разделенный на части. Может быть, это имитация лотоса? Каталог утверждает,

что бюст имеет сходство с Зеновией, царицей Пальмиры, какой ее изображали на медалях.

Женская голова. Миленькая головка а ля Помпадур, ну прямо-таки XVIII век; проборы по обеим сторонам; между двумя проборами, параллельно им, лежит широкая прядь волос с косичкой посередине; на уровне ушей пряди волос напоминают шляпку гриба, остальные заплетены в косу, улиткой закрученную на затылке.

Исида, огромный бюст. Надо лбом у нее красовался цветок лотоса. Ныне он восстановлен из штука. Вокруг шеи три ожерелья, вернее, три ряда продолговатых четок; четвертая нитка лежит на голове под вуалью и вместе со складками вуали спадает вниз.

Вакхический персонаж, голова, увенчанная лозой. Восхитительно переданное хмельное выражение лица; рот приоткрыт в улыбке, обнажающей зубы; вытянутая шея, голова выдвинута вперед; резная растрепанная гибкая ветка, выпавшая из венка, окаймляет лицо наподобие бороды; два листика лежат в уголках рта.

Аттис (?), статуэтка. Плохая. Он стоит, прислонившись к стволу дерева; справа от него висят бубны; в левой руке он держит тамбурин, правой бьет в него изогнутой палкой; на нем рубаха с рукавами, завязанная наверху и раскрытая на груди и на животе до лобка; серые штаны сужаются книзу и завязаны на щиколотках; на голове фригийский колпак.

Плотина (предположительно), жена Траяна, голова. Волосы уложены длинными валиками, испещренными дырочками, в которые вставлялись, по-видимому, жемчуга или драгоценные камни. Встречаются подобные высокие прически и без валиков: волосы надо лбом взбиты единой массой, имитируя то ли перья, то ли пух на утиной или лебединой шее. В скульптуре, во всяком случае, это выглядит некрасиво. Для укладки второй разновидности такой прически применялась, возможно, пудра. Иногда, как, например, в предполагаемом бюсте Матидии, матери Траяна, волосы такой высокой прически уложены мелкими завитыми прядками.

ВАТИКАН

Женщины верхом на морских конях. Перепончатые лапы, отдаленно напоминающие копыта; на плечах плавники, да и грива, вздымающаяся широкими плоскими прядями, напоминает спинной плавник.

Люцилий, бюст. Прическа напоминает прическу Клеопатры в Неаполитанском музее, большие круглые глаза навывкате; широкие открытые ноздри, тонкий, расширяющийся внизу нос; маленький рот, надутые капризные губки.

Бюст неизвестного и бюст Саллюстия (но не историка). На последнем драпировка из восточного алебаstra. Посредственные произведения. Интересно сделана борода, она высечена прямыми линиями, изображая бороду плоскую и расчесанную, а не завитую, как обычно.

Бюсты: два неизвестных, а третий бюст **Филиппа**. Одеты в латиклавы. Широкая драпировка спускается, как обычно, с левого плеча и пересекает грудь, справа она подогнута. Полоса на груди, похоже, сделана из нескольких слоев, наклеенных друг на друга. На одном из бюстов различимы четыре слоя. Как это возможно? Откуда они берутся?

КЛЕМЕНТИНО

(Зал Меркурия)

Процессия Исиды, барельеф. Справа налево: 1) женщина с ведром в правой руке, вокруг левой обвилась змея, подняв голову; на спине лежат две косы, на макушке лотос; 2) полуобнаженный босой мужчина, ниже пояса драпировка; в руке свиток, голова осенена ястребиными крыльями (?); 3) бритоголовый мужчина, с головой закутанный в плащ, в руках пузатая ваза с ручкой, на ногах сандалии с множеством тесемок; 4) женщина с обнаженными плечами и грудью и спадающими на спину косами, в правой руке у нее крытая галерея, в левой какой-то атрибут.

Пристрастие, которое древние питали к изображению удивления,— вспомним хотя бы фрески в Помпеях с неизменными приоткрытыми дверьми и входящими в них женщинами,— это пристрастие воплощено и в барельефе, пропущенном в каталоге.

В центре барельефа двустворчатая дверь, слева сидящая задрапированная фигура, по бокам от нее стоят две другие, та, что ближе к двери, одета в панталоны; справа тоже задрапированная фигура, сидящая между двух стоящих; на той, что ближе к двери, род кольчуги, испещренной просверленными в ней дырочками.

Приоткрытая левая створка двери выступает наружу; дверные панели украшены бородами головами, с кольцами во рту. Под сидящими персонажами большие маски. Что означают эти повсюду встречающиеся маски?

Силен. Шкура (дикого зверя?) на левом плече. В левой руке гроздь винограда, в правой — чаша; на голове венки из лозы, тщательно вылепленные листья торчат высоко над головой. Статуя невысокая, тяжелая, традиционный канон нарушен, смешаны черты Вакха и Силена. Может, это Силен — ребенок? Нет раздутого живота и расплывшегося в цинично-добродушной улыбке лица. На животе отчетливо вылепленные прядки волос, такие же вокруг сосков и на груди, возле фаллоса они стоят торчком, точно кораллы. Левая нога реставрирована.

Полигимния (?). Хорошенькая статуя. Венки из роз; рукой набрасывает драпировку на левое плечо, под тканью проступает кисть руки, правая нога согнута, отставлена назад.

Аспасия, герма. Прическа такая же, как у Клеопатры в Неаполитанском музее, на волосах покрывало, лицо мужественное, серьезное; маленькое расстояние между веками и бровями (в жизни такой взгляд из-под бровей и бровями оттененный бывает обычно очень живым, особенно в случае, если глаза карие); маленький, острый, выступающий подбородок. Кончик носа реставрирован.

Морское божество, именуемое Океаном, колоссальная герма. Волосы перехвачены лозой, по бокам головы торчат листочки; надо лбом точно львиная грива. Волосы и борода высечены длинными спускающимися прядями. У него рожки и вокруг головы вперемежку с волосами уложены четыре грозди винограда; у края бороды две дельфиньи морды. Рыбья чешуя покрывает все лицо и завершается неровной линией на лбу; на груди чешуя лежит пелеринкой. Ниже изображены волны.

Юнона Соспита, или Лавнувина, колоссальная статуя. Руки и ноги реставрированы. На голове козья шкура рогами назад, поверх нее днадема; шкура осеняет лицо, пелериной ложится на плечи, на груди она завязана; раздвоенные копытца свисают вниз; тело покрыто другой шкурой, перехваченной на бедрах тоненьким пояском; внизу по бокам свисают ножки с

острыми копытцами. Под шкурой платье, а под ним другое, прямыми складками спадающее до пят. К этому весьма некрасивому ансамблю современные реставраторы добавили копьё и щит в натуральную величину.

Женская голова с украшением в форме огурца. Гладкие волосы, голова обвязана веревкой, на висках волосы закручены вокруг нее, надо лбом украшение в форме огурца или, лучше сказать, кукурузного початка, сложенного из шести цилиндров. Волосы разделены двумя проборами на три части; средняя часть поднимается от затылка к початку, вокруг которого она, возможно, закручивалась, хотя следов волос на нем не сохранилось.

Женский бюст с навесом на голове. Три кончика выступают вперед, образуя балдахин, позади получается то ли стенка, то ли очень широкий капюшон; на лбу и по бокам волосы разобраны плоскими прядками, переплетенными, точно прутья корзины.

Бюст матроны с покрывалом. Прическа в три яруса: надо лбом ряд мелких кудряшек, а затем два ряда закрученных вперед прямоугольников.

Бюст Домиции, супруги Домициана, сильно реставрированный. Пять локонов или тонких валиков, как в париках XVIII столетия, уложенных один над другим; кое-где в локонах видны щели, в которые вставлялись щипцы, так как сразу целиком завить выгнутый, окаймляющий лицо локон невозможно; сухая, хрупкая прическа. Сзади волосы длинные, завязанные на затылке — тип прически, встречающийся в изображениях Пандросы; такая масса волос за спиной смотрелась, должно быть, очень хорошо, она обогащала рисунок плеч и шеи, уравнивала голову, принуждая держаться прямо; рядом с черными волосами кожа сверкала белизной, что очень ценилось в древности.

Тритон, полфигуры в натуральную величину, руки отколоты, на плечах чешуйчатая кожа. Она завязана на груди, закрывает плечи, проходит под мышками, лежит на руках у локтей. Страдающее выражение лица. Длинные острые уши торчат, не сливаясь с толстыми прядями волос; рот открыт, язык лежит на передних зубах, прижат к небу. Левый сосок расположен чересчур низко и сдвинут вбок, возможно, это даже и не сосок вовсе. Но что тогда? Бородавка? Пра-

вый сосок, наоборот, оказался очень высоко. Грудь должна была бы находиться там, где кончается чешуйчатая шкура.

Вакх, статуя — известная под названием «Сарданапал». Интересные сандалии, состоящие из подметки и настоящей веревочной сетки, облегающей ногу.

Возничий, статуя. В правой руке у него пальмовая ветвь, в левой обрывок поводьев (?), все тело обвязано веревками; сзади они лежат сплошь, как броня, начинаются под мышками и доходят до середины бедра; с левой стороны под них заткнуты гарпун и кинжалы: один широкий азиатский, другой загнутый. Руки у него обнажены, на теле короткий хитон, доходящий до ляжки, на правой ноге под хитоном завязана лента, на левой две. Зачем? Что это такое? Сандалии из плоских ремней крест-накрест, как у Аполлона Кифареда, выставленного в том же зале.

Саркофаг. Сыновья Ниобен, пораженные Аполлоном и Дианой. Что это за старик с длинной бородой и овечьей шкурой поверх одежды (сельский персонаж, по цвету сильно отличающийся от остальных), держащий ребенка, словно бы защищая его?

Юный римлянин в тоге и с буллой. Булла перевязана широкой лентой.

Ваза, украшенная листьями. Со дна вазы бил фонтан; изнутри она выложена длинными листьями, концы которых, изгибаясь, свешиваются наружу. Когда ваза наполнялась, вода устремлялась в бороздки листьев и каплями стекала с их кончиков. Листья длинные и тонкие, возможно, это листья лавра.

ПЕРУДЖА

СОБОР СВЯТОГО ЛОРАНА

Если на площади перед фонтаном Иоанна Пизанского стать спиной к собору, открывается вид на великолепный дворец, чарующий своими лестницами, романскими окнами и мушарбиями.

В ризнице старинное полотно в стиле немецкого (или итальянского?) примптива. Богородица сидит с книгой, Иисус у нее на коленях, читает вместе с ней. Роль книги как воплощения мысли в средние века недооценивается, на мой взгляд; в книге средоточие

всего, это самый возвышенный символ человеческой мысли, и чтение соответственно есть наивысшее проявление человеческого разума; что касается техники исполнения, художнику так даже удобнее, поскольку нет надобности изображать глаза, каковые, естественно, всегда опущены.

На переднем плане у ног Девы сидит на земле ангел, перебирая струны не то гитары, не то виолы и другой рукой сжимая колки; наклонив голову, он внимательно прислушивается, поза изображена очень умело. С каждой стороны от Девы стоят двое мужчин: слева Святой Иоанн Креститель и какой-то другой святой в панталонах из листьев со сморщенной кожей на коленях, как у Святого Иеронима в «Причастии Св. Иеронима» Доменикино; справа двое в мантиях, один с книгой в руках.

ИЛЬ КАМБИО

Фрески Перуджино помещаются в двух сводчатых залах, куда свет проникает только через дверь.

Среди древних мудрецов (первый зал, левая от входа стена) выделяется Соломон в короне с острыми зубцами; это уже предвосхищает Рафаэля.

Преображение. Христос стоит на горе в светлом одеянии; тело его источает сияние; по бокам от него коленапреклоненные Илья и Елисей¹; внизу под горой сидят два апостола; третий, отвернувшись, стоит на коленях. Очень выразительная голова. Все белокуры и с нимбами. Под ногами у Христа странная надпись: «*Unum est non hic esse*»².

Сцены из жизни святого Иоанна Крестителя (второй зал). **Усекновение головы.** На переднем плане святой Иоанн, он стоит на коленях без головы, руки сжаты в кулаки, один на другом, локти расставлены; кровь брызжет из шеи и растекается лужей; палач поднимает его голову и кладет ее на блюдо, которое держит Марianne.

Рождество Иоанна Крестителя. Мать его возлежит на широкой кровати. Интерьер, на переднем плане женщина, омывающая младенца в тазу.

¹ Должно быть: Моисей.

² Должно быть: «...nobis hic esse»—«хорошо нам здесь быть» (лат.).

Марианне подносят за столом голову Иоанна Крестителя. Ирод восседает со скипетром в руке; справа слуга, подбоченясь, подносит блюдо; слуга в красном трико и с пышными белокурыми волосами, наклонившись, переливает вино из одной бутылки в другую; поза красива и естественна; волосы копной падают на левый бок.

УНИВЕРСИТЕТ

Чеканка на бронзовых листах в этрусском стиле: **мужчина в шлеме и женщина, держащиеся за руки.** Остроконечная борода — окультуренный вариант египетской бороды; и лицами, и костюмами, и движением, и рисунком эти два персонажа чрезвычайно напоминают египетское искусство.

Пасущееся стадо. То же самое; я видел это сотни раз, в частности в Хамаде.

ФЛОРЕНЦИЯ

ТОСКАНЦЫ

Анджелико. Успение Богородицы. Позади нее стоит в сиянии Христос, на нимбе у него крест, как на византийских мозаиках, в руках младенец Иисус (?). По углам гроба четыре золотых канделябра; вокруг выстроились святые и апостолы; Христос смотрит на мать с улыбкой, протянув к ней правую руку. На заднем плане пальмы, по бокам картину обрамляют горы.

Лицо Христа у Фра Анджелико всегда не заостренное книзу, а, наоборот, широкое; это особенно заметно в «Короновании Богородицы»; впрочем, такое же лицо и у Богоматери, она похожа на своего Сына. Если бы на шкале небесных идеалов между Иисусом и святыми существовала такая дистанция, как между святыми и простыми смертными, пресвятая Дева, на какую бы высоту вознесся он!

Что за человек этот Фра Анджелико! Какая душа и какая вера! Глядя на его картины, и в самом деле обращаешься к Богу, алкаешь небесных утешений, жаждешь потерять душу в чаяниях духовных.

Анджелико. Обучение Марии. Первосвященник с бородой и величаво распушенными волосами, в остро-

конечной (как у дервишей) шапочке с широкой золотой каймой, берет Иосифа и Марию за руки и подводит друг к другу, не спуская с Девы внимательного, не поддающегося описанию взгляда. Справа подходит группа женщин, молитвенно сложив руки; на них длинные синие с красным плащи, отороченные золотой бахромой, и прозрачные покрывала; они напоминают мне женщин в Константинополе. Мужчины, стоящие слева, не столь красивы.

В глубине с этой стороны люди, дующие в огромные трубы.

На заднем плане белая стена, на стене низкий широкий горшок цветов; за стеной дум-пальма (правда, у нее всего один ствол, но, судя по раскинувшимся картонным веером листьям, это, безусловно, она), пальма и еще два дерева.

Дом деревянный, прямая лестница, опоясывающий балкон, как в шалé. Панели на первом и втором этажах (других не видно) окрашены под розовый мрамор с прожилками, если только это не дерево ценной породы.

Анджелико. Коронование Богородицы, медь. Вдавленные резцом линии расходятся лучами, в которых теряются внизу на переднем плане два ангела, играющие на скрипке и на органе; нимбы блаженных сохраняют цвет меди, они намечены точками среди цветных одежд и голов; круглые выемки поглубже предназначались, по-видимому, для инкрустации драгоценными камнями.

На самом верху посередине сидят Иисус и Богородица. Иисус то ли поправляет, то ли возлагает нимб на голову матери: ноги их покоятся на пуховиках из голубых облаков. По бокам от них ангелы играют на рожках и длиннющих черных трубах, тонких, с растрескиванием на конце; чуть впереди небесной пары два больших ангела с длинными тонкими сверкающими крыльями. Слева группа мужчин, справа мужчины и женщины; внизу на переднем плане спиной к нам два ангела-музыканта, утопающие в лучах, нисходящих на них от Христа и Богородицы, перед ними еще два с кадилами.

В толпе мужчин слева обращает на себя внимание лицо епископа, держащего выпуклый крест; другой епископ в синем плаще изображен в профиль. Великолепные митры, красивые, мягкие волосы, свет-

лые или же седые, темных мало; женщины все белокурые.

На втором плане слева, на самом краю, женская головка с цветами в светлых волосах; в ухе у нее золотая цепочка с жемчужиной на конце. Профиль монахини: голубое, усеянное золотыми звездами покрывало, щеки и подбородок проступают сквозь муслин.

Кристофано Аллори. Лежащая Магдалина с книгой. Возле нее череп: это в точности та же композиция, что у Корреджо, только фоном вместо грота служит сельский пейзаж; живопись здесь жестче.

Кристофано Аллори. Юдифь с головой Олоферна. Сбоку выглядывает служанка. Восхитительная маленькая картина.

Юдифь одета в желтое платье, голова не покрыта; служанка, чуть наклонившись, выглядывает сзади, голова окутана покрывалом; лицо тщательно выписанное, рельефное, как у фламандцев.

Юдифь очень хороша собой, выпуклые веки, лицо исполнено отваги и сладострастия.

Леонардо да Винчи. Отрубленная голова Медузы. Рядом жабы. Прекрасно нарисованы змеи (волосы), чешуя жесткая, так и чувствуется холод кожи.

Мазаччо. Портрет морщинистого старика в маленьком чепчике. Холст. Впечатление большого сходства.

Артемизо Ломи. Юдифь, отрезающая голову Олоферну. Это та же картина, которая в Неаполе выставлена за подписью Караваджо.

Мариотто Альбертинелли. Видение святой Елизаветы. Елизавета и Богоматерь полностью заполняют собой все это огромное полотно, самое большое здесь.

Наклонившись к Богородице, Елизавета что-то говорит ей вполголоса, левая рука лежит на правой руке Богоматери, они пожимают друг другу руки; на верхней части лица святой Елизаветы лежит тень головы Марии. Богоматерь в красном платье и синем плаще; Елизавета одета в зеленое, желтая драпировка внизу; фигуры обрамлены колоннами с арабесками в стиле Ренессанса; под ногами у них цветы.

Андреа дель Сарто. Автопортрет (погрудный). Великолепно. Серое платье, черная шапочка, темные с рыжеватым отливом волосы, крупный нос, четко очерченный рот, черные глаза и темные круги под глазами, взгляд внимательный и пылкий.

Ридольфи Гирландайо. Преображение тела святого Зеновия, внесенного во храм. Маслянистый блеск краски, никакой идеализации рафаэлевского толка; выразительные лица. Сильная живопись, мощная, правдоподобная.

Джорджо Вазари. Портрет Лоренцо Медичи. Сидящая фигура в зеленом платье с пятнистым мехом на обшлагах; лицо худое, широкая, выдающаяся, как у обезьяны, нижняя челюсть, тонкий нос со вздернутым кончиком, лоб выпуклый, смуглая кожа, бороды нет, большие худые сильные руки, тщательно выписанные.

Александр Аллори. Жертвоприношение Исаака. Любопытная композиция. Слева виден в глубине домик. Сельская картина: 1) Исаак и Авраам собираются в дорогу; 2) чуть ближе к нам Исаак увязывает хворост, осел стоит рядом; 3) на переднем плане навьюченный осел, в корзине, стоящей на земле, роется собака, два человека спят на траве; 4) Исаак и Авраам в пути.

(По размерам это центральный сюжет произведения; Исаак несет вязанку хвороста, Авраам — зажженный соломенный факел. На Аврааме красивое красное с желтым платье, точно передана анатомия и цвет тела, особенно на руках.)

5) На вершине горы Исаак лежит на костре; появляется ангел; 6) тот же мотив повторяется в глубине справа; совершенно очевидно, что главное в авторском замысле — это восхождение на гору и костер.

Все предшествующее отступает на задний план, это как бы предыстория; но зачем было воспроизводить дважды сцену с костром и прилетающим ангелом?

Чувствуется какая-то скованность, искусство здесь еще не поднялось до свободного воплощения замысла.

ЗАЛ БАРОККО

Рубенс. Вакханалия. На бочке сидит обнаженный Силен; бочка накрыта коричневым бархатом; Силен держит чашу, в которую сидящая рядом вакханка наливает вино. Чаша слегка наклонена, и белое вино льется через край; маленький фавн пьет его, запрокинув голову; рогатый и лысый старый фавн пьет прямо из горлышка большой бутылки, а на переднем плане перед бочкой ребенок писает, задрав рубашонку и

выпятив живот; струя пробуравливает дырочку в земле.

По другую сторону лежит, развалившись, лев, он ест виноград, и сок растекается по морде; на льва опирается нога Силена.

Вакханка белокура, отсвет листвы делает ее волосы желтовато-зелеными; ее волосы, рука, стеклянная чаша Силена и вино, которое она туда наливает,— все это приблизительно одного цвета из-за играющих на всем световых бликах. Наливая вино, она подняла руку, отчего круглая тяжелая грудь вылезла из красного лифа; маленький розовый приоткрытый рот, довольно тонкий остренький нос, глубокий вырез ноздрей.

Серовато-синие тени в складках тела Силена; на освещенных местах тело кирпично-красное; великолепная плоть, под кожей чувствуется плотный, сбитый жир.

Запрокинутая голова пьющего фавна видна сзади в ракурсе (маленький фавн изображен в профиль) и ярко освещена. Великолепный рисунок головы писающего ребенка.

От этой картины трудно оторваться, она снова и снова притягивает взгляд, как только собираешься выйти из зала.

Карло Дольчи. Святая Мария Магдалина. Она прижимает к сердцу сосуд с бальзамом. Скучная, претенциозная вещь, хотя голова сама по себе хороша; женщина, с любовью сжимающая какую-то склянку, выглядит глупо.

Рубенс. Портрет Елены Фурман, его второй жены. В руке у нее нитка жемчуга, на шее жемчужное ожерелье, позади большой белый крахмальный воротник; желтый лиф, желтые с прорезями рукава; очень светлые волосы, непритязательная прическа; черные или, во всяком случае, очень темные глаза контрастируют с бело-розовой кожей и светлыми волосами. Брови светлые, но густые и четко прочерченные; ямочки на подбородке и на щеках; овальное лицо, миленький острый носик (Рубенс питал слабость к острым носикам). В волосах два белых цветочка и один красный.

Прекрасный портрет.

Сассофerratо. Богоматерь в голубом покрывале, голова склонилась на плечо, руки сложены. Очень красивая картина; она показалась мне менее белесой, чем прочие картины Сассофerratо.

НЕМЕЦКАЯ ИЛИ ФЛАМАНДСКАЯ ШКОЛА

Николас Фроман. Воскрешение Лазаря; Иисус и Марта; Магдалина моет ноги Иисусу, триптих. Лазарь восстает из гроба, руки у него сложены и связаны; мужчина в желтом (лысый и бородатый) поднимает его и развязывает руки. Лазарь худ, точно скелет, взгляд обращен к стоящему Христу. Рядом с Христом лицом к нам стоит мужчина с книгой, как будто читает заклинания; слева заплаканная женщина (судя по нимбу, Богородица) подносит платок к губам. Справа мужчина в богатом вышитом камзоле; на руке поверх одежды золотой браслет с камнями и длинной бахромой; на голове у него высокая остроконечная шапка, обвязанная длинным белым шарфом, кончиком которого он затыкает себе нос; ноги его затянуты в красное облегающее трико, башмаки с острыми загнутыми носами; левая рука ладонью наружу, просунута под пояс, рядом видна рукоятка кинжала, он безглаголиво скривил лицо.

Справа Магдалина, омывающая ноги Христа. Иисус сидит за столом; движения Магдалины исполнены нежности, левой рукой она поддерживает ногу, правой гладит; она плачет. Подле Христа тот же лысый бородатый мужчина в желтом, он разрезает хлеб и искоса глядит на Христа; чуть дальше стоит человек в красном, пьет из стакана; слева возле Христа стоит мужчина в зеленом (это скупой последователь, он указывает на Магдалину пальцем, скривив лицо); на столе кусочки мяса.

Лица все низменные, мещанские. Очень сильное произведение, сюжет глубоко прочувствован. Продолговатый кубок с бальзамом.

Франческо Франко. Триумф Нептуна. В центре Нептун и Венера на колеснице-раковине, запряженной морскими конями. У Венеры ноги обтянуты сеткой, закрывающей ступню до пальцев (этакие ножные митенки), — род древней обуви, встречавшейся мне и раньше.

В руках у nereид скрещенные палки, на концах которых висят рыбы; поодаль, под скалой, пиршественный стол; на заднем плане вулкан или огонь на горе. Море и небо темно-синие.

Живая картина, красивые движения женщин в воде.

Гольбейн, портрет Франциска I верхом, небольшое полотно. На голове у него шапочка, в руке скипетр. Белый конь с черными ногами, грива ровная, причесанная (точно волосы), огромные удила, ярко-розовые поводья; на голове пучок желтых, зеленых и бледно-розовых перьев; попона закрывает весь круп, длинные шнуры с кистями свисают до колен, как веревки у верблюдов.

Король закован в богатые стальные доспехи с золотой насечкой и с выгравированными на них сюжетами; наколенник сделан в виде маски, высокий и глубокий ленчик седла обхватывает ляжки, предохраняя от падения.

Гуго ван дер Гус из Брюгге. Богоматерь с младенцем, святая Екатерина на коленях и еще одна женщина. У обеих женщин волосы надо лбом выбриты или так зачесаны назад, что не видно ни прядки; левая женщина протягивает младенцу яблоко, у нее красивые распущенные светло-рыжие волосы одного цвета с платьем. Золотая корона удерживает на голове вуаль из тонкого крахмального газа, козырьком осеняющую лицо, позади сквозь вуаль отчетливо просвечивает затылок; у женщины с книгой (она справа) не видно ни волоска на голове; головной убор сдвинут на правое ухо, это род твердой тяжелой золотой ермолки, состоящей из нескольких concentрических кругов, украшенной камнями. На левой руке поверх зеленого бархатного казакина надет инкрустированный драгоценными камнями браслет с золотой бахромой до локтя; из-под бахромы проглядывает рукав.

Миеррис. Интерьер. Женщина в белом атласном платье с гитарой; юноша с подносом; женщина в казакине лилового бархата, отороченном белым мехом, пьющая вино. На заднем плане мужчина с контрабасом. На столе стоят фрукты, которыми лакомятся обезьянка, и золотая бутылка с цепочкой. С потолка на шнуре свисает амур.

Шедевр своего жанра, как пишется обычно в каталогах!

ГАЛЕРЕЯ ПАЛАЦЦО ПИТТИ

Пармиджанино. Богоматерь с длинной шеей. Длинна не только шея, но и младенец, сидящий у нее на коленях. Слева женщина с кувшином; манерно выгну-

тая нога. Очаровательные головки, как всегда у Пармиджанино, пепельные волосы. На Богородице серое платье, поверх него зеленый плащ. На заднем плане три колонны и человек, развертывающий свиток.

Джорджоне. Концерт, большое полотно. Три персонажа. В центре мужчина играет на клавесине, голова повернута в сторону, вопросительно раскрытые глаза, волос мало, одет в черное; слева молодой человек в желтом, шапочка с белым пером; справа человек в мантии священнослужителя и плиссированной рубашке, левой рукой он сжимает гриф контрабаса, правая лежит на плече музыканта. Восхитительное, очень реалистично написанное лицо музыканта.

Гвидо. Самоубийство Клеопатры. Локоть утопает в голубых подушках, змею она держит кончиками пальцев, как ланцет; рядом корзина со смоквами. Правой рукой придерживает рубашку на животе. Все такое белое, красивое, ласкающее взор, что тоска берет.

Рафаэль. Портрет Томазо Феда Ингирани. Красное платье, красная шапка, пишет, скошенные глаза, видны белки.

Микеланджело. Три парки (Юпитер). Три старухи; левая с ножницами в руках взглядом спрашивает ту, что прыдет, не пора ли перерезать нить; исключительная выразительность; третья женщина смотрит на двух первых, раскрыв рот.

Сероватый тон напоминает фреску.

Рубенс. Сатиры, преследующие нимф. На заднем плане пейзаж, написанный свободно, обобщенно. Большое полотно, исполненное движения.

Аллори. Юдифь с головой Олоферна, уменьшенный вариант этой картины выставлен в Уффици.

Ван Дейк. Портрет кардинала Бентивольо. Он изображен в полный рост, сидя; лысая голова, широкий лоб и заостренный подбородок; тонкое, породистое, одухотворенное лицо.

Рубенс. Автопортрет. Рядом с художником два мужчины. На столе, покрытом ковром, книги и бумаги; собака; в нише бюст Сенеки с тюльпанами.

Тициан. Портрет Корнаро. Он подавляет и Рубенса, и Ван Дейка; те два полотна были бы превосходными, если бы висели в другом месте!

Лысый беззубый старик с жидкой седой бородой, сквозь которую просвечивает розовая кожа, лицо худое, одет в черное.

Гвидо. Святой Петр плачет, слыша крик петуха. Глупейшая, до смешного сентиментальная картина. Он оперся на левое колено, широко распростер руки, вытянув голову в сторону; плачет. Желтая драпировка поверх зеленого костюма. В углу петух.

Рембрандт. Автопортрет. Изображен в фас, черная шапочка, металлический нагрудный знак, плащ и золотая цепочка поверх него, лицо дерзкое и привлекательное. Прекрасное полотно, однако и по живописи, и по напряженности внутренней жизни неаполитанский автопортрет в старости, несомненно, превосходит его.

Сальваторе Роса. Заговор Катилины. На переднем плане два мужчины рука в руке. Полумрак, ярко освещена рука мужчины с чашей (справа); на руке кольчуга, поверх кольчуги рубашка; на плечах поверх доспехов плащ цвета сиены. Лицо возбужденное и оживленное. Другие заговорщики в глубине.

Тициан. Возлюбленная Тициана. Голубое платье с вышивкой, лиловые рукава, ожерелье и золотая цепочка, золотые серьги с кораллами и жемчугом, рыжеватые волосы, черные глаза, ровный изгиб бровей, высоко поднятая голова, готический накрахмаленный воротник. В картине передан характер, но по живописи это не самая сильная работа Тициана. Как отличается она от портрета Корнаро!

Боттичелли. Прекрасная Симонетта. Она изображена в профиль, худая, тоненькая, в платье цвета чечевичной похлебки; руки, точнее рука, в кармане; чрезмерно длинная нежная шея перехвачена черным шнурком; сзади волосы забраны под белый чепец, сбоку выбивается светлая пепельная прядка. Спокойный, очаровательный, нежный профиль, безмятежный взгляд широко открытых глаз.

Прелестная вещица.

Сальваторе Роса. Лес философов, пейзаж!!! Мир сжигает оружие Марса. Справа массив табачно-розовых деревьев, понижающихся и светлеющих по мере удаления; у основания этой полосы деревьев вода.

На переднем плане слева высокое дерево и дерево поменьше; у подножия высокого дерева Мир сжигает оружие Марса.

Андреа дель Сарто. Святое семейство. В центре Богоматерь, стоящая на алтаре с младенцем, которого она держит правой рукой; по бокам от нее, чуть ниже, монах в сером с крестом и женщина в красном с книгой; по бокам от пьедестала, на котором стоит Дева, крылатые младенцы. У обеих женщин темные красновато-коричневые волосы. На Богоматери красное платье, обрезом книги она удерживает на бедре зеленую драпировку; на груди и на руке желтая драпировка; белое покрывало спадает с головы на левое плечо. На правой руке у нее сидит младенец, опершись правой ножкой о материнское бедро, он пытается дотянуться до ее шеи.

Эстетически обусловленная потребность в движении вносит элемент драматизма в изображении Бога. В средние века это было непозволительно. Младенец там всегда неподвижен. Здесь же религиозное поклонение перед Богом-ребенком, неподвижно сидящим на руках у матери и воплощающим вечную истину, уступает ощущению живой жизни и человеческой правды; искусство одерживает верх над религией.

В следующей картине младенец также изображен в движении.

Рафаэль. Младенец Христос, святой Иоанн Креститель в детстве и Богоматерь. Сидящая Богоматерь рукой поддерживает младенца за плечо, помогая ему подняться; у ног ее маленький святой Иоанн со шкурой на чреслах, преклонив колена, показывает им текст, написанный на рулоне. Из-под зеленой драпировки выступает кончик ноги Богоматери. Младенец левой ручкой тянется к ее лицу.

Рафаэль. Богоматерь со щеглом. Святой Иоанн Креститель-мальчик (он одет в шкуру, на поясе из веревки привязана чашечка) протягивает щегла Иисусу, стоящему в ногах у матери; его очаровательное маленькое тельце развернуто к святому Иоанну, на которого он смотрит с глубокой печалью, в то время как лицо Иоанна, осененное курчавыми волосами, оживленно и весело (прическа напоминает бюст Отона). В левой руке у Марии книга, веки с длинными ресницами опущены, взгляд устремлен на Иоанна. Рука, лежащая на плече Иисуса, изображена в ракурсе, развернута к нам кончиками пальцев.

У Христа гладкие редкие волосы, виски открыты. отчего на его задумчивом лице сквозь ребяческие черты проступает взрослое выражение. Низ живота прикрыт муслином. Правая ножка опирается о ногу матери.

На заднем плане тщедушные, как у Перуджино, деревья, зеленоватые поля, мост, лес, горы. На Богоматери красное платье и зеленый плащ.

Рафаэль. Святой Иоанн в пустыне. Он обнажен, сидит лицом к нам, указуя на крест (3-я манера).

Талант Рафаэля достиг своего расцвета в его 2-й манере, именно в ней он стал самим собой, именно в ней наиболее ярко проявилась его индивидуальность; во всяком случае, в отношении станковой живописи это бесспорно.

Картина оставляет неприятное впечатление; на правой руке чересчур подробно выписана мускулатура; пятка правой ноги опирается о камень, кончик ноги приподнят. Левая рука, бок и бедро закрыты леопардовой шкурой. Натужная попытка оживить белый, блестящий и мертвый притом цвет лица; эта живопись сродни скучнейшей из французских школ: художники времен Империи, возможно, видели в ней образец.

Микеланджело. Святое семейство. По цвету похоже издали на Боттичелли. Богоматерь протягивает младенца святому Иосифу, она сидит на коленях вполоборота к нам; младенец опирается ручками о ее голову и правой ножкой о руку.

На заднем плане совершенно лишние здесь обнаженные мужские фигуры, они стоят возле парапета и точно вышли из бани, двое слева и трое справа.

Мария нехороша собой.

На ней лиловое платье с белыми бликами на выпуклых местах; внизу зеленая с голубым драпировка. Такой же резкий свет на красном платье Иосифа.

Лукас Кранах. Ева. Та же женщина, что и Венера из дворца Боргезе, которая мне нравится больше; здесь она изображена с непокрытой головой; в левой руке она держит ветку, прикрывающую пах; в правой руке у нее яблоко. Белокурые волосы падают на правое плечо.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАРФАГЕН

12 апреля — 12 июня 1858 г.

Понедельник 12 апреля 1858 года

Мелани сходила за извозчиком, Фулонь звонит в дверь.— Поезд везет меня к морю; три моих спутника ровно ничего собой не представляют: 1) блондин с бородкой клинышком; 2) крепкий седовласый старик в пальто с меховым воротником; 3) благопристойный господин, «северянин», занимающийся сельским хозяйством и все толкующий о растительных маслах.— Великолепная звездная ночь, сижу, покуриваю и предаюсь воспоминаниям.

В *Лионе* площадь с позорным памятником Ньёверкерку. На углу улицы цирюльня и вывеска: «Кафе у памятника».

В *Валансе* много и с наслаждением ем. Я счастлив, что вижу горы и юг.

В *Авиньоне* пью шербет со льдом. Попутчики мои сменяются, новые более сносны.— Справа большое озеро, деревенский дом.

Марсель. Синее море! — Омнибус: две престарелые дамы.— У Парроселя все занято для маршала Кастеллана; меня поселили в комнатунке на самом верху.— Телеграф.— Контора пакетботов.— Наевшись буйабеса, отправляюсь в кофейню: марсельцы режутся в домино.

На другой день, в среду, баня. У банщицы слезятся глаза, совсем как у меня.— Разыскиваю гостиницу на улице Дарс. На первом этаже в бывшей гостиной теперь лавка; в комнатах второго этажа те же обои!

Поднимаюсь на борт «Гермуса» в Новом порту.— Дивный зоологический сад; сухие бурые горы (Сен-Лу) подернуты голубой глазурью; журчание водопада

сливается с трубным ревом льва; на деревьях сидят павлины, один из них белый. Прелестный уголок.— Вечером кофейня.

Четверг. Посещение музея.— Снова захожу на улицу Дарс.— Улочки старого Марсея.— Табачная лавка, где не знают, что такое «лондрес»¹.— Площадь Пюже.— Полицейский ругается на торговца лентами.— Обветшалые стены домов.— Покатые улочки!! — Меблированный дом, содержанием которого Х.— Невысокие смуглые женщины с непокрытыми головами, очевидно, итаलो-арабских кровей; ни одна не заигрывает со мной даже взглядом. Вот лучшая похвала местной полиции!..

Стакан малаги в Шале.— Отправляюсь в Прадо в надежде заказать столик у Курти, но Курти не обнаруживаю; бесконечно долго плутаю по убогим улочкам, выбившись из сил, беру фиакр и объезжаю весь квартал; узнаю место, где бывал с папашей Ковьером.

Возвращаюсь в гостиницу.— Адвокат из Экса, г-н не то Туред, не то Турен, весь седой, этаким обнищавший папаша Лормье, надевает к столу бархатный чепец. Адвоката донимают мозоли на ногах: «Сапоги, знаете ли...», а супруга вторит ему: «Я могу ходить только в своих старых ботинках». Вечером слушал романсы в Гимназии. Из отхожих мест доносилась такая вонь, что я вынужден был спастись бегством.

Пятница, полдень, отплытие: множество солдат, толпы эмигрантов на палубе; потом все успокаивается, ветер свежеет, все расходятся по каютам. Мне никогда не доводилось встречать столь невыразительной и столь молчаливой команды. (За всю неделю я и десятью словами ни с кем не обменялся.) Бортовая качка, вялость, головная боль. Наступает вечер, светит тонкий, загнутый, ровно туфля китайки, месяц, холодно, иду спать.

В субботу весь день вялость и недомогание, по тошноты нет; обедаю в каюте лежа. Старинное средство отца Борелли (с «Нила») — натертый чесноком хлеб — помогло мне, и вечером я уже спокойно пил чай. Ночью слышу, как травят мои попутчики.

В воскресенье в 5 часов я вышел на палубу, впереди виднелся африканский берег. Справа невысокие

¹ Сорт кубинских сигар.

черные горы; темное море, «*maritima ponti*»¹ — очень точное выражение. Где Стора, толком неизвестно. — Невысокого роста кавалерийский офицер, немного напоминающий Пендареса. Сильфида-горничная с опущенными глазами, бывавшая в Индии: красно-бурая шелковая шляпка, изможденный вид. Эмигранты сбились в кучу под тентом; солдаты закутаны в длинные серые плащи, точно покойники. Судно болтает, и все это чудовищным образом болтается вместе с ним. Русский в широченном сюртуке (г-н Сюк) страдает морской болезнью, выглядит отталкивающе; его спутник, высокий глуповатый блондин, все повторяет: «Сильным людям приходится особенно туго, а слабым, вроде меня, переносят качку лучше». Но самая замечательная физиономия — это гнусного вида мещанин вроде Феррана из «Парижских тайн», в белом галстуке, измятом черном костюме, в белой высокой и тоже мятой шляпе; на рябом от оспы лице прочитывается вся ничтожная жизнь этого человека: он, видать, кем только не бывал, а сейчас, поди, работает учителем начальной школы или аптекарем; в кармане носит толстый бумажник.

Мальтиец из Неаполя перевозит меня на берег; у него пышные бакенбарды, ястребиный нос, улыбка на лице; черные слипшиеся пряди волос висят пучками просмоленных веревок.

Гостиница Колоний. — Телеграф, справа мечеть. «Дом с железной дверью», похожий на бордель, в окне второго этажа два горшка с цветами. — Арабы в длинных серых балахонах, старик, погоняющий осла, груженного вязанками хвороста.

На центральной улице — галереи, как у нас на Риволи; арабы играют в ножички, множество кофеен, кофейня Дефуа на площади с видом на море. — У входа в залив две скалы. — «Гермус» стоит передо мной, напротив Сторы; слева по скалам извивается дорога от Сторы на Филиппвиль; под окном видна тропа, уходящая вправо. Море совершенно синее, в небе играют бакланы. В гостинице Колоний на террасе первого этажа выпил бутылку лимонада.

Филиппвиль лежит в ложбине, спускающейся к морю. (Воскресенье, 4 часа 30 минут вечера.)

¹ Мраморные мосты (лат.).

Филиппвиль. Если стоять лицом к морю, вдали на горизонте видна гора; скала и справа две казармы. Посередине город. Внизу дома с черепичными крышами, белые, современные. Стою возле мечети, построенной на правом (если стоять спиной к морю) склоне горы; прошел по улице Кебир: розы, опунции и какие-то голубые цветочки.

Если смотреть на долину, слева будет гора, справа другая, вдали они соединяются; сплошь зелень, темно-зеленые пучки на более светлом фоне, кое-где золотые пятна. Прямо передо мной стены городских укреплений.

Мне повстречались три монахини и ребяташки, го-пявшие коршунов.— Перед мечетью, где я стою, все густо поросло травой, в зубах стен кричат птицы; передо мной, позади четвертой казармы, большой стог сена; кое-где пучки дрока. Бледно-голубое небо.

На другой день вечером — балаган бродячих акробатов; вид на горы.— Среди развалин два карлика, приземистые, с огромными головами, полосатые одежды; очевидно их пунийское происхождение.

Константина. Выехал в воскресенье вечером, сел на империал. Позади меня два мальтийца, спаги и один не то провансалец, не то итальянец. Дилижанс урчит, как переполненное брюхо. Эти чудища у меня за спиной воняют и орут во всю глотку; провансалец посмеивается над спаги, а тот хохочет на арабский манер; мальтийцы воют; за всем этим ничего, кроме проявления веселья. Что за запах! Что за общество! Но ничего не поделаешь. Справа от меня маленький господин в бархатном костюме, подрядчик в различных областях: страховка, земли и т. д. Сам был некогда спаги.

Вдоль дороги растут ивы, горы по сторонам низкие, местность напоминает центральную Францию; пыль застилает свет фонарей, жарко, болят глаза. Поднимаемся пешком по косогору, и мой попутчик показывает мне место, где он однажды, вот так же тащась по пыли с другими пассажирами, увидел трех мирно отдыхающих львов; здесь их полным-полно.

Посреди ночи мы остановились в деревне. Постоялый двор, как в Италии: просторная голая комната на втором этаже в глубине коридора; длинный стол, стойки, бочки, и тут же спят люди. Вход по лестнице

через конюшню. Когда к ним подъезжаешь, постоянные дворы всегда выглядят безлюдными, даже если они переполнены.

Справа я заметил пожар; в деревьях попадают длинные веревки распряженных на ночь телег, мосты уже дороги.

Растительность редеет, горы становятся выше, мы все время поднимаемся. Слева горы ядовито-зеленые; на горизонте видны серые вершины.

Начинается спуск. Арабы в лохмотьях (одни мужчины) гонят ослов, груженных ветками; вдоль дороги тянутся сады, множество роз, чахлая пальма; справа на склоне пасется желтая безрогая корова; стада коз.

Впереди одна за другой вырастают горы, чтобы добраться до Константины, сворачиваем налево и поднимаемся в гору пешком. Подъем кажется бесконечным. Один из наших попутчиков (часовщик по специальности) хром, карабкается, опираясь на костыль.

Под стенами Константины серая покатая площадка, сплошь заполненная арабами. Халупы их напоминают собачьи будки, в отличие от хижин феллахов, они имеют крыши; слеплены эти лачуги из ила и камней и достигают в высоту трех-четырех футов. Площадка очень покатая; колыхающиеся на ветру грязно-белые фигуры, самое темное в них — это лица, руки и ноги; это парии, несчастные, проклятые люди, изгнанные из города.

Въезжаем в город через плац-парад.— Зуавы на учении.— Прямо перед нами пирамида генерала Дамремона.— Нас осаждают прислужники гостиниц.— Гостиница «Пале».

Г-н Виньяр, столоначальник в арабской канцелярии. Груды мусора перед входом, узкие коридоры с низкими дверьми, внутренний дворик, колонны, выбеленные известью стены. Из окна гостиницы виден рынок, где я проходил, и склон, по которому подъезжаешь к Константине.

Визит к аптекарю, доктору Ребуло, ученику Ж. Клоке. Секретаря г-на Виньяра зовут Салах-бей, он внук бея Константины; это высокий бледный молодой человек приятной наружности, немного слишком изнеженный; он взял себе вторую жену и совсем выбивается из сил. Он водит меня по торговым рядам, напоминающим мне базары Верхнего Египта: белые одежды, коричневые лица; я чувствую (и вспоминаю)

сладкий аромат Востока, доносимый до меня порывами горячего ветра.

Осмотрел три мечети: в них прохлада, ковры перемежаются циновками. В одной из мечетей за невысоким пюпитром рядом с гробницей марабута сидит человек и что-то пишет; во дворе другой мечети — могилы в тени смоковниц. В мечети Сид-эль-Китам Салах-бей показывает мне могилу своего деда. Есть там и другие могилы; за деревянной решеткой — окруженная желтыми и зелеными покрывалами могила женщины: это одна из его прабабок, набожная дева, не пожелавшая выйти замуж и ставшая отшельницей; у ног ее покоятся двое мужчин.

Салах-бей ведет меня на берега Румеля, к развалинам моста Эль Кантара.

Возвращаемся к Виньяру. Прогулка верхом. Он показывает мне трех тощих и странноватых на вид парней: это едоки гашиша, охотники на дикобразов; как поймают одного, так устраивают пиршество. Еще они ловят живых гиен, приводят их в Константину и отдают на растерзание своим псам. Ловят гиену так: загораживают холстиной вход в нору, оставив дыру. Когда гиена подходит к отверстию, охотник заводит с ней беседу: «Красавица ты моя, я тебя хной покрашу, ожерелье тебе подарю, мужа найду и т. д.». Гиена подходит еще ближе, тогда охотник просовывает в нору руку, вымазанную коровьим навозом, и трет гиене лапу, что ей очень нравится, и незаметно надевает на лапу петлю. Другие охотники, которые стоят наготове, вытаскивают гиену за веревку и завязывают ей морду.

Спешиваемся, по узкой тропке, огороженной парпетом, огибаем скалу и оказываемся посреди Румеля. Воды мало, высокие отвесные красного цвета пороги, углубления, в которых гнездятся птицы; в воздухе кружатся ягнятники. Гигантская естественная арка высотой футов двести, не менее (здесь константинцы спускались по веревке во время осады города; что же касается бея, то в картине Кура ошибка: он находился в городе), затем тоннель, а дальше мост Эль Кантара.

Берега Румеля напоминают мне Гаварни (в Перинях) и лавру Саввы Освященного. Временами скалы расширяются, образуют подобие цирка; феерическое, сатанинское место. Вспоминаются Югуртские войны. Константина настоящий античный город, акрос.

Легенда: негр и римлянин повстречали девушку на берегу реки; римлянин ехал верхом. Тут у них вышел спор, кому из них перенести девушку на тот берег и там ею насладиться; девушка сопротивлялась. Римлянин уступил ей своего коня, и она переправилась одна; негр и римлянин переправились следом, и завязалась у них драка за право овладеть ею. Римлянин убил негра и в ту минуту, когда он собирался насладиться девушкой, она вдруг обратилась в скалу, а римлянин и негр, обращенные в две реки, Руммель и Х., были обречены вечно целовать ей ноги.

Ужин с почтмейстером и еще тремя господами.— Они читали «Бовари»!

Чудовищная ночь в дилижансе.

В Филиппвиль прибыли в 6 часов; до 3 часов пролежал в постели.

Посетили сад г-на Нобеля, выходящий к морю. Благоухают розы. Мозаика (найденная здесь) изображает двух женщин: одна правит каким-то морским чудищем с орлиным клювом, другая — лошадью, присы между ушей полыхают ярким пламенем: танцовщица с браслетами на щиколотках, замечательно переданы форма ног и движение, правая нога впереди левой; фон испещрен рыбками. Негр-садовник наполняет лейку и спрыскивает мозаику водой, чтобы лучше было видно. Этот сад — улада для души! Туманный день, неподалеку на крыше трубят солдаты.

Невозможно достать экипаж; море бурное, лодок нет. Сам правлю кабриолетом.

В 6 часов отплытие из Сторы; в половине девятого бросаем якорь у мыса Фер. (Написано вечером в 10 часов, судно стоит на якоре и слегка покачивается.)

Восточный ветер вынуждает нас простоять всю ночь у мыса Фер. На другой день, во вторник, и в среду стоим в Генуэзском форте, виной тому погода и запутавшийся в цепи бакена винт.

В четверг высаживаемся в Боне. Песчаный берег, отлив, далеко от берега купаются лошади. Пустынная, тоскливая местность; зеленые горы. Гиппон — зеленый холм в долине между гор, чуть наклонившийся влево. Поднимаемся в крепость: военнопленные копают белую землю под палящим солнцем; стены исписаны гнусными надписями; г-на де Бови и г-на де Краффа это нисколько не смущает.

Комендант — рослый блондин с бородкой; аббат

де ля Фонтап, очаровательный темноволосый Фенелон.

На спуске встречаем наших ныряльщиков-неаполитанцев, возвращающихся из церкви Святого Августина, где они молились, чтобы небо прибавило им жалованья.

Рассказ де Краффа об амулете, в который он верит, что бы там ни говорили. Способность русских к ассимиляции, является ли она их слабостью или силой? Разве для того, чтобы победить, не нужно нести в себе что-то новое, оригинальное? Что может дать такой народ, диковинный, как механическая игрушка?

Всю ночь провел в беседе с капитаном. Он помнит наизусть изрядное количество стихов Вергилия и Гюго, в прошлом он вольтерьянец, обратившийся в лоно католицизма, усердно исполняет все обряды, но искренне ли? Высокий лоб, вдохновенное лицо, роста небольшого, толстые, чувственные губы.

Анекдот: в Полинезии старухи отдаются собакам и потому испускают дикие вопли, когда какого-нибудь пса убивают.

Тихая влажная ночь, светлая, хотя луна то и дело затягивается облаками; блещут звезды, море спокойно.

Справа от нас «Два брата» — скалы, похожие то ли на слонов, то ли на гипнопотамов, то ли на каких-то морских чудовищ, вылезавших из воды; освещенные луной черные глыбы выглядят устрашающе среди пустынных вод. У Белого мыса скалы, тянувшиеся от самого Филиппвиля, обрываются, и далее идет плоский берег, вдали слева — Кани.

Ля Гулетт напоминает мне Египет: низкий берег, белые стены, голубой фон, на нем силуэт то ли человека, то ли дома; таможня, лодки, два больших паруса. Свежий ветер кренит судно. Желтая вода в озере напоминает Нил.

Гостиница «Франция» расположена в узенькой улочке, как «Нил» в Каире; во внутреннем дворике женщины шьют и гладят. Маленькая комната.

Прогулка по базару в сопровождении де Краффа. Бабуши.

Высоко над городом кладбище. — Возвращаясь через мавританский квартал, видели заклинателя змей; он стар, худ, одет в лохмотья; всех зубов у него только верхние клыки, они торчат и делают его похожим на зверя. Он достал из мешка двух змей с очень

плоскими головами. Напротив него музыканты: тамбурин и флейта; с ними мальчик; мальчишка танцевал, вернее, подпрыгивал, а старик кричал, размахивал руками, высовывал язык и раскачивался вместе со змеями, ползавшими на животе, покачивая головами. Зрители, сплошь мавры, все серо-белые, головы покрыты; лица и руки коричневые.

На другой день, в воскресенье, прогулка с г-ном Дюбуа в Бельведер, оливковые деревья. Дорога плавно поднимается в гору, местность немного напоминает Палестину. Каменные глыбы среди деревьев — остатки акведука; земля под деревьями распахана. Поднимаемся на вершину высокого холма, откуда видно море, озеро позади Туниса и долина Меджерды.

Туман. Возвратились в Арьяну: дивное, прелестное, упоительное местечко. Из зелени выглядывают домики с плоскими белыми крышами и зелеными ставнями, в просветах между деревьями встают синие горы; заросли маслин, огромные рожковые деревья, изгороди из опунций, высохшие листья которых превратились в ветки.

На террасе в кофейне: иудеи в золотых гетрах, девица легкого поведения с густо насурмленными бровями; юная англичанка, свояченица английского консула, верхом на белом коне.— Возвращение с г-дами Дюбуа, де Сен-Фуа, де Краффом.— Вечер в компании.

Понедельник, 26-е. Потерянный день, визиты к г-дам Вуду, Руссо и де Марселю; прогулка по мавританскому кварталу.

Вторник. Выехали в 8 часов утра, едем шагом по Тунисской низменности. Попадавшиеся поначалу оливковые деревья исчезают; кругом зеленые травы; справа, в том месте, где ответвляется дорога на Ля Гулетт, кофейня, подъем, изгороди из опунций, Марса.— Шатер бея на площади, чуть дальше два ряда пушек.— Остановка у кузнеца.— Гостиница.

Мальга. Заходим в подвалы, где живут бедняки, в некоторых сводчатые потолки; подвалы глубокие, а до верха свода можно достать рукой.

Поднимаемся в церковь Святого Людовика, каменная ограда.— Обедаем в обветшалой комнатенке.— Сторож-француз, бывший слуга полковника Пелисье. Я плыл с ним от Марселя до Мальты.— В саду две статуи.

Спускаемся в порт.— На краю справа два красных дома.— Обошел оба порта; древних стен нет и следа.— На холме среди зеленых хлебов и каких-то желтых цветочков полным-полно маков.— Прогулка по берегу моря, лошадь моя ступает по воде. Что это за стены, спускающиеся к морю как раз против Святого Людовика? Остатки стапеля или дамбы? Должно быть, отсюда шла прямая дорога наверх.— Ракушки, дождь, водохранилища, старик, задранированный, как статуя.

Возвращаемся к артезианскому колодцу.— Семья мастера.— Дождь, пускаюсь в галоп, остановка на мысу. Славные турки в кабриолетах.

Вечером остановка в роскошной кофейне. По стенам скамьи, в середине длинный помост. Три музыканта-еврея: один, слепой, играет на мандолине, длинный нос, раскачивает своей слепой головой, как слон; другой, бледный с высоким лбом, играет на чем-то вроде скрипки без корпуса; третий, здоровенный детина, глуповатый, играет на бубне. Мальчик лет двенадцати-тринадцати в куртке цвета испанского вина с дыркой на локте (он играл на мандолине птичьим пером): высокий лоб, бледное лицо, жгучие черные глаза, тонкие открытые ноздри, пухлые губки бантиком, зубы чуть длинноваты; он сидел неподвижно, устремив взгляд вверх. На потолке множество птичьих клеток, обитатели их щебетали и, казалось, наслаждались музыкой.

По стенам цветные литографии, на одной изображена женщина, на других военные маневры (лубок). В глубине два гигантских льва с высунутыми языками.

Публика бесстрашна. Запах табака, кофе, мускуса и главным образом бензоа. Какой-то джентльмен курит ладан у нас под самым носом; на нем лохмотья всех цветов, будто пестрая чешуя.

В Марсе я видел отшельника с венком из трав на голове, точно у морского божества.

Среда, 28-е. Купил благовоний, пояс и маленькие бутылочки.— Дождь, чудовищная грязь.— Музей аббата Бургада.— Религиозные школы.— Ужин у Руссо.— Вечером прогулка по грязным улицам; Карагёзов смотреть уже поздно!..

Если выехать через ворота Баб-эль-Кадра, справа будет равнина, а прямо — озеро и Хаммам-Лиф. Если повернуться лицом к Хаммам-Лифу, видишь равнину, а за ней озеро, и если стоять правым боком ко входу

в церковь Святого Людовика, то напротив видны оба порта, полоска зелени и море; Хаммам-Лифф остается слева, а вдали Загван.

Четверг, 29-е; сегодня почта, написал письмо матери.— Вечером прогулка на площади в Касбе с г-дами де Сен-Фуа, д'Оберсертом и др. Когда мы пришли на площадь, сияла луна и все минареты были освещены. Слева кофейни, полные народу, шум, скрип и гул музыкальных инструментов, визгливые голоса; прямо перед нами огромное рожковое дерево на фоне белой стены крепости; густая черная тень ложится на стену продолжением темного ковра земли.

Ясная, глубокая синева неба усеяна бриллиантовыми звездами; над белыми крышами то тут, то там высятся в желтом сиянии прямоугольные минареты (они подсвечены масляными лампами). Запах табака и бензоя.

Напротив крепости, чуть левее, если стоять к ней спиной, погруженные в тень земляные холмики — груды мусора и нечистот; освещенные луной участки земли серы, яркая белизна стен. Справа холмы и пальма, очерченная на синем небе; звуки тамбуринов, хор голосов; и все это исполнено радости и покоя.

По дороге сюда мы видели Карагёза; у него был горб и костюм наподобие испанского; арабы бежали поглазеть на него с криками «Барра! Барра!».

Я видел еще одного вместе с г-ном де Краффом; тот был лучше. В узком длинном зале, битком набитом, так что можно было задохнуться, арабы теснились на двух скамьях; на возвышении человек делал корзины, туда же вскарабкался Ахмет, слуга де Краффа. За занавесом поначалу ничего. В тесном проходе между двух скамеек мерным шагом прогуливался мужчина, очень высоко поднимая колени; остановившись, он танцевал, вращая тазом на сгинетский манер (только намного хуже!). Самым замечательным были три музыканта, периодически подхватывавшие то, что говорил этот человек, наподобие древнего хора; получалось драматическое действие, мне даже казалось, что я понимаю слова. У Карагёза фаллос величиной с бревно; он был так велик, что уже и не казался непристойным. Существует множество разновидностей Карагёзов; впрочем, этот персонаж, сдается мне, переживает упадок. Роль его свелась к тому, чтобы как можно чаще показывать фаллос. У одного

висел на конце бубенчик, позвякивавший при каждом движении бедер; публику это чрезвычайно веселило! Человеку со вкусом, человеку добропорядочному подобное зрелище вряд ли пришлось бы по душе.

В том же квартале видел жалкие китайские тени в притоне у одного мальтийца.

Пятница. Посещаем дворец бея. Дивный беломраморный дворик, инкрустированный черными полосками. Над ними лепные украшения!!! Стены внутренних покоев выложены изразцами, сверху гипсовая кайма. Узоры на изразцах все разнятся.— Восхитительные потолки, окрашенные в зеленый, голубой и золотой цвета.

Мебель (времен Империи и Реставрации: позолоченные часы с фигурами, диванчики и кресла красного дерева) и цветные литографии (устаревшие работы Девериа, «Амур», Франциск I с сестрой) портят великолепную арабскую архитектуру.

То же самое во дворце Мануба, где мы были во второй половине дня.— Повстречали бедуинов, вооруженных громадными ножами.— Испанский акведук.— Дворец Бардо.— Сад Манубы весь благоухает; многочисленные столбики, на которых установлены вазы с растениями в цвету.— Потолок украшен голубыми балочками, позолоченными на ребрах, точно лезвия голубых шпаг с золотыми остриями.— Курносый француз-садовник, изрядный дурак.

Возвращаемся мимо озера позади Туниса, на середине его стая фламинго.— Холм.— Мавританский квартал.— Объехав город, возвратились через площадь.— Вечер в клубе.

Суббота, 1 мая. Отнес письма в консульство.— Шорник.— Иудейка: лицо скрыто занавесочками.

Дорога на *Утику*. Равнина; слева волнистая синеватая гряда невысоких гор; справа холм загораживает вид.

За первой равниной следует вторая (первая равнина носит название Рас Табия, вторая — Менихла; остановка в Себале, фонтан с тремя колоннами); за оливковой рощей неожиданно прекращается всякая растительность, местность становится бесплодной. Кончаются горы; справа заброшенная могила святого. Встречаются бедуины, вооруженные до зубов. Здесь в оливковой роще убили отца Бога.

Долина копчается. Небольшая гора, а за ней вдруг

открывается новая равнина, бескрайняя, однообразная, плоская, как ладонь; постоянный двор «У моста».

Река Меджерда вся желтая, шириной с Бапом; слева снова появляются горы.— Стадо овец, белых с черными головами.— Час спустя прибываем в Мензель Гул (Стоянка дьявола).

Дуар расположен в глубине, а точнее говоря, у входа в ущелье; мы вылезаем из экипажа и отправляемся ловить скорпионов; лысая гора, покрытая мелкими колючками.— Мальчик-бедуин, у него палка, загнутая с обоих концов.— Ущелье слева от нас; спускаемся и располагаемся в хижине на досках; очень мило; это доски от кровати Амора-Бен-Смиды.

Курим трубки на улице, за оградой из высохшего коровьего навоза; во дворе лежат коровы, мы чуть о них не споткнулись; в дуаре лают собаки. Они привыкли лаять всю ночь напролет, отгоняя шакалов; при появлении человека (или при возникновении опасности) они лают иначе, поднимают тревогу. Наша халупа, узкая и длинная, построена из глины, сплетенная из тростника крыша опирается на три разветвленных ствола, лампа, висящая на потолке, качается. Лают собаки, мы лежим на досках. (Полночь, блохи.)

Беселенькая ночка, спит один Бого; Сен-Фуа все мечтает о револьвере; время от времени кто-нибудь из нас встает, берет банку из-под сардин и подливает масла в лампу.

На другой день, в воскресенье 2 мая, чуть свет вышли пешком по направлению к развалинам Утики.

Старый мост через Дзану, по дороге на Бизерту; Дзана — небольшая речушка в четверти мили от дуара, справа.

Цветочки: голубые, темно-фиолетовые, желтые. Небо затянуто облаками, спутники мои охотятся на перепелок, над зеленым, усеянным маками полем трещат выстрелы, заглушая крики жаворонков. Утром, когда мы встали, на востоке тянулась по небу широкая синяя полоса.

Слева, на середине склона, два табора бедуинов.— Верблюды.

Дорога идет чуть вверх, отклоняется влево, а затем под прямым углом выходим к долине; слева пальма, потом другая, третья. Плоская равнина; посередине, в миле от нас, как пальмы торчат развалины, кое-

где остатки каменной кладки; мы идем по бывшей римской дороге.

Слева — подземелья; над ними холмы с прямыми боками, по-видимому искусственные.

Валик низеньких холмов справа вздымается вверх и резко обрывается, открывая бескрайнюю равнину, уходящую на восток; слева полукругом стоят невысокие бугристые горы, очень широкие у основания, поросшие лесом и густым кустарником; кое-где на них пятна яркой зелени.

Ложбина шагов сто в длину и двадцать пять в ширину, посередине ее дорога, вода, высокая трава: слева ярким пятном выделяется пальма; пасущееся вдали стадо походит на разбросанные по равнине вехи.

Сворачиваем влево: бесформенные развалины, огромные блоки каменной кладки, словно бы опрокинутые землетрясением; слева от нас долина замыкается полукругом.

Поднимаемся на вершину цирка к акведукам. Мы стоим спиной к восходящему солнцу, перед нами береговая низменность, море отступило. Вода поступала в акведук с горы (левой, если смотреть на запад).

Водохранилища устроены так же, как в Карфагене; Бого утверждает, что они сообщались между собой, однако соединений не видно.

С востока к основным руинам примыкает полукруглое пространство, бывшее, по-видимому, театром. Не столь очевидно местоположение форума, возможно, он находился у западного входа в цирк, на месте которого теперь растет трава.

Пожелтевшая пальма и возле нее источник, очаровательная небрежность в изгибе нижних веток; мужчина и мальчик отбивают белье ногами на арабский манер, движения их ритмичны.— Старик со смоквой на носу.

Возвращаемся в дуар на ослах. Впереди стоит стеной гора Кель-На; гора Мензель-Гул отделяет долину Утики от долины реки Мензель-Гул.

Мост через Меджерду.

Если стоять спиной к горе, прямо перед вами, шагах в двадцати пяти за постоянным двором, холм.— Параллельно реке протянулась античная стена.— Паром.— Глинистые берега сделались отвесными от оползней и обвалов.— Стадо дерущихся быков.

Если с маяка в Сиди-бу-Саиде смотреть на восток, на переднем плане прямо под нами море, оно тянется далеко влево; впереди гора Корбус, далее берег понижается, и до самого Хаммам-Лифа пролегает бугристая равнина. Под ногами у меня мыс Гамарт, слева и справа море.

На юге: деревня Сиди-бу-Саид, море, двурогий Хаммам-Лиф; позади громадная индиговая глыба Солимана. Далее протянулась другая гора — Маммедия, а справа за ней виднеется Загван. Загван синий, Хаммам-Лиф, зеленый с рыжеватыми полосами, тонет в дымке. Маммедия высится длинным ровным айсбергом.

Впереди Ля Гулетт; Карфаген лежит далеко внизу, белые домики, зеленые нивы.

На западе протянулась до самого Туниса равнина; слева стрелка Гамарта, залив, вдали невысокие горы.

На севере открытое море.

На террасе верблюдов вращает колесо колодца; такую картину можно было наблюдать и в Карфагене.

Верблюд, кажется, парит в воздухе, огромные уши делают его похожим на лягушку.

Вторник. Выехали из Туниса в половине девятого.

Дуар-эш-Шотт.— Рабочие.— Доктор Хип, мозаика во дворе, обед.

Сиди-бу-Саид.— Покойные улочки.— Маяк.— Рабочие.

Эль-Марса. Едем вдоль моря.— Загородный особняк бея. Упираемся в скалы, разворачиваемся; крутой подъем.

Вид с вершины Гамарта: направо пески и Себха; налево зелень и конаки, окруженные пальмами; прямо жемчужно-серые горы Порто-Фарины.

Сворачиваем влево, дом доктора Дэвиса; открытая галерея с полукруглыми арками при входе, двор, лестница, бассейны, мавританский портик.— Г-жа Дэвис худая, костлявая, но грациозная, с маленькими глазками; кажется, она не прочь повальсировать; мадемуазель Нелли Розенберг: цыганский тип лица, длинные ресницы, полные яркие губы, маленькие усики; хлопает ресницами, как веерами, глаза чернее черного, блестящие и одновременно томные; нарумяненные щеки, желтоватая кожа, поразительные глубокие зрачки.— Приятный дом.

Прогулка по берегу Себха-эр-Рьяны. Она соединена с морем тремя проемами между плоскими скалами;

там, где на скале есть земля, растут пучки желтых цветов, напоминающих дрок. Отлив, подсохшие лужицы потянулись солью, они белеют точно снег. Между песчаными отмелями Гамарта врезается яркое, цвета индиго, море, по сравнению с ним даже голубизна неба кажется грязной; бледно-желтый песок, величавое кружение чаек: они похожи на хлопья морской пены, гонимые ветром.

Назад от Себхи возвращаемся вдоль западного края Гамарта: слева оливковые рощи, стада овец с черными головами и обрубками хвостов. Низкорослые быки и коровы размером не более теленка.

Мне повстречался бей в кабриолете.

Ужинал один в итальянской гостинице в Эль-Марсе. (Вторник, 9 часов 30 минут вечера.)

Когда от Марсы идешь по берегу в сторону Святого Людовика, справа видна гора Сиди-бу-Саид, слева море; как выходишь из Марсы, справа фонтан с пресной водой. По всему побережью, если копнуть, обнаруживается пресная вода.

В море торчат красные скалы; обрывистые, по большей части глинистые берега; они равномерно прорезаны оврагами и оттого похожи на бесформенные, покосившиеся колонны.

Четыре залива: Гамарт, Мерья, Сиди-бу-Саид и Святого Людовика; последний слева от церкви.

По мере приближения к заливу Святого Людовика берег понижается, тогда как в стороне Сиди-бу-Саида высятся неприступные скалы. Из залива Сиди-бу-Саид Хаммам-Лиф не виден, перед вами сначала невысокий мыс, а потом бухта, на дальнем конце которой высится церковь Святого Людовика. Дойдя до края мыса, видишь справа бухту, два красных дома и церковь; впереди Загван; чуть левее Хаммам-Лиф.

Если стоять на вершине мыса лицом к солнцу (в 10 часов утра), впереди виден коричневый, окутанный дымкой Корбус; перед вами справа и слева синее море, на котором играют солнечные блики, справа вдали Загван. Вершина Хаммам-Лифа закрыта облаками, гора, красная у основания, а выше золотистобурая, кажется отлитой из бронзы. Справа залив, разделенный на три бухты.

Если повернуться к солнцу, прямо перед носом будет мыс, заслоняющий заливы Сиди-бу-Саид, Марса и Гамарт.

Галька белая и бордовая (это песчаник); на иных камешках темные полосы, словно железные кольца. В воде видны камни, испещренные дырочками, как губки; некоторые словно расчленены на отдельные плиты.

Когда стоишь на Джебель Сиди-бу-Саид спиной к Каснадару, в том месте, где добывают красную глину, впереди видны Марса, равнина, перешеек, зелень, белые домики, за ними мыс Гамарт, скрывающий залив Марса; позади же серая с белесыми пятнами, окутанная дымкой гора Порто-Фарина, розовато-серый склон Гамарта; справа склон и деревня Сиди-бу-Саид; слева, в туманной дали, синяя, вернее, серо-черная гора; Себха, равнина, пески. Если смотреть на Святого Людовика, впереди будет равнина, за ней сама церковь, справа Тунисский залив, слева Каснадар, сине-зеленое море, Хаммам-Лиф.

Мы шли сюда по широкому оврагу со склонами из красной глины, похожими на окаменевшие волны крови. В одном месте следы раскопок, остатки свода. Овраг раздваивается, у края его правой, если стоять лицом к морю, ветки руины четырех строений и стена.

Стоявшие здесь сооружения были гигантскими, толщина стен составляет приблизительно два лошадиных крупа; стена, возвышающаяся отдельно справа (под домом Каснадара), сложена из строительного камня.

Отлив; двумястами шагами дальше два сводчатых входа и стена вровень с песком; еще через сто шагов громадный выступ: это высокий свод, в два раза выше, чем я верхом на лошади.

Дальше, со стороны Святого Людовика, сооружение, похожее на гору, шагов шестьдесят в ширину, оно построено из морской гальки. Позади него скала, образующая естественное укрепление; руины среди скал, далее (под фортом) стена шагов шестьдесят длиной, должно быть остатки набережной.

С холма между фортом справа и водохранилищами слева вижу прямо перед собой руины в море. Что это, мол или остатки башни? Квадрат, каждая сторона которого футов в двести.

Далее (под водохранилищами) еще руины: в песке на берегу и в море белые и бурые колонны; сплывающие остатки квадратного сооружения в воде; шагов через

пятьсот, как раз напротив входа в церковь Святого Людовика, прямоугольная камешная площадка.

Она напоминает основание башни, возможно, это остаток мощеной дороги или улицы.

Справа вижу Сиди-бу-Саид, чуть ниже — водохранилища, еще правее вдающиеся в море руины; слева два красных дома.

Ниже водохранилищ остатки сорока четырех стен из строительного камня, параллельно спускающихся к морю. Но стены ли это? Пространство между шестнадцатой и семнадцатой стеной местами заполнено.

Выйдя из Марсы, поднимаемся на гребень горы и оказываемся над красными землями, по которым проходили утром.

За Каснадаром, ниже форта и слева от него, руины, подступающие к обрывистому берегу, стена, верхняя часть свода и какие-то бесформенные груды.

Если стоять спиной к морю и смотреть на форт, видны остатки стен на склоне: должно быть, здесь стоял дворец, террасами спускавшийся вниз.

Позади форта, в который нас не пустили, два прямоугольника — остатки двух террас; та, что слева (если стоять спиной к форту), ниже правой. Стены фута четыре толщиной. Верхняя терраса имеет футов 150 в длину и 50 в ширину; вторая терраса шире и длинней, она поддерживает верхнюю.

За нижней террасой начинаются водохранилища, мы видим их сверху, это напоминает ипподром. Местоположение всех водохранилищ неизвестно, должно быть, они тянутся далеко под землей. На западной оконечности водохранилищ купол одновременной с ними постройки, верхушка его обломана, возможно, он завершался шпилем. Внутри ротонда из кирпича, смешанного со щебенкой.

Внутри водохранилищ, в каждом бассейне, под штукатуркой два ряда кирпичей, уложенных плашмя, и на них щебенка. Два придела, неф, бассейны расположены поперек и соединяются только по бокам. Через отверстия в своде проникает солнечный свет; жужжат мухи, растения, свисающие через дыры в потолке, напоминают люстры; Калифа лежит на солнце перед входом и стережет лошадей; шумно взмахивая крыльями, взлетают птицы, еще одна поет; мельчай-

шая пыль, тишина, зеленые степы, в некоторых бассейнах стоит бесцветная вода.

Над водохранилищами пологий склон, возвышенность почти правильной формы.

Раскопки: заурядная римская мозаика, стена из белого штука с яркими шоколадными полосами.

Ниже водохранилищ, правее форта, если смотреть на море, груды развалин; вблизи они отдаленно напоминают дольмены; плиты перекрытий, гигантские покосившиеся глыбы.

Прогулка верхом в Ля Гулетт. Постепенно сужающаяся коса, аккуратные стены, европейская площадь, кофейни.

Переправились через канал.— Хаммам-Лиф лежит наклонными волнами великолепных голубых и серых тонов.

В кофейне я имел удовольствие лицезреть знаменитого Каруби, первого в Тунисе распутника, позировавшего во всей своей мужской красе перед Его Высочеством принцем Жуанвильским. У него весьма respectable вид: соломенная шляпа, матросский плащ; он похож и на матроса, и на манекен одновременно; длинная борода, перстни, впереди лысина, мог бы позировать в роли святого Иоанна.

В Марсу возвращался галопом; слева заходящее солнце сверкало пурпурным щитом.

Четверг, 7 мая. Писано при свете луны.— Вид от Святого Людовика на восходе солнца: сначала появились два светлеющих пятна справа; справа же луна над морем; чуть позже небо становится бледно-бледно-зеленым, и море под ним белеет, в то время как отблеск луны на воде загрязняется. Зеленоватая полоса моря отодвигается к северу, а кругом разливается по воде бледно-оранжевый свет; кое-где еще поблескивают звезды; юг и запад Карфагена утонули в белесой дымке, в стороне Ля Гулетт зеленый луг; два порта, горы фиолетово-черные, бледные, затушеванные серым, Корбус виден отчетливее других; над оранжевой полосой моря на белом небе несколько облачков.

Судно (рыбацкая лодка?), похожее на огромную черную чайку. В стороне Туниса жемчужно-серое небо и буро-фиолетовые горы. Небо золотисто-голубое, море у подножия Хаммам-Лифа зеленоватое. В стороне Туниса правее луны догорают последняя звез-

дочка. Отчетливо видны белые домики в Ля Гулетт, мыс Бон, дома в Сиди-бу-Саиде; гора Корбус и все вокруг подернуто лиловой дымкой.

На востоке небо порозовело; над самым горизонтом белесая, словно запыленная, полоса. Смутные очертания гор позади Корбуса и Хаммам-Лифа.

Если с красноземного холма у подножия Сиди-бу-Саида смотреть на Карфаген, все неровности местности отсюда до Бирсы сглаживаются. Бирса скрывает от меня часть озера, я снова вижу его правее, около Туниса.

Горы, затем, слева от Бирсы, Себха-эр-Риана, Ля Гулетт, порты, море, Хаммам-Лиф. Зеленое море, из-за красноземов поднимается солнце; когда смотришь из Карфагена, мыс Гамарт изгибается полумесяцем.

С площади (где еще сохранилась мозаика) справа от водохранилищ открывается тот же вид, но более крупным планом и оттого еще красивее.

Здесь, по-видимому, была Мегара, и Маппалы — на красных землях. Отчетливо выделяется Бирса; вся низменность, край озера и Тунис розовые; очень ясно видно все, что левее Святого Людовика: порты, Ля Гулетт, море, Хаммам-Лиф. Справа голубая Себха, окаймленная бледно-желтой полосой; перед ней низина и склон Гамарта, поросший буро-зелеными деревьями.

Отсюда в сторону Святого Людовика тянется нечто вроде ипподрома. Отчетливо выделяется купол, расширяющийся в стороне оврага, пролегающего от Марсы к морю; овраг (у Марсы) очень узкий. У подножия горы Святого Людовика, на востоке, еще овраг и небольшой бугор.

Среди сохранившихся в церкви фрагментов есть правая рука с зашнурованным рукавом.

Когда из оливковой рощи на плато Гамарт смотришь на восток, виден Сиди-бу-Саид, он выгибается и спускается вправо, мыс в Карфагене выдается вперед, окруженный с двух сторон морем; напротив, справа, Хаммам-Лиф.

Красноземы у подножия Сиди-бу-Саида лежат как раз напротив плато Гамарт и Катакомб.

Себха-эр-Риана, вопреки моим предположениям, полностью отгорожена от моря, но, по-видимому, соединяется с ним зимой, когда прибывает вода.

За плато Гамарт поперечная долина; она начинается в песках и тянется к морю; затем холм, это, собственно, и есть мыс Гамарт, по с моря его не видно.

Пятница, 8-е. Весь день спал. Простуда.

Суббота, 9-е. Писал письма.

Воскресенье, 10-е, отправился в Бизерту.— Знакомая дорога до Утики.— Обед под мостом.— Камни.— Револьвер.— Ружье.— Они убегают.— Халуф! Халуф!

Поднимаемся по белой дороге, что видна с моста, дуар остался слева; наверху равнина Утики. Идем вдоль бухты.— Склон, кусты, зелень, слева источник, естественный цирк. На спуске берем левее, через заросли; слева видим большое озеро. Вдали на горизонте, чуть справа, большое белое селение, все в зелени и пальмах.— Проезжаем через него.— Справа видно море; объезжаем дюны слева, маслины и, наконец, город.

Бизерта. С бугра на западном углу укреплений видны на переднем плане городские стены; слева полукругом вдается бухта, светлые песчаные берега, песчаные бугры вдали походят на большие волны; позади гряда низких гор.

Прямо перед нами город, дорога к нему ведет через перешеек, бледно-желтый слева, зеленый справа; два озера: дальнее поменьше, другое, то, что ближе, каналом соединяется с большим озером справа. Позади зеленая гора, понижающаяся вправо; за ней гряда синих гор, тоже понижающаяся, а затем резко повышающаяся на правом краю, позади большого озера. Посередине высокая гора пирамидальной формы; там водятся дикие буйволы.

Древняя Бизерта лежала чуть западнее современной.

На бугре возле моря два круглых озера, как в Карфагене; у воды за городскими стенами две беленькие деревеньки. Впереди курган, на котором расположен форт; в западной части испанские постройки стоят на остатках древнеримских сооружений.

Стоя внизу у Эль-Алиа, видишь перед собой, чуть слева, белую деревушку на горе, четко выделяющуюся на фоне ярко-голубого неба; огибаем эту гору, у подножия ее ряд опунций. Обернувшись назад, видишь зеленую с черными пятнами долину; вдали сверкает стальной диск озера Бизерта: оно ярко освещено солнцем, небо совершенно белое.

На улицах Бизерты тополя необычной формы, их можно принять за смоковницы или яблони.

Справа и слева колючие кустарники; вода, черепахи; между двух холмов с пологими и местами поросшими деревьями склонами (как в Бретани) открывается вид на равнину Утики, огромную, плоскую, бледно-зеленую, за ней видны море и горы Хаммам-Лиф.

Подъезжаем: ворота, слева мост, переходим через него, справа озеро, обнесенное стеной,— это порт. Набережная с лавками и тополями, похожими на яблони.

Дом французского консула г-на Монжа: слева внутренний дворик без колонн; лает охотничья собака; драгоман: один — смуглый, худой, страдает чахоткой; другой — турок, очень похожий на Иозефа.

Визит к г-ну Сухипансу: еврей, заикается, тик на лице, ухудшенный портрет Фьорентино.— Г-жа Коста, в прошлом красавица, черные глаза, говорит очень быстро.— Возвращаемся к ужину.— Без сил плюхаемся на диваны.— Приход отца Иеремии и г-на Коста.— Ночь без блох.

На другой день мавританская баня.

Городок очарователен, это полузаброшенная восточная Венеция; вода в канале синяя-пресиняя, глубиной три-четыре фута; арки, постепенно уходящие в землю. Развалившиеся дома, на улицах лежат перемазанные слюной верблюды.

Отец Иеремия, весельчак, немного напоминает Бурле: всклокоченные волосы, феска на затылке, весьма остроумец, пазывает себя «бонвиваном». Будучи священником в Буфарике, попробовал из любопытства мясо льва, шакала, пантеры, гиены; уверяет, что мясо льва превосходно. Выращивает кабана, «поскольку прихожан у него всего четверо»; занимается разведением шелковичного червя.

Г-н Коста — милейший человек, он невысокого роста, смуглый, носит большую кепку и зеленоватые панталоны с шелковой каймой на швах. Их дочь, полнотелая краснолицая брюнетка, какие встречаются в Нормандии, одета в розовое платье. По степам висят гравюры: «Переход через Сеп-Берпар» и правдоподобно-фривольные: «Муж», «Дитя», «Роженща». Нам демонстрируют образцовое письмо от сына, живущего на пансионе в Тунисе, а также «il casco»¹.

¹ Шлем (ит.).

После обеда отдых.— Прогулка по большому каналу: рыболовные тони, ограды из тростника; нас везут два неаполитанца.

Высаживаемся, идем вдоль городских стен со стороны большого озера; посередине гора, там водятся дикие буйволы. У стен пасется скотина.— Выстрел.— Остановка, любуемся на море.— После ужина сидели в портовой кофейне.— Г-жа Коста и ее дочь укутаны в шали.

Вторник, 11-е, утро. Возвратились на вчерашнее место. Те две белые деревушки, что стоят под городскими стенами, служили пристанищем грабителям и пиратам; древнеримский город находился западнее современного, на холме; сегодня половина города расположена на острове. Порт-канал имеет «rialto»¹; с него видна решетка, закрывающая проход рыбе.

Смотрели шелковичных червей отца Иеремии. Шелковичный червь спит с поднятой головой.

Прощание. Ни этих людей, ни этих мест я больше не увижу!..

Снова едем под маслинами через ту очаровательную деревню, которую уже видели в воскресенье; вправо уходит дорога на Утику, объезжаем горы.— Кувшинки, тростник, черепахи (Laliah), маслины, справа море, слева горы: они похожи на огромные отступающие зеленые волны, которые, кажется, сейчас опустятся и снова поднимутся. За оливковыми деревьями начинается равнина, затем мы выезжаем на берег моря или, точнее, залива Порто-Фарина. Изгороди из опунций вперемежку с другими кустами (слева), много миндальных деревьев и кассий. Что это за фиолетовые цветочки, встречающиеся повсюду в изгородах из опунций? Слева красивый заброшенный сад с европейской решеткой.— Форт, офицер молча провожает нас взглядом.— Церковь и капуцины.— Г-н Моско, итальянец, грязные тапки на босу ногу.— Француз в высокой феске, сын следователя, которого я принял было за слугу бея.

Ужин.— Дом расположен на склоне.— Лысый капуцин, жалкий, заискивающий.— Нас поселяют в покоях Его Высокопреосвященства; выходить на террасы нам запрещают, опасаются мавров. В церкви стоят в стенах кофейные чашки, служащие кропильницами.

¹ Возвышение (ит.).

Порто-Фарина примостился на склоне, прижавшись к горе.— Вечер провели в чудесной кофейне.

Среда, 12-е. Утром прогулка к подножию горы, откуда виден город. Выехали в 8 часов, обогнули озеро. Равнина, солнце. Хозяева наши прощаются с нами у переправы через Меджерду. Весь день идем по бесконечной равнине; в 3 часа пополудни горы Порто-Фарины сделались серыми с розовым отливом и с белыми как снег пятнами наверху. Далеко на горизонте видны черные точки среди безбрежной равнины — это глиняные хижины бедуинов.

Зеленые нивы, высохшие лужи; земля равномерно прорезана трещинами, точно разделена на плиты, как в Верхнем Египте.

Переходим Сухую реку — старое русло Меджерды. Впереди, в стороне Ля Гулетт, то и дело виден стелющийся по земле дымок. Что это? Мираж? Все, что расположено позади этой дымной полоски, кажется висящим в воздухе. Слева гора Гамарт; на горизонте лес в Арьяне. Справа Себха.

Высоко на горе примостилась гробница отшельника; поперечно лежащие скалы напоминают руины. Масличные рощи, стада; скотина нередко стоит прямо в воде: в Меджерде или в больших лужах.

Любопытное облачение моего негра Фреджи.— На все вопросы он отвечает одним словом: «араб». Погонщик наш клюет носом: он всю ночь курил гашиш; время от времени он затягивает песню.

От Ларсаны до Туниса ехали в кабриолете, которым правил мальтонец. В пути повстречали Дюбуа, Фримэна и других.— Ужли с г-дами де Краффом и Кавалье.

Четверг, 13-е. Прочистил себе желудок.— Получил письма от матери и от Буиле.— После обеда меня посетили Дюбуа, Кавалье и Крафф; вели весьма вольные беседы.— Фреджи чистит мой костюм и сапоги (три с четвертью часа пополудни).

Пятница, 14-е. Церемония целования руки.— Я выехал в желтом кабриолете в сопровождении Фреджи, одетого в широкий коричневый плащ и старую феску. Слева Бардо; стоят колымаги; лошади, мулы.— Вход: крытый мост с лавками по бокам, поворот налево, арка, двор, окруженный строениями; снова арка, двор, лестница, площадка, патио.

Тучный человек в красном, в руках у него посох

с тремя цепочками, оглушительно воеет; появляется бей, он усаживается на стуле; позади него лежат сабля, пистолеты, табакерка и носовой платок. Лицо утомленное, глупое, седеющие волосы, набухшие веки, хмельные глаза, весь в позолоте и крестах. Все подходят по очереди и целуют ему ладонь; локоть покоится на подушке. Почти все целуют дважды: сначала один раз, затем прикладываются к руке лбом и в завершение снова целуют.

Первыми целовали министры, затем лица в зеленых тюрбанах и тюрбанах-тыквах. Военные имеют весьма жалкий вид: толстые зады в бесформенных панталонах, стоптанные башмаки, эполеты, привязанные бечевками, обилие крестов и позолоты; священнослужители одеты в белое, лица худые, мрачные или же глупые: ханжество повсюду одинаково, и Рамадан столь же непримирим, как и католические посты. Проходит вереница солдат, затем снова священники. Бей удаляется в свои покои, «воюющий» затягивает свою песню.

В парадный выезд запрягается девять мулов.— Арабский экипаж: возница сидит на седле, укрепленном на середине ярма; упряжка в четыре или шесть мулов, два колеса, верх из тростника, кузов крепится на деревянной оси, плетеные боковины.

Суббота. Повторение вчерашней церемонии: на целование является дипломатический корпус; физиономии чиновников, выставляющих напоказ свои богатые костюмы.— Г-н Руссо представляет нас.— Молитва улемов и нотариусов, целование идет своим чередом.— Обед у г-на де Лаверна, затем прогулка на площадь Касбы.— Фриз под Микеланджело.

Воскресенье. Визит к г-ну Дэвису. В три часа обед с доктором и капитаном судна, которое доставит его на мыс Бон, а также с леди Франклин и ее компаньонкой мадемуазель Розенберг (Нелли). Это рослая особа с гибким станом, без корсета, удлиненное лицо, крупный нос, смутлая золотистая кожа, тонкие, яркие, красные, как кораллы, губы, большой рот, восхитительные зубы. Черные-пречерные глаза, огромные брови дугой; кажется, что она беспрестанно улыбается. Выражение лица томное и в то же время добродушное.

Вернулся в Тунис в 7 часов верхом на отвратной кляче.

Понедельник. Возвращение войска: пыль, ветер колышет спелые розоватые хлеба, отливающие перламутром.— Верблюды.— Регулярные войска.— Нерегулярная пехота.— Джигитовка в пыли.— Прогулка в горы с Дюбуа.— Крепость, старое турецкое кладбище. Сверху видны оба озера и Карфаген.— Желтоватые каменоломши.

Вторник. Прогулка верхом на Хаммам-Лиф.— Выехал через старое кладбище, оливковые деревья; поворот направо, подъем на первый холм, овраг.— Наверху Фреджи потерял бурнус, потом пошел.— Спускаюсь галопом, дуар, собаки, снова подъем. На равнине и на море темными пятнами лежат тени облаков.

Спуск.— Баня, кофейня у самого синего моря! Маленькие ракушки. Дорога на Ля Гулетт: сады, смоковницы, маленький деревянный мост, справа суда в порту.— Деревня Радес, беленькая, опрятная, это святое место; мулла у дверей мечети созывает на молитву, минарета в ней нет. Это место увеселительных прогулок местной знати наподобие нашего Фонтенбло; сюда в погожие дни выезжают с любовницей.— Встретил офицера генерала Кереддина верхом на муле.

Среда. Удна. Озеро по краям затянулось тиной, заброшенная Мохаммедия, справа одна-одинешенька стоит пальма. Большой постоялый двор, на земле лежат верблюды, поле ячменя. Пологий спуск, слева Удна, кажется, она лежит у подножия Загвана. Разбросанные бесформенные руины; акведук, напоминающий колоннаду в Пальмире; справа водохранилища.— Стоило, множество быков и коров.— Полукруглые арки с хорошо сохранившейся облицовкой из штука.— Вся деревня высыпала поглазеть на меня; черные шатры, солнце, собаки, изгороди из камней и сухих веток.

Иду пешком по высокой жесткой желтой траве.— Колючки, как на равнине под Афинами.— Спускаюсь в какую-то яму. Водоохранилища, напоминающие термы Тита в Риме, может, это и есть бани. Если же это водохранилища, то совсем не похожие на те, что в Карфагене и в Утике: злая конструкция, более правильная форма, они чище.— Прошел вдоль акведука. Возвратился через Мохаммедию.— Широкий пересохший овраг.— Неожиданный прилив радости: пою «Мальбрука» и пощелкиваю кнутом.— Вернулся в Тунис в 6 часов.

Четверг, 20-е. Обед у г-на Вуда.— Вечером Муанье, г-н и г-жа Руссо.— Вечер у Краффа, еврей, музыканты, которых я уже как-то слышал в кофейне. Перед тем как идти к Вуду, зашел к Кавалье.— Холостяцкий дом, горшки с цветами на окнах, котенок, три-четыре убогие диковинки.

Пятница, половина пятого. Обед у г-на Таверна с г-ном де Бови, беседа на религиозную тему.

В четверг и пятницу я наковал вещи и лег спать очень поздно и потому из Туниса в Кеф выехал совершенно разбитый.

Суббота. Выхал без четверти восемь через южные ворота.

Первая равнина (равнина Гардо). Едем между дорогой на Бардо и озером (слева); справа плавные размашистые изгибы гор; слева озеро, за ним серые холмы, а дальше синие горы. Через час начинается подъем; узкая дорога вьется по скале, затем открывается вторая равнина в форме обширного ристалища. У начала ее, слева, массив кипарисов и дворец бея. Из гор виден лишь Загван, слева, далеко на горизонте, синяя гора; справа обзор закрывают невысокие бледно-зеленые холмы.

Остановка на постоялом дворе Бордж-эль-Амри. Красивое строение. Иду отдыхать наверх. Вместо окна прямоугольная дыра; под матрасом обнаруживаю дудочку. Большие тихие комнаты, двор обнесен стеной со стрельчатыми нишами.

Равнина сужается и незаметно поднимается, мы въезжаем в широкое ущелье под названием Джаркуб-эль-Джедави; в нем заросли грудной ягоды попеременно с какими-то ярко-зелеными кустарниками с блестящими овальными листьями; спуск, слева обзор закрыт.— Широкая пустынная площадка.— Колодцы.— Себабиль: водохранилище.

Старуха, вступившая в черепанку с одним из моих спутников. По приказу бея у дороги для безопасности установлены шатры.— Все это напоминает мне источники в Куссейре.

Снова подъем. Справа протянулась гряда невысоких гор, ближний ко мне ряд исчерна-зеленый, второй — серый, подернутый синевою. Смеркается, взшедшая слева луна сопровождает меня.

Снова заросли грудной ягоды, на этот раз не столь густые. На краю равнины Меджес-эль-Баб гроздятся

одна за другой невысокие изрезанные голубоватые горы. Поначалу кажется, что они преграждают вам путь, а затем они словно бы отползают влево. Они оказываются поочередно то левой, то правой, точно и впрямь передвигаются.

Мост Эль-Керишия, справа наверху деревня; здесь сливаются реки Эльсорья и Меджерда. Высокая стрельчатая арка, по бокам две поменьше, два романских окна: похожий мост я видел над Эротасом при подъезде к Спарте. Остатки стен, безусловно античных; руины, отмеченные на карте, напоминают карфагенские, тот же материал. Не это ли мост Гамилькара? Не доезжая его — три бугра, затем широкая плоская равнина. Насколько хватает глаз тянутся бледно-желтые поля спелого ячменя; небо на горизонте голубовато-розовое.

За мостом начинается долина Меджерды.

Меджес-эль-Баб. Мечеть, кофейня, полная народу. — Освещенный луной, проходит мужчина с горшком углей на голове.

Писано на постоялом дворе. Для умывания мне приносят такой величины кувшин, что он с трудом проходит в дверь.

В зарослях грудной ягоды под ногами был песок; у моста выходит на поверхность горная порода. Меджерда здесь узкая, ложе глубокое.

Невыносимая ночь; заедают блохи; ложусь во дворе. — Посреди ночи приходит караван, двор заполняется верблюдами.

Воскресенье. Тронулись в путь ровно в пять. — Холодно. — На краю города переезжаем через мост, дорога пролегает по левой стороне долины. — Руины: прямоугольное кирпичное основание, похоже на башню. — Снова равнина, бугры закрывают горизонт. Переходим Меджерду вброд. Впереди деревня Слугия, циновки, олеандры, на противоположном берегу они растут так густо, что весь он напоминает шпалеру.

Меджерда течет между гор; справа они серые, пятнистые и все более лысые; слева невысокая гряда, широкий овраг сделался теперь настоящей долиной с плоским дном и двумя стенами по бокам. — Маслины — первые за всю дорогу от Туниса.

Слева *Тестур*, опрятный городок. — Два минарета, слева кладбище, низкие ворота лежат в руинах. — Цирюльник. — Вдоль главной улицы торговые ряды. —

Нам повстречался человек из Константины, направлявшийся туда пешком.— Арабы имеют обыкновение обжигать детей углями и таким образом закалять их (Геродот), ожоги эти оставляют следы, как от нарывов.— Тени лошадиных ног вытягиваются на песке, отчего лошади кажутся высокими, точно жирафы.— За Тестуром снова переходим Меджерду по мосту, затем углубляемся в заросли колючих кустарников; слева горы по-прежнему окутаны туманом, справа они сделались отчетливо серыми, а местами красными. Высокий утес, напоминающий петушиный гребень.

Айн Тунга.— Спал под высоким тополем, это напомнило мне привалы в Сирии; и блохи тоже напомнили мне Сирию!

Руины трех строений:

1) полукупол каменной кладки 80 шагов диаметром;

2) остатки прямоугольного сооружения из строительного камня, кладка без цемента; сохранилось пять участков стены;

3) аналогичное строение, но крупнее (внизу).

Рядом лежит на земле колонна футов 9 с половиной в длину, возле нее другие, совершенно гладкие, обломки фриз с астрагалами. Остатки самого здания позволяют различить черты греческой архитектуры.— Камень с дырами для крюков, листья аканта.

От самого крупного памятника сохранились лишь углы да часть западной стены; прочие перегородки из привозного камня принадлежат позднему периоду.

Множество более мелких руин.

Перед городом был естественный амфитеатр; справа серо-красная гора; утес Шерера, который виднеется справа при выезде из Тестура, сейчас от меня (я стою под оливковым деревом) слева. Мимо меня проехали две женщины на ослах.

За холмом Гла долина кончается, и мы въезжаем в широкое ущелье, поросшее кустарником. Внизу ручей, он заворачивает влево.— Обернувшись, вижу утес, возвышающийся, словно пьедестал колосса.— Через четверть мили спуск, плато, русло пересохшего потока справа от нас выходит на дорогу. Перед нами Келлад, тут водятся львы. Плоскогорье совсем не такое ровное, каким казалось издали.— Дикая пустыня, песчаная равнина; поворачиваем направо в сторону Дугги. Чуть левее гора в форме гробницы; подъем,

слева масличное поле. Въезжаем в деревню, собаки заливаются лаем.— Надпись на стене жилого дома.— Шейх.— Храм: четыре колонны с коринфскими капителями и кашнелюрами; на тимпане фрагмент статуи (крыло и рука); аттик, опирающийся на модильоны; под ним астрагалы, яйца и ленты, по стилю это напоминает Баальбек. Всего две колонны по бокам; позади отчетливо различим опистодом.

На западном склоне долины три груды развалин, а может быть, и три скалы; еще одна, пониже, в долине, зеленеющей полями ячменя, местами с белыми пятнами. Горы по бокам не слишком голые, мы забрались очень высоко.

Впереди, если смотреть на храм (чуть левее), два бугра.

На ужин едим кускус. Гассен переводит мне вопрос арабов, знаю ли я женщин «от другой ноги». Здесь я на родине Апулея.

Сплю на террасе, светит луна, воют собаки; фронтон храма, белые дома, утопущая в синем тумане долина.

Понедельник. Трогаемся в путь в 6 часов. Спускаемся по правому склону, заворачивая вправо.— Речушка — это Уэд-Ремель, олеандры, три сцепившиеся жабы; справа развалины, чего именно, сказать уже невозможно. Издали трудно отличить утес от руин, которые почти всегда стоят на возвышенности.

В глубине долины две горы, похожие на курганы, Гассен уверяет, что это могилы брата и сестры.— Эль-Ахуат.

Путь наш лежит по равнине Криба; бедуины.— Пью молоко, не слезая с лошади.— Чуть дальше справа, на середине склона, утес с большой дырой.— Сиди-Абд-Эр-Ребу, остатки триумфальной арки (или же ворот); по бокам два пьедестала, сложенные из строительного камня; футах в 12 над землей небольшой карниз. Дюжиной шагов дальше еще один.— Рядом, справа, гробница святого.

В округе разбросаны отдельные камни. На одном сохранились еще дыры для крюков и в выемке голова Христа; длинные кудри и расходящиеся лучи. Возможно, это вовсе не кудри, а шнурок. Поодаль остатки других ворот (или триумфальной арки); рядом дорога; покидаем долину Эль-Гарка (щиплющую холодом).

Начинается новая долина, вытянутая длинным коридором, весьма подходящим для военных маневров; невысокие холмы, зеленые слева, серо-зеленые справа, вдали две серые с белыми пятнами горы, окутанные синей дымкой. За левой из них расположен Кеф.

Мы едем по равнине Беднаджат. Когда смотришь назад, левых холмов уже не видно; вдали справа возвышается бугор, похожий на черепаху. Дорога незаметно поднимается, поворачиваем налево.— Спасаясь от солнца, овцы идут веревочкой, одна за другой, пряча голову за ляжку идущей впереди.

Постоялый двор Бордж-эль-Массауд. Пререкания с алжирцем из-за наших лошадей; к концу ссоры появляется Си-Массауди.— Охотничье ружье.— Один из его людей несет пташек на подносе; светлокожий, опрятный, добрые голубые глаза, феска на затылке, одет элегантно. Это известный охотник на львов: убил 32 зверя. Он большой любитель развлечений, приводит дюжины женщин, устраивает пирушки; медленно потягивает кофе, не отказывается от водки и просит у меня бутылку.

Продвигаемся дальше вправо, долина расширяется.— Заросли, колючие кусты. Подъезжаем к полукруглой горе, впереди еще невысокие горы.— Речушка Уэд-эль-Луи, «миндальная река».— Некоторое время спустя вступаем в ущелье Хапге-эль-Кедим, дивный уголок: олеандры, громадные дикие маслины; на плоскогорье, чуть наклоненном в сторону Кефа, ряды карнизов один над другим.

Вдали, на самом горизонте, род закругленной верушки огромной сахарной головы, совершенно черной. Кеф расположен за ближней горой, бронзовой с белым пятном.

У дороги справа видел девочку-бедуинку, она подпирала щеку тремя пальчиками, поддерживая локоть другой рукой. Где она подглядела эту позу?

Часто попадаются похожие одна на другую руины на прямоугольных возвышениях, видимо сложенных из обломков, по форме их можно судить о форме сооружения. Они встречаются приблизительно через каждые полмили, чаще слева от дороги. Возможно, это были небольшие храмы, где останавливались по пути в Кеф. Вдали отлогий бугор. Нередко встречаются возвышенности в форме полумесяца, как Хаммам-Лиф.

Видел мужчин, сидящих на земле: это новобрачный и его спутники.— Юноша играл им на длинной желтой с черными пятнами дудочке.

Долине Б'Хирет-эль-Хеленказ нет конца! Удручающее однообразие.— Справа словно бы ряд террас одна над другой или же многоступенчатая стена. Затем поворот направо.

Кеф стоит на вершине справа, однако добраться до него непросто: путь преграждают вытянувшиеся поперек косые пузатые холмы; на каждый из них нужно подняться, а потом спуститься. Когда стоишь в ложбине, видишь слева ряды серповидных или полукруглых гор (одна похожа на Хаммам-Лиф); когда взбираешься на бугор, картина меняется.

Дар-эль-Бей. Бани.— Превосходная ночь.— Фонтан, сложенный из строительного камня, прозрачная вода, негритянки, отбивающие белье ногами, брызги белой глины; одна из них, тошусенькая, стоит по щиколотку в воде, подол подобран до самых ягодич.

Водохранилища в Кефе.— Десяток коридоров, портал сохранился лучше, чем в Удде; десять параллельных водоемов, каждый по 30 шагов в длину и 10 в ширину, плюс еще два, итого двенадцать.

С вершины утеса видна справа, на западе, гряда бугристых красно-черных гор — Уэд-Месмеда; затем род длинного стола с острием на правом краю — Джебель-Урра-Зо; затем гора наподобие Хаммам-Лифа — Фежел (Джебель?) Арруба. Левее низкая длинная стена, затем еще два Хаммам-Лифа, которые называются Джебель-Харраба. Еще один стол, потом отсроченная Гуарн Алфайа, затем снова прямая линия; все это, начиная от двух Хаммам-Лифов, расположено на заднем плане.

На юго-западе ближе к шам еще одна гряда — Уагле-эль-Шевюр; сплюснутый пик, высокая гора, южнее — длинная полоса, а за ней другая. Эта последняя расширяется и раздваивается. Утес, на котором я стою, закрывает обзор на север и восток.

При выезде из Кефа, справа, мечеть; обширная черная равнина. Внизу Уэд-эль-Рамель.— Поворот направо, река, деревья, олеандры, скала в форме ворот, справа хижина. Крутой поворот налево, слева лесистая гора Джебель Соддим (Ханджет-эль-Террабия); переходим через Меллег, местность здесь ровная, лесистая, затем снова начинается подъем.— Гранитные

глыбы, дубы, боярышник, лишенное растительности плато, по которому протекает ручей под названием Сакия-Сиди-Юссеф.— Лег спать.

На другой день: плато, поросшее лесом, затем котловина. Идем вдоль отрога горы, расположенной слева.— Овраг. палево, насколько хватает глаз, зеленые волны травы, ущелье, Меджерда, лес; слева виден Сук-Ахрас: красные полосы.

ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ В КРУАССЕ
в субботу 12 июня 1858 г.

Понедельник, 24 мая. Вечером прибыли в Кеф.

Кеф. Справа римская гробница, читаю на ходу: «Ливий». Город словно пятится назад из-за разделяющих нас поперечных холмов, приходится подниматься и спускаться.— Наверху, слева, дом каида: перед входом, слева, каменная скамья, внутренний двор, широкая прямая лестница, большой зал.— Великолепная турецкая баня; раис Ибрагим, несколько не боясь жара, заходит ко мне в последнюю парилку.

Роскошный арабский ужин.— Прекрасная ночь. Каид — невысокого роста человек, худой и рябой.

На другой день осматривал город.— Выехал в полдень, торжественные проводы: пять всадников, затем семь и следом человек двадцать пеших. Сейчас все мелькает в моей голове, как на маскараде, и я ничего не помню. Внизу, в долине, пейзаж становится менее суровым. Поворот налево. Местами полосы травы, где пасутся коровы; ландшафт, как в английском парке; затем снова гора.

Ночевали у бедуинов: белый раскрытый шатер; напротив встает луна, несносный ветер. Стадо проходит веревницей китайских тоней. Томительное ожидание, арабские церемонии, вместе едим кускус.

Выехали на рассвете, ждем, пока стихнет ветер. Всю ночь мне вспоминалась первая ночь у пирамид. Пейзаж делается однообразным; на возвышенностях нескончаемые волны травы. Гассен постоянно запаздывает. Моросит дождь.

В дуаре переполох, женщины выглядывают из шатров с непокрытыми головами. Я мчусь галопом, пальто лежит у меня на коленях, поверх фески надета

шапка; выстрелы, джигитовка; сын кайда, подпоясанный красным кушаком. Сук-Ахрас! Сук-Ахрас! Все это лишь промелькнуло передо мной. Я остановился перед шатрами, мне целуют руки, обнимают ноги. Меня охватила дрожь восторга. Что это было за чувство? Я редко (а может быть, и никогда) испытывал подобное.

Сын кайда и его отец долгое время скачут рядом со мной и впереди, отец прощается первым, два часа спустя и сын просит позволения вернуться.— Дождь не перестает.— Спуск, лес, пустой кабачок, где я справляюсь о дороге, красные казармы Сук-Ахраса.

Сук-Ахрас. Город новый, отвратительный, холодный, грязный; г-н де Серваль, сухопарый, негостеприимный; Андрие, хозяин гостиницы, и его микроскопическая супруга.— Лег, встал, поужинал.— Общий стол: господа офицеры; почтмейстер, гнусный, глупый, с грязным воротником; на другой день — г-н Госс, помешанный, ему все чудится, что его оскорбляют. С нами за столом г-н Констан, бравый толстый гусар: «Хороший обед, черт побери, хороший обед!»

Четверг, 27-е, выехал в 3 часа.— Замечательные погонщики мулов. Поднимаемся в гору, чудесный лес, справа лагерь.— Повстречали двух офицеров, которые не смогли ответить на наши вопросы.— Спускаемся; в лесу видели угольщикиков с большими повозками. Где находятся ординарцы, известно одному Богу.

Нам попадаются два араба, два солдата, отставшие от колонны, у одного слезится глаз и сожжен нос. Плачевное состояние командира. «Вы Карпантье!» — кричит он и хватает меня за шиворот.

Внизу, у реки Сейбуз, мельница Меджез-Сфа.— Г-н Оберже, добросердечный толстяк, его супруга — изящная брюнетка. Майору не сидится за ужином, он то и дело встает, прогуливается.— Ночевал на мельнице.— Картий, слуга.

На другой день г-п Оберже сопровождает нас; на нем меховая куртка, сапоги.— Олеандры и плакучие ивы. Тропа гиены, львиные следы. Несколько раз переходим через речку; затем снова подъем. Дивный уголок, прохлада, приволье. Затем пейзаж становится суше, снова появляются лысые горы; вдали огромная дюна; слева белые дома, минарет: это Гельма. Долго едем по равнине.

Миллесимо. Ужас что за деревня, вся прямая как струны; ряд акаций перед невысокими домами, низкие

изгороди: цивилизация коснулась этого края своей самой неприглядной стороной. Развешаны рекламы вишноторговцев, а дома пусты, в окнах нет стекол; в полях работают женщины в мужских куртках и шапках — парижские привратницы, занесенные в страну мавров, и грязь городских предместий среди африканского пейзажа. А за всем этим нищета, озлобленность, тоска и лихорадочно блестящие от голода глаза.

Гельма. Кофейня г-на Обриля. — Военные небезразличны к архитектуре: главнокомандующий г-н де Ванори (внешне похож на Э. Деламара, но лучше) занимает великолепный, утопающий в зелени дом. — Обед с майором; Боррель из арабского бюро избавляет меня от его общества.

Выехал в 3 часа; впереди меня едет мой спаги, светловолосый негр, совершенный идиот. Зелень, вода, широкая набережная, кареты и двуколки. Выпиваю молока возле большого здания бывшей каторжной тюрьмы; мельница Османа Мустафы, небольшие строения вокруг, тополя; напротив невысокая гора.

Размещаюсь на ночлег в пристройке (возня собак и лошадей), сплю на ковре; невероятное количество блох. Для меня развели огонь в очаге: мы забрались довольно высоко, здесь холодно.

Тощий Кавас в зеленом тюрбане и с ятаганом, объездил весь Восток; горластый, подбострастный, большой охотник до спиртного.

От мельницы до Константины дорога убийственно скучна: горы, похожие одна на другую, затем равнина; телеграфные провода то справа, то слева; унылое однообразие, пейзаж, начисто лишенный величия. Я что есть мочи подгоняю мула с багажом. — Ферма Фоше: хозяин — опустившийся человек, одноглазый, с вывихнутой рукой; с наслаждением выпиваем бордо, приобретенное мною в Сук-Ахрасе.

Выехал в 3 часа. Дорога идет под уклон, вдали виднеется Константина во всем своем великолепии. По откосу спускаемся к Румелю; на берегу растет алоэ, мой мул скользит.

Константина. Украшив голову султаном, торжественно въезжаю в Константинополь. — Гостиница. — Рассчитываю арабочка и дурня спаги, то и дело засыпавшего в поле, где паслась его лошадь. — Г-да Виньяр, Вьель, Ньепс, Виньо. — Великолепная турецкая баня; восхитительный негр-массажист; в Кефе массажист

растирал мне колени головой.— Широкая кровать у г-на Виньяра.

Загородная прогулка в Хамму, к г-ну Паоло де Пальма.— Новенькая деревенька под сенью раскидистого рожкового дерева.— Купание в теплой реке, обед. Насытившись, с трудом перебарываю сон.— Танцы, Каньо ведет польку. Нотариус (Виньо) в мельничьей шляпе, играет в карты с хозяйским сыном, Домиником.— Арфист.

Возвращаемся, когда уже взошла луна; лошадь подо мной такая, что я все время рискую оказаться на земле.

Императорский прокурор Арамбург, маленький, легонький, веселый, в матросской соломенной шляпе с черной каймой и гетрах.

Понедельник. Отдых. Выехал вечером.— Прощания.— Спаги пьян, он кричит: «Я посоветуюсь с моим отцом, отец Эдер!».— Конторский служащий вышел на импернал подышать воздухом.— Останавливаемся выпить «шампоро»¹, спаги успокаивается.

Во вторник укладывал вещи и спал. Вечером меня посетил советник префектуры, человек добропорядочный, но совершенно пустой.— Остатки театра; муниципальная школа; реконструированные римские цистерны. Прощайте, розовые закаты.

Среда. Сажусь в шлюпку с г-ном Рикордо из Боны, одет в серый тик, похож на Дене.— Жара, много женщин.— Пассажиры: капитан Робер, адвокат из Парижа, старик с табакеркой в костюме из тонкой шерсти в сопровождении двух молодых особ; девица легкого поведения и галантный старый жандарм; кавалерист; военный чиновник в синих рейтузах, очках, фуражке и с тросточкой; эльзасец, польский граф, охотник на львов, высокий блондин с густыми волосами и бородой, малоприятная личность; приличного вида седеющий господин, офицер ордена Почетного легиона, родственник М. Ф. Барро.— Две ночи спал на палубе, укутав ноги в пальто и перевязав носовыми платками.

«Профили и гримасы» Вакри, томик статей Тексье и «Прогулки за пределами моего садика» Карра.

В Марсель прибыли в 2 часа.— Несносная таможня.— Вонь.— Омнибус.— Старая актриса из Боны, иг-

¹ Распространенный в Северной Африке напиток.

равшая г-жу Лорап, и барышня из Филиппвиля, дочь аптекаря, толстая, дебелая, беремешная.

Гостиница Парроселя.— Баня.— Денежные затруднения.— Ружье, оружейник.— Отправляюсь в гостиницу Колоний.— В саду папаша Рикордо.— Ужин: его пет. Иду к папаше Ковьеру: колика. Вспоминаю о г-не де Боди, застаю его в дверях.— Галопом к Парроселю.

Железнодорожная контора на Канбьер; вот я и вернулся, ощущение легкости и комфорта.— Отъезжаю! (г-н де Ле-Кампеп, сын).

В коляске я один; на вокзале вещи мои развязались.

Двое отвратительных железнодорожных служащих! Наконец они уходят, мы засыпаем.— В Лионе — Солси.— Мои попутчики: флотский хирург с собакой, знакомый уже военный чиновник, направляющийся в Сен-Кентен и дальше; эльзасец сошел раньше, ему в Страсбург.— Сытный обед в Дижоне.— Послеобеденная скука, зной. Что за дурацкая страна Франция! — Фонтенбло, Мелон, вокзал!

Летний бульвар.— Мой дом пуст.— По дороге к Фейдо толкотня, подают ужин.— Захожу к г-же Прадье, к Маскийе, Персону, де Турбе — все в отсутствии. Крик встречает меня словами: «Флобер, это ты!»; она в слезах: у нее болен племянник.— Ужин в Английском кафе.— Сплю у себя на диване.— Завтрак в Турецком кафе.— Визиты к Турбе, Сабатье, г-же Менье; у барышни опухоль в горле.— Отёй, Принцев парк, Тереза, обед.— Вечером Турбе.

Понедельник. Оружейник, скорняк, Дюплан и т. д.— Кафе г-на Фуа, Буайе.— Отёй.— Прадье, Жаён, де Пен, де Турбе.— Обед у Фейдо, посредственный.— Гимон, Плесси, А. Дюма-сын, Юшар, Шоль, Сен-Виктор, Паскье, снова Буайе с супругой; Персон в матроске и рыжем парике. Как мало в этом подлинного!

Вторник. Снова в бегах! Сабатье, Сен-Бев, Сандо, Плесси, Мори.— Ужин у г-жи Турбе: Кабаррюс, Маршаль, Гозлан, Гате, Тео, Эрнеста, Сен-Виктор!..

На другое утро сажусь на поезд в 8 часов 30 минут.— Два мещанина.— Руан! Госпиталь!

Последние три дня я только и делал, что спал. Путешествие мое отошло в прошлое, позабылось; все смешалось в моей голове, словно бы я вышел с мас-

карада, продолжавшегося ни мало ни много два месяца.

Возьмусь ли я за работу? Или же буду скучать?

Да пребудут во мне все стихии природы, которые я познал, и да воплотятся они в моей книге. Вселись в меня, духи пластической выразительности! Воскресни, прошлое! Пусть прекрасное делается живым и подлинным. Бог наших душ, пощади мою волю! Дай мне сил и надежду!.. (Ночь с субботы 12-го на воскресенье 13-е, полночь.)

ПРИМЕЧАНИЯ *

Египет

С. 28. Буиле Луи (1822—1869) — французский поэт и драматург, друг Флобера.

С. 28. Клоке Жюль — французский врач, друг отца Флобера.

С. 30. Дорваль Мари (1798—1849) — французская актриса, исполнительница ролей романтического театра.

С. 30. Максим — Дюкан Максим (1822—1894) — французский писатель, друг Флобера.

С. 31. «Пророк» — опера Дж. Мейербера (1849).

С. 31. Моне Дезире Гийом Эдуард (1798—1868) — французский литератор, критик и театральный деятель.

С. 31. Виардо Полина (1821—1910) — французская певица, пользовавшаяся широкой европейской славой. В 1849 г. имела огромный успех в Париже благодаря исполнению роли Фидес в опере Дж. Мейербера «Пророк».

С. 31. Прадье Джеймс (настоящее имя Жан Жак, 1792—1852) — французский скульптор.

С. 31. Готье Теофиль (1811—1872) — французский писатель и поэт, друг Флобера.

С. 31. Корменен Луи — друг юности Флобера.

С. 32. Камальдулец — монах ордена Св. Ромуальда (основан в XI в.).

С. 33. Клеопатра (69—30 гг. до н. э.) — последняя царица Египта, из династии Птолемеев.

С. 39. Глэр Шарль Габриэль (1808—1874) — швейцарский живописец, несколько лет живший в Египте; один из друзей Флобера. В 1861 г. Глэру и братьям Гонкур Флобер читает первую редакцию романа «Саламбо».

С. 39. Дю Сомрар Александр (1779—1842) — французский археолог.

С. 40. Шапель, Клод (1626—1686) и Башомон. Франсуа (1624—1702) — авторы широко известного в XVII—XVIII вв. шуточного произведения «Путешествие Шапеля и Башомона» (1663).

С. 40. Д'Ассуси Шарль Куапо (1605—1675) — французский поэт, автор бурлескных сочинений.

* Примечания составлены Т. В. Соколовой. По традиции серии «Рассказы о странах Востока», ориентированной на широкого читателя, комментарий охватывает только самый общий круг имен и сюжетов.

С. 41. Наяды — в древнегреческой мифологии нимфы рек и озер.

С. 41. Клот-бей (Клот Антуан, 1793—1868) — французский врач, служивший в Египте; организовал санитарную службу в египетской армии; автор книги «Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии» (рус. пер. 1842 г.).

С. 41. «Луcreция Борджа» — опера Г. Доницетти (1834).

С. 42. Пелисье Жан Жак (1794—1864) — французский военачальник, с. 1860 г. генерал-губернатор Алжира.

С. 43. ...июньские события — имеются в виду события июня 1848 г.: восстание парижских рабочих и его подавление войсками под предводительством генерала Кавеньяка.

С. 45. Реставрация — политический режим во Франции 1814—1830 гг., когда к власти вернулась королевская династия Бурбонов в лице Людовика XVIII и Карла X.

С. 45. ...книга Максима — имеется в виду книга М. Дюкана «Восточные воспоминания и пейзажи» (1848), вышедшая с посвящением Г. Флоберу.

С. 48. Мухаммед-Али (1769—1849) — наместник Египта (с 1805 г.), формально подчинявшийся турецкому султану, но фактически ставший независимым правителем; способствовал укреплению Египта и расширению его границ за счет Аравии, Сирии и Палестины.

С. 48. «Норма» — опера В. Беллини (1831).

С. 48. Солиман-паша (настоящая фамилия Сельв) — один из многочисленных европейцев, обосновавшихся в Египте во время правления Мухаммеда-Али; будучи французом по происхождению, он в 1815 г. эмигрировал в Египет, принял мусульманство и стал офицером египетской армии.

С. 49. Свадьба Камачо — эпизод из романа Сервантеса «Дон-Кихот»: свадебный пир, устроенный богатым крестьянином Камачо, отличается сказочным изобилием, а его участники — безудержным обжорством.

С. 51. Бовале Пьер Франсуа (1801—1873) — французский актер, пользовавшийся широкой известностью в 30—40-е годы XIX в.

С. 55. Рюппель Вильгельм (1794—1884) — немецкий путешественник, побывавший во многих странах Востока.

С. 55. Гаварни Поль (настоящие имя и фамилия Сюльпис Гийом Шевалье, 1804—1866) — французский рисовальщик, график, прославившийся своими литографиями в сатирическом еженедельнике «Шаривари», выходившем в Париже с 1832 г.

С. 55. Домье Оноре (1808—1879) — французский график, живописец и скульптор, мастер сатирического рисунка и литографии.

С. 62. Бельцони Джованни Баттиста (1778—1823) — итальянский путешественник. В Египте, куда он уехал в 1815 г., вначале занимался пантомимой, затем поступил на службу к Мухаммеду-Али, руководил работами, связанными с гидравлической механикой (у него были познания в этой области), затем занялся изучением памятников древности и сделал ряд открытий, о которых рассказал в сочинении «О новых открытиях и изучении пирамид, храмов и погребений в Египте и Нубии» (1821).

С. 62. Линд Женни (1820—1887) — шведская певица опер-

ного и камерного репертуара, широко известная в Европе и прозванная «шведским соловьем».

С. 63. ...место битвы — имеется в виду сражение 21 июля 1798 г., в результате которого французская армия под предводительством генерала Бонапарта одержала победу над мамелюками, после чего вступила в Каир.

С. 69. Озу Шарль Луи (ок. 1797—1880) — французский анатом.

С. 71. Батисье Луи (1813—1884) — французский археолог.

С. 71. Копты — египтяне, исповедующие христианство.

С. 83. Святой Антоний (251—356) — христианский подвижник в Египте, прославившийся отшельнической жизнью и аскетизмом.

С. 83. Арий (280—336) — христианский священник, проповедовавший в Александрии, основоположник еретического учения, называемого арианством или арианством.

С. 83. Святой Афанасий Александрийский (ок. 295—373) — христианский богослов, епископ Александрийский, боровшийся против арианства.

С. 88. Г-жа Морис — имеется в виду Элиза Фуко-Шлезингер, жена музыкального издателя Мориса Шлезингера; в юности Флобер был безответно влюблен в нее.

С. 89. Аэролит — устаревшее название каменного метеорита.

С. 89. Барон Анка — один из руководителей восстания в Сицилии в 1848 г.

С. 94. Юдифь и Олоферн — библейские персонажи. Ради спасения своего родного города Юдифь соблазняет и затем убивает спящего Олоферна — предводителя вражеского войска, угрожавшего городу.

С. 107. «Нельская башня» — драма французского писателя А. Дюма-отца (1832).

С. 116. ..музыкант Тифон (?) — знак вопроса здесь у Флобера не случаен: лира едва ли могла быть атрибутом Тифона, который в древнеегипетской мифологии был богом зла, мрака и бесплодия, а в древнегреческой — олицетворением подземных сил земли и вулканического огня. Египтяне изображали его стоголовым чудовищем или в виде крокодила или гиппопотама, а греки — огнедышащим стоголовым змеем.

С. 116. Крейцер Георг Фридрих (1771—1858) — немецкий филолог, автор книги «Символика и мифология древних народов» (1810—1812) и других трудов.

С. 119. Шампольон Жан-Франсуа (1790—1832) — французский востоковед, основатель египтологии; разработал основные принципы дешифровки древнеегипетского иероглифического письма.

С. 121. Отравленный плащ Деяниры. — Деянира — в античной мифологии дочь царя Ойнея, жена Геракла. Желая вернуть любовь мужа, она посылает ему плащ, который оказался отравленным ядом лернейской гидры. Узнав о своем невольном злодействе, Деянира убывает себя, а Геракл умирает в муках.

С. 122. Изиды, или Исида, — в древнеегипетской мифологии богиня плодородия, олицетворение супружеской верности и материнства. Гор — сын Изиды, бог Солнца, изображался в виде сокола или человека с головой сокола.

С. 122. Хатор — в древнеегипетской мифологии богиня неба и красоты, изображалась в виде женщины с головой коровы.

С. 124. Птолеми (Лагиды) — царская династия в Египте в IV—III вв. до н. э., основанная Птолемеем I (сыном Лагида) — полководцем Александра Македонского. Клеопатра — последняя представительница династии Птолемеев.

С. 125. Береника — имя трех королей династии Птолемеев. Арсиноя — имя нескольких принцесс династии Птолемеев.

С. 127. Абд-аль-Кадер (1808—1883) — вождь национально-освободительной алжирской войны 1832—1847 гг. против Франции.

С. 132. Обелиск, перенесенный в Париж... — имеется в виду обелиск из древнеегипетского храма Рамзеса II в Луксоре, подаренный Мухаммедом-Али французскому королю Луи-Филиппу в 1831 г. Луксорский обелиск и по сей день находится на площади Согласия в Париже.

С. 135. Лепсиус Рихард (1810—1884) — немецкий египтолог; в 1842—1845, 1866 и 1869 гг. возглавлял археологические экспедиции в Египет.

С. 140. Девериа — имеется в виду один из братьев: Ашиль Девериа (1800—1857) — французский рисовальщик и литограф или Эжен Девериа (1805—1865), тоже художник, разрабатывал преимущественно исторические сюжеты.

С. 141. Лаллеман Фредерик Антуан (1774—1839) — французский генерал, приверженец Наполеона I, после Июльской революции 1830 г. — эмигрант Франции. Дантан — фамилия двух французских скульпторов-братьев: Антуан Лоран Дантан (1789—1878) и Жан Пьер Дантан (1800—1869).

С. 142. Амон — в древнеегипетской мифологии бог, отождествляющийся с верховным богом Ра, покровитель Фив.

С. 151. Казимир-Перье, или Перье Август Казимир (1811—1878), — французский политический деятель, сторонник Тьера. Тьер Адольф (1797—1877) — французский историк и политический деятель, занимавший важные государственные посты, в том числе пост министра, председателя Совета министров, в 1848 г. был избран членом Учредительного собрания, в котором возглавлял партию «порядка», в 60-е годы был депутатом Национального собрания, а в 1871—1873 гг. — президентом Третьей республики.

С. 151. Луи-Филипп Орлеанский (1773—1850) — последний король Франции (1830—1848), представитель младшей ветви Бурбонов.

С. 162. «Валентина» (1832) и «Индиана» (1832) — романы французской писательницы Жорж Санд.

С. 163. «Воскрешенный Тадеуш» (1833) — роман, написанный французскими авторами Мишелем Масоном и Огюстом Люше.

С. 163. «Война Низама» (1843 г.) и «Безутешная вдова» (1846 г.) — романы французского писателя Жозефа Мери (1798—1865).

С. 163. «Бруно-сыщик» (1837 г.) — водевиль, принадлежащий перу французских писателей, братьев Теодора и Ипполита Куаньяра.

С. 163. Жирарден Эмиль (1806—1881) — французский литератор, журналист.

Палестина

С. 166. Рожье Камиль — друг юности Флобера; художник; не добившись успеха во Франции, уезжает на Восток, где служит в почтовом ведомстве в Бейруте.

С. 172. ...как путешествовал по Палестине Шатобриан... — французский писатель-романтик Ф. Р. Шатобриан (1768—1848) совершил путешествие на Восток, о котором рассказал в книге «Путешествие из Парижа в Иерусалим» (1811 г.).

С. 172. ...экспедиция Бонапарта — имеется в виду французская военная экспедиция 1798—1799 гг. в Египет, возглавлявшаяся генералом Бонапартом.

С. 172. Шато-Гайар — средневековая крепость на берегу Сепы около городка Андели, построенная в 1197 г. английским королем Ричардом I Львиное Сердце (1157—1199).

С. 172. Третий крестовый поход (1189—1192) — один из серии захватнических военных походов на Ближний Восток, осуществлявшихся в XI—XIII вв. западноевропейскими феодалами и католической церковью под лозунгами «борьбы против неверных» (мусульман).

С. 172. Филипп II Август (1165—1223) — французский король с 1180 г., из династии Капетингов.

С. 178. Понтий Пилат (ум. ок. 39 г. н. э.) — римский наместник Иудеи в 26—36 гг. Как сообщается в Евангелии, именно он позволил приговорить к распятию Иисуса Христа, хотя и не считал его виновным в преступлении.

С. 181. Лютер Мартин (1483—1546) — идеолог Реформации в Германии, основатель лютеранства.

С. 181. Лев X (1475—1521) — римский папа с 1513 г., в 1520 г. отлучил от церкви М. Лютера.

С. 182. Иезекииль — древнееврейский пророк (VI в. до н. э.). Имеется в виду, очевидно, бассейн Езекии — иудейского царя (VII в. до н. э.).

С. 182. Местр Жозеф Мари де (1753—1821) — французский политический деятель, публицист и религиозный философ, идеолог клерикально-монархического движения.

С. 182. Гуммель (Хуммель) Иоганн Непомук (1778—1837) — австрийский композитор, пианист.

С. 182. Шпор Людвиг (1784—1859) — немецкий композитор, скрипач.

С. 182. Мендельсон Якоб Людвиг Феликс (1809—1847) — немецкий композитор, дирижер, пианист и органист.

С. 182. Гендель Георг Фридрих (1685—1759) — немецкий композитор и органист.

С. 183. Луи-Филипп — см. примеч. к с. 000.

С. 183. Мишо и Пужула — имеются в виду «Восточные письма» французского писателя, публициста и историка Жозефа Франсуа Мишо (1767—1839), которые он писал своему другу Пужула во время путешествия на Восток в 1830—1831 гг. и опубликовал в 1830—1831 гг.

С. 184. Вишну — в индуистской религии великий бог-охранитель.

С. 185. Авраам и Исаак — библейские персонажи. Когда Исааку было 25 лет, его отец Авраам получил повеление принести в жертву своего сына. Однако жертвенный нож, уже занесенный над Исааком, был отклонен ангелом.

С. 187. Мартин Джон (1789—1854) — английский художник, представитель романтизма, писал композиции на исторические и библейские сюжеты.

С. 189. Филострат Флавий — древнегреческий писатель (II—III вв.), автор биографического романа о неопифагорейском философе «Жизнь Аполлония Тианского».

С. 190. Вот уж где позабавился бы господин Беранже — намек на остросатирические песни французского поэта Беранже «Капуцины», «Святые отцы» и другие его стихотворения антиклерикальной направленности.

С. 190. Долина Иосафата в окрестностях Иерусалима — в соответствии с христианским вероучением — место Страшного суда.

С. 190. Авессалом — библейский персонаж, сын царя Давида.

С. 192. Источник Самарянки — место действия в евангельской притче о самарянке (Иоанн, 4, 1—42).

С. 193. Гора Карантин.— Карантин (букв. «сорокадневье») — срок, в течение которого, согласно Евангелию, Христос, только что принявший крещение, подвергался различным соблазнам; на горе дьявол искушал его властью.

С. 210. Людовик XV — король Франции с 1715 по 1774 г.

С. 214. Сульт Никола (1769—1851) — французский военачальник и политический деятель.

С. 216. Кок, Поль де (1793—1871) — французский писатель, автор многочисленных романов из жизни буржуа.

С. 217. Марониты — приверженцы христианской церкви на Востоке (в Ливии, Сирии, Египте). Общины маронитов возникли в V в. в Сирии, названы по имени их основателя монаха Маруна.

С. 217. Друзы — арабы — приверженцы одной из мусульманских шиитских сект, основанных в начале XI в.

С. 221. Веста — в римской мифологии богиня домашнего очага.

С. 222. Юпитер — в римской мифологии верховный бог. Леда — в греческой мифологии супруга спартанского царя Тиндрея, Зевс (Юпитер), плененный красотой Леды, овладел ею, обравившись в лебедя.

С. 231. Ламартин, Альфонс де (1790—1869) — французский писатель, в 1832 г. совершил путешествие на Восток.

С. 232. Марун — см. примеч. к с. 217.

С. 239. Мадмуазель Жорж (настоящее имя Веймер Маргерит Жозефин, 1787—1867) — французская трагическая актриса, исполнявшая роли в пьесах и классического и романтического репертуара.

Родос

С. 242. «Жиль Блаз» — роман французского писателя А. Р. Лесажа, точное название — «История Жиль Блаза из Сантьяны».

С. 247. Артемида — в греческой мифологии дочь верховного бога Зевса, богиня луны, покровительница охотников.

С. 249. Минерва — в римской мифологии богиня, покровительствовавшая развитию ремесел и искусств. Отождествля-

лась с греческой Афиной и почиталась как богиня государственной мудрости и войны.

С. 252. «Мемуары маркиза де Таванна» — имеется в виду сочинение Гийома де Со де Таванна «Исторические мемуары о событиях, происходивших во Франции, и гражданских войнах 1560—1596 гг.» (1625).

Малая Азия

С. 262. Цезарь Август — Август Октавиан (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — римский император с 27 г. до н. э., внучатый племянник Цезаря.

С. 269. Сю Эжен (1804—1857) — французский писатель. Флобер мог читать широко известные в то время романы Сю «Аргур» (1835), «Парижские тайны» (1843) или «Вечный жид» (1845).

С. 269. «Воспоминания Антони» — имеется в виду, очевидно, драма Дюма-отца «Антони» (1831).

С. 269. Д'Арленкур Шарль Виктор (1789—1856) — французский писатель; «Отшельник» (1821) — один из его наиболее известных романов.

С. 269. Кузен Виктор (1792—1867) — французский философ и политический деятель. Его сочинение «Жаклина Паскаль» (1845) входит в серию «Французское общество в XVII веке» (1845—1859).

Константинополь

С. 275. «Лючия ди Ламмермур» — опера Г. Доницетти (1835).

С. 281. «Роберт-Дьявол» — опера Дж. Мейербера (1830).

С. 281. Фанариоты (от Фанар — названия греческого квартала в Константинополе) — первоначально так называли представителей нескольких греческих, преимущественно знатных семейств, уцелевших в Константинополе после воцарения османов в Византийской империи, затем — обитателей квартала Фанар вообще; в XIX в. принимали участие в борьбе за независимость Греции.

С. 281. Комнины — знатная византийская семья, из которой происходили византийские императоры, правившие в XI—XII вв.

С. 281. Палеологи — знатный византийский род, игравший видную роль в истории Византии. Из Палеологов в XIII—XV вв. происходили несколько восточных императоров.

С. 284. Ван Эйк Ян (ок. 1390—1441) — нидерландский живописец.

С. 286. Абельяр Пьер (1070—1142) — французский философ, богослов и поэт. Элоиза (ок. 1100—1163) — ученица, возлюбленная и тайная супруга Абельяра. Трагическая любовь Элоизы и Абельяра вошла в историю и получила отражение в европейском искусстве.

С. 286. Фоблас — персонаж многотомного авантюрного романа французского писателя Луве де Кувре «Любовные похождения шевалье де Фобласа».

Афины

С. 304. Полифем — персонаж «Одиссея» Гомера: одноглазый великан, занимающийся скотоводством.

С. 306. Эдип — герой греческой мифологии, сын короля Фив Лая. Эдипу было предсказано Дельфийским оракулом, что он убьет своего отца и женится на матери. Стремясь избежать этого, Эдип отправляется странствовать, но, встретив Лая на перекрестке дорог и поспорив с ним, убивает отца и его спутников. Все дальнейшее развитие его судьбы складывается трагично, в соответствии с предсказанием оракула.

С. 308. Кастальский ключ — источник у подножия горы Парнас, посвященный богу — покровителю искусств Аполлону и Музам.

С. 309. Антиной — греческий юноша, отличавшийся необыкновенной красотой, раб и любимец римского императора Адриана (II в.). Символ пластической красоты.

С. 313. Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, автор сочинений, посвященных описанию греко-персидских войн, истории Египта и других восточных государств; прозван «отцом истории».

С. 313. Юстиниан (482 или 483—565) — византийский император с 527 г., построивший ряд значительных архитектурных сооружений. Бюшон Жан Александр (1791—1846) — французский литератор и историк, автор трудов по истории Греции.

С. 323. Тесей — легендарный афинский царь (ок. XIII в. до н. э.). Согласно греческим преданиям, совершил много подвигов, в том числе победил Прокруста, Минотавра, участвовал в войне с амазонками.

С. 325. Метопы (греч.) — прямоугольные плиты, часто украшенные скульптурой, являющиеся элементами дорического фриза. Фриз — декоративная композиция в виде горизонтальной полосы наверху стены.

С. 326. Пникс — площадь в древних Афинах, на которой собирался народ.

С. 326. Кимон (ок. 504—449 гг. до н. э.) и Мильтиад (ок. 550—489 гг. до н. э.) — афинские полководцы, прославившиеся в греко-персидских войнах.

С. 326. Кентавры — в греческой мифологии лесные или горные демоны, полулюди-полулюки.

С. 327. Ирод Аттик, или Тиберий Клавдий Аттик Ирод (I—II вв. н. э.), — знатный афинянин, занимавший при императорах Траяне и Адриане высшие должности в Римской империи.

С. 328. Павсаний (II в. н. э.) — греческий писатель, историк и географ. Его труд «Описание Эллады» содержит сведения, необходимые для изучения античных памятников архитектуры и искусства.

С. 328. Дионис (Вакх) — в греческой мифологии бог виноградарства и виноделия, в честь него справлялись празднества — дионисии (вакханалии).

С. 328. Пандроса — персонаж греческой мифологии. Пандроса была поражена безумием за то, что из любопытства открыла отданный ей Афиной на сохранение ящик. В припадке безумия Пандроса и ее сестры бросились вниз с Акрополя. В честь Пандросы было построено святилище около храма Афины Полиады.

С. 328. Эрехтей — легендарный афинский король. Эрехтейон — храм Афины и Посейдона на Акрополе в Афинах (V в. до н. э.).

С. 332. Низар Дезире (1806—1888) — французский литератор, критик.

С. 333. «Пуритане» — опера В. Беллини (1835).

С. 333. Канарис Константин (1790—1877) — греческий моряк, прославившийся в войне Греции за независимость. Главный его подвиг: в 1822 г. ночью он поджег турецкие корабли, которые стояли в Чесменской бухте; в последующие годы стал политическим деятелем, министром.

С. 333. Пискатори Теобальд Эмиль (1799—1870) — французский политический деятель, дипломат; в начале 30-х годов ездил в Алжир в составе правительственной миссии.

С. 336. Скирон — в греческой мифологии разбойник, бросавший ограбленных им пугников в море, где их пожирала черепаха.

С. 339. Атрей — мифический царь Микен, внук Тантала, отец Агамемнона и Менелая.

С. 351. Дональдсон Томас Ливертон (1795—1885) — английский архитектор и историк архитектуры. Много путешествовал для изучения античных памятников, в частности храма Артемиды в Эфесе.

С. 357. Эли Охилтри — персонаж романа В. Скотта «Антикварий» (1816). В предисловии к роману автор подробно рассказывает об этом типе нищего, ведущего свое происхождение от древних бродячих певцов — «джоки», которые странствовали и много видели.

Италия

С. 364. «Семирамида» — опера Дж. Россини (1823).

С. 364. «Велизарий» — опера Г. Доницетти (1836).

С. 364. Павлипил — гора около Неаполя, в гроте которой находится могила Вергилия.

С. 365. Лукулл (Луций Лидиний, ок. 117 — ок. 56 г. до н. э.) — римский полководец.

С. 370. Мюрат Иоахим (1767—1815) — сподвижник Наполеона I и участник всех наполеоновских войн, маршал Франции (1804).

С. 370. Франческа да Римини (XIII в.) принадлежала к знатному итальянскому роду и была убита мужем за измену с его братом Паоло Малатестой. Эта легендарная история нашла отражение в «Божественной комедии» Данте.

С. 371. Мария Антуанетта (1755—1793) — французская королева, гильотинированная во время Французской буржуазной революции.

С. 371. Сатиры и Силены — в греческой мифологии божества, олицетворяющие плодородие и составляющие свиту Диониса, — см. примеч. к с. 328.

С. 371. Санчо — имеется в виду Санчо Панса — персонаж романа Сервантеса «Дон Кихот» (1605—1615).

С. 371. Лукреция — знатная римлянка (VI в. до н. э.). Став жертвой насилия со стороны сына императора Тарквиния Гор-

дого, Лукреция заставляет отца и мужа поклясться, что они отомстят обидчику, и затем убивает себя.

С. 372. Эразм — имеется в виду Эразм Роттердамский Де-зидерий (1469—1536) — нидерландский писатель и богослов, один из крупнейших представителей гуманизма эпохи Возрождения.

С. 372. Филипп II (1527—1598) — испанский король.

С. 373. Веспуччи Америго (1454—1512) — мореплаватель, по происхождению флорентинец, участник нескольких испанских и португальских экспедиций к берегам Южной Америки, которую он назвал Новым Светом. Впоследствии эта земля была названа в его честь Америкой.

С. 373. Мазаньелло (1620—1647) — итальянский рыбак, возглавивший в 1647 г. антииспанское восстание в Неаполе.

С. 374. Ариадна — в греческой мифологии дочь критского царя Миноса, помогла афинскому герою Тесею выйти из лабиринта с помощью клубка ниток, конец которых был закреплен при входе («нить Ариадны»).

С. 375. Тритон, везущий Ио в Египет — эпизод из греческого мифа об Ио, возлюбленной Зевса, которую жена Зевса Гера подвергает бесконечным преследованиям.

С. 376. Меркурий — в римской мифологии бог торговли, покровитель путешественников.

С. 376. Фавн — в римской мифологии бог плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов.

С. 377. Нерон (37—68) — римский император.

С. 378. Птолемей Апий (II—I вв. до н. э.) — один из представителей династии Птолемеев, см. примеч. к с. 130.

С. 378. Тиберий (42 г. до н. э.— 37 г. н. э.) — римский император.

С. 378. Сципион Африканский (ок. 185—129 гг. до н. э.) — римский полководец, под командованием которого был захвачен и разрушен Карфаген.

С. 379. Платон (428 или 427—348 или 347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа.

С. 379. Архит Тарентский (ок. 428—365 гг. до н. э.) — древнегреческий ученый — математик и астроном.

С. 385. Германик (15 г. до н. э.— 19 г. н. э.) — римский полководец.

С. 386. Бальб (I в. до н. э.) — римский консул, друг Цицерона.

С. 386. Нерва (30 или 35—98) — римский император.

С. 387. Каракалла (186—217) — римский император.

С. 387. Сенека Луций Анней (ок. 4 г. до н. э.— 65 г. н. э.) — римский политический деятель, писатель и философ, представитель стоицизма: воспитатель Нерона.

С. 387. Еврипид (ок. 480—406 гг. до н. э.) — греческий поэт, драматург, один из трех великих афинских трагиков (наряду с Эсхилом и Софоклом).

С. 388. Приап — в античной мифологии бог садов и виноградников, сын Диониса.

С. 388. Диана Люцифер — многие античные статуи Дианы (в римской мифологии богиня Луны, в греческой мифологии ей соответствует Артемида) изображают ее с одним или двумя факелами в руках, отсюда вторая часть ее имени: Люцифер (итал., букв. «светопосная», «несущая свет»).

- С. 391.* Антигона — в греческой мифологии дочь Эдиша.
- С. 391.* Икарий — в греческой мифологии обитатель Аттики, гостеприимно угощавший в своем доме бога Диониса (см. примеч. к с. 328); в благодарность Дионис одарил его виноградной лозой и мехом с вином.
- С. 399.* Посейдон — в греческой мифологии бог — повелитель морей.
- С. 401.* Деметра — в греческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия.
- С. 401.* Аттис — во фригийской мифологии бог плодородия.
- С. 406.* Филипп II (1527—1598) — испанский король.
- С. 407.* Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) — царь Македонии; Роксана — его жена.
- С. 407.* Ксенофонт Эфесский (II в. н. э.) — греческий писатель.
- С. 410.* Энгр Жан Огюст Доминик (1780—1867) — французский живописец и рисовальщик, представитель академической школы.
- С. 410.* Леманн — имя двух художников немецкого происхождения: Карл Эрнст Леманн (1814—1882) — последователь Энгра, имел громкий успех во Франции и в 1851 г. принял французское гражданство. Его брат Родольф Леманн (род. в 1819 г.), живший в Риме, был преимущественно автором жанровых картин из жизни Италии.
- С. 410.* Цестий Кай — богатый римлянин, известный благодаря его великолепной усыпальнице, построенной наследниками и получившей название «пирамида Цестия».
- С. 411.* Траян (53—117) — римский император.
- С. 412.* Луциллий Кай (ок. 180—102 гг. до н. э.) — римский поэт.
- С. 413.* Полигимния — в античной мифологии муза священных гимнов и лирической поэзии.
- С. 413.* Аспасия (V в. до н. э.) — афинская гетера, отличавшаяся умом, образованностью и красотой; в ее доме собирались философы, художники, поэты.
- С. 413.* Юнона — в римской мифологии одна из верховных богинь, супруга Юпитера.
- С. 414.* Домициал (51—96) — римский император.
- С. 419.* Медуза — в греческой мифологии одна из трех горгон (крылатых женщин-чудовищ со змеями вместо волос; их взгляд превращал все живое в камень). Медуза, будучи единственной смертной среди них, была обезглавлена Персеем.
- С. 420.* Лоренцо Медичи (1449—1492) — представитель знатного итальянского рода, игравшего важную роль в Италии средних веков и Возрождения. Правил Флоренцией с 1469 г.
- С. 423.* Франциск I (1494—1547) — французский король.
- С. 424.* Томазо Феда Ингирани — искаженное Ингирами Томазо Федра (1470—1516) — итальянский актер, оратор, филолог, гуманист; прозван Федрой за великолепное исполнение роли Федры в трагедии Сенеки (см. примеч. к с. 000).
- С. 424.* Парки — в римской мифологии богини судьбы.
- С. 424.* Корнаро — знаменитый род венецианских патрициев, многие представители которого были дожами Венеции.
- С. 425.* Катилина (ок. 108—62 гг. до н. э.) — римский претор (высшее должностное лицо в древнем Риме), в 66—63 гг. пытался захватить власть.

Путешествие в Карфаген

С. 428. Пьёверкерк Альфред Эмильен (1811—1892) — французский скульптор (голландского происхождения), занимавший также административные посты в государстве.

С. 428. Кастелан Бонифас (1788—1862) — французский военачальник, один из участников государственного переворота 1851 г.

С. 428. Буйабес (прованс.) — специфическое провансальское блюдо — рыбная похлебка.

С. 430. «Парижские тайны» — роман французского писателя Э. Сю (1842).

С. 433. Кур Жозеф Дезире (1797—1865) — французский живописец, пользовавшийся при жизни широкой известностью.

С. 437. Карагёз (тур., букв. «черноглазый») — главная фигура в турецкой народной комедии марионеток или теней. Постоянно попадает в комические или трагикомические ситуации; содержание пьес очень фривольное.

С. 439. Империя — политический режим во Франции с 1804 по 1814 г., когда императором был Наполеон I.

С. 439. Реставрация — политический режим во Франции с 1814 по 1830 г., во время которого трон принадлежал последним королям из династии Бурбонов — Людовику XVIII и Карлу X.

С. 441. Принц де Жуанвиль Франсуа д'Орлеан (1818—1900) — сын французского короля Луи-Филиппа.

С. 463. Вакри Огюст (1819—1895) — французский писатель.

С. 463. Тексье Шарль Феликс Мари (1802—1874) — французский археолог; по заданию правительства в 1834—1839 гг. совершил четыре путешествия на Восток, в результате которых собрал и опубликовал обширный материал по истории, культуре, нравам, архитектуре народов Малой Азии и Византии, также по географии и геологии.

С. 463. Карр Альфонс (1808—1890) — французский писатель.

С. 464. Фейдо Эрнест (1821—1873) — французский писатель, племянник и литературный ученик Флобера; автор книги об истории погребальных обрядов у древних народов.

С. 464. Персон — сценическое имя французского актера Луи Франсуа Дюмена (1831—1893).

С. 464. Буайе Огюстен (1821—1896) — французский книгоиздатель.

С. 464. Жанен Жюль (1804—1874) — французский литературный критик и писатель.

С. 464. Плесси, Плесси-Арну Жанна Сильвани (1819—1897) — французская актриса.

С. 464. Юшар Марио (1824—1893) — французский драматург.

С. 464. Шоль Орельен (1833—1902) — французский литератор.

С. 464. Сен-Виктор Поль (1827—1881) — французский театральный критик.

С. 464. Паскье Этьен Дени (1767—1862) — французский политический деятель, автор «Мемуаров» (1848—1862) и других сочинений.

С. 464. Сент-Бев Шарль Огюстен (1804—1869) — французский литературный критик, поэт и писатель.

С. 464. Сандо-Жюль (1811—1883) — французский писатель.

С. 464. Мори Луи Фердинанд Альфред (1817—1892) — французский археолог.

С. 464. Маршаль Шарль (1822—1870) — французский литератор.

С. 464. Гозлан Леон (1803—1866) — французский литератор, журналист.

С. 464. Гате Жозеф Леон (род. в 1805 г.) — французский композитор.

С. 464. Тео — имеется в виду французский писатель Теофиль Готье (1811—1872), один из друзей Флобера.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. В. Соколова.</i> Гюстав Флобер — путешественник . . .	5
Египет, октябрь 1849 — июль 1850 г.	28
Палестина, июль — октябрь 1850 г.	165
Родос, октябрь 1850 г.	240
Малая Азия, Смирна. От Смирны до Константинополя через Дарданеллы, октябрь — ноябрь 1850 г.. . . .	253
Константинополь, ноябрь — декабрь 1850 г.	274
Афины и окрестности Афин, декабрь 1850 — февраль 1851 г.	293
Италия, февраль — июнь 1851 г.	361
Путешествие в Карфаген, 12 апреля — 12 июня 1858 г.	428
Записи, сделанные в Круассе в субботу 12 июня 1858 г.	461
Примечания	467

Научно-художественное издание

Флобер Гюстав
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК
Путевые заметки

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Заведующая редакцией В. Д. Подберезская. Редактор Н. С. Смирнов.
Младший редактор М. И. Новицкая. Художник Б. Г. Дударев.
Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор
Г. А. Никитина. Корректор Е. В. Карюкина.

ЛР № 020910 от 02.09.94

ИБ № 16326

Сдано в набор 04.12.91. Подписано к печати 21.03.95
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2
Усл.п.л. 25,2 + 0,42 вкладка. Усл. кр.-отг. 25,93. Уч.-изд.л. 24,69
Тираж 3000 экз. Изд. № 7387. Зак. № 2537 . «С»-1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва, К-51, Цветной бульвар, 21

Типография № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

